

НОЙ ГОРДОН

ШАМАН

Лекарь Роб Коул передал потомкам не только свое имя, но и удивительный дар... В Новом Свете, среди племени сауков, продолжателя династии Роба Коула считают белым шаманом. Знал ли он, спасая смертельно больную Сару, что делает это для себя? Мог ли предположить, что их сына Шамана ему излечить не удастся, но, даже оглохнув, мальчик не откажется от призвания врача?

Ной Гордон

«Шаман»

Эта книга с любовью посвящается Лоррен Гордон, Ирвингу Куперу, Сис и Эду Плоткинам, Чарли Ритцу, а также светлой памяти Изы Ритц

Предисловие

Писатель Ной Гордон широко известен читателям США и Европы. Его мастерство заслужило высокую оценку профессионалов — роман «Шаман», который вы держите в руках, принес ему премию имени Дж. Ф. Купера за лучший исторический роман. В нашей стране писатель также начинает приобретать популярность. Первый его роман «Лекарь. Ученик Авиценны» покорила тысячи русскоязычных читателей. Уверены, что и книга «Шаман», продолжающая трилогию о семье врачей Коулов, найдет своих читателей.

Со времени действия романа «Лекарь» прошло несколько столетий. Но и в XIX веке по установившейся традиции первенец в каждом поколении Коулов получает имя Роберт — в честь основателя династии. Вместе с именем многие из них наследуют от далекого предка талант врача и дар интуитивно определять запас жизненных сил пациента. В силу сложившихся обстоятельств Роберт Джадсон Коул вынужден покинуть родную Шотландию. Он бежит в Новый Свет, не зная, как сложится его жизнь, но будучи твердо уверенным в одном: его долг — спасти человеческие жизни. Однако Бостон не был гостеприимен к иммигрантам. Шаг за шагом Роберт завоевывает доверие и уважение коллег, но достатка и счастья ему это не приносит. Оказавшись перед лицом необходимости изменить свою жизнь, Роберт покидает шумный город, чтобы строить будущее на новом месте. Обосновавшись на Среднем Западе, в Иллинойсе, он знакомится с индейской целительницей из племени сауков, которая помогает ему лучше понять землю, ставшую для него новой родиной.

Здесь же он встретил и полюбил женщину, которая стала ему верной женой. Однако ни его мастерство врача, ни старания индейской целительницы не смогли помочь их сыну, Роберту Джефферсону. К горю всей семьи, мальчик в пятилетнем возрасте полностью утратил слух. Казалось бы, глухой ребенок обречен остаться одиноким, но благодаря любви и стараниям родных болезнь не помешала ему расти счастливым. И хотя отец уверен, что сын, к сожалению, не сможет продолжить его дело, Роберт Джефферсон, получивший прозвище Шаман, готов сделать все возможное и невозможное, чтобы стать врачом...

Судьбы героев книги тесно переплетаются с историей Соединенных Штатов, событиями Гражданской войны Севера и Юга. Прделанный писателем огромный труд по изучению и использованию материалов, касающихся этой эпохи, вызывает восхищение. Читатель полностью погружается в созданный автором мир, проникается к нему уважением и доверием. Реалистичность произведения, помимо подробного выписанного исторического фона, придает упоминание множества, казалось бы, незначительных деталей быта, принятых в то время способов лечения болезней, господствующих представлений о мире. И пусть герои книги никогда не существовали на самом деле, хочется верить, что в трудную минуту рядом окажется именно такой врач. Конечно, он и его друзья не идеальны, но их поступки и их жизнь — пример того, как один человек способен сделать мир хоть немного лучше, как каждый может прожить отмеренные ему дни с честью, не изменяя своим принципам и оставаясь счастливым.

Эта книга не только увлекает, но и оставляет светлый след в душе, когда перевернута последняя страница. Надеемся, что ее чтение подарит несравненное удовольствие всем ценителям хорошей литературы.

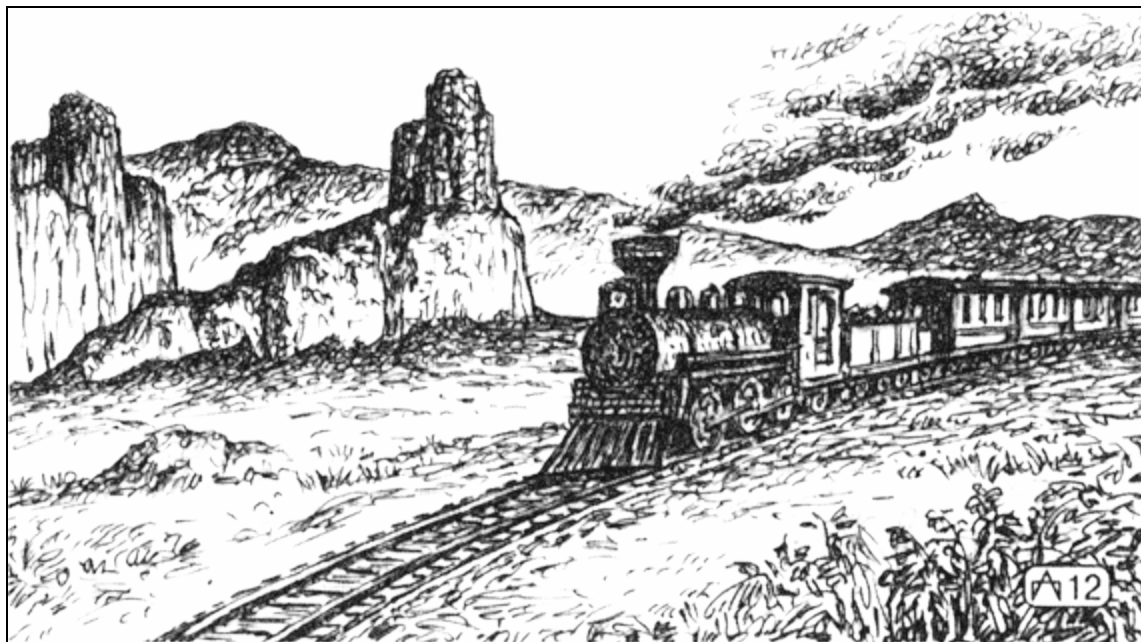
«У вас есть огонь, но маловато жара», — весьма деликатно, но слишком откровенно объяснил ему преподаватель портретной живописи. После этих слов Роб пребывал в подавленном состоянии, пока не произошли два события. В пыльных архивах университетской библиотеки он обнаружил анатомический рисунок. Это было очень старое, возможно еще времен Леонардо да Винчи, изображение нагого мужского тела, нарочно разрезанного для демонстрации внутренних органов и кровеносных сосудов. Рисунок назывался «Второй прозрачный человек», и юноша с удивлением и радостью понял, что он выполнен одним из его предков: внизу сохранилась подпись — «Роберт Джеффри Коул, в подражание Роберту Джереми Коулу». Это говорило о том, что в его роду были и художники, а не только лекари. А два дня спустя он случайно забрел в операционную, где ему привелось увидеть Вильяма Фергюсона — гения, который проводил хирургические операции твердой рукой и со скоростью молнии, чтобы свести к минимуму шок пациента от ужасной боли. Именно в тот момент Роб Джей впервые понял всех своих многочисленных предков — докторов Коулов, поскольку осознал, что никакое, даже самое великолепное полотно никогда не сможет быть дороже жизни одного-единственного человека. И в это самое мгновение медицина призвала его к себе.

Все персонажи данной книги, за исключением некоторых общественных деятелей, вымышлены, и любое сходство с реальными людьми, живущими сейчас или жившими ранее, совершенно случайно.

Часть первая

Возвращение домой

22 апреля 1864 г.

1

Стук-перестук

В то прохладное утро, подъезжая к станции Цинциннати, «Дух Де-Мойна» издал громкий гудок. Шаман догадался о приближении поезда по легкому, едва ощутимому подрагиванию деревянной станционной платформы, которое сменилось сильной дрожью досок, и в конце концов весь пол у него под ногами заходил ходуном. Разрезав мрачный серый полумрак, стальное чудовище вторглось на станцию, принесло сильные запахи горячей смазки и пара, рванулось к молодому человеку. На черном драконовом теле паровоза сверкала медная фурнитура, по бокам двигались могучие шатуны, а из трубы, словно струя у кита, извергнулся фонтан белого дыма — а затем поплыл назад и распался на отдельные тучки, когда поезд замедлил ход и остановился.

В третьем вагоне несколько твердых деревянных сидений были свободны. Едва он успел занять одно из них, как состав вздрогнул и тронулся. Поезда еще были диковинкой, но лично у него они никакого восхищения не вызвали, ведь приходилось находиться в обществе множества людей. Он же предпочитал ехать верхом, в гордом одиночестве, погружившись в размышления.

Длинный вагон был битком набит солдатами, коммивояжерами, фермерами и женщинами с маленькими детьми и без них. Детские крики и плач мало беспокоили его, однако в воздухе висела едкая смесь мерзких запахов: несвежих чулок, испачканных пеленок, плохого пищеварения, потных и невымытых тел, а еще — дыма сигар и трубок. Окно,

похоже, было изначально не рассчитано на то, чтобы его открывали, но Шаман, крупный и крепкий мужчина, немного повозившись, все же сумел поднять раму — и сразу осознал свою ошибку. Впереди, в трех вагонах от них, из высокой трубы паровоза, помимо дыма и пепла, извергался сноп искр — и все они летели назад, попадая в открытое окно. Тлеющие угольки усеяли новое пальто Шамана, и оно задымилось. Кашляя и тихо ругаясь, он резко закрыл окно и принялся тушить пальто, хлопая по нему ладонями, пока все искры не погасли.

Женщина, сидящая по другую сторону прохода, посмотрела на него и улыбнулась. Она была лет на десять старше его и одета по последней моде. Ее наряд предназначался для путешествий: серое шерстяное платье без кринолина было отделано синей тканью, выгодно оттенявшей светлые волосы. На мгновение их взгляды встретились, но дама тут же опустила глаза на челночное кружево, лежащее у нее на коленях. Шаман благоразумно отвернулся: он носил траур по отцу, и мыслям о том, чтобы насладиться извечной игрой между мужчиной и женщиной, не было места.

Он взял с собой в дорогу серьезную, только что вышедшую книгу, но не мог сосредоточиться на тексте, его думы возвращались к отцу.

Кондуктор уже прошел почти через весь вагон, однако Шаман заметил его, лишь когда тот положил руку ему на плечо. Молодой человек вздрогнул, поднял глаза и увидел перед собой румяное лицо. Усы кондуктора походили на две напояженные ниточки, а еще он оказался обладателем рыжей с проседью бороды, которая сразу понравилась Шаману, поскольку совершенно не закрывала губ.

— Да вы, уважаемый, оглохли, что ли? — весело спросил кондуктор. — Я уже в третий раз обращаюсь — предъявите ваш билет, сэр.

Шаман рассеянно улыбнулся — такая ситуация была для него привычной.

— Да. Я действительно оглох, — объяснил он и показал билет.

Он смотрел, как за окном катятся назад широкие просторы прерии, хотя пейзаж совершенно не привлекал его: он был слишком однообразен. Кроме того, поезд очень быстро пролетал мимо: только остановишь на чем-то взгляд, а оно уже осталось далеко позади. Путешествовать лучше всего пешком или верхом. Всегда есть возможность притормозить, осмотреться, заскочить в трактир перекусить или справить нужду. Для пассажира поезда любое место тут же превращается в размытое пятно и исчезает.

Книга, которую он взял с собой, называлась «Больничные зарисовки». Ее написала какая-то женщина из Массачусетса по фамилии Олкотт, ухаживавшая за ранеными с самого начала войны. Изображенные ею страдания и кошмарные условия в госпиталях вызвали горячее обсуждение в медицинских кругах. Когда он читал эту книгу, то еще больше ужасался ситуации, невольно представляя себе, что эти страдания, возможно, выпали на долю его старшего брата, который воевал в разведке конфедератов и числился пропавшим без вести, если, конечно, не оказался среди неизвестных солдат, погибших в бою. Подобные мысли давали волю неизбывному горю и отчаянию из-за потери отца.

Он осмотрелся. В передней части вагона стошило худенького малыша. Его побледневшая мать, которая сидела в окружении тюков и трех других детей, подскочила к нему и поддержала ему голову так, чтобы он не запачкал их вещи. Шаман подошел к ней, когда она уже начала неприятную, но необходимую уборку.

— Давайте я помогу ему. Я врач.

— У нас нет денег, мы не сможем вам заплатить.

Жестом он показал, что денег не нужно. От рвотных спазмов мальчик вспотел, но кожа была прохладной, гланды не набухли, а глаза казались достаточно яркими.

Он спросил, как ее имя. Она ответила, что ее зовут миссис Джонатан Спербер, что она из Лимы, штат Огайо. Едет к мужу, фермеру, получившему вместе с другими квакерами участок земли в Спрингдейле, в пятидесяти милях к западу от Давенпорта. Мальчишку звали Лестер, ему уже исполнилось восемь лет. Он все еще был бледен, но, поскольку румянец постепенно возвращался на щеки, можно было заключить, что ничего серьезного с ним не случилось.

— Что он ел в последнее время?

Порывшись в засаленном мешке из-под муки, женщина со скорбным видом извлекла оттуда домашнюю колбасу. Колбаса была зеленого цвета, запах красноречиво говорил о степени ее «свежести». Господи боже...

— М-м-м... Вы давали ее всем своим детям?

Она кивнула, и он посмотрел на остальных малышей, невольно восхищаясь их желудками.

— Больше их этим кормить нельзя. Она уже слишком сильно испортилась.

Она поджала губы.

— Не слишком. Ее хорошо просолили; мы едали и похуже. Если бы колбаса была совсем не пригодна для еды, других бы тоже стошнило, да и меня вместе с ними.

Он достаточно хорошо знал поселенцев, причем любых религиозных убеждений, и потому прекрасно понял, что она на самом деле имела в виду: кроме колбасы, есть им совершенно нечего; либо есть испорченную колбасу, либо голодать. Он молча кивнул и вернулся на свое место. У него был с собой настоящий рог изобилия, свернутый из страниц газеты «Коммершиал», выходящей в Цинциннати: три толстых бутерброда с постной говядиной на черном хлебе, пирог с клубничным джемом и два яблока, которыми он несколько минут жонглировал, чтобы развеселить детей. Когда он отдал продукты миссис Спербер, она открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но затем молча закрыла его. Жене поселенца не выжить без здорового реализма.

— Мы в долгу перед тобой, друг, — взволнованно произнесла она.

Светловолосая женщина, сидящая по другую сторону прохода, внимательно наблюдала за действиями Шамана, но он снова попробовал углубиться в книгу. Тут вернулся кондуктор.

— Слушайте, я только сейчас понял, что знаю вас. Мальчишка доктора Коула, из Холден-Кроссинга. Верно?

— Верно. — Шаман понял, что его выдала глухота.

— Вы не помните меня? Я Фрэнк Флетчер. Я раньше выращивал зерно чуть дальше, по дороге на Хуппоул. Ваш отец заботился о нашей семье, о всех семерых, целых шесть лет, пока я не продал землю и не пошел работать на железную дорогу и мы не переехали в Ист-Молин. Я помню, как иногда вы приезжали вместе с отцом: вы были еще совсем маленьким, сидели позади него на лошади и держались изо всех сил.

Отец мог уделять внимание сыновьям только во время вызовов к пациентам на дом, и они с удовольствием присоединялись к нему в поездках.

— Теперь и я вас вспомнил, — ответил он Флетчеру. — И вашу ферму тоже. Белый каркасный дом, красный сарай с жестяной крышей. А в землянке вы хранили продукты.

— Так все и было, точно. Иногда приезжали вы, а иногда ваш старший брат. Как его звали?

— Алекс. Мой брат Алекс.

— Да. Где он теперь?

— В армии. — Шаман решил не уточнять, в какой именно.

— Еще бы. А вы сами? Выучились на священника? — спросил кондуктор, окинув взглядом черный костюм, который двадцать четыре часа тому назад висел на стойке в магазине Зелигмана в Цинциннати.

— Нет, я тоже стал врачом.

— Батюшки! Неужели вам столько лет?

Он почувствовал, как сжались его губы: молодость была более серьезным изъяном, чем отсутствие слуха.

— Я уже достаточно взрослый. Работал в больнице в Огайо. Мистер Флетчер... в четверг мой отец умер.

Улыбка кондуктора медленно угасла и сменилась выражением скорби. В искренности его горя не возникло никакого сомнения.

— Мы теряем лучших людей, правда? Война...

— Он умер в своем доме. В телеграмме было сказано — тиф.

Кондуктор покачал головой.

— Не могли бы вы передать своей матушке, что вместе с ней молится вся моя семья?

Шаман поблагодарил его и добавил, что ей будет приятно.

— На станциях по вагонам будут ходить торговцы товаром вразнос?

— Нет. Все берут еду с собой. — Кондуктор встревоженно посмотрел на него. — Вы не сможете купить ни кусочка, пока нам не поменяют паровоз в Канкаки. Ради всего святого, неужели вас не предупредили, когда вы брали билет?

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Я просто любопытствовал.

Кондуктор коснулся края форменного кепи и ушел. Женщина напротив Шамана потянулась к багажной полке, чтобы снять оттуда большую корзину из дубового лыка, и невольно продемонстрировала волнующие изгибы тела. Молодой человек подошел к ней и помог достать корзину.

Она благодарно улыбнулась.

— Вы обязательно должны помочь мне съесть припасы, — твердо заявила она. — Вы же видите, у меня хватит еды на целую армию!

С этим он не согласился, но допустил, что, возможно, взводу бы продуктов хватило, и вскоре налегал на жареную курицу, лепешки из тыквы и картофельный пирог. Эту картину и застал мистер Флетчер, подойдя с несвежим бутербродом с ветчиной, который ему удалось где-то выклянчить для Шамана. Он усмехнулся и объявил, что доктор Коул умеет добывать продовольствие куда лучше, чем Потомакская армия, и удалился, явно намереваясь не дать бутерброду окончательно пропасть.

Шаман больше ел, чем говорил, испытывая одновременно стыд и удивление от столь неуместного в данных обстоятельствах приступа голода. А вот женщина много говорила, едва притронувшись к еде. Ее звали Марта Мак-Доналд. Ее муж, Лиман, работал торговым агентом в Рок-Айленде, представляя интересы компании «Америкен фарм имплементс». Она выразила соболезнования по поводу потери Шамана. Когда она пододвигала поближе к нему очередную порцию провизии, их колени соприкоснулись. Это было приятно. Он давно понял, что женщины, узнав о его глухоте, либо шарахаются с отвращением, либо возбуждаются. Возможно, такую реакцию вызывал долгий зрительный контакт: пока они

говорили, он, не отрываясь, смотрел на них. Причина этого была весьма прозаичной: ему просто приходилось читать по губам.

Шаман не питал особых иллюзий в отношении своей внешности. Он был крупным и ловким. Благодаря правильным чертам лица и пронзительным голубым глазам, унаследованным от отца, его, по крайней мере, можно было назвать привлекательным. Хоть он и не отличался красотой, но излучал флюиды молодости, мужественности и превосходного здоровья.

Впрочем, ничто из вышеперечисленного не имело значения, когда речь шла о миссис Мак-Доналд. Он установил себе правило — столь же незыблемое, как и необходимость тщательно вымыть руки до и после операции — никогда не связываться с замужней женщиной. И, выждав некоторое время, чтобы не обидеть ее в лучших чувствах, он поблагодарил попутчицу за прекрасный обед и вернулся на свое место.

Большую часть дня он коротал за чтением. Луиза Олкотт писала об операциях, проводимых без обезболивающих препаратов; о смертях, вызванных загноением ран; об антисанитарных условиях в больницах, пропитанных запахом разложения. Смерть и страдания всегда повергали его в печаль, но случаи, когда средствами медицины боль можно было снять, а смерть — предотвратить, однако врачи не исполнили свой долг до конца, вызывали у него бессильную ярость.

Ближе к вечеру снова пришел мистер Флетчер и объявил, что поезд движется со скоростью сорок пять миль в час — в три раза быстрее лошади — и не выказывает признаков усталости!

Шаман узнал о смерти отца из телеграммы, доставленной ему на следующее утро после того, как это случилось. Он изумленно подумал, что мир движется в эру больших скоростей и еще более быстрых сообщений, новых больниц и методов лечения, операций без мучений. Утомленный этими волнительными размышлениями, он мысленно раздел Марту Мак-Доналд и приятно провел полчаса, в подробностях представляя себе медосмотр, заканчивающийся соблазнением — самое безопасное, наиболее безобидное нарушение клятвы Гиппократата, которую он давал.

Но надолго отвлечься не получилось. «Папа!» Чем ближе к дому оказывался Шаман тем сильнее сжималось сердце. На глаза навернулись слезы. А ведь молодой мужчина, которому недавно исполнился двадцать один год, да еще и врач, не должен плакать при посторонних. «Папа...» Опустилась черная ночь, задолго до того, как в Канкаки им поменяли паровоз. Наконец, неожиданно скоро — не прошло и одиннадцати часов с тех пор, как они выехали из Цинциннати, — мистер Флетчер объявил о прибытии на станцию «Ро-о-ок А-а-айле-енд!»

Вокзал оказался настоящим оазисом света. Выйдя из поезда, Шаман тут же увидел Олдена: тот ждал его под газовым фонарем. Наемный работник хлопнул его по плечу, грустно улыбнулся и весело поздоровался:

— Вернулся домой, вернулся домой, стук-перестук.

— Привет, Олден. — Они ненадолго задержались под фонарем, чтобы поговорить. — Как она?

— Ну, понимаешь... Черт. До нее еще не дошло. Она почти ни минуты не оставалась одна: возле нее постоянно толчется много людей из церкви, да и преподобный Блэкмер весь день рядом с ней, в доме.

Шаман кивнул. Чрезмерная набожность его матери была для них всех настоящим

испытанием, но, если Первая баптистская церковь поможет им пройти через это, он будет ей весьма благодарен.

Олден сообразил, что весь багаж Шамана сможет уместиться в одну-единственную сумку, и потому взял двуколку с хорошими рессорами вместо бакборда [1], у которого рессор вообще не было. В двуколку запрягли Босса, серого мерина, которого так любил отец Шамана, и прежде, чем сесть, молодой человек погладил коня по морде. Как только они отправились в путь, разговор стал невозможен, ведь в темноте он не видел губ Олдена. От работника исходил привычный, домашний запах сена и табака, сырой шерсти и виски. Они переехали на другой берег реки Рокки по деревянному мосту и пустили лошадь рысью по дороге, ведущей на северо-восток. Двигались в непроглядной темноте, но Шаман знал здесь каждое дерево и камень. В некоторых местах лошади было трудно идти, потому что снег почти полностью растаял, превратив утопанную землю в жидкую грязь. Примерно через час пути Олден натянул вожжи, чтобы дать лошади отдохнуть, как он всегда поступал. Мужчины справили малую нужду на сыром нижнем выпасе Ганса Бакмана и немного побродили, чтобы размять мышцы. Вскоре они уже ехали по узкому мосту через реку недалеко от их фермы. Как только вдали показались дом и сарай, Шамана охватил страх. До сих пор все шло как всегда: Олден заехал за ним на вокзал в Рок-Айленде и доставил домой; но сейчас, когда они приедут, папа не выйдет им навстречу. Никогда не выйдет.

Шаман не стал сразу заходить в дом. Он помог Олдену распрячь коня и прошел вслед за ним в сарай, где зажег масляную лампу, чтобы они могли поговорить. Олден сунул руку в ворох сена и вытащил оттуда бутылку, где оставалась примерно треть содержимого, но Шаман покачал головой.

— Ты там, в Огайо, что, в трезвенники записался?

— Нет. — Он не мог ничего объяснить Олдену. Как и все Коулы, пить он совершенно не умел, но суть состояла в том, что давным-давно отец объяснил ему, что алкоголь лишает дара. — Просто редко пью.

— Ага. Ты похож на него. Но сегодня вечером выпить ст о ит.

— Не хочу, чтобы она почувствовала от меня запах. С ней и без того нелегко; не хватало еще из-за этого поругаться. Но оставь мне немного, ладно? Я заскочу сюда и допью, когда пойду в уборную, после того, как она ляжет спать.

Олден кивнул.

— Наберись терпения, — нерешительно посоветовал он. — Я знаю, с ней бывает тяжело, но... — Он удивленно замер, когда Шаман подошел к нему и обнял. Раньше они не обнимались — в мужской среде это просто не было принято. Работник смущенно похлопал Шамана по плечу. Буквально через мгновение Шаман отпустил его, погасил лампу и пошел через темный двор к кухне, где, после ухода всех утешителей, его ждала мать.

Утром голова у Шамана раскалывалась, хотя уровень коричневой жидкости в бутылке Олдена опустился лишь на несколько сантиметров. Спал он плохо: старый веревочный

матрац не перетягивали наново уже много лет. Во время бритья порезал подбородок. Но сейчас все это не имело никакого значения. Как и всех умерших от тифа, отца похоронили безотлагательно. Церковную же службу отложили до возвращения Шамана. Небольшое помещение Первой баптистской церкви было заполнено до отказа. Пришли пациенты трех поколений, которым отец помог появиться на свет или лечил от разных болезней, огнестрельных и ножевых ранений, сыпи в паху, переломов и бог знает чего еще. Преподобный Люциан Блэкмер произнес надгробную речь — с приличествующей теплотой, чтобы не вызвать возмущение у присутствующих, но достаточно сдержанную, чтобы прихожане ясно поняли — нет ничего хорошего в том, что при жизни доктор Роберт Джадсон Коул так и не приобщился к единственной истинной церкви.

Мать Шамана в который раз поблагодарила мистера Блэкмера за то, что, исключительно из уважения к ней, он разрешил предать ее мужа земле на кладбище при церкви.

Весь день в доме Коулов толпились люди. Большинство посетителей приносили с собой жаркое, блюда из фарша, пудинги и пироги, — в итоге еды оказалось так много, что печальное событие приняло едва ли не праздничный характер. Даже Шаман не удержался и полакомился своей любимой холодной закуской — кусочком печеного сердца. К этому блюду его приучила Маква-иква; он долгое время считал, что это индейский деликатес, как и вареная собачатина или белка, приготовленная вместе с внутренностями, и очень обрадовался, узнав, что многие его белые соседи тоже готовят сердце, как забьют корову или подстрелят оленя. Он как раз протянул руку за добавкой, когда, подняв глаза, увидел, что с противоположного конца помещения к его матери приближается Лилиан Гайгер. Она постарела и осунулась, но все еще оставалась привлекательной женщиной; эту красоту унаследовала и ее дочь Рэйчел. Лилиан надела на службу свое лучшее черное атласное платье, черное льняное верхнее платье, а на плечи набросила белую шаль; маленькая серебряная звезда Давида на цепочке покачивалась на ее худой груди. Шаман заметил, что она очень выборочно здоровалась с присутствующими: кое-кто, возможно, и поздоровался бы с еврейкой, но со сторонницей южан — никогда. Лилиан была кузиной Иуды Бенджамина, государственного секретаря конфедератов, а ее муж, Джей, отправился на родину, в Южную Каролину, в самом начале войны и вступил в армию Конфедерации вместе с двумя из трех своих братьев.

Когда Лилиан наконец пробилась к Шаману, с ее лица еще не сошла натянутая улыбка.

— Тетя Лилиан, — сказал он. Она вовсе не приходилась ему тетей, но, сколько он себя помнил, отношения между семействами Гайгеров и Коулов походили на родственные, и он всегда называл ее именно так. Ее взгляд смягчился.

— Привет, Роб Джей, — ласково ответила Лилиан, назвав его настоящим именем, которое использовала только она (все остальные называли так его отца): прозвище «Шаман» ей решительно не нравилось. Она поцеловала его в щеку, но не стала высказывать соболезнования.

Из последнего письма Джейсона, сообщила Лилиан (весточки от него приходили редко, ведь им приходилось пересекать линию фронта), ей стало известно, что муж здоров и, похоже, находится в относительной безопасности. До войны он был аптекарем, и потому в армии его сразу же поставили управляющим небольшого госпиталя в Джорджии, а сейчас он дослужился до коменданта крупного госпиталя на берегу Джеймс-ривер в Виргинии. В последнем письме, добавила Лилиан, муж сообщил ей, что его брат, Джозеф Рубен

Гайгер — фармацевт, как и остальные мужчины в его семье, но единственный, кто пошел в кавалерию, — был убит в битве при Геттисберге.

Шаман кивнул с сумрачным видом, тоже предпочтя не произносить стандартного набора соболезнований, которых он сегодня в избытке наслушался от всех пришедших сюда.

— А как поживают ваши дети?

— Прекрасно, просто прекрасно. Мальчики так выросли, Джей их просто не узнает! Они едят как тигры.

— А Рэйчел?

— Год назад, в июне, она потеряла мужа, Джо Регенсберга. Он умер от брюшного тифа, как и твой отец.

— Надо же, — вздохнул он. — Я слышал, что прошлым летом брюшной тиф свирепствовал и в Чикаго. Рэйчел миновало это несчастье?

— О да. У Рэйчел, у ее сына и дочери все очень хорошо. — Лилиан нерешительно помолчала. — Она встречается с другим мужчиной, кузеном Джо. Об их помолвке объявят после того, как пройдет год траура.

Вот как. Странно, что после стольких лет это известие больно его задело.

— Вам нравится быть бабушкой?

— Да, очень, — призналась Лилиан и, отойдя от него, углубилась в негромкую беседу с миссис Пратт, чья земля примыкала к участку Гайгеров.

Уже вечерело, когда Шаман наполнил тарелку едой и отнес ее в маленькую душную хижину Олдена Кимбела, где всегда пахло древесным дымом. Работник сидел на койке в нижнем белье и пил что-то из кувшина. В честь панихиды ноги у него были чисто вымыты. Второй комплект шерстяного нижнего белья, скорее серый, чем белый, висел посреди хижины на неприхотливом приспособлении для сушки: в рукава вставлена палка, привязанная шнурком к гвоздю в потолочной балке.

Олден протянул кувшин Шаману, но тот отрицательно покачал головой и сел на единственный деревянный стул. Смотрел, как ест Олден.

— Будь моя воля, я похоронил бы папу на нашей собственной земле, на том участке, который выходит к реке.

Олден покачал головой.

— Она бы на это не пошла. Слишком близко к могиле индианки. До того, как ее... убили, — сказал он, тщательно подбирая слова, — о них двоих ходило много слухов. Твоя мать жутко ревновала.

Шаман едва сдержался, чтобы не засыпать его вопросами о Макве и своих родителях, но в конце концов решил, что нехорошо обсуждать это с Олденом. Махнув на прощание рукой, он удалился. Уже смеркалось, когда он спустился к реке, к развалинам *гедоносо-те* Маква-иквы. Один конец лонгхауса сохранился, на втором конце стойки и стропила сгнили, и он провалился вовнутрь. Очевидно, здесь обрели пристанище змеи и грызуны.

— Я вернулся, — сказал он.

Он ощущал присутствие Маквы. Она уже давно умерла; и теперь все, что он чувствовал к ней, это запоздалое сожаление, хоть и померкшее на фоне горя от потери отца. Он хотел обрести здесь утешение, но его окружал лишь ее ужасный гнев, такой явственный, что волосы у него на затылке встали дыбом. Неподалеку находилась ее могила — ничем не отмеченная, но очень ухоженная: трава подстрижена, а граница обозначена специально высаженными туда дикими желтыми красодневами, взятыми с соседнего участка,

расположенного вдоль берега реки. Над влажной землей уже показались зеленые ростки. Это, должно быть, его отец смотрел за могилой. Шаман опустился на колени и выдернул несколько сорняков.

Уже почти стемнело. Ему почудилось, будто Маква пытается ему что-то сказать. Это и прежде случалось, и он почти поверил, что именно по этой причине он чувствовал ее гнев: она хотела, но не могла сказать ему, кто убил ее. Он хотел спросить у нее, что ему делать теперь, когда отца больше нет. Подул ветер, и вода на реке пошла рябью. Он увидел первые неяркие звезды и задрожал. Зимний холод еще не ушел, подумал он и направился обратно к дому.

На следующий день, прекрасно понимая, что должен держаться поблизости на случай, если заглянут припозднившиеся гости, Шаман облачился в рабочую одежду и все утро вместе с Олденом купал овец в дезинфицирующем растворе против паразитов. Родилось несколько ягнят, и он кастрировал молодых барашков. Олден состряпал себе обед из этих «устриц прерий», пожарив их с куриными яйцами.

Днем, выкупавшись, Шаман снова надел черный костюм и пришел в гостиную, посидеть с матерью.

— Ты бы лучше разобрал вещи своего отца и решил, что и кому отдать, — заявила она.

Несмотря на почти полностью седые, а когда-то светлые волосы, его мать оставалась самой интересной женщиной из всех, кого он когда-либо видел — с красивым тонким носом и чувственным ртом. То, что всегда стояло между ними — что бы это ни было, — никуда не исчезло, но она чувствовала, как ему не хочется выполнять ее просьбу.

— Роберт, рано или поздно тебе все равно придется это сделать, — напомнила она.

Она собиралась отнести пустую посуду в церковь, где ее разберут прихожане, которые принесли еду на похороны. К тому же она хотела встретиться с преподобным Блэкмером.

— Пойдем со мной, — предложила мать, но он лишь покачал головой, хотя прекрасно знал, что она непременно разразится длинной тирадой на тему, почему он должен принять Бога. Его всегда поражала буквальная вера матери в небеса и ад. Вспомнив ее старые ссоры с отцом, он решил, что ей, наверное, особенно тяжело теперь: ее муж, отказавшись от крещения, не будет ждать ее в раю.

Она подняла руку и указала на открытое окно.

— Кто-то скачет сюда.

Она прислушалась к разговору внизу и горько усмехнулась.

— Одна женщина спросила Олдена, здесь ли доктор, сказала, что ее муж ранен, лежит дома. Олден отвечает, мол, доктор умер. Тогда она спрашивает: «Молодой доктор?» А Олден ей: «О нет, он здесь».

Шаман засобиравшись к раненому. У дверей на привычном месте висела медицинская сумка отца. Мать принесла ее и вручила сыну.

— Возьми фургон, рессоры уже подтянули. Я пойду в церковь позже.

Упомянутой женщиной оказалась Лидди Гичер. Она и ее муж, Генри, купили участок Бьюкенена. Это было, когда Шаман уже уехал. Он хорошо знал дорогу — ехать нужно было всего лишь несколько миль. Выяснилось, что Гичер упал со стога сена. Там его и обнаружили. Дыхание было неглубоким и явно причиняло ему боль. Он застонал, когда они попытались раздеть его, поэтому Шаман разрезал одежду — очень аккуратно, стараясь идти

по швам, чтобы миссис Гичер могла потом снова все сшить. Крови не было, только большой кровоподтек и распухшая левая лодыжка. Шаман достал из сумки стетоскоп отца.

— Подойдите сюда, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы сказали мне, что вы слышите, — обратился он к женщине и приставил раструб к груди ее мужа. Миссис Гичер приложила ухо к верхней части прибора. Шаман дал ей достаточно много времени, чтобы послушать легкие пострадавшего, а сам левой рукой сжимал раструб, кончиками же пальцев правой руки измерял пульс.

— Бум-бум-бум-бум! — прошептала она.

Шаман улыбнулся. Пульс Генри Гичера был учащенным, но чего еще можно ожидать в такой ситуации?

— Что еще вы слышите? Не торопитесь.

Она старательно прислушалась.

— Нет ли тихого треска, будто кто-то мнет сухую солому?

Она покачала головой.

— Бум-бум-бум.

Хорошо. Значит, сломанное ребро не пробило легкое. Он убрал стетоскоп и тщательно, дюйм за дюймом ощупал тело Гичера. Поскольку он ничего не слышал, ему приходилось быть более внимательным и куда больше полагаться на остальные чувства, чем большинству докторов. Взяв мужчину за руку, Шаман кивнул, обрадовавшись тому, что сообщил ему дар. Гичеру повезло: он приземлился на достаточно толстый слой старого сена, и это смягчило удар. Он упал прямо на ребра, поэтому врач не нашел ни одного признака сложного перелома. Пожалуй, ребра с пятого по восьмое сломаны, и, возможно, девятое тоже. Когда он наложил повязку, дышать Гичеру явно стало легче. Шаман проделал те же манипуляции с лодыжкой и достал из сумки бутылочку болеутоляющего, состоявшего в основном из спирта с небольшими добавками морфия и лекарственных трав.

— Ему будет больно. Давайте по две чайных ложки каждый час.

Доллар — за вызов на дом, пятьдесят центов — за перевязку, еще пятьдесят центов — за лекарство. Но работа была сделана лишь наполовину. Вторая ее часть — ближайшие соседи Гичера, Райсманы, до них на лошади десять минут ходу. Шаман направился к ним и договорился с Тодом Райсманом и его сыном Дэйвом, чтобы они выполняли кое-какую работу на ферме Гичера в ближайшую неделю, пока Генри не станет на ноги.

По пути домой он пустил Босса шагом, наслаждаясь весной. Чернозем был все еще слишком влажным для пахоты. В то утро на пастбищах Коулов он увидел, что уже появляются маленькие цветы: фиолетовые сераделлы, оранжевые воробейники, розовые флоксы прерий, — это означало, что через несколько недель равнины покроются ковром более высоких и очень ярких растений. Он с удовольствием вдохнул знакомый, насыщенно-сладкий запах удобренных полей.

Когда он вернулся домой, там никого не оказалось, а на крючке отсутствовала корзина для яиц — это означало, что мать пошла в курятник. Он не пошел за ней, а стал исследовать медицинскую сумку, прежде чем вернуть на место у двери, словно видел ее впервые. Кожа уже потерлась, но это была хорошая воловья кожа, она еще прослужит очень и очень долго. Инструменты, перевязочный материал и лекарства лежали внутри так, как их разложили руки его отца: аккуратно, в определенном порядке, все самое необходимое.

Шаман отправился в кабинет отца и принялся тщательно его осматривать: порылся в ящиках стола, открыл кожаный сундук, рассортировывая вещи на три категории: для

матери — все мелкие предметы, как память об отце; для старшего брата — шпук пять свитеров, которые Сара Коул связала из шерсти их собственных овец, чтобы доктор не мерз во время вызовов холодными вечерами; принадлежности для охоты и рыбалки и настоящее сокровище — достаточно новый (по крайней мере, Шаман видел его впервые) кольт сорок четвертого калибра, применявшийся в армии Техаса, с рукоятью из черного ореха и нарезным дулом длиной девять дюймов. Тот факт, что он обнаружил оружие, удивил и шокировал его. Ведь его отец всегда был пацифистом. Он согласился лечить солдат Союза, но соблюдал при этом строгий нейтралитет. Шаман был уверен, что он никогда бы не взял в руки оружие. Зачем он купил этот, очевидно, дорогой револьвер?

Книги по медицине, микроскоп, медицинская сумка, большая аптека трав и лекарств будут полезны Шаману в его практике. В чемодане под микроскопом оказалось целое собрание книг — вернее, томов, сшитых из конторской бумаги. Шаман просмотрел их и понял, что нашел дневник отца, который тот вел всю свою жизнь.

Том, который он выбрал наугад, был датирован тысяча восемьсот сорок вторым годом. Пролистывая его, Шаман обнаружил богатый, хоть и разрозненный набор врачебных заметок, рецептов лекарств и личных записей. В дневнике то и дело встречались эскизы: лица, анатомические рисунки, рисунок обнаженной беременной женщины в полный рост, в которой Шаман сразу узнал свою мать. Он внимательно рассмотрел ее молодое лицо и зачарованно уставился на запретную плоть, догадываясь, что в животе находится плод, который со временем превратится в него — Шамана. Он открыл другой том, написанный ранее, когда Роберт Джадсон Коул был молодым человеком и оказался в Бостоне, после того как сошел с корабля, прибывшего в Новый Свет из Шотландии. Здесь тоже был рисунок неизвестной Шаману обнаженной женщины. Черты ее лица были размыты, а вот вульва, напротив, изображена в клинических деталях, и он вдруг понял, что перед ним — рассказ отца о сексуальной связи с какой-то женщиной в пансионе.

Когда он прочитал текст целиком, он словно вернулся в детство. Земля стала вращаться в обратную сторону, время повернуло вспять. Тело уменьшилось в размерах, и к нему вернулись хрупкие тайны и муки юности. Он снова стал мальчиком, который тайком пробирался в отцовскую библиотеку и читал запрещенные книги, искал слова и картинки, которые открыли бы ему все тайные, основополагающие, возможно, совершенно замечательные вещи, которые происходили между мужчиной и женщиной. Его било мелкой дрожью, он стоял и прислушивался, опасаясь, что сейчас войдет отец и застукает его на месте преступления.

Внезапно он уловил волны вибрации от закрывающейся двери черного хода — это мать вернулась из курятника, — и заставил себя закрыть книгу и положить ее обратно в сундук.

За ужином он сказал матери, что уже начал просматривать вещи отца и принесет с чердака пустую коробку, куда уберет то, что собирается отдать брату.

Между ними повис невысказанный вопрос: жив ли Алекс, вернется ли он, сможет ли когда-нибудь воспользоваться этими вещами, — но в конце концов Сара лишь кивнула. «Хорошо», — только и сказала она, явно испытывая облегчение оттого, что он все же взялся за неприятное дело.

Ночью, безуспешно пытаясь уснуть, Шаман пытался убедить себя в том, что если он и дальше станет читать дневник отца, то превратится в вуайериста, незваного гостя в жизни родителей, который прокрался даже в их спальню, и что долг предписывает ему сжечь записи. Но логика подсказывала, что отец написал все это, чтобы донести суть своей жизни.

Шаман лежал в продавленной кровати и спрашивал себя, как на самом деле жила и умерла Маква-иква. Он боялся, что правда может скрывать в себе серьезную опасность.

Он встал, зажег лампу и осторожно, чтобы не разбудить мать, прошел по коридору.

Подкрутил коптящий фитилек и увеличил огонь до максимума. Все равно лампа давала очень мало света, при нем едва ли можно было разобрать текст. В кабинете было неуютно и холодно, что и неудивительно — в такой-то час. Шаман взял первый том и принялся читать. Постепенно неудобства, связанные с плохим освещением и низкой температурой в комнате перестали для него существовать: настолько глубоко он погрузился в жизнь своего отца и начал узнавать о своей собственной жизни больше, чем мог себе представить.

Часть вторая

Свежий холст, новая картина

11 марта 1839 г.

3

Иммигрант

В первый раз Роб Джей Коул узрел Новый Свет туманным весенним днем, когда пакетбот «Комрент» — неуклюжее судно с тремя невысокими мачтами и парусом на бизани, являющееся тем не менее гордостью «Блэк Болл Лайн»^[2] — засосало приливом в просторную гавань, и оно, бросив якорь, стало качаться на волнах. Если смотреть с пристани, Восточный Бостон был невелик: всего лишь несколько рядов кое-как сколоченных деревянных домов. Но когда на одном из пирсов Роб заплатил три пенса и сел на небольшой паром, прокладывая себе путь сквозь внушительное собрание судов, двигаясь через всю гавань к главной торговой части города — растянувшемуся вдоль берега ряду многоквартирных домов и магазинов, источающих умиротворяющий запах гниющей рыбы, затхлой трюмной воды и просмоленных тросов, то словно очутился в каком-то шотландском порту.

Роб был высоким и широкоплечим, крупнее, чем большинство его соотечественников. Когда он пошел извилистыми, выложенными булыжником улицами, удаляясь от портовой части города, то понял, как трудно ему стало двигаться: за время рейса мышцы отвыкли от подобных нагрузок. На левом плече он нес тяжелый сундук, а правой рукой осторожно, словно женщину, прижимал к себе большой струнный инструмент. Он впитывал Америку всеми фибрами своей души. Улицы, узкие настолько, что по ним с трудом могут проехать фургон или карета; здания, большей частью деревянные или построенные из ярко-красного

кирпича; магазины, забитые всевозможным товаром, щеголяющие красочными вывесками с позолоченными буквами. Он с трудом сдерживался, чтобы не глазеть на женщин, идущих в магазин или выходящих на улицу: его снедало непреодолимое, как жажда у пьяницы, желание ощутить запах женщины.

Он заглянул в гостиницу под названием «Америкен хаус», но его смутили роскошные люстры и турецкие ковры: в подобном заведении цены явно непомерные. В столовой на улице Юнион-стрит он съел миску ухи и спросил у официантов, не могут ли они порекомендовать ему приличный, но недорогой пансион.

— Приятель, ты бы определился, какой пансион тебе нужен: приличный или недорогой, — усмехнулся один из них. Но другой официант покачал головой и отправил его в заведение миссис Бартон на Спринг-стрит.

Единственная свободная на тот момент комната изначально служила помещением для прислуги и располагалась между конурой батрака и клетушкой горничной. Это была крошечная каморка под свесом крыши, и, чтобы добраться до нее, приходилось подниматься на три лестничных пролета — здесь явно жарко летом и холодно зимой. В комнатке стояла узкая кровать, тумбочка с треснувшим умывальником и белый ночной горшок, покрытый льняным полотенцем с вышитыми на нем синими цветами. Луиза Бартон объяснила ему, что в оплату комнаты — доллар и пятьдесят центов в неделю — входит завтрак: овсянка, булочка и одно куриное яйцо. Она была вдовой, разменяла шестой десяток и обладала землистого цвета кожей и тяжелым взглядом.

— А это еще что за штука?

— Это называется «виола да гамба».

— Вы зарабатываете на пропитание, играя на виоле?

— Я играю для своего удовольствия, а кормит меня профессия врача.

Хозяйка пансиона кивнула, хотя он ее, очевидно, не убедил. Она потребовала плату вперед и сообщила, что еще за доллар в неделю он может столоваться в таверне недалеко от Бикон-стрит.

Как только она ушла, он рухнул в постель и весь день, а также вечер и ночь, проспал без сновидений, хотя изредка ему сквозь сон казалось, что под ним по-прежнему раскачивается корабль. Тем не менее проснулся он полным сил. Когда он спустился завтракать, то оказался за столом еще с одним постояльцем, Стэнли Финчем, служащим шляпного магазина на Саммер-стрит. Финч сообщил ему два факта первостепенной важности. Факт первый: можно заплатить привратнику, Лему Раскину, чтобы тот нагревал воду и наполнял ею оловянную ванну (двадцать пять центов в неделю). Факт второй: в Бостоне есть три больницы — Массачусетская городская больница, роддом и лор-клиника.

После завтрака Шаман поблаженствовал в ванне, начав тереть тело мочалкой, лишь когда вода остыла. Долго старался привести одежду в как можно более презентабельный вид. Когда он спускался в холл, то натолкнулся на горничную: та, стоя на четвереньках, мыла лестничную клетку. Ее обнаженные руки были усыпаны веснушками, а упругие ягодицы подрагивали от энергичных движений. Когда он проходил мимо, она подняла к нему угрюмое, круглое, как у кошки, лицо, и он заметил, что под чепчиком у нее рыжие волосы, причем именно того оттенка, который нравился ему меньше всего: сырой моркови.

В Массачусетской городской больнице он просидел несколько часов, прежде чем его принял доктор Уолтер Ченнинг — и, не теряя времени даром, немедленно сообщил ему, что больница полностью укомплектована врачебным персоналом. Точно такой же прием его

ожидал и в двух других лечебных заведениях. В роддоме молодой врач по имени Дэвид Хамфрис Сторер сочувственно покачал головой.

— Гарвардская медицинская школа каждый год выпускает врачей, которым приходится становиться в очередь, ожидая, когда освободятся места в штате, доктор Коул. По правде говоря, у приезжих очень мало шансов.

Роб Джей знал, о чем умолчал доктор Сторер: некоторым местным выпускникам помогали авторитет и связи семьи; точно так же в Эдинбурге он сам воспользовался преимуществом принадлежности к роду потомственных врачей — Коулов.

— На вашем месте я бы попробовал найти работу в другом городе — Провиденсе или Нью-Хейвене, — посоветовал ему доктор Сторер, и Роб Джей пробормотал слова благодарности и удалился. Однако буквально через минуту Сторер догнал его. — Знаете, есть одна возможность, — сообщил он. — Вам нужно побеседовать с доктором Уолтером Олдричем.

Кабинет этого терапевта находился в его доме, ухоженном каркасном здании белого цвета на южной стороне похожего на луг травянистого клочка, который носил гордое название городского парка. Поскольку было время приема, Робу Джейю пришлось довольно долго ждать своей очереди. Доктор Олдрич оказался полным мужчиной с густой седой бородой и пышными усами, которые, однако, были не в силах скрыть узкий, словно рана, рот. Он слушал рассказ Роба Джейя, время от времени задавая вопросы. Университетская больница в Эдинбурге? Под руководством хирурга Вильяма Фергюсона? Но по какой причине он отказался от подобной ассистентуры?

— Меня бы выслали в Австралию, если бы я не сбежал. — Он понимал, что в подобной ситуации врать нельзя. — Я написал памфлет, который вызвал бунт рабочих против английской короны, в течение многих лет обескровливавшей Шотландию. Завязалась драка, несколько человек погибли.

— Весьма откровенно, — кивнул доктор Олдрич. — Мужчина должен бороться за благосостояние своей страны. Мой отец и дед тоже сражались с англичанами. — Он вопросительно посмотрел на Роба Джейя. — Есть одна вакансия. В благотворительном обществе, которое направляет врачей оказывать помощь беднейшим слоям населения нашего города.

Похоже, работа была тяжелой и даже опасной; а когда доктор Олдрич сказал, что большинству врачей, выезжающих на дом к пациентам, платят пятьдесят долларов в год и что они с радостью хватаются за такую возможность получить опыт, Роб спросил себя: что врач из Эдинбурга может узнать о медицине в американских трущобах?

— Если вы также станете сотрудничать с Бостонской поликлиникой, я похлопочу о том, чтобы вы по вечерам ассистировали преподавателю в анатомическом театре Медицинской школы Тремонта. Это принесет вам еще двести пятьдесят долларов в год.

— Я сомневаюсь, что смогу существовать на триста долларов в год, сэр. У меня почти нет никаких сбережений.

— К сожалению, больше ничего предложить не могу. Вообще-то годовой доход составит триста пятьдесят долларов. Ваш участок — Восьмой район: совет управляющих поликлиники недавно проголосовал за то, чтобы платить работающему там врачу сто долларов вместо пятидесяти.

— Но почему Восьмой район платит вдвое больше, чем остальные?

Теперь настал черед доктора Олдрича говорить начистоту.

— Там живут ирландцы, — заявил он, и его голос был столь же сухим и бесцветным, как и губы.

На следующее утро Роб Джей поднялся по скрипящим ступеням в доме номер сто девять по Вашингтон-стрит и вошел в тесную аптеку, где находился единственный кабинет Бостонской поликлиники. В помещении уже толпились врачи, ожидающие назначений на текущий день. Когда очередь дошла до Роба, Чарльз К. Вильсон, заведующий поликлиникой, заговорил резко и деловито.

— Ага. Новый врач в Восьмой район, верно? Что ж, мы давно туда не заглядывали. Вас там ждут, — заявил он, склонившись над пачкой бланков, на каждом из которых были проставлены имя больного и адрес.

Вильсон объяснил правила и описал Восьмой район. Между доками и мрачной громадой Форт-хилл проходит Брод-стрит. Когда город только основали, окрестности населяли торговцы, построившие здесь просторные дома, чтобы все время находиться недалеко от складов и магазинов у береговой линии. Со временем они переехали в другие, более престижные районы, а опустевшие дома заняли рабочие-янки; позже им на смену пришли еще более бедные арендаторы — индейцы, и тогда же просторные помещения разделили на более мелкие; и наконец, из трюмов кораблей сюда хлынули иммигранты-ирландцы. К тому времени огромные здания уже обветшали, превратились в бараки и сдавались в субаренду за немислимо высокую плату. Складские помещения перегородили, так что теперь они представляли собой настоящие ульи из крошечных комнат без единого источника света или воздуха, а жилая площадь в них была настолько незначительной, что вокруг каждого здания появились уродливые, кособокие лачуги. В результате возникли ужасные трущобы, где в одной комнате порой обитало по двенадцать душ: жены, мужья, братья, сестры и дети; случалось, что все они спали вместе, в одной кровати.

Следуя указаниям Вильсона, он нашел Восьмой район. Вонь от Брод-стрит, миазмы, источаемые слишком немногочисленными туалетами, куда ходило слишком много людей, были запахом бедности, одинаковым в любом городе мира. Что-то в душе Шамана обрадовалось ирландским лицам, напомнив о принадлежности к кельтскому народу.

Первый бланк был выписан на имя Патрика Гейгана из Хаф-Мун-плейс; искомый дом с тем же успехом мог находиться на луне, поскольку Роб Джей почти сразу же заблудился в лабиринте улочек и переулков без каких-либо опознавательных знаков, берущих начало от Брод-стрит. Наконец, он дал пенни какому-то неумытому мальчишке, и тот привел его в тупичок, где толпились люди. Постоянно спрашивая дорогу, он оказался на последнем этаже одного из домов, где ему пришлось сначала пройти через комнаты, занятые двумя другими семьями, прежде чем он добрался до крошечного обиталища Гейгана. Но там он обнаружил только женщину, которая при свете свечи искала в волосах у ребенка.

— Где Патрик Гейган?

Робу Джею пришлось повторить это имя, и лишь затем он услышал хриплый шепот:

— Мой отец... Дней пять как умер. Воспаление мозга.

Шотландцы тоже использовали этот термин: он означал высокую температуру, после которой наступала смерть.

— Мои соболезнования, мадам, — тихо произнес он, но она даже не подняла головы.

Спустившись, он остановился и осмотрелся. Он знал, что в каждой стране есть такие улицы, словно предназначенные для существования несправедливости — такой

сокрушительной, что она создает свои собственные пейзажи, и звуки, и запахи: ребенок с мучнистым цветом лица, сидящий на крыльце и грызущий тонкую шкурку бекона, как собака — кость; три ботинка из разных пар, изношенные так, что починить их уже невозможно, украшающие замусоренный, немощеный переулок; пьяный мужской голос, исполняющий, словно церковный гимн, плаксивую песню о зеленых холмах покинутой родины; проклятия, выкрикиваемые с не меньшей страстью, чем молитвы; запах вареной капусты, перекрываемый несущейся отовсюду вонью от забитых стоков и различных видов грязи. Он был знаком и с бедными районами Эдинбурга и Пейсли, и с каменными зданиями ленточной застройки в десятке городов, где взрослые и дети уходят из дому еще затемно и плетутся на хлопчатобумажные и суконные фабрики, а возвращаются, еле волоча ноги, много часов спустя, когда темнота снова опустится на город, — таким образом, на улицу они выходят лишь по ночам. Его неожиданно поразила ирония ситуации, в которой он оказался: он сбежал из Шотландии, потому что боролся с силами, создавшими трущобы, подобные этим, но, оказавшись в новой стране, снова попал в то же болото.

Следующий бланк был выписан на имя Мартина О'Хара из Хэмфри-плейс — район лачуг и трущоб, который врезался в склон холма Форт-хилл, а добираться до него надо было по деревянной лестнице длиной в пятьдесят футов, такой крутой, что она очень походила на стремянку. Вдоль лестницы по склону спускалась деревянная же открытая сточная канава, по которой медленно стекали сточные воды Хэмфри-плейс, сливаясь внизу с отбросами Хаф-Мун-плейс. Поднимался он быстро, уже свыкаясь с новой работой.

Она, конечно, изматывала, но в конце дня его ожидали лишь скудная, торопливая трапеза и вечер, посвященный второй работе. По отдельности ни одно из этих двух занятий не дало бы ему достаточно денег, чтобы прожить месяц, а оставшихся сбережений хватит лишь на несколько обедов.

Анатомический театр и классная комната медицинского училища Тремонта представляли собой одно большое помещение над аптекой Томаса Меткалфа по адресу Тремонт-плейс, 35. Распоряжалась им группа гарвардских профессоров. Возмущенные бессистемным медицинским образованием, которое предлагала их *alma mater*, они разработали собственную программу трехлетних курсов, призванную, по их мнению, повысить качество подготовки врачей.

Профессор патологии, с которым ему предстояло работать в качестве преподавателя-ассистента, оказался низеньким кривоногим человечком лет на десять старше его. Профессор небрежно кивнул ему:

— Меня зовут Холмс. У вас большой опыт преподавания, доктор Коул?

— Нет. Я никогда и ничего не преподавал. Но у меня большой опыт в хирургии и проведении вскрытий.

Холодный кивок профессора Холмса говорил: посмотрим. Он кратко и в общих чертах обрисовал приготовления, которые следует сделать перед началом лекции. За исключением некоторых деталей, они оказались стандартными, уже знакомыми Робу Джею. Они с Фергюсоном вскрывали трупы каждое утро, перед тем как идти на обход — в исследовательских целях и просто чтобы попрактиковаться, поддержать ту скорость выполнения операций, которая помогала им спасать жизни. Он снял простыню с трупа худого юноши, надел длинный серый фартук и достал инструменты: студенты уже начали собираться.

Их оказалось всего лишь семеро. Доктор Холмс встал за кафедру, сбоку от

прозекторского стола.

— Когда я изучал анатомию в Париже, — начал он, — любой студент мог купить всего за пятьдесят су целое тело в месте, где их продавали ровно в полдень. Но в последнее время трупов для исследований не хватает. Этот юноша, шестнадцати лет от роду, умерший сегодня утром от отека легких, попал к нам от Управления по делам милосердия. Нынче вечером вы не станете производить вскрытия. На одном из предстоящих занятий тело разделят между всеми вами для изучения: двое получают по одной руке, еще двое — по одной ноге, остальные займутся туловищем.

Под аккомпанемент комментариев доктора Холмса Роб Джей вскрыл грудь юноши и начал вынимать органы и взвешивать их, четко объявляя о весе каждого, чтобы профессор мог записать данные. После этого в его обязанности входило указывать на различные участки тела, тем самым иллюстрируя лекцию профессора. Холмс говорил запинаясь, а голос у него оказался пронзительным, но Роб Джей сразу понял, что студенты слушают его лекции с восторгом. Он не боялся отпустить соленую шутку. Иллюстрируя особенности движений руки, он нанес мощный апперкот воображаемому противнику. Объясняя механику движения мышц ноги, он пнул ногой воздух, а демонстрируя работу мышц бедер, исполнил танец живота. Студенты ловили каждое его движение. В конце лекции они обступили доктора Холмса и засыпали его вопросами. Отвечая на них, профессор наблюдал, как его новый ассистент положил тело и анатомические образцы в резервуар с физраствором, вымыл стол, а затем вымыл и высушил инструменты и убрал их. Когда ушел последний студент, Роб Джей тщательно вымыл руки до локтей.

— Вы проявили себя достаточно хорошо.

А почему бы и нет, вертелось у него на языке, ведь эту работу может выполнить любой неглупый студент? Но вместо этого он смиренно уточнил, нельзя ли получить деньги авансом.

— Мне сообщили, что вы работаете на благотворительную поликлинику. Я когда-то был на вашем месте. Работа чертовски тяжелая и выбраться из нищеты не дает, но хороша как практика. — Холмс достал из кошелька две банкноты по пять долларов. — Вам хватит зарплаты за первые две недели?

Роб Джей постарался не выдать голосом чувства облегчения, заверив доктора Холмса, что этого достаточно. Они выключили лампы, попрощались в конце лестницы и разошлись в разные стороны. От осознания того, что в кармане у него лежат банкноты, кружилась голова. Когда он проходил мимо «Пекарни Аллена», тот как раз убирал с витрины подносы с печеньем, собираясь закрываться на ночь, и Роб Джей вошел и купил два пирога с ежевикой, чтобы отпраздновать первый рабочий день.

Он собирался съесть их у себя в комнате, но в доме на Спринг-стрит горничная еще не спала — заканчивала мыть посуду, — и он свернул в кухню и протянул ей пироги.

— Один из них ваш, если вы поможете мне украсть немного молока.

Она улыбнулась.

— Можете не шептать. Она спит. — Девушка ткнула пальцем в направлении комнаты миссис Бартон на втором этаже. — Если она заснула, то ее уже ничто не разбудит. — Она вытерла руки и достала кринку молока и две чистые чашки, и они насладились тайным сговором и воровством. Горничная сообщила ему, что ее имя Маргарет Холланд, но все зовут ее Мэг. Когда они закончили пировать, в уголках ее пухлых губ остался молочный след, и Роб Джей протянул руку через весь стол и уверенным движением хирурга стер улику

Урок анатомии

Он почти сразу увидел существенный недостаток системы, используемой поликлиникой: имена на бланках, которые он получал каждое утро, вовсе не принадлежали самым больным людям в окрестностях Форт-хилл. План заботы о здоровье граждан был несправедлив и недемократичен: бланки распределялись среди богатых меценатов поликлиники, которые раздавали их, кому хотели, чаще всего — собственным слугам, как награду. Нередко Роб Джей заходил в очередную квартиру, чтобы лечить ее обитателя из легкого недомогания, в то время как дальше по коридору находилось жилье безработного бедняка, умирающего из-за отсутствия медицинской помощи. Клятва, которую он дал, когда стал врачом, запрещала ему отказывать в лечении тяжело больному пациенту; однако, если он хотел сохранить рабочее место, то должен был возвращать бланки в офис в большом количестве и докладывать о том, что вылечил пациентов, чьи имена стояли на бумаге.

Однажды вечером, после занятий в медицинской школе, он поднял этот вопрос в беседе с доктором Холмсом.

— Когда я служил в поликлинике, то брал чистые бланки у друзей семей, которые жертвовали деньги, — сказал профессор. — Я снова возьму у них бланки и отдам их вам.

Роб Джей поблагодарил его за предложение, хотя настроение у него не улучшилось: он понимал, что не сможет собрать достаточное количество чистых бланков, чтобы вылечить всех нуждающихся пациентов в Восьмом районе. Для этого потребовалась бы целая армия врачей.

Часто случалось так, что самая отрадная часть дня у него начиналась поздно вечером, когда он возвращался на Спринг-стрит и проводил несколько минут с Мэг Холланд, украдкой поглощая припрятанные ею остатки еды. У него также вошло в привычку делать ей небольшие подношения: полный карман жареных каштанов, кусочек кленового сахара, несколько желтых яблок. Ирландка в свою очередь рассказывала ему местные сплетни: как мистер Стэнли Финч (второй этаж, прямо) хвастал — хвастал! — что влюбил в себя девчонку в Гарднере и бросил ее беременной; что миссис Бартон может быть как очень милой дамой, так и настоящей сукой, и предугадать ее настроение невозможно; что батрак, Лемюэль Раскин, живший в соседней с Робом Джейем комнате, любитель заложить за воротник.

Спустя неделю со дня их знакомства Мэгги подчеркнуто небрежно упомянула, что, стоит Лему получить полпинты бренди, он выпивает все за один присест и моментально засыпает беспробудным сном.

На следующий же вечер Роб Джей преподнес в подарок Лемюэлю бренди. Ожидание оказалось долгим, и он уже не раз успел подумать, что повел себя как дурак, а девчонка просто трепала языком. Старый дом по ночам наполняли звуки: скрип половиц, гортанный храп Лема, таинственные потрескивания в деревянной обшивке. Наконец с той стороны двери раздался еле различимый звук, лишь отдаленно напоминающий стук, и, когда Роб

открыл дверь, в его берлогу проскользнула Маргарет Холланд, принеся с собой слабый запах женственности и помоев. Она прошептала, что ночь будет прохладной, и протянула ему предлог своего визита — протертое до дыр дополнительное одеяло.

Не прошло и трех недель после вскрытия трупа юноши, как Медицинская школа Тремонта получила еще одно бесценное сокровище — тело молодой женщины, которая умерла в тюрьме от горячки после рождения ребенка. Тем вечером доктор Холмс задержался в Массачусетской городской больнице, и лекцию читал доктор Дэвид Сторер из роддома. Но не успел Роб Джей приступить к вскрытию, как доктор Сторер настоял на том, чтобы тщательнейшим образом осмотреть руки своего ассистента.

— У вас есть заусенцы или трещины на коже?

— Нет, сэр, — немного обиженно ответил он, не понимая такого интереса к своим рукам.

Когда урок анатомии закончился, Сторер велел студентам перейти в другую часть комнаты, где собирался продемонстрировать им, как следует проводить внутренний осмотр беременных пациенток или страдающих заболеваниями по женской части.

— Вы можете столкнуться с такой ситуацией: скромные жительницы Новой Англии стараются уклониться от подобного осмотра, — сказал он. — Но именно вы должны завоевать доверие пациентки и помочь ей.

С доктором Сторером пришла крупная женщина на последнем сроке беременности — возможно, проститутка, которую специально наняли в качестве наглядного пособия. Профессор Холмс появился, когда Роб Джей мыл и приводил в порядок анатомический стол. Когда он закончил, то решил присоединиться к студентам, осматривавшим женщину, но доктор Холмс неожиданно разволновался и преградил ему путь.

— Нет-нет! — воскликнул профессор. — Тщательно вымойтесь и уходите. Немедленно, доктор Коул! Идите в «Эссекскую таверну» и ждите меня там, а я пока соберу необходимые заметки и документы.

Роб был озадачен и раздражен, но приказу подчинился. Таверна находилась сразу за углом школы. Он заказал пиво, потому что сильно нервничал, хотя ему и пришлось в голову, что его, возможно, уволят с должности ассистента профессора, а потому деньгами разбрасываться не стоит. Он успел выпить лишь половину содержимого кружки, когда в помещение вошел второкурсник по имени Гарри Лумис: он нес два блокнота и несколько оттисков медицинских статей.

— Это вам от поэта.

— От кого?

— Разве вы не знаете? Он известный бостонский поэт. Когда Диккенс гостил в Америке, именно Оливера Уэнделла Холмса попросили написать приветственное стихотворение. Но не волнуйтесь, врач он куда лучший, чем поэт. Потрясающий лектор, не так ли? — Лумис быстро подал знак принести и ему кружку пива. — Хотя у него есть пунктик по поводу мытья рук. Он считает, что грязь вызывает инфекцию в ранах!

Лумис также принес записку, небрежно набросанную на оборотной стороне старого счета за настойку опия из аптеки «Викс и Поттер»: «Доктор Коул, прочитайте это прежде, чем возвращаться в медшколу Тремонта завтра вечером. Обязательно, я наст. Вс. ваш, Холмс». Он начал читать почти сразу, как вернулся к себе в комнату в заведении миссис Бартон: сперва несколько обиженно, но чем дальше, тем с большим интересом. Факты были

изложены Холмсом в статье, опубликованной в «Ежеквартальном медицинском журнале Новой Англии», а также в аннотации, вышедшей в «Американском журнале медицинских наук». Поначалу информация в них была знакомой Робу Джею, потому что все то же самое он знал из опыта работы в Шотландии: у значительной части рожениц неожиданно поднималась высокая температура, которая быстро сменялась общим заражением крови, после чего наступала смерть.

Но помимо того в статье доктора Холмса утверждалось, что некий врач по имени Уитни из города Ньютон, штат Массачусетс, которому ассистировали два студента-медика, провел вскрытие женщины, умершей от родильной горячки. У доктора Уитни был заусенец на пальце, а у одного из студентов-медиков — маленький свежий шрам от ожога на руке. Ни один из них не считал эти повреждения чем-то большим, чем мелкой неприятностью, но уже через несколько дней рука у врача начала пощипывать. В районе локтя появилось красное пятно размером с горошину, и от него к заусенцу тянулась тонкая красная линия. Рука неожиданно опухла и стала вдвое больше нормального размера, у врача быстро поднялась очень высокая температура, начались приступы неконтролируемой рвоты. Тем временем у студента с обожженной рукой тоже началась лихорадка, и за несколько дней его состояние значительно ухудшилось. Кожа у него приобрела багровый оттенок, живот вздулся, и вскоре он умер. Доктор Уитни оказался на волоске от смерти, но постепенно ему становилось лучше, и в конце концов он выздоровел. Второй студент-медик, на руках у которого не было никаких повреждений во время вскрытия трупа, ничем серьезным так и не заболел.

Этот случай получил огласку, и бостонские врачи подробно обсуждали очевидную связь между открытыми ранами и заболеванием родильной горячкой, но к конкретным выводам не пришли. Однако несколько месяцев спустя один врач в городе Линн осматривал больную родильной горячкой, имея на руках открытые раны, и буквально в считанные дни умер от обширной инфекции. Во время заседания «Бостонского общества усовершенствования медицины» был поднят интересный вопрос: что бы произошло, не будь у покойного врача на руках открытых ран? Даже если бы он не заразился, разве он не стал бы переносчиком инфицирующего вещества, распространяя болезнь всякий раз, когда ему доводилось касаться ран другого пациента или истерзанной матки роженицы?

Оливер Уэнделл Холмс так и не смог выбросить этот вопрос из головы. В течение многих недель он изучал данное явление: посещал библиотеки, просматривал собственные записи и просил разрешения заглянуть в истории болезни у тех врачей, которые принимали роды. Как человек, пытающийся сложить головоломку, он собрал внушительную коллекцию свидетельств, охватывающую целое столетие врачебной практики на двух континентах. Интересующие его случаи появлялись спорадически и оставались незамеченными в медицинской литературе. И лишь когда он стал выделять и объединять их, они, подкрепляя друг друга, сложились в общую ужасающую и неопровержимую картину: родильную горячку вызывали врачи, медсестры, акушерки и обслуживающий персонал больниц — все они после контакта с инфицированными больными осматривали здоровых до того момента женщин и обрекали их на смерть от горячки.

Родильная горячка — мор, вызванный медиками, писал Холмс. И как только врач поймет это, следующий случай заражения женщины уже следует считать преступлением — убийством.

Роб прочитал материалы дважды и в ошеломлении вытянулся на кровати.

Ему очень хотелось найти в себе силы поднять автора на смех, но как истории болезни,

проанализированные Холмсом, так и статистика казались безупречными с точки зрения человека непредубежденного. Но каким образом этому лекарю-коротышке из Нового Света удалось узнать больше, чем сэру Вильяму Фергюсону? Время от времени Роб помогал сэру Вильяму проводить вскрытия трупов пациенток, умерших от родильной горячки. Сразу после вскрытия они шли осматривать беременных женщин. И теперь он заставил себя вспомнить тех женщин, которые умерли после такого осмотра. Похоже, эти провинциалы способны сказать новое слово в медицине!

Он встал, чтобы подкрутить фитиль лампы и еще немного почитать материал, но в дверь поскреблись и в комнату проскользнула Маргарет Холланд. Она стеснялась раздеваться при нем, однако в крошечной комнатухе не было места для того, чтобы уединиться, и, кроме того, он уже тоже раздевался. Она аккуратно сложила одежду и сняла крестик. Ее тело было полным, но не рыхлым. Роб растер вмятины, которые корсет оставил на ее плоти, и уже перешел к более нежным ласкам, как вдруг замер, пораженный внезапной ужасной мыслью.

Оставив ее лежать в кровати, он встал и налил воду в умывальник. Пока девушка смотрела на него так, словно он потерял остатки рассудка, намылил и тщательно вымыл руки. Снова. Снова. И снова. Затем вытер их, вернулся в кровать и возобновил любовную игру. Маргарет Холланд, не в силах больше сдерживаться, захихикала.

— Вы самый странный молодой джентльмен, которого я знаю, — прошептала она ему на ухо.

Район, проклятый Богом

Поздно вечером, возвращаясь домой, он был таким уставшим, что крайне редко находил в себе силы играть на виоле да гамба. Играл он отвратительно, но музыка бальзамом лилась ему в душу — впрочем, к сожалению, очень скоро ему приходилось прекращать водить смычком по струнам, потому что Лем Раскин начинал стучать в стену, требуя тишины. Он не мог позволить себе регулярно поить Лема виски. Приходилось выбирать: обеспечивать себе либо музыкальный вечер, либо сексуальный. Страдать, разумеется, приходилось музыке. В каком-то журнале в библиотеке медицинской школы он прочитал, что если женщина не хочет становиться матерью, то после контакта ей нужно сделать спринцевание раствором квасцов и коры белого дуба. Он понимал, что нельзя быть уверенным в том, что Мэг будет регулярно проводить подобную процедуру. Гарри Лумис, когда Роб Джей обратился к нему за советом, отнесся к вопросу очень серьезно и направил его в опрятный серый домик на южной стороне Корн-хилла. Миссис Синтия Ворт обладала снежно-белыми волосами и манерами почтенной матроны. Когда Роб упомянул имя Гарри, она улыбнулась и кивнула: «Медикам я предлагаю хорошую цену».

Продаваемое ею изделие было сделано из овечьей слепой кишки, естественного канала в пищеварительной системе, открытого с одного конца, благодаря чему он превосходно подходил для преобразований миссис Ворт. Она так гордилась качеством своего товара, словно торговала на рыбном рынке морскими существами со сверкающими глазами. Роб

Джей ахнул, услышав цену, но миссис Ворт сохранила невозмутимость.

— Над ними приходится потрудиться, — заявила она и описала процесс изготовления. Во-первых, слепую кишку следует вымачивать в воде в течение многих часов; затем — вывернуть наизнанку; снова замочить в слабом щелочном растворе, который необходимо менять каждые двенадцать часов; тщательно почистить, освободив от слизистой оболочки, и поддержать брюшную и мышечную оболочки над испарениями горячей серы; вымыть с водой и мылом; надуть и высушить; сделать надрезы на открытых концах и снабдить красными или синими лентами, чтобы изделие можно было плотно привязать в нужном месте. Многие джентльмены покупают их по три штуки, добавила она: так дешевле всего.

Роб Джей купил один. Он не уточнял желательный цвет ленты, и ему досталась синяя.

— Если вы будете аккуратны, он послужит вам достаточно долго. — Она объяснила, что предметом можно пользоваться неоднократно: достаточно лишь мыть его после каждого применения, надувать и припудривать. Когда Роб ушел от нее с покупкой, миссис Ворт жизнерадостно пожелала ему хорошего дня и попросила рекомендовать ее коллегам и пациентам.

Защитный футляр Мэг возненавидела. Ей куда больше понравился подарок, который Гарри Лумис сделал Робу, пожелав ему хорошо провести время. Это был флакон с бесцветной жидкостью, оксидом азота, получившим название «веселящий газ» среди студентов-медиков и молодых врачей, которые частенько использовали его забавы ради. Роб накапал жидкости на тряпку, и они с Мэг вдохнули его перед тем, как предаться любовным утехам. Результат получился весьма неожиданным: никогда еще собственные тела не казались им такими нелепыми, а физический акт — таким комичным и абсурдным одновременно.

Кроме постельных удовольствий их ничто не связывало. Когда акт получался медленным, между ними возникало некое подобие нежности, а когда коитус становился неистовым, в нем было больше отчаяния, чем страсти. Когда они разговаривали, она обычно или сплетничала о пансионе, и тогда Роб скучал, или вспоминала о Старом Свете — эти воспоминания причиняли ему боль. Ни душевно, ни интеллектуально они не сроднились. Вызванное химикатами веселье, случившееся с ними один-единственный раз благодаря оксиду азота, больше не повторялось, поскольку их сексуальные игрища оказались чересчур шумными; и хотя пьяный Лем находился в забытьи, они прекрасно понимали: им просто повезло, что их секрет не раскрыли. Они смеялись вместе еще раз лишь однажды: когда Мэгги зло пошутила, что пузырь, наверное, раньше принадлежал барану, и окрестила его Старым Рогачом. Роба беспокоило, что он так использует ее. Заметив, что нижнее белье у нее штопано-перештопано, он купил ей новое — чтобы заглушить чувство вины. Подарок ее чрезвычайно обрадовал, и он сделал карандашом набросок в своем дневнике: пухлая девушка с круглым, как у кошки, улыбчивым лицом, сидящая в свободной позе на его узкой кровати.

Он с удовольствием изобразил бы и многое другое, увиденное им в Новом Свете, если бы после врачебной практики у него оставались силы. Образование свое он начал на отделении изобразительных искусств в Эдинбурге, взбунтовавшись против медицинской традиции Коулов, мечтая только о том, чтобы стать живописцем, из-за чего родственники считали его тронутым. На третьем году обучения в Эдинбургском университете ему сказали, что определенные способности у него есть, но весьма скромные. Он был слишком прямолинеен. Ему не хватало художественного воображения, умения видеть все словно сквозь дымку. «У вас есть огонь, но маловато жара», — весьма деликатно, но слишком

откровенно объяснил ему преподаватель портретной живописи. После этих слов Роб пребывал в подавленном состоянии, пока не произошли два события. В пыльных архивах университетской библиотеки он обнаружил анатомический рисунок. Это было очень старое, возможно еще времен Леонардо да Винчи, изображение нагого мужского тела, нарочно разрезанного для демонстрации внутренних органов и кровеносных сосудов. Рисунок назывался «Второй прозрачный человек», и юноша с удивлением и радостью понял, что он выполнен одним из его предков: внизу сохранилась подпись — «Роберт Джеффри Коул, в подражание Роберту Джереми Коулу». Это говорило о том, что в его роду были и художники, а не только лекари. А два дня спустя он случайно забрел в операционную, где ему привелось увидеть Вильяма Фергюсона — гения, который проводил хирургические операции твердой рукой и со скоростью молнии, чтобы свести к минимуму шок пациента от ужасной боли. Именно в тот момент Роб Джей впервые понял всех своих многочисленных предков — докторов Коулов, поскольку осознал, что никакое, даже самое великолепное полотно никогда не сможет быть дороже жизни одного-единственного человека. И в это самое мгновение медицина призвала его к себе.

С самого начала обучения он понял, что обладает даром, который дядя Рейналд, ведущий общую практику недалеко от Глазго, называл даром Коулов: способностью, держа пациента за руку, определить, выживет он или умрет. Это было шестое чувство диагноста: частично — инстинкт, интуиция; частично — сигнал от унаследованных датчиков, которые никто не мог ни назвать, ни понять; но чувство работало, пока его не притупляло злоупотребление алкоголем. Для врача это был настоящий подарок, однако сейчас, на чужбине, он только угнетал дух Роба Джея, потому что в Восьмом районе умирало куда больше людей, чем в других местах.

Район, проклятый Богом, как Роб в последнее время стал его называть, поглощал большую часть его жизни. Ирландцы приезжали сюда с самыми радужными надеждами. В Старом Свете чернорабочий получал шесть пенсов в день, если находил работу. В Бостоне безработица была ниже и рабочие зарабатывали больше, но трудились они по пятнадцать часов в сутки, семь дней в неделю. Арендная плата за жилье, пусть и в трущобе, здесь была выше, продукты питания стоили дороже, и к тому же здесь у них не было ни садика, ни самого крошечного участка земли, где они могли бы выращивать какие-нибудь ягоды, ни коровы, дающей молоко, ни свиньи — сало на бекон. Район ужасал его нищетой, и грязью, и отсутствием самого необходимого; все это должно было довести его до отчаяния, но почему-то, наоборот, стимулировало, заставляло работать подобно навозному жуку, пытающемуся сдвинуть с места целую гору овечьих экскрементов. Воскресенья ему следовало бы посвящать отдыху, использовать короткую передышку, чтобы прийти в себя после отупляющей работы в течение ужасной недели. По утрам в воскресенье даже Мэг получала несколько свободных часов, чтобы сходить на мессу. А Роб Джей каждое воскресенье снова возвращался в район, освободившись от необходимости действовать в соответствии со списком, составленным по бланкам вызовов. Он получил возможность жертвовать несколько часов собственного времени — часов, которые ему не было нужды воровать. Он почти мгновенно приобрел настоящую, хотя и абсолютно неоплачиваемую воскресную практику, ибо всюду, куда ни глянь, он видел болезнь, и жар, и немощь. Очень быстро по району разлетелась молва о враче, который умел разговаривать на древнем гэльском языке, объединяющем шотландцев и ирландцев. Когда они слышали, как с его губ срываются звуки их прежнего дома, даже самые отчаявшиеся и самые пропащие души светлели. «*Beannacht*

De ort, dochtuir oig! «Да благословит тебя Бог, молодой доктор!» — кричали они ему вслед на улице. Один человек сказал другому о пареньке-враче, который «говорит на языке» — и скоро он говорил на гэльском каждый день. Но если на Форт-хилл он пользовался всеобщим обожанием, то в Бостонской клинике дело обстояло наоборот. Неожиданно там стали появляться многочисленные и самые разношерстные пациенты с рецептами от доктора Роберта Джея Коула: он выписывал им лекарства, костыли и даже еду — как средство лечения недоедания.

— Что происходит? Что? Их нет в списках пациентов, рекомендованных нашими спонсорами, — жаловался мистер Вильсон.

— Это те жители Восьмого района, которые больше всего нуждаются в нашей помощи.

— Как бы там ни было, нельзя позволить хвосту вертеть собакой. Если вы хотите и дальше работать на нашу клинику, доктор Коул, вам придется придерживаться ее правил, — строго отчитал его мистер Вильсон.

Одним из его воскресных пациентов был Питер Финн из Хаф-Мун-плейс, который порвал себе икроножную мышцу: ему на правую ногу упала корзина с фургона — он как раз стоял на причале и получал деньги за половину рабочего дня. Место разрыва, перевязанное грязной тряпкой, уже опухло и болело, когда он наконец показал ногу врачу. Роб вымыл и сшил неровные куски плоти, но предотвратить заражение ему не удалось, и уже на следующий день он был вынужден снять шов и поместить в рану дренажную трубку. Инфекция распространялась с ужасающей скоростью, и через несколько дней дар сказал ему, что, если он хочет спасти Питеру Финну жизнь, ногу следует ампутировать.

Это произошло во вторник; откладывать операцию до воскресенья было нельзя, и ему снова пришлось воровать время у поликлиники. Мало того, что он был вынужден использовать один из чистых бланков, которые раздобыл для него Холмс, он отдал свои собственные, с таким трудом заработанные деньги Розе Финн, чтобы она сходила в салун на первом этаже и купила кувшин ирландского самогона, столь же необходимого во время операции, как скальпель.

Джозеф Финн, брат Питера, и Майкл Боуди, его шурин, согласились помочь, хотя и без особого энтузиазма. Роб Джей подождал, когда Питер войдет в состояние ступора от приема смеси виски с морфием, и положил его на кухонный стол, словно жертву богам. Но с первым же движением скальпеля глаза портового грузчика изумленно выкатились, на шее у него вздулись вены, и в его громком вопле прозвучало такое негодование, что Джозеф Финн побледнел, а Боуди задрожал и остолбенел. Роб заранее привязал поврежденную ногу к столу, однако теперь, когда Питер рвался на свободу и ревел, как разъяренный бык, он крикнул своим помощникам:

— Держите его! Не давайте ему встать!

Он резал так, как его учил Фергюсон: уверенно и стремительно. Крики стихли, когда он прошел через ткани и мышцы, но скрип зубов несчастного был еще ужаснее его воплей. Когда Роб разрезал бедренную артерию, хлынула алая кровь и он попытался взять Боуди за руку и показать ему, как остановить бьющий из артерии фонтан. Но шурин шархнулся прочь.

— Вернись, сукин сын!

Однако Боуди, заливаясь слезами, уже бежал вниз по лестнице. Роб работал так, словно у него шесть рук. Он был крупным и сильным мужчиной и потому сумел помочь Джозефу

прижимать бьющегося в агонии Питера к столу и одновременно с удивительной ловкостью зажимать скользкий конец артерии, останавливая кровотечение. Но когда он разжал пальцы и потянулся за пилой, кровь хлынула снова.

— Покажите мне, что нужно делать, — сказала Роза Финн и заняла место рядом с Робом. Ее лицо было белым как мел, но она сумела схватить конец артерии и контролировать кровотечение. Роб Джей распилил кость, сделал несколько быстрых надрезов, и нога отсоединилась от тела. К этому времени глаза Питера Финна уже остекленели от шока, и единственным звуком, слетавшим с его губ, было влажное, неровное дыхание.

Роб унес ногу, завернув ее в потертое грязное полотенце, чтобы позднее предложить ее для изучения студентам в анатомичке. От усталости он ничего не чувствовал — но не из-за самой операции, а из-за мучений Питера Финна. Он ничего не мог поделаться с окровавленной одеждой, но на Брод-стрит тщательно вымыл руки в колонке, вымыл до самого локтя, прежде чем идти к следующему пациенту — женщине двадцати двух лет от роду, которая, насколько ему было известно, умерла от чахотки.

Когда ирландцы находились дома, в своем районе, они жили несчастливо. За пределами своего района они становились жертвами нетерпимости и клеветы. Роб Джей видел листовки на улицах: «Все католики и те, кто поддерживает католическую церковь, — мерзкие самозванцы, лгуны, злодеи и трусливые головорезы. Подпись: Настоящий Американец».

Раз в неделю Роб посещал лекции по медицине в амфитеатре второго этажа Бостонского Атенеума, чьи обширные владения образовались благодаря соединению двух особняков на Перл-стрит. Иногда после диспута он сидел в библиотеке и читал «Ивнинг транскрипт», где отражалась ненависть, поразившая все местное общество. Выдающиеся священники, такие как преподобный Лиман Бичер, служивший в приходской церкви на Ганновер-стрит, писали статью за статьей о «блуде Вавилонском» и «нечистом звере католицизма». Политические партии прославляли коренное население и писали о «грязных, невежественных иммигрантах — ирландцах и немцах».

Когда он читал сообщения о событиях в стране, желая побольше узнать об Америке, то приходил к выводу, что это страна-стяжатель, загребаящая землю обеими руками. Недавно она аннексировала Техас, приобрела Территорию Орегон благодаря соглашению с Великобританией и ввязалась в войну с Мексикой за Калифорнию и юго-западную часть американского континента. Фронтир проходил по реке Миссисипи: именно она отделяла цивилизацию от дикой местности, куда оттеснили индейцев с равнин. Роб Джей был очарован индейцами: в детстве он просто глотал один за другим романы Джеймса Фенимора Купера. Он прочитал все, что Атенеум мог предложить по теме «индейцы», затем обратился к поэзии Оливера Уэнделла Холмса. Стихи ему понравились, особенно образ сурового старика, единственного оставшегося в живых в «Последнем листке», но Гарри Лумис был прав: врач из Холмса получился куда лучший, чем поэт. Он был превосходным врачом.

У Гарри и Роба со временем появилась традиция заканчивать долгий рабочий день кружкой пива в «Эссексе», и к ним часто присоединялся Холмс. Очевидно, Гарри был любимым студентом профессора, и Роб неожиданно понял, что с трудом сдерживает зависть к приятелю. Семья Лумиса обладала хорошими связями; когда придет время, Гарри получит надлежащее назначение на работу в больнице, которое обеспечит ему прекрасную

врачебную карьеру в Бостоне. Однажды вечером за пивом Холмс заметил, что, работая в библиотеке, натолкнулся на упоминание о «зобе Коула» и на «эпидемическую холеру Коула». Его охватило любопытство, он стал рыться в литературе и обнаружил солидные доказательства вклада семейства Коул в медицину, включая «подагру Коула» и «синдром Коула и Палмера» — болезнь, при течении которой отек сопровождался сильным потоотделением и затрудненным дыханием.

— Кроме того, — добавил он, — я обнаружил, что больше десятка Коулов служили профессорами в медицинской школе — или в Эдинбурге, или в Глазго. Все они ваши родственники?

Роб Джей смущенно, но довольно улыбнулся.

— Да, все родственники. Однако большинство Коулов на протяжении столетий были обычными деревенскими фельдшерами на шотландских равнинах, как и мой отец. — Он не стал упоминать о даре Коулов: на подобные темы с коллегами-врачами говорить не стоит, иначе они примут его за полоумного или же за лгуна.

— Ваш отец все еще работает там? — спросил Холмс.

— Нет. Он погиб, когда его лошади понесли. Мне было двенадцать лет.

— Вот как. — Именно в этот момент Холмс, несмотря на относительно небольшую разницу в возрасте между ними, решил взять на себя роль отца Роба и дать ему возможность проникнуть в закрытый круг бостонских семей через выгодный брак.

Прошло совсем немного времени, и Роб дважды принял приглашение в дом Холмса на Монтгомери-стрит, где получил возможность взглянуть на образ жизни, похожий на тот, которого он когда-то считал возможным достичь в Эдинбурге. Во время первого визита Амелия, энергичная жена профессора, взяв на себя роль свахи, представила его Пауле Сторроу, семья которой была уважаемой и богатой, но сама протеже оказалась бесформенной и крайне глупой женщиной. Однако на втором обеде его соседкой стала Лидия Паркман. Она была слишком стройной, почти безгрудой, но ее лицо и глаза под копной гладких каштановых волос излучали озорную веселость, и они хорошо провели вечер, поддразнивая друг друга и ведя, в целом, весьма располагающую беседу. Она кое-что знала об индейцах, но говорили они главным образом о музыке: девушка играла на клавесине.

Тем вечером, когда Роб вернулся к себе домой на Спринг-стрит, он сел на кровать под карнизом и стал размышлять о том, каково это — провести всю жизнь в Бостоне, будучи коллегой и другом Гарри Лумиса и Оливера Уэнделла Холмса, а также мужем женщины, которая станет собирать в их доме веселые компании.

Раздался уже знакомый стук в дверь, и в комнату вошла Мэг Холланд. Она уж точно не слишком худа, заметил он, радостно улыбнувшись и начав расстегивать рубашку. Но на этот раз Мэгги села на край кровати и застыла.

Когда она заговорила, то смогла выдавить из себя лишь хриплый шепот, и именно он, а не сами слова, проникли ему в самое сердце. Голос у нее был напряженным, мертвым, словно шорох сухих листьев, несомых ветром по твердой, холодной земле.

— Попался, — сказала она.

— Тепленьким, — добавила Мэг.

Он не находил нужных слов, не мог ответить. Она была уже опытна, когда пришла к нему, напомнил он себе. Откуда ему знать, что ребенок его? «Я всегда надевал пузырь», — молча возмутился он. Но на самом деле он прекрасно знал, что первые несколько раз никакой защиты не было, как и в ту ночь, когда они попробовали веселящий газ.

Полученное им образование запрещало поддерживать аборты, и ему хватило ума понять, что предлагать подобный выход не стоит: он прекрасно знал, что она достаточно религиозна.

Наконец он заявил, что не бросит ее. Он не такой, как Стэнли Финч.

Однако его заявление, похоже, не очень-то ободрило ее. Роб заставил себя обнять Мэг, хотел быть нежным, хотел успокоить женщину. И уж точно это был не лучший момент, чтобы понять: ее кошачье лицо с годами превратится в коровье. Явно не лицо из его грез.

— Ты протестант. — Это не был вопрос, ведь ответ она знала.

— Меня так воспитали.

Она была отважной женщиной. Когда он признался, что вообще сомневается в существовании Бога, ее глаза наполнились слезами.

— Ну вы и обольститель, ну и прохвост! Ваша беседа произвела на Лидию Паркман чрезвычайно благоприятное впечатление, — заявил ему Холмс на следующий вечер в медицинской школе и просиял, когда Роб Джей признался, что находит Лидию чрезвычайно приятной женщиной. Холмс небрежно упомянул, что Стивен Паркман, ее отец, — судья Верховного суда и попечитель Гарвардского колледжа. Семья начинала с торговли вяленой рыбой, со временем перешла на торговлю мукой, а сейчас контролировала широко разветвленную и прибыльную торговлю основными бакалейными товарами, расфасованными в бочки.

— Когда вы намерены снова повидать ее? — спросил Холмс.

— Скоро, в этом вы можете не сомневаться, — виновато ответил Роб Джей, а сам не находил в себе сил даже подумать об этом.

Идеи Холмса о гигиене в медицине полностью перевернули взгляды Роба на врачебную практику. Холмс рассказал ему еще две истории, которые придали больший вес его теории. Одна из них касалась золотухи, бугоркового заболевания лимфатических желез и суставов. В средневековой Европе люди верили, что золотуху можно вылечить с помощью наложения рук венценосной особы. В другой истории повествовалось о древней суеверной практике мытья и перевязки ран солдат с последующим наложением мази — ужасных притираний, содержащих такие компоненты, как разлагающееся мясо, человеческая кровь и мох с черепа казненного. Дьявольское снадобье наносилось с помощью оружия, которым и была нанесена рана. Оба метода широко известны, а действенными они оказались, продолжал Холмс, потому, что нечаянно предусматривали чистоту тела пациента. В первом случае больные золотухой мылись полностью и весьма тщательно, чтобы не оскорбить «целителей» королевской крови, когда наступало время коснуться пациентов. Во втором случае оружие пачкали разной гадостью, но раны солдат, промытые и оставленные в таком виде, получали шанс зажить, не пострадав от инфекции. Волшебным «секретным компонентом» оказалась

простая гигиена.

Но в Восьмом районе поддерживать необходимую чистоту было весьма и весьма непросто. И Роб Джей стал носить с собой в сумке полотенце и кусок дешевого мыла, чтобы мыть руки и инструменты по многу раз в день; повальная бедность превращала район в такое место, где легко заболеть и умереть.

Он пытался заполнить жизнь и разум ежедневной борьбой за пациентов, но снова и снова возвращался мыслями к собственному затруднительному положению и невольно спрашивал себя, не идет ли он по пути саморазрушения. Ввязавшись в политику, он поставил крест на карьере и отказался от своих корней в Шотландии. В Америке же продолжает уничтожать себя, оказавшись ответственным за незапланированную беременность. Маргарет Холланд подошла к решению проблемы с практической стороны: она задавала ему вопросы о его средствах. Его годовой доход, составляющий триста пятьдесят долларов, не только не напугал ее, но и, похоже, вполне устроил. Затем она спросила его о родственниках.

— Мой отец умер. Мать была в тяжелом состоянии, когда я уехал из Шотландии, и я уверен, что к данному моменту... У меня есть брат, Герберт. Он управляет имуществом семьи в Килмарноке, держит овец. У него есть собственность.

Она кивнула.

— У меня тоже есть брат, Тимоти, он живет в Белфасте. Он член «Молодой Ирландии» и всегда попадает в неприятности.

Мать Мэг умерла, в Ирландии остались отец и четыре брата. Пятый брат, Сэмюэль, живет в Бостоне, в районе Форт-хилл. Она робко спросила, не стоит ли ей сообщить брату о Робе и попросить Сэмюэля поискать им комнату, возможно, недалеко от своего жилья.

— Еще рано. Срок очень небольшой, — ответил он и коснулся ее щеки, чтобы утешить.

Мысль о том, что придется жить в этом районе, ужасала его. Однако он понимал: если он и дальше будет врачевать исключительно бедных иммигрантов, то зарабатывать на жизнь себе, жене и ребенку сможет лишь при условии проживания в подобной трущобе. На следующее утро он смотрел на окружающие лачуги со страхом и гневом, и в нем росло отчаяние, сравнимое по силе с безнадежностью, которую он видел вокруг: на жалких улицах и в переулках.

Он стал беспокойно спать, его мучили кошмары. Ему постоянно снились два сна. В особенно тяжелые ночи они снились ему оба. Часто он не мог заснуть, лежал в темноте и снова и снова вспоминал все происшедшее, деталь за деталью, и в результате уже не мог сказать, спал он или бодрствовал.

Раннее утро. Погода пасмурная, но из-за туч пробивается ласковое солнце. Он стоит в толпе из нескольких тысяч мужчин возле завода «Каррон айрон воркс», где производят крупнокалиберные пушки для судов английского флота. Сначала все идет хорошо. Какой-то мужчина, стоя на перевернутой корзине, читает анонимное воззвание, написанное Робом Джейем, призывая людей принять участие в акциях протеста: «Друзья и соотечественники! Пробуждаясь ото сна, в котором нас держали в течение стольких лет, в связи с невозможностью продолжать так жить дальше, а также в связи с тем презрением, которым отвечают на наши ходатайства, мы вынуждены, рискуя жизнью, отстаивать свои права». Голос у мужчины пронзительный, а временами и вовсе срывается: ему очень страшно. Когда он заканчивает читать, повсюду раздаются одобрительные возгласы. Три вольницы начинают играть, собравшиеся охотно затягивают песню: сначала —

церковные гимны, потом — уже более энергичные произведения, и заканчивают песней о борьбе за независимость Шотландии. Но власти уже видели призыв Роба и не дремали. Вокруг собрались вооруженные полицейские, народное ополчение, Первый батальон Стрелковой бригады, хорошо обученные кавалеристы 7-го и 10-го гусарских полков — ветераны европейских войн. На военных — великолепные мундиры. Отполированные сапоги гусар мерцают, словно шикарные темные зеркала. Военные моложе полицейских, но на их лицах читается точно такое же незыблемое презрение. Неприятности начинаются, когда друг Роба, Эндрю Герулд из Ланарка, произносит речь о разрушении ферм и невозможности для рабочего люда жить на гроши, которые они получают за работу, обогащающую Англию и сталкивающую Шотландию в пропасть нищеты. По мере того как выступление Эндрю становится все жарче, присутствующие начинают издавать гневный рев и кричать: «Свобода или смерть!» Драгуны пускают своих коней вперед, оттесняя демонстрантов от забора вокруг литейного завода. Кто-то швыряет булыжник. Он попадает в гусара, и тот падает с седла. Немедленно остальные с лязгом достают мечи из ножен, и на них обрушивается град камней, пачкая кровью синие, малиновые и золотые мундиры. Ополченцы начинают стрелять в толпу. Кавалеристы наносят рубящие удары направо и налево. Люди кричат и плачут. Роба окружают со всех сторон. Он не может сбежать в одиночку. Он может только позволить толпе унести себя прочь от гнева солдат, отчаянно пытаясь устоять на ногах, понимая, что, если он споткнется, его растопчет охваченная паникой бегущая толпа.

Второй сон был еще хуже.

Он снова стоит в большой толпе. Людей столько же, сколько их было возле литейного завода, но на сей раз мужчины и женщины стоят перед восемью виселицами, возведенными в замке Стерлинг; толпу сдерживают ополченцы, выстроившиеся вдоль всей площади. Священник, доктор Эдвард Брюс из Ренфру, сидит и молча читает. Напротив него сидит человек в черном. Роб Джей успевает узнать его, прежде чем тот прячет лицо под черной маской; он — Брюс Как-его-там, обедневший студент-медик, получающий пятнадцать фунтов в год за работу палача. Доктор Брюс начинает громко зачитывать слова 129-го псалма: «Из глубины взываю к Тебе, Господи!» Каждому из осужденных дают традиционный стакан вина, а затем несчастных ведут на эшафот, где стоят восемь гробов. Шестеро заключенных предпочитают промолчать. А мужчина по имени Гарди окидывает взглядом море лиц и приглушенно произносит: «Я умираю как мученик за дело справедливости». Эндрю Герулд говорит очень четко. Он выглядит изможденным и явно старше своих двадцати трех лет: «Друзья мои, я надеюсь, ни один из вас не пострадал. Когда все будет кончено, прошу вас, мирно разойдитесь по домам и читайте Библию». На головы им надевают колпаки. Двое осужденных выкрикивают слова прощания, когда палач прилаживает петли. Эндрю больше ничего не говорит. Все происходит по сигналу, и пятеро умирают без борьбы. Трое еще какое-то время дергаются. Новый Завет Эндрю падает из его бессильных пальцев в молчаливую толпу. Когда подручные палача перерезают веревки, палач наносит удар топором по шее каждого повешенного, одного за другим, и поднимает внушающий трепет предмет за волосы, каждый раз объявляя, как того требует закон: «Вот голова изменника!»

Иногда Роб Джей просыпался посреди ночи в своей узкой постели под крышей, ощущая себя и дрожал от облегчения, что жив. Глядя в темноту перед собой, он спрашивал

себя, сколько людей ушло из мира живых из-за того, что он написал тот призыв. Сколько судеб изменилось, сколько жизней оборвалось — и все потому, что он передал свои убеждения очень многим людям? Общепринятая мораль утверждала, что за принципы стоит бороться, за них стоит умереть. Но разве жизнь не самое ценное, чем обладает человек? И разве, как врач, он не обязан прежде всего спасти и сохранять жизнь? Он поклялся себе и Эскулапу, богу врачебного искусства, что больше никогда не пошлет человека на смерть из-за различия в убеждениях, никогда не ударит другого в гнев, и в тысячный раз поразился тому, как же тяжело Брюсу Как-его-там давались пятнадцать фунтов.

Колорит картины

— Вы тратили не свои деньги! — однажды утром кисло заявил Робу мистер Вильсон, когда тот вручил ему пачку бланков. — Это деньги, полученные поликлиникой от отцов города. Финансы благотворительного фонда нельзя тратить по прихоти одного из наших врачей.

— Я никогда не тратил деньги от благотворительности по своей прихоти. Я никогда не лечил и не выписывал рецепты пациенту, который бы не был серьезно болен и не нуждался в немедленной помощи. Ваша система никуда не годится. Иногда мне приходится лечить растяжение мышцы, в то время как другие умирают из-за отсутствия врачебной помощи.

— Вы забываетесь, сэр. — Взгляд и голос Вильсона оставались спокойными, но его рука с бланками дрожала. — Вы понимаете, что впредь вам придется ограничить свои посещения только адресами на бланках, которые я выдаю вам каждое утро?

Робу отчаянно хотелось сказать мистеру Вильсону, *что* он на самом деле понял и *что* мистеру Вильсону лучше всего сделать со своими бланками. Но в связи с недавними осложнениями в своей жизни он не посмел. Вместо этого он заставил себя кивнуть и отвернуться. Засунув пачку бланков в карман, он направился в свой район.

В тот же вечер все изменилось. Маргарет Холланд пришла к нему в комнату и села на край кровати — место для сообщения новостей.

— У меня пошла кровь.

Он заставил себя мыслить прежде всего как врач.

— У тебя кровотечение, ты теряешь много крови?

Она покачала головой.

— Сначала было немного сильнее, чем обычно. А потом — как всегда во время месячных. Уже почти закончилось.

— Когда все началось?

— Четыре дня назад.

— Четыре дня! — Почему она выждала четыре дня, прежде чем сообщить ему? Маргарет не смотрела на него. Она сидела абсолютно неподвижно, словно выставив защиту от его гнева, и он понял, что она провела эти четыре дня, борясь с собой. — Еще немного, и ты бы решила ничего мне не говорить, верно?

Она не отвечала, но в этом не было нужды. Несмотря на то, что он был странным — протестант, который все время моет руки, — он был ее шансом избежать тюрьмы бедности. Ему самому пришлось заглянуть в эту тюрьму, и потому он искренне удивился, что она все-таки нашла в себе силы сообщить ему правду; вместо гнева за такую задержку он испытал восхищение и огромную благодарность. Он подошел к ней, поставил на ноги и поцеловал покрасневшие веки. Затем обнял ее и стоял так, нежно поглаживая, словно успокаивая напуганного ребенка.

На следующее утро он пребывал в эйфории, хотя время от времени от облегчения у него подкашивались ноги. Мужчины и женщины улыбались, когда он здоровался с ними. Он оказался в новом мире, где солнце светило ярче, а воздух, которым он дышал, казался целительным.

Он относился к своим пациентам с обычной внимательностью, но в перерывах мысли его неслись галопом. Наконец он сел на деревянное крыльцо на Бруд-стрит и стал обдумывать прошлое, настоящее и будущее.

Вот уже во второй раз ему удалось избежать ужасной судьбы. Он чувствовал, что получил предупреждение: ему следует с большим вниманием, большим уважением относиться к собственной жизни.

И тогда он подумал о своей жизни как о большой картине, которая создается постепенно. Что бы с ним ни случилось, законченная картина будет посвящена медицине, но он чувствовал, что, останься он в Бостоне, колорит будет в основном в серых тонах.

Амелия Холмс могла устроить для него то, что она сама называла «блестящей партией»; но, едва избежав обреченного на нелюбовь и нищету брака, он совершенно не желал хладнокровно заключать такой же обреченный на нелюбовь, хоть и сулящий богатство, союз, или позволить выставить себя на ярмарке женихов бостонского общества — медицинское мясо по конкретной цене за фунт.

Он хотел нарисовать свою жизнь самыми яркими, насыщенными цветами, какие только сумеет найти.

В тот день, закончив работу, он пошел в Атенеум и перечитал все книги, вызвавшие у него наибольший интерес. И задолго до того, как он закончил чтение, он уже знал, куда хочет ехать и чем заниматься.

Ночью, когда Роб лежал в постели, у дверей раздалось знакомое царапанье. Он молча смотрел в темноту и не шевелился. Робкий стук прозвучал во второй раз, затем в третий.

У него было несколько причин подойти к двери и открыть ее. Но он лежал не шевелясь, словно в кошмарном сне, не в силах двинуть рукой или ногой, и в конце концов Маргарет Холланд ушла.

У него ушло больше месяца на то, чтобы все как следует подготовить и уволиться из Бостонской поликлиники. Вместо прощальной вечеринки одним немилосердно холодным декабрьским вечером он, Холмс и Гарри Лумис вскрывали тело рабыни-негритянки по имени Делия. Она тяжело трудилась всю свою жизнь и обладала замечательной мускулатурой. Гарри проявил подлинный интерес к анатомии и даже определенный талант к этому делу, и планировалось, что он заменит Роба Джея на его должности ассистента в школе. Холмс читал лекцию во время вскрытия, обращая их внимание на то, что бахромчатый конец фаллопиевой трубы был «как край платка у нищенки». Каждый орган и

мускул вызывали в памяти то одного, то другого из присутствующих анекдоты, стихотворения, игру слов на тему анатомии или скабрёзную шуточку. Они проводили серьёзное научное исследование, уделяли внимание мельчайшим деталям, но в то же время покатывались со смеху и, в целом, пребывали в чудесном расположении духа. После вскрытия они направились в «Эссекскую таверну» и до самого закрытия пили подогретое вино с пряностями. Роб пообещал писать письма и Холмсу, и Гарри, как только осядет и пустит корни, и обращаться к ним за советом и помощью, если в том возникнет надобность. Они разошлись такими друзьями, что Роб пожалел о своём решении.

Утром он пошел на Вашингтон-стрит, купил жареных каштанов в бумажном фунтике, свернутом из бостонской «Транскрипт», и принес их домой, на Спринг-стрит. Прокрался в комнату Мэгги Холланд и оставил их у нее под подушкой.

В начале первого он поднялся в вагон; вскоре к поезду прицепили паровоз и состав тронулся. Проводник, забрав у него билет, неодобрительно покосился на его багаж: Роб отказался оставить виолу да гамба и сундук в багажном вагоне. Помимо хирургических инструментов и одежды там лежал Старый Рогач и штук пять кусков едкого мыла — такого же, каким пользовался Холмс. Таким образом, хотя наличных денег у него было немного, он покидал Бостон более богатым человеком, чем приехал туда.

До Рождества оставалось четыре дня. Поезд проносился мимо зданий, чьи двери украшали рождественские венки, а в окнах, если постараться, можно было рассмотреть елки. Вскоре город остался позади. Несмотря на небольшой снегопад, меньше чем через три часа они добрались до Вустера, конечной остановки Бостонской Железной дороги, там пассажиры пересели на состав Западной Железной дороги. В новом поезде соседом Роба оказался полный мужчина, который тут же предложил ему флягу.

— Нет, благодарю вас, — отказался он, но решил поддержать беседу, чтобы не обидеть толстяка. Выяснилось, что тот — коммивояжер, торгует коваными гвоздями (с широкой шляпкой, с загнутым концом, с двумя шляпками, с утопленной шляпкой, гранеными, декоративными) всех размеров, начиная с крошечных обойных гвоздей и заканчивая огромными шлюпочными — и принялся демонстрировать Робу взятые с собой образцы, чтобы весело скоротать время в пути.

— Путешествую на запад! Путешествую на запад! — восклицал коммивояжер. — И вы тоже?

Роб Джей кивнул.

— И куда вы направляетесь?

— Почти на границу штата! В Питсфилд. А вы, сэр?

Ответ доставил ему неслыханное удовольствие, такую радость, что он улыбнулся во весь рот и еле сдержался, чтобы не закричать во всеуслышание, ведь в этих словах звучала прекрасная мелодия и озаряла нежным, романтичным светом каждый темный уголок раскачивающегося железнодорожного вагона.

— На индейскую территорию, — выпалил он.

Он пересек штаты Массачусетс и Нью-Йорк за несколько коротких поездок по железной дороге, а там, где не было рельсов, пользовался услугами дилижансов. Зимой путешествовать оказалось тяжело. Время от времени приходилось ждать, пока с десятков волов с помощью плугов расчистят путь от снежных заносов или уплотнят снег большими деревянными валиками. Гостиницы и таверны требовали высокую плату. Посреди леса на Аллеганском плато в Пенсильвании у него закончились деньги. Ему неслыханно повезло — он получил работу на лесозаготовках Джейкоба Старра, потому что дровосекам нужен был лекарь. Если происходил несчастный случай, чаще всего у врача было много серьезной работы. Но в промежутках Робу было решительно нечего делать, и он с удовольствием занимался физическим трудом: вместе с другими рубил белые сосны и тсуги, прожившие больше двухсот пятидесяти лет. Обычно он брался за одну ручку огромной двуручной пилы. Он раздался в плечах и укрепил мышцы. В большинстве лагерей врача не было, и лесорубы понимали, какую ценность он для них представляет, а потому защищали его, когда он делил с ними опасный труд. Они научили его держать ладони с кровоточащими мозолями в рассоле, пока те не отвердеют. По вечерам он жонглировал в бараке, чтобы вернуть ловкость огрубевшим пальцам, играл на виоле да гамба, перемежая привычный для лесорубов репертуар похабных, грубых песенок произведениями Баха и Маре, причем последнего они слушали достаточно увлеченно.

Всю зиму они складывали огромные бревна на берегу реки. На обухе каждого топора в лагере красовалась выпуклая пятиконечная звезда. Каждый раз, срубив и обработав дерево, мужчины разворачивали топоры и впечатывали рельефную звезду в свежий срез, ставя на бревне клеймо Старра ^[3]. Когда пришла весна и снег растаял, уровень воды в реке поднялся на два метра и поток понес бревна к Кларион-ривер. Лесорубы связывали бревна в огромные плоты и ставили на них временные домики, кухни и сарайчики. Плывая вниз по течению на плоту, Роб чувствовал себя наследным принцем: путешествие было медленным, сказочным и прерывалось, только когда бревна сталкивались и громоздились друг на друга, и тогда их распутывали ловкие и терпеливые бонщики. Он видел самых разных зверей и птиц, плывя по течению выющейся змеей Кларион до самого места, где река впадает в Аллегейни, а по Аллегейни они добрались аж до самого Питсбурга.

В Питсбурге он попрощался со Старром и его лесорубами. Не успел он зайти в местный салун, как его тут же наняли врачом в бригаду рельсоукладчиков компании «Железная дорога Вашингтон-Огайо» — эта новая ветка должна была составить конкуренцию двум другим веткам с очень оживленным движением. Вместе с бригадой он добрался до Огайо, к самому началу большой равнины, разделенной пополам двумя блестящими рельсами. Жилье Робу выделили вместе с начальством, в одном из четырех железнодорожных вагонов. Весна на широкой равнине была прекрасна, а мир «ЖДВО» — уродлив. Путепрокладчиками, грейдерами и водителями грузовиков были иммигранты: ирландцы и немцы, чьи жизни считались дешевым товаром. По должности Робу приходилось гарантировать, что все работники будут способны отдать все силы строительству дороги. Зарплата ему понравилась, но работа с самого начала была обречена на провал: прораб по имени Коттинг, мужчина с мрачным выражением лица, был настолько прижимист, что экономил даже на питании рабочих. Железная дорога нанимала охотников, которые поставляли дичь, а также обеспечивала людей напитком из цикория вместо кофе. Но за исключением стола, за которым сидели Коттинг, Роб и менеджеры, никому не подавали ни зелени, ни капусты, ни моркови, ни картофеля — никаких продуктов, содержащих аскорбиновую кислоту, кроме

разве что (да и то по особым случаям) горшка бобов. У людей развилась цинга. Несмотря на анемию, у них совершенно не было аппетита. Суставы воспалялись, десны кровоточили, зубы выпадали, а раны не заживали. Их буквально убивало недоедание и тяжелый физический труд. Наконец Роб Джей ломом открыл запертый вагон с продуктами и раздавал корзины с капустой и картофелем до тех пор, пока запасы продовольствия начальства не иссякли. К счастью, Коттинг не знал, что его молодой врач принес клятву никому не причинять зла. Внушительная фигура Роба и холодное презрение в его глазах заставили руководителя принять решение, что куда легче заплатить ему и избавиться от него навсегда, чем ввязываться в драку.

На железной дороге он успел заработать так мало, что ему едва хватило на неповоротливую старую кобылу, подержанное ружье двенадцатого калибра, которое заряжалось с дула, легкий маленький дробовик для охоты на дичь помельче, иглы и нить, леску и крючки, ржавую железную сковороду и охотничий нож. Он назвал лошадь Моникой Гренвилл, в честь красивой взрослой женщины, подружки его матери, которую он годами мечтал оседлать, делая ее центральным персонажем горячих фантазий своей юности. Лошадь Моника Гренвилл дала ему возможность двигаться на запад в том темпе, который его устраивал. Охотиться оказалось легко после того, как он обнаружил, что ружье бьет вправо. Также он ловил рыбу, как только появлялась возможность, и получал плату деньгами или провизией везде, где жили люди, нуждавшиеся в медицинской помощи.

Размеры страны ошеломили его: горы, долины, равнины... Через несколько недель он поверил, что может ехать всю жизнь, потихоньку покачиваясь в седле на Монике Гренвилл и вечно держа курс на заходящее солнце.

У него закончились медикаменты. Проводить операции, не имея под рукой пусть даже плохоньких паллиативов, было трудно, но у него не осталось ни опия, ни морфия, ни других препаратов, и ему приходилось полагаться на ловкость своих рук и паленое виски, которое ему удавалось купить по мере продвижения на запад. Фергюсон научил его нескольким полезным приемам, и теперь они оченьгодились. Ввиду отсутствия настойки никотина, которую принимают орально как мышечный релаксант, чтобы расслабить сфинктер во время операции по удалению свища, он купил самые крепкие сигары, какие только сумел найти, и вставлял их по одной в прямую кишку пациента, пока никотин из табака не впитывался в ткани и мышцы не расслаблялись. Однажды в Титусвилле, штат Огайо, на него натолкнулся пожилой джентльмен и увидел, что пациент лежит животом на дышле фургона, а из одного места у него торчит сигара.

«Огонька не найдется?» — спросил его Роб Джей.

Позже, в универсальном магазине, он услышал, как старик торжественно заявлял своим друзьям: «Вы никогда не поверите, *чемони* их курили».

В таверне в Зейнвилле он впервые в жизни увидел индейца и испытал ужасное разочарование. В отличие от прекрасных дикарей Джеймса Фенимора Купера этот человек был угрюмым толстым алкоголиком, из носа у него постоянно текло, и в целом он производил жалкое впечатление: клянчил деньги на выпивку и сносил издевательства.

— Делавэр, наверное, — сказал бармен, когда Роб спросил его, к какому племени принадлежит индеец. — Может, майами. Или шони. — Он высокомерно пожал плечами. — Кому какое дело? Жалкие ублюдки — все они на одно лицо.

Несколько дней спустя, в Колумбусе, Роб познакомился с коренастым чернобородым евреем; молодого человека звали Джейсон Максвелл Гайгер, и его аптека ломилась от

лекарств.

— У вас есть настойка опия? А никотина? А йодистый калий имеется? — Что бы Роб ни попросил, Гайгер улыбался и кивал, и Роб с радостью бродил среди банок и реторт. Цены оказались ниже, чем он опасался, поскольку отец и братья Гайгера владели фабрикой по изготовлению фармацевтических препаратов в Чарльстоне, и, как объяснил тот, если он сам не мог приготовить какое-то лекарство, он всегда мог заказать его у родственников на льготных условиях. В общем, Роб Джей сделал крупный заказ. Когда фармацевт помогал отнести покупки к лошади, то увидел завернутый в ткань музыкальный инструмент и сразу же обратился к клиенту:

— Это ведь виола?

— Виола да гамба, — ответил Роб и увидел, как меняется взгляд аптекаря: в нем появилась не то чтобы алчность, но, скорее, такая сильная тоска, что не заметить ее было просто невозможно. — Хотите посмотреть?

— Нужно занести ее в дом и показать моей жене, — нетерпеливо заявил Гайгер и повел Роба в жилой дом, находящийся сразу за аптекой. Когда они вошли и поздоровались, Лилиан Гайгер прижала к корсажу посудное полотенце, но Роб Джей успел заметить проступившие пятна от грудного молока. В колыбели спала их двухмесячная дочь, Рэйчел. В доме пахло молоком миссис Гайгер и свежееиспеченной халой. В темной гостиной стояли диван, набитый конским волосом, стул и квадратное фортепиано. Женщина проскользнула в спальню и переделалась, а Роб Джей снял ткань с виолы; затем муж и жена пристально рассмотрели инструмент, провели пальцами по семи струнам и десяти ладам, словно поглаживая только что обретенную вновь семейную реликвию. Лилиан показала свое фортепиано из тщательно отполированного грецкого ореха.

— Его сделал Алфей Бэбкок из Филадельфии, — сказала она. Джейсон Гайгер достал из-за фортепиано другой инструмент. — А этот изготовлен одним пивоваром по имени Айзек Шварц, он живет в Ричмонде, штат Виргиния. Это самодельная скрипка, и она не настолько хороша, чтобы носить гордое звание скрипки. Когда-нибудь, надеюсь, у меня будет настоящая скрипка. — Но уже через мгновение, когда они настраивали инструменты, Гайгер извлек из своего несколько приятных звуков.

Они подозрительно смотрели друг на друга, опасаясь, что их музыкальные вкусы окажутся несовместимыми.

— Что сыграем? — спросил Гайгер, оказывая гостю любезность.

— Может быть, Баха? Вы знаете эту прелюдию из «Хорошо темперированного клавира»? Это из второго тома, а вот номер опуса я забыл. — Он сыграл им первые такты, и к нему сразу присоединилась Лилиан Гайгер, а потом, утвердительно кивнув, и ее муж. «Опус двенадцать», — одними губами произнесла Лилиан. Но Робу Джей было все равно, под каким номером идет произведение: подобная музыка точно не смогла бы понравиться лесорубам. Ему сразу стало очевидно, что супруги давно привыкли аккомпанировать друг другу, и он был уверен, что поставит себя в глупое положение. Там, где их партия свободно лилась вперед, его запаздывала и двигалась рывками. Его пальцы вместо того, чтобы плыть по волнам музыки, двигались спазматическими прыжками, как лосось, поднимающийся вверх по водопаду. Но когда уже была сыграна половина прелюдии, он позабыл о страхе: привычки, выработанные долгими годами игры на виоле, преодолели неуклюжесть, вызванную нехваткой практики. И скоро он заметил, что Гайгер играет с закрытыми глазами, а на лице у его жены застыло выражение удовольствия, заразительное и в то же

самое время очень интимное.

Удовольствие оказалось таким сильным, что почти причиняло боль. Он даже не догадывался, как, оказывается, скучал по музыке. Когда они закончили играть, то просто сидели и улыбались друг другу. Гайгер выскочил на минутку, чтобы повесить на двери аптеки табличку «закрывается», Лилиан ушла проверить, как там ребенок, и поставить в духовку жаркое, а Роб расседлал и накормил бедную терпеливую Монику. Когда все вернулись, оказалось, что Гайгеры не слышали о Марене Маре, а Роб Джей, в свою очередь, не помнил произведений этого поляка, Шопена. Но все трое знали сонаты Бетховена. И весь день они создавали себе таинственный, особый мирок. К тому моменту, когда вопль голодного младенца прервал их игру, они опьянели от безрассудной красоты собственных звуков.

Аптекарь и слушать ничего не хотел об отъезде Роба. На ужин подали розовое мясо ягненка, слабо пахнущее розмарином и чесноком, поджаренное с маленькими морковками и молодым картофелем, и компот из черники.

— Ляжете спать в нашей комнате для гостей, — заявил Гайгер.

Роба притягивало это семейство, и потому он поинтересовался у Гайгера, какие возможности открываются перед врачом в их районе.

— Здесь живет много людей, ведь Колумбус — столица штата, и врачей уже тоже хватает. Это хорошее место для аптеки, но мы и сами собираемся уехать из Колумбуса, когда ребенок достаточно подрастет, чтобы пережить поездку. Я хочу быть не только аптекарем, но и фермером, хочу, чтобы земля досталась моим детям. В Огайо она слишком дорога. Я давненько изучаю места, где можно купить плодородную землю по доступной цене.

И он разложил на столе несколько карт.

— Иллинойс, — начал он и указал Робу Джею на ту часть штата, которая, согласно его исследованиям, подходит больше всего — район между Рокки-ривер и Миссисипи. — Хорошие запасы воды. Красивые леса вдоль русла реки. А остальная часть — прерия, и этого чернозема никогда не касался плуг.

Роб Джей изучал карты.

— Возможно, мне и самому стоит туда поехать, — сказал он наконец. — Посмотреть, понравится ли мне там.

Гайгер просиял. Они еще долго стояли, склонившись над картами, отмечая лучший маршрут, незлобно споря. Роб уже давно ушел спать, а Джей Гайгер допоздна сидел при свечах и переписывал ноты мазурки Шопена. Это произведение они сыграли утром, после завтрака. Затем мужчины еще раз сверились с маршрутом, отмеченным на карте. Роб Джей согласился, что если Иллинойс действительно окажется таким хорошим местом, каким его считает Гайгер, то он обоснуется там и сразу напишет своему новому другу, посоветует ему везти семью к западному фронтиру.

Иллинойс с самого начала оказался интересным местом. Роб прибыл на территорию штата в конце лета, когда жесткая зелень прерий высохла и выгорела. В Данвилле он

наблюдал, как мужчины выпаривают воду из соляных источников в больших черных чайниках и увез оттуда пакет очень чистой соли. Земля прерий оказалась неровной, а местами ее даже украшали низкие холмы. В штате имелись хорошие запасы пресной воды. Робу встретилось только несколько озер, но он увидел много болот, откуда вытекали ручьи, слившиеся в реки. Он выяснил, что люди в Иллинойсе, говоря о «земле между реками», чаще всего имеют в виду южную оконечность штата, лежащую между Миссисипи и Огайо. Этот участок славился толстым слоем плодородной почвы, принесенной большими реками. Эту область называли Египтом, потому что считали ее такой же плодородной, как легендарная почва большой дельты Нила. Глядя на карту Джея Гайгера, Роб Джей понял, что между реками в Иллинойсе много таких «маленьких Египтов». Так или иначе, во время их недолгого общения Гайгер завоевал его уважение, и Роб продолжал двигаться к тому району, который, по мнению Джея, больше всего подходил для поселения.

На то, чтобы пересечь Иллинойс, у него ушло две недели. На четырнадцатый день дорога углубилась в лес, окутав путешественника благословенной прохладой и сырým запахом растений. Двинувшись по узкой тропе, он услышал звук мощного течения и вскоре добрался до восточного берега крупной реки — должно быть, Рокки-ривер.

Несмотря на сухой сезон, течение было сильным, и на крупных скалах, давших название реке ^[4], кипела белая пена. Он направил Монику вдоль берега, пытаясь найти место, где можно было бы перейти реку вброд, и неожиданно вышел к более глубокому и менее быстрому участку. Между стволами двух огромных деревьев на противоположном берегу висел толстый канат. На ветке красовались железный треугольник и кусок стальной трубы, а рядом с ними находилась табличка, надпись на которой гласила: «Переправа ХОЛДЕН-КРОССИНГ. Звонить здесь».

Шаману пришлось долго и энергично молотить трубой по треугольнику, прежде чем он увидел, как по другому берегу, где пришвартован плот, не спеша идет мужчина. Две толстых вертикальных мачты на плоту заканчивались большими металлическими кольцами, через которые был протянут стальной трос, дававший плоту скользить вдоль веревки. Перевозчик, орудуя шестом, направлял плот к другому берегу. К тому времени, как плот оказался на середине реки, сильное течение потянуло веревку за собой, и в результате паромщик перемещал плот по дуге, а не напрямик. В середине темная маслянистая вода была слишком глубокой и шест не доставал до дна, потому что на этом участке реки мужчина медленно тащил плот по веревке. Перевозчик пел баритоном, и Роб Джей прекрасно слышал слова песни:

Однажды, гуляя, стенанья слышал,
Увидел старушку с печалью в глазах.
Смотрела она на грязь на крылечке,
Махала метлою и пела не в такт:

«О, жизнь — испытанье, любовь — просто мука,
Краса вся увянет, богатство уйдет,
Радости меркнут, а цены взлетают,
И все не так, как казалось в мечтах».

В песне было много куплетов, и задолго до того, как они закончились, паромщик смог снова воспользоваться шестом. Когда плот приблизился, Роб увидел мускулистого человека лет тридцати, на голову ниже его. Внешность перевозчика была типичной для уроженца этих мест: грива темных волос, черная борода и усы, выступающие скулы, тонкий кривой нос, который, возможно, придавал бы его лицу жестокое выражение, если бы не синие глаза, веселые и доброжелательные. Одет в коричневые полушерстяные брюки, слишком плотные для такой погоды, синюю хлопковую рубашку с широким воротником. Костюм довершали тяжелые ботинки и кожаная шляпа с широкими полями в белых высолах от пота. Когда расстояние между ними сократилось, Роб напрягся, ожидая заметить в манерах незнакомца надменность, свойственную настоящим красавицам и красавцам. Но в паромщике никакой нарочитости не чувствовалось.

— Привет! — крикнул он. Последний решительный толчок шестом, и плот врезался в песчаный берег. Мужчина протянул руку: — Николас Холден, к вашим услугам.

Роб пожал ему руку и представился. Холден достал из кармана рубашки плитку темного сырого табака и ножом отрезал себе порцию. Затем протянул табак Робу Джею, но тот отрицательно покачал головой.

— Сколько стоит переправа?

— Три цента за вас. Десять центов за лошадь.

Роб заплатил вперед тринадцать центов согласно прейскуранту. Он привязал Монику к предназначенным специально для этого кольцам в плоту. Холден протянул ему второй шест. Крякнув, мужчины приступили к работе.

— Собираетесь обосноваться в наших местах?

— Возможно, — уклончиво ответил Роб.

— Не кузнец, часом? — У Холдена были самые синие глаза, которые Робу доводилось видеть у мужчин, — синие, но без намека на женственность благодаря пронзительному взгляду, из-за которого казалось, что в глубине души он над чем-то посмеивается. — Черт, — буркнул он, когда Роб покачал головой, но, похоже, не удивился. — Кто-кто, а хороший кузнец мне бы чертовски пригодился. Фермер, значит?

Он явно приободрился, когда Роб сказал ему, что он врач.

— Трижды милости просим, и еще раз милости просим! В нашем городишке, Холден-Кроссинге, ой как нужен доктор! Любой доктор может проехать на этом пароме бесплатно, — добавил он и на какое-то время перестал отталкиваться шестом — достаточное, чтобы торжественно отсчитать три цента в ладонь Робу.

Роб посмотрел на монеты.

— А как насчет десяти центов?

— Вот черт, я и не знал, что лошадь — тоже доктор! — Когда он улыбался, то его красота становилась такой ослепительной, что производила отталкивающее впечатление.

У Холдена была крошечная хижина, сложенная из обтесанных бревен, обмазанных белой глиной. Хижина стояла на небольшом возвышении, выходящем на реку, возле сада и ручья.

— Как раз время ужинать, — заявил хозяин дома.

Скоро они ели ароматное жаркое, в котором Роб опознал репу, капусту и лук, но так и не смог понять, что там за мясо.

— Подстрелил сегодня утром старого зайца и молодого тетерева и положил обоих в

котелок, — объяснил Холден.

Наполнив деревянные миски еще раз, они разговорились. Холден оказался деревенским юристом из штата Коннектикут. Юристом с большими планами.

— Как так получилось, что город назвали в вашу честь?

— Что значит «назвали»? Я сам его так назвал, — улыбнувшись, ответил он. — Я приехал сюда первым и организовал переправу. Всякий раз, когда кто-то приезжает, чтобы обосноваться здесь, я сообщаю ему название города. Никто пока не возражал.

По мнению Роба, бревенчатый дом Холдена не мог сравниться с уютными домиками шотландцев. Здесь было темно и душно. Кровать, которая стояла слишком близко к коптящему камину, покрывал слой сажи. Холден весело заметил, что единственное преимущество данного места состоит в том, что оно прекрасно подходит для дома; до конца года, заявил он, хижину снесут, а вместо нее возведут прекрасный дом.

— Так точно, у меня большие планы. — И он поведал Робу Джею о том, что здесь скоро появится: гостиница, универсальный магазин, со временем — банк. Он и не скрывал, что очень хочет уговорить Роба поселиться в Холден-Кроссинге.

— Сколько семей здесь живет сейчас? — спросил Роб Джей и грустно улыбнулся, услышав ответ. — Врач не сможет заработать на жизнь, если в его услугах будут нуждаться только шестнадцать семей.

— Разумеется, нет. Но скоро поселенцы сюда просто валом повалят. Отсюда и до самого Рок-Айленда здесь нет ни одного врача, зато есть много ферм, разбросанных по равнине. Вам нужно просто купить себе лошадь покрепче и быть готовым потратить немного времени на визиты к больным.

Роб вспомнил, как он расстраивался из-за того, что не может обеспечивать хорошее лечение в условиях перенаселенного Восьмого района. Но у данной местности были свои реалии. Он сказал Нику Холдену, что подумает над его предложением завтра.

Той ночью он спал на полу в хижине, завернувшись в стеганое одеяло, а на кровати храпел Ник Холден. Но храп не мог помешать человеку, который провел зиму в бараке с девятнадцатью пукающими и кашляющими лесорубами. Утром Холден приготовил завтрак, а Робу поручил вымыть тарелки и сковородку, заявив, что у него дела и что он скоро вернется.

День был ясным, свежим. Солнце уже светило немилосердно, и Роб распаковал виолу и сел на крупный валун в тени между задней стенкой хижины и первым рядом деревьев. Рядом с собой, прямо на валуне, он разложил ноты мазурки Шопена, которые так тщательно переписал для него Джей Гайгер, и начал старательно играть.

Примерно с полчаса он раз за разом проигрывал тему и мелодию, пока они не превратились в музыку. Подняв глаза от страницы, он посмотрел в сторону леса и увидел двух верховых индейцев, наблюдающих за ним из-за первого ряда деревьев. Его охватило волнение, потому что индейцы выглядели именно так, как их описывал Джеймс Фенимор Купер: это были мускулистые и худые мужчины с запавшими щеками и голыми торсами, их кожа блестела, как будто ее намазали маслом. Ближе к Робу стоял воин с большим крючковатым носом, в штанах из оленьей кожи. Его голый череп пересекала яркая полоска жестких и грубых, словно у животного, волос. В руках он держал ружье. Его товарищ был крупным мужчиной, таким же высоким, как Роб Джей, но более коренастым. У него были длинные темные волосы, перехваченные кожаной лентой, из одежды — набедренная повязка и обтягивающие кожаные штаны. Вооружен он был луком, и Роб Джей четко видел, что на

шее у лошади висит колчан стрел, в точности как на рисунке в одной из книг об индейцах в бостонском Атенеуме.

Он не знал, не скрываются ли за ними, в лесу, другие индейцы. Если у них враждебные намерения, то он пропал, потому что виола да гамба — плохое оружие. Ему пришло в голову, что стоит возобновить игру, и он поставил смычок назад на струны и заиграл, но не Шопена: он не хотел отводить взгляд от них, чтобы посмотреть в партитуру. Не осознавая этого, он заиграл мелодию семнадцатого столетия, которую хорошо знал, «*Cam La Vita Mia*» Орацио Бассани. Он сыграл ее всю, от начала и до конца, а затем — еще раз, но до половины. Наконец он остановился, потому что не мог сидеть и играть целую вечность.

За спиной у него раздался какой-то звук, и он быстро повернулся и увидел, как в лес улепетывает рыжая белка. Когда он снова посмотрел на лес впереди, то испытал одновременно и облегчение, и разочарование, потому что индейцы исчезли. В течение нескольких секунд он еще слышал стук копыт их лошадей, но затем единственным звуком остался шорох ветра в ветвях деревьев.

Когда вернулся хозяин хижины, Роб рассказал ему о происшествии. Ник Холден попытался не показать, как сильно он расстроился, быстро проверил свои пожитки и заявил, что, похоже, ничего не пропало.

— Индейцы в этих местах — сауки. Девять или десять лет назад племена сауков выгнали с земель их предков. Эту войну они назвали Войной Черного Ястреба. Индейцев гнали вдоль Миссисипи, пока не вытеснили в Айову, а несколько лет назад всех оставшихся в живых сауков загнали в резервацию в Канзасе. Месяц назад до нас дошли слухи, что около сорока храбрецов, взяв с собой женщин и детей, сбежали из резервации. Говорили, что они направились в Иллинойс. Я уверен, что им хватит ума не доставлять нам неприятностей: их слишком мало. Думаю, они также надеются, что мы оставим их в покое.

Роб кивнул.

— Если бы они хотели причинить мне зло, то я бы вряд ли смог им помешать.

Ник постарался сменить тему и не упоминать ничего, что могло бы показать Холден-Кроссинг в невыгодном свете. Утром Холден осматривал четыре участка земли. Ему не терпелось показать их, и он уговорил Роба оседлать лошадь.

Это была собственность правительства. По пути туда Ник объяснил, что федеральные землемеры собирались разбить территорию на участки по восемьдесят акров каждый. Частная собственность шла по восемь долларов за акр или даже больше, но правительственная земля продавалась по доллару двадцать пять центов за акр, а участок в восемьдесят акров шел за сто долларов. Одну двадцатую часть покупной цены нужно было уплатить сразу, чтобы застолбить землю, а еще двадцать пять процентов от суммы следовало выплатить в течение сорока дней со дня подачи заявки; остаток вносился равными долями в конце второго, третьего и четвертого года от даты заключения сделки. Ник сказал, что лучшей земли для фермы не сыскать, и, когда они прибыли на место, Роб поверил ему. Неподалеку на протяжении почти двух километров протекала река, на берегу которой расположился густой лес, где были и ручьи с питьевой водой, и древесина для строительства дома. За лесом раскинулся многообещающий целинный чернозем.

— Хочу дать вам совет, — сказал Холден. — Я бы рассматривал эту землю не как четыре участка по восемьдесят акров каждый, а как два участка по сто шестьдесят акров. Сейчас правительство позволяет новым переселенцам покупать по два участка сразу, и на

вашем месте я бы именно так и поступил.

Роб Джей поморщился и покачал головой.

— Земля тут хорошая. Но у меня просто нет необходимых пятидесяти долларов.

Ник Холден задумчиво посмотрел на него.

— Мое будущее завязано на этом городе. Если я сумею привлечь сюда поселенцев, я открою свой универсальный магазин, построю мельницу и гостиницу. Переселенцы стекаются туда, где есть врач. Для меня ваше проживание в Холден-Кроссинге — это деньги в кармане. Банки предоставляют ссуды под два с половиной процента годовых. Я дам вам ссуду в пятьдесят долларов под полтора процента годовых, и выплатить их мне вы должны будете в течение восьми лет.

Роб Джей огляделся, вдохнул поглубже. Земля была очень хорошая. Место показалось ему таким идеальным, что пришлось приложить усилия, чтобы не выдать своих чувств голосом, когда он принял предложение. Ник тепло пожал ему руку и отмахнулся от благодарности: «Это просто хорошая сделка». Они медленно объехали приобретение Роба. Двойной участок в южной части представлял собой почти плоскую долину. Северная же часть была неровной, а кое-где земля так поднималась, что эти места можно было даже назвать холмистыми.

— Я бы взял южный участок, — заметил Холден. — Почва здесь лучше, и пахать легче.

Но Роб Джей уже решил купить северный.

— Я отведу основную часть под пастбище и стану держать овец: уж в этом-то деле я знаю толк. Но есть у меня знакомый, мечтающий обрабатывать землю, и, возможно, он захочет взять себе южный участок.

Когда он рассказал Холдену о Джейсоне Гайгере, адвокат широко улыбнулся.

— Аптека в Холден-Кроссинге? Это же просто великолепно! Тогда я внесу залог за южный участок, чтобы зарезервировать его на имя Гайгера. Если он не захочет здесь жить, то мне не составит труда перепродать землю: очень уж она хороша.

На следующее утро оба мужчины поехали в Рок-Айленд, и из офиса Земельного реестра Соединенных Штатов Роб Джей вышел землевладельцем и должником.

После полудня он снова съездил к своему участку, один. Привязал кобылу и обошел лес и прерию пешком, изучая округу и составляя планы. Словно во сне, он шел вдоль реки, бросал в воду камешки и отказывался поверить, что все это принадлежит ему. В Шотландии купить участок земли было чрезвычайно трудным делом. Пастбище для овец в Килмарноке, принадлежащее его семье, передавалось от поколения к поколению в течение многих столетий.

Тем вечером он написал письмо Джейсону Гайгеру, где описал сто шестьдесят акров, оставленные рядом с его собственностью, и попросил друга сообщить ему как можно скорее, хочет ли он вступить во владение землей. Он также попросил Джейсона прислать ему побольше серы, потому что Ник, хоть и с неохотой, сообщил ему, что по весне всегда случались вспышки болезни, которую местные называли иллинойской чесоткой, и, судя по всему, единственным средством от нее было применение большого количества серы.

Новость о приезде врача мгновенно облетела всю округу. Спустя три дня после того, как Роб Джей оказался в Холден-Кроссинге, его вызвали к пациенту, который жил в шестнадцати милях, и с того момента ему и вздохнуть некогда было. В отличие от переселенцев на юге и в центре Иллинойса, большинство которых приехало из Южных штатов, фермеры, осевшие на севере Иллинойса, прибыли из Нью-Йорка и Новой Англии, и с каждым месяцем их становилось все больше. Они приходили пешком, приезжали верхом или в фургонах, иногда пригоняли с собой корову, пару свиней или овец. Его врачебная практика охватывала огромную территорию: прерия то катилась между большими реками, то пересекалась речушками, то перемежалась густыми рощами, то оказывалась покрытой пятнами глубоких, грязных топей. Если пациент сам приходил к нему, он брал по семьдесят пять центов за каждую консультацию. Если он навещал пациента на дому, то брал доллар, а в ночное время — полтора доллара. Большую часть рабочего дня он проводил в седле, потому что фермы пока что были достаточно сильно разбросаны по этой неизведанной стране. Иногда по вечерам он так уставал от многочисленных поездок, что буквально падал на пол и мгновенно засыпал.

Он сказал Холдену, что сможет выплатить какую-то часть долга в конце месяца, но Ник улыбнулся и покачал головой: «Не спешите. Вообще-то я думаю, что стоит одолжить вам еще немного. Зимы здесь суровые, и вам понадобится лошадка повыносливее той клячи, на которой вы приехали. А с таким количеством пациентов у вас никак не хватит времени на то, чтобы построить себе хижину до первых снегопадов. Давайте-ка я подыщу кого-нибудь, кто смог бы построить ее для вас, за деньги».

И Ник нашел такого человека: звали его Олден Кимбел, он был худой как щепка, но удивительно энергичный мужчина с зубами, пожелтевшими от постоянного курения трубки из кукурузного початка. Он вырос на ферме в Хаббардтоне, штат Вермонт, а потом стал распутным мормоном из города Нову, штат Иллинойс, где жители называли себя Святыми Последних Дней, а у мужчин, если верить слухам, было столько жен, сколько им хотелось. Когда Роб Джей встретился с Кимбелом, тот заявил, что поругался с церковными старостами и просто удрал. Роб Джей не собирался выведывать подробности. Ему было достаточно того, что Кимбел орудует топором и теслом так, словно они — продолжение его конечностей. Он рубил и обтесывал бревна, делал их плоскими с двух сторон, даже не поднимая их с земли. А однажды Роб благодаря помощи Олдена взял займы вола у фермера по имени Грюбер. Роб догадался, что Грюбер ни за что не дал бы ему своего драгоценного вола, не держись Кимбел поблизости. Падший святой терпением и настойчивостью подчинил вола своей воле, и они вместе — двое мужчин и одно животное — за один-единственный день отволокли бревно, которым была придана необходимая форма, на строительный участок, который Роб выбрал на берегу реки. Когда Кимбел стал соединять бревна фундамента деревянными кольшками, Роб заметил, что большое бревно, которое должно послужить единственной опорой для северной стены, сильно изогнуто, примерно на одной трети длины, и обратил на это внимание Олдена.

«Не страшно», — ответил Кимбел, и Роб удалился, чтобы не мешать ему работать.

Приехав на место несколько дней спустя, Роб увидел, что стены хижины выросли. Олден заделал щели между бревнами глиной, которую нашел где-то на берегу реки, и сейчас белил эти глиняные полосы. На северной стене у всех бревен был изгиб, почти точно совпадавший с изгибом на бревне фундамента, так что вся стена оказалась одинаковой кривизны. Наверняка у Олдена ушло очень немало времени на то, чтобы найти бревна с

точно таким же дефектом; и действительно, два бревна пришлось хорошенько обтесать, чтобы придать им нужную форму.

Именно Олден сообщил ему о подседельной лошади, которую продавал Грюбер. Когда Роб Джей признался, что не очень разбирается в лошадях, Кимбел пожал плечами: «Четыре года, все еще растет и набирает вес. Здоровая, никаких проблем».

Так Роб и купил себе подседельную кобылу. Цвета она была, по словам Грюбера, «кровавого залива»: скорее рыжего, чем бурого, с черными ногами, гривой и хвостом, с россыпью черных пятнышек, словно веснушек, на лбу; пятнадцати ладоней в холке, подходящего для верховой езды сложения и с умными глазами. Поскольку веснушки напомнили ему о девушке, которую он знал в Бостоне, он назвал ее Маргарет Холланд. Сокращенно Мэг.

Убедившись, что у Олдена в отношении животных глаз наметан, однажды утром Роб спросил, не хочет ли тот остаться работать на ферме после того, как закончит строить хижину.

— Ну... А что за ферма?

— Овцы.

Олден поморщился.

— Ничего не знаю об овцах. Всегда имел дело с дойными коровами.

— Я вырос с овцами, — сказал Роб. — Смотреть за ними почти не надо. Овцы обычно сбиваются в кучу, и на открытом пространстве с ними легко управятся один человек и собака. Что касается других дел — кастрации, стрижки и тому подобного, — то могу рассказать тебе, что к чему.

Олден вроде бы задумался, но на самом деле просто старался быть вежливым.

— Сказать по правде, овец я не люблю. Нет, — решил он наконец. — Большое спасибо, но вряд ли.

Возможно, просто чтобы сменить тему, он спросил Роба, как тот намерен поступить со старой лошадей. Моника Гренвилл принесла его на запад, но теперь еле держалась на ногах.

— Не думаю, что вы сможете срубить за нее денежку, если только не откормите ее хорошенько. Травы в прерии вдоволь, но на зиму придется закупить сено.

Эту проблему решили несколько дней спустя, когда фермер, у которого не было наличных денег, заплатил за прием родов стогом сена. Посоветовавшись, Олден удлинил крышу хижины на южной стене и подпер углы столбами, чтобы создать открытую конюшню для этих двух лошадей. Через несколько дней после того, как конюшня была закончена, к Робу заглянул Ник, чтобы посмотреть, как идут дела. Он широко улыбнулся, увидев пристройку. Олден Кимбел боялся встретиться с Ником взглядом.

— Да, вид у твоей хижины какой-то странный, согласись. — И, дойдя до северной стороны здания, удивленно поднял брови. — Чертова стена кривая.

Роб Джей восхищенно провел кончиками пальцев по изгибу бревен.

— Нет, ее специально так построили, нам так очень нравится. Это отличает ее от других хижин, которые попадутся вам на глаза.

После того как Ник уехал, Олден молча работал еще около часа; затем он прекратил забивать колышки и подошел к Робу, который чистил шкуру Мэг. Выбил остатки табака из трубки о каблук.

— Думаю, я сумею научиться обращаться с овцами, — заявил он.

Отшельник

Для первой, маленькой отары Роб Джей решил купить главным образом испанских мериносов, потому что их прекрасная шерсть станет ценным товаром. Он хотел скрестить их с породой английских длинношерстных. Именно так поступала его семья в Шотландии. Он сказал Олдену, что купит овец не раньше весны, чтобы избежать расходов и усилий, необходимых на то, чтобы содержать их всю зиму. Тем временем Олден усердно запасал столбы для будущего забора, возвел две пристройки с односкатной крышей и построил себе хижину в лесу. Дел у Роба Джея было по горло, и просто счастье, что контролировать его не было нужды. Те, кто жил поблизости, долгое время обходились без услуг врача, и первые несколько месяцев он потратил, пытаясь исправить последствия отсутствия нормального лечения и использования «народных средств». Он наблюдал пациентов с подагрой, раком, водянкой, золотухой, множество детей с глистами, людей всех возрастов с чахоткой. А удалять гнилые зубы ему приходилось почти в каждый свой визит. К удалению зубов он относился примерно так же, как к ампутации: ему очень не нравилось убирать то, что он никогда не сможет вернуть на место.

— Вот погодите, весной тут все свалится с какой-нибудь лихорадкой. Вы сколотите на них целое состояние, — бодро заявил ему Ник Холден.

По вызову Робу приходилось забираться в отдаленные, почти несуществующие места. Ник предложил одолжить ему револьвер, пока Роб не может сам его купить:

— Путешествовать опасно, здесь полно бандитов, разбойников с большой дороги, а теперь еще и проклятые краснокожие.

— Краснокожие?

— Индейцы.

— Кто-то еще их видел?

Ник нахмурился и сообщил, что их замечали несколько раз, но, хоть и неохотно, признал, что они никому не причинили зла.

— Пока что, — мрачно добавил он.

Роб Джей не стал ни покупать пистолет, ни одалживать его у Ника: верхом на новой лошади он чувствовал себя в безопасности. Она оказалась очень выносливой, и он наслаждался уверенностью, с которой она пробиралась по крутым берегам реки и переходила стремительные ручьи. Он приучил ее к тому, что может вскочить в седло с любой стороны, а еще — подбегать к нему, когда он свистнет. Таких лошадей часто использовали, чтобы пасти скот, и еще Грюбер научил ее мгновенно пускаться вскачь, останавливаться и поворачиваться, отвечая на малейшее изменение посадки седока или движение узды.

Однажды в октябре его вызвали на ферму Густава Шрёдера: тому раздавило скалой два пальца на левой руке. По пути туда Роб потерялся и, чтобы спросить дорогу, остановился у какой-то жалкой лачуги, стоявшей возле ухоженных полей. Дверь лишь чуть-чуть приоткрылась, в нос ему ударил ужаснейший запах: вонь от застарелых выделений организма, затхлый воздух, гниение. Наружу кто-то выглянул, и он увидел красные опухшие глаза и мокрые, слипшиеся от грязи волосы, как у ведьмы.

— Прочь! — хрипло каркнула она. В комнату от дверей метнулось какое-то существо размером с небольшую собачку. Неужели там может быть ребенок? Дверь с грохотом захлопнулась.

Ухоженные поля оказались собственностью Шрёдера. Когда Роб наконец добрался до фермерского дома, ему пришлось ампутировать пострадавшему мизинец и верхний сустав третьего пальца — настоящая мука для пациента. Закончив, он спросил жену Шрёдера о той женщине в лачуге, и Альма Шрёдер немного смутилась.

— Это всего лишь бедная Сара, — ответила она.

12

Большой индеец

Ночи стали холодными и кристально-чистыми, с огромными звездами, а затем, на несколько недель подряд, небо опустилось. Пошел снег, прекрасный и ужасный, хотя был еще только ноябрь, а потом подул ветер и разрезал глубокое белое покрывало, намел сугробы, которые были препятствием лошади, но никогда не останавливали ее. И увидев, как она мужественно пробирается сквозь заносы, Роб Джей по-настоящему полюбил ее.

Трескучий мороз на равнинах держался весь декабрь и большую часть января. Однажды на рассвете Роб возвращался домой. Ночь он провел в дымной землянке с пятью детьми, у трех из которых была тяжелая форма крупы. Внезапно он натолкнулся на двух индейцев, попавших в беду. Он сразу узнал мужчин, которые слушали его игру на виоле возле хижины Ника Холдена. Тушки трех зайцев-беляков подсказали ему, что индейцы охотились. Пони одного из них провалился в снег и сломал переднюю ногу у копыта. При падении лошадь придавила седока — саука с большим крючковатым носом. Его товарищ, огромный индеец, сразу же убил лошадь, распоров ей брюхо, а затем сумел вытащить потерпевшего из-под туши. Он положил его недалеко от дымящейся раны животного, чтобы не дать ему замерзнуть.

— Я врач, я хочу вам помочь.

Они не понимали по-английски, но большой индеец даже не попытался помешать ему осматривать раненого. Как только он сунул руку под изодранную меховую одежду, ему стало очевидно, что у охотника задний вывих правого бедра и тот ужасно мучается. Судя по тому, как беспомощно повисла нога, был задет седалищный нерв. Когда Роб стащил с саука кожаную обувь и уколол кончиком ножа, тот не смог пошевелить пальцами ноги. Мышцы одеревенели из-за боли и жуткого холода, и вправить вывих на месте не было никакой возможности.

К возмущению Роба Джея, большой индеец неожиданно вскочил на свою лошадь и поехал прочь, двигаясь по прерии к линии деревьев — возможно, за помощью. На Робе был изъеденный молью овчинный тулуп, выигранный в покер у лесоруба еще прошлой зимой. Он снял его и накрыл им пациента. Затем открыл седельную сумку и достал оттуда старый перевязочный материал: связал индейцу ноги, чтобы зафиксировать вывихнутое бедро. Тут вернулся большой индеец и приволок две крепкие, но гибкие ветки без сучков. Привязав их с обоих боков лошади, как оглобли, он соединил их кое-какой одеждой — получилась

волокуша. К ней они пристегнули ремнями потерпевшего, который, должно быть, ужасно страдал в ходе подобного передвижения, хотя по снегу волокуша перемещалась куда как мягче, чем по голой земле.

Пошел мокрый снег. Роб Джей двинулся вслед за санями. Они ехали вдоль края леса, у самой реки. Наконец, индеец направил свою лошадь в просвет между деревьями и они стали приближаться к лагерю сауков.

Жилища сауков — конические кожаные *типи*; Роб Джей насчитал их семнадцать — прислонялись к стволам деревьев, таким образом защищаясь от ветра. Все сауки были тепло одеты. Повсюду взгляд натывался на признаки пребывания резервации: помимо одежды из кожи животных и меха, они носили старую одежду белых, а кое-где под навесами виднелись армейские ящики с боеприпасами. Вокруг хватало сухих веток для костра, и столбы серого дыма поднимались из специальных отверстий в крышах *типи*. Но от Роба Джея не ускользнула жадность, с которой к тощим зайцам отовсюду потянулись руки, как и измученное выражение лиц вокруг: ему уже доводилось встречать людей, которые не могут поестъ досыта.

Пострадавшего занесли в одно из типи, и Роб последовал за ним.

— Здесь кто-нибудь говорит по-английски?

— Я знать твой язык. — Определить возраст говорившего было трудно, поскольку он, как и все остальные, кутался в бесформенную кучу меха. А его лицо пряталось в капюшоне, сшитом из серых беличьих шкурок. Судя по голосу, это была женщина.

— Я знаю, как вылечить этого человека. Я врач. Вы знаете, кто такой врач?

— Я знать. — Из-под складок меха на него оценивающе смотрели ее карие глаза. Она что-то быстро произнесла на их наречии, и люди в палатке замерли, внимательно глядя на него.

Роб Джей взял несколько палок из их поленницы и разжег костер. Когда он раздел потерпевшего, то увидел, что бедро вывернуто наружу. С помощью женщины приказал удерживать раненого. Удостоверившись, что сильные руки крепко прижимают мужчину к земле, Роб присел, поднял ноги индейца, просунул правое плечо прямо под колено травмированной ноги и резко, изо всех сил, рванул вверх. Когда кость вошла в сустав, раздался громкий хруст.

Индеец лежал неподвижно, словно мертвый. На протяжении всей процедуры он ни разу не застонал. Ему не помешал бы глоток виски и настойки опия. Но эти лекарства остались в седельной сумке Роба, и не успел он пойти за ними, как женщина налила воду в пустую тыкву и смешала ее с порошком из маленькой замшевой сумки, после чего протянула питье потерпевшему, и тот жадно проглотил все. Она приложила ладони к бедрам мужчины, пристально посмотрела ему в глаза и произнесла что-то речитативом на их языке. Наблюдая за ней и слушая ее голос, Роб Джей почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом. Он понял, что она — их врач. Или, возможно, что-то вроде жреца.

И тут на него навалились усталость от бессонной ночи и борьбы со снегом предыдущих суток, и, двигаясь словно в тумане, он вышел из тускло освещенного типи. Снаружи в ожидании исхода стояла толпа припорошенных снегом сауков. Какой-то старик со слезящимися глазами коснулся его, словно желая задать вопрос.

— *Коусо вабескиу!* — произнес он, и другие подхватили: — *Коусо вабескиу, коусо вабескиу.*

Из типи вышла врач-жрица. Когда она сбросила капюшон, открыв лицо, он понял, что

она вовсе не старая.

— Что они говорят?

— Они называют тебя белым шаманом, — ответила она.

Знахарка сказала ему, что по причинам, которые сразу стали ему очевидны, потерпевшего зовут Вокош — Орлиный Нос. Большого индейца звали Пьяванегава — Идет Поет. По пути к своей хижине Роб Джей встретил Идет Поет и двух других сауков.

Как только Орлиный Нос привезли в поселение, индейцы поспешили за тушей лошади, чтобы забрать мясо до того, как оно стало добычей волков. Они разделали тушу и везли ее на двух выючных лошадях. Проезжая мимо Роба, они не удостоили его и взглядом, словно ехали мимо дерева.

Вернувшись домой, Роб Джей сделал запись в своем дневнике и попытался изобразить женщину по памяти, но, как ни старался, все, что у него получалось — шаблонное лицо индейца, бесполое и с запавшими от голода щеками. Ему нужно отдохнуть, но спать почему-то не хотелось. Он знал, что у Гуса Шрёдера есть сухие початки на продажу, а Олден как-то упомянул, что Пол Грювер отложил для той же цели немного зерна. Он оседлал Мэг и повел в поводу Монику, и после обеда вернулся в лагерь сауков и сбросил на землю два мешка зерна, один мешок брюквы и еще один — пшеницы.

Знахарка не стала его благодарить. Она просто посмотрела на мешки с едой, резко отдала несколько приказов, и вот уже нетерпеливые руки заносят их в типи, подальше от холода и сырости. Ветер распахнул ее капюшон. Она была настоящей краснокожей: ее лицо было насыщенного, густого красно-коричневого оттенка. На переносице красовалась внушительная горбинка, а ноздри были широкими, почти негроидными. Ее карие глаза казались огромными, а взгляд был прямым. Роб спросил, как ее зовут, она ответила: Макваиква.

— Что это означает по-английски?

— Женщина-медведь, — коротко пояснила она.

13

В холодный сезон

Обрубки ампутированных пальцев Гуса Шрёдера зажили: обошлось без заражения. Роб Джей, возможно, слишком часто навещал фермера, но причиной тому была таинственная женщина в хижине на земле Шрёдера. Альма Шрёдер сначала и слова не желала проронить о соседке, но как только она убедилась, что Роб Джей искренне хочет помочь, то стала по-матерински много рассказывать ему об этой молодой женщине.

Ее звали Сара, ей было двадцать два года, муж ее умер; в Иллинойс она приехала из Виргинии за пять лет до описываемых событий, вместе с молодым супругом, Александром Бледшо. Две весны подряд Бледшо поднимал твердую, полную длинных корней почву, взяв себе в помощь плуг и воловью упряжку, стараясь как можно больше расширить свои поля, пока летняя трава в прерии не поднимется выше человеческого роста. В мае второго года жизни на Западе он подхватил иллинойсскую чесотку, которая сменилась лихорадкой, и

умер.

— И вот, через год, опять весной, она пытается сама вспахать и засеять поле, совсем одна, — продолжала Альма. — Получила *kleine*, маленький урожай, вспахала еще чуть-чуть земли, но просто не может справиться в одиночку. Вообще не может быть фермером. Тем летом мы приезжать из Огайо, Гус и я. И мы делаем... как вы это называть? Сделка? Она передает свою землю Густаву, мы даем ей маис, фрукты. Дрова для огня.

— Сколько лет ребенку?

— Два года, — ровным тоном произнесла Альма Шрёдер. — Она никогда не говорила об этом, но мы думаем, что отец — Вилл Мосби. Вилл и Фрэнк Мосби, братья, жили вниз по реке. Когда мы переехали сюда, Вилл Мосби проводил с ней много времени. Мы были рады. Здесь женщине обязательно нужен мужчина. — Альма презрительно фыркнула. — Ох уж эти братья. Совершенно пропащие, совершенно. Фрэнк Мосби скрывается от закона. Вилла убили в драке в салуне, почти перед самым рождением ребенка. А через пару месяцев Сара заболела.

— Ей не слишком везет.

— Вообще не везет. Она серьезно больна, говорит, что умирает от рака. У нее болит живот, да так сильно, что она не может... Ну, вы понимаете... Удержать в себе воду.

— А кишечник она тоже не контролирует?

Альма Шрёдер покраснела. Разговор о ребенке, рожденном вне брака, касался просто наблюдений за неожиданными поворотами жизни, но функции организма она не привыкла обсуждать с мужчиной, даже с врачом, если не считать Гуса.

— Нет. Только вода... Она хочет, чтобы я забрала мальчика, когда она отойдет. Мы уже все равно пятерых кормим... — В ее взгляде вспыхнула надежда. — Вы дадите ей лекарство от болей?

Когда человек болеет раком, он может выбирать между виски и настойкой опия. И что бы она ни выбрала, она уже не сможет заботиться о своем ребенке. Но когда он ушел от Шрёдеров, то остановился у хижины, закрытой и производящей впечатление заброшенной.

— Миссис Бледшо! — крикнул он. Потом постучал в дверь. — Я Роб Джей Коул. Я врач. — Он снова постучал.

— Уходите. Идите прочь. Прочь!

К концу зимы его хижина наконец стала походить на дом. Везде, куда бы он ни ехал, он приобретал предметы домашнего обихода: чугунок, оловянные кружки, бутылку веселой расцветки, миску из обожженной глины, деревянные ложки. Кое-что он принимал в качестве платы за свои услуги, например пару старых, но пригодных к использованию лоскутных одеял; одно из них он повесил на северной стене, чтобы убрать сквозняки, а вторым накрыл кровать, которую ему смастерил Олден Кимбел. Олден также снабдил его трехногим табуретом и низкой скамеечкой, на которой можно было сидеть перед камином, а перед тем, как пошел сильный снег, вкатил в хижину бревно из белого клена, длиной в три фута, и поставил его на попа. К бревну он прибил несколько досок, и Роб положил на них старое шерстяное одеяло. За этим столом он сидел, как король, на лучшем предмете мебели в доме — стуле с сиденьем, сплетенным из коры гикори, обедал или читал книги и журналы перед сном, в неверном свете, который давал тряпичный фитиль, горящий в тарелке с расплавленным жиром. Камин, сделанный из речных камней и глины, отлично согревал небольшое помещение. Над очагом на крючках висели его ружья, а со стропил свисали

пучки трав, связки лука и чеснока, нанизанные на нитку сушеные кусочки яблок, твердая колбаса и черная от дыма ветчина. В углу он держал инструменты: мотыгу, топор, тяпку, деревянные вилы — все они были выполнены с различной степенью мастерства.

Иногда он играл на виоле да гамба, однако большую часть времени слишком уставал, чтобы играть в полном одиночестве.

Второго марта на почту в Рок-Айленде пришло письмо и пакет серы от Джея Гайгера. Гайгер писал, что земля в Холден-Кроссинге, судя по описанию Роба Джея, лучше, чем они с женой могли надеяться. Он послал Нику Холдену денежный перевод, чтобы покрыть задаток на участок, и будет перечислять все последующие платежи в представительство земельного реестра. К сожалению, в ближайшее время Гайгеры не смогут приехать в Иллинойс: Лилиан опять беременна, — «неожиданная новость, которая, хотя и наполняет нас радостью, задержит наш отъезд из этого места». Они подождут, пока их второй ребенок родится и достаточно подрастет, чтобы пережить тяжелое путешествие через прерии.

Роб Джей прочитал письмо со смешанными чувствами. Он был рад, что Джей доверяет его рекомендации по поводу земли и когда-нибудь станет его соседом. Но он также испытал отчаяние, потому что этот день снова откладывался. Он много бы дал за то, чтобы посидеть с Джейсоном и Лилиан и поиграть музыку, которая принесет покой в его душу. Прерия была огромной, безмолвной тюрьмой, и большую часть времени ему не с кем было ее разделить.

Он сказал себе, что стоит подыскать хорошую собаку.

К середине зимы в племени сауков начался голод. Гус Шрёдер поинтересовался, зачем Робу Джею еще два мешка зерна, но не стал акцентировать на этом внимание, когда Роб ничего не ответил. Индейцы приняли очередной дар молча и без видимых проявлений эмоций, как и в прошлый раз. Кроме того, он принес Маква-икве фунт кофе и стал регулярно появляться у ее костра. Она клала в кофе столько поджаренных кореньев, что результат отличался от всех видов этого напитка, которые ему доводилось попробовать. Молока она не добавляла; получалось не очень вкусно, но зато горячо и как-то очень по-индейски. Постепенно они узнали историю жизни друг друга. Она четыре года проучилась в миссии для детей индейцев около форта Кроуфорд. Она немного умела читать и слышала о Шотландии, но, когда он спросил, не христианка ли она, тут же внесла ясность. Ее народ поклонялся Се-ванна — верховному богу — и другим *маниту*, духам. Она учила соплеменников правильно поклоняться богам, как это делали в старину. Он понял, что она, помимо всего прочего, еще и жрица, и это помогает ей быть хорошей знахаркой. Она знала все о лекарственных растениях окрестностей, и с шестов, подпиравших потолок ее жилища, свешивались пучки сушеных трав. Несколько раз он наблюдал, как она лечит сауков: сначала садится на корточки возле больного индейца и тихо играет на водяном барабане, сделанном из глиняного горшка, наполненного на две трети водой и закрытого тонко выделанной шкурой. Она терла эту шкуру кривой палкой, и в результате извлекала низкий рокочущий звук, который, как выяснилось, обладал усыпляющим эффектом. Через некоторое время она клала обе руки на ту часть тела, которая нуждалась в лечении, и говорила с больным на их языке. Он видел, как она облегчила состояние юноши, который потянул мышцы спины, и помогла старухе, страдавшей от болей в суставах.

— Как вы убираете боль руками?

Она лишь покачала головой:

— Не могу объяснить.

Роб Джей обхватил ладонями руки старухи. Несмотря на то, что ее боль ушла, он

почувствовал, как из нее вытекают силы, и сообщил Маква-икве, что больной осталось жить лишь несколько дней. Когда он вернулся в лагерь сауков пять дней спустя, она уже была мертва.

— Как вы узнали? — спросила его Маква-иква.

— Приближающаяся смерть... некоторые люди в моей семье чувствуют ее. Это своего рода дар. Я не могу объяснить.

Таким образом, каждый из них принял слова другого на веру. Она вызывала у него огромный интерес, поскольку совершенно не походила ни на кого из тех, кого он знал. Уже тогда они воспринимали друг друга не только как интересных личностей, но и как представителей противоположного пола. Чаще всего они сидели перед костерком в ее типи и пили кофе или разговаривали. Однажды он попытался описать ей Шотландию, хоть и не мог определить, что она понимает и понимает ли вообще — но она слушала и время от времени задавала вопросы о диких животных или зерновых культурах. Она объяснила ему структуру племени сауков, и теперь пришла ее очередь упражняться в терпении, поскольку для него это оказалось очень сложным вопросом. Народ сауков был разделен на двенадцать групп, подобно шотландским кланам, только вместо Мак-Доналд, или Брюс, или Стюарт они назывались так: Намавук — Осетр; Мук-Киссу — Лысый Орел; Пукка-хуммовук — Желтый Окунь; Макко Пенняк — Медвежий Картофель; Киче Кумме — Большое Озеро Пейшейк-иссевук — Олень; Пешше-пешевук — Пантера; Веймесо-ук — Гром; Муквук — Медведь; Месеко — Черный Окунь; Ара-вук — Лебедь и Мухва-вук — Волк. Клань вполне мирно уживались вместе, но каждый мужчина-саук принадлежал к одной из двух жестко конкурирующих Половин: Кеесо-кви — Длинноволосые и Ош-куш — Храбрецы. Первенца мужского пола в каждой семье при рождении объявляли членом Половины его отца; второй мальчик становился членом другой Половины, и так далее, поочередно, чтобы эти две Половины были более или менее одинаково представлены в рамках каждой семьи и, шире, — в каждом клане. Они соперничали в играх, в охоте, в рождении детей, в числе подвигов и других славных делах — в каждом аспекте своей жизни. Непримириемое соперничество помогало саукам оставаться сильными и храбрыми, но между Половинами не существовало никакой кровной вражды. Роба Джея поразило, что эта система куда более разумна, чем привычная ему, и более цивилизованная, поскольку за многие столетия дикой междоусобной борьбы тысячи шотландцев умерли от рук представителей клана-соперника.

Из-за того, что еды и так не хватало, а также из-за недоверия к приготовлению пищи индейцами он сначала отказывался разделить обед с Маква-иквой. Но затем, когда охотникам несколько раз улыбнулась удача, он попробовал ее стряпню и счел ее вполне вкусной. Он заметил, что они предпочитают тушить мясо, а не жарить его, и, при наличии выбора, скорее возьмут красное мясо или птицу, чем рыбу. Она рассказала ему о «собачьих пирах» — религиозном вкушении пищи: маниту очень уважали собачатину. Она объяснила, что чем больше собаку ценят как домашнего любимца, тем лучше получается жертва на собачьем пиру и тем сильнее лекарство. Он не смог скрыть отвращения.

— Вам не кажется, что есть любимую собаку — несколько странно?

— Не настолько странно, как поедать кровь и тело Христа.

Он был нормальным молодым человеком, и иногда, даже при том, что на ней было несколько слоев одежды и мехов для защиты от холода, он так возбуждался, что это причиняло ему физическую боль. Если их пальцы соприкасались, когда она протягивала ему кружку с кофе, он испытывал настоящий эндокринный шок. Однажды он обхватил ладонями

ее холодные квадратные руки и был потрясен бурлящей в ней жизненной силой. Он осмотрел ее короткие пальцы, огрубевшую красно-коричневую кожу, розовые мозоли на ладонях. Он спросил, придет ли она когда-нибудь к нему в хижину, просто в гости. Она молча посмотрела на него и убрала руки. Она не сказала, что ни в коем случае не придет к нему, но так никогда и не пришла.

Во время сезона грязи Роб Джей навестил деревню индейцев, стараясь объезжать появившиеся в большом количестве затопленные места — похожая на губку прерия оказалась неспособна впитать всю влагу от растаявших снегов. Он увидел, что сауки снимают свой зимний лагерь, и последовал за ними на открытый участок милях в шести отсюда, где индейцы вместо маленьких зимних типи ставили *гедоносо-те* — лонгхаусы из переплетенных ветвей, продуваемые легким летним ветерком. Для перемещения лагеря существовало серьезное основание: сауки ничего не знали о канализации, и зимний лагерь наполняла вонь от испражнений. Тот факт, что они пережили суровую зиму и переезжают теперь в летний лагерь, очевидно, поднял настроение индейцев, и, куда бы Роб Джей ни посмотрел, он видел, как молодые люди борются, бегают или играют в подвижную игру, зрителем которой ему еще ни разу не доводилось выступать. В ней использовались толстые деревянные палки, к одному концу которых были привязаны сумки из кожаных ремней, и деревянный мяч, обтянутый оленьей кожей. Во время игры один участник, двигаясь с максимальной скоростью, выбрасывал мяч из сетки на конце палки, а другой должен был поймать мяч в такую же сетку. Передавая добычу друг другу, они переносили мяч на значительные расстояния. Игра была энергичной и очень грубой. Когда один игрок нес мяч, остальные старались выбить у него мяч из сетки своими палками, причем часто коварно наносили удары по туловищу и конечностям соперников, чтобы те споткнулись или врезались друг в друга. Заметив, с каким восторгом Роб наблюдает за происходящим, один из четырех игравших индейцев подозвал его и отдал ему свою палку.

Другие заулыбались и быстро приняли его в игру, целью которой, с его точки зрения, была не столько физическая активность, сколько нанесение физических увечий. Он был крупнее большинства игроков, с более развитой мускулатурой. При первой же возможности парень с мячом резко вывернул запястье и швырнул Робу твердый шар, закрутив его. Он протянул за мячом руку, но промахнулся, и ему пришлось бежать за ним, но он оказался в самом центре борьбы не на жизнь, а на смерть: длинные палки с грохотом сталкивались и создавалось впечатление, что большая их часть в результате приземлялась именно на его тело. Такая сложная передача мяча озадачила его, и он, поняв наконец, насколько ничтожны его шансы на победу, вернул палку владельцу.

Когда он ел тушеного кролика в *лонгхаусе* Маква-иквы, знахарка тихо сообщила ему, что сауки хотят, чтобы он оказал им услугу. Всю долгую, холодную зиму они ловили в силки пушных зверьков, и теперь у них было два тюка первосортных шкурки норки, лисы, бобра и ондатры. Они хотели обменять меха на семена, чтобы сделать первый в этом году посев.

Роб Джей очень удивился подобной просьбе: он и не думал, что индейцы могут возделывать землю.

«Если мы сами отдадим меха белому торговцу, он обманет нас», — добавила Маква-иква. Она сказала это беззлобно, просто констатируя факт.

Итак, однажды утром они с Олденом Кимбелом привели двух выючных лошадей, нагруженных шкурками, и еще одну — без груза, прямо в Рок-Айленд. Роб Джей долго и

яростно торговался с владельцем местного магазина и в обмен на меха получил пять мешков посевного зерна: мешок мелкого, скороспелого зерна; два мешка зерна покрупнее, поплотнее, с твердой сердцевиной — для мамалыги и два мешка маиса с мягкой сердцевиной и большими ушками; а также по три мешка семян бобов, тыквы и кабачков. Кроме того, он получил три золотых монеты номиналом в двадцать долларов — они лягут в основу резервного фонда сауков, на средства которого те смогут приобрести у белых другие товары, если в том возникнет необходимость. Олден был просто в восторге от дальновидности хозяина и, кроме того, он нимало не сомневался, что Роб Джей провел всю торговую операцию не без прибыли для самого себя.

Той ночью они остались в Рок-Айленде. В салуне Роб весь вечер цедил две кружки пива и слушал похвальбу ветеранов индейских войн, ударившихся в воспоминания.

— Здесь все раньше принадлежало или саукам, или фоксам, — заявил бармен со слезящимися глазами. — Сауки называли себя «саки», а фоксы называли себя «мескуоки». Этим двум племенам принадлежала вся территория между Миссисипи на западе, озером Мичиган на востоке, Висконсином на севере и рекой Иллинойс на юге — пятьдесят миллионов чертовых акров лучшей земли для ферм! Самая большая деревня у них называлась Саук-и-нук, и это был настоящий город, с улицами и площадью! Там жили одиннадцать тысяч сауков, и они обрабатывали две с половиной тысячи акров между Рокки-ривер и Миссисипи. Ну, мы быстро обратили этих краснокожих дьяволов в бегство и сами стали использовать эту шикарную землю!

Истории, которые он там услышал, были байками о кровавых поединках с Черным Ястребом и его воинами, в которых индейцы всегда походили на демонов, а белые всегда отличались мужеством и благородством. Эти байки в основном рассказывали ветераны великих крестовых походов. Их «откровения» представляли собой одну большую и очевидную ложь, мечту о том, что могло бы быть правдой, если бы рассказчики были хоть немного более добрыми людьми. Роб Джей понял, что большинство белых не видели того, что он открыл в этом народе. Белые говорили о сауках так, словно те были дикими зверями, которых обязательно нужно выслеживать и гнать до тех пор, пока они не уйдут с этих земель, чтобы человеческому племени жилось в большей безопасности. Роб же всю свою жизнь искал духовную свободу, которую нашел у сауков. Именно этой свободы он жаждал, когда писал листовку в Шотландии, именно она, как он считал, умерла у него на глазах во время казни Эндрю Герулда. И вот наконец он обрел ее в горстке оборванных, краснокожих чужеземцев. Он ничего не романтизировал; он видел нищету лагеря сауков, отсталость их культуры, равнодушие мира к ним. Но, обхватив ладонью кружку с пивом, пытаясь выказывать интерес к байкам досужих пьяниц о вспоротых животах, снятых скальпах, мародерстве и грабежах, он понимал: Маква-иква и ее сауки — лучшее, что случилось с ним в этом мире.

Роб Джей наткнулся на Сару Бледшо и ее ребенка совершенно случайно — примерно

так иногда удается застать диких животных в редкие моменты расслабленности. Ему доводилось заставлять птиц в тот момент, когда они довольно дремали на солнце, только что выкупавшись в пыли и почистив перышки. Женщина сидела вместе с сыном на земле возле хижины, закрыв глаза. Вот только Сара обошлась без чистки перышек: ее длинные светлые волосы были тусклыми и спутанными, а мягое платье, прикрывавшее тощее тело, пестрело пятнами. Кожа у нее была рыхлой, а бледное лицо с заострившимися чертами выдавало болезнь. У маленького мальчика, дремавшего на солнце, волосы были такие же светлые, как и у матери, и такие же спутанные.

Когда Сара открыла свои голубые глаза и посмотрела на Роба в упор, на ее лице проявилась целая гамма чувств: удивление, страх, тревога, гнев, — и, не говоря ни слова, она подхватила сынишку на руки и метнулась в дом. Роб направился к двери. Его уже начали раздражать регулярные, но безрезультатные попытки поговорить с ней через эту деревянную преграду.

«Миссис Бледшо, прошу вас. Я хочу вам помочь!» — крикнул он, но единственным ответом, который он получил, было натужное кряхтение и звук тяжелого засова, заходящего в паз.

Индейцы не вспахивали землю плугом, как белые поселенцы. Вместо этого они выбирали места, где травяной покров был не таким густым, заостренными палками делали неглубокие борозды, в которые бросали семена. Участки с густой и жесткой травой они накрывали грудями обрубленных веток: благодаря этому ухищрению через год дерн перегнивал, а значит, к весне была готова новая территория для посева.

Когда Роб Джей навестил сауков в их летнем лагере, посевная уже закончилась, и в атмосфере витало ожидание праздника. Маква-иква сообщила ему, что, когда последние семена ложатся в землю, приходит время Танца Журавля — самого веселого праздника. И начинается праздник с большой игры в «мяч и палку», в которой участвуют все мужчины племени. Нет никакой необходимости распределять игроков по командам: играют одна Половина племени против другой Половины. Оказалось, что у Длинноволосых примерно на пять-шесть мужчин меньше, чем у Храбрецов. Самый крупный индеец по имени Идет Поет подошел к Маква-икве и заговорил с ней. Эта беседа имела для Роба Джея роковые последствия.

— Он приглашает тебя бежать в «мяче и палке» с Длинноволосыми, — сказала она по-английски, повернувшись к Робу.

— Гм, что ж... — И он глупо улыбнулся. Ему меньше всего хотелось участвовать в играх: слишком свежи были воспоминания о ловкости индейцев и о его собственной неуклюжести. Он уже готов был отказаться, но и мужчина, и женщина смотрели на него с каким-то странным, особым интересом, и он понял, что у приглашения был подтекст, смысл которого он пока не мог раскусить. И потому, вместо того чтобы отказаться от вызова, как поступил бы любой разумный человек, он вежливо поблагодарил их и заявил, что с удовольствием побежит с Длинноволосыми.

На неестественно правильном, школьном английском — как странно слышать его из ее уст! — Маква-иква объяснила, что соревнование начнется в летнем лагере. Победит та Половина, которая сумеет положить мяч в маленькую пещеру на противоположном берегу реки, приблизительно в шести милях вниз по течению.

«Шесть миль!» — Он еще сильнее удивился, когда узнал, что границ у игрового поля

просто нет. Тем не менее Маква-иква сумела объяснить ему, что игрок, отбежавший в сторону, пытаясь избежать встречи с противником, оаций не дожидается.

Для Роба это состязание было чужеземным соревнованием, чуждой ему игрой, олицетворением культуры дикарей. Так почему же он согласился? Он десятки раз задавал себе этот вопрос той ночью, которую провел в *гедоносо-те* Идет Поет: игра должна была начаться вскоре после рассвета. Лонгхаус был приблизительно пятьдесят футов в длину и двадцать — в ширину и состоял из переплетенных ветвей, с внешней стороны покрытых кусками коры вяза. Никаких окон в нем не было, дверные проемы с обоих концов были завешаны бизоньими шкурами, однако дырчатая конструкция крыши обеспечивала прекрасную циркуляцию воздуха. Дом состоял из восьми отделений, по четыре с каждой стороны центрального коридора. Идет Поет и его жена, Луна, спали в одном, пожилые родители Луны — в другом, а третье отвели для их двоих детей. Остальные помещения использовались как склады. В одной из таких клетушек и провел беспокойную ночь Роб Джей, глядя на звезды через отверстие для дыма в крыше, слушая вздохи, бормотание во сне, выход газов, а несколько раз — то, что не могло быть ничем иным, кроме как звуками энергичного совокупления. Лежа без сна, Роб Джей долго думал о причинах, заставивших дать такое имя хозяину дома: он ни разу не слышал, чтобы индеец пел, приближаясь к дому, или вообще по какому-нибудь случаю.

Утром, позавтракав вареной мамалыгой из каменной миски — причем в каше, судя по вкусу, присутствовали остывшие угольки и что-то еще, но что именно, он, к счастью, так и не разобрал, — Роб Джей подчинился требованиям сомнительной чести. Не у всех Длинноволосых волосы были длинными, и различать членов команд следовало по специальной раскраске тел. Так, Длинноволосые нанесли на себя черную краску: смесь животного жира и древесного угля. Храбрецы вымазались белой глиной. По всему лагерю мужчины опускали пальцы в миски с краской и раскрашивали кожу. Идет Поет нанес черные полосы на лицо, грудь и руки и протянул миску Робу.

«Почему бы и нет?» — легкомысленно подумал Роб, зачерпывая черную краску двумя пальцами, как человек, который ест гороховую кашу без ложки. Краска царапалась, как песок, когда он рисовал полосы на лбу и щеках. Он бросил рубашку на землю — словно дрожащая бабочка, сбрасывающая кокон, — и провел пальцами по туловищу. Идет Поет посмотрел на его тяжелые шотландские ботинки, куда-то исчез и вернулся с ворохом легких мокасин из оленьей кожи — такие носили все сауки; Роб перемерял несколько пар, все оказались малы: у него были большие ноги, даже больше, чем у Идет Поет. Они оба посмеялись над этим, и в результате большой индеец махнул рукой и разрешил ему оставить привычную для него обувь.

Затем Идет Поет вручил ему приспособление для игры — палку с прикрепленной на конце сеткой. Палка из дерева гикори была такой толстой, что вполне могла сойти за дубинку. Индеец дал Робу знак не отставать. Команда соперников собралась на площадке, окруженной длинными домами. Маква-иква что-то сказала на языке сауков (очевидно, благословила их), и не успел Роб Джей понять, что происходит, как она отвела руку назад и бросила мяч: он полетел по воздуху к замершим в ожидании воинам по широкой параболе; как только мяч достиг ее нижней точки, раздался треск столкнувшихся палок, дикие крики и оханье от боли. К разочарованию Роба, мяч получили Храбрецы: его поймал сеткой длинноногий полураздетый юноша, почти мальчик, но с сильными, мускулистыми ногами взрослого бегуна. Он мгновенно сорвался с места, и все остальные бросились за ним, как

собаки, поднявшие зайца. В дело явно вступили спринтеры: мяч передавали несколько раз на полном ходу, и скоро он уже оказался далеко впереди Роба.

Идет Поет остался рядом с ним. Несколько раз они нагоняли самых быстрых участников и завязывали очередную потасовку, тем самым снижая скорость продвижения игроков противника. Идет Поет довольно буркнул что-то, когда мяч попал в сеть Длинноволосому, но, похоже, ничуть не удивился, когда, уже через несколько минут, мяч снова вернулся в сетки Храбрецов. Когда толпа побежала вдоль линии деревьев, извивавшейся в полном согласии с линией берега реки, большой индеец дал знак Робу следовать за ним, и они вдвоем свернули с направления движения толпы и побежали через открытую прерию. Они с такой силой топали ногами, что с молодой травы падала роса и создавалось впечатление, что рой серебристых насекомых пытается укусить их за пятки.

Куда его ведут? И можно ли доверять этому индейцу? Хотя уже поздно волноваться по этому поводу: он ведь доверился напарнику. И потому Роб сосредоточился на том, чтобы не отстать от Идет Поет, двигавшегося удивительно проворно для такого крупного мужчины. Скоро он понял, зачем Идет Поет свернул с дороги: они бежали вперед по прямой, а значит, у них появился шанс перехватить остальных, двигавшихся более длинным путем вдоль берега реки. К тому времени, когда они с Идет Поет уже могли остановиться и перевести дух, ноги Роба Джея налились свинцом, он хватал ртом воздух и в боку у него колело. Но они добрались до излучины реки раньше остальных.

Лидеры гонки оставили основную массу участников позади. Роб и Идет Поет прятались в роще гикори и дубов, отчаянно хватая ртами воздух, когда вдалеке появились три разрисованных белыми полосками бегуна. У саука, бежавшего первым, мяча не было, и он нес палку с пустой сеткой, мерно раскачивая рукой в такт бега, словно нес копье. Ноги у него были босыми, а из одежды была лишь пара коричневых домотканых рваных штанов, которые на заре своей жизни служили штанами белому человеку. Он был мельче любого из двоих мужчин в засаде, но мускулистым, и имел устрашающий вид из-за того, что левое ухо у него отсутствовало: последствие давней травмы, на память о которой остался безобразный, узловатый шрам, идущий по всей левой части черепа. Роб Джей напрягся, но Идет Поет коснулся его руки, заставив остаться на месте, и они пропустили бегуна-разведчика. На не слишком большом расстоянии от него бежал, неся в сетке мяч, тот самый юный Храбрец, который поймал мяч, когда Маква-иква вбросила его в игру. Рядом с ним двигался приземистый, коренастый саук в обрезанных брюках, которыми когда-то пользовалась американская кавалерия — синих с широкими грязно-желтыми полосами по бокам.

Идет Поет ткнул пальцем в Роба, а затем — в направлении юноши, и Роб кивнул: мальчик достался ему. Он знал, что им следует нанести удар, пока сохраняется эффект неожиданности: если этот Храбрец убежит, ни Роб, ни Идет Поет не смогут его догнать.

Они ударили вместе, словно гром и молния, и только теперь Роб Джей понял, зачем ему обвязали руки кожаными ремнями: ловко и быстро, как хороший пастух бросает на землю барана и связывает ему ноги, Идет Поет сбил с ног бегуна-охранника и связал его по рукам и ногам. И как раз вовремя: к ним уже спешил разведчик. Роб все еще возился, связывая юного саука, и потому Идет Поет пошел бороться с одноухим один на один. Храбрец замахнулся палкой с сеткой, как дубинкой, но Идет Поет почти небрежно уклонился от удара. Он был в полтора раза крупнее и агрессивнее противника, а потому свалил его на землю и связал разве что не раньше, чем Роб Джей закончил связывать собственного пленника.

Идет Поет поднял мяч и бросил его в сетку Робу. Не произнес ни слова, не удостоив и

взглядом трех связанных сауков, Идет Поет побежал дальше. Держа мяч в сетке так, словно это бомба с зажженным фитилем, Роб Джей рванул по дороге за ним.

Они бежали, не встречая соперников, но Идет Поет неожиданно остановил Роба и дал ему понять знаками, что они добрались до места, где нужно перейти реку. И тут Роб Джей увидел еще одно предназначение ремней: Идет Поет привязал палку с сеткой к поясу, так чтобы руки у Роба оставались свободны и он мог плыть. Затем Идет Поет привязал свою палку к набедренной повязке и сбросил мокасины из оленьей кожи, оставив их на берегу. Роб Джей знал, что подошвы его ног слишком нежные и что бежать без обуви он не сможет, а потому связал их шнурками и повесил себе на шею. Осталось куда-то девать мяч, и Роб просто сунул его в штаны, спереди.

Идет Поет широко улыбнулся и поднял три пальца.

Хотя Роб и не понял всей соли шутки, напряжение у него спало и он откинул голову назад и засмеялся — совершив, как выяснилось, ошибку: вода понесла звук дальше по течению, а взамен донесла до них радостные крики преследователей, обнаруживших их местонахождение; не теряя времени, они вошли в холодную воду реки.

Они держались на одном уровне, хотя Роб плыл европейским брассом, а Идет Поет двигался перебирая конечностями, как это делают животные. Роб получал огромное удовольствие от происходящего; не то чтобы он чувствовал себя благородным дикарем, но почти уверился в том, что может считать себя кем-то вроде Кожаного Чулка. Когда они добрались до противоположного берега, Идет Поет нетерпеливо поворчал на него, когда он возился со своими ботинками. Головы их преследователей подпрыгивали на воде, словно корзина яблок в кадке. Когда Роб наконец обулся и вернул мяч в сетку, первые пловцы уже почти догнали их.

Как только они побежали, Идет Поет ткнул пальцем в направлении входа в маленькую пещеру, до которой они и пытались все время добраться, и ее черный зев словно потащил его вперед. Ликующий крик на гэльском языке уже был готов вырваться у него, но, как выяснилось, несколько преждевременно. Между ними и входом в пещеру внезапно выскочили с полдюжину сауков; хотя вода смыла большую часть их раскраски, кое-где остались следы белой глины. Почти сразу за Храбрецами выскочила пара Длинноволосых и присоединилась к драке. В пятнадцатом столетии один из предков Роба, Брайен Каллен, в одиночку отразил натиск целой армии Мак-Лафлинов, размахивая большим шотландским мечом и создав свистящий круг смерти. Сейчас двое Длинноволосых, крутя перед собой палки, создали каждый свой круг, пусть и не смертельный, но тем не менее пугающий, и удерживали трех противников. Это дало возможность оставшимся трем Храбрецам попытаться забрать мяч. Идет Поет изящно отбил удар своей палкой, а затем избавился от своего противника, впечатав в нужное место подошву босой ноги.

«Вот так, надери ему чертов зад!» — проревел Роб Джей, позабыв, что окружающие не понимают ни слова на его языке. И тут его атаковал ошалелый, словно накурившийся анаши, индеец. Роб сделал шаг в сторону и припечатал босую ступню нападающего тяжелым грубым башмаком. Несколько длинных скачков прочь от стонущей жертвы, и он оказался достаточно близко к пещере, даже несмотря на отсутствие сноровки. Дернув запястьем, он отправил мяч в полет. И не важно, что тот не пролетел напрямик, а несколько раз подпрыгнул, отлетая от пола — он все же влетел в темный провал пещеры. Главное, что все видели: он попал в цель!

И тогда он подбросил палку в воздух и закричал:

— Побе-е-е-да-а! За Черный Клан!

Он скорее услышал, чем почувствовал удар, когда палка с сеткой, подчиняясь взмаху руки стоявшего позади него человека, встретилась с его головой. Звук был хрустящий, солидный, похожий на те, которые он научился распознавать в лагере лесорубов — тяжелый, глухой стук, издаваемый топором с двусторонним лезвием, вступающим в контакт с твердым дубовым бревном. Роб изумленно смотрел, как земля под ним разверзается. Он упал в глубокую яму, которая обернула его темнотой и положила конец всему, выключила его, словно будильник.

Подарок от Каменного Пса

Он ничего не чувствовал. Его волокли обратно в лагерь, как мешок зерна. Когда он открыл глаза, было темно, как ночью. Он уловил аромат смятой травы. Жареного мяса — возможно, жирной белки. Дым костра. Женственность Маква-иквы, склонившейся к нему и глядящей на него молодыми и одновременно умудренными глазами. Он не понимал, что она спрашивает, чувствовал только ужасную головную боль. От запаха мяса его затошнило. Очевидно, она ожидала этого, поскольку поднесла его голову к деревянному ведру и дала ему возможность опустошить желудок.

Закончив, он ослаб и стал хватать ртом воздух; она дала ему выпить какую-то микстуру: прохладную, зеленую и горькую. Ему показалось, что он уловил привкус мяты, но в питье присутствовал и другой, более сильный и менее приятный вкус. Роб попытался отвернуться и не пить, но Маква-иква решительно поддержала ему голову и заставила его проглотить все, словно он был ребенком. Он был раздосадован и сердит, но вскоре заснул. Время от времени он просыпался, и знахарка снова поила его горькой зеленой жидкостью. И вот так: то проваливаясь в сон, то частично приходя в сознание, то припадая ртом к странно пахнущей груди матушки-природы, он провел почти два дня.

Наутро третьего дня шишка у него на голове уменьшилась, и головная боль ушла. Маква-иква согласилась, что ему уже лучше, но все равно дала снотворное, и он опять уснул.

В лагере продолжался праздник Танца Журавля. Иногда до слуха Роба доносились звуки водяного барабана и голосов, поющих на странном гортанном языке, а также шум игр и гонок, крики зрителей. В конце дня он открыл глаза и увидел, как в полумраке *лонгхауса* переодевается Маква-иква. Он замороженно уставился на ее грудь: света хватило, чтобы рассмотреть рубцы и шрамы, составляющие странные символы, похожие на руны, идущие от грудной стенки до ореолов обоих сосков.

Хотя он не пошевелился и не издал ни звука, она каким-то образом почувствовала, что он очнулся. На мгновение, когда она встала перед ним, их взгляды встретились. Затем она отвела взгляд и повернулась к нему спиной. Но он догадался, что она так поступила вовсе не затем, чтобы скрыть темный спутанный треугольник, а чтобы утаить от его глаз загадочные символы на груди. Священной груди жрицы, удивленно произнес он про себя. А вот в бедрах и ягодицах ничего священного не было. Кости у нее были широкие, но он все равно не понял,

почему ее назвали Женщиной-Медведем: чертами лица и гибкостью тела она скорее походила на сильную кошку. Он не мог сказать, сколько ей лет. Его поразило неожиданное видение: он берет ее сзади, сжимая в каждой руке толстый пучок смазанных жиром темных волос, словно оседлав чувственную лошадь в человечесем обличье. Он потрясенно обдумывал тот факт, что хочет стать любовником краснокожей дикарки, более прекрасной, чем мог себе представить какой-нибудь Джеймс Фенимор Купер, и понял, что его организм весьма энергично отреагировал на эти мысли. Приапизм может быть очень плохим знаком, но он знал, что в данном случае его проявление было вызвано конкретной женщиной, а не раной, следовательно, предвещало скорое выздоровление.

Он спокойно лежал и смотрел, как она надевает какую-то одежду с бахромой, из оленьей кожи. На правое плечо она повесила ремень, состоящий из четырех разноцветных полосок кожи, заканчивающийся кожаной сумкой, украшенной символическими узорами и кружком из больших ярких перьев неизвестных Робу птиц; и сумка, и перья касались ее левого бедра.

Мгновение спустя она выскользнула наружу. Скоро до Роба донеслись звуки молитвы, которую то ли проговаривала, то ли пропевала Маква-иква, при этом ее голос то взлетал до небес, то понижался до рокота.

«Хой! Хой! Хой!» — вторили ей сауки. Роб не имел ни малейшего представления, о чем эти колдовские молитвы, но от вибрации ее голоса у него по коже мурашки пошли. Он зачарованно прислушивался, глядя в отверстие для дыма в крыше ее дома на ярко горящие звезды. Совсем недавно они были похожи на куски льда.

Той ночью он с нетерпением ждал, когда же затихнут звуки Танца Журавля. Он дремал, просыпался, раздраженно слушал, снова ждал, пока звуки не затихли: голоса становились все глуше и наконец замолчали, а празднество закончилось. На пороге лонгхауса слышались тихие шаги, зашелестела сброшенная одежда. Рядом с ним со вздохом опустилось чье-то тело, руки потянулись вперед и нашли его, его ладони легли на чью-то плоть. Все совершилось в тишине, если не считать учащенного дыхания, веселого фырканья, шипения. Ему не пришлось особо напрягаться. Даже если бы ему и хотелось продлить удовольствие, у него бы ничего не вышло: он слишком долго воздерживался. Она была опытной и умелой, а он — нетерпеливым и быстрым, и в результате остался разочарованным.

...Он словно откусил от прекрасного фрукта и понял, что реальность не оправдала его ожиданий. Пытаясь рассмотреть детали в темноте, он решил, что груди сейчас обвисли больше, чем он помнил, а на ощупь кожа на них была гладкой и без единого шрама. Роб Джей подполз к костру, достал из него ветку и помахал тлеющим концом, чтобы заставить его вспыхнуть.

Когда он подполз с факелом к циновке, то вздохнул.

Широкое плоское лицо женщины расплылось в улыбке, оно вовсе не было неприятным, вот только он никогда прежде его не видел.

Утром, когда Маква-иква вернулась в свой лонгхаус, на ней был обычный бесформенный костюм из выцветшей домотканой материи. Очевидно, праздник Танца Журавля закончился. Она готовила мамалыгу на завтрак, а он сидел с угрюмым видом. Он сказал ей, чтобы она больше никогда не присылала к нему женщин, и она вежливо, кротко

кивнула — этому приему она, несомненно, научилась еще в детстве, когда учителя-христиане ругали ее.

Продолжая готовить, она равнодушным тоном объяснила ему, что ночную гостью, которую она послала, зовут Женщина Дыма, а ей нельзя ложиться с мужчиной, иначе боги отберут у нее дар целителя.

Чертовы дикарские глупости! Но она, очевидно, в это верила. Он был в отчаянии.

За едой он тщательно обдумал это. Ее крепкий кофе по-саукски показался ему более горьким, чем обычно. Не кривя душой, он признал, что если бы вставил в нее свой пенис, то стал бы просто шарахаться от нее. Она же восхитительно вышла из сложной ситуации: позаботилась о том, чтобы жар его страсти поугас, прежде чем просто и честно объяснить, что и как. И он снова, далеко не в первый раз, понял, что она — удивительная женщина.

* * *

В тот же день, после обеда, в ее *гедоносо-тенабились* сауки. Идет Поет был немногословен, обратился к другим индейцам с краткой, но торжественной речью от имени Роба Джея. Маква-иква перевела:

«И-нени-ва. — Он — мужчина», — и добавил, что *Коусо Вабескиу* — Белый Шаман, всегда будет сауком и Длинноволосым. А сауки все дни своей жизни будут ему братьями и сестрами.

Храбреца, ударившего его по голове после победы в игре «мяч и палка», выдвинули вперед: он широко улыбался и шаркал ногами. Звали его Каменный Пес. Сауки никогда не извинялись, но знали толк в компенсациях. Каменный Пес дал ему кожаную сумку, похожую на ту, которую носила Маква-иква, только вместо перьев она была украшена иглами дикобраза.

Маква-иква сказала ему, что в этой сумке он должен держать несколько лечебных предметов, набор священных личных предметов, называвшихся *Мее-шоме*, и никогда никому ее не показывать, ибо каждый саук получает из нее силу и могущество. Чтобы он смог носить сумку, она подарила ему четыре окрашенных сухожилия: коричневое, оранжевое, синее и черное, — и прикрепила их к сумке, как ремешок, чтобы ее можно было носить на плече. Эти шнурки называются «покрывала Иззе», добавила она.

— Пока ты их носишь, тебя не тронут пули, а твое присутствие поможет вырастить урожай и вылечить больных.

Он был тронут, но смущен.

— Я рад стать братом сауков.

Ему всегда было нелегко высказывать благодарность. Когда его дядя Ренальд потратил пятьдесят фунтов и купил ему должность ассистента в университетской больнице, чтобы он мог получить хирургический опыт до окончания обучения, он едва сумел выдавить из себя простое «спасибо». И сейчас все получилось не лучше. К счастью, сауки тоже особо не ценили словесное выражение благодарности или прощания, и никто не обратил особого внимания, когда он вышел, вскочил в седло и уехал.

Вернувшись в свою хижину, он сначала позабавился, пытаясь отобрать священные лечебные предметы. За несколько недель до этого он нашел на земле в лесу крошечный

череп какого-то животного: белый, чистый и таинственный. Он решил, что череп принадлежит скунсу — по крайней мере, по размеру он вроде бы подходил. Ладно, но что еще? Палец задохнувшегося во время родов младенца? Глаз тритона, палец лягушки, шерсть летучей мыши, язык собаки?

Неожиданно ему захотелось подойти к выбору предметов для сумки со всей серьезностью. В чем воплощается его суть? Каковы тайные струны его души, эти *Мее-шоме*, из которых Роберт Джадсон Коул черпает свое могущество?

Он положил в сумку семейную реликвию Коулов — скальпель из вороненой стали, который Коулы называли «скальпель Роба Джея» и всегда передавали самому старшему сыну, избравшему профессию врача.

Что еще можно вытянуть из его молодости? Невозможно положить в сумку холодный воздух шотландских нагорий. Или тепло и спокойствие семьи. Он пожалел, что совершенно не похож на своего отца, чьи черты давно уже стерлись из его памяти. Мать подарила ему Библию, когда они прощались, и потому книга была ему дорога, но она не войдет в его *Мее-шоме*. Он знал, что больше не увидит мать; возможно, она уже умерла. Ему пришлось в голову, что стоит попытаться запечатлеть ее облик на бумаге, пока он еще не стерся из памяти. Когда он попробовал, то все получилось достаточно быстро, за исключением носа: на него ушли долгие муки творчества, пока наконец он не нарисовал его правильно, и тогда скатал бумагу, перевязал и положил в сумку.

Он добавил туда партитуру, которую переписал для него Джей Гайгер, чтобы он мог играть Шопена на виоле да гамба.

Брусок твердого коричневого мыла тоже лег в сумку — символ того, чему Оливер Уэнделл Холмс научил его в отношении чистоты и хирургии. Потом он начал думать в другом направлении и, немного поразмышляв, убрал из сумки все, кроме скальпеля и мыла. Затем положил туда тряпки и бинты, набор лекарств в порошках и травах и хирургические инструменты, необходимые для визитов к пациентам на дом.

Когда он закончил, сумка стала сумкой врача, где хранились медикаменты и инструменты его профессии. Так значит, именно медицинская сумка дарует ему могущество, и он чрезвычайно обрадовался подарку, который получил благодаря удару по своей твердой голове, нанесенному игроком команды Белой Краски по имени Каменный Пес.

Когда он наконец купил овец, это стало знаменательным событием: блеяние было последней приметой, которая помогла бы ему ощутить, что он дома. Сначала он занимался меринсами вместе с Олденом, но скоро ему стало очевидно, что Кимбел справляется с овцами ничуть не хуже, чем с остальными животными — и вот уже Олден купирует хвосты, кастрирует ягнят мужского пола и убирает стружья так лихо, словно выполнял работу овцевода в течение многих лет. Роб чрезвычайно обрадовался, что в его личном присутствии на ферме больше не было никакой необходимости: как только разнесся слух о приезде хорошего врача, его начали вызывать к пациентам все дальше и дальше от дома. Он понимал,

что скоро ему придется ограничить область своей практики, потому что мечта Ника Холдена постепенно осуществлялась, и в Холден-Кроссинг продолжали прибывать все новые и новые семьи. Однажды утром Ник заехал на ферму, осмотрел отару, торжественно назвал ее «пахучей» и задержался, «чтобы вовлечь вас в кое-что весьма многообещающее. Мукомольную мельницу».

Одного из новоприбывших звали Пферзик, и он был немцем, раньше работал мельником в Нью-Джерси. Пферзик знал, где можно купить мукомольное оборудование, но у него не было капитала.

— Девятисот долларов должно хватить. Я внесу шесть сотен за пятьдесят процентов акций. Вы внесете триста за двадцать пять процентов — я внесу авансом сумму, которой вам не хватит, — двадцать пять процентов мы дадим Пферзику за управление бизнесом.

Роб выплатил Нику меньше чем половину долга, а влезать в долги он терпеть не мог.

— Вы ведь фактически вносите всю сумму, так почему бы вам не взять себе семьдесят пять процентов?

— Я хочу выложить ваше гнездышко таким количеством перьев и пуха, чтобы вам было там очень комфортно и не возникало желания улететь из него. Вы столь же необходимы городу, как вода.

Роб Джей знал, что так оно и есть. Когда они с Олденом ездили в Рок-Айленд покупать овец, то увидели листовку, которую распространял Ник, описывая в ней массу преимуществ поселения в Холден-Кроссинге, и среди них в качестве одного из важнейших называлось присутствие доктора Коула. Он не думал, что участие в мукомольном бизнесе может каким-то образом скомпрометировать его как врача, и потому в конце концов согласно кивнул.

— Так значит, договорились! — воскликнул Ник.

И они скрепили сделку рукопожатием. Роб отказался выкурить огромную праздничную сигару, так как испытывал отвращение к табаку. Когда Ник закурил, Роб заявил, что тот производит впечатление идеального банкира.

— Это произойдет раньше, чем вы думаете, и вы будете одним из первых, кто об этом узнает. — Ник с довольным выражением выпустил струю дыма в небо. — Я собираюсь поохотиться на самочек в Рок-Айленде в этот уик-энд. Хотите присоединиться?

— На кого, говорите, охотиться?

— На людей женского пола. Что скажете, старина?

— Я в бордели не ходок.

— Я говорю о выборе индивидуальных товаров.

— Тогда, разумеется, я составлю вам компанию, — заявил Роб Джей. Он пытался говорить небрежно, но по его интонации стало понятно, что он не может относиться к подобным вещам легкомысленно, потому Ник Холден понимающе улыбнулся.

Стивенсон-Хаус — особенный городок на Миссисипи, где ежегодно в доки становились одна тысяча девятьсот пароходов и частенько проплывали бревенчатые плоты длиной в треть мили. Всякий раз, когда у плотогонов и дровосеков заводились деньжата, в гостинице было шумно, а иногда даже штормило. Ник Холден сделал поистине дорогостоящий и индивидуальный заказ: номер люкс с двумя спальнями, разделенными столовой-гостиной. Женщины оказались родственницами, фамилия у них была одна — Доубер, и обе обрадовались тому, что их клиенты — люди с образованием. Нику досталась Лэтти, а Робу — Виргиния. Они были миниатюрными и дерзкими, как воробушки, но вели себя с

такой напускной игривостью, что Роб скоро начал скрипеть зубами от бешенства. Лэтти была вдовой, а Виргиния заявила ему, что никогда не была замужем, но, познакомившись с ее телом, он понял, что она уже рожала.

На следующее утро, когда эта четверка встретилась за завтраком, женщины перешептывались и хихикали. Виргиния, должно быть, сказала Лэтти о пузыре, который Роб называл Старым Рогачом, а Лэтти, в свою очередь, рассказала Нику, потому что, когда они возвращались домой, Ник упомянул о нем и засмеялся.

— К чему так усложнять простые вещи?

— Ну, из-за болезней, — уклончиво ответил Роб. — И чтобы не стать отцом раньше времени.

— Только удовольствие портить.

Но неужели удовольствие того стоило? Он, правда, признал, что его тело и дух расслабились, и когда Ник заявил, что ему понравилась их совместная поездка, Роб поддержал его и согласился как-нибудь снова пойти охотиться на самочек.

Когда он в следующий раз проезжал мимо фермы Шрёдеров, то увидел Гуса на лугу: тот орудовал косой, несмотря на ампутированные пальцы. Они поздоровались. Роб хотел было миновать хижину Бледшо, ведь женщина ясно дала ему понять, что считает его чересчур назойливым, и при мысли о ней ему становилось нехорошо. Но в последний момент он повернул лошадь к поляне и спешил.

Подойдя к хижине, он протянул руку и уже собирался постучать, но тут же отдернул ее, услышав громкий плач ребенка и хриплые крики взрослого. Нехорошие звуки. Он толкнул дверь, и она отворилась. Когда он вошел, в нос ему ударил ужасный запах, глаза с трудом различали предметы в полумраке, но на полу он разглядел Сару Бледшо. Рядом с ней сидел ребенок, его мокрое личико исказилось от ужаса, усиленного последним впечатлением: огромной фигурой незнакомца. Малыш сидел, открыв ротик, и не мог выдать ни звука. Роб Джей хотел поднять ребенка и успокоить его, но женщина снова закричала, и он понял, что в первую очередь помощь нужна ей.

Он опустил на колени и коснулся ее щеки. Холодный пот.

— Что с вами, мэм?

— Рак. Ох!

— Где у вас болит, миссис Бледшо?

Руки с длинными растопыренными пальцами пробежали, словно белые пауки, по телу и замерли в нижней части живота с обеих сторон таза.

— Боль острая или тупая?

— Резкая! Проникающая! Сэр, это... Ужасно!

Он боялся, что моча вытекает из ее тела через свищ, образовавшийся во время родов; если это так, то он ничем не сможет ей помочь.

Она закрыла глаза: доказательство ее постоянного недержания било ему в нос и проникало в легкие с каждым вдохом.

— Я должен осмотреть вас.

Разумеется, она собиралась возразить, но когда открыла рот, то снова вскрикнула от боли. Мышцы у нее свело от напряжения, однако они все еще работали: Робу удалось придать ей полусогнутое положение, положив на левый бок и подняв правое колено и бедро. Он увидел, что никакого свища у нее нет.

В сумке у него лежала баночка свежего сала, которое он использовал как смазку.

— Расслабьтесь, пожалуйста. Я врач, — напомнил он ей, но она плакала больше от унижения, чем от дискомфорта, когда средний палец его левой руки скользнул в ее влагалище, в то время как правая рука пальпировала живот. Он пытался действовать кончиком пальца так, чтобы он заменил ему зрение; сначала, исследуя плоть, он ничего не видел, но, приблизившись к лобковой кости, кое-что нашел.

А потом — еще кое-что.

Он осторожно вынул палец, дал женщине тряпку, чтобы она могла вытереться, и пошел к ручью помыть руки.

Прежде чем начать разговор, он вывел ее, шурящуюся от резкого света, во двор и усадил на пень. На руках она держала ребенка.

— У вас нет рака. — Он искренне пожалел, что не может остановиться на этом. — У вас камни в мочевом пузыре.

— Я не умру?

Он не хотел отступить от правды.

— С раком шансов у вас было бы немного. А с камнями в пузыре шансы очень приличные. — Он рассказал ей о том, как растут минеральные камни в пузыре, вызванные, возможно, однообразной диетой и длительной диареей.

— Да, у меня была диарея, и довольно долго, после родов. Есть какие-то лекарства?

— Нет. Лекарств, которые разрушали бы камни, не существует. Мелкие камни иногда выходят из тела с мочой, и часто у них острые края, которые могут порвать ткани. Думаю, именно по этой причине у вас была кровь в моче. Но у вас два больших камня. Слишком больших, чтобы выйти самостоятельно.

— Значит, вы будете меня резать? Ради Бога... — дрожащим голосом простонала женщина.

— Нет. — Он помолчал, решая, сколько ей нужно знать. Часть клятвы Гиппократата, которую он принес, звучала так: «Я не буду резать человека, который страдает от камней». Некоторые врачи-мясники игнорировали клятву и все равно резали, глубоко проникая в промежутки между задним проходом и вульвой или мошонкой, чтобы вскрыть пузырь и добраться до камней — в результате кое-кто все же выздоравливал, но слишком многие умирали от перитонита, а другие на всю жизнь оставались калеками из-за повреждений в кишечнике или мочевом пузыре. — Я бы вошел в пузырь хирургическим инструментом через уретру — узкий канал, по которому выводится жидкость. Этот инструмент называют литотриптор, или камнедробитель. У него есть небольшие стальные щипцы, как челюсти, с помощью которых можно удалить или разрушить камни.

— Это больно?

— Да, в основном когда литотриптор вставляют и достают. Но боль будет слабее, чем та, от которой вы сейчас страдаете. Если процедура пройдет успешно, вы, скорее всего, полностью вылечитесь. — Сложнее всего было признать следующее: самая большая опасность состояла в том, что ему может не хватить навыков. — Если, пытаясь схватить камень челюстями литотриптора, я зажму пузырь и порву его или если я порву брюшину, то, возможно, вы умрете от инфекции. — Глядя на ее перекошенное лицо, он увидел мелькнувший образ более молодой и привлекательной женщины. — Вы должны решить, стоит ли мне пытаться.

Она так нервничала, что слишком сильно прижала к себе ребенка, и мальчик снова

заплакал. Из-за этого Роб Джей не сразу понял, что за слово сорвалось с ее губ.

Пожалуйста.

Он знал, что ему понадобится помощь, когда он будет делать литолапаксию. Вспомнив, как напряглось ее тело во время осмотра, он инстинктивно почувствовал, что его помощником должна быть женщина, и когда он оставил Сару Бледшо, то поехал прямо к дому по соседству и поговорил с Альмой Шрёдер.

— О, я не смогу, нет, никогда! — Бедная Альма побледнела. Ее испуг усиливало искреннее сочувствие Сары. — *Gott im Himmel!* О, доктор Коул, простите, я не смогу.

Поняв, что она действительно не сумеет ему помочь, он заверил ее, что это вовсе не говорит о ней как о плохом человеке. Некоторые люди просто не могут присутствовать при операциях.

— Ничего страшного, Альма. Я найду кого-нибудь другого.

Уезжая прочь, он попытался мысленно найти женщину поблизости, которая могла бы ассистировать ему, но отклонил все немногие варианты, один за другим. Хватит с него слез; тот, кто ему сейчас нужен — это умная женщина с крепкими руками, сильная духом, который позволит ей оставаться невозмутимой перед лицом страданий.

На полпути домой он развернул лошадь и поехал в направлении индейской деревни.

Дочь Миде-вивин

Когда Маква позволяла себе подумать об этом, она вспоминала то время, когда очень немногие носили одежду белых, потому что все носили оленью кожу, просушенную, обработанную и мягкую, или меха животных. Когда она была ребенком в Саук-и-нук, ее звали Нишври Кекави, Два Неба. Сначала белых людей — *моокамонов* — было слишком мало, чтобы они могли хоть как-то повлиять на их жизнь. На острове расположился армейский гарнизон — он появился здесь после того, как чиновники в Сент-Луисе напоили нескольких мескуоки и сауков и принудили их подписать бумагу, содержание которой они не смогли бы прочитать даже в трезвом состоянии. Отца Два Неба звали Аштибугва-гупичи, Зеленый Бизон. Он сказал Два Неба и ее старшей сестре, Меси-иквава, Высокой Женщине что, когда сюда пришли военные, Длинные Ножи уничтожили лучшие ягодные кустарники Народа. Зеленый Бизон был из рода Медведя — прекрасное происхождение для лидера, — но совершенно не желал становиться вождем или знахарем. Несмотря на свое священное имя (его называли в честь *маниту*), он был простым человеком, уважаемым, потому что получал хороший урожай со своего поля. Когда он был молод, то сражался с племенем айова и одержал победу. В отличие от многих хвастать он не любил, но, когда ее дядя Виннава, Короткий Рог, умер, Два Неба узнала о своем отце. Короткий Рог был первым знакомым ей сауком, который умер оттого, что пил слишком много яда, который *моокамоны* называли огайским виски, а Народ — перечной водой. Сауки предавали своих мертвых земле, в отличие от некоторых племен, которые просто поднимали тело на вилку дерева. Когда они опускали в землю Короткий Рог, ее отец ударил о край могилы своим *пукка-мой* яростно взмахнул булавой. «Я убил трех мужчин в битве, и я отдаю их дух своему брату, который

лежит здесь, чтобы они служили ему как рабы в другом мире», — провозгласил он, и именно так Два Неба узнала, что ее отец был воином.

Ее отец был мягким и трудолюбивым человеком. Сначала он и ее мать, Матапья, Союз Рек, обрабатывали два поля маиса, тыквы и кабачков, а когда Совет увидел, что он хороший земледелец, то дал ему еще два поля. Неприятности начались на десятом году жизни Два Неба, когда появился *моокамон* по имени Хокинс и построил хижину на поле рядом с тем, где ее отец выращивал маис. Поле, на котором обосновался Хокинс, было заброшено после смерти индейца, который его обрабатывал — Вегу-ва, Танцующего Шони, — а Совет не перераспределил его участок. Хокинс завел лошадей и коров. Поля отделялись друг от друга живыми изгородями, и лошади зашли на поле Зеленого Бизона и съели весь маис. Зеленый Бизон поймал лошадей и отвел их Хокинсу, но уже на следующее утро животные вернулись на его поле. Он пожаловался, однако Совет не знал, что делать, потому что на Рок-Айленд приехали пять других белых семей и поселились на земле, которую сауки обрабатывали больше ста лет.

Зеленый Бизон стал удерживать домашний скот Хокинса на собственной земле, вместо того чтобы возвращать его, но к нему сразу же наведалься местный торговец, белый, по имени Джордж Давенпорт. Давенпорт был первым белым, поселившимся среди них, и Народ доверял ему. Он посоветовал Зеленому Бизону отдать лошадей Хокинсу, или Длинные Ножи бросят его в тюрьму, и Зеленый Бизон поступил так, как советовал его друг Давенпорт.

Осенью 1831 года, как всегда с наступлением холодов, сауки отправились на зимнюю стоянку в Миссури. Когда же весной они вернулись к Саук-и-нук, то увидели, что туда приехали новые белые семьи и выпасают скот на полях сауков, выкорчевывают живые изгороди и сжигают лонгхаусы. В данной ситуации Совет больше не мог оставаться в бездействии и обратился за консультацией к Давенпорту и Феликсу Сен-Врену, представителю федерального правительства США среди индейских племён, а также к майору Джону Блисссу, начальнику военного форта. Консультации затянулись, и тем временем Совет предоставил другие поля членам племени, чья земля была захвачена.

Приземистый и коренастый голландец из Пенсильвании по имени Джошуа Вандруфф присвоил поле саука по имени Макатайме-шекиакиак, Черный Ястреб. Вандруфф начал продавать виски индейцам из *гедоносо-те*, которое Черный Ястреб с сыновьями построили собственными руками. Черный Ястреб не был вождем, но большую часть из своих шестидесяти трех лет он сражался против осаге, чероки, чиппева и каскасия. В 1812 году, когда вспыхнула война между белыми, он собрал настоящую армию из воинов-сауков и предложил свои услуги американцам, но ему ответили отказом. Оскорбленный в лучших чувствах, он сделал то же самое предложение англичанам, и они отнеслись к нему с уважением и пользовались его услугами на протяжении всей войны, предоставив ему оружие, боеприпасы, медали и красный мундир английского солдата.

Теперь, когда старость была уже не за горами, Черный Ястреб наблюдал, как в его доме торгуют виски. Что еще хуже, он стал свидетелем того, как алкоголь развращает его племя. Вандруфф и его друг Б. Ф. Пайк, напоив индейцев, обманом забирали у них меха, лошадей оружие и силки. Черный Ястреб пошел к Вандруффу и Пайку и попросил их прекратить продавать виски саукам. Когда его просьбу проигнорировали, он вернулся с группой воинов, которые выкатили все бочки из лонгхауса, пробили их и вылили виски в землю.

Вандруфф сразу уложил в седельные сумки все необходимое для долгого путешествия и отправился в Белвилл, резиденцию Джона Рейнолдса, губернатора Иллинойса. Он поклялся

губернатору под присягой, что индейцы сауки взбунтовались, нанесли большой урон фермам белых и нападают на мирных поселенцев. Он вручил губернатору Рейнолдсу вторую петицию, подписанную Б. Ф. Пайком, где говорилось, что «индейцы пасут лошадей на наших полях с пшеницей, отстреливают наших коров и другой скот и угрожают сжечь наши дома вместе с нами, если мы не уедем».

Рейнолдс был недавно избран на должность, и он заверил избирателей, что Иллинойс безопасен для поселенцев. Губернатор, сумевший победить индейцев, мог бы даже стать президентом. «Богом клянусь! — взволнованно заявил он Вандруффу. — Вы обратились за справедливостью к правильному человеку».

Семьсот кавалеристов расположились лагерем недалеко от Саук-и-нука, и их присутствие вызвало тревогу и беспокойство. В то же самое время по реке Рокки, пыхтя и извергая дым из трубы, пришел пароход. Судно село на скалы, давшие реке название, но *моокамоны* освободили его, и скоро оно стало на якорь, направив дуло единственного орудия прямо на деревню. Военный вождь белых, генерал Эдмунд П. Гейнс, вызвал сауков на переговоры. За круглый стол сели генерал, представитель федерального правительства США среди индейских племён Сен-Врен и торговец Давенпорт, выступавший в роли переводчика. Со стороны сауков присутствовали десятка два выдающихся индейцев.

Генерал Гейнс заявил о том, что соглашение, подписанное в 1803 году, согласно которому на Рок-Айленде был построен форт, также передало Великому Отцу в Вашингтоне все земли сауков к востоку от Миссисипи — пятьдесят миллионов акров. Он сообщил ошеломленным и озадаченным индейцам, что они получили землю в аренду, а сейчас Великий Отец в Вашингтоне хочет, чтобы его дети оставили Саук-и-нук и перешли жить на другой берег *Масесибови*, большой реки. Их Отец в Вашингтоне подарит им достаточно зерна, чтобы пережить зиму.

Вождем сауков был Киокак, и он знал, что американцев слишком много. Когда Давенпорт перевел ему слова белого военного вождя, сердце Киокака словно сжали огромные пальцы. Хотя другие смотрели на него, ожидая ответа, он молчал. Но тут встал воин, достаточно хорошо изучивший язык, сражаясь на стороне британцев, и выразил свое мнение: «Мы никогда не продавали свою страну. Мы никогда не брали землю в аренду у нашего американского Отца. Мы не отдадим свою деревню».

Генерал Гейнс видел перед собой индейца, почти старика, без головного убора вождя. В запачканной одежде из оленьих шкур. С запавшими щеками и высоким выступающим лбом. Со скорее седым, чем черным вздыбленным «ирокезом» посреди бритого черепа. С крупным, гордо выступающим носом и широко посаженными глазами. С упрямо сжатыми губами над подбородком с ямочкой, которая больше подошла бы герою-любовнику и казалась совершенно неуместной на этом словно вырубленном топором лице.

Гейнс вздохнул и вопросительно посмотрел на Давенпорта.

— Его имя Черный Ястреб.

— Кто он? — спросил генерал у Давенпорта, но ответил ему Черный Ястреб.

— Я саук. Мои предки были сауками, великими людьми. Я хочу остаться там, где лежат их кости, и быть похороненным с ними. С чего бы мне покидать эти места?

Они с генералом схлестнулись взглядами — камень против стали.

— Я приехал сюда не для того, чтобы умолять вас, и не для того, чтобы купить ваш уход из деревни. Моя задача — сделать так, чтобы вы ушли, — мягко произнес Гейнс. — Если

получится, то мирным путем. Если надо, то силой. Я даю вам два дня на переезд. Если к тому времени вы не переправитесь через Миссисипи, то я заставлю вас уйти отсюда.

Представители Народа заговорили разом, не сводя глаз с орудия на судне, повернутого в их сторону. Проезжавшие мимо них маленькими группами кавалеристы, горланившие песни, были сытыми и хорошо вооруженными, и боеприпасов у них хватало. У сауков винтовки были старые, пуль мало, запасов пищи — вообще никаких.

Киокак послал гонца за Вабокишиком, Белым Облаком — знахарем, жившим в племени виннебаго. Отец Белого Облака был из племени виннебаго, мать — из сауков. Он был высоким, толстым и седовласым, а еще — редкость среди индейцев — носил всклокоченные черные усы. Он был великим шаманом, заботившимся о духовных и медицинских потребностях виннебаго, сауков и мескуоки. Все три племени знали его как Пророка, но Белое Облако не мог предложить утешительное пророчество Киокаку. Он сказал, что силы военных превосходят силы индейцев и Гейнс не станет прислушиваться к голосу разума. Их друг Давенпорт, торговец, встретился с вождем и шаманом и посоветовал им делать то, что от них требуют, и покинуть свои земли прежде, чем спор перерастет в кровопролитную стычку.

Итак, на второй вечер из полученных двух дней индейцы покинули Саук-и-нук, словно гонимое прочь стадо, перешли через *Масесибовина* землю своих врагов, айова.

В ту зиму Два Неба потеряла веру в то, что в мире есть безопасные места. Зерно поставляемое представителем федерального правительства США в новую индейскую деревню к западу от *Масесибови*, было плохого качества, и его едва хватало для того, чтобы не умереть от голода. Народ не мог ни подстрелить, ни поймать в силки достаточно мяса, поскольку многие из них обменяли свое оружие и ловушки на виски Вандруффа. Они оплакивали потерю на своих полях маиса, рассыпчатой кукурузы, спелых тыкв и кабачков. Однажды ночью пять женщин перешли реку в обратном направлении и вступили на свою старую землю, чтобы собрать немного замерзших початков кукурузы, которые они посадили прошлой весной. Белые поселенцы заметили их и жестоко избили.

Несколько ночей спустя Черный Ястреб с товарищами прискакали обратно в Рок-Айленд. Они набили мешки зерном с полей и ворвались на склад, чтобы забрать тыквы и кабачки. В течение ужасной зимы бушевали дебаты. Киокак, вождь, утверждал, что действия Черного Ястреба спровоцируют приход белых армий. Новая деревня, конечно, это не Саук-и-нук, но здесь тоже можно жить, настаивал он, а присутствие *моокамоновна* другом берегу реки означало рынок сбыта меха для охотников-сауков.

Черный Ястреб же отвечал, что бледнокожие вытеснят сауков как можно дальше, а затем уничтожат их. Единственным выходом было сражаться. Единственной надеждой для всех краснокожих людей было забвение межплеменных распрь и объединение всех, от Канады до Мексики, с помощью английского Отца, против более страшного врага — американцев.

Сауки спорили долго. К весне большая часть Народа решила остаться с Киокаком на западе от широкой реки. И только триста шестьдесят восемь мужчин вместе с семьями доверили свою судьбу Черному Ястребу. Среди них был и Зеленый Бизон.

Каное нагрузили. Черный Ястреб, Пророк и Неошо, знахарь сауков, отправились в первом каное, а потом и остальные отчалили от берега, отчаянно работая веслами против сильного течения *Масесибови*. Черный Ястреб не хотел ни разрушать, ни совершать

убийства до тех пор, пока на его силы не нападут. Плывая вниз по течению, они достигли поселения *моокамонов*, и тогда он отдал приказ своим людям бить в барабаны и петь. Если считать женщин, детей и стариков, у него было около тысячи трехсот голосов, и поселенцы сбежали от этих ужасных звуков. В нескольких поселениях они собрали еду, но у них было много голодных ртов и совсем не было времени на охоту или ловлю рыбы.

Чтобы попросить британцев о помощи, Черный Ястреб послал гонцов в Канаду, а также к десяткам племен. Гонцы принесли плохие известия. Неудивительно, что старые враги, такие как сиу, чиппева и осаге, не хотели объединяться с сауками против бледнокожих, но им отказали в помощи даже братские племена мескуоки и другие дружеские народы. Что гораздо хуже, их британский Отец отправил им лишь слова поддержки и пожелал удачи на войне.

Помня о пушке на корабле, Черный Ястреб увел своих людей от реки, вытянув каноэ на восточный берег, с которого их выгнали. Поскольку каждая крошка еды была на вес золота, груз несли все, даже скво, ожидающие детей, такие как Союз Рек. Они обогнули Рок-Айленд и пошли вверх по Рокки-ривер, чтобы встретиться с потаватоми, от которых они надеялись получить в аренду землю и вырастить на ней маис. Черный Ястреб узнал от Потаватоми, что Отец в Вашингтоне продал территорию сауков белым инвесторам. Городок Саук-и-нук и почти все их земли были куплены Джорджем Давенпортом, торговцем, который притворялся другом индейцев и убеждал их покинуть землю.

Черный Ястреб дал приказ принести собак в жертву духам, прекрасно понимая, как его Народу необходима сейчас помощь *маниту*. Пророк руководил удушением собак и очисткой мяса. Пока мясо тушилось, Черный Ястреб поставил перед своими людьми мешочки с лекарствами. «Воины и храбрецы! — воззвал он. — Саук-и-нука уже нет. Наши земли украдены. Бледнокожие солдаты сожгли наши *гедоносо-те*. Снесли ограды с наших полей. Вспахали наше Место мертвых и посадили маис среди наших священных костей. Эти мешочки с лекарствами принадлежат нашему отцу, Мук-атакету, давшему начало народу сауков. Они были переданы великому военному вождю нашего народа, На-намакии, который сражался с народами озер и равнин и ни разу не знал позора. Я хочу, чтобы вы все защитили их».

Воины отведали священной плоти, придавшей им храбрости и силы. Это было необходимо, поскольку Черный Ястреб знал: Длинные Ножи выступят против них. Возможно, именно *манитупозволили* Союзу Рек родить ребенка в этом лагере, а не где-то по пути. Ребенок оказался мальчиком, и этот факт укрепил дух воинов не меньше, чем это сделал «собачий пир»: ведь не случайно Зеленый Бизон назвал своего сына Вато-кимита — Тот-Кто-Владеет-Землей.

Подстрекаемый всеобщей истерией, вызванной слухами о том, что Черный Ястреб и его сауки вышли на тропу войны, губернатор Иллинойса Рейнольдс призвал к оружию тысячу всадников-добровольцев. На призыв откликнулось вдвое больше будущих истребителей индейцев, и на военную службу призвали тысячу девятьсот тридцать пять неподготовленных мужчин. Их собрали в Беардстауне, объединили с тремястами сорока двумя регулярными ополченцами и быстро сформировали из них четыре полка и два батальона разведчиков. Сэмюэль Вайтсайд из округа Сент-Клер был назначен бригадным генералом и возглавил эту маленькую армию.

Из сообщений поселенцев Вайтсайду стало известно, где находится Черный Ястреб, и генерал вывел войско. Той весной прошло необычно много дождей, и им приходилось

переплывать даже маленькие ручейки, в то время как обычные топи становились рукавами рек или озерами, где запросто можно было утонуть. Пять дней они, преодолевая трудности, двигались по бездорожью к Оквоке, где их должны были ждать продовольственные запасы. Но войско сбилось с пути; запасов все не было, а воины уже давно съели всю провизию из седельных сумок. Недисциплинированные и сварливые, они ругали своих начальников, словно гражданские лица, которыми они, собственно, и являлись, требуя, чтобы их накормили. Вайтсайд послал телеграмму генералу Генри Аткинсону в форт Армстронг, и Аткинсон сразу же отправил вниз по течению пароход «Вождь» с провизией. Вайтсайд послал вперед два батальона регулярного ополчения, в то время как основная часть добровольцев почти целую неделю набивала животы и отдыхала.

Они ни на секунду не забывали, что находятся на чужой и вражеской земле. Однажды теплым майским утром большая часть армии — тысяча шестьсот всадников — сожгли Профет-стаун, опустевшую деревню Белого Облака. Совершив это, они по непонятной причине разнервничались. Они были уверены, что за каждым холмом скрываются пылающие жаждой мести индейцы. Вскоре нервозность сменилась страхом, затем — ужасом, после чего они пустились в бегство. Побросав технику, оружие, запасы еды и боеприпасы, они спасали свои шкуры от несуществующего врага, неслись через поля, кустарник и лес, не останавливаясь до тех пор, пока — поодиночке или небольшими группами — не прекратили свой постыдный бег в поселении Диксон, которое находилось в десяти милях от места, откуда они начали свое отступление.

Первое настоящее столкновение произошло вскоре после этого события. Черный Ястреб и около сорока воинов двигались на встречу с потаватоми, у которых они хотели взять в аренду землю под кукурузу. Они разбили лагерь на берегу Рокки-ривер, когда внезапно гонец сообщил им, что в их направлении движется большое войско Длинных Ножей. Черный Ястреб тут же прикрепил к шесту белый флаг и послал трех безоружных сауков к бледнокожим с просьбой о встрече Черного Ястреба с их главнокомандующим. Вслед за ними он послал пятерых верховых в качестве наблюдателей.

У новоиспеченных солдат опыт войны с индейцами отсутствовал, и от одного вида сауков их охватила паника. Они, недолго думая, захватили трех парламентаров в плен, а затем кинулись за пятью наблюдателями: двоих нагнали и убили. Трое выживших вернулись в свой лагерь, преследуемые ополченцами. Когда белые солдаты появились в лагере, их тут же атаковали тридцать пять воинов под предводительством охваченного холодной яростью Черного Ястреба: он был готов умереть, лишь бы отомстить за предательство бледнокожих. Солдаты в авангарде конницы понятия не имели, что в арьергарде индейцев нет огромного войска. Им хватило одного взгляда на несущихся в атаку сауков, чтобы развернуть лошадей и броситься наутек.

Ничто так не заразительно, как паника во время битвы, и спустя считанные минуты войска белых охватил хаос. В суматохе двое из трех захваченных в плен сауков бежали. Третьего застрелили. Двести семьдесят пять вооруженных кавалеристов, охваченные ужасом, бежали так же быстро, как и большинство добровольцев, но на сей раз опасность была реальной. Несколько десятков воинов Черного Ястреба бросились в погоню, догнали отставших и вернулись с одиннадцатью скальпами. Кое-кто из двухсот шестидесяти четырех отступающих бледнокожих не останавливался, пока не доскакал до своего дома, но большинство солдат все же добрело до городка Диксон.

Всю свою оставшуюся жизнь девочка, которую когда-то звали Два Неба, будет помнить радость, охватившую всех после битвы. Ребенок очень хорошо чувствует состояние взрослых. У сауков появилась надежда. Новости о победе разнеслись по всему миру краснокожих, и сразу же к ним присоединились девяносто два воина племени виннебаго. Черный Ястреб ходил повсюду в белой кружевной рубашке и со сборником законов в кожаном переплете под мышкой — и то и другое он нашел в седельной сумке, брошенной офицером во время бегства. Его красноречие не знало границ. Как показал бой, *моокамонов* можно победить, заявлял он, и теперь другие племена отправят к ним воинов, чтобы создать союз, о котором он так мечтал.

Шли дни, а воины не приходили. Продукты заканчивались, охота не удавалась. Наконец, Черный Ястреб отправил виннебаго в одном направлении, а Народ повел в другом. Виннебаго нарушили его приказ и стали нападать на незащищенные поселения белых, снимая скальпы, в том числе скальп Сент-Врейна, представителя федерального правительства. Два дня подряд небо было черно-зеленого оттенка, и *маниту* Шагва сотрясал землю и воздух. Вабокишик предупредил Черного Ястреба, что всегда во время перехода далеко вперед следует высылать разведчиков, а отец Два Неба мрачно пробормотал, что не обязательно быть пророком, чтобы предвидеть: их ждут неприятности.

Губернатор Рейнольдс был в ярости. Его стыд за то, что произошло с ополчением, разделяло население всех пограничных штатов. Грабежи, учиненные виннебаго, были преувеличены и вменены в вину Черному Ястребу. Пришли новые добровольцы, привлеченные слухами о том, что награда, установленная законодательством Иллинойса в 1814 году, все еще в силе: пятьдесят долларов будет выплачено за каждого убитого индейца, каждую плененную скво или краснокожего ребенка. Рейнольдс легко привел к присяге еще три тысячи человек. Две тысячи напуганных солдат уже расположились в фортах вдоль Миссисипи, под командованием генерала Генри Аткинсона и его заместителя, полковника Закари Тейлора. Две роты пехоты перевели в Иллинойс из Батон-Ружа, штат Луизиана, а с восточных рубежей сюда была переброшена тысяча солдат срочной службы под командованием генерала Винфилда Скотта. Когда пароходы перевозили их через Великие Озера, в этих войсках вспыхнула холера, но и без них силы, которые были задействованы в операции, жаждущие отомстить инородцам и восстановить свою честь, были огромными.

Для девочки Два Неба границы ее мира сжались. Он всегда казался ей огромным во время путешествия из зимнего лагеря сауков на Миссури в летнюю деревню на Рокки-ривер. Но теперь, где бы ни оказывался ее народ, рядом появлялись белые разведчики, и не успевали индейцы уйти, как начиналась стрельба и звучали крики. Они сняли несколько скальпов, но потеряли несколько воинов. Им повезло: с основной массой войск белых они не столкнулись. Черный Ястреб наносил отвлекающие удары и путал следы, прокладывая ложные тропы, пытаясь ускользнуть от солдат, но большинство ушедших с ним составляли женщины и дети, и скрыть передвижение такого количества людей было очень трудно.

Их ряды быстро редели. Старики умирали, и не все дети могли выжить в таких условиях. У младшего брата Два Неба лицо осунулось, а глаза стали большими, как блюдца. Молоко у их матери не пропало, но его становилось все меньше, и оно уже не было достаточно жирным, чтобы накормить ребенка. Два Неба почти всю дорогу несла брата на руках.

Черный Ястреб больше не призывал к тому, чтобы прогнать бледнокожих. Теперь он

говорил о побеге в северные края, откуда и пришли сауки сотни лет назад. Прошло несколько лун, и многие его последователи потеряли веру и оставили его. Все больше и больше людей покидали сауков в одиночку. Маленьким отрядам выжить гораздо сложнее, но многие считали, что *маниту*отвернулись от Черного Ястреба.

Зеленый Бизон оставался верен вождю, несмотря на то, что через четыре луны после того, как они покинули сауков Кио-кака, количество людей Черного Ястреба сократилось до нескольких сотен. Они пытались выжить, питаясь корешками и корой деревьев, и вернулись к *Масесибови* — Великая река всегда дарила им утешение. Пароход «Воин» обнаружил большую часть сауков в устье реки Висконсин, где они пытались ловить рыбу на отмели. Когда судно приблизилось к ним, Черный Ястреб увидел шестифунтовую пушку на носу и понял, что они больше не могут сражаться. Его люди размахивали белым флагом, но корабль не останавливался. С палубы наемник виннебаго закричал на их языке: «Бегите и прячьтесь, белые будут стрелять!»

Разбрызгивая воду, индейцы бросились к берегу. Но было слишком поздно — пушка открыла огонь картечью в упор, поддерживаемый шквальным огнем из мушкетов. Двадцать три саука погибли на месте, остальные, вытаскивая на себе многочисленных раненых, скрылись в лесу.

Той ночью они держали совет. Черный Ястреб и Пророк решили пойти на территорию племени чиппева и посмотреть, смогут ли они там жить. Три семьи согласились идти с ними, но другие, включая Зеленого Бизона, не верили, что чиппева, в отличие от других племен, дадут саукам поля под маис, и они решили присоединиться к саукам Киокака. Утром они попрощались с теми немногими, кто пошел к чиппева, и направились на юг, в сторону дома.

Пароход «Воин» гнался по пятам индейцев, следуя вниз по течению за стаями ворон и коршунов. На берегах разлагались трупы сауков: мертвые старики, дети и раненые в предыдущей битве. Судно останавливалось, чтобы обыскать тела. У мертвецов отрезали уши и снимали скальпы. И не имело значения, что пучок темных волос принадлежал ребенку, а красное ухо — женщине: их с гордостью демонстрировали в провинциальных городках как доказательство того, что сражались с индейцами.

Выжившие сауки покинули *Масесибовии* двинулись дальше, но натолкнулись на наемников виннебаго. За виннебаго стояли ряды солдат и прилаживали к оружию штыки, из-за которых индейцы и называли их Длинными Ножам. Белые зарядили ружья, из их глоток вырвался хриплый животный крик — менее пронзительный, чем боевой клич индейцев, но такой же дикий. Их было очень много, и они были настроены убивать, чтобы вернуть себе то, что они считали утерянным. Саукам ничего не оставалось делать, как отступить, отстреливаясь. Когда они снова дошли до *Масесибови*, то пытались вступить в бой, но их быстро загнали в реку. Два Неба стояла рядом с мамой, по пояс в воде, когда свинцовый шар разорвал нижнюю челюсть Союза Рек и она упала лицом в воду. Два Неба попыталась перевернуть мать на спину, держа на руках младенца Того-Кто-Владеет-Землей. С большим трудом ей удалось это сделать, и тогда она поняла, что Союз Рек мертва. Девочка потеряла из виду отца и сестру. Вокруг царил ад: смертоносный огонь, крики, стоны раненых. Сауки двинулись по воде к заросшему ивняком островку, она пошла с ними.

Индейцы пытались оказать сопротивление на острове, прячась за скалами и упавшими бревнами. Но на реке, выплывая из тумана, словно большое привидение, появился пароход, и вскоре островок оказался под убийственным огнем его пушки. Кое-кто из женщин прыгал в

воду и пытался уплыть из-под обстрела. Они не знали, что армия наняла сиу: наемники стояли на дальнем берегу и убивали всех, кому удавалось переплыть реку, и в конце концов Два Неба прыгнула в воду, сжимая в зубах мягкую кожу на шее младенца, чтобы освободить руки. Ее зубы впились в тельце брата, и она почувствовала вкус его крови. Два Неба, пытаясь удержать головку ребенка над водой, быстро устала, от сильного напряжения мучительно болели мышцы шеи и плеч. Течение уносило их вниз по реке, прочь от звуков стрельбы. Девочка поняла, что у нее нет сил плыть дальше и они утонут вместе с младенцем, поэтому повернула к берегу, перебирая руками, как лиса или белка. Добравшись до суши, изнуренная Два Неба легла рядом с ребенком, стараясь не смотреть на его израненную шейку.

Вскоре Два Неба подняла малыша и понесла его подальше от поля боя. На берегу реки сидела какая-то женщина. Они подошли ближе. В женщине Два Неба едва узнала свою сестру — Высокая Женщина была вся в крови. Она рассказала Два Неба, что это не ее кровь а того солдата, который насильничал ее, но получил пулю в бок. Ей удалось вылезти из-под его окровавленного тела. Он протянул к ней руку и попросил помощи на своем языке, но она подняла камень и убила его.

Она сумела рассказать сестре свою историю, но так и не хотела верить словам Два Неба о том, что их матери нет в живых. Звуки стрельбы, крики, похоже, приближались. Два Неба подхватила брата на руки, и они втроем укрылись в кустах на берегу реки. Высокая Женщина молчала, но Тот-Кто-Владеет-Землей не переставал пронзительно кричать. Два Неба боялась, что солдаты услышат его плач и обнаружат их. Она расстегнула платье и приложила его ротик к своей неразвитой груди. Маленький сосок набух под его сухими губами, и она еще крепче прижала младенца к себе.

Час шел за часом, выстрелы звучали все реже, и шум постепенно стихал. Тени уже стали длинными, когда она услышала шаги приближающегося патруля, а младенец снова заплакал. Она подумала, что, наверное, стоит удушить его, и тогда они с сестрой выживут. Но она ничего не предприняла, а просто сидела и ждала. Через несколько минут тощий белый мальчишка сунул дуло мушкета в кусты и вытащил их оттуда.

На пути к пароходу, куда бы они ни посмотрели, их взгляд наткнулся на мертвые тела друзей и знакомых, лишённые ушей или скальпов. Длинные Ножи собрали на палубе тридцать девять женщин и детей. Все остальные были убиты. Младенец плакал не переставая, пока один из виннебаго не обратил внимание на изможденного ребенка с разорванной шеей. «Крысеньш», — презрительно прошипел он. Но рыжеволосый солдат с двумя желтыми нашивками на голубых рукавах размешал в бутылке из-под виски сахар с водой и вставил в нее тряпку. Он забрал ребенка у Два Неба, сунул ему в рот импровизированную соску и, довольно улыбаясь, унес ее братца. Два Неба попыталась последовать за ними, но к ней подошел один из виннебаго и так ударил по голове, что у нее зазвенело в ушах. Судно отплыло от устья реки Бэд-Экс, расталкивая носом покачивающиеся на воде мертвые тела сауков. Их отвезли на сорок миль вниз по реке. В Прери-дю-Шьен ее, Высокую Женщину и трех других девушек-сауков — Женщину Дыма, Луну и Желтую Птицу, — сняли с судна и посадили в фургон. Луна была младше Два Неба, две другие девушки были старше ее, но моложе Высокой Женщины. Два Неба не знала, что случилось с остальными пленными сауками, и больше никогда не видела Того-Кто-Владеет-Землей.

Фургон приблизился к форту, но не въехал на территорию военного гарнизона. Это был форт Кроуфорд — со временем девушки-сауки узнали его название. Индейских женщин отвезли к фермерскому дому, окруженному служебными постройками и заборами, в трех милях от форта. Два Неба увидела вспаханные и засеянные поля, несколько видов пасущихся животных и домашних птиц. Попав внутрь дома, она едва не задохнулась: воздух здесь был чужим, с резким запахом мыла и воска для полировки. Этот запах, священный для *моокамонов*, она ненавидела до конца своей жизни. Но в евангелистской школе для индианок ей пришлось терпеть его целых четыре года.

Школой руководили преподобный Эдвард Бронсан и мисс Ева, брат и сестра средних лет. Девять лет назад, получив средства от Миссионерского общества Нью-Йорка, они отправились в глушь, чтобы обратить дикарей в христианскую веру, и открыли школу для индейцев. «Уроки миссионеров» заключались в принуждении скво к выполнению работ по дому, непрерывному тяжкому труду на ферме; в изучении английского языка, при этом девушкам строжайше запрещалось говорить на родном языке, под страхом наказаний им приказывали забыть культуру предков и молиться чужим богам. Поначалу в школе Бронсан учились две индианки из племени виннебаго, одна из которых была слабоумной. «Испорченные» индианки отказывались от неоднократных приглашений потрудиться на полях Бронсанов, а также ухаживать за скотом, мыть и красить здания и выполнять работу по дому. Благодаря сотрудничеству властей и военных сил количество работниц постоянно увеличивалось, а с приходом сауков их численность выросла до двадцати одной недовольной, но послушной ученицы, не разгибающей спины на одной из самых ухоженных ферм в районе.

Мистер Эдвард, высокий и худой мужчина с веснушчатым лицом и лысеющей головой, «обучал» девочек сельскому хозяйству и религии, в то время как мисс Ева, тучная дама с ледяным взглядом, добивалась, чтобы они мыли полы, полировали мебель и деревянную утварь так, как того требовали бледнокожие. Мисс Ева, всегда холодно улыбаясь, наказывала девочек за малейшую провинность. К списку самых страшных прегрешений относились лень, дерзость и употребление индейских слов, поэтому гибкие розги, срезанные со сливового дерева в саду, редко простаивали без работы.

Остальные ученицы были из племен виннебаго, чиппева, иллинойс, кикапо, ирокезов и потаватоми и отнеслись к новичкам враждебно. Но сауки не испугались и держались все вместе, к тому же они представляли собой самую большую группу из одного племени, хотя там, куда они попали, стремились искоренить это преимущество. Первое, чего лишалась каждая новая девочка — это своего индейского имени. Бронсаны считали, что только шесть библейских имен могут внушать новообращенным благочестие: Рэйчел, Рут, Мэри, Марта, Сара и Анна. Поскольку такой ограниченный выбор означал, что несколько девочек будут носить одно и то же имя, ученицам также присваивали числительное, которое освобождалось, только когда его обладательница покидала школу. Таким образом, Луна стала зваться Рут Три, Высокая Женщина — Мэри Четыре, Желтая Птица — Рэйчел Два, Женщина Дыма — Мартой Три. Два Неба стала Сарой Два.

Приспособиться оказалось нетрудно. Первыми английскими словами, которые они выучили, были «пожалуйста» и «спасибо». Во время обеда им говорили названия еды и питья по-английски, но только один раз. После этого всякий, кто не просил их по-английски, оставался голодным. Девочки-сауки очень быстро выучили английский язык. Их

кормили два раза в день: на стол подавались мамалыга, кукурузный хлеб и измельченные корнеплоды. Мясо давали редко, обычно это был свиной шпик или мелкая дичь. Дети, пережившие голод, всегда хотят есть. Несмотря на тяжелый труд, они набирали вес. Отстраненность ушла из глаз Высокой Женщины, но из пяти сауков она чаще других забывалась и разговаривала на языке Народа, и потому ее били чаще других. На втором месяце их пребывания в школе мисс Ева услышала, как Высокая Женщина тихонько шепчет что-то на языке сауков, и жестоко выпорола ее кнутом, а мистер Эдвард стоял и смотрел. Той ночью мистер Эдвард пришел в темную спальню на чердаке и прошептал, что у него есть мазь для спины Мэри Четыре, которая облегчит боль, и вывел Высокую Женщину из комнаты.

На следующий день мистер Эдвард дал Высокой Женщине мешок с кукурузным хлебом, которым она поделилась с другими сауками. После этого он часто приходил в спальню к ней, а девочки-сауки привыкали к дополнительному питанию.

Спустя четыре месяца Высокую Женщину стало тошнить по утрам, и еще до того, как у нее начал расти живот, она и Два Неба поняли, что под сердцем она носит ребенка.

Через несколько недель мистер Эдвард запряг лошадь в коляску. Мисс Ева и Высокая Женщина куда-то уехали. Вернулась хозяйка одна, без скво. Два Неба она сообщила, что ее сестра получила благословение и с этого момента будет работать на хорошей христианской ферме с другой стороны форта Кроуфорд. Два Неба больше никогда не видела сестру.

Каждый раз, когда Два Неба была уверена, что они одни, она разговаривала с другими сауками на их языке. Собирая колорадских жуков с картофеля, она рассказывала им истории, услышанные от Союза Рек. Пропалывая свеклу, она пела песни сауков. Собирая хворост, она говорила с ними о Саук-и-нуке и о зимнем лагере, вспоминая танцы и праздники, а также живых и мертвых родственников. Если они не отвечали ей на их родном языке, она грозила избить их сильнее, чем мисс Ева. Хотя две девочки были старше и крупнее Два Неба, никто ей не перечил. Так они сохранили свой язык.

Спустя почти три года их жизни на ферме к ним попала новая девочка-сиу из племени вабашо. Ее звали Машет Крыльями, она была старше Высокой Женщины. По ночам она насмеялась над сауками, рассказывая им о том, как ее отец и братья встали на дальнем берегу реки *Масесибови*, убили и оскальпировали всех своих врагов-сауков, которые пытались переплыть реку во время бойни в устье Бэд-Экс. Машет Крыльями дали имя Высокой Женщины — Мэри Пять.

Поначалу Два Неба мечтала убить ее, но затем поняла, что появление Машет Крыльями — это шанс для осуществления ее плана. С самого начала мистер Эдвард был «благосклонен» к Мэри Пять, неудивительно, что через несколько месяцев она тоже забеременела. Возможно, имя Мэри способствовало рождению детей.

Два Неба смотрела, как растет живот у Машет Крыльями, разрабатывала план и готовилась осуществить его.

Жарким летним днем мисс Ева увезла Машет Крыльями. Мистер Эдуард остался один и не мог присматривать за всеми сразу. Как только коляска скрылась из виду, Два Неба отбросила мотыгу, которой полола свеклу в поле, и прокралась к задней части сарая, где ее не было видно. Она сложила кучей толстую сосновую растопку, прислонив ее к сухим бревнам, и подожгла их с помощью спичек, которые украла и хранила специально для такого случая. К тому моменту, когда огонь заметили, сарай уже вовсю пылал. Мистер Эдвард

примчался с картофельного поля с безумным видом, крича и в ужасе выпучив глаза. Он приказал девочкам выстроиться цепочкой и подавать друг другу ведра с водой.

Среди общей суматохи Два Неба оставалась спокойной. Она взяла одну из сливовых розог мисс Евы, выгнала откормленного на убой поросенка из глубокой черной лужи в свинарнике, загнала его в вычищенный и пропитанный ханжеством дом мисс Евы и закрыла дверь. Затем повела Луну, Желтую Птицу и Женщину Дыма в лес, подальше от обиталища *моокамонов*.

Они избегали дорог, двигаясь по лесу, пока не дошли до реки. К берегу прибило дубовое бревно. Поднатужившись, девочки столкнули его в воду. Беглянки схватились за бревно. В теплой воде плавали кости убитых индейцев. Течение *Масесибови* понесло девочек на юг, души близких сопровождали их в пути.

Они вышли из реки, когда уже начинало темнеть. Той ночью они спали в лесу на голодный желудок. Утром, собирая ягоды возле воды, они увидели спрятанное каноэ сиу и сразу же украли его, надеясь, что оно принадлежит их врагам — соплеменникам Машет Крыльями. Солнце уже клонилось к закату, когда они обогнули излучину и оказались возле города Профетстаун. На берегу какой-то краснокожий чистил рыбу. Когда они поняли, что он мескуоки, то радостно засмеялись и направили лодку к нему.

После окончания войны, как только это стало возможным, Белое Облако вернулся в Профетстаун. Белокожие солдаты сожгли его лонгхаус вместе с остальными, но он построил новый *гедоносо-те*. Когда пошли слухи о том, что шаман вернулся, в ту местность, как это случалось и раньше, пришли несколько семей из других племен и построили жилища по соседству, чтобы жить поближе к шаману. Время от времени прибывали и другие беглецы.

Однажды к нему пришли четыре маленькие девочки, сумевшие скрыться от белых людей. В его жилище они обрели кров и еду. В течение многих дней он внимательно наблюдал за ними. Почему-то они вызвали у него особый интерес. Шаман заметил, что трое из них во всем подражали четвертой. Он расспросил каждую из них по отдельности, и каждая рассказывала ему о Два Неба.

Всегда — только о Два Неба. Он начал наблюдать за ней с растущей надеждой.

Наконец, он поймал двух пони и велел Два Неба следовать за ним. Большую часть дня она ехала за его лошадью, пока дорога не пошла в гору. Для индейца горы священны. А на равнинной местности любой холмик вызывает трепет. На лесистой вершине он привел ее на поляну с мускусным медвежьим запахом: вокруг лежали кости животных и пепел старых кострищ.

Когда они спешили, Вабокишик — Белое Облако снял с плеч одеяло и приказал ей раздеться и лечь на него. Два Неба не смела ему противиться, хотя была уверена, что старый шаман хочет овладеть ее телом. Вабокишик дотронулся до нее, но сделал это не как любовник. Как знахарь он тщательно осмотрел ее, пока не убедился, что она здорова.

Когда солнце село, они зашли в близлежащий лес, где шаман установил три силка. Затем развел на поляне огонь и сидел возле него, напевая, пока она спала, лежа на земле.

Когда она проснулась, он уже вытащил из силка кролика и разрезал ему брюшко. Два Неба проголодалась, но он не собирался готовить кролика; вместо этого он перебирал внутренние органы и рассматривал их с той же скрупулезностью, как перед тем изучал тело девочки. Закончив, он довольно хрюкнул и посмотрел на нее с опаской и удивлением.

Белое Облако вспомнил те времена, когда Черный Ястреб и его соратники услышали о массовом убийстве своих соплеменников в устье реки Бэд-Экс. Боевой дух воинов ослаб. Вождь и шаман не хотели, чтобы еще больше сауков погибло под их предводительством, и потому сдались представителю федерального правительства США в Прери-дю-Шъен. В форте Кроуфорд их передали молодому лейтенанту по имени Джефферсон Дэвис, который доставил пленных вниз по *Масесибовив* Сент-Луис. Всю зиму они просидели под замком в *Казармах Джефферсона*, испытывая унижение оттого, что сидят на цепи. Весной, чтобы показать белокожим американцам, какие славные победы их армия одержала над индейским Народом, Великий Отец в Вашингтоне приказал провезти двух заключенных по американским городам. Индейцы впервые увидели железную дорогу и поехали по ней в Вашингтон, Нью-Йорк, Олбани и Детройт. И повсюду посмотреть на «побежденных вождей» приходили огромные, словно стада бизонов, толпы белых американцев.

Белое облако увидел огромные поселения, великолепные здания, устрашающие машины. Бессчетное количество американцев. Когда ему разрешили вернуться в Профетстаун, он осознал горькую правду: *мукамонов* когда не выгнать с земель сауков. Краснокожих будут вытеснять все дальше и дальше от плодородных и богатых дичью земель. Их дети — сауки, мескуоки и виннебаго, — должны смириться с тем, что мир жесток и что им руководят белые. Перед ними больше не стояла задача прогнать белых. Теперь шаман обдумывал, как его людям нужно измениться, чтобы выжить, и в то же время сохранить своих *маниту*, свою медицину. Он был стар и знал, что вскоре умрет, и потому начал искать того, кому бы мог передать искусство шамана и знахаря, но так никого и не нашел. Ему нужен был достойный сосуд, в который можно перелить душу алгонкинских племен. И вот ему встретилась эта девочка...

Все это он рассказал Два Неба, сидя на священном месте на холме, перебирая благоприятные предзнаменования в тушке кролика, которая уже начала разлагаться. Шаман закончил свой рассказ и спросил ее, готова ли она стать знахаркой.

Два Неба была ребенком, но знала достаточно, чтобы испугаться. Очень много она пока не понимала, но осознавала, что сейчас важно, а что — второстепенно.

«Я попробую», — прошептала она Пророку.

Белое Облако отправил Луну, Желтую Птицу и Женщину Дыма жить с сауками Киокака, но Два Неба осталась в Профетстауне, в жилище Вабокишика, как любимая дочь. Он показывал ей листья, корешки, кору и рассказывал о том, какие из них могут вывести душу из тела и дать ей возможность беседовать с *маниту*; какие могут окрасить оленью кожу, а какие пригодны для боевой раскраски; какие нужно сушить, а какие — настаивать; какие следует обрабатывать паром, а какие — использовать в качестве примочек; какие нужно наносить движением снизу вверх, а какие — сверху вниз; какие расслабляют кишечник, а какие — укрепляют его; какие сбивают температуру, а какие — снимают боль; какие вылечивают, а какие — убивают.

Два Неба слушалась его во всем. Через год, проверив ее знания, Пророк остался доволен. Он сказал, что провел ее через первую Хижину Мудрости.

Еще до того, как она прошла через вторую Хижину Мудрости, она стала девушкой. Одна из племянниц Белого Облака показала ей, как ухаживать за собой, и каждый месяц, во время менструации, она уходила в дом, где жили только женщины. Пророк объяснил, что ей нельзя проводить ритуалы или лечить болезни и травмы, пока она не посетит парную и не

очистится после менструации.

В течение следующих четырех лет она училась вызывать *манитупеснями* и игрой на барабанах, резать собак согласно разным ритуалам, правильно готовить их для «собачьего пира», обучать певцов и танцоров священным танцам. Она научилась читать будущее по органам убитого животного. Она познала могущество иллюзии — научилась высасывать болезнь из тела и выплевывать ее в виде маленького камешка, чтобы больной мог дотронуться до него и поверить, что болезнь ушла. Когда невозможно было убедить *манитусохранить* человеку жизнь, она училась, как песнями помочь духу умирающего перейти в мир иной.

Всего Хижин Мудрости было семь. В пятой Пророк научил ее контролировать свое тело — иначе она не сумела бы научиться контролировать тела других. Теперь она могла бороться с жаждой и долгое время обходиться без еды. Очень часто он провожал ее на большие расстояния верхом, а потом возвращался в Профетстаун с двумя лошадьми, чтобы она добиралась домой пешком. Постепенно он научил ее справляться с болью, посылая свой разум в укромное местечко глубоко внутри себя, где боль не могла до нее добраться.

В конце лета он снова взял ее на священную поляну на вершине холма. Они развели огонь, вызывали *манитупеснями* и снова поставили силки. На этот раз они поймали тощего коричневого кролика. Они разрезали ему живот и прочитали предсказание по органам; Два Неба поняла, что знаки благоприятные.

С приближением сумерек Белое Облако велел ей снять платье и обувь. Когда она обнажилась, он своим британским ножом сделал двойные разрезы у нее на плечах, а потом осторожно вырезал из обрывков кожи петли, похожие на эполеты, которые носили белые военные. Через эти кровавые разрезы он протянул веревку, завязал петлю, забросил веревку на ветку дерева и тянул до тех пор, пока девушка не повисла над землей, подвешенная за собственную истекающую кровью плоть.

Он срезал несколько тонких дубовых веток, раскалил их концы на огне и на обеих ее грудях выжег символы духов Народа и символы *маниту*.

Уже стемнело, а ей все никак не удавалось освободиться. Полночи Два Неба извивалась, пока полоска кожи на ее левом плече не лопнула. Вскоре то же самое случилось и с правым плечом, и девушка упала на землю. Чтобы не чувствовать боли, она отправила свой разум в укромное место и, возможно, уснула.

С первым проблеском утреннего света она проснулась и услышала громкое сопение: это на дальний конец поляны вышел медведь. Он не учуял ее запах, поскольку двигался в том же направлении, что и утренний ветерок. Он брел так медленно, что она смогла рассмотреть его белоснежную морду и понять, что это медведица. За ней следовал второй медведь, полностью черный, молодой самец, который стремился к спариванию, несмотря на грозное рычание самки. Два Неба отчетливо видела его большой, напряженный *коска*, окруженный жесткими серыми остевыми волосами, когда он поднялся на задние лапы, собираясь залезть на медведицу сзади. Самка зарычала, стала крутиться вокруг своей оси, несколько раз щелкнула зубами, и самец сбежал. Одно короткое мгновение самка преследовала его, но наткнулась на тело кролика, взяла его в зубы и ушла.

Наконец, несмотря на сильную боль, Два Неба встала на ноги. Пророк забрал ее одежду. Странно, но на хорошо утрамбованной грязи она не увидела следов медвежьих лап, зато в тонком слое пепла потухшего костра отпечатался один-единственный четкий след,

принадлежавший лисе. Возможно, лиса пришла ночью и забрала кролика. Наверное, медведи ей просто приснились — или же это были *маниту*.

Весь день она шла пешком. Как-то раз она услышала лошадей и спряталась в кустах. Мимо нее проехали двое верховых сиу. Было еще светло, когда она вошла в Профетстаун. Ее обнаженное тело было в крови и грязи. Трое мужчин прекратили свой разговор, как только она приблизилась к ним, а женщина перестала молотить зерно. Два Неба увидела на их лицах страх.

Пророк позвал ее к себе. Обрабатывая ее раненые плечи и ожоги, он спросил, снилось ли ей что-нибудь. Когда она рассказала ему о медведях, его глаза заблестели. «Сильнейший знак!» — воскликнул он и поведал о том, что означает ее сон: до тех пор, пока она не возляжет с мужчиной, *маниту* будут находиться рядом с ней.

В то время как она обдумывала услышанное, он торжественно объявил, что отныне ее не будут больше звать Два Неба, не говоря уже о Саре Два. Той ночью она стала Маква-иквой — Женщиной-Медведем.

* * *

И снова Великий Отец в Вашингтоне обманул сауков. Армия пообещала саукам Киокака, что они могут навсегда остаться на земле айова, на западном берегу *Масесибови*, но белые поселенцы начали стремительно захватывать и эту территорию. На другом берегу реки, напротив Рок-Айленда, возник городок белых. Его назвали Давенпорт, в честь торговца, который посоветовал саукам покинуть кости своих предков и уйти из Саук-и-нука, а после выкупил их землю у государства для собственного обогащения.

Теперь же военные сообщили саукам Киокака, что они задолжали большую сумму американских денег и обязаны продать свои новые земли на территории айова и переехать в резервацию, которую США организовали специально для них. Им предстоял длинный путь на юго-запад, на территорию племени Канзас.

Пророк сказал Маква-Икве, что, пока она жива, она не должна принимать на веру слово белого человека.

В тот год Желтую Птицу укусила змея. Половина ее тела опухла и отекала, вскоре она умерла. Луна нашла себе мужа-саука по имени Идет Поет и родила детей. Женщина Дыма замуж не вышла. Она спала со столькими мужчинами и с таким удовольствием, что люди двусмысленно улыбались при упоминании ее имени.

Иногда Маква-иква испытывала сексуальное желание, но научилась контролировать его, как и боль. О чем она действительно жалела, так это о том, что у нее нет детей. Она вспоминала, как прятала брата во время резни в Бэд-Экс, как его губки хватали ее сосок. Но в конце концов и с этим она смирилась: слишком долго она жила с *маниту*, чтобы подвергать сомнению их решение о том, что ей не суждено стать матерью. Она была довольна тем, что стала знахаркой.

Последние две Хижины Мудрости были связаны с черной магией: как с помощью заклинаний заставить здорового человека заболеть, как вызывать и направлять несчастье. Маква-иква познакомилась с маленькими злобными бесенятами, которые называются *ватавиномы*, с призраками и ведьмами, а также с Пангуком — духом Смерти. К этим духам

нельзя было обращаться, пока не пройдешь последние Хижины Мудрости: целительница должна была сначала достичь умения владеть собой, а уже затем призывать их, иначе она станет такой же злой, как и *ватавиномы*. Черная магия была самой тяжелой наукой. *Ватавиномы* похитили у Маква-иквы ее способность улыбаться. Она стала бледной. Ее плоть таяла до тех пор, пока не стали выступать кости, и иногда не наступала менструация. Она видела, что *ватавиномы* также пьют жизнь из тела Вабокишика: он все худел и словно становился меньше ростом, но обещал ей, что не умрет.

По прошествии двух лет Пророк провел ее через последнюю Хижину Мудрости. Случись это в прежние времена, в честь такого события собралось бы много-много сауков, люди участвовали бы в соревнованиях и играх, курили бы трубку мира, а *Миде-вивин* — общество знахарей алгонкинских племен — проводило бы тайные встречи. Но прежние времена прошли. Краснокожих разбросало по миру, их все еще преследовали. Единственное, что мог сделать Пророк, — это собрать трех стариков в качестве судей: Потерянный Нож из племени мескуоки, Бесплодную Лошадь из племени оджиба и Маленькую Большую Змею из племени меномини. Женщины Профетстауна пошили Маква-икве платье и туфли из шкуры белого оленя, она завернулась в полотно Иззе, украсила руки и ноги браслетами, которые гремели, когда она двигалась. Палкой с петлей на конце она задушила нескольких собак, после чего проследила за тем, как их потрошат и готовят. После церемонии она всю ночь просидела возле костра вместе со стариками.

Когда они задавали вопрос, она отвечала уважительно, но прямо, как равная. Она извлекала звуки мольбы из водяного барабана, призывая *манитуи* умиротворяя духов. Старцы раскрыли ей особые секреты *Миде-вивина*, но сохранили собственные тайны — подобно тому, как с этого часа она будет оберегать свои секреты. На следующее утро она стала шаманом. В прежние времена это сделало бы ее человеком, обладающим большой властью.

Маква-иква готовила вещи в поездку. Вабокишик помогал ей собирать травы, которые она не сможет найти в той местности, куда направляется. На мула навьючили бубны, сумку целителя, мешочки с травами. Она в последний раз попрощалась с учителем. Сама оседлала серого пони, которого ей подарил Пророк. Путь ее лежал на территорию индейцев Канзас, где теперь в резервации жили сауки.

Резервация находилась в местности, еще более плоской, чем равнины Иллинойса.
Засуха.

Воды для питья хватало, но до нее еще нужно было добраться. На этот раз белые люди отдали саукам землю, достаточно плодородную для любых сельскохозяйственных культур. Семена, которые они сажали, хорошо проросли весной, но в первые же дни лета все засыхало и погибало. Ветер гнал пыль, через которую едва пробивался свет солнца, принявшего здесь форму круглого красного глаза.

Поэтому люди вынуждены были есть еду белых, которую им давали солдаты: испорченную говядину, зловонное свиное сало, старые овощи. Жалкие крохи с роскошного стола белых.

Никаких *гедоносо-тене* было. Народ обитал в лачугах, построенных из сырой древесины, которая, усыхая, покрывалась такими щелями, что через них внутрь попадал снег. Два раза в год приходил нервный низенький представитель правительства США в сопровождении солдат и выкладывал прямо на землю негодные вещи и продукты: дешевые

зеркала, стеклярус, поломанную упряжь с бубенцами, старую одежду, червивое мясо. Сначала сауки тщательно подбирали принесенное, пока кто-то из них не спросил представителя, зачем он приносит такой хлам, и он ответил, что это — плата за землю сауков, конфискованную правительством. После этого заявления «добро» стали подбирать только самые слабые и презируемые. Каждые полгода груда барахла увеличивалась в размерах, а во время непогоды начинала гнить.

Когда прибыла Маква-иква, сауки приняли ее с уважением, но они больше не были цельным племенем и не нуждались в шамане. Самые энергичные из них пошли с Черным Ястребом и погибли от рук белых или продажных сиу, умерли от голода или утонули в *Масесибови*. Но и в резервации оставались те, у кого были мужественные сердца настоящих сауков. Их храбрость постоянно испытывалась в стычках с племенами, исконно проживающими на этой территории. Запасы дичи истощались, и команчи, кайова, шайены и осаге не желали делить свои охотничьи угодья с восточными племенами, вытесненными с насиженных мест американцами. Белые постарались, чтобы саукам было тяжело защищаться: они обеспечивали индейцев большим количеством низкосортного виски. Все больше и больше сауков становилось жертвами некачественного алкоголя, взамен белые забирали большую часть шкурок зверей, попадавших в силки.

Маква-иква прожила в резервации немного больше года. Весной по прерии прошло небольшое стадо бизонов. Идет Поет и другие охотники вернулись с добычей — мясом бизона. Маква-иква объявила Танец Бизона и рассказала, что нужно напевать тихонько, а что горланить. Люди танцевали древние танцы, и в глазах некоторых из них она увидела свет, которого там не было уже долгое время — свет, который наполнил ее радостью.

Остальные тоже это почувствовали. После Танца Бизона ее нашел Идет Поет и заявил ей, что кое-кто из Народа хочет оставить резервацию и вернуться туда, где жили их отцы. Они прислали его с вопросом, присоединится ли к ним шаман.

Она спросила, куда они хотят уйти.

— Домой, — ответил Идет Поет.

Итак, самые молодые и сильные ушли из резервации, и Маква-иква ушла с ними. К осени они попали в страну, которая развеселила их души, но одновременно причинила боль их сердцам. Во время путешествия не столкнуться с белыми оказалось очень трудно; они вынуждены были обходить поселения десятой дорогой. С охотой не складывалось. Зима застала их неподготовленными. В то лето Вабокишик умер, и Профетстаун осиротел. Она не могла обратиться за помощью к белым, памятуя о том, что Пророк наставлял ее никогда не доверять белокожим.

Но когда она помолилась, *манитупослали* им возможность выжить в виде помощи от белого врача по имени Коул, и, несмотря на ворчание духа Пророка, она почувствовала, что этому белому можно доверять.

И потому, когда он приехал в лагерь сауков и сказал ей, что теперь ему нужна ее помощь в лечении, она, ни секунды не колеблясь, согласилась пойти с ним.

Роб Джей попытался объяснить Маква-икве, что такое мочевого камень, но не мог сказать наверняка, понимает ли она, что болезнь Сары Бледшо действительно вызвана камнями в пузыре. Маква-иква спросила его, не собирается ли он высосать камни, и во время обсуждения выяснилось, что она подозревала, что станет свидетелем обмана, своего рода ловкости рук, манипулирования, чтобы убедить пациента, будто доктор удалил источник ее болезни. Тогда он несколько раз объяснил ей, что камни в мочевом пузыре женщины существуют на самом деле и причиняют ей мучительную боль и что он введет в тело Сары инструмент и удалит их.

Ее замешательство усилилось, когда они добрались до его хижины и он тщательно вымыл едким мылом сооруженный Олденом стол, на котором и собирался провести операцию. Они вдвоем заехали за Сарой Бледшо на четырехколесной телеге. Маленького мальчика, Алекса, оставили с Альмой Шрёдер, а его мать ждала врача, и глаза ее казались огромными на бледном напряженном лице. На обратном пути Маква-иква молчала; ни слова не проронила и Сара — она почти онемела от ужаса. Роб попытался разрядить обстановку, заведя разговор ни о чем, но ему это не удалось.

Когда они добрались до его хижины, Маква-иква легко соскочила с телеги. Она неожиданно нежно помогла белой девушке спуститься с высокого сиденья и заговорила впервые с момента их встречи с Сарой.

— Когда-то меня звали Сара Два, — сказала она Саре Бледшо; вот только Робу Джею слышалось, что она произнесла «Сара, да».

Сара совершенно не умела пить. Она закашлялась, попытавшись проглотить треть стакана виски, который дал ей Роб, и крепко сжала губы, когда он плеснул туда еще немного, так что получилось полстакана. Он хотел, чтобы она успокоилась и не так остро ощущала боль, но оставалась в сознании и здравом уме. Пока они ждали, когда виски подействует, он расставил вокруг стола свечи и зажег их, несмотря на летнюю жару, поскольку в хижине царил полумрак. Когда они раздели Сару, он заметил, что ее тело покраснело от тщательного мытья. Ее тощие ягодицы были маленькими, как у ребенка, а бедра с синеватой кожей казались впалыми от истощения. Она поморщилась, когда он ввел катетер и наполнил мочевого пузырь водой. Он показал Маква-икве, как нужно согнуть колени пациентки, и смазал литотриптор чистым салом, стараясь не запачкать жиром крошечные щипчики, которыми нужно будет схватить камни. Женщина ахнула, когда он ввел инструмент ей в уретру.

— Я знаю, что это больно, Сара. Боль при введении появляется всегда, но... Вот так. Теперь будет легче.

Она привыкла к куда более сильной боли и потому перестала стонать, но он все равно волновался. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он в последний раз зондировал мочевого пузырь, да и то — под внимательным взглядом человека, несомненно, являвшегося одним из лучших хирургов в мире. Накануне он долгие часы тренировался с литотриптором, схватывая изюминки и мелкие камешки в бочонке с водой, поднимая орехи и разламывая их скорлупу, занимаясь всем этим с закрытыми глазами. Но совсем другое дело — искать на ощупь в хрупком мочевом пузыре живого человека, понимая, что если ткнешь инструментом в стенку пузыря или сомкнешь щипцы на складке ткани, а не на камне, то это может привести к разрыву, в результате чего в организм попадет инфекция и пациентка умрет ужасной смертью.

Поскольку от глаз не было никакого толку, он закрыл их и стал медленно и осторожно двигать литотриптором, — все его существо словно превратилось в один-единственный нерв, расположенный на кончике инструмента. Вот он чего-то коснулся. Он открыл глаза и вонзился взглядом в пах и нижнюю часть живота женщины, жалея, что не может видеть сквозь его стенки.

Маква-иква наблюдала за движениями его рук, внимательно всматривалась в его лицо, стараясь не пропустить ни малейшей подробности. Он отмахнулся от надоедливой мухи, а затем уже не обращал внимания ни на что, кроме пациентки, стоящей перед ним задачи и литотриптора в руке. Камень... Господи, он сразу понял, какой тот огромный! Возможно, размером с большой палец, прикинул Роб, медленно и осторожно орудуя литотриптором.

Чтобы определить, удастся ли сдвинуть камень, врач сжал его щипцами литотриптора, но стоило ему только потянуть инструмент на себя, как лежащая на столе женщина пронзительно закричала.

— Сара, я держу самый большой камень, — спокойно сообщил он. — Он слишком велик, чтобы выйти целиком, так что я попытаюсь разломать его. — Еще не закончив предложение, он сдвинул пальцы к ручке винта на кончике литотриптора. С каждым поворотом винта напряженность Роба Джея росла, ведь, если камень не расколется, перспективы женщины были весьма пессимистичными. Но, к счастью, после очередного поворота ручки раздался тихий хруст, похожий на тот, который раздастся, если наступить каблуком на черепок глиняного горшка.

Роб разломал камень на три кусочка. Хотя он действовал чрезвычайно осторожно, удаляя первый осколок, он причинил пациентке боль. Маква-иква намочила тряпочку и вытерла потное лицо Сары. Роб протянул руку, разжал ей пальцы, отгибая их один за другим, словно лепестки, и положил в ее белую ладонь уродливый черно-коричневый катышек. Средняя часть была гладкой; овальной формы, но остальные две оказались неровными и покрытыми маленькими шипами. Когда на ладони у Сары уже лежали все три камешка, Роб ввел катетер и ополоснул пузырь, и оттуда вышло много кристалликов, отколовшихся от камня, когда он раздавил его.

Пациентка была измучена.

— На сегодня достаточно, — решил он. — У вас в пузыре есть еще один камень, но он маленький и его наверняка легко удалить. Мы сделаем это в другой раз.

Меньше чем через час у нее резко поднялась температура — достаточно распространенное последствие любого хирургического вмешательства. Они заставили ее выпить много жидкости, в том числе эффективный чай из ивовой коры, приготовленный Маква-иквой.

На следующее утро ее все еще немного лихорадило, но они смогли отвезти ее домой. Роб понимал, что у нее болит все тело, но она пережила тряскую поездку без единой жалобы.

Глаза у нее по-прежнему лихорадочно блестели, но в них появился и другой свет, и Роб сумел распознать в нем надежду.

Несколько дней спустя, когда Ник Холден пригласил его снова поучаствовать в охоте на самочек, Роб Джей, поколебавшись, согласился. На сей раз они сели на пароход, идущий вверх по течению, в город Декстер, где в таверне их ждали две сестры по фамилии Ла Саль.

Хотя Ник расписал их достоинства в плутоватой мужской манере (то есть значительно приукрасив действительность), Роб Джей сразу понял, что они просто уставшие шлюхи. Ник выбрал Полли, которая была моложе и привлекательнее, Робу досталась стареющая женщина с горьким взглядом и верхней губой, на которой даже толстый слой затвердевшей рисовой пудры не мог скрыть темные усики — Лидию. Лидия искренне обиделась на то, что Роб Джей так настоял на использовании мыла и воды, а еще — Старого Рогача, но она выполнила свою часть сделки со сноровкой настоящей профессионалки. Той ночью он лежал рядом с ней в комнате, где витали специфические запахи — призраки предыдущих оплаченных страстей, и спрашивал себя, что он здесь делает. Из соседней комнаты неожиданно донеслись сердитые голоса, звук пощечины, хриплый женский крик, ужасный, но не допускающий двойного толкования глухой стук.

— Господи! — Роб Джей стукнул кулаком в тонкую стену. — Ник! Все в порядке?

— Все тип-топ. Черт, Коул, может, поспишь, а? Или займись чем-нибудь. Понял? — откликнулся Холден; его голос охрип от виски и раздражения.

На следующее утро, за завтраком, Роб заметил, что левая щека у Полли покраснела и опухла. Ник, должно быть, очень хорошо заплатил ей за перенесенные побои, потому что, когда они прощались, она не высказала никакого недовольствия.

Но когда они сели на пароход, отправляясь домой, то оба поняли, что происшедшее необходимо обсудить. Ник положил ладонь на руку Робу и сказал:

— Иногда женщине хочется грубостей, разве ты не знал, старина? Она буквально умоляет об этом, а как получит, то начинает течь.

Роб молча смотрел на него, понимая, что больше в «охоте на самочек» участвовать не будет. Ник убрал руку и заговорил о приближающихся выборах.

Он рассказал Робу, что решил баллотироваться на государственную должность — представлять их район в законодательном органе. И добавил, что количество голосов в его поддержку значительно вырастет, если доктор Коул станет советовать людям голосовать за его хорошего друга всякий раз, когда будет приходиться к ним по вызову.

Перемены

Через две недели после удаления крупного камня из мочевого пузыря Сары Роб Джей был готов проделать ту же операцию с оставшимся, но молодая женщина почему-то не торопилась. В первые несколько дней после удаления камня у нее вместе с мочой выходили небольшие осколки, иногда этот процесс сопровождался болью. С тех пор как последние кусочки раздробленного камня покинули ее тело, симптомы ни разу не возобновлялись. Впервые с начала болезни у нее не было парализующей боли. Это, плюс отсутствие судорог, позволило ей восстановить контроль над своим телом.

— Но остался еще один камень, — напомнил ей доктор.

— Я не хочу удалять его. У меня ведь ничего не болит. — Она вызывающе посмотрела на него, но тут же опустила глаза. — Второй операции я боюсь сильнее, чем первой.

Про себя он отметил, что уже сейчас Сара выглядит лучше. Ее лицо все еще носило

отпечаток продолжительного страдания, но, немного прибавив в весе, она уже не производила впечатление изможденной.

— Тот большой камень, который мы удалили, когда-то тоже был маленьким. Они растут, Сара, — мягко сказал он.

И она согласилась. Маква-иква снова сидела с ней, пока Роб удалял у нее из пузыря камешек — приблизительно в четыре раза меньше первого. Операция прошла легко. Когда она закончилась, Роб торжествовал.

Как и после первой операции, у пациентки поднялась температура, но на сей раз долго не спадала. Роб Джей сразу же распознал нависшую угрозу и выругал себя за то, что дал неправильный прогноз. Уже к вечеру дурные предчувствия оправдались: как ни странно, но более легкая процедура по удалению меньшего камня привела к обширному воспалению. Они с Маква-иквой на протяжении четырех дней и пяти ночей сменяли друг друга у постели больной, чье тело стало полем ужасной битвы. Беря ее за руку, Роб чувствовал, как из нее вытекают жизненные силы. Время от времени взгляд Маква-иквы останавливался на чем-то, чего не видел он, и она тихо пела что-то на своем языке. Она сказала Робу, что просит Пангука, духа смерти, пройти мимо этой женщины.

Они почти ничего не могли сделать для Сары: только обтирать ее кусочками мокрой ткани, поддерживать ее, поднося к ее рту чашки с питьем и уговаривая ее выпить, и смазывать жиром ее потрескавшиеся губы. Какое-то время ее состояние все ухудшалось, но на пятое утро — из-за Пангука, или собственного духа, или, возможно, ивового чая, — она начала потеть. Ее ночные рубашки промокали так быстро, что их едва успевали менять. Ближе к полудню она провалилась в глубокий, благодатный сон, а днем, когда Роб коснулся ее лба, тот оказался почти прохладным на ощупь: температура ее тела практически совпала с его собственной.

Выражение лица Маква-иквы почти не изменилось, но Роб Джей уже начинал понимать ее, и он предположил, что она обрадовалась, услышав его предложение, пусть и не отнеслась к нему серьезно с самого начала.

— Работать с тобой, все время?

Он кивнул. В этом был смысл. Он видел, что она знает, как нужно заботиться о пациенте, и, не колеблясь, выполняла его просьбы. Он объяснил ей, что такое соглашение может принести пользу им обоим.

— Ты сможешь узнать о том, как мы лечим людей. И ты можешь очень многое рассказать мне о лекарственных растениях. От чего они лечат и как их применять.

Они обсудили этот вопрос в повозке, когда отвозили Сару домой. Роб не стал давить на индианку. Он просто молчал, давая ей возможность обдумать его предложение.

Несколько дней спустя он заехал в лагерь сауков, и они снова обсудили это за миской рагу из кролика. Больше всего в предложенной сделке смущало его настойчивое желание поселить ее рядом со своей хижиной, чтобы в случае крайней необходимости он мог быстро взять ее с собой.

— Я должна жить со своим народом.

Он уже думал о группе сауков.

— Рано или поздно какой-нибудь белый подаст правительству заявку на каждый клочок земли, которую твои люди могли бы использовать как место для деревни или зимнего лагеря. Скоро вам просто некуда будет идти, кроме как возвращаться в резервацию, откуда

вы в свое время сбежали. — Он объяснил, что индейцам придется научиться выживать в изменившемся мире. — Мне нужна помощь на ферме, Олден Кимбел в одиночку не может со всем справиться. Я бы с удовольствием нанял такую семейную пару, как, например, Луна и Идет Поет. Вы могли бы построить хижины на моей земле. Я бы платил вам деньгами Соединенных Штатов и продуктами с фермы. Если все получится, возможно, на других фермах появятся рабочие места для сауков. И если вы будете зарабатывать деньги и экономить, то рано или поздно сможете накопить достаточно, чтобы выкупить собственную землю согласно обычаям белых, по закону, и никто и никогда не сможет отнять ее у вас.

Она молча посмотрела на него.

— Я знаю, для вас оскорбительно покупать собственную землю. Белые лгали вам. И убили многих из вас. Но краснокожие тоже обманывали друг друга. Крали у своих. И различные племена всегда враждовали, ты мне сама об этом рассказывала. Цвет кожи не имеет значения, все люди — те еще сукины дети. Но не каждый отдельный человек — сукин сын.

Два дня спустя Маква-иква, Луна, Идет Поет и двое их детей прибыли на его землю. Они построили *гедоносо-те* — лонгхаус с двумя отверстиями для дыма, в котором шаман будет обитать вместе с семьей сауков — достаточно большой, чтобы разместить в нем и третьего ребенка, который уже раздул живот Луны. Они возвели жилье на берегу реки, в четверти мили вниз по течению от хижины Роба Джея. Поблизости от лонгхауса они построили парную и женский дом, который будет использоваться во время менструаций.

Олден Кимбел бродил по территории и смотрел на все глазами побитой собаки.

— В городе есть белые, которые ищут работу, — сообщил он Робу Джею с каменным выражением лица. — Белые мужчины, ясно? Вам никогда не приходило в голову, что я могу отказаться работать с проклятыми индейцами?

— Нет, — искренне ответил Роб, — никогда не приходило. Думаю, если бы ты наткнулся на хорошего белого рабочего, то давно уже посоветовал бы мне нанять его. Я знаю этих людей. Они действительно хорошие люди. Да, я знаю, что ты можешь уволиться, Олден, потому что, как только соседи узнают, что ты свободен, тебя с руками оторвут. А мне бы этого очень не хотелось, потому что так управлять фермой, как это делаешь ты, не сможет никто и никогда. Так что я очень надеюсь, что ты останешься.

Олден уставился на него: взгляд у него был растерянный, потому что он одновременно радовался похвале и страдал из-за весьма прозрачного намека. Наконец, он отвернулся и начал грузить на повозку стойки для забора.

Чашу весов склонило то, что могучее тело и неслыханная сила Идет Поет в сочетании с мягким нравом делали его замечательным работником. Луна научилась готовить для белых людей еще в детстве, когда ходила в христианскую школу. Для живущих в одиночестве холостяков было настоящим блаженством есть горячие булочки, и пироги, и просто вкусную пищу. Уже через неделю стало очевидно, что сауки стали частью фермы, хотя Олден и продолжал ходить с независимым видом и никогда не признает поражения.

Роб Джей столкнулся с подобным бунтом и среди своих пациентов. За чашкой сидра Ник Холден предупредил его:

— Некоторые поселенцы начали называть вас «индеец Коул». Они говорят, что вы слишком любите индейцев. Утверждают, что, наверное, в ваших жилах течет кровь сауков.

Роб Джей улыбнулся: такое замечание ему польстило.

— Вот что я вам скажу. Если кто-то пожалуется вам на врача, просто вручите ему одну

из тех причудливых листовок, которые вам так нравится раздавать. Ту, где написано, как повезло этому городку, что в нем практикует врач с таким уровнем образования и опыта, как у доктора Коула. В следующий раз, когда они будут истекать кровью или подхватят какую-нибудь инфекцию, вряд ли многие из них станут возражать против моей предполагаемой родословной. Или выступать по поводу цвета кожи моей помощницы.

Когда он поехал к дому Сары, чтобы посмотреть, как идет выздоровление, то отметил, что тропинка, ведущая от дороги к двери, выложена по краям камнями, выровнена и подметена. Новые клумбы с лесными цветами оживили внешний вид небольшого дома. Внутри все стены оказались свежепобеленными, и в воздухе витали только приятные запахи — мыла, лаванды, а также болотной мяты, шалфея и мирры, пучки которых свисали со стропил.

— Эти травы мне дала Альма Шрёдер, — сказала Сара. — Уже поздно разбивать сад, но в следующем году он у меня обязательно будет. — И она показала на участок, который уже был расчищен от сорняков и ежевики.

Но перемены, происшедшие в женщине, были куда более поразительными, чем перемены в доме. Она сообщила Робу, что начала каждый день готовить еду, не ожидая горячих блюд, которые ей время от времени передавала щедрая Альма. Регулярное, качественное питание сделало свое дело: ее изможденность сменилась изящной женственностью. Она нагнулась, чтобы сорвать пучок зеленого лука, случайно выросшего в запущенном саду, и Роб уставился на розовый изгиб ее шеи. Скоро он спрячется под отросшей гривой светлых волос.

Маленький белокурый зверек, ее сынишка, прибежал и спрятался за маминой юбкой. Он тоже был опрятным, хотя Роб заметил, как раздосадована Сара необходимостью счищать куски глины с коленей сына.

— Мальчишки всегда пачкаются — это неизбежно, — весело заявил он. Ребенок не сводил с него дикого, испуганного взгляда. Роб всегда носил в сумке конфеты, чтобы подружиться с маленькими пациентами, и сейчас он достал один леденец и развернул его. Он почти полчаса терпеливо уговаривал мальчика, прежде чем смог осторожно подойти к маленькому Алексу поближе, чтобы протянуть ему конфету. Когда детская ручка наконец взяла леденец, он услышал, как резко выдохнула Сара, поднял глаза и увидел, что она смотрит на него в упор. У нее были замечательные глаза, полные жизни.

— Я приготовила пирог с олениной, если вы не против разделить с нами обед.

Он уже собирался отказаться, но увидел, что оба лица повернуты к нему: маленький мальчик светился от радости из-за леденца, а мать смотрела серьезно и выжидающе. Их лица словно задавали ему вопросы, но какие — он понять не мог.

— Я очень люблю пирог с олениной, — ответил он.

На следующей неделе Роб Джей несколько раз заезжал проведать Сару Бледшо, возвращаясь от других пациентов, поскольку ее хижина находилась почти точно на пути к

его дому; кроме того, как лечащий врач, он просто обязан был удостовериться в том, что ее выздоровление идет хорошо. Она поправлялась, и правда, удивительно быстро. Первое, что бросалось в глаза — это то, смертельно-бледный оттенок ее кожи сменился нежно-розовым, который ужасно ей шел, и что глаза ее светились лукавством, любопытством и умом. Однажды днем она подала ему чай и хлеб из кукурузной муки. На следующей неделе он заезжал к ней целых три раза и дважды принимал приглашение остаться на обед. Готовила она куда лучше Луны; он не мог оторваться от ее стряпни, которая, как она объяснила, была виргинской. Он знал, что запасов у нее почти нет, и потому стал регулярно привозить то одно, то другое: мешок картошки, кусок ветчины... Однажды утром поселенец, которому не хватило наличных денег, отдал ему в качестве платы четырех жирных, недавно подстреленных куропаток.

Подвесив птичек за ноги к седлу, Роб направился к хижине Бледшо. Подъехав, он увидел, что Сара и Алекс сидят в саду на земле, которую усердно перекапывает мокрый от пота мужчина, настоящий медведь, на чьем обнаженном торсе бугрились мускулы, а загорелая кожа выдавала человека, привыкшего зарабатывать на хлеб работой на свежем воздухе. Сара представила Сэмюэля Мерриама, фермера из деревни Хуппоул. Мерриам приехал сюда с тележкой свиного навоза, половину которого он уже зарыл в землю в саду.

— Самая лучшая штука для того, чтобы все просто полезло из земли, — жизнерадостно заявил он Робу Джею.

На фоне королевского подарка — целой тележки свиных экскрементов, да еще и оприходованных, маленькие птички Роба совершенно не впечатляли, но он все равно отдал их ей, и она вроде бы искренне обрадовалась. Он вежливо отказался от предложения присоединиться к Сэмюэлю Мерриаму и отобедать с ними, а вместо этого заглянул к Альме Шрёдер, которая стала расхваливать его на все лады за успех, которого он добился в лечении Сары.

— У нее ведь уже и ухажер появился, верно? — радостно спросила она. Мерриам потерял жену прошлой осенью — она умерла от лихорадки, — и ему срочно нужно было найти другую женщину, которая могла бы позаботиться о его пятерых детях и помочь выращивать свиней. — Это хороший шанс для Сары, — мудро заметила она. — Хотя на фронтире так не хватает женщин, что выбор у нее будет огромный.

По пути домой Роб снова проехал мимо хижины Бледшо. Он приблизился к Саре, не слезая с лошади, и молча посмотрел на нее. На этот раз ее улыбка была озадаченной, и он заметил, как Мерриам отвлекся от работы в саду и задумчиво посмотрел в их сторону. Роб открыл рот, не имея ни малейшего представления о том, что собирается сказать.

— Вы должны как можно больше работы делать самой, — строго заметил он, — потому что движение необходимо для вашего полного восстановления. — Затем он прикоснулся к шляпе и поехал домой, шатаясь из стороны в сторону.

* * *

Когда он в следующий раз остановился у хижины, три дня спустя, ухажера и след простыл. Сара изо всех сил пыталась рассечь большой старый корень ревеня на части, чтобы пересадить его, и Роб разрешил ее затруднение, разрубив корень топором. Вместе они вырыли ямки в суглинке, положили туда корни и присыпали их теплой землей. Физический

труд принес ему чувство удовлетворения, а еще — порцию рагу из свеклы и картофеля, которое он запил прохладной ключевой водой.

Позже, пока Алекс дремал в тени дерева, они сидели на берегу реки и проверяли заброшенные в реку снасти. Роб рассказал ей о Шотландии, она же пожаловалась, что поблизости нет церкви, а ей очень хочется, чтобы ее сын обратился к вере.

— Я теперь часто думаю о Боге, — призналась она. — Когда я думала, что умираю и Алекс останется один, я молилась, и Он послал вас.

Не без трепета Роб признался ей, что не верит в существование Бога.

— Я думаю, что богов придумали люди и что это всегда было так, — сказал он. Он увидел шок в ее глазах и испугался, что вынудит ее искать благочестия на свиноферме. Но она замяла разговор о религии и рассказала о своей молодости в Виргинии, где у ее родителей была ферма. Ее большие глаза были такого темного оттенка синего, что казались фиолетовыми; в них не было сентиментальности, но он разглядел в них тоску по тому времени — более легкому, более теплему.

— Лошади! — сказала она, широко улыбаясь. — Я выросла с любовью к лошадям.

Это дало ему возможность пригласить ее поехать с ним на следующий день к старику, умирающему от чахотки. Она, не скрывая радости, согласилась. На следующее утро, оседлав Маргарет Холланд и ведя в поводу Монику Гренвилл, он приехал к Саре. Они оставили Алекса с Альмой Шрёдер, которая буквально засияла от восторга, узнав, что Сара «прогуляется» с доктором.

День был идеален для поездки: не слишком жаркий, в отличие от предыдущих, и они пустили лошадей шагом, не следя за временем. Сара положила в седельную сумку хлеб и сыр, и они устроили пикник в тени виргинского дуба. В доме больного она держалась на заднем плане, слушала хриплое дыхание, смотрела, как Роб Джей держит пациента за руку. Он подождал, пока в тепле очага согреется вода, а затем вымыл тощие конечности и медленно, по чайной ложечке, напоил старика успокаивающим отваром, чтобы тот уснул и встретил смерть без мучений. Сара подслушала, как Роб сообщил бесстрастным голосом сыну и невестке, что старику осталось жить несколько часов. Когда они уехали, она была взволнована и говорила мало. Пытаясь вернуть ту легкость, которую так недавно они оба испытывали, он предложил поменяться лошадьми на обратном пути, потому что Сара была прекрасной наездницей и спокойно могла справиться с Маргарет Холланд. Она предпочитала быструю езду.

— Обе кобылы названы в честь женщин, которых вы знали? — поинтересовалась она, и он признался, что так оно и есть. Она глубокомысленно кивнула. Несмотря на все его старания, по пути домой они больше молчали.

Два дня спустя, когда он подъехал к ее хижине, то снова увидел там мужчину: высокого, худого как скелет разносчика по имени Тимоти Мид, который смотрел на мир жалобными карими глазами и, когда его представили доктору, говорил весьма уважительно. Мид оставил Саре подарок — нитки четырех цветов.

Роб Джей вынул занозу из босой ноги Алекса и отметил, что лето уже на исходе, а у мальчика нет обуви. Он зарисовал отпечаток ноги ребенка, и когда в следующий раз ездил в Рок-Айленд, то зашел к сапожнику и заказал пару детских ботинок, получив от этого большое удовольствие. На следующей неделе, когда он отдавал приобретение Саре, то заметил, как вспыхнуло ее лицо. Впрочем, она по-прежнему оставалась для него загадкой;

он не мог сказать наверняка, обрадовалась она или рассердилась.

На следующее утро после того, как Ника Холдена избрали в законодательный орган, тот приехал к хижине Роба и остановился на расчищенном месте у входа в дом. Через два дня он отправлялся в Спрингфилд, чтобы писать законы, которые помогут Холден-Кроссингу расти и развиваться. Холден задумчиво сплюнул и повернул беседу к общеизвестному факту, что доктор ухаживает за вдовой Бледшо.

— Гм. Вам нужно кое-что узнать, старина.

Роб удивленно посмотрел на него.

— Ну, ребенок, ее сын. Вы знаете, что он незаконнорожденный? Родился спустя почти два года после смерти ее мужа.

Роб встал.

— До свидания, Ник. Удачной поездки в Спрингфилд.

Его тон не допускал возражений, и Холден медленно встал.

— Я только пытаюсь сказать, что мужчине нет никакой необходимости... — начал он, но что-то в глазах Роба Джея заставило его проглотить остаток фразы, и уже через минуту он запрыгнул в седло, смущенно буркнул «счастливо оставаться» и уехал.

На лице Сары удивительным образом сменялись разные выражения: удовольствие, когда она видела его и составляла ему компанию; нежность, когда она позволяла себе расслабиться, но временами — и некий ужас. Наконец однажды вечером Роб поцеловал ее. Сначала ее приоткрытые губы были мягкими и податливыми, и она прижалась к нему, но неожиданно все изменилось. Она вырвалась. К черту, сказал он себе, он просто не привлекает ее, и тут ничего не поделаешь. Но он заставил себя мягко спросить ее, что случилось.

— Неужели вы можете считать меня привлекательной? Вы ведь видели меня больной, в ужасном состоянии! Вы... вы даже нюхали мои выделения, — добавила она; ее лицо пылало.

— Сара, — только и произнес он и заглянул ей в глаза. — Когда вы были больны, я был вашим врачом. Но с тех пор я навещаю вас, чтобы повидаться с вами как с очаровательной и умной женщиной, с которой мне доставляет огромное наслаждение обмениваться мыслями и делиться мечтами. Со временем я возжелал вас — во всех смыслах этого слова. Я думаю только о вас. Я люблю вас.

Единственный физический контакт, который она позволила, заключался в соприкосновении их рук. Она сильнее сжала его ладонь, но промолчала.

— Возможно, вы научитесь любить меня?

— Научусь?! Но как я могу не любить вас? — изумленно воскликнула она. — Вас, человека, который вернул мне жизнь, словно Господь!

— Нет, черт возьми, я обычный человек! И я хочу быть для вас обычным человеком, мужчиной из плоти и крови...

Вот теперь они поцеловались. Поцелуй продолжался и продолжался, но они никак не могли оторваться друг от друга. Именно Сара предотвратила то, что легко могло последовать за поцелуем: она резко оттолкнула его, отвернулась и стала приводить в порядок платье.

— Сара, выходите за меня замуж.

Когда она не ответила, он снова заговорил.

— Вы достойны большего, чем целыми днями кормить на ферме свиней или бродить по

деревням с мешком коробейника за спиной.

— Но чего же я тогда достойна? — тихо и с горечью спросила она.

— Того, чтобы стать женой врача. Все очень просто, — серьезно ответил он.

Ей не пришлось напускать на себя серьезный вид.

— Кое-кто не упустит возможности рассказать вам об Алексе, о его происхождении, и потому я хочу рассказать вам о нем сама.

— Я хочу стать Алексу отцом. Меня волнует его настоящее и будущее. А о прошлом мне знать вовсе не обязательно. Мое прошлое тоже не из приятных. Сара, выходите за меня замуж.

Ее глаза заволкло слезами, но она должна была обсудить с ним еще один вопрос. Она спокойно посмотрела ему в глаза.

— Люди говорят, в вашем доме живет индианка. Вы должны отослать ее прочь.

— «Люди говорят». И «кое-кто не упустит возможности рассказать вам». Вот что я вам скажу, Сара Бледшо. Если вы выйдете за меня замуж, вы будете должны научиться посылать к черту всех этих «людей» и «кое-кого». — Он глубоко вздохнул. — Маква-иква — хорошая и трудолюбивая женщина. Она живет в своем собственном доме на моей земле. Прогнать ее было бы несправедливо по отношению и к ней, и ко мне, и я этого не сделаю. Нет ничего хуже, чем начинать совместную жизнь с подобных поступков. Вам придется поверить мне на слово, что причин для ревности у вас нет, — добавил он. Он крепко держал ее за руки и не отпускал. — Еще условия будут?

— Да! — запальчиво заявила она. — Вы должны поменять клички своих кобыл! Вы ведь называли их в честь женщин, на которых ездили, не так ли?

Он улыбнулся, но увидел в ее глазах настоящий гнев.

— Только одну из них. Вторая названа в честь взрослой дамы, хоть и красавицы: я знал ее в детстве, она была подругой моей матери. Я был влюблен в нее, но она воспринимала меня исключительно как ребенка.

Она не стала уточнять, какая лошадь чье имя получила.

— Это жестокая и скабрезная, типично мужская шутка. Но вы не жестокий и не скабрезный человек, и вы должны поменять кобылам клички.

— Вы сами дадите им новые клички, — немедленно согласился он.

— И вы должны пообещать: что бы ни произошло между нами в будущем, вы никогда не дадите мое имя лошади.

— Клянусь вам. Разумеется, — кивнул он, но не смог удержаться и добавил: — Я тут собирался купить у Сэмюэля Мерриама свинью...

К счастью, он все еще держал ее за руки и не отпускал, пока она не ответила на поцелуй. Когда они отстранились друг от друга, он увидел, что она плачет.

— Что случилось? — спросил он, начиная с тревогой догадываться о том, что брак с этой женщиной будет не из легких.

Ее мокрые глаза сияли.

— Письма, отправленные с дилижансом, будут стоять целое состояние, — сказала она. — Но я наконец-то смогу написать что-то конкретное в Виргинию, своим брату и сестре.

Как оказалось, решиться на брак куда легче, чем найти священника. Из-за этого некоторые пары на фронтире просто не беспокоились об официальных клятвах, но Сара отказалась «быть замужем без замужества». Она нашла в себе силы высказаться открыто: «Я слишком хорошо знаю, что такое родить и воспитывать ребенка без отца, и такого со мной больше никогда не произойдет», — заявила она.

И Роб ее понял. Однако уже пришла осень, и было ясно, что, как только прерию занесет снегом, могут пройти месяцы, пока к Холден-Кроссингу не пробьется странствующий проповедник или объезжающий окрестности священник. Решение их проблемы нашлось неожиданно. Роб, зайдя в магазин, наткнулся на объявление, где говорилось о скором недельном бдении церкви возрожденцев. «Оно называется Великое Пробуждение и состоится в городке Белдинг-Крик. Мы должны пойти, Сара, потому что там уж точно в священниках недостатка не будет».

Он настоял на том, чтобы взять с собой Алекса, Сара с радостью согласилась. Они поехали на повозке. Ехать пришлось целый день и половину второго дня по вполне проходимой, хотя и каменистой, дороге. В первую ночь они остановились в сарае у гостеприимного фермера, разложив одеяла на ароматном сене. В качестве платы за приют Робу пришлось кастрировать двух быков и удалить опухоль с бока коровы. Несмотря на задержку, они прибыли в Белдинг-Крик еще до полудня. Это было еще одно новое поселение, только на пять лет старше, но намного крупнее, чем Холден-Кроссинг. Когда они въехали в город, Сара изумленно распахнула глаза, прижалась к Робу и крепко сжала руку Алекса: она никогда не видела такого скопления народа. Великое Пробуждение проводили прямо в прерии, рядом с тенистой ивовой рощей. Участники собрания приехали со всех концов округа; повсюду поставили навесы для защиты от жаркого полуденного солнца и по-осеннему холодного ветра; а еще вокруг стояли фургоны всех типов, привязанные лошади и волы. О комфорте приезжих заботилась целая толпа мелких торговцев: три путешественника из Холден-Кроссинга ехали мимо костров, на которых готовили пищу, источавшую аппетитные запахи: рагу из оленины, похлебку из пресноводной рыбы, жареную свинину, сладкую кукурузу, жареную зайчатину. Роб Джей привязал лошадь к кусту — ту, которую раньше звали Маргарет Холланд, а теперь получившую новое имя — Вики, сокращенно от королевы Виктории («Ты ведь никогда не ездил на молодой королеве?») — спросила его Сара). Они очень проголодались, но тратить деньги на обед не было нужды. Альма Шрёдер снабдила их маленький отряд такой большой корзиной с провизией, что свадебный банкет мог бы длиться всю неделю: они перекусили холодным цыпленком и яблоками в тесте.

С обедом они покончили очень быстро: их захватило общее волнение, они разглядывали толпу, слушали крики и болтовню окружающих. Затем, взяв Алекса за руки, они принялись медленно обходить собрание. Как выяснилось, религиозных бдений было два; здесь происходило безостановочное религиозное противостояние двух конкурирующих церквей: методистов и баптистов. Они немного послушали баптистского священника, расположившегося на полянке в роще. Его звали Чарльз Прентис Виллард, и он кричал и завывал так, что Сара дрожала. Он вещал, что Господь пишет в своей книге имена тех, кто получит жизнь вечную, и тех, кто получит погибель вековечную. На вековечную погибель грешника обрекают такие прегрешения, заявил он, как безнравственное и нехристианское

поведение: прелюбодеяние, убийство брата-христианина, рукоприкладство и сквернословие, употребление виски или привод в мир незаконнорожденных детей.

Роб Джей помрачнел, Сара, побледнев, задрожала. Они вышли из рощи обратно в прерию, чтобы послушать методиста, мужчину по имени Артур Джонсон. Он не был таким ярким оратором, как мистер Виллард, но зато сказал, что спасение возможно для всех, кто совершал добрые дела, исповедался в грехах и попросил у Бога прощения, и потому Сара кивнула, когда Роб Джей спросил ее, как она считает — может, стоит попросить именно этого священника провести обряд бракосочетания? Мистер Джонсон, похоже, был польщен, когда Роб подошел к нему после проповеди. Он хотел поженить влюбленных перед всем честным народом, но ни Роб Джей, ни Сара не хотели стать частью развлекательной программы. Когда Роб дал пастору три доллара, тот согласился последовать с ними за город. Проповедник предложил им встать под деревом на берегу Миссисипи, а мальчика усадить на землю. Помимо них, присутствовала только флегматичная полная дама, которую мистер Джонсон представил просто как сестру Джейн — она выступала в роли свидетеля.

«У меня есть кольцо», — сказал Роб Джей, выуживая его из кармана, и Сара удивленно распахнула глаза, потому что он не говорил ей об обручальном кольце своей матери. У Сары были длинные, тонкие пальцы, и кольцо сидело слишком свободно. Ее белокурые волосы были стянуты на затылке темно-синей лентой, которую ей дала Альма Шрёдер. Она развязала ленту и встряхнула головой — волосы рассыпались по плечам, обрамив лицо. Она сказала, что станет носить кольцо на ленте вокруг шеи, пока они не смогут подогнуть его по размеру. Сара крепко сжимала ладонь Роба, пока мистер Джонсон с непринужденностью, выработанной годами службы, проводил церемонию бракосочетания. Роб Джей повторил слова клятвы таким хриплым голосом, что и сам удивился. Голос Сары дрожал, и вид у нее был неуверенный, ей казалось, что все это происходит во сне. Не успели они разомкнуть губы после долгого поцелуя, завершающего обряд бракосочетания, как мистер Джонсон стал убеждать их вернуться к собранию. По его глубокому убеждению, именно на вечерних бдениях души грешников чаще всего получали шанс на спасение.

Но они поблагодарили его, попросились и повернули Вики по направлению к дому. Мальчик скоро раскапризничался и захныкал, но Сара стала петь ему веселые песенки и рассказывать сказки, и несколько раз, когда Роб Джей останавливал лошадь, она снимала Алекса с повозки и бегала и прыгала с ним, придумывая разные игры.

Они рано поужинали угощением Альмы: пирогами с говядиной, почками и круглым кексом, залитым сахарной глазурью, запили все водой из ручья. Затем стали думать о том, где искать ночлег на эту ночь. В нескольких часах езды отсюда находилась гостиница, и Саре, похоже, очень приглянулась возможность остановиться там, потому что у нее никогда не хватало денег на то, чтобы переночевать в гостинице. Но когда Роб Джей упомянул клопов и общую антисанитарию подобных заведений, она быстро согласилась с его предложением остановиться в том же самом сарае, в котором они провели предыдущую ночь.

До места они добрались уже в сумерках и, получив разрешение от фермера, поднялись на теплый, темный чердак, чувствуя такое облегчение, словно наконец-то вернулись домой.

Алекс, уставший от трудного путешествия и отсутствия полноценного отдыха, моментально провалился в крепкий сон. Укрыв мальчика, новоиспеченные супруги расстелили одеяло и потянулись друг к другу, не успев даже полностью раздеться. Робу понравилось, что Сара не стала прикидываться невинной девушкой и что их жажда друг

друга была честной и открытой. Они страстно, шумно занялись любовью, а затем замерли, прислушиваясь, не проснулся ли Алекс, но мальчик мирно спал.

Наконец Роб раздел жену полностью, желая рассмотреть ее. В сарае было темно, хоть глаз выколи, но они вместе подползли к дверце, через которую туда поднимали сено. Когда он открыл дверцу, на фоне темной стены засветился прямоугольник лунного света, в котором они принялись не торопясь исследовать тела друг друга. Роб рассматривал позолоченные лунной плечи и руки, сияющие груди, холм Венеры, подобный посеребренному птичьему гнездышку, и бледные, худые ягодицы. Он бы занялся любовью при свете, но воздух был прохладным и, кроме того, Сара боялась, как бы их ненароком не увидел фермер, потому они закрыли дверь. На сей раз они любили друг друга медленно и очень нежно, и точно в то мгновение, когда у Роба «прорвало дамбу», он торжествующе крикнул: «Вот после этого у нас будет *bairn*! После этого!» — и Алекс проснулся от громких стонов матери и заплакал.

Они лежали рядом, крепко обнимая устроившегося посередине мальчика, Роб нежно гладил Сару, стряхивал с нее соломинки, запоминал.

— Тебе нельзя умирать, — неожиданно прошептала она. — Мы все должны жить еще очень-очень долго. *Bairn* — это ребенок?

— Да.

— Ты думаешь, мы уже зачали ребенка?

— Возможно...

Он услышал, как она нервно сглотнула слюну.

— Может, нам следует постараться получше? Просто чтобы наверняка?

Как ее муж и врач, он согласился, что это весьма разумное предложение. И, опустившись на четвереньки, в кромешной темноте пополз по ароматному селу, следуя за сочным блеском бледных ног жены, подалее от спящего сына.

Часть третья

Холден-Кроссинг

14 ноября 1841 г.

22

Проклятия и благословения

С середины ноября воздух стал морозным. Густой снег повалил неожиданно рано, и Королева Виктория с трудом пробиралась по высоким сугробам. Когда Роб Джей выезжал к пациентам в плохую погоду, он иногда называл кобылу Маргарет, и она прядала своими короткими ушами, отзываясь на прежнее имя. И лошадь, и всадник прекрасно знали конечную цель. Она рвалась к горячей воде и полной овса сумке, а он торопился вернуться в хижину, полную тепла и света, которые скорее исходили от женщины и ребенка, чем от очага и керосиновых ламп. Если Сара и не забеременела точно во время свадебной поездки, то это случилось вскоре после возвращения. Однако мучительное утреннее недомогание не подавляло их пыл. Они с нетерпением ждали, когда малыш уснет, и, как только это происходило, прижимались друг к другу телами и губами, с неистовой страстью; но по мере того, как живот у нее рос, он становился все более осторожным и нежным любовником. Один раз в месяц он брал карандаш и блокнот и рисовал ее обнаженной, рядом с уютным камином, создавая летопись развития беременности, которая отнюдь не теряла научного значения из-за чувств, каким-то образом отражавшихся на рисунках. Еще он делал чертежи дома: они договорились, что у них будет три спальни, большая кухня и гостиная. Он сделал подробный, масштабированный строительный план, чтобы сразу после посевной Олден мог нанять двух плотников и начать возводить дом.

Сара негодовала, что Маква-иква является частью мира ее мужа — той частью, которая

оставалась для нее закрытой.

Теплые весенние дни превратили прерию сначала в болото, а затем — в тонкий зеленый ковер. Сара заявила Робу, что, когда начнутся сезонные заболевания, она поедет с ним, чтобы ухаживать за больными. Но к концу апреля она слишком отяжелела. Мучимая ревностью не меньше, чем беременностью, она сидела дома и злилась, пока индианка выезжала вместе с врачом по вызовам, возвращаясь через несколько часов, а иногда и дней. Отупевший от усталости Роб Джей ел, мылся, если была такая возможность, урывал несколько часов сна, а затем звал Макву, и они снова уезжали.

К июню, последнему месяцу беременности Сары, количество заболеваний сократилось настолько, что Роб смог оставить Макву дома. Однажды утром, когда он ехал под проливным дождем, чтобы облегчить потуги жене фермера, дома, в его собственной хижине, пришел срок рожать его жене. Маква сунула специальную палку между сжатых челюстей Сары, потом привязала к дверной ручке веревку и дала ей противоположный конец, завязанный в узел — за него нужно было тянуть.

Несколько часов Роб Джей боролся с гангренозным рожистым воспалением и проиграл это сражение. Как он указал в письме Оливеру Уэнделлу Холмсу, смертельная болезнь возникла в результате необработанного пореза на пальце женщины, полученного, когда она чистила семенной картофель.

Роб вернулся домой. Его ребенок все еще не появился на свет. В глазах жены плескалось безумие.

— Он разрывает мое тело, останови его, ублюдок! — прорычала она, как только он вошел.

Верный ученик Холмса, Роб Джей прежде, чем подойти к жене, тщательно, до красноты вымыл руки. Когда он осмотрел Сару, Маква отозвала его подальше от кровати.

— Ребенок идет очень медленно, — сообщила она.

— Потому что идет ногами вперед.

На лицо ее легла тень, но она кивнула и вернулась к Саре.

Роды продолжались. Ближе к полуночи он заставил себя взять руки Сары в свои, боясь услышать их приговор.

— Что? — сипло проговорила она.

Он чувствовал, что ее жизненная сила уменьшилась, но все еще вселяла надежду. Он прошептал, что любит ее, но ей было слишком больно, чтобы воспринимать слова или поцелуи.

Все новые и новые схватки. Стоны и крики. Он не мог сдержаться и начал молиться — но безуспешно, только напугав самого себя тем, что оказался не в состоянии заключить сделку, чувствуя себя самонадеянным и лицемерным.

«Если я неправ и ты действительно существуешь, пожалуйста, накажи меня как-то иначе, чем причиняя боль этой женщине. Или этому ребенку, изо всех сил пытающемуся родиться», — торопливо добавил он. К рассвету появились небольшие красные ножки — впрочем, как для младенца, их размер впечатлял, — с правильным количеством пальчиков. Роб шептал что-то ободряющее, повторял медленно появляющемуся ребенку, что вся жизнь — борьба. Ножки появились постепенно, дюйм за дюймом, и так сильно пинали воздух, что Роб пришел в восторг.

Появился маленький половой орган — мальчик! А вот и ручки, и на них тоже правильное количество пальчиков. Прекрасно развитый ребенок, вот только плечики

застряли, так что Сару пришлось резать, причинив ей дополнительную боль. Маленькое личико вжалось в стенку влагалища. Испугавшись, как бы младенец не задохнулся в материнской утробе, Роб сунул в нее два пальца и отвел стенку родового канала подальше; и вот наконец возмущенный малыш полностью выскользнул в перевернутый мир и сразу же возвестил об этом пронзительным криком.

Дрожащими руками Роб перевязал и перерезал пуповину и зашил свою рыдающую жену. К тому времени, как он начал тереть ей живот, чтобы заставить матку сократиться, Маква вымыла и запеленала младенца и приложила его к груди матери. Роды длились двадцать три часа. Сара спала долго и крепко, как убитая. Когда она открыла глаза, Роб сжал ее ладонь.

— Ты умница!

— Он размером с бизона. Примерно такой же, каким был Алекс, — хрипло произнесла она.

Роб Джей взвесил ребенка. Весы показали восемь фунтов и одиннадцать унций.

— Хороший *bairn*? — спросила она, пристально глядя на Роба, и поморщилась, когда он заявил, что *bairn* чертовски хорош. — Не ругайся.

Он приблизил губы к ее уху.

— А помнишь, как ты меня вчера назвала? — прошептал он.

— Как?

— Ублюдок.

— Да быть того не может! — потрясенно и рассерженно воскликнула она и почти целый час отказывалась разговаривать с ним.

* * *

Роберт Джефферсон Коул, вот как они его называли. В семье Коул первенца мужского пола всегда называли Робертом, а второе имя должно было начинаться на букву «джей». Роб считал третьего американского президента настоящим гением, а для Сары имя «Джефферсон» было неразрывно связано с Виргинией. Она волновалась, что Алекс будет ревновать, но старший сын, наоборот, выказал восторг. Он никогда не отходил от брата дальше, чем на пару шагов, и не спускал с него глаз. С самого начала он дал родителям понять, что они могут ухаживать за ребенком, кормить, менять подгузники, играть с ним, целовать и восхищаться им. Но охранять младенца — только его, Алекса, обязанность.

Почти во всех отношениях 1842 год оказался благоприятным для небольшой семьи. Чтобы быстрее построить дом, Олден нанял мельника Отто Пферзика и переселенца из штата Нью-Йорк по имени Морт Лондон. Последний был опытным и умелым плотником. Пферзик тоже неплохо управлялся с деревом и умел превосходно класть камень. Трое мужчин целыми днями выбирали из реки лучшие камни и волокли их волами до самого участка. Фундамент, дымоход и камин вышли просто загляденье. Строители работали не торопясь, понимая, что возводят долговечное жилье в стране временок и хижин. К наступлению осени Пферзик вернулся на мельницу, чтобы целыми днями молоть муку, а остальные занялись работами на ферме.

Дом был возведен и огорожен, но для окончания строительства нужно было проделать еще очень много работ.

Как-то Сара сидела перед хижинкой и лущила целый горшок зеленых бобов. На дороге показался крытый фургон, который тащили две замученного вида лошади. Когда он поравнялся с их домом, Сара рассмотрела полного мужчину на месте возницы, отметив его глуповатый вид и дорожную пыль в темных волосах и бороде.

— Возможно ли, что это жилище доктора Коула, мэм?

— Не только возможно, а так оно и есть, вот только он уехал по вызову. Пациент ранен или болен?

— Никакого пациента нет, слава Богу. Мы друзья доктора, переезжаем к вам в городок.

Из фургона выглянула женщина. Сара увидела мягкую шляпку, обрамляющую бледное взволнованное лицо.

— Вы же не... Возможно, вы Гайгеры?

— Не только возможно, а так оно и есть. — В глазах мужчины светилось веселье, а широкая, искренняя улыбка словно добавила целый фут к его росту.

— О, милости просим, дорогие соседи, мы уже вас заждались! Давайте, вылезайте из фургона. — Сара засуетилась и, поднимаясь со скамьи, рассыпала бобы.

В фургоне сидели трое детей. Младенец по имени Герман мирно спал. Рэйчел, которой было уже почти четыре года, и двухлетний Дэвид заплакали, как только их спустили на землю. Ребенок Сары немедленно решил добавить свой вой к общему хору.

Сара отметила, что миссис Гайгер на четыре дюйма выше своего супруга. Усталость от долгого и трудного путешествия не могла скрыть изящество ее черт. Молодая женщина, рожденная в Виргинии, обладала безошибочным чутьем на качество. Красота незнакомки была необычной, даже экзотичной — по крайней мере, Саре никогда не доводилось встречать такую внешность прежде.

Как гостеприимная хозяйка она сразу же стала беспокоиться о том, как бы приготовить и подать такой обед, за который ей не было бы стыдно. Тут она заметила, что Лилиан плачет, и на нее тоже нахлынули воспоминания о том бесконечном времени, которое она провела в точно таком же фургоне; поддавшись внезапному порыву, Сара заключила вновь прибывшую в объятия и с удивлением обнаружила, что тоже плачет. Ансамбль довершал бедняга Гайгер, застывший среди рыдающих женщин и воющих детей. Наконец, Лилиан отстранилась, смущенно пробормотав, что всей ее семье нужно безотлагательно найти чистый ручей, чтобы привести себя в порядок.

— Ну, уж эту проблему мы можем решить прямо сейчас, — заявила Сара, наслаждаясь ролью хозяйки.

Когда Роб Джей пришел домой, волосы у всех все еще были влажными после мытья в реке. После обмена рукопожатиями и одобрительного похлопывания друг друга по спине у молодого доктора появился шанс по-новому взглянуть на свою ферму, глазами вновь прибывших. Индейцы внушили Джей и Лилиан трепет, а способности Олдена привели их в восторг. Роб предложил оседлать Вики и Бесс и съездить осмотреть арендованную землю Гайгеров. Джей с радостью согласился.

Они вернулись как раз к роскошному обеду. Глаза Гайгера светились счастьем, и он попытался описать жене превосходные качества земли, которую приобрел для них Роб Джей.

— Ты увидишь! Скоро ты сама все увидишь! — приговаривал он, обращаясь к жене.

После обеда Джей пошел к фургону и вернулся со скрипкой. Увы, не было возможности привезти с собой фортепиано производства Бэбкока, которое сохранялось в безопасном,

сухом месте; Гайгеры заплатили вперед за его хранение и надеялись, что однажды смогут вернуть его себе.

— Вы разучили Шопена? — спросил он.

В ответ Роб сжал коленями виолу да гамба и сыграл первые такты прекрасной мазурки. Музыка, которую они с Джем играли в Огайо, звучала более насыщенно, потому что тогда в игре участвовало и фортепиано Лилиан. Сейчас звуки скрипки и виолы слились волшебным образом. Сара закончила хлопотать по хозяйству и пришла послушать. Она заметила, что миссис Гайгер иногда шевелила пальцами, словно проигрывала свою партию, мысленно касаясь невидимых клавиш. Она хотела было взять Лилиан за руку и поддержать ее словами и обещаниями, но вместо этого просто села рядом с ней на пол. А музыка вздымалась и опускалась, даря им всем надежду и утешение.

Джейсон начал заготовку бревен для строительства хижины. Гайгеры стали лагерем рядом с ручьем на собственной земле. Они были так же решительно настроены не обременять Коулов, как Сара и Роб — проявить в полной мере свое гостеприимство. Семьи постоянно гостили друг у друга. Однажды морозной ночью, когда они сидели у походного костра Гайгеров, в прерии завывали волки. Джей извлек из скрипки такой же протяжный, дрожащий вой. Волки ответили ему, и какое-то время невидимые животные и человек переговаривались в темноте, пока Джейсон не заметил, что его жена дрожит уже не только от холода, и тогда он подбросил еще одно полено в огонь и убрал скрипку.

Гайгер не был опытным плотником, поэтому было решено отложить завершение дома Коулов. Все время, которое удавалось урвать от работы на ферме, Олден строил хижину Гайгеров. Через несколько дней к нему присоединились Отто Пферзик и Морт Лондон. Втроем они быстро возвели небольшое, но уютное жилище, пристроили навес и аптеку, чтобы хранить там коробки с травами и лекарствами, которые занимали большую часть пространства в фургоне Гайгеров. Согласно еврейскому обычаю, Джей приколотил к дверному проему небольшую оловянную трубу, содержащую пергамент с парой строк из Второзакония и запись о том, что семейство въехало в новостройку восемнадцатого ноября, за несколько дней до того, как из Канады пришли настоящие холода.

Джейсон и Роб Джей прорубили тропинку через лес, соединяющую дом Коулов и хижину Гайгеров. Тропинка сразу получила название Длинная тропа. Была еще Короткая тропа — между домом Роба Джея и рекой.

Строители удвоили усилия по возведению дома Коулов. Поскольку внутренние работы можно было вести на протяжении всей зимы, они жгли в камине отходы древесины, чтобы согреться, и воодушевленно работали, вылепляя карнизы, обшивая стены дубом и долгие часы смешивая краски для получения оттенка снятого молока, который так нравился Саре. Бизонья топь около участка замерзла, и Олден иногда делал достаточно большой перерыв в работе с деревом, чтобы привязать к ботинкам коньки и продемонстрировать остальным навыки, оставшиеся у него с детства, проведенного в Вермонте. В Шотландии Роб Джей катался на коньках каждую зиму и с удовольствием проехался бы, но коньки Олдена оказались малы для него.

За три недели до Рождества выпал первый тонкий слой снега. Сначала ветер принес что-то похожее на дым — мелкую снежную крошку, которая впивалась в лицо сотнями тонких иголок, обжигая кожу. Затем закружились настоящие, крупные хлопья; они приглушили все звуки, покрыв мир белым покрывалом, и все погрузилось в оцепенение. С

растущим радостным волнением Сара планировала рождественское меню, обсуждая с Лилиан беспроегрышные виргинские рецепты. Теперь она заметила различия между своей семьей и семьей Гайгеров: Лилиан совершенно не разделяла ее предвкушение приближающегося праздника. Более того: Сара с изумлением узнала, что ее новые соседи вообще не праздновали рождение Христа, а вместо этого очень странно и необычно отмечали какую-то древнюю и диковинную битву за Ханаан, зажигая тонкие свечи и готовя картофельные оладьи! Правда, они в честь праздника вручили Коулам подарки: сливовое варенье, которое везли из самого Огайо, и теплые чулки, которые Лилиан связала для всех. Коулы, в свою очередь, подарили соседям тяжелого чугунного «паука» — сковороду на трех ножках, которую Роб купил в универсальном магазине в Рок-Айленде.

Они долго уговаривали Гайгеров разделить с ними рождественский ужин, и в конце концов те все-таки пришли, хотя Лилиан Гайгер не ела мяса за пределами собственного дома. Сара подала луковый крем-суп, сома под грибным соусом, жареного гуся с соусом из гусиных потрошков, картофельные крокеты, английский сливовый пудинг, сделанный из варенья Лилиан, крекеры, сыр и кофе. Членам своей семьи Сара подарила шерстяные свитера. Роб преподнес ей шубку до колен из лисьего меха, настолько великолепного, что у Сары перехватило дыхание, а все присутствующие разразились возгласами восторга. Олдену он подарил новую трубку и коробку табака. Работник приятно удивил его, подарив коньки, изготовленные в кузнице на ферме, — отлично заточенные и как раз нужного размера!

— Льда уже не видно из-под снега, но вы сможете покататься в следующем году, — широко улыбаясь, заявил Олден.

После того как гости разошлись, в дверь постучала Маква-иква и принесла рукавицы из кроличьих шкурок: пару для Сары, пару для Роба, пару для Алекса. Она ушла прежде, чем они успели пригласить ее войти.

— Странная она, — задумчиво произнесла Сара. — Нужно было и нам что-нибудь подарить ей.

— Я уже все сделал, — заявил Роб и признался жене, что подарил Макве такого же «паука», как и Гайгерам.

— Ты хочешь сказать, что подарил какой-то индианке очень дорогую, купленную в магазине вещь? — Когда он не ответил, в ее голосе зазвучали напряженные нотки. — Ты, должно быть, очень высокого мнения об этой женщине!

Роб серьезно посмотрел на нее.

— Так и есть, — коротко и твердо ответил он.

Ночью температура поднялась, и вместо снега пошел дождь. Утром в их дверь заколотил рыдающий, насквозь промокший Фредди Грюбер, пятнадцатилетний мальчишка. Вол, гордость Ганса Грюбера, ударом ноги опрокинул керосиновую лампу, и, несмотря на дождь, их сарай вспыхнул.

— Никогда такого не видел! Господи, мы никак не могли загасить его! Спасли всех животных, кроме мула. Но папа сильно обгорел: сжег себе руку, и шею, и обе ноги. Вы должны приехать, доктор! — взволнованно говорил юноша.

Сын фермера проехал по такой погоде четырнадцать миль. Сара попыталась накормить и напоить его, но он покачал головой и отправился обратно домой.

Она упаковала корзину с остатками от банкета, а Роб Джей собрал чистые тряпицы и мази, которые могут ему понадобиться, и направился в Лонгхаус, чтобы позвать Маква-икву.

Через несколько минут Сара увидела, как они исчезли в пелене дождя: Роб — верхом на Вики, натянув капюшон по самые брови, ссутулившись в седле, наклонив голову против сырого ветра. Индианка, завернувшись в одеяло, ехала на Бесс. «На моей лошади, вместе с моим мужем», — сказала себе Сара и решила испечь хлеб: ей все равно не удастся уснуть, даже если она и вернется в постель.

Весь день она ждала их возвращения. Стемнело. Сара допоздна сидела у огня, слушая дождь и глядя, как обед, который она держала в тепле для него, превращается в нечто, к чему она даже не притронется. Она пошла спать, но долго лежала без сна, говоря себе, что, если они укрылись в *типи* или пещере, в каком-нибудь теплом гнездышке, то она сама виновата в этом, она сама оттолкнула его своей ревностью.

Утром она сидела за столом, мучая себя страшными догадками, когда приехала Лилиан Гайгер: она соскучилась по городской жизни, и одиночество вынудило ее выйти на улицу в такой дождь. У Сары были темные круги под глазами, и выглядела она хуже некуда. Несмотря на это, она беззаботно болтала с Лилиан, но неожиданно, во время разговора о семенах цветов, горько разрыдалась. Через мгновение, упав в объятия Лилиан, к своему ужасу, она уже изливала той свои самые страшные подозрения.

— Пока он не появился, я умираю! Теперь мне так хорошо с ним! И если мне суждено потерять его...

— Сара, — мягко произнесла Лилиан, — конечно, постороннему человеку трудно понять, что происходит между супругами, но... Ты ведь и сама говоришь, что твои опасения могут быть необоснованными. Я уверена, что так оно и есть. Роб Джей не производит впечатления мужчины, способного лгать.

Сара позволила соседке успокоить и переубедить ее. К тому времени, когда Лилиан уехала домой, эмоциональная буря стихла.

Роб Джей вернулся домой в полдень.

— Как Ганс Грюбер? — спросила она.

— Ожоги просто ужасные, — устало ответил он. — Сильные боли. Я надеюсь, что он выздоровеет. Маква-иква осталась ухаживать за ним.

— Это хорошо, — только и произнесла Сара.

Он проспал всю вторую половину дня и весь вечер. За это время дождь закончился, а температура упала. Он проснулся среди ночи и оделся, чтобы выйти наружу и сходить в уборную — и несколько раз чуть не упал, потому что пропитанный дождем снег замерз и стал твердым и скользким, словно мрамор. Он порадовал свои почки и вернулся в постель, но заснуть не смог. Раньше он собирался навеститься к Грюберу утром, но теперь подозревал, что копыта его лошади не смогут найти точку опоры на ледяной поверхности, покрывавшей землю. Он, не зажигая света, снова оделся и вышел из дома. Его опасения были не напрасны. Когда он изо всех сил топнул по снегу, то не сумел пробить твердую белую поверхность.

В сарае он нашел коньки, которые сделал для него Олден, и привязал их к подошвам ботинок. Дорога, ведущая к дому, была разбита и замерзла буграми, двигаться по ней было тяжело. Далее находилась прерия, и открытая всем ветрам поверхность затвердевшего снега оказалась гладкой, как стекло. Он покатился на коньках по мерцающей лунной дорожке: сначала осторожно, а затем, отталкиваясь все сильнее и двигаясь все свободнее, по мере того как к нему возвращалась уверенность, все дальше углубляясь в открытую местность, словно в

широкое арктическое море. До его слуха доносилось только шипение лезвий и собственное тяжелое дыхание.

Наконец, запыхавшись, он остановился и принялся рассматривать странный мир заледеневшей ночной прерии. Очень близко раздался тревожный, громкий, дрожащий волчий вой, похожий на унылый крик банши. У Роба Джея волосы встали дыбом. Он прекрасно знал, что если он упадет, сломает ногу, то оголодавшие за зиму хищники доберутся до него за несколько минут. Волк снова завыл — хотя, возможно, это был уже другой; в его вопле звучало все, чего так боялся Роб: одиночество, голод, жестокость. Молодой врач тут же поехал в сторону дома, двигаясь уже более осторожно и осмотрительно, чем поначалу, но вместе с тем так быстро, словно спасался бегством.

Вернувшись в хижину, он пошел проверить, не сбросили ли Алекс или младенец одеяла. Оба сладко спали. Когда он лег в постель, жена повернулась к нему и отогрела грудью его ледяное лицо. Она тихонько мурлыкнула и застонала, издав звук любви и раскаяния, и обхватила его руками и ногами. Роб подумал, что в такую погоду никуда не поедет. С Грюбером и так ничего не случится, ведь с ним осталась Маква. Мужчина полностью отдался теплым губам, и телу, и душе — чудесному времяпрепровождению, более таинственному, чем лунный свет, более радостному, чем даже полет надо льдом без волков.

Преобразования

Появись Роберт Джефферсон Коул на свет на севере Великобритании, при рождении его называли бы Роб Джей, а Роберт Джадсон Коул стал бы Большим Робом или просто Робом, без инициала. В Шотландии у Коулов инициал «J» («Джей») получал только старший сын и сохранял его за собой до тех пор, пока сам не становился отцом — тогда инициал переходил к его старшему сыну. Очень простой и красивый ритуал неукоснительно соблюдался. И Роб Джей и думать не смел о том, чтобы нарушить столетнюю семейную традицию, но Коулы оказались в чужой стране и те, кого он любил, не обращали внимания на стародавние правила. Как бы он ни пытался объяснить всем, они так и не стали называть его первенца Роб Джей. Для Алекса, по крайней мере сначала, младший брат был Мальшом, для Олдена — Мальчиком.

Но именно Маква-иква дала ему имя, которое стало неразрывно связано с его судьбой. Однажды утром ребенок, который только-только пополз и пытался произнести первые слова, сидел на земляном полу ее *гедоносо-тес* двумя из трех детей Луны и Идет Поет. Трехлетняя Анемоха — Маленькая Собачка и Сайсо-иква — Женщина-Птица, годом моложе, играли с куклами из кукурузных початков. Маленький же белый мальчик уполз от них. В тусклом свете, пробивающемся через отверстия для дыма, он разглядел водяной барабан знахарки. Хлопнув по нему ладошкой, мальчишка извлек звук, заставивший всех присутствовавших в лонгхаусе поднять головы. Испугавшись этого звука, мальчик отполз подальше, но не вернулся к остальным детям. Вместо этого он, словно какой-нибудь проверяющий, отправился к запасам трав Маквы и с глубоким интересом изучил каждую из кучек.

Маква-иква улыбнулась.

— Да ты *убену мигеги-ич* — маленький шаман, — заметила она.

С тех самых пор она звала его не иначе как Шаман, и остальные быстро подхватили это имя — оно почему-то очень подходило ребенку, и он сразу на него откликнулся. Впрочем, были и исключения. Алексу понравилось называть его Братом, а сам Алекс был для малыша Старшим. С самого начала мама представляла их друг другу как Младшего Братика и Старшего Брата. Только Лилиан Гайгер пыталась называть ребенка Роб Джей, потому что ее друг Роб рассказывал ей об обычаях своей семьи, а Лилиан всегда отстаивала семейные ценности и традиции. Но даже Лилиан время от времени забывалась и называла мальчика Шаманом. Роб Джей Коул-старший вскоре отказался от борьбы и оставил добавку «Джей» за собой. Как бы там ни было, он знал, что кое-кто из пациентов (за глаза, разумеется) зовет его Индеец Коул, а некоторые и вовсе отзывались о нем: «этот чертов костоправ, любитель сауков». Но все они — и либералы, и фанатики — знали его как хорошего врача. И когда его вызывали, он торопился к больному вне зависимости от любви пациентов.

То, что когда-то было фантазией в рекламных листовках Ника Холдена, теперь существовало на самом деле — главная улица Холден-Кроссинга — с магазинами и домами, известная всем до единого как Виллидж. Мэйн-стрит могла похвастаться такими заведениями, как городская администрация; «Универсальный магазин Гаскинса: тысяча мелочей, бакалея, инструменты для фермы и галантерея»; «Семена и корма Н. Б. Раймера»; организация «Сбережения и ипотека Холден-Кроссинг компани»; пансион, которым управляла миссис Анна Вайли, торговавшая также обедами на вынос; аптека Джейсона Гайгера; «Салун Нельсона».

Согласно ранним планам Ника касательно обустройства города на Мэйн-стрит должна была появиться гостиница, но комната с низким потолком и длинной стойкой вряд ли могла претендовать на это звание, а в связи с открытием пансиона миссис Вайли надобность в гостинице и вовсе отпала.

Также следует упомянуть конюшни и кузницу Пола Вильямса, универсального кузнеца. У себя дома, в каркасном здании в Виллидже, Роберта Вильямс, жена кузнеца, открыла ателье дамского платья.

В течение нескольких лет Гарольд Эймс, страховой агент из Рок-Айленда, каждую среду приезжал в универсальный магазин Холден-Кроссинга, чтобы заключить сделку. Участки земли, предлагаемые правительством, стали активно раскупаться, кое-кто из потенциальных фермеров разорился и продал свои арендованные участки прерии вновь прибывшим. Посещения агента раз в неделю стало недостаточно.

Когда потребность в собственной риелторской конторе стала очевидной, в Холден-Кроссинг прибыл Кэррол Вилкенсон — торговец недвижимостью и страховой агент.

Чарли Андерсона — несколько лет спустя он стал президентом банка — избрали мэром города на первых выборах и продолжали избирать на последующих, в течение многих лет. Андерсона, в общем, приняли спокойно, хотя не было в городке никого, кто бы не понимал: на самом деле мэром его сделал Ник Холден, и он всегда сидел у Ника на коротком поводке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

То же самое касалось и шерифа. У Морта Лондона ушло меньше года на понимание того, что фермер из него никудышный. На доходы столяра он вряд ли мог прожить, потому что поселенцы старались сами плотничать, чтобы сэкономить. И потому, когда Ник

предложил ему поддержку на выборах шерифа, Морт с радостью согласился. Он был спокойным человеком, в чужие дела не лез и главным образом занимался тем, что поддерживал порядок в салуне Нельсона. Для Роба Джея было важно, какой в городе шериф. Все врачи в округе считались заместителями коронера, и шериф решал, кто проведет вскрытие тела, если смерть происходила в результате преступления или несчастного случая. Часто аутопсия была для деревенского врача единственным способом заглянуть внутрь человеческого тела и освежить навыки хирурга. Роб Джей во время вскрытия всегда придерживался чрезвычайно высоких научных стандартов, которые оказали бы честь столичным врачам, обязательно взвешивал все жизненно важные органы и вел собственный учет. К счастью, отношения с Мортом Лондоном у него всегда были хорошими, а это значит, что вскрытия он проводил довольно часто.

Ник Холден избирался в члены законодательного органа штата три раза подряд. Время от времени кое-кого из жителей города начинало раздражать его поведение собственника, и они напоминали друг другу, что ему, возможно, принадлежит значительная часть банка, и часть мельницы, и универсального магазина, и салуна; и только одному Богу ведомо, сколько акров земли; но Богом клялись, что они-то сами ему точно не принадлежат, как и не принадлежит их собственная земля! Но в общем они с гордостью и удивлением наблюдали за его действиями: как настоящий политик, находясь в Спрингфилде, он пил бурбон с рожденным в Теннесси губернатором, заседал в парламентских комитетах и так быстро и ловко дергал за ниточки, что они не могли ничего сделать, кроме как сплунуть, усмехнуться и покачать головой.

У Ника было две мечты, и обе он открыто высказал. «Я хочу провести в Холден-Кроссинг железную дорогу, и однажды, возможно, наш городок станет настоящим городом, — сказал он Робу Джею однажды утром, наслаждаясь шикарной сигарой на скамейке у входа в магазин Гаскинса. — И я очень хочу, чтобы меня избрали в Конгресс Соединенных Штатов. Я не смогу провести эту железную дорогу, если застряну в Спрингфилде».

Они не прикидывались закадычными друзьями с тех самых пор, как Ник попытался отговорить его от брака с Сарой, но, встречаясь, оба вели себя достаточно любезно. Теперь же Роб посмотрел на него с недоумением.

— Попасть в Палату представителей США будет делом нелегким, Ник. Вам понадобятся голоса от значительно более крупного избирательного округа, местных вам не хватит. А ведь есть еще старик Синглтон. — Действующий конгрессмен, Сэмюэль Тернер Синглтон, известный во всем округе Рок-Айленда как «наш собственный архангел Самуил», прочно сидел в кресле.

— «Самуил» Синглтон стар. И скоро он либо умрет, либо уйдет на пенсию. Когда это время настанет, я хочу, чтобы все жители округа поняли, что, голосуя за меня, они голосуют за процветание. — Ник широко улыбнулся собеседнику. — У вас ведь нет причин быть недовольным мной, верно, доктор?

Коул, хоть и неохотно, признал, что он прав. Ник был акционером и на мельнице, и в банке, а также управлял финансами универсального магазина и салуна. Однако Робу Джею участие в этих предприятиях Ник не предложил. И это было вполне объяснимо. Роб и без того пустил слишком глубокие корни в Холден-Кроссинге, а Ник никогда не делал заманчивых предложений, если в них не было нужды.

Наличие аптеки Джея Гайгера и постоянный приток поселенцев в район скоро привлекли в Холден-Кроссинг еще одного врача. Доктор Томас Беккерман был мужчиной средних лет с землистым цветом лица, плохим запахом изо рта и красными глазами. Покинув город Олбани, штат Нью-Йорк, он обосновался в маленьком каркасном доме в Виллидже, в непосредственной близости от аптеки. Он не получил высшего медицинского образования и старательно уходил от вопросов, если кто-то интересовался его ученичеством. По его словам, учился он у некоего доктора Кэнтвела в Конкорде, штат Нью-Хэмпшир. Сначала Роб Джей обрадовался приезду коллеги. В городе хватит пациентов и для двух докторов, если оба они не слишком жадные, и к тому же присутствие собрата по профессии должно было означать разделение долгих, тяжелых вызовов на дом, которые часто заставляли его уходить далеко в прерию. Но Беккерман оказался плохим врачом и давним пьяницей, и жители очень быстро установили оба этих факта. Таким образом, Роб Джей продолжал ездить слишком далеко и лечить слишком многих.

Однако особенно тяжело, почти невозможно, управляться с работой стало ему только ближе к весне, когда пришли ежегодные эпидемии: лихорадки вдоль русел рек, иллинойсская чесотка на фермах в прерии, а заразные болезни — повсеместно. Сара предвкушала, как станет работать рядом с мужем, ухаживать за больными. В первую же весну после рождения младшего сына она организовала и провела настоящую кампанию за возможность ездить на вызовы вместе с Робом Джейем и помогать ему. Но время она выбрала неудачно. В том году особенно часто случались послеродовой мастит и корь, и когда она принялась докучать мужу своими желаниями, многие его пациенты уже были серьезно больны, несколько из них даже оказались на грани жизни и смерти, и он не мог уделить ей достаточно внимания. Итак, Саре пришлось смотреть, как Маква-иква ездит вместе с ним на протяжении вот уже второй весны, и ее душевные муки вернулись.

К середине лета эпидемии стихли, и Роб вернулся к более спокойному образу жизни. Однажды вечером, после того, как они с Джейем Гайгером вновь обратились к совместному исполнению «Дуэта для скрипки и альты соль-мажор» Моцарта, Джей поднял щепетильный вопрос о том, почему Сара так несчастна. К тому времени они уже были старыми добрыми друзьями, но Роба все равно озадачило желание Гайгера вторгнуться в мир, который он сам считал исключительно личным и закрытым.

— Откуда ты знаешь, что она чувствует?

— Она говорит с Лилиан. Лилиан говорит со мной, — просто ответил Джей и попытался преодолеть воцарившееся гнетущее молчание. — Я надеюсь, ты понимаешь. Я поднял эту тему... из-за искренней любви... к вам обоим.

— Я понимаю. Но помимо беспокойства и любви, можешь ли ты дать мне... совет?

— Ради жены ты должен избавиться от индианки.

— Но мы ведь просто друзья! — воскликнул он, не в состоянии сдержать негодования.

— Это не имеет значения. Ее присутствие — источник несчастья Сары.

— К тому же ей просто некуда идти! Им всем абсолютно некуда податься. Белые говорят, что они — дикари, и никогда не дадут им вести тот образ жизни, к которому они привыкли. Идет Поет и Луна, черт побери, лучшие работники, которых только можно себе представить, но больше никто во всей округе не желает нанимать сауков. Маква, Луна и Идет Поет содержат все остальное племя, как бы мало они ни зарабатывали. Она тяжело работает и предана мне, и я не могу отправить ее прочь, обрекая на голод или кое-что похуже.

Джей вздохнул, кивнул и больше на эту тему не заговаривал.

Письма к ним приходили редко. Почти случайно. Так, одно письмо Робу Джею переслал начальник почтового отделения в Рок-Айленде, хранивший его в течение пяти дней, пока Гарольд Эймс, страховой агент, не отправился по делам в Холден-Кроссинг.

Роб нетерпеливо открыл конверт. Это было длинное письмо от доктора Гарри Лумиса, его друга в Бостоне. Прочитав письмо до конца, он вернулся к началу и прочитал его еще раз, уже медленнее. И еще раз.

Письмо датировалось 20 ноября 1846 года, и на то, чтобы оно дошло до адресата, ушла вся зима. Гарри делал прекрасную карьеру в Бостоне. Он сообщал, что недавно его назначили доцентом анатомии в Гарварде, и намекнул на возможный предстоящий брак с одной дамой по имени Джулия Сэлмон. Завершив этот краткий отчет о событиях личной жизни, Гарри с заметным волнением написал, что некое открытие сделало безболезненное хирургическое вмешательство реальностью. Речь шла о газе, известном как эфир, в течение многих лет использовавшемся как растворитель в производстве воска и духов. Гарри напомнил Робу Джею об экспериментах, некогда ставившихся в Бостонских больницах, с целью оценки обезболивающего эффекта окиси азота, известной как «веселящий газ». Он добавил, с определенной долей лукавства, что Роб, возможно, помнит развлечения с применением окиси азота, которые проходили вне больничных стен. Роб тут же вспомнил, со смешанным чувством вины и удовольствия, как поделился с Мэг Холланд порцией веселящего газа, который дал ему Гарри. Возможно, время и расстояние сделали это событие лучше и более забавным, чем оно было на самом деле.

«5 октября, то есть совсем недавно, — писал Лумис, — другой эксперимент, на сей раз с эфиром, был запланирован в операционной Массачусетской городской больницы. Предыдущие попытки снять боль с помощью окиси азота полностью провалились; студенты и врачи, буквально заполонившие наблюдательные галереи, свистели и выкрикивали: „Вздор! Вздор!“ Попытки эти приобрели характер удалого веселья, и запланированная операция в Массачусетской больнице обещала превратиться в аналогичное посмеище. Проводить операцию должен был доктор Джон Коллинс Уоррен. Я уверен, что вы помните: доктор Уоррен — грубый, бесчувственный мясник, более известный скоростью обращения со скальпелем, чем терпимостью к дуракам. Итак, в тот день многие из нас стекались в открытый хирургический зал, предвкушая немалое развлечение.

Вообразите себе это, Роб: человек, который должен дать пациенту эфир, дантист по имени Мортон, опаздывает. Уоррен, охваченный раздражением, использует задержку, чтобы прочесть лекцию о том, каким образом он вырежет большую злокачественную опухоль из языка молодого человека по имени Эббот, который уже сидит в красном операционном кресле, замерев от ужаса. Через пятнадцать минут Уоррен исчерпывает тему и с мрачным видом достает из кармана часы. На галерее уже послышались смешки, когда появился опоздавший дантист. Доктор Мортон дает пациенту газ и вскоре объявляет, что можно приступать к операции. Доктор Уоррен кивает, все еще в ярости, закатывает рукава и выбирает скальпель. Помощники открывают Эбботу рот и вытаскивают оттуда язык. Другие ассистенты прижимают его к операционному креслу, чтобы он не вырывался. Уоррен склоняется над ним и делает первый быстрый, глубокий надрез — молниеносное движение, в результате которого из уголка рта молодого Эббота

начинает течь кровь.

Пациент не шевелится.

На галерее воцаряется абсолютная тишина. Такая, что, если кому-то вздумается вздохнуть или застонать, это услышат все. Уоррен наклоняется и возвращается к своей задаче. Он делает второй разрез, а затем и третий. Осторожно и быстро он вырезает опухоль, очищает ее, накладывает швы, прижимает губку, чтобы уменьшить кровотечение.

Пациент спит. Пациент спит. Уоррен выпрямляется. Вы, наверное, не поверите, Роб, но в глазах этого деспота и самодура стоят слезы!

„Господа, — заявляет он, — это не вздор“.»

Об открытии эфира как болеутоляющего для операций объявили во всех медицинских изданиях Бостона, резюмирует Гарри.

«Наш Холмс, который всегда держит нос по ветру, уже предложил, чтобы это назвали анестезией, от греческого слова, означающего нечувствительность».

В аптеке Гайгера эфира не оказалось.

— Но я неплохой химик, — задумчиво произнес Джейсон. — И, наверное, могу сделать его. Мне нужно будет дистиллировать этиловый спирт серной кислотой. Правда, воспользоваться металлическим дистиллятором не получится, потому что кислота проест его насквозь. Но у меня есть стеклянный змеевик и большая бутылка.

Они пошарили на полках и нашли много спирта, но серной кислоты там не было.

— Ты можешь изготовить серную кислоту? — спросил его Роб.

Гайгер почесал подбородок, откровенно наслаждаясь моментом.

— Для этого мне нужно будет смешать серу с кислородом. Серы у меня много, но химия — штука сложная. Стоит окислить серу один раз, и получится зеленовато-желтый диоксид. Мне нужно будет окислить зеленовато-желтый диоксид еще раз, чтобы получить серную кислоту. Но... и правда, почему бы и нет?

Через несколько дней у Роба Джея появился запас эфира. Гарри Лумис объяснил, как собрать приспособление для подачи наркоза из трубок и тряпок. Сначала Роб проверил действие газа на кошке, которая оставалась без чувств в течение двадцати двух минут. Затем он лишил сознания собаку, больше чем на час — и такой длительный срок подсказал ему, что эфир опасен и относиться к нему следует с должным уважением. Он дал газ ягненку перед кастрацией, и тот пережил операцию, ни разу не заблеяв.

Наконец, он объяснил Гайгеру и Саре, как нужно пользоваться эфиром, и они дали газ ему. Он пролежал без сознания в течение лишь нескольких минут: они так волновались, что отмерили микроскопическую дозу, но это был уникальный опыт.

Несколько дней спустя Гус Шрёдер, у которого и так оставалось на обеих руках только восемь с половиной пальцев, защемил указательный палец здоровой правой руки между волокушей и землей, полностью раздавив его. Роб дал ему эфир, и Гус проснулся, уже имея лишь семь с половиной пальцев, и спросил, когда же начнется операция.

Роб был ошеломлен открывающимися возможностями. Он чувствовал себя так, словно получил шанс взглянуть на безграничное пространство за звездами, и сразу же понял, что открытие эфира куда важнее, чем его дар. Дар получали лишь несколько членов его семьи, в то время как теперь все врачи в мире смогут оперировать, не вызывая у пациента мучительную боль. Посреди ночи Сара спустилась на кухню и обнаружила там мужа,

сидящего в гордом одиночестве.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Он рассматривал бесцветную жидкость в стеклянном пузырьке, словно пытаясь ее запомнить.

— Если бы у меня было это, Сара, то я ни за что не причинил бы тебе боль — тогда, когда оперировал тебя.

— Ты и без того все очень хорошо сделал. Ты спас мне жизнь, я знаю.

— Это вещество... — Он продемонстрировал ей пузырек. С ее точки зрения, содержимое ничем не отличалось от обыкновенной воды. — Оно спасет много жизней. Это меч против Черного Рыцаря.

Сара терпеть не могла, когда он начинал говорить о смерти как о человеке, который в любой момент может открыть дверь и войти в их дом. Она скрестила свои белые руки на тяжелой груди и вздрогнула от ночной прохлады.

— Возвращайся в постель, Роб Джей, — попросила она.

На следующий день Роб начал связываться с врачами в округе, приглашая их на встречу. Встреча состоялась несколько недель спустя в комнате над складом для хранения кормов в Рок-Айленде. К тому времени Роб Джей использовал эфир еще трижды. Семь врачей и Джейсон Гайгер собрались вместе и выслушали то, что написал Лумис, и отчет Роба о результатах применения эфира.

Реакция варьировала от значительного интереса до открытого скептицизма. Двое из присутствующих сразу же заказали эфир и приспособление у Джея.

— Это очередная новомодная штучка, — презрительно фыркнул Томас Беккерман, — как и та ерунда с мытьем рук. — Кое-кто из врачей улыбнулся, потому что все знали об эксцентричном поведении Роб Коула: он регулярно пользовался мылом и водой. — Возможно, столичные больницы и могут тратить время на подобные глупости. Но кучка докторишек в Бостоне не должна пытаться указывать нам, как вести медицинскую практику на фронтире.

Остальные врачи высказывались более сдержанно, чем Беккерман. Тобиас Барр сказал, что ему понравилось встречаться с другими врачами и делиться идеями, и предложил основать Медицинское общество округа Рок-Айленд, к чему они и приступили немедленно. Доктора Барра избрали президентом. Роб Джей был избран пресс-секретарем — большая честь для него, от которой он не мог отказаться, потому что каждый из присутствующих получил какую-нибудь должность или возглавил комитет первостепенной, по мнению Тобиаса Барра, важности.

Год выдался неурожайным. Жарким, душным днем, ближе к концу лета, когда зерновые культуры уже дозревали, небо очень быстро затянули низкие черные тучи. Загрохотал гром, и молния разорвала густые облака. Сара, пропальывавшая сад, увидела, как далеко в прерии от тучи отделился тонкий столб, расширяющийся к земле. Он извивался, словно гигантская змея, и издавал змеиное шипение, сменившееся громким ревом. Нижняя часть коснулась прерии и начала всасывать в себя грязь и обломки. Столб хоть и двигался в противоположную сторону, но Сара все равно побежала искать детей, собираясь спуститься с ними в подвал.

В восьми милях от дома, Роб Джей тоже наблюдал за торнадо издалека. Через несколько минут торнадо исчез, но когда доктор подъехал к ферме Ганса Бакмана, то

увидел, что сорок акров первоклассного маиса лежат на земле. «Словно сам Сатана взмахнул огромной косой», — с горечью резюмировал Бакман. Некоторые фермеры потеряли и маис, и пшеницу. Старую белую кобылу Мюллера подняло вихрем, а чуть позже выплюнуло бездыханную на соседнем пастбище, в ста футах. Но обошлось без человеческих жертв, и все понимали, что Холден-Кроссингу крупно повезло.

Люди еще радовались тому, что все обошлось, когда пришла осень, а вместе с ней — эпидемия. Хотя в такое время года прохладный, свежий воздух вроде бы гарантирует бодрость и хорошее здоровье. В первую неделю октября восемь семей слегли из-за болезни, которую Роб Джей никак не мог диагностировать. У них поднялась температура, сопровождаемая некоторыми симптомами тифа, но он подозревал, что это вовсе не тиф. Почти каждый день приносил дурные вести по крайней мере об одном новом случае заболевания. Роб понял, что на сей раз они попались.

Он было направился к лонгхаусу, чтобы велеть Маква-икве подготовиться поехать с ним, но изменил направление и зашел в кухню собственного дома.

— Люди начинают болеть тяжелой лихорадкой, и наверняка вспыхнет эпидемия. Возможно, меня не будет несколько недель.

Сара серьезно кивнула, показывая, что она все понимает. Когда он спросил, не хочет ли она отправиться вместе с ним, ее лицо так оживилось, что все его сомнения тут же рассеялись.

— Тебя не будет рядом с мальчиками, — напомнил он ей.

— Маква о них позаботится, пока нас не будет. Маква очень хорошо справляется с ними, — добавила она.

В тот же день они уехали. Когда эпидемия только начиналась, Роб обычно ехал к любому дому, куда, как он слышал, пришла болезнь, пытаясь затушить огонь прежде, чем он превратится в пожарище. Он заметил, что в каждом случае все начиналось совершенно одинаково: внезапно поднималась температура или появлялись боли в горле, а затем и лихорадка. Обычно все это сопровождалось диареей с большим количеством желто-зеленой желчи. У всех пациентов ротовая полость покрывалась маленькими бугорками, независимо от того, был ли язык сухим или мокрым, черноватым или беловатым.

Уже через неделю Роб Джей пришел к выводу: если у пациента не наблюдается никаких дополнительных симптомов, то смертельный исход неотвратим. Если первоначальные симптомы сопровождались ознобом и болью в конечностях, часто сильной, то пациент мог выздороветь. Фурункулы и другие нарывы, прорывающиеся, когда жар спадал, говорили о благоприятном исходе. Он понятия не имел, как лечить эту болезнь. Поскольку диарея в начале заболевания часто сбивала температуру, он иногда пытался вызвать ее, используя различные снадобья. Когда пациентов бил озноб, он давал им зеленую настойку Маква-иквы, немного разбавленную спиртом, чтобы вызвать пототделение, и провоцировал образование пузырей на коже, ставя им горчичники. Вскоре после начала эпидемии они с Сарой встретили Тома Беккермана, навещающего жертв лихорадки.

«Это наверняка тиф», — самоуверенно заявил Беккерман. Но Роб так не думал. У больных не было никаких красных пятен на животе, и кровотечение из ануса отсутствовало. Но он не спорил. Какая бы напасть ни приключилась с людьми, от смены названия болезнь все равно не станет менее страшной. Беккерман сообщил им, что накануне два его пациента умерли после обильного кровопускания и применения банок. Роб приложил максимум

усилий, чтобы объяснить пагубность применения кровопускания в качестве метода борьбы с лихорадкой. Однако Беккерман был из тех врачей, кто вряд ли станет следовать советам единственного, помимо него самого, доктора в городе. Они с доктором Беккерманом пообщались не больше нескольких минут и расстались. Ничто так не бесило Роба Джея, как плохой врач.

Сначала ему было непривычно, что вместо Маква-иквы рядом с ним Сара. И хотя Сара изо всех сил старалась выполнять любые его распоряжения, разница все равно ощущалась: ему приходилось просить и учить, тогда как Маква понимала, что ему нужно, без всяких просьб с его стороны. В присутствии пациентов или в дороге, между вызовами, они с Маквой поддерживали долгое и приятное молчание; Сара же поначалу говорила без умолку, радуясь возможности побыть с мужем, но со временем, когда они уже посетили много пациентов и сильная усталость стала нормой, она все чаще молчала.

Болезнь распространялась быстро. Обычно достаточно было одному члену семьи заболеть, как все остальные тут же заражались от него. Однако Роб Джей и Сара ездили от дома к дому, но оставались вполне здоровы, словно их оберегала невидимая броня. Каждые три-четыре дня они старались съездить домой: принять ванну, переодеться, поспать несколько часов. Дома было тепло и чисто, его наполняли запахи горячей пищи, которую готовила им Маква. Они ненадолго брали на руки своих сыновей, затем паковали зеленый тонизирующий настой, который Маква делала в их отсутствие, смешивая его с небольшим количеством вина согласно полученным от Роба инструкциям, — и супруги снова покидали свою ферму. Между визитами домой они спали, прижавшись друг к другу, везде, где можно было упасть: обычно на сеновалах или на полу перед камином.

Однажды утром фермер по имени Бенджамин Хаскел вошел в свой сарай и вытаращил глаза при виде того, как доктор сунул руку под юбку своей жене. Дальше, чем это, им ни разу за всю эпидемию зайти так и не удалось — а ведь болезнь бушевала шесть недель. Когда она началась, листья только начинали менять цвет, а когда закончилась, землю уже припорошило снегом.

В тот день, когда они вернулись домой и поняли, что им больше не нужно никуда ехать, Сара отправила детей на повозке, под присмотром Маквы, на ферму Мюллера: они должны были привезти ей корзины с зимними сортами яблок для соуса. Она долго лежала в ванне перед камином, а затем вскипятила еще воды и подготовила ванну для Роба; когда он сел в оловянную бадью, она вернулась и стала его мыть — очень медленно и нежно, так, как они мыли пациентов, но вместе с тем — совершенно иначе, руками вместо тряпки. Мокрый и дрожащий, он торопливо пошел за ней через весь холодный дом, вверх по лестнице, и нырнул под теплые одеяла, где они и провели многие часы, пока не вернулись Маква и мальчики.

Через несколько месяцев Сара забеременела, но на раннем сроке у нее случился выкидыш, очень напугавший Роба. Кровь ударила из нее фонтаном и еще долго понемногу вытекала, пока кровотечение наконец не прекратилось. Он понял, что ей опасно снова беременеть, и с тех пор стал принимать соответствующие меры предосторожности. Он с тревогой наблюдал за ней, опасаясь увидеть, как под глазами у нее залягут черные тени, что часто случается после того, как женщина сбросит плод; но кроме бледности и задумчивости, проявлявшейся в длительных периодах молчания и привычке медленно прикрывать свои прекрасные фиолетовые глаза, никаких тревожных симптомов у нее не было. Сара, похоже,

Весенняя музыка

С этого момента мальчики Коулов часто и надолго оставались на попечении женщины-саука. Шаман так же привык к запаху раздавленных ягод, который исходил от Маква-иквы, и к темному оттенку ее кожи, как и к слабому аромату и молочной белизне кожи своей матери. А потом так случилось, что он гораздо сильнее привязался к Маква-икве. Если Сара отказалась от материнских хлопот, Маква, наоборот, восприняла такую возможность с радостью: она прижимала мальчика, сына *Коусо вабескиу*, к своей теплой груди, и ее охватывало ощущение наполненности, которого она не испытывала с тех самых пор, как держала своего младшего брата, Того-Кто-Владеет-Землей. Она плела над маленьким белым мальчиком любовные чары. Иногда она пела ему:

Ни-на не-ги-се ке-ви-то-се-ме-не ни-на.

Ни-на не-ги-се ке-ви-то-се-ме-не ни-на.

Ви-а-я-ни,

Ни-на не-ги-се ке-ви-то-се-ме-не ни-на.

Я иду с тобой, сын мой.

Я иду с тобой, сын мой.

Куда бы ты ни пошел,

Я иду с тобой, сын мой.

Иногда она пела, чтобы защитить его:

Ти-на-йе ке-ви-та-мо-не и-но-ки,

Ти-ла-йе ке-ви-та-мо-не и-но-ки-и-и.

Ме-ма-ко-те-си-та

Ки-ма-ма-то-ме-га,

Ке-те-на-га-йо-се.

Дух, призываю тебя сегодня,

Дух, я говорю с тобой сейчас.

Тот, кто оказался в беде,

Будет поклоняться тебе.

Дай мне свое благословение.

Скоро именно эти песни напевал Шаман, неотступно двигаясь за Маквой. Алекс тоже шел с ними, хоть и с недовольным видом, глядя, как еще один взрослый пытается забрать часть его брата. Он слушался Макву, но она понимала, что подозрение и неприязнь, которую она иногда видела в его юных глазах, были отражением чувств к ней Сары Коул. Впрочем,

для нее это было не важно. Алекс всего лишь ребенок, и она постарается заслужить его доверие. Что касается Сары, то, насколько Маква помнила, у сауков всегда были враги.

* * *

Джей Гайгер, слишком занятый в аптеке, нанял Морта Лондона вспахать первую часть его земли — задача, требующая времени и недюжинной силы. Вывернутым комьям земли нужно было дать перегнить два или три года, прежде чем поле можно будет вспахать еще раз и засеять. С начала апреля и до конца июня Морт глубоко взрывал жесткий дерн, при этом подцепил иллинойскую чесотку, которой болели большинство мужчин, поднимающих целину прерии. Одни думали, что гниющий дерн выпускает миазмы, которые и несут болезнь, а другие заявляли, что причина болезни — укусы крошечных насекомых, потревоженных плугом. Как бы там ни было, заболевание было весьма неприятным: кожа покрывалась ранками, и они очень сильно чесались. Если применять серу, то болезнь просто вызывала определенные неудобства, но если ничего не делать, то могла развиться в смертельную лихорадку, как случилось с Александром Бледшо, первым мужем Сары.

Джей настоял, чтобы даже углы его поля были тщательно вспаханы и засеяны. В соответствии с древним еврейским законом во время сбора урожая он оставлял углы нетронутыми, чтобы эту часть зерна могли забрать себе бедняки. Когда первая часть поля Джея начала приносить хороший урожай зерна, он приготовился вспахать вторую часть, чтобы посадить там пшеницу.

Оказалось, что найти работников для этого не так-то просто. Морт Лондон к тому времени уже стал шерифом. Никто из других поселенцев не желал работать за деньги. В то время китайские кули не смели оставить работу в железнодорожной бригаде, потому что стоило им приблизиться к любому поселению, как они рисковали быть битыми камнями. Иногда в Холден-Кроссинг забредал какой-нибудь ирландец или, реже, итальянец, сбежавший из тех мест, где фактически на положении рабов они рыли Иллинойско-Мичиганский канал. Однако большинство населения с подозрением относились к папистам и прогоняли чужаков прочь.

Джей завел знакомство с некоторыми из сауков, именно они оказались теми бедняками, которых он пригласил собирать его зерно. Наконец, он купил четырех волов, стальной плуг и нанял пахать целину прерии двух воинов — Маленького Рога и Каменного Пса.

Индейцы владели тайнами вскрытия земли и перелопачивания ее таким образом, чтобы поднять на поверхность плоть и кровь равнин — жирный чернозем. Работая, они приносили извинения земле за то, что режут ее, и пели песни, чтобы отпугнуть недобрых духов. Они знали: белый человек пашет слишком глубоко. Они устанавливали лемех для мелкой культивации, поэтому корневая масса под вспаханной землей перегнивала гораздо быстрее, и обрабатывали больше двух акров в день вместо одного-единственного акра, как получалось у белых. И ни Маленький Рог, ни Каменный Пес не подхватили чесотку.

Джей пришел в восторг и попытался поделиться этим методом со всеми соседями, но никто его даже слушать не захотел.

— Это все потому, что невежественные ублюдки считают меня иностранцем, хоть я и родился в Южной Каролине, а некоторые из них родились в Европе, — бурно негодовал он в беседе с Робом Джеем. — Они не доверяют мне. Они ненавидят ирландцев, и евреев, и

китайцев, и итальянцев, и бог знает кого еще за то, что приехали в Америку слишком поздно. Заодно они ненавидят французов и мормонов. А индейцев они ненавидят за то, что те оказались в Америке слишком рано. Черт подери, им хоть кто-нибудь нравится?

Роб широко улыбнулся.

— Джей, да ты что... Им нравятся только они сами! Они считают, что только они правы, поскольку подгадали единственно верный момент для переезда, — ответил он.

В Холден-Кроссинге «понравиться» и «быть принятым» означало вовсе не одно и то же. Роба Джея Коула и Джея Гайгера частично приняли, потому что они были необходимы поселенцам благодаря своим профессиям. Постепенно, становясь заметными участками на стеганом одеяле сообщества, две семьи продолжали близко общаться, получая друг от друга поддержку и поощрение. Дети привыкали к красоте звучания струнных инструментов, засыпая под музыку великих композиторов, которую по вечерам с любовью и страстью исполняли их отцы.

Шаману было пять лет, когда главной весенней болезнью стала корь. Невидимая броня, защищавшая Сару и Роба, исчезла, а вместе с ней и удача, помогавшая им оставаться невредимыми. Сара привезла болезнь домой и заболела корью в легкой форме, а с мамой заболел и Шаман. Роб Джей подумал, что им повезло с легкой формой болезни, потому что опыт говорил ему, что корь никогда не бьет дважды в одного человека. В то же время по Алексу зараза прошла всем своим ужасным могуществом. Если его мать и брат страдали от повышенной температуры, то он просто пылал от нее; они испытывали зуд, а он яростно расчесывал кожу в кровь. Роб Джей заворачивал его в увядшие листья капусты и связывал ему руки для его же блага.

Следующей весной по ним ударила скарлатина. Ее подхватило племя сауков, а от них заразилась Маква-иква, так что Саре пришлось, как она ни возмущалась, остаться дома и ухаживать за индианкой, вместо того чтобы поехать вместе с мужем и помогать ему. Затем заболели оба мальчика. На сей раз более легкая форма досталась Алексу, в то время как Шаман горел, страдал от рвоты, кричал от боли в ушах и от такой ужасной сыпи, что местами у него, словно у змеи, облезала кожа.

Когда болезнь наконец ушла, Сара открыла двери дома, чтобы впустить в него теплый майский воздух, и объявила, что семье нужно хорошенько отпраздновать выздоровление. Она зажарила гуся и сообщила Гайгерам, что очень хочет повидаться с ними, и в тот вечер музыка снова царил там, где ее не было слышно в течение многих недель.

Детей Гайгера уложили спать на тюфяках рядом с койками в комнате мальчиков Коул. Лилиан Гайгер проскользнула в комнату, обняла и поцеловала на ночь каждого ребенка. В дверях она остановилась и пожелала им всем доброй ночи. Алекс ответил ей тем же, как и ее собственные дети: Рэйчел, Дэйви, Герм и Пончик, который был слишком мал, чтобы называть его настоящим именем — Лайонел. Она заметила, что один ребенок не ответил.

— Доброй ночи, Роб Джей, — сказала она. Но никакого ответа Лилиан не получила, и к тому же заметила, что мальчик смотрит прямо перед собой, словно погрузился в мысли.

— Шаман! Дорогой мой! — Через мгновение, снова не получив никакого ответа, она резко хлопнула в ладоши. Пять лиц повернулись к ней, но одно осталось неподвижным.

В соседней комнате музыканты играли дуэт Моцарта — ту часть, которая им особенно удавалась, ту, которая заставляла их сиять. Роб Джей очень удивился, когда Лилиан встала перед его виолой и, протянув руку, остановила смычок во время фразы, которую он особенно любил.

Тихий ребенок

Всю жизнь Роб Джей отдавал все силы спасению людей от заболеваний, которые приводят к физическим и умственным расстройствам. Когда же пациентом оказывался кто-то, кого он любил, его пронзала нестерпимая душевная боль. Он заботливо ухаживал за всеми, кого лечил, даже за теми, кого болезнь сделала сварливыми; за теми, кто, насколько он знал, всегда был сварлив, еще до болезни, — потому что, обращаясь к нему за помощью, так или иначе они становились теми, за кого он был в ответе. Будучи молодым врачом в Шотландии, он видел, как его мать слабеет и приближается к смерти. Это был особый, горький урок его полной беспомощности как врача! И теперь он чувствовал сильную боль оттого, что случилось с сильным, милым маленьким мальчиком, крупным для своего возраста, появившимся из его собственного семени и души.

Шаман сидел, словно окаменев, а его отец хлопалв ладоши, швырял на пол тяжелые книги, стоял перед ним и кричал:

— Ты... Слышишь... что-нибудь? Сын! — Роб указывал на свои собственные уши, но маленький мальчик только растерянно смотрел на него. Шаман совершенно оглох.

— Это пройдет? — спросила Сара у мужа.

— Возможно, — ответил Роб, но он был напуган сильнее, чем она, потому что знал больше; ему доводилось видеть трагедии, о существовании которых она только догадывалась.

— Ты заставишь болезнь уйти. — Ее вера в него была абсолютной. Когда-то он спас ее, а теперь спасет их ребенка.

Он не знал как, но пытался. Он лил Шаману в уши теплое масло, заставлял его сидеть в горячей ванне, применял компрессы. Сара молилась Иисусу. Гайгеры — Иегове. Маква-иква была в водяной барабан, обращаясь к *маниту* духам. Но ни один из богов не обратил на них внимание!

Сначала Шаман был слишком растерян, чтобы испугаться. Но через несколько часов захныкал и расплакался. Он качал головой и хватался за уши. Сара думала, что возвратилась ужасная боль в ушах, но Роб чувствовал, что это не так, потому что ему уже доводилось видеть подобное.

— Он слышит шумы, которые мы услышать не можем. В голове.

Сара побледнела.

— У него что-то не так с головой?

— Нет-нет. — Он мог сказать ей, как называется это явление — звон в ушах или как-то еще, — но не мог объяснить, что вызывало звуки, которые слышит только Шаман.

Шаман плакал не переставая. Его отец, и мать, и Маква по очереди ложились с ним на кровать и обнимали его. Позже Роб узнает, что его сын слышал множество разных звуков — треск, звон, раскаты грома, шипение. Все эти звуки были очень громкими, и Шаману было очень страшно.

Через три дня шум в ушах исчез. Облегчение, которое испытал Шаман, было несказанным, и вернувшаяся тишина оказалась умиротворяющей, но любящие его взрослые мучились, видя отчаяние на маленьком бледном лице.

В ту ночь Роб написал Оливеру Уэнделлу Холмсу в Бостон, прося посоветовать ему, как лечить глухоту. Он также просил Холмса, в случае если с данным обстоятельством ничего поделаться нельзя, отправить ему информацию о том, как воспитывать глухого сына.

Ни один из них не знал, как лечить Шамана. Пока Роб Джей метался в поисках медицинского решения проблемы, ответственность на себя взял Алекс. Хотя он был ошеломлен и напуган тем, что случилось с его братом, но сумел быстро приспособиться. Алекс взял Шамана за руку и не отпускал его от себя. Куда бы ни шел старший мальчик, за ним всюду следовал младший. Когда пальцы у них сводило судорогой, Алекс обходил брата с другой стороны и менял руки. Шаман быстро привык к ощущению безопасности, которую ему дарили влажные, часто грязные пальцы Старшего.

Алекс был предельно внимателен к брату. «Брат хочет добавки», — заметил он за столом во время обеда, протягивая матери пустую миску Шамана.

Сара наблюдала за своими сыновьями, видя, как они оба страдают. Шаман перестал разговаривать, а Алекс, видимо, решил разделить с братом его немоту: он почти всегда молчал, общаясь с Шаманом с помощью подчеркнута четкой жестикуляции, а две пары детских глаз, не отрываясь, всматривались друг в друга.

Мама мучила себя воображаемыми ситуациями. Она представляла себе, как Шаман вдруг оказывается в разных, но одинаково ужасных смертельных ловушках из-за того, что не мог услышать ее отчаянные крики. Сара заставляла мальчиков играть рядом с домом. Им становилось скучно, они садились на землю и играли в глупые игры с орехами и галькой, рисовали палками картинки в пыли. Невероятно, но время от времени она слышала их смех. Шаман, будучи не в состоянии услышать собственный голос, чаще всего говорил слишком тихо, так что им приходилось просить его повторить то, что он бормотал, но он не понимал их. Со временем он стал хрюкать вместо того, чтобы говорить. Когда Алекс сердился, он забывал о реальном положении вещей. «Что? — кричал он. — Что, Шаман?» Но затем вспоминал о глухоте брата и снова прибегал к помощи жестов. У него появилась дурная привычка: стараясь подчеркнуть то, что он показывал жестами, он тоже, как и младший брат, начал похрюкивать. Сару просто выводил из себя этот звук, похожий одновременно на рычание и сопение: он делал ее сыновей похожими на животных.

У нее тоже появилась плохая привычка: она стала слишком часто проверять слух сыновей, подходя к ним со спины и хлопая в ладоши, или щелкая пальцами, или называя их по имени. Когда они находились в доме и она топала ногой, дрожь в полу заставляла Шамана повернуть голову. Но в остальных случаях реакцией на ее вмешательство служил только угрюмый взгляд Алекса.

Главное место в жизни Роба занимала медицина. С ней не могла сравниться даже его любовь к жене. Так сложилось — Сара понимала и принимала это. Для нее же именно обожаемый муж являлся самым важным на свете, точно так же, как врачебное дело для Роба. Она никогда не чувствовала к Александру Бледшо или к любому другому мужчине то, что чувствовала к Робу Джею Коулу. Даже ее материнские чувства проигрывали этой большой любви. Сара старалась выезжать с Робом Джейем при каждой возможности вместо того, чтобы заботиться о детях. Теперь, когда один из ее сыновей заболел, она снова обратила всю

силу своей любви к мальчикам, но было уже слишком поздно. Алекс ни за что не отдал бы ни единой части брата, а Шаман крепко привязался к Маква-икве.

Маква была счастлива отдать ему всю нерастраченную любовь; она надолго уводила Шамана в *гедоносо-теи* наблюдала за каждым его движением. Однажды Сара увидела, как женщина торопливо подбежала к дереву, на которое мальчик помочился, выкопала немного влажной земли у ствола и унесла ее в небольшой чашке, словно священную реликвию. Сара подумала, что индианка — суккуб, что она присвоила себе ту часть ее мужа, которую он сам в себе ценил больше всего, а теперь пытается забрать ее ребенка. Она знала, что Маква плетет чары, когда поет, и выполняет дикарские ритуалы, от одной мысли о которых у нее мурашки ползли по коже. Возражать она не осмеливалась — ей отчаянно хотелось, чтобы кто-то или что-то помогло ее ребенку. Но проходил день за днем, а языческие глупости не приносили облегчения ее сыну. Она не могла противиться радости от доказательств своей правоты, подтверждения истинности одной-единственной веры.

Ночью Сара лежала с открытыми глазами, мучимая мыслями о глухонемых, встречавшихся ей в жизни, вспоминая, в частности, слабоумную и неопрятную женщину, за которой она вместе с подружками шла по улицам их деревни в Виргинии, насмехаясь над бедолагой из-за ее тучности и глухоты. Бесси, вот как ее звали, Бесси Тернер. Они бросали в нее палки и мелкие камешки и радовались, видя, что Бесси реагирует на физические оскорбления, хотя до того не обращала ни малейшего внимания на оскорбления, которые они ей кричали. И Сара спрашивала себя, не будут ли жестокие дети преследовать Шамана.

Постепенно она осознала, что Роб — даже Роб! — не знает, как помочь Шаману. Он уезжал каждое утро и посещал больных, полностью отдавался лечению болезней других людей. Конечно же, он вовсе не бросал свою собственную семью. Вот только ей так иногда казалось, потому что она оставалась со своими сыновьями день за днем, становилась свидетелем их борьбы.

Гайгеры, пытаясь как-то поддержать, несколько раз приглашали их принять участие в музыкальных вечерах. Еще недавно две семьи так часто их устраивали, а теперь Роб Джей постоянно отказывался. Ему больше не хотелось играть на виоле да гамба. Сара догадывалась, что он не мог заставить себя наслаждаться музыкой, которую Шаман не услышит.

И Сара посвятила себя работе на ферме. Олден Кимбел дважды перекопал для нее новый участок, и она принялась за осуществление одного из своих честолюбивых планов — вырастить собственный огород. Она часами бродила вдоль берега реки в поисках желтого красоднева, чтобы перенести его на клумбу перед домом. Помогала Олдену и Луне загонять сбившихся в кучу блеющих овец на плот, который затем выводили на середину реки и сталкивали с него овец в воду. Овцы вынуждены были плыть к берегу, вымывая шерсть перед стрижкой. После кастрации родившихся весной ягнят она вытребовала у Олдена ведра с «устрицами прерий» — его любимым деликатесом. Работник подозрительно покосился на нее. Сара содрала с них волосатую шкурку, задумавшись на секунду, неужели гонады человека под морщинистой кожей точно такие же. Затем она разрезала пополам нежные шарики и обжарила их в свином жире, вместе с диким луком и нарезанными ломтиками дождевиками. Олден, получив свою порцию, значительно повеселел; съел с большим аппетитом и объявил Сару первоклассной хозяйкой.

Женщина могла бы быть совершенно довольной, если бы не одна мелочь...

Однажды Роб Джей пришел домой и сообщил ей, что рассказал Тобиасу Барру о Шамане.

— В Джексонвилле недавно открыли школу для глухих, но Барр мало что о ней знает. Я мог бы съездить туда и посмотреть, как там и что. Но... Шаман еще такой маленький.

— До Джексонвилля сто пятьдесят миль. Мы почти не будем его видеть.

Он сказал ей, что врач из Рок-Айленда признался, что понятия не имеет, как лечить детскую глухоту. Несколько лет назад он ничем не смог помочь восьмилетней девочке и ее шестилетнему брату. В конечном итоге детей, как лиц, находящихся под опекой государства, отправили в приют в Спрингфилде.

— Роб Джей, — начала она. В открытое окно доносилось гортанное хрюканье ее сыновей — звук, который сводил ее с ума. Перед ее мысленным взором неожиданно встал образ пустых глаз Бесси Тернер. — Отправить глухого ребенка в закрытое заведение, где держат умалишенных... это безнравственно.

Мысль о безнравственности охладила ее пыл.

— Как ты считаешь, — прошептала Сара, — возможно, Шаман понес наказание за мои грехи?

Он обнял жену, и она, ощутив его силу, сразу же успокоилась.

— Нет, — решительно ответил он и долго не выпускал ее из объятий. — Ох, Сара... Даже не думай об этом. Никогда. — Но он так и не сказал ей, что они могут предпринять.

Однажды утром мальчики Коулов, Маленькая Собачка и Женщина-Птица сидели перед *гедоносо-те*, снимая с ивовых прутьев кору, которую Маква кипятила для настоя. На берег реки из леса выехал странный индеец на костлявой лошади. Он походил на призрак сиу: уже немолодой, такой же тощий, жалкий и оборванный, как его лошадь. Одет он был в брюки в обтяжку, из которых торчали босые грязные ноги, и набедренную повязку из оленьей кожи. Тело индейца прикрывал изодранный кусок бизоньей кожи, закрепленный с помощью бечевки, завязанной узлом на поясе. За длинными седеющими волосами он тоже особо не ухаживал: сзади они были завязаны в короткую косичку, а по бокам — в две более длинные, и обернуты полосами кожи выдры.

Еще несколько лет назад любой саук поздоровался бы с сиу оружием, но теперь каждый из них знал, что они окружены общими врагами, и когда всадник приветствовал ее на языке знаков, которым пользовались племена, населявшие Великие равнины, чьи языки сильно отличаются, она ответила на приветствие аналогичным образом.

Она догадалась, что он ехал через Висконсин, по краю леса вдоль *Масесибови*. Все так же знаками он сообщил ей, что пришел с миром и что следует за садящимся солнцем к Семи Народам. И попросил дать ему еды.

Четыре ребенка пришли в восторг. Хихикая, они принялись своими маленькими ручками копировать те знаки, которыми путник обозначил еду.

Он был сиу, и потому она не могла ничего дать ему «за так». Он заплатил плетеной веревкой за тарелку тушеного беличьего мяса, большой кусок кукурузной лепешки и мешочек сушеных бобов в дорогу. Тушеное мясо было холодным, но он слез с лошади и съел его с жадностью.

Он заметил водяной барабан и спросил, не подчиняются ли ей духи. Получив утвердительный ответ, незнакомец почувствовал себя не в своей тарелке. Они не стали дарить друг другу власть над собой, открыв свои имена. Когда он поел, она попросила его не

охотиться на овец, чтобы белые не убили его, и он вскочил на свою тощую лошадь и поехал дальше.

Дети продолжали играть в новую игру, показывая друг другу знаки, которые совершенно ничего не означали; вот только Алекс очень точно копировал знак *еда*. Она оторвала кусок от лепешки и дала ему, а затем показала остальным, как правильно показывать знак, и награждала их кусочками лепешки, когда у них получалось это сделать. Детей сауков следовало учить межплеменному языку, и Маква показала им знак *ивы*; белых братьев она тоже учила, просто из вежливости. Она заметила, что Шаман, похоже, учит знаки очень легко. В голову ей пришла неожиданная, но интересная мысль, и она стала уделять ему больше внимания, чем остальным.

Помимо знаков *еда* и *иваона* научила их показывать *девочку*, *мальчика*, *мыться* и *одеваться*. Для первого дня, подумала Маква-иква, этого вполне достаточно, но она стала поощрять их снова и снова повторять эти знаки, играть в новую игру, пока дети не стали пользоваться знаками идеально.

Днем, когда Роб Джей вернулся домой, она привела к нему детей и продемонстрировала, чему они научились.

Роб Джей задумчиво наблюдал за своим глухим сыном. Он видел, что Маква вся светится радостью от успехов детей, и похвалил их всех и поблагодарил Макву, которая пообещала и дальше учить их знакам.

— Какая от этого конкретная польза? — горько спросила его Сара, когда они остались одни. — Зачем нужно, чтобы наш сын мог разговаривать с помощью пальцев, если понимать его будет только жалкая горстка индейцев?

— Для глухих придумали такой же язык, — задумчиво ответил Роб Джей. — По-моему, изобрели его французы. Когда я учился на врача, я сам видел, как двое глухих свободно разговаривали друг с другом, используя руки вместо голосов. Если я выпишу книгу, где описаны эти знаки, и мы их выучим, то сможем разговаривать с Шаманом, а он сможет говорить с нами.

Хоть и с неохотой, но она согласилась, что попробовать стоит. А пока, решил Роб Джей, пусть мальчик учит систему индейских знаков — вреда от этого точно не будет.

* * *

От Оливера Уэнделла Холмса пришло длинное письмо. Как всегда, он с большой тщательностью исследовал литературу в библиотеке Гарвардской Медицинской школы и расспросил многих коллег-врачей, предоставляя им подробности по делу Шамана, которые ему передал Роб Джей.

В результате он выяснил, что надежда на выздоровление ребенка очень мала. «Иногда, — писал он, — слух возвращается к пациенту, который полностью оглох в результате болезни, такой как корь, скарлатина или менингит. Но часто общее заражение организма повреждает ткани и оставляет на них рубцы, прерывая очень тонкие процессы, которые не поддаются восстановлению никаким лечением.

Вы пишете, что визуально исследовали оба внешних слуховых канала, используя отражатель, и меня впечатлила изобретательность, с которой Вы направили луч света свечи в уши пациента с помощью ручного зеркала. Почти наверняка повреждение

произошло на более глубоком уровне, чем тот, который Вы были в состоянии исследовать. Поскольку и мне, и Вам доводилось проводить вскрытия, нет необходимости напоминать Вам о тонкости и сложности устройства среднего и внутреннего уха. Мы никогда не узнаем определенно, в чем состоит проблема молодого Роберта: в барабанных перепонках, слуховых косточках, молоточках, наковальнях, стремени или же улитке. Единственное, в чем действительно можно быть уверенным, мой дорогой друг, это в том, что, если к тому времени, как Вы будете читать мое письмо, к Вашему сыну не вернется слух, то, вероятно, он останется глухим на всю жизнь.

Таким образом, вам стоит задуматься в первую очередь над тем, как его воспитывать».

Холмс проконсультировался с доктором Сэмюелем Г. Хаузом из Бостона, который в свое время работал с двумя глухими, немыми и слепыми учениками, обучая их общению с другими людьми путем использования ручной азбуки. За три года до того доктор Хауз совершил поездку по Европе и видел глухих детей, которых научили говорить четко и понятно.

«Но в Америке нет такой школы, где глухих детей учили бы говорить, — продолжал Холмс, — вместо того, чтобы тренировать учеников пользоваться языком жестов. Если Вашего сына научат языку жестов, то он сможет общаться исключительно с другими глухими. Если же он научится говорить и, глядя на губы собеседника, читать по ним, то у него не будет никакой необходимости отказываться от жизни среди обычных людей.

Таким образом, доктор Хауз рекомендует Вам оставить сына дома и самому его учить, и я полностью разделяю его точку зрения».

Консультанты также сообщили следующее: если у Шамана не будет возможности разговаривать, то постепенно органы речи у него атрофируются и он онемевает. Но Холмс предупредил: если они хотят, чтобы Шаман разговаривал, все члены семьи должны прекратить использовать язык жестов в присутствии юного Роберта, а также отказаться принимать такие жесты от него.

Связывание

Сначала Маква-иква не поняла, почему Коусо вабескиухочет, чтобы она прекратила учить детей языку жестов. Но Роб Джей объяснил ей, что язык жестов сослужит Шаману плохую службу. Мальчик уже выучил девятнадцать знаков. Он умел жестами показать, что голоден, мог попросить воды, пожаловаться на холод, высокую температуру, болезнь, здоровье, высказать благодарность или неудовольствие, мог поздороваться и попрощаться, описать размер, высказаться по поводу мудрости или глупости. Для других детей индейский язык жестов был новой игрой. Для Шамана, выключенного из общения и совершенно сбитого с толку, язык жестов стал возможностью возобновить контакт с миром. Его пальцы продолжали говорить.

Роб Джей запретил другим участвовать в этой игре, но они были просто детьми, и, если Шаман показывал им знак, иногда желание ответить оказывалось непреодолимым.

После того как Роб Джей стал свидетелем нескольких случаев обмена жестами, он развернул полоску мягкой ткани, которую Сара скатала для повязок, связал запястья Шамана, а затем привязал его руки к ремню.

Шаман кричал и плакал.

— Ты обращаешься с нашим сыном... как с животным, — прошептала Сара.

— Возможно, уже слишком поздно. Возможно, это его единственный шанс. — Роб сжал ладони жены и попытался успокоить ее. Но, сколько бы она его ни умоляла, он твердо стоял на своем, и руки его сына оставались связанными, словно у маленького заключенного.

Алекс помнил, что он чувствовал, когда все тело у него ужасно чесалось из-за кори и Роб Джей связал ему руки, чтобы он не мог расчесывать болячки. Он забыл, как истекал кровью, и помнил только кошмарный зуд и ужас оттого, что его связали. При первой же возможности он стащил из сарая серп и разрезал путы брата.

Роб Джей велел ему сидеть дома. Алекс не послушался. Он взял на кухне нож, вышел и снова освободил Шамана, а затем взял брата за руку и повел прочь.

Их отсутствие заметили только к полудню, и все, кто тогда был на ферме, бросили работу и приняли участие в поисках — в лесу, в поле, на пастбище в прерии, на берегу реки; люди звали мальчиков по имени, прекрасно понимая, что услышать их сможет только один из пропавших. Никто не заговаривал о реке, ведь той весной, когда вода поднялась, на каноэ перевернулись и утонули два француза из Нову. Вспомнили этот случай, и теперь угроза, которую представляла собой река, не шла у всех из головы.

Наступил вечер, а попытки отыскать мальчиков так и не дали результатов. Уже смеркалось, когда к ферме Коулов подъехал Джей Гайгер — в седле перед ним сидел Шаман, а сзади — Алекс. Гайгер сказал Робу Джейю, что нашел беглецов посреди своего поля: они сидели на земле между рядами кукурузы, держась за руки, и были настолько утомлены, что даже не могли плакать.

— Если бы я не пошел на поле посмотреть, нет ли сорняков, они бы до сих пор там сидели, — сказал Джей.

Роб Джей подождал, пока заплаканных мальчишек умыли и накормили. Затем он предложил Алексу прогуляться вдоль реки. Поток плескался и пел на камнях у берега — вода была темнее воздуха и отражала приближающуюся ночь. Ласточки взмывали ввысь и прижимались к земле, иногда буквально касаясь поверхности. Высоко в небе воздух рассекал журавль — целеустремленный, как пакетбот.

— Знаешь, почему я привел тебя сюда?

— Чтобы выпороть.

— Я ведь тебя ни разу еще не порол, верно? И начинать не собираюсь. Нет, я хочу посоветоваться с тобой.

В глазах мальчика читалась тревога: он не знал, что лучше — «посоветовать» отцу или быть выпоротым.

— А это как?

— Ты знаешь, что такое «обменяться»?

Алекс кивнул.

— Конечно. Я много раз обменивался.

— Ну, так вот: я хочу обменяться с тобой мыслями. О твоём брате. Шаману повезло, что у него есть такой старший брат, как ты, что у него есть тот, кто о нем заботится. Мы с тобой

мамой... мы гордимся тобой. Мы хотим сказать тебе спасибо.

— Вы плохо с ним обращаетесь, папа. Связываете ему руки, и все такое.

— Алекс, если ты и дальше будешь обмениваться с ним знаками, у него не будет необходимости разговаривать. Довольно скоро он просто забудет, как это делается, и ты никогда не услышишь его голос. Больше никогда. Ты мне веришь?

Глаза мальчика округлились от тяжелого бремени. Он кивнул.

— Я хочу, чтобы ты не развязывал ему руки. Я прошу тебя больше никогда не общаться с ним на языке жестов. Когда будешь говорить с ним, сначала показывай на свой рот, чтобы он смотрел на твои губы. Потом начинай говорить, медленно и отчетливо. Повтори то, что говоришь ему: тогда он начнет читать у тебя по губам. — Роб Джей посмотрел на Старшего. — Ты меня понял, сын? Ты сможешь нам научить его говорить?

Алекс кивнул. Роб Джей прижал его к себе и обнял. От него плохо пахло, как от десятилетнего мальчика, который весь день просидел на унавоженном поле, потев и плача. Как только они вернутся домой, Роб Джей приготовит ему ванну.

— Я люблю тебя, Алекс.

— И я тебя, папа, — прошептал тот.

Все получили такое же задание.

Привлекать внимание Шамана. Указывать на свои губы. Говорить с ним медленно и отчетливо. Говорить, обращаясь к его глазам, а не к ушам.

Утром, как только они вставали, Роб Джей связывал сыну руки. За едой Алекс развязывал Шамана, чтобы тот мог поесть. Затем он снова связывал брату руки. Алекс следил за тем, чтобы никто из остальных детей не общался на языке жестов.

Но в глазах Шамана все чаще отражалась опустошенность, а лицо становилось напряженным, будто каменным, закрывая его чувства от окружающих. Он ничего не понимал. И вообще ничего не говорил.

Если бы Роб Джей услышал о другом человеке, который постоянно связывает руки собственному сыну, он сделал бы все от него зависящее, чтобы спасти ребенка. У него самого не было никакой предрасположенности к жестокости, и кроме того, он видел, как страдания Шамана влияют на других членов его семьи и домочадцев. Потому он хватался за любую возможность взять чемоданчик и отправиться по вызову к больному.

Мир за пределами его фермы продолжал существовать и развиваться, никак не откликаясь на семейные неурядицы Коулов. В то лето в Холден-Кроссинге три других семьи стали строить новые деревянные каркасные дома вместо глиняных хижин. С энтузиазмом заговорили о том, чтобы построить школу и нанять учителя, и Роб Джей с Джейсоном Гайгером всячески поддерживали эту идею. Все учили своих детей дома, а в случае несчастных чрезвычайных ситуаций сменяли друг друга; но все согласились, что детям будет лучше ходить в настоящую школу.

Когда Роб Джей заглянул в аптеку, Джей чуть не лопался от желания сообщить ему какую-то новость. Наконец, он не смог дольше сдерживаться и сообщил, что они с Лириан заказали доставку сюда фортепиано Бэбкока. Его упаковали в ящик в Колумбусе и транспортировали больше чем тысячу миль на плоту и судах.

— Вниз по реке Сайото до Огайо, потом вниз по Огайо до Миссисипи и вверх по чертовой Миссисипи до причала Великой Южной Транспортной Компании в Рок-Айленде.

где оно теперь ждет появления моей повозки с волами! — на одном дыхании выпалил Гайгер.

Олден Кимбел просил Роба вылечить его знакомого, который жил в заброшенном мормонском городе Нову.

Олден поехал вместе с ним, чтобы показать дорогу. Они заплатили за то, чтобы их вместе с лошадьми доставили туда на плоскодонной лодке, вниз по реке — так было проще всего. Нову оказался зловещим, практически пустынным городом, с решеткой широких улиц, вытянутых вдоль красивой излучины реки; дома здесь стояли большие, солидные, а в центре находились каменные развалины большого храма, который выглядел так, словно его возводил царь Соломон. Олден рассказал Робу, что в городе оставалась лишь жалкая горстка мормонов — старики и мятежники, отказавшиеся подчиниться руководству, когда Святые Последних Дней переехали в Юту. Это место притягивало независимых мыслителей; один угол города сдали в аренду маленькой колонии французов, которые жили коммуной и называли себя «икарийцами». Когда путники пересекали французский квартал, в неестественно прямой посадке Олдена в седле читалось презрение. Наконец они оказались перед обшарпанным зданием из красного кирпича, расположенным в уютном переулке.

Неулыбчивая женщина средних лет открыла им дверь и кивком поздоровалась. Робу Джею она тоже кивнула, когда Олден представил ее как миссис Бидамон. В гостиной сидело и стояло с десятков человек, но миссис Бидамон провела Роба вверх по лестнице, где в постели лежал больной — юноша лет шестнадцати от роду.

Роб диагностировал корь в легкой форме. Он дал матери больного молотые семена горчицы, пояснив, как растворять их в воде для купания, и мешочек высушенных цветков бузины, которые нужно заваривать как чай.

— Я не думаю, что снова понадобится вам, — сказал он. — Но я хочу, чтобы вы сразу же послали за мной, если болезнь вызовет у него инфекцию уха.

Миссис Бидамон провела его вниз. Она успокоила взволнованных людей в гостиной, сообщив, что серьезной опасности нет. Когда Роб Джей пошел к двери, они стали протягивать ему подарки: кувшин меда, три банки консервов, бутылку вина. Каждый пролепетал слова благодарности. Выйдя на улицу, он встал как вкопанный, обеими руками прижимая к себе дары и в замешательстве тарахтась на Олдена.

— Они благодарны вам за то, что вы осмотрели мальчика, — объяснил Олден. — Миссис Бидамон была вдовой Джозефа Смита — Пророка Святых Последних Дней — человека, который основал их религию. Мальчик — его сын, и его тоже зовут Джозеф Смит. Они считают, что юноша пророк.

Когда они отъехали, Олден оглянулся на город Нову и вздохнул.

— Они выбрали прекрасное место для города. Жить здесь было хорошо. Но все пошло коту под хвост, потому что Джозеф Смит не смог удержать своего дятла в штанах. Он завел себе много женщин... Звал их «духовными женами». Ничего духовного в них не было, ему просто нравилось их долбить.

Роб Джей знал, что Святых выгнали из Огайо, Миссури и, наконец, из Иллинойса потому что слухи об их многоженстве возмутили местное население. Он никогда не лез к Олдену с вопросами о его прежней жизни, но теперь не смог удержаться.

— А у тебя тоже было несколько жен одновременно?

— Да, три. Когда я порвал с Церковью, их отдали другим Святым, вместе с малышкой.

Роб не осмелился спрашивать, сколько детей было у Олдена. Но черт дернул его за язык и заставил задать еще один вопрос:

— Три жены... Тебе это нравилось?

Олден подумал и сплюнул на землю.

— Разнообразие — штука хорошая, врать не стану. Но без них совсем не плохо! Главное — тихо, — ответил он.

В ту неделю Робу после юного пророка довелось лечить старого конгрессмена. Доктора Коула вызвали в Рок-Айленд, чтобы осмотреть члена Палаты представителей, Сэмюэля Т. Синглтона, у которого случился припадок, когда он возвращался в Иллинойс из Вашингтона.

Когда Роб подошел к дому Синглтона, оттуда как раз выходил Томас Беккерман. Беккерман сказал ему, что Тобиас Барр тоже осматривал конгрессмена Синглтона. «Похоже, он хочет услышать как можно больше разных мнений на свой счет, не так ли?» — кисло заметил Беккерман.

Такое поведение указывало на степень страха «Самуила» Синглтона, и когда Роб Джей осмотрел конгрессмена, то понял, что страх этот был обоснован. Синглтону уже исполнилось семьдесят девять лет; он был человеком невысоким, почти полностью лысым, с дряблой плотью и огромным, могучим животом. Роб Джей слушал, как сердце старика хрипит, и булькает, и фыркает, изо всех сил стараясь биться.

Он сжал руки старика и заглянул в глаза Черного Рыцаря.

Помощник Синглтона, человек по имени Стивен Хьюм, и его секретарь, Билли Роджерс, сидели в ногах кровати.

— Мы были в Вашингтоне весь год. Ему нужно выступать с речами. Наводить мосты. Да у него черт знает сколько дел, док! — возмущенно заявил Хьюм, словно это Роб Джей виноват в нездоровье Синглтона. Хьюм — шотландская фамилия, но этот факт не расположил к нему Роба.

— Вы должны соблюдать постельный режим, — прямо заявил он Синглтону. — Забудьте о речах и мостах. Придерживайтесь легкой диеты. Старайтесь исключить алкоголь.

Роджерс выгаращился на него.

— А другие два врача говорили совсем иначе. Доктор Бар сказал, что кто угодно придет в упадок сил после поездки сюда из самого Вашингтона. А доктор Беккерман согласился с Барром: говорит, все, что конгрессмену нужно, — это домашняя еда и свежий воздух прерии.

— Позвать сразу нескольких из вас, ребята, — это хорошая мысль, — продолжал Хьюм. — На тот случай, если у вас будут разные мнения. И так оно и получилось, верно? И другие доктора не соглашаются с вами, два против одного.

— Ну да, демократия. Но это не выборы. — Роб Джей повернулся к Синглтону. — Если хотите остаться живы, то я очень надеюсь, что вы будете выполнять все мои рекомендации.

В старых, холодных глазах мелькнуло удивление.

— Вы друг сенатора штата Холдена. Его деловой партнер в нескольких предприятиях, если я не ошибаюсь.

Хьюм фыркнул.

— Ник не может дожидаться, когда уже конгрессмен отойдет от дел.

— Я врач. Мне плевать на политику. Это вы посылали за мной, конгрессмен.

Синглтон кивнул и бросил многозначительный взгляд на двух других мужчин. Билли

Роджерс вывел Роба из комнаты. Когда он попытался подчеркнуть серьезность состояния Синглтона, то получил кивок от секретаря и елейное «спасибо» от политика. Роджерс заплатил ему гонорар с таким видом, будто давал чаевые помощнику конюха, и его быстро и непринужденно выставили за дверь.

Несколько часов спустя он уже ехал верхом на Вики по Мэйн-стрит в Холден-Кроссинге. Он убедился, что система разведки Ника Холдена работает безупречно. Развалившись на стуле, прислоненном к стене, забросив ноги в ботинках на перила, Ник ожидал его на пороге магазина Гаскинса. Заметив Роба Джей, он сделал ему знак привязать лошадь к столбу.

Ник быстро завел его в комнату за магазином, даже не пытаясь скрыть возбуждение.

— Ну?

— Что — ну?

— Я знаю, что вы только что приехали от «Самуила» Синглтона.

— О своих пациентах я говорю только с пациентами. Или, иногда, с их близкими. Вы один из близких Синглтона?

Холден улыбнулся.

— Мне он очень нравится.

— Симпатии тут недостаточно, Ник.

— Не играйте со мной в эти игры, Роб Джей! Мне нужно знать только одно! Ему придется уйти в отставку?

— Если для вас это так важно, спросите его сами.

— О Господи! — с горечью произнес Холден.

Выходя из кладовой, Роб Джей осторожно обошел заряженную мышеловку. Гнев Ника последовал за ним, вместе с ароматом кожаной сбруи и гниющего картофеля.

— Ваша проблема, Коул, в том, что вы слишком глупы, чтобы понимать, кто, черт возьми, ваш настоящий друг!

Наверное, у Гаскинса в конце дня еще куча важных дел: убрать сыр, закрыть упаковку печенья и все такое. Мыши могут среди ночи просто опустошить продовольственный склад, думал Роб, проходя через переднюю часть магазина; а в такой близости от прерии мыши в магазине будут обязательно, что ни предпринимай.

Четыре дня спустя Сэмюэль Т. Синглтон сидел за одним столом с двумя членами городского управления Рок-Айленда и тремя членами городского управления Давенпорта, штат Айова, и объяснял налоговое положение Чикагской и Рок-Айлендской железной дороги, которая предлагала построить железнодорожный мост через Миссисипи между этими двумя городами. Он обсуждал право преимущественного проезда, когда издал слабый вздох, словно его охватило раздражение, и рухнул с кресла на пол. Послали за доктором Тобиасом, но к тому времени, как он прибыл в салун, все в округе уже знали, что «Самуил» Синглтон умер.

Губернатору потребовалась неделя на то, чтобы назначить его преемника. Сразу же после похорон Ник Холден уехал в Спрингфилд, чтобы попытаться получить эту должность. Роб мог представить себе, как там все выкручивали друг другу руки. Без сомнения, в этой борьбе принял активное участие некогда пьющий друг Ника, вице-губернатор, уроженец Кентукки. Но, очевидно, у организации Синглтона были и свои пьющие друзья, и губернатор назначил на должность помощника Синглтона, Стивена Хьюма, пока не истекут оставшиеся полтора года срока «Самуила».

— Ник попал в собственноручно вырытую яму, — заметил Джей Гайгер. — За оставшиеся полтора года Хьюм прочно усядется в этом кресле. Во время выборов он будет баллотироваться как действующий конгрессмен, а значит, для Ника получить эту должность станет почти невозможно.

Но Робу Джею было все равно. Он был поглощен тем, что происходило в стенах его собственного дома.

Две недели спустя Роб перестал связывать сыну руки. Шаман больше не пытался общаться при помощи знаков, но как следует он не говорил. Глаза мальчика стали какими-то тусклыми, невыразительными. Родители часто обнимали его, но утешался он ненадолго. Всякий раз, когда Роб смотрел на сына, его охватывали беспомощность и неуверенность в себе.

Тем временем все окружающие неукоснительно следовали его указаниям, словно он был знатоком в лечении глухоты. Когда они говорили с Шаманом, то произносили слова медленно и четко; старались привлечь внимание мальчика, а когда это им удавалось, то указывали на свои губы, поощряя его читать по губам.

Однако новый подход к лечению предложил не кто иной, как Маква-иква. Она рассказала Робу, как ее и других девочек-сауков быстро и эффективно научили говорить на английском языке в Евангелистской школе для индианок: за столом им не давали ничего, если только они не попросят блюдо по-английски.

Когда Роб предложил Саре такой вариант лечения, та просто взорвалась: «Мало того что ты связывал его, как раба, теперь ты хочешь еще и морить его голодом!»

Но выбор у Роба Джея был невелик, на него постепенно наваливалось отчаяние. Он завел длинный и искренний разговор с Алексом, в результате уговорив старшего сына поддержать его, и попросил жену приготовить особое блюдо. Шаман очень любил сочетание кислого и сладкого, и Сара сделала тушеного цыпленка с клецками, а на десерт — пирог с ревенем.

В тот вечер, когда семья расселась за столом и Сара внесла первое блюдо, все происходило почти в точности так, как в последние несколько недель. Роб снял крышку с миски, и над столом разнесся аппетитный аромат цыпленка, клецок и овощей.

Сначала он положил еду Саре, потом Алексу. Он махал рукой, пока не привлек внимание Шамана, и указал на свои губы.

— Цыпленок, — сказал он, держа в руке миску. — Клецки.

Шаман молча смотрел на него.

Роб Джей положил еду в свою тарелку и сел.

Шаман посмотрел, как родители и брат деловито поглощают пищу, поднял свою пустую тарелку и возмущенно заворчал.

Роб показал на свои губы и снова взял в руки миску.

— Цыпленок.

Шаман протянул ему тарелку.

— Цыпленок, — повторил Роб Джей. Когда его сын промолчал, он поставил миску обратно на стол и продолжил есть.

Шаман всхлипнул. Он посмотрел на мать, которая заставила себя есть и только что покончила со своей порцией. Она показала ему на свои губы и протянула тарелку Робу.

— Цыпленка, пожалуйста, — сказала она, и он положил ей добавку.

Алекс тоже попросил вторую порцию и получил ее. Шаман сидел молча; его трясло от горя, лицо у него исказилось от нового оскорбления, нового ужаса — теперь его лишили еды.

Когда с цыпленком и клецками было покончено, тарелки убрали и Сара внесла в комнату горячий, с пылу с жару десерт и кувшин молока. Сара гордилась своим пирогом с ревенем, который она пекла по старому виргинскому рецепту: большое количество кленового сахара нужно было проварить с соком ревеня, выделившимся во время выпекания пирога, пока он не карамелизируется, и вылить его сверху на пирог как намек на удовольствие, спрятавшееся под хрустящей корочкой.

— Пирог, — сказал Роб, и это слово повторили Сара и Алекс.

— Пирог, — сказал он, повернувшись к Шаману.

Ничего не получалось. У него защемило сердце. Не мог же он, в конце концов, и правда позволить сыну голодать, подумал он; немой ребенок в любом случае лучше мертвого ребенка.

И он угрюмо отрезал себе кусочек.

— *Пирог!*

Это был вопль возмущения, удара по всей несправедливости мира. Голос был знакомым и любимым, и этот голос Робу уже давненько не доводилось слышать. Однако он сидел с глупым видом и пытался понять, не исходил ли крик от Алекса.

— *Пирог! Пирог! Пирог!* — кричал Шаман. — *Пирог!*

Его тельце дрожало от ярости и разочарования. Лицо Шамана было мокрым от слез. Он шарахнулся от матери, пытавшейся вытереть ему нос.

На данный момент стоит забыть о вежливости, подумал Роб Джей; «пожалуйста» и «спасибо» можно будет потихоньку ввести потом. Он показал на свои губы.

— Да, — сказал он сыну, кивая и одновременно отрезая огромный кусок пирога. — Да, Шаман! Пирог!

Политика

Ровный, покрытый высокой травой участок земли к югу от фермы Джея Гайгера был куплен у правительства шведским иммигрантом по имени Август Лунд. Лунд целых три года поднимал целину, но весной четвертого года его молодая жена заболела холерой и вскоре умерла, и ее потеря отравила для него это место и погрузила его в уныние. Джей купил у него корову, а Роб Джей — упряжь и кое-какие инструменты; они оба переплатили, потому что знали, как отчаянно Лунд хотел уехать. Он вернулся в Швецию, и в течение двух сезонов его участок с недавно поднятой целиной уныло лежал под небом прерии, словно брошенная женщина, изо всех сил пытающаяся снова стать такой, какой была когда-то. Затем участок был продан каким-то брокером в Спрингфилде, и несколько месяцев спустя на ферме появился караван из двух фургонов, где сидели один мужчина и пять женщин — они собирались поселиться на этой земле.

Если бы они оказались сутенером и проститутками, и тогда бы вызвали куда меньше

волнения в Холден-Кроссинге. Но это был священник с монахинями римско-католического ордена Святого Франциска Ассизского, и по всему округу Рок-Айленд моментально разнеслась весть о том, что они прибыли, чтобы открыть приходскую школу и обратить невинных детей в папизм. Холден-Кроссингу были нужны и школа, и церковь. Любой проект, скорее всего, годами оставался бы на стадии обсуждения, но прибытие францисканцев вызвало лихорадочную деятельность. После серии «социальных вечеров» в гостиных был создан строительный комитет, призванный собирать средства на строительство церкви.

— Они просто не могут договориться, словно поссорившиеся дети. Одни хотят простую бревенчатую хижину, потому что это недорого. Другие хотят, чтобы у церкви был деревянный каркас, или кирпичный, или каменный, — возмущалась Сара. Лично ей понравился вариант с каменной постройкой, с колокольной, шпилем и окнами из цветного стекла — как в настоящей церкви. Споры не утихали все лето, осень и зиму, но к марту, осознав тот факт, что горожанам также придется платить за возведение здания школы, строительный комитет выбрал простую деревянную церковь, стены в которой следует обшить обычными стругаными, а не специальными обшивочными досками, и побелить. Разница в мнениях по поводу архитектурных особенностей строения блекла рядом с жаркими дебатами относительно присоединения к какой-то конкретной конфессии. В Холден-Кроссинге проживало больше баптистов, чем представителей любой другой группы, и решение приняло большинство. Комитет связался с конгрегацией Первой баптистской церкви Рок-Айленда, которая помогла и советом, и небольшими наличными средствами, на первое время, чтобы помочь новой дочерней церкви встать на ноги.

Объявили о сборе денег, и Ник Холден поразил всех самым большим взносом — целых пятьсот долларов.

— Ему понадобится нечто большее, чем благотворительность, чтобы все-таки пробраться в Конгресс, — сказал Роб Джей Гайгеру, — ведь Хьюм хорошо потрудился, и номинация от Демократической партии уже у него в кармане.

Вскоре его предположение подтвердилось, поскольку разнеслись слухи, что Холден порвал с демократами. Кое-кто считал, что Ник станет искать поддержки у либералов, но вместо этого он объявил себя членом Американской партии.

— Американская партия? Никогда не слышал, — заметил Джей.

Роб просветил его на сей счет, припомнив антиирландские проповеди и статьи, с которыми он сталкивался повсюду, когда жил в Бостоне.

— Это партия, которая прославляет родившихся здесь белых американцев и поддерживает притеснение католиков и иностранцев.

— Ник играет на любых страстях и страхах, которые только может найти, — вздохнул Джей. — Как-то вечером, стоя на крыльце магазина, он предупреждал народ об опасной, хотя и небольшой группе сауков во главе с Маквой, словно они — банда Черного Ястреба. Кое-кого ему даже удалось обработать. Заявил, что, если мы не будем начеку, то произойдет кровопролитие: всем фермерам перережут горло. — Он поморщился. — Ох уж этот Ник. Настоящий политик.

Однажды Робу Джею пришло письмо от его брата, Герберта, который остался в Шотландии. Это был ответ на письмо, посланное Робом за восемь месяцев до этого, где он описывал свою семью, практику, ферму. В письме он нарисовал реалистичную картину жизни в Холден-Кроссинге и попросил Герберта рассказать ему, как живут те, кого он любил в родной стране. В письме брата содержалась ужасная, хоть и вполне ожидаемая новость, поскольку, когда Роб сбежал из Шотландии, он знал, что матери осталось жить недолго. Она умерла спустя три месяца после его отъезда, писал Герберт, и ее похоронили рядом с их отцом на болотистом «новом дворе» церкви в Килмарноке. Брат отца, Рэйналд, умер на следующий год.

Герберт писал, что увеличил поголовье овец и построил новый сарай, используя камень, добытый у подножия утеса. Он упоминал об этом вскользь: ему явно было приятно сообщить Робу, что дела на ферме идут отлично, но он старательно избегал даже намека на свое процветание. Роб понял: Герберт опасается, что брат вернется в Шотландию, ведь у Роба Джея, как у старшего сына, — неотъемлемое право на землю. Накануне отъезда из Шотландии он ошеломил Герберта, который страстно любил разводить овец, подписав документы на аренду земли с правом перехода ее по окончании срока младшему брату.

Герберт написал, что женился на Алисе Брум. Отцом ее был Джон Брум, судья на выставке овец в Килмарноке; его жена, Эльза, происходила из рода Мак-Ларкин. Роб очень смутно помнил Алису Брум, худую девочку с мышинными волосами, которая, неуверенно улыбаясь, прикрывала рот ладонью, чтобы спрятать слишком длинные зубы. У них с Гербертом уже родилось три дочери. Но Алиса снова забеременела, и на сей раз Герберт надеялся на сына, поскольку овечья ферма росла и ему нужен был помощник.

«Теперь, когда политическая ситуация успокоилась, не собираешься ли ты вернуться домой?»

Роб почувствовал напряженность вопроса по тому, каким неразборчивым стал почерк Герберта, почувствовал его стыд, и липкий пот, и дурное предчувствие. Он сразу же сел писать ответное письмо, чтобы рассеять страхи брата. Он написал, что не вернется в Шотландию — разве что приедет туда ненадолго, в гости, если будет здоров, благополучен в финансовом плане и отойдет от дел. Он передал привет невестке и племянницам и похвалил Герберта за достигнутые успехи; очевидно, добавил он, что семейная ферма Коулов попала в надежные руки.

Закончив писать, он пошел прогуляться вдоль реки, до кучи камней, отмечающей границы его участка и участка Джея. Он знал, что не уедет отсюда. Иллинойс пленил его, несмотря на снежные бури, разрушительные торнадо и колоссальную разницу температур летом и зимой. А возможно, именно благодаря всему вышперечисленному и многому другому.

На этой ферме Коулов земля была куда лучше, чем в Килмарноке: плодородный слой глубже, воды больше, трава сочнее. Он уже даже чувствовал ответственность за свою ферму. Он впитал ее запахи и звуки, полюбил жаркие, с кисловатым ароматом, летние утра, когда под порывами ветра начинали шелестеть высокие травы, и суровые, ледяные объятия зимы со снежными заносами. Это была его земля, только его.

Несколько дней спустя, заехав в Рок-Айленд, чтобы посетить заседание Медицинского общества, он заскочил в здание суда и заполнил документ, объявляя о своем желании получить гражданство.

Роджер Мюррей, секретарь суда, быстро пробежал заявление глазами.

— Вы же знаете, доктор, вам придется подождать три года, прежде чем вы сможете стать гражданином.

Роб Джей кивнул.

— Я подожду. Я никуда не уеду, — сказал он.

* * *

Чем больше пил Том Беккерман, тем более неравномерно распределялась медицинская практика в Холден-Кроссинге, тем больше оказывался груз, ложившийся на плечи Роба Джея, который проклинал алкоголизм Беккермана и мечтал о том, чтобы в город приехал третий врач. Стив Хьюм и Билли Роджерс ухудшали и без того тяжелую ситуацию, рассказывая всем о том, что доктор Коул оказался единственным медиком, предупредившим «Самуила» Синглтона о том, насколько серьезна его болезнь. Если бы только «Самуил» послушал Коула, говорили они, возможно, сегодня он был бы рядом с нами. Легенда о способностях Роба Джея ширилась, и к нему обращались все новые и новые пациенты.

Он отчаянно старался выкроить время на общение с Сарой и мальчиками. Шаман поражал его; сын напоминал ему растение, которое замедлило рост и оказалось на грани гибели, но затем неожиданно стало расцветать прямо на глазах и выбрасывать яркие зеленые побеги. Он действительно развивался у них на глазах. Сара, Алекс, сауки, Олден — все, кто жил на земле Коула и старательно и с искренней заботой учил мальчика читать по губам — испытали громадное облегчение, когда его молчание наконец ушло в прошлое. Как только мальчик начал говорить, то принялся болтать без умолку. За год до наступления глухоты он научился читать, и теперь они старались давать ему как можно больше книг.

Сара учила своих сыновей чему могла, но она закончила только сельскую школу с шестью классами и понимала, что знания ее весьма ограничены. Роб Джей преподавал им латынь и арифметику. Алекс учился хорошо: он был умным и много занимался. Но скоростью обучения его поразил именно Шаман. Роб испытывал почти физическую боль, когда замечал природный ум мальчика.

— Я знаю, он стал бы превосходным врачом, — с сожалением сказал он Джею одним жарким днем, когда они сидели на теневой стороне дома Гайгера и пили местный прохладительный напиток. Он признался Джею, что в каждом Коуле живет надежда на то, что его сын вырастет и станет врачом.

Джей сочувственно кивнул.

— Ну, у тебя же есть Алекс. Наверное, он тоже подойдет.

Роб Джей покачал головой.

— Хуже не придумаешь: Шаман, который никогда не станет врачом, потому что ничего не слышит, очень любит ходить со мной на вызовы. Алекс, который может стать кем угодно, когда вырастет, предпочитает ходить тенью за Олденом Кимбелом по ферме. Он с большим удовольствием наблюдает, как наш работник забивает в землю стояки для забора или кастрирует слишком агрессивного ягненка, но совсем не интересуется тем, что делаю я.

Джей усмехнулся.

— А ты бы в их возрасте вел себя иначе? Ну, возможно, братья займутся сельским хозяйством вместе. Они оба славные мальчишки.

В доме Лилиан играла фортепианный концерт № 23 Моцарта. Она очень серьезно

относилась к работе пальцев и мучила себя, повторяя одну и ту же фразу до тех пор, пока та не начинала звучать именно так, как должна; но когда она была удовлетворена результатом и позволяла нотам быстро сменять одна другую, получалась великолепная музыка. Далекий переезд ничуть не испортил звучание фортепиано Бэбкока, но на одной из ножек появилась длинная, неглубокая царапина неизвестного происхождения, нарушив совершенство лакированного грецкого ореха. Увидев ее, Лилиан заплакала, однако ее муж заявил, что никогда не станет замазывать царапину: «Пусть наши внуки знают, каким было наше путешествие сюда».

Первая церковь Холден-Кроссинга была открыта ближе к концу июня, так что неудивительно, что празднование по этому поводу плавно переросло в празднование Дня независимости США, четвертого июля. На открытии выступили как действующий конгрессмен Стивен Хьюм, так и претендент на его место Ник Холден. Робу Джею показалось, что Хьюм чувствует себя вполне уверенно и расслабленно, в то время как Ник походил на бегуна, понимающего, что безнадежно отстал.

В воскресенье после праздника первый странствующий священник (а в ближайшие недели ожидался приезд еще нескольких проповедников) провел воскресную службу. Сара призналась Робу Джею, что нервничает. Он догадался, что она вспомнила баптистского проповедника, выступавшего во время Великого пробуждения, который призывал адский огонь на женщин, родивших детей вне брака. Она предпочла бы более кроткого пастыря, такого как мистер Артур Джонсон, методистский священник, который обвенчал их с Робом, но выбирать священника будет вся конгрегация. Итак, на протяжении всего лета в Холден-Кроссинг приезжали самые разнообразные проповедники. Роб посетил службу несколько раз, в основном чтобы поддержать жену. Обычно он предпочитал держаться в стороне.

В августе на двери магазина прикрепили отпечатанную рекламку, где объявлялось о визите некоего Элвуда Р. Паттерсона, который намеревался в субботу, 2 сентября, в семь пополудни прочитать в церкви лекцию на тему «Поток, угрожающий Христианскому миру», а затем — провести службу и прочитать проповедь в воскресенье утром.

В субботу утром в медицинском пункте Роба Дджея появился незнакомец. Он терпеливо сидел в маленькой комнате, которая служила приемной, в то время как Роб обрабатывал средний палец правой руки Чарли Гаскинса, угодивший между бревнами. Двадцатилетний Чарли, сын владельца магазина, был лесорубом. Хоть он и страдал от боли и злился сам на себя за неосмотрительность, которая привела к несчастному случаю, но тем не менее пребывал во вполне благодушном настроении и был не прочь поболтать.

— Так как, док? Это помешает мне жениться?

— Со временем вы сможете пользоваться этим пальцем так же, как и прежде, — сухо ответил Роб. — Вы потеряете ноготь, но он снова отрастет. А теперь идите. И возвращайтесь через три дня, чтобы я мог поменять вам повязку.

Все еще улыбаясь, он пригласил сидевшего в приемной мужчину. Вошедший представился Элвудом Паттерсоном. Роб припомнил текст объявления и понял, что это странствующий проповедник. Перед ним стоял мужчина лет сорока, толстоватый, но с хорошей осанкой, широким высокомерным красным лицом, длинными темными волосами и маленькими, но заметными синими венами на носу и щеках.

Мистер Паттерсон сказал, что страдает от фурункулов. Когда он снял одежду с верхней части тела, Роб Джей увидел на его коже пигментированные пятна здоровых участков кожи,

усеянные десятками открытых ран, гнойничковыми высыпаниями, свежими и засохшими язвочками и мягкими липкими новообразованиями.

Он сочувственно посмотрел на посетителя.

— Вы знаете, что серьезно больны?

— Мне говорят, что это сифилис. В салуне мне сказали, что вы — необычный врач. Я решил обратиться к вам, не сможете ли вы чем-нибудь помочь.

Три года назад одна проститутка в Спрингфилде обслужила его по-французски, а впоследствии у него за яичками появилась твердая язва и какая-то выпуклость, объяснил он Робу.

— Я вернулся, чтобы всем рассказать про нее. Больше она никого таким подарочком не наградит! — возмущенно воскликнул Паттерсон.

Несколько месяцев спустя у него неожиданно резко поднялась температура, а тело покрылось рыжими язвами, к которым добавились сильные боли в суставах и головные боли. Все симптомы прошли сами собой, и он решил, что все в порядке, но затем появились новые язвы и шишки.

Роб написал на бланке имя пациента, а рядом с ним — «последняя стадия сифилиса».

— Откуда вы приехали, сэр?

— Из Чикаго.

Но пациент достаточно долго колебался, и Роб Джей заподозрил, что он солгал. Впрочем, это не имело значения.

— Никакого лечения не существует, мистер Паттерсон.

— Ага... И что теперь со мной будет?

Скрывать подобную информацию не стоит.

— Если инфекция перекинется на сердце, вы умрете. Если же она пойдет в ваш мозг, то вы сойдете с ума. Если болезнь затронет ваши кости или суставы, вы станете инвалидом. Но часто не происходит ничего из вышеперечисленных ужасов. Иногда симптомы просто пропадают и не возвращаются. Все, что вам остается, — это надеяться и верить, что вы входите в число счастливых.

Паттерсон поморщился.

— До сих пор язвы были не видны, когда я одет. Вы можете дать мне какое-нибудь средство, чтобы они не появились на лице и шее? Я веду общественную жизнь.

— Я могу продать вам один бальзам. Но не знаю, поможет ли он при таких язвах, — мягко сказал Роб, и мистер Паттерсон кивнул и потянулся за рубашкой.

На следующее утро, едва рассвело, к Робу верхом на муле приехал мальчик, босой и в рваных штанах, и сказал: «Пожалуйста, сэр, мамочке очень плохо, можете поехать со мной?» Звали мальчика Малкольм Говард, он был старшим сыном в семье, которая только несколько месяцев назад переехала из Луизианы и обосновалась в пойменной долине, в шести милях от фермы Роба, вниз по реке. Роб оседлал Вики и последовал за мальчиком на муле по грунтовой дороге, пока они не добрались до хижины, лишь немногим лучше курятника, который привалился к ее стене. Внутри он обнаружил Молли Говард, ее мужа, Джулиана, а также все их потомство. Они обступили кровать больной. Женщина сильно страдала от малярии. Роб определил, что состояние ее не критично. Несколько слов ободрения и хорошая доза хинина успокоили как саму пациентку, так и членов ее семьи.

Джулиан Говард даже не попытался расплатиться с врачом, да Роб Джей и не требовал

платы, видя, в какой бедности живет эта семья. Говард последовал за врачом наружу и завел с ним разговор о последнем действии их сенатора, Стивена А. Дугласа, который недавно успешно протолкнул в конгресс закон Канзаса — Небраски, который утверждал образование двух новых территорий на Западе. Билль Дугласа призывал дать возможность территориальным законодательным органам самостоятельно решать, следует ли разрешать на их землях рабство, и по этой причине общественное мнение на Севере резко выступало против этого законопроекта.

— Эти чертовы северяне, что они знают о неграх? Кое-кто из нас, фермеров, собирается создать небольшую организацию, чтобы Иллинойс пошевелился и дал человеку возможность иметь рабов. Может, хотите присоединиться к нам? Эти темнокожие просто созданы для того, чтобы обрабатывать землю белых. Я вижу, у вас тут у всех есть парочка краснокожих, которые работают на ферме.

— Это сауки, и они не рабы. Они работают за деньги. Лично я рабство не поддерживаю. Они переглянулись. Говард покраснел от злости, но промолчал. Несомненно, он не поставил этого нахального докторишку на место лишь потому, что Роб не стал брать с него деньги за свои услуги. Со своей стороны, Роб воспользовался возможностью и отвернулся.

Он оставил им немного хинина и сразу же отправился домой, но когда добрался туда, то увидел, что его ждет перепуганный Гус Шрёдер. Альма убирала в стойле и случайно оказалась между стеной и большим пегим быком, которым они так гордились. Бык боднул ее и сбил с ног. Как раз в этот момент в сарай зашел Гус. «И это проклятое шиффотное стоит и не тфிக்கается! Так и стоял нат ней, опустиф рока, пока я фсял филы и напал на нефо, чтопы он ушел. Она коворит, что не сильно постратала, но ты ше снаешь Альму!»

Итак, снова не успев позавтракать, Роб пошел к Шрёдерам. Альма оказалась цела, только побледнела и дрожала. Она вздрогнула, когда он нажал на пятое и шестое ребро на ее левом боку. Нужно было наложить ей повязку. Он знал, что ее смущала необходимость раздеваться перед ним, поэтому он попросил Гуса присмотреть за его лошадьё, чтобы тот не стал свидетелем ее унижения. Он попросил ее поддержать обвисшие груди с синими венами. Накладывая повязку, старался как можно меньше касаться белого полного тела и на протяжении всей процедуры вел неспешную беседу об овцах и пшенице, о своей жене и детях. Когда он закончил бинтовать ее ребра, она нашла в себе силы улыбнуться ему и пошла на кухню, чтобы вскипятить воду, после чего они втроем посидели за столом и выпили кофе.

Гус сообщил ему, что субботняя «лекция» Элвуда Паттерсона оказалась плохо замаскированной агитацией за Ника Холдена и Американскую партию.

— Люди считают, что это Ник организовал его приезд.

«Поток, угрожающий Христианскому миру», по мнению Паттерсона, — это иммиграция католиков в Соединенные Штаты.

Шрёдеры в то утро впервые пропустили церковную службу; и Альма, и Гус воспитывались в лютеранстве, но им вполне хватило выступления Паттерсона во время лекции. Он заявил, что люди иностранного происхождения — а это означало Шрёдеры — воруют хлеб у американских рабочих. Он призвал изменить период ожидания получения гражданства с трех лет до двадцати одного года.

Роб Джей поморщился.

— Я не хотел бы ждать так долго, — признался он. Но в то воскресенье у всех было полно работы, и он поблагодарил Альму за кофе и продолжил свой путь. Ему нужно было проехать пять миль вверх по реке к ферме Джона Эша Гилберта, чей пожилой тесть,

Флетчер Вайт, подхватил сильную простуду. Вайту было восемьдесят три года, и он был стреляный воробей; у него уже случались проблемы с бронхами, и Роб Джей не сомневался, что они вернутся. Он велел дочери Флетчера, Сьюзи, вливать старику в горло горячее питье и постоянно кипятить чайник, чтобы Флетчер дышал над паром. Возможно, Роб Джей навещал его чаще, чем необходимо, но он особенно ценил пожилых пациентов, потому что их было немного. Первопроходцами обычно становились дюжие молодые люди, и они оставляли стариков дома, когда ехали на Запад. Старики, решающиеся на этот путь, встречались редко.

Он отметил, что состояние Флетчера значительно улучшилось. Сьюзи Гилберт поставила перед ним на стол жареного перепела и картофельные оладьи. Когда Роб поел, она попросила его заглянуть в дом ее ближайших соседей, Бейкеров: у одного из сыновей был нарыв на пальце ноги, и его следовало вскрыть. Роб нашел Донни Бейкера, девятнадцатилетнего парня, в ужасном состоянии: он страдал от лихорадки и сильной боли из-за жуткой инфекции. Половина подошвы правой ноги у парня почернела. Роб ампутировал ему два пальца, вскрыл ступню и вставил тампон, но он сильно сомневался, что ступню удастся сохранить; а кроме того, ему не раз доводилось сталкиваться с ситуациями, когда подобную инфекцию не останавливала даже ампутация ступни.

День клонился к закату. Роб повернул домой и уже преодолел половину пути, когда услышал, как кто-то громко зовет его. Он натянул поводья, завидев Морта Лондона, догоняющего его на крупном гнедом мерине.

— Шериф?

— Доктор, я... — Морт снял шляпу и раздраженно отогнал надоедливую муху. Он вздохнул. — Вот ведь черт! Боюсь, нам нужен коронер.

Роб Джей тоже был не в лучшем настроении. Картофельные оладьи Сьюзи Гилберт камнем лежали у него в желудке. Если бы Кэлвин Бейкер вызвал его неделей ранее, он, возможно, вылечил бы больной палец его сына Донни без особых трудностей. Теперь же перед ним маячила серьезная проблема, а возможно, и трагедия. Он спросил себя, сколько его пациентов находятся в опасности, не сообщая ему, и решил постараться заглянуть, по крайней мере, к трем из них до наступления сумерек.

— Вызовите лучше Беккермана, — посоветовал он. — У меня сегодня просто куча дел. Шериф мял в руках шляпу.

— Гм. Думаю, вы предпочтете провести вскрытие лично, доктор Коул.

— Это один из моих пациентов? — Он начал перебирать возможные варианты.

— Это та женщина-саук.

Роб Джей недоуменно смотрел на него.

— Индианка, которая работает на вас, — объяснил Лондон.

Он мысленно пожелал, чтобы это была Луна. Не то чтобы Луна до такой степени не имела для него значения, что он не любил и не ценил ее — просто на него работали только

две женщины из племени сауков, и... если это не Луна, то... об альтернативе страшно было даже подумать.

Но Морт Лондон продолжал:

— Та, которая помогает вам лечить. Ее ударили чем-то острым... — И добавил: — Много раз. Сначала ее избили. Сорвали с нее одежду. Думаю, ее изнасиловали.

Несколько минут они ехали в молчании.

— Может, с ней такое не один человек сотворил. Там черт знает сколько отпечатков копыт, в том месте, где ее нашли, — продолжал шериф. Затем он умолк, и они просто ехали вперед.

Когда они добрались до фермы, Макву уже перенесли в сарай. Снаружи, между амбулаторией и сараем, собралась группка людей: Сара, Алекс, Шаман, Джей Гайгер, Луна и Идет Поет, их дети. Индейцы не оплакивали утрату вслух, но их глаза выдавали горе и отчаяние, понимание того, что жизнь несправедлива. Сара тихонько плакала, и Роб Джей подошел к ней и поцеловал.

Джей Гайгер отвел его подальше от остальных.

— Это я нашел ее. — Он мотнул головой, словно отгоняя насекомое. — Лилиан велела мне отвезти Саре варенье из персиков. Первое, что я заметил, — Шамана, спящего под деревом.

Это известие потрясло Роба Джея.

— Шаман был там? Он видел Макву?

— Нет, не видел. Сара говорит, что Маква забрала его утром, чтобы собрать травы в лесу у реки — она иногда так делала. Когда он устал, она просто позволила ему вздремнуть в тени, где попрохладнее. А ты ведь знаешь, что никакой шум, крики или еще что-нибудь его не разбудят. Я догадался, что он пошел туда не в одиночку, и потому оставил его спать дальше, а сам проехал немного вперед, к поляне. И я нашел ее... На нее страшно было смотреть, Роб. Мне потребовались несколько минут, чтобы взять себя в руки. Я вернулся и разбудил мальчика. Но он ничего не видел. Я привез его сюда, а затем отправился за Лондоном.

— Похоже, тебе суждено возвращать моих мальчишек домой.

Джей подозрительно посмотрел на него.

— Ты как? В порядке?

Роб кивнул.

Джей, в отличие от него, был бледным и несчастным. Он поморщился.

— Думаю, тебе тут еще нужно поработать, но сауки хотят обмыть ее и похоронить.

— Не подпускай никого какое-то время, — велел ему Роб Джей, вошел в сарай и закрыл за собой дверь.

Ее накрыли простыней. Вряд ли ее сюда принесли Джей или кто-то из сауков. Более вероятно, что это сделали помощники Лондона, потому что они небрежно бросили тело на прозекторский стол, на бок, словно неодушевленный предмет небольшой ценности, бревно или мертвую индианку. Когда он отбросил простыню, то увидел затылок, голую спину, ягодицы и ноги.

Судя по синюшности, в момент смерти она лежала на спине: ее спина и сплюснутые ягодицы побагровели от скопившейся под кожей капиллярной крови. Но в поврежденной ягодичной борозде он заметил красную корку и высохшее белое пятно, окрасившееся в алый

цвет в том месте, где оно смешалось с кровью.

Он осторожно перевернул ее обратно на спину.

На щеках у нее были царапины, оставленные веточками, когда ее лицо прижали к травяному покрову.

Роб Джей с большой нежностью относился к женском задку. Его жена обнаружила это довольно быстро. Сара любила предлагать себя ему, прижавшись лицом к подушке, расплющив грудь о простыню, раздвинув стройные, изящно выгнутые ноги, выставляя напоказ расщелину, так что грушевидные белые и розовые мениски соблазнительно раскачивались над золотистым руном. Неудобное положение, но иногда она вставала в него, потому что его сексуальное возбуждение подстегивало ее собственную страсть. Роб Джей считал коитус формой любви, а не просто проводником деторождения, и потому не считал, что священным сосудом сексуальности может служить одно-единственное отверстие. Но как врач он заметил, что анальный сфинктер может потерять эластичность, если входить туда слишком грубо, и потому, занимаясь любовью с Сарой, он осуществлял лишь те действия, которые не причинят ей вреда. Но кто-то совершенно не стал в этом плане заботиться о Макве.

Из-за постоянной работы у нее было тело женщины лет на десять моложе предполагаемого возраста. Много лет назад они с Маквой едва сумели совладать с физической привлекательностью друг друга и всегда держались настороже. Но были времена, когда он думал о ее теле, воображал, каково это — заниматься с ней любовью. Теперь смерть начала свое разрушительное действие. Ее живот раздулся, грудь стала плоской из-за распада ткани. Мышцы уже начинали каменеть, и Роб выпрямил ее ноги в коленях, пока это еще было возможно. Ее лобковые волосы походили на черную проволочную мочалку, залитую кровью. Возможно, ей повезло, что она умерла: потому что заниматься врачеванием уже не смогла бы.

«Ублюдки! Грязные ублюдки!»

Он вытер глаза и внезапно понял, что люди снаружи услышат его крик и что они знают: кроме него и трупа здесь никого нет. Верхняя часть ее тела была покрыта синяками и ранами, а нижняя губа превратилась в месиво — возможно, вследствие удара кулаком.

На полу рядом с прозекторским столом находились улики, собранные шерифом: ее порванное и запачканное кровью платье (старое платье в полоску, которое отдала ей Сара); корзина, более чем наполовину наполненная мятой, кресс-салатом и какими-то листьями, как он решил — черешни; и один мокасин из оленьей кожи. Только один? Он поискал другой, но не нашел его. Ее квадратные коричневые ступни были босые — грубые, натруженные ступни; второй палец левой ноги деформировался из-за старого перелома. Он часто видел ее босиком и задумывался о том, как именно она сломала этот палец, но вслух своего вопроса так и не задал.

Он посмотрел на ее лицо и увидел старого доброго друга. Глаза у нее были открыты, но стекловидное тело из-за отсутствия давления высохло, и они оказались самой мертвой ее частью. Он быстро закрыл их и придавил веки мелкими монетками, но все равно не избавился от ощущения, что она смотрит на него. После смерти ее нос словно стал более выдающимся, более уродливым. С возрастом она не хорошела, конечно, но в ее лице читалось большое достоинство. Он вздрогнул и крепко сцепил ладони, как ребенок во время молитвы.

«Мне очень жаль, Маква-иква». Ему и в голову не приходило, что она может его

услышать, но, заговорив с ней, он немного успокоился. Роб взял перо, чернила и бумагу и скопировал похожие на руны знаки, выдавленные у нее на груди, чувствуя, что это важно. Он не знал, поймет ли их кто-нибудь. Она не воспитала себе преемника — хранителя духа сауков, считая, что впереди у нее еще много лет. Он подозревал, что она надеялась обрести подходящего ученика среди детей Луны и Идет Поет.

Он быстро набросал на бумаге ее лицо — такое, каким оно когда-то было.

С ней произошло что-то ужасное — но и с ним тоже. Помимо кошмаров о том, как «студент-медик-палач» поднимает отрубленную голову его друга Эндрю Герульда из Ланарка, ему снились кошмары и об этой смерти.

Он не совсем понимал, откуда берется дружба, точно так же как и не знал, как возникает любовь, но каким-то образом они с этой индианкой стали настоящими друзьями. И смерть ее была для него серьезной потерей. Если бы те, кто совершил это, попали ему в руки, он бы забыл свою клятву об отказе от насилия и раздавил бы их, словно жуков.

Наваждение прошло. Он взял цветной платок и обвязал нос и рот, чтобы не чувствовать запаха. Скальпелем он сделал быстрые разрезы, открывая ее тело в форме U — от плеча к плечу, а затем провел лезвием прямую вертикальную линию посередине ее груди, опускаясь до самого пупка, разделяя тело на три равные части, образуя бескровный Y. Пальцы его ничего не чувствовали и повиновались разуму неуклюже; хорошо, что резал он не живого пациента. Пока он не отогнул три кожных лоскута, зловещее тело перед ним было Маквой. Но когда он потянулся за реберными ножницами, чтобы открыть грудину, то заставил себя перейти на новый уровень сознания, вытолкнуть из мыслей все, кроме конкретных задач, и попал в знакомую колею и начал делать то, что нужно было сделать.

ОТЧЕТ

О НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ

Объект: Маква-иква

Адрес: Овечья ферма Коула, Холден-Кроссинг, Иллинойс

Род занятий: Ассистент, медпункт доктора Роберта Джея Коула

Возраст: Приблизительно 29 лет Рост: 1,752 метра

Вес: Приблизительно 63 килограмма

Обстоятельства: Тело объекта, женщины из племени сауков, было обнаружено прохожим в лесистой части Овечьей фермы Коула, в середине дня 3 сентября 1851 г. Было обнаружено одиннадцать колотых ран, идущих неровной линией от яремной выемки вниз по грудине до места приблизительно двумя сантиметрами ниже мечевидного отростка. Ширина ран составляет от 0,947 до 0,952 сантиметра. Нанесены остроконечным предметом, возможно металлическим лезвием, треугольным по форме, все три грани остро заточены.

Объект, девственница, подвергся сексуальному насилию. Остатки девственной плевы указывают на то, что она была *imperforatus*, мембрана толстая и потерявшая гибкость. Вероятно, насильник(и) не смог(ли) полностью проникнуть пенисом; лишение девственности было завершено посредством тупого инструмента с неровными или

зазубренными небольшими выступами, нанеся обширные повреждения вульвы, включая глубокие царапины в промежности и на больших половых губах, а также разрывы и выемки в малых половых губах и преддверии влагалища. Либо до, либо после жестокой дефлорации объект повернули лицом вниз. Ушибы на бедрах показывают, что ее удерживали в нужной позе во время акта содомии, позволяя сделать вывод, что напавших было по крайней мере двое, а возможно, и больше. Повреждения, вызванные актом содомии, включают растяжение и разрыв анального канала. В прямой кишке обнаружена сперма, а в нисходящей ободочной кишке происходило кровотечение. Другие ушибы на теле и на лице указывают на то, что объект был жестоко избит, возможно, мужскими кулаками.

Обнаружены доказательства того, что объект сопротивлялся насилию. Под ногтями второго, третьего и четвертого пальцев правой руки обнаружены кусочки кожи и два темных волоса, возможно, из бороды.

Удары острым предметом были нанесены с силой, достаточной, чтобы разрубить третье ребро и неоднократно проникнуть в грудину. В левое легкое проникли дважды, в правое — трижды, разорвав плевру и внутреннюю ткань легкого; коллапс обоих легких наступил мгновенно. Три удара проникли в сердце, два из них оставили раны в области правого предсердия шириной 0,887 и 0,799 сантиметра соответственно. Ширина третьей раны, в правом желудочке, составляет 0,803 сантиметра. Кровь из разорванного сердца обширно вылилась в брюшную полость.

Органы в отличном состоянии, если не считать нанесенные травмы. При взвешивании вес сердца составил 263 грамма; мозга — 1,43 килограмма; печени — 1,62 килограмма; селезенки — 199 граммов.

Заключение: Убийство, последовавшее за сексуальным насилием, совершенное неизвестным лицом или лицами.

*(подпись) Роберт Джадсон Коул, доктор медицины
помощник коронера округа
Рок-Айленд, штат Иллинойс*

В ту ночь Роб Джей долго не ложился спать, оформляя отчет для отправки начальнику канцелярии округа, а затем копируя его для Морта Лондона. Утром на ферму пришли сауки и похоронили Маква-икву на отвесном берегу реки около *гедоносо-те*. Роб предложил похоронить ее именно там, даже не спросив мнения Сары.

Когда она услышала об этом, то рассердилась.

— На нашей земле? Да о чем ты вообще думал? Могила — это навсегда, она будет лежать здесь вечно! Мы никогда не избавимся от нее! — в бешенстве закричала она.

— Придержи язык, женщина, — тихо произнес Роб Джей, и тогда Сара повернулась и ушла.

Луна вымыла Макву и одела ее в наряд шамана из оленьей кожи. Олден предложил сколотить сосновый гроб, но Луна отказалась, объяснив, что они хоронят мертвых без гроба, просто завернув их в самое лучшее одеяло. Олден помог Идет Поет вырыть могилу. Луна велела им сделать это рано утром. Вот как все делается, заявила она; могилу роют рано утром, а хоронят сразу после полудня. Луна добавила, что ноги Маквы должны быть обращены на запад, и отправила гонца в лагерь сауков за хвостом самки бизона, чтобы положить его в могилу. Хвост поможет Маква-икве благополучно переправиться через пенную реку, которая отделяет землю живых от Страны на Западе, объяснила она Робу

Джею.

Похороны прошли очень скромно. Индейцы, Коул и Джей Гайгер собрались вокруг могилы, и Роб Джей ждал, когда же кто-то начнет, но никто так и не заговорил: ведь у них больше не было шамана. Он разволновался, заметив, что сауки смотрят на него. Если бы она была христианкой, то он, возможно, оказался бы достаточно слаб, чтобы озвучить то, во что не верил. На самом деле он совершенно не подходил для подобной роли. Неожиданно из глубин памяти всплыли слова:

«Ее корабль престолом лучезарным
Блистал на водах Кидна. Пламенела
Из кованого золота корма.
А пурпурные были паруса
Напоены таким благоуханьем,
Что ветер, млея от любви, к ним льнул.
В лад пенью флейт серебряные весла
Врезались в воду, что струилась вслед,
Влюбленная в прикосновенья эти.
Царицу же изобразить нет слов». [\[5\]](#)

Джей Гайгер уставился на него так, словно он обезумел. Клеопатра? Но Роб осознал, что видел в ней некое смутное величие, что она светилась не то королевским, не то святым светом и обладала необычной красотой. Она была лучше Клеопатры, ибо Клеопатра ничего не знала ни о личной жертве, ни о верности, ни о лечебных травах. Ему никогда больше не встретить похожую на нее женщину, и Джон Донн дал ему другие слова, которые он швырнул в лицо Черному Рыцарю:

«Смерть, не тщеславься: се людская ложь,
Что, мол, твоя неодолима сила...
Ты не убила тех, кого убила,
Да и меня, бедняжка, не убьешь». [\[6\]](#)

Когда стало очевидно, что больше он ничего не скажет, Джей откашлялся и произнес несколько фраз на незнакомом Робу Джею языке (тот решил, что это иврит). На мгновение он испугался, что Сара впутает сюда Иисуса, но она слишком смущалась. Маква успела научить сауков нескольким молитвенным песнопениям, и теперь они исполнили одно из них — вразнобой, но вместе:

*«Тти-ла-йе ке-ви-та-мо-не и-но-ки,
Тти-ла-йе ке-ви-та-мо-не и-но-ки-и-и.
Ме-ма-ко-те-си-та
Ке-те-ма-га-йо-се».*

Эту песню Маква часто пела Шаману, и Роб Джей заметил, что, хотя Шаман и не подпевал индейцам, его губы двигались в такт словам. Когда песня закончилась, закончились и похороны.

После похорон он отправился на поляну, где все и произошло. Земля была испещрена отпечатками копыт. Он спросил у Луны, нет ли среди сауков следопытов, на что она ответила, что все хорошие следопыты умерли. Как бы там ни было, к тому времени на поляне побывали помощники Лондона, и земля была утоптана лошадьми и людьми. Роб Джей знал, что он ищет. Он нашел ветку в кустах, куда ее отбросили. Она ничем не отличалась от любой другой ветки, за исключением того, что один ее конец был цвета ржавчины. Второй мокасин был отброшен чьей-то сильной рукой в лес на противоположном конце поляны. Больше он ничего не смог обнаружить и, завернув эти два предмета в кусок ткани, отправился в офис шерифа.

Морт Лондон принял документы и отчет без комментариев. Он был холоден и немногословен, возможно, потому, что его люди не заметили ветку и обувь, когда проводили осмотр места. Роб Джей не стал задерживаться.

Рядом с офисом шерифа, на крыльце магазина, его окликнул Джулиан Говард.

— У меня есть кое-что для вас, — сказал Говард. Он порылся в кармане, и Роб Джей услышал тяжелое брнчание больших монет. Говард протянул ему серебряный доллар.

— Не стоило торопиться, мистер Говард.

Но тот сунул монету ему в руку.

— Хочу отдать долг, — злобно заявил он, и Роб взял монету, не став напоминать ему, что долг составлял полтора доллара, если считать лекарства, которые он оставил пациентке про запас. Говард уже невежливо отвернулся.

— Как себя чувствует ваша жена? — спросил Роб.

— Намного лучше. Вы уже ей не нужны.

Это была хорошая новость: значит, доктору не придется пускаться в долгий и трудный путь. Вместо этого он отправился на ферму Шрёдеров, где Альма приступила к осенней уборке — в этом году раньше, чем в предыдущем; очевидно, все ребра у нее были целы. Затем он проведал Донни Бейкера: мальчика все еще лихорадило, а покрасневшая плоть ноги выглядела так, что ситуация могла повернуться в любую сторону. Роб не мог сделать ничего, кроме как сменить повязку и дать больному настойку опия, чтобы унять боль.

С этого момента и без того мрачное и унылое утро стало еще мрачнее. Последний визит он нанес на ферму Гилберта, где нашел Флетчера Вайта в ужасном состоянии: глаза у него были тусклыми и смотрели в никуда, худое старое тело тряслось от кашля, каждый вдох давался ему с трудом и причинял боль. «Ему же было лучше», — прошептала Сьюзи Гилберт.

Роб Джей знал, что у Сьюзи семеро по лавкам и куча работы по дому; она слишком рано перестала насыщать воздух паром и давать больному горячее питье, и Робу хотелось выругать и встряхнуть ее. Но когда он сжал ладони Флетчера, то понял, что старику недолго осталось жить, и последнее, чего ему хотелось, это внушить Сьюзи мысль, что отец умер именно по ее недосмотру. Он оставил им немного крепкого тоника Маквы, чтобы облегчить состояние Флетчера, и понял, что запасы тоника подходят к концу. Он много раз видел, как она варит его, и думал, что знает все его немногочисленные, простые и натуральные компоненты. Теперь ему придется готовить настойку самому.

По расписанию он должен был провести вторую половину дня у себя в медпункте, но, когда вернулся на ферму, там царил хаос. Сара была бледнее мела. Луна, не проронившая ни слезинки на похоронах Маквы, горько рыдала, а все дети были напуганы. Пока Роб Джей отсутствовал, пришли Морт Лондон и Фриц Грэм, его официальный заместитель, и еще — Отто Пферзик, специально приглашенный для данного случая. Они наставили ружья на Идет Поет. Морт объявил индейца арестованным. Затем они связали ему руки за спиной, привязали веревкой к луке седла и увели прочь, словно вола на привязи.

Последние индейцы в Иллинойсе

— Вы совершили ошибку, Морт, — сказал ему Роб Джей.

Морт Лондон чувствовал себя не в своей тарелке, но упрямо покачал головой:

— Нет. Мы думаем, что, скорее всего, именно этот здоровый сукин сын убил ее.

Когда Роб Джей был в офисе шерифа несколькими часами ранее, Лондон ничего не сказал ему о своем намерении ворваться на территорию его фермы и арестовать его работника. Что-то здесь было не так; случай Идет Поет напоминал болезнь без ярко выраженных симптомов. Доктор обратил внимание на местоимение «мы». Он знал, кто такие эти «мы», и чувствовал, что Ник Холден надеялся каким-то образом сколотить себе политический капитал на смерти Маквы. Но Роб старательно сдерживал порыв гнева.

— Серьезную ошибку, Морт.

— Есть свидетель, который видел большого индейца на той самой поляне, где ее нашли, незадолго до того, как это произошло.

Неудивительно, напомнил ему Роб Джей, ведь Идет Поет работает у него на ферме, а лес вдоль реки — ее часть.

— Я хочу внести залог.

— Мы не можем установить залог. Мы должны дождаться, когда сюда прибудет окружной судья из Рок-Айленда.

— Сколько времени на это уйдет?

Лондон пожал плечами.

— Одно из хороших нововведений англичан — это надлежащая правовая процедура. Предполагается, что и у нас она есть. Мы не можем торопить окружного судью из-за одного индейца. Пять, шесть дней. Может, неделя или около того.

— Я хочу повидаться с Идет Поет.

Лондон встал и провел его в карцер с двумя камерами, примыкавший к офису шерифа. Помощники сидели в тускло освещенном коридоре между камерами, держа ружья на коленях. Фриц Грэм, похоже, получал удовольствие от происходящего. Отто Пферзик выглядел так, словно ему очень хотелось сейчас оказаться на своей мельнице и делать муку. Одна из камер была пуста, в другой находился Идет Поет.

— Развяжите его, — коротко бросил Роб Джей.

Лондон медлил, и Роб Джей понял: они боятся приблизиться к своему заключенному. Над правым глазом у Идет Поет наливался большой синяк (от удара прикладом?). Он был

таким огромным, что самим своим видом внушал страх.

— Впустите меня туда. Я сам его развяжу.

Лондон открыл замок, и Роб Джей вошел в камеру.

— Пьяванегава, — произнес он, положив руку на плечо Идет Поет и назвав его настоящим именем.

Он зашел за спину индейца и стал дергать за узел на стянувшей его запястья веревке, но узел был слишком туго затянут.

— Придется резать, — сообщил он Лондону. — Дайте мне нож.

— Черта с два.

— Тогда ножницы, они у меня в сумке.

— Это тоже оружие, — проворчал Лондон, но позволил Грэму принести ножницы, и Роб Джей перерезал веревку. Он растирал запястья Идет Поет и, внимательно глядя ему в глаза, повторял, словно разговаривая со своим глухим сыном: — *Коусо вабески* поможет Пьяванегава. Мы — братья из одной Половины, Длинноволосых, *Киисо-кви*.

Он не обращал внимания на удивление, насмешку и презрение в глазах белых, слушающих его с другой стороны решетки. Он не знал, что из сказанного им Идет Поет понял. Глаза саука были темными и угрюмыми, но когда Роб Джей посмотрел в них, то увидел, что их выражение меняется, в них что-то вспыхнуло, но что — он не мог знать наверняка: возможно, ярость, а возможно, намек на возвращение надежды.

В тот же день он привел Луну повидаться с мужем. Она переводила допрос, который вел Лондон.

Допрос, похоже, совершенно сбил Идет Поет с толку.

Он сразу признал, что тем утром был на поляне. Время ходить в лес за припасами на зиму, сказал он, глядя на человека, который заплатил ему за эти припасы. И он искал сахарные клены, отмечая их в своей памяти, чтобы прийти к ним, когда наступит весна.

— Он живет в том же лонгхаусе, что и погибшая женщина, сказал Лондон.

— Да.

— Он когда-либо занимался с ней сексом?

Луна медлила с переводом. Роб Джей бросил на Лондона тяжелый взгляд, но затем коснулся руки индианки и кивнул, и она задала вопрос мужу. Идет Поет ответил сразу и без каких-либо проявлений гнева.

— Нет, никогда.

Когда допрос закончился, Роб Джей последовал за Мортом Лондоном в его офис.

— Вы можете сказать мне, почему арестовали этого человека?

— Я уже сказал вам. Свидетель видел его на поляне как раз перед тем, как женщину убили.

— Кто ваш свидетель?

— Джулиан Говард.

Роб спросил себя, что Джулиан Говард мог делать на его земле. Он вспомнил звон крупных монет, когда Говард рассчитался с ним за визит на дом.

— Вы заплатили ему за показания, — заявил он так уверенно, словно знал это наверняка.

— Ничего я ему не платил, — покраснев, возразил Лондон, но актер из него был никудышный и изобразить вспышку праведного гнева у него не получилось.

Значит, деньги свидетелю дал Ник, а еще влил в него большую дозу лести и заверений, что он безгрешен и просто выполняет свой долг.

— Идет Поет находился там, где и должен был, потому что работал на моей собственности. Вы могли бы точно так же арестовать меня за то, что земля, на которой убили Макву, принадлежит мне, или Джея Гайгера — за то, что он ее обнаружил.

— Если индеец не делал этого, это будет установлено во время справедливого суда. Он жил с погибшей.

— Она была его шаманом — кем-то вроде священника. Тот факт, что они жили в одном лонгхаусе, как раз делал секс между ними запретным, как между братом и сестрой.

— Люди убивают своих священников. И трахают собственных сестер, если уж на то пошло.

Роба Джея охватило такое отвращение, что он пошел было прочь, но вернулся.

— Еще не поздно все исправить, Морт. Работа шерифа — это, черт возьми, всего лишь работа, и если вы потеряете ее, то не умрете. Я думаю, что вы человек неплохой. Но стоит совершить нечто подобное один раз, и вы легко пойдете на это снова и снова.

Он совершил ошибку. Морт мог жить с пониманием того, что весь город в курсе, что он в кармане Ника Холдена, лишь пока никто не бросит ему этого в лицо.

— Я прочитал тот бред, который вы назвали отчетом о вскрытии, доктор Коул. Вам будет нелегко убедить судью и жюри из шести добропорядочных белых мужчин в том, что эта женщина была девственницей. Смазливая индианка ее лет, да еще и все в округе знают, что она была вашей женщиной. Вы достаточно насмехались надо мной своими проповедями. А теперь убирайтесь отсюда. И даже не думайте возвращаться, если только вам не придется побеспокоить меня по очень важному официальному вопросу.

Луна сказала, что Идет Поет боится.

— Я не думаю, что они причинят ему вред, — успокоил ее Роб Джей.

Она возразила: он боится не того, что его побьют.

— Он знает, что иногда белые вешают людей. Если саука задушить насмерть, он не сможет пересечь пенную реку и никогда не попадет в Страну на Западе.

— Никто его не повесит, — раздраженно сказал Роб Джей. — У них нет никаких доказательств, что он нарушил закон. Это все политические игры, и через несколько дней его отпустят.

Но ее страх оказался заразительным. Единственным адвокатом в Холден-Кроссинге был Ник Холден. В Рок-Айленде было несколько адвокатов, но Роб Джей не знал их лично. На следующее утро он навестил пациентов, требовавших пристального внимания, и отправился в главный город округа.

В приемной конгрессмена Стивена Хьюма посетителей было даже больше, чем в приемной Роба, и ему пришлось ждать почти полтора часа, пока его наконец впустили.

Хьюм внимательно выслушал его.

— Но почему вы пришли именно ко мне? — спросил он.

— Потому, что вы снова выставляете свою кандидатуру на эту должность и ваш противник — Ник Холден. По каким-то причинам, в которых я пока не разобрался, Ник старается доставить как можно больше неприятностей саукам вообще и Идет Поет в частности.

Хьюм вздохнул.

— Ник в одной связке со сторонниками решительных мер, и я не могу не отнестись к нему как к серьезному сопернику. Американская партия внушает родившимся в Америке ненависть и страх перед иммигрантами и католиками. У них в каждом городе есть конспиративная квартира с глазком в двери — так они могут не пускать тех, кто не является членом их организации. Их называют партией «Ничего не знаю», потому что, если у кого-то из них спросить о действиях этой партии, то он заученно ответит, что ничего об этом не знает. Они поощряют и применяют силу против иностранцев, и, как бы это помягче выразиться, «чищают» страну, с политической точки зрения. Иммигранты хлынули к нам настоящим потоком, но в данный момент семьдесят процентов жителей Иллинойса составляет коренное население, а из оставшихся тридцати процентов большинство не является гражданами и, соответственно, не голосует. В прошлом году «ничего не знающим» почти удалось посадить своего ставленника на пост губернатора в Нью-Йорке и получить сорок девять мест в законодательном органе. Союз «Ничего не знаю» и партии вигов играючи победил на выборах в Пенсильвании и Делавэре. Цинциннати тоже отошел к «Ничего не знаю», хоть и после жестокой борьбы.

— Но почему Ник преследует сауков? Уж они-то точно не иностранцы!

Хьюм поморщился.

— Очевидно, у него очень хорошо развит политический инстинкт. Каких-то девятнадцать лет назад в нашем округе индейцы устраивали массовую резню среди белых, и точно так же массово уничтожали друг друга. Множество людей погибло во время войны с Черным Ястребом. Девятнадцать лет — чрезвычайно короткий промежуток времени. Мальчики, пережившие набеги индейцев и впитавшие страх перед ними, сейчас стали избирателями, и они все еще ненавидят и боятся индейцев. Таким образом, мой достойный противник подливает масла в огонь. Накануне вечером, в Рок-Айленде, он напился до чертиков и долго разглагольствовал об индейских войнах, не забыв ни одного скальпирования, ни одного предполагаемого извращения. Потом он заявил собравшимся, что последние кровожадные индейцы в Иллинойсе собрались в вашем городке, где с ними носятся как с писаной торбой, и пообещал, что, когда его выберут в Палату представителей Соединенных Штатов, он позаботится о том, чтобы их вернули в резервацию в Канзасе, где им и место.

— Вы можете предпринять какие-то шаги, чтобы помочь саукам?

— Да какие еще шаги? — вздохнул Хьюм. — Доктор Коул, я политик. Индейцы не голосуют, и потому я не намерен публично отстаивать их интересы — личные или коллективные. Но если рассматривать вопрос с политической точки зрения, то мне выгодно разрядить ситуацию, потому что мой противник пытается использовать ее, чтобы пролезть в парламент. Двое судей Окружного суда, приписанные к данному округу, — distinguished Дэниэл П. Аллен и distinguished Эдвин Джордан. Судья Джордан нечист на руку, и он виг. Дэн Аллен — довольно хороший судья и еще лучший демократ. Я знаю его и достаточно долго работал с ним. Если председательствовать в этом деле будет именно он, то он не позволит людям Ника превратить суд в балаган, осудить вашего друга-саука при отсутствии достоверных улик и помочь Нику победить на выборах. Но кто из них будет вести это дело — он или Джордан — узнать совершенно невозможно. Если это будет Аллан, то он будет не более чем справедлив, но по крайней мере он будет справедлив. Ни один из адвокатов в городе не захочет защищать индейца, это правда. Лучший юрист здесь — один молодой человек по имени Джон Карленд. Давайте я побеседую с ним, посмотрю, нельзя ли

будет как-то выкрутить ему руки.

— Весьма благодарен вам, конгрессмен.

— Ну, это вы можете продемонстрировать на выборах.

— Я вхожу в те самые тридцать процентов. Я подал прошение о гражданстве, но ждать нужно три года...

— Значит, вы сможете проголосовать в следующий раз, когда я подам свою кандидатуру на переизбрание, — практично подошел к делу Хьюм. Он улыбнулся, когда они обменялись рукопожатием. — А пока скажите все своим друзьям.

Город не собирался слишком долго переживать из-за какой-то погибшей индианки. Куда интереснее было посплетничать об открытии Академии Холден-Кроссинга. Все жители города с радостью отдали бы небольшой участок своей территории для строительства школы, чтобы гарантировать поступление собственным детям, но было решено возвести учебное заведение где-нибудь в центре, и наконец городское собрание приняло три акра от Ника Холдена — к полному удовольствию последнего, поскольку место расположения будущей школы идеально совпало с тем местом, которое он выделял ей в своих давних «картах мечты» Холден-Кроссинга.

Бревенчатое здание однокомнатной школы возвели сообща. Как только работы начались, все воодушевились. Как обычно, полы стелили из неструганых досок. Мужчины привозили хорошие бревна с расстояния в шесть миль и потом пилили на доски. Вдоль одной стены разместили длинную полку — будущий общий стол, а перед ней поставили длинную скамью, чтобы ученики сидели лицом к стене, когда пишут, и разворачивались лицом к учителю во время ответа. По центру помещения поставили квадратную железную дровяную печь. Было решено, что занятия в школе должны начинаться каждый год после сбора урожая, а учебный год нужно разбить на три семестра по двенадцать недель в каждом; учителю станут платить по девятнадцать долларов в семестр плюс пансион. Закон предписывал, что учитель должен обладать квалификацией в чтении, письме и арифметике, а также разбираться либо в географии, либо в грамматике, либо в истории. Претендентов на должность учителя оказалось немного, потому что платили мало, а требовали много, но в конце концов город нанял Маршалла Байерса, двоюродного брата Пола Вильямса, кузнеца.

Мистер Байерс был худым молодым человеком с выпученными глазами, двадцати одного года от роду. Прежде чем переехать в Иллинойс, он учительствовал в Индиане, потому был знаком с практикой «размещения в семьях» — проживания в течение недели в семье одного ученика. Он сказал Саре, что с удовольствием погостит у них на Овечьей ферме, потому что любит ягненка в моркови больше, чем свинину с картофелем.

— Во всех остальных местах, когда подают мясо, это обязательно свинина с картофелем, одна только свинина с картофелем, — пожаловался он.

Роб Джей улыбнулся.

— Значит, Гайгеры вам тоже понравятся, — заметил он.

На Роба Джея учитель произвел тягостное впечатление.

Было что-то неприятное в том, как мистер Байерс тайком поглядывал на Луну и Сару, а на Шамана он уставился так, словно тот — уродец из бродячего цирка.

— Я с нетерпением жду встречи с Александром в школе, — сказал мистер Байерс.

— Шаман тоже с нетерпением ждет начала учебы, — спокойно заметил Роб Джей.

— Ну что вы, это абсолютно невозможно. Мальчик практически не говорит. И как

может ребенок, который не слышит ни единого слова, хоть чему-то научиться в школе?

— Он читает по губам. Он легко учится, мистер Байерс.

Мистер Байерс нахмурился. Он, похоже, собирался спорить дальше, но, увидев выражение лица Роба Джея, передумал.

— Разумеется, доктор Коул, — натянуто произнес он. — Разумеется.

На следующее утро, перед завтраком, в двери черного хода постучал Олден Кимбол. Он сходил в продуктовый магазин и горел желанием поделиться новостями.

— Эти чертовы индейцы! Они уже вконец обнаглели, — выпалил он. — Напились вчера вечером и сожгли дотла сарай — там, у монашек.

Луна опровергла обвинение сразу, как только Роб заговорил с ней на эту тему.

— Я была в лагере сауков вчера вечером с друзьями, и мы говорили об Идет Поет. То, что рассказали Олдону, — ложь.

— Возможно, они начали пить после того, как ты ушла.

— Нет. Это ложь. — Она держалась спокойно, но ее дрожащие пальцы уже развязывали передник. — Я схожу к Народу.

Роб вздохнул и подумал, что лучше сходить навестить католиков.

Он слышал, как их называют «эти чертовы коричневые тараканы», и понял почему, когда увидел их: они носили коричневые шерстяные одеяния, явно слишком теплые для осени, а в летнюю жару, должно быть, и вовсе невыносимо душные. Четыре из них работали на развалинах прекрасного шведского сарайчика, который Август Лунд с женой строили, преисполненные таких светлых юношеских надежд. Они рылись в обугленных остатках, все еще дымящихся в одном углу, пытаясь найти хоть что-то уцелевшее.

— Доброе утро! — крикнул он.

Монахини не заметили, как он подошел. Они заткнули нижнюю часть длинных одеяний за пояс, чтобы дать себе немного свободы движений во время работы, и теперь торопливо опускали юбки, прикрывая четыре пары крепких, одетых в белые чулки ног.

— Я доктор Коул, — представился он, слезая с лошади. — Ваш дальний сосед. — Они молча смотрели на него, и ему пришло в голову, что, возможно, они не понимают его языка. — Я могу поговорить с вашим руководителем?

— Вы хотели сказать — с матушкой-настоятельницей, — поправила его одна монашка; голос ее звучал не громче шепота.

Она шевельнула рукой и пошла в дом. Роб последовал за ней. Возле нового навеса с односкатной крышей, прислоненного к дому, какой-то старик, одетый в черное, вскапывал огород. Старик не проявил к Робу никакого интереса. Монахиня дважды постучала — стук ее был тихим, под стать голосу.

— Вы можете войти.

Коричневое одеяние прошло вперед и присело в реверансе.

— Этот джентльмен хочет видеть вас, ваше преподобие. Он врач и сосед, — все так же шепотом объяснила монахиня и снова присела в реверансе, прежде чем спастись бегством.

Матушка-настоятельница сидела на деревянном стуле за маленьким столиком. Лицо у нее, насколько позволял определить платок, было крупным, нос — широким и мясистым, насмешливые глаза — пронзительно-синие: светлее, чем у Сары, и вызывающие, а не милые.

Он представился и выразил сочувствие по поводу пожара.

— Можем ли мы чем-то помочь вам?

— Я уверена, Господь не оставит нас. — Ее речь выдавала прекрасное образование; она говорила с акцентом, и Роб решил, что она немка, хотя ее произношение не походило на выговор Шредёров. Возможно, они были из различных областей Германии.

— Присаживайтесь, — предложила она, указывая на единственный удобный стул в комнате, — настоящий трон, обитый кожей.

— Он проделал весь путь вместе с вами, в фургоне?

— Да. Когда епископ навестит нас, мы сможем предложить ему приличный стул, — с серьезным видом ответила монахиня.

Мужчины пришли во время повечерия, сообщила она. Все сестры были заняты молитвой и не расслышали шум и треск огня, но скоро почувствовали запах дыма.

— Мне сказали, что это были индейцы.

— Ничуть не более, чем те, кто устроил Бостонское чаепитие, — сухо заметила она.

— Вы уверены?

Она грустно улыбнулась.

— Они были пьяными белыми и ругались, как пьяные белые.

— Здесь есть сторонники Американской партии.

Она кивнула.

— Да, «ничего не знающие». Десять лет назад я жила во францисканском монастыре в Филадельфии, куда приехала из родного города — Вюртемберга. «Ничего не знающие» встретили меня неделей беспорядков, во время которых подверглись нападению две церкви, двенадцать католиков были забиты до смерти, десятки домов сожжены. И прошло немало времени, пока я поняла, что они — это еще не вся Америка.

Он кивнул. Он заметил, что они приспособили одну из двух комнат в доме из дерна, построенном Августом Лундом, под по-спартански убранную спальню. Раньше в этой комнате хранилось зерно, теперь в углу лежали тюфяки. Помимо ее столика, стула и трона епископа, из мебели здесь был большой и солидный обеденный стол и деревянные скамьи, и он похвалил работу столяра.

— Их сделал ваш священник?

Она улыбнулась и встала.

— Отец Рассел — наш священник. Сестра Мэри Питер Селестайн — наш плотник. Не желаете ли взглянуть на нашу часовню?

Он проследовал за ней в комнату, где Лунды ели, и спали, и любили друг друга и где умерла Грета Лунд. Стены побелили. Поставили деревянный алтарь, а перед ним — аналой, чтобы становиться на колени. Перед распятием на алтаре стояла большая свеча в красном стакане в окружении свечей поменьше. Также там находились четыре гипсовые статуэтки, очевидно, сгруппированные по половому признаку. Он узнал только Святую Деву Марию в правой части алтаря. Матушка-настоятельница пояснила, что рядом с Марией стоит святая Клара, которая основала их монашеский орден, а на противоположной стороне алтаря — святой Франциск и святой Иосиф.

— Мне сказали, вы собираетесь открыть школу.

— Вам сказали неправду.

Он улыбнулся.

— Вы действительно собираетесь обратить детей в папизм?

— А вот это не совсем неправда, — серьезно сказала она. — Через учение Христа мы

стараясь спасти душу ребенка, женщины или мужчины. Мы всегда стремимся подружиться, привлечь католиков из общины. Но основное, чем занимается наш орден — это выхаживание младенцев.

— Выхаживание младенцев! Но где вы собираетесь их выхаживать? Вы постройте здесь больницу?

— Увы, — вздохнула она. — Денег у нас нет. Святая Церковь купила эту собственность и отправила нас в это место. И теперь мы должны сами прокладывать себе путь. Мы уверены, что Бог обеспечит нас всем необходимым.

Он в этом уверен не был.

— Могу я обратиться к вашим медсестрам, чтобы они оказывали помощь больным?

— Переступив порог их жилищ? Нет, это никуда не годится, — твердо отрезала она.

Он почувствовал себя не в своей тарелке и собрался уходить.

— Я думаю, что сами вы не католик, доктор Коул.

Он покачал головой.

— Если будет необходимо помочь саукам, вы засвидетельствуете, что мужчины, которые сожгли ваш сарай, были белыми? — озвучил Роб внезапно промелькнувшую мысль.

— Разумеется, — холодно ответила она. — Ведь это чистая правда, разве нет?

Он догадался, что послушницы, должно быть, живут в постоянном страхе перед ней.

— Спасибо... — Он медлил, не находя в себе сил поклониться этой надменной женщине и назвать ее «ваше преподобие». — Как вас зовут, матушка?

— Я матушка Мириам Фероция.

В школе он углубленно изучал латынь: корпел над переводами Цицерона, неотступно следуя за Цезарем по тропам его Галльской войны. Он помнил достаточно, чтобы перевести ее имя с латыни — оно означало «Мария Мужественная». Но, думая об этой женщине — про себя, только про себя, — называл ее на английский манер: «Суровая Мириам».

Он не поленился съездить в Рок-Айленд, чтобы повидать Стивена Хьюма, и был немедленно вознагражден за свои усилия. Конгрессмен приготовил для него хорошие новости: заседание будет вести Дэниэл П. Аллан. Из-за нехватки улик судья Аллан считал, что Идет Поэт вполне можно выпустить под залог.

— Однако это преступление, наказуемое смертной казнью, и потому он не мог установить сумму залога меньше, чем в двести долларов. За поручителем вам придется отправиться в Рокфорд или Спрингфилд.

— Я найду деньги. Я ни за что не брошу Идет Поет, — пообещал Роб Джей.

— Хорошо. Молодой Карленд согласился представлять его интересы. При данных обстоятельствах вам лучше не околачиваться возле тюрьмы. Адвокат Карленд встретится с вами через два часа возле банка в Холден-Кроссинге.

— Хорошо.

— Возьмите банковскую тратту, выписанную на округ Рок-Айленд, подпишите ее и передайте Карленду. Остальное он сделает сам. — Хьюм улыбнулся. — Дело будет слушаться в ближайшие несколько недель. Поскольку участвовать в нем будут Дэн Аллан и Джон Карленд, то будьте уверены: уж они позаботятся о том, чтобы Ник, если ему вздумается раздуть это дело, выглядел ужасно глупо. — Его рукопожатие было твердым и внушающим оптимизм.

Прибыв домой, Роб Джей запряг лошадь в бакборд. Понимая, что в состав комитета по

организации торжественной встречи мужа обязательно должна входить жена, позвал Луну. Она вышла в обычном домашнем платье и шляпке, которая принадлежала Макве. Повозка тронулась в направлении банка. По тому, как Луна сидела в бакборде, выпрямив спину, более тихая, чем обычно, Роб понял, что она страшно нервничает.

Он привязал лошадь к столбу перед банком, индианка осталась в фургоне. Роб оформил тратту, получил ее и передал Джону Карленду, серьезному молодому человеку. Адвокат отозвался на знакомство с Луной вежливо, но сдержанно.

Когда Карленд оставил их, Роб Джей снова забрался на высокое сиденье бакборда, рядом с Луной. Он не стал отвязывать лошадь, и они сидели и смотрели на двери офиса Морта Лондона, находившегося дальше по улице. Солнце было жарким для сентября.

Им казалось, что они ожидают уже целую вечность. Наконец Луна коснулась его руки, потому что дверь открылась и оттуда вышел Идет Поет: ему пришлось наклониться, чтобы пройти в дверь. Следом за ним шел Карленд.

Они сразу заметили Луну и Роба Джей и двинулись к ним. То ли Идет Поет опьянел от радости, получив свободу, и не мог сдержаться, то ли инстинктивно почувствовал неладное и торопился побыстрее убраться оттуда, но он успел сделать только несколько длинных шагов, когда что-то пролаяло сверху и справа, а затем еще два громких звука донеслись с другой крыши, на противоположной стороне улицы.

Пьяванегава — охотник, вождь, герой «мяча и палки», должен был опуститься на землю величественно, словно гигантское дерево, но он упал неуклюже, как любой другой человек, и впечатался лицом в грязь.

Роб Джей мгновенно соскочил с повозки и кинулся к нему, но Луна была не в состоянии даже пошевелиться. Когда он подбежал к Идет Поет и перевернул его, то увидел то, о чем Луна уже догадалась. Одна пуля вошла точно в затылок. Другие две попали в грудь, оставив раны на расстоянии меньше дюйма друг от друга, и, скорее всего, вызвали смерть, войдя прямо в сердце.

Карленд подскочил к ним и беспомощно замер, охваченный ужасом. Еще через минуту из офиса шерифа вышли Лондон и Холден. Морт выслушал рассказ Карленда о том, что произошло, и принялся выкрикивать приказы, требуя проверить крыши на одной стороне улицы, а затем и на другой. Никто, похоже, не удивился, что там не обнаружили стрелка.

Роб Джей стоял на коленях рядом с Идет Поет, но уже через мгновение вскочил и встал лицом к лицу с Ником. Холден побледнел, однако оставался спокоен, словно подготовившись ко всему. Весьма некстати в данной ситуации Роб опять поразился, насколько тот красив мужской красотой. Роб заметил у Ника револьвер в кобуре и прекрасно осознавал, что его слова могут подвергнуть его опасности, что их следует выбирать чрезвычайно осмотрительно, но молчать не мог.

— Я больше никогда не хочу иметь с вами дело. По крайней мере, пока я жив, — заявил он.

Идет Поет отнесли в сарай на Овечьей ферме, и Роб Джей оставил его там, вместе с членами его семьи. На закате он зашел туда, чтобы отвести Луну и ее детей в дом и покормить их, и увидел, что их там уже нет, как и тела Идет Поет. Ближе к ночи Джей Гайгер обнаружил бакборд Коула и лошадь, привязанную к столбу перед его сараем, и отвел собственность Роба на Овечью ферму. Он сказал, что Маленький Рог и Каменный Пес ушли с его фермы. Луна и ее дети не возвращались. В ту ночь Роб Джей лежал без сна, думая об Идет Поет, чье тело, наверное, опустили в ничем не отмеченную могилу где-то в лесу у реки.

На чьей-то земле, которая некогда принадлежала саукам.

Роб Джей не получал новостей до середины утра следующего дня, когда Джей снова приехал к нему и сообщил, что ночью огромный сарай-склад Ника Холдена сгорел дотла.

— Без сомнения, на сей раз это были сауки. Они все скрылись. Ник провел большую часть ночи на пожаре, опасаясь, что огонь перекинется на его дом, и обещая вызвать ополчение и американскую армию. Он помчался в погоню за сауками, прихватив с собой около сорока мужчин, самых негодных охотников на индейцев, каких только можно представить: Морта Лондона, доктора Беккермана, Джулиана Говарда, Фрица Грэма, большинство завсегдаев бара Нельсона — половину пьяниц этой части округа, и все они воображают, что преследуют самого Черного Ястреба. Им повезет, если они не перестреляют друг друга, — завершил свой рассказ Гайгер.

Днем Роб Джей съездил в лагерь сауков. Все там указывало на то, что они уехали навсегда: куски бизоньих шкур больше не завешивали дверные проемы *гедоносо-те*, и они зияли, словно беззубые рты, на земле валялся обычный бытовой мусор. Он поднял консервную банку, и неровные края крышки сказали ему, что ее вскрыли ножом или птыком. На этикетке было написано, что банка содержала слепленные вместе половинки консервированных персиков из Джорджии. Он так и не смог убедить сауков в пользе выгребных ям, поэтому возвышенную грусть по поводу их отъезда отравлял слабый запах отходов жизнедеятельности человека. Когда ветер дул со стороны лагеря, он приносил это последнее напоминание о том, что из этих мест исчезло нечто ценное, что невозможно вернуть ни с помощью чар, ни с помощью политики.

Ник Холден и его банда преследовали сауков в течение четырех дней, но так и не смогли даже приблизиться к индейцам. Беглецы держались покрытых лесами районов вдоль Миссисипи и неуклонно двигались на север. Они не чувствовали себя дома на неизведанной территории, как многие из Народа, не дожившие до этого дня. Однако даже самый глупый индеец ориентировался в лесу куда лучше белых. Сауки возвращались по собственным следам, петляли, прокладывали ложные следы, и белые постоянно попадались на эти уловки.

Белые не прекращали преследования, пока не углубились в Висконсин. Было бы неплохо вернуться с трофеями — парочкой скальпов или ушей, — но они убеждали друг друга, что и так одержали «великую победу». Они остановились в Прери-дю-Шьен, закупили виски и напились. Фритци Грэм подрался с солдатом и угодил в тюрьму, но Ник вызволил его, убедив шерифа, что профессиональная этика требует оказать небольшую любезность навестившему его городок государственному деятелю. Вернувшись, тридцать восемь апостолов пошли дальше в своем вранье и распространили «благую весть» о том, что Ник Холден спас штат от краснокожей угрозы и что он вдобавок прекрасный товарищ.

В тот год осень выдалась мягкой, лучшей, чем лето, потому что все жучки погибли от ранних морозов. Золотое время, когда листья на деревьях у реки желтели холодными ночами, а дни стояли теплые и приятные. В октябре церковь призвала на свою кафедру преподобного Джозефа Хиллса Перкинса. Помимо зарплаты он попросил выделить ему жилье, и после сбора урожая был построен небольшой бревенчатый дом, куда пастор перебрался вместе со своей женой, Элизабет. Детей у них не было. Сара принимала активное участие в приготовлениях как член комитета по встрече.

Роб Джей нашел у реки отцветшие лилии и посадил их корни в ногах могилы Маквы. У сауков не было обычая отмечать границы могил камнями, но он попросил Олдена приладить

там доску из белой акации, которая не сгниет. Он решил, что увековечивать ее память английскими фразами не годится, и потому попросил Олдена вырезать на доске похожие на руны символы, которые она носила на теле, чтобы придать месту связь с ней. Он провел одну-единственную, да и то бессмысленную беседу с Мормом Лондоном в попытке заставить шерифа расследовать обе смерти: Маква-иквы и Идет Поет, но Лондон отказался, заявив, что он вполне удовлетворен итогом: ее убийцу застрелили, скорее всего, другие индейцы.

В ноябре на всей территории Соединенных Штатов граждане мужского пола старше двадцати одного года пошли на выборы. По всей стране рабочие бурно реагировали на конкуренцию за рабочие места, вызванную притоком иммигрантов. Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Хэмпшир, Массачусетс и Кентукки выбрали губернаторов от партии «Ничего не знаю». Целые парламенты, состоящие исключительно из представителей «ничего не знающих», были избраны в восьми штатах. В Висконсине «ничего не знающие» помогли одержать победу юристам-республиканцам, которые немедленно упразднили государственные службы иммиграции. «Ничего не знающие» победили в Техасе, Теннесси, Калифорнии, в Мэриленде и получили прекрасные результаты почти во всех Южных штатах.

В Иллинойсе они получили большинство голосов в Чикаго и в южной части штата. В округе Рок-Айленд нынешний конгрессмен Стивен Хьюм с разрывом в сто восемьдесят три голоса уступил место борцу с индейцами Николасу Холдену, который почти немедленно после выборов покинул округ, чтобы представить свой район в Вашингтоне, округ Колумбия.

Часть четвертая

Глухой мальчик

12 октября 1851 г.

30

Уроки

Строительство железной дороги началось в Чикаго. Вновь прибывшие из Германии, Ирландии и Скандинавии нашли работу, заключающуюся в продвижении сверкающих рельс через, главным образом, ровную территорию, пока наконец не дошли до восточного берега Миссисипи в Рок-Айленде. В то же самое время с другой стороны реки предприятие «Миссисипи энд Миссури рейлроуд компани» строило железную дорогу через штат Айова от Давенпорта до Каунсил-Блафса; кроме того, была основана компания «Миссисипи ривер бридж компани», чтобы соединить эти две железные дороги по мосту через великую реку.

Непостижимая загадка круговорота воды: одним теплым вечером, вскоре после заката, миллионы извивающихся водных личинок превратились в ручейников. Мириады подобных стрекозам насекомых, трепеща четырьмя серебристыми крылышками, вылетели из реки, толпясь и толкаясь, и упали на Давенпорт вьюгой из мерцающих снежинок, покрыли землю; лезли в глаза, уши и рты людей и животных и причиняли ужасные неудобства всякому, кто осмеливался выйти на улицу.

Ручейники жили только одну ночь. Их короткое нападение происходило несколько раз в году, и люди, живущие вдоль Миссисипи, воспринимали его как неизбежное зло. К рассвету вторжение заканчивалось, насекомые умирали.

Ровно в восемь утра на скамейках у береговой линии в прозрачных лучах осеннего солнца сидели четверо мужчин. Они курили, наблюдая, как бригады рабочих сметают

трупки снежных насекомых в сугробы, которые позже сгребали в фургоны, откуда сбрасывали обратно в реку. Вскоре к ним подъехал на лошади еще один мужчина, ведя в поводу четырех лошадей, и мужчины встали со скамеек и вскочили в седло.

Это было утро четверга. День выплаты жалованья. На Второй улице, в офисе «Чикагс энд Рок-Айленд рейлроуд», кассир и два клерка паковали деньги для выплаты зарплаты артели, строящей новый мост.

В восемь часов девятнадцать минут пятеро всадников подъехали к офису. Четверо из них спешили, оставив своего товарища сторожить лошадей, зашли внутрь. На них не было масок, и они походили на обычных фермеров, если не считать того, что были хорошо вооружены. Когда они тихо и вежливо выдвинули требования, один из клерков оказался настолько глуп, что попытался достать пистолет с полки; в него выстрелили, и он стал таким же мертвым, как и ручейники — пуля вошла в его голову. Оказывать сопротивление больше никто не пытался. Четыре налетчика спокойно собрали всю подлежащую выплате сумму — тысячу сто шесть долларов и тридцать семь центов — в грязный льняной мешок. Кассир позже сообщил властям о своей уверенности в том, что главарем шайки был человек по имени Фрэнк Мосби, в течение нескольких лет обрабатывавший землю на другом берегу реки, к югу от Холден-Кроссинга.

Время Саравыбрала неудачно. В то воскресное утро она задержалась в церкви, пока преподобный Перкинс не попросил верующих свидетельствовать. Собравшись с духом, она встала и вышла вперед. Еле слышным голосом она поведала священнику и собравшимся о том, что, овдовев в молодом возрасте, она вступила в связь, не освященную узами брака, и в результате родила ребенка. Теперь же, заявила она, ей хочется публично покаяться и отречься от греха через милость очищения Иисуса Христа.

Закончив, она подняла бледное лицо и посмотрела в полные слез глаза преподобного Перкинса.

— Восхвалим Господа, — прошептал он. Его длинные узкие пальцы сомкнулись на ее голове и заставили опуститься на колени. — Боже! — сурово воззвал он. — Избавь эту добрую женщину от греха, ибо ныне она облегчила свою душу здесь, в твоём доме, смыла прегрешение со своей души, сделав ее белой, как роза, чистой, как первый снег.

Бормотание собравшихся перешло в радостные крики.

— Восславим Господа!

— Аминь!

— Аллилуйя!

— Аминь, аминь.

Сара буквально ощущала, как светится ее душа. Ей казалось, что она может немедленно подняться на небеса, по мере того как сила Господа вливалась в ее тело через пять скрюченных пальцев мистера Перкинса.

Конгрегацию охватило волнение. Каждый человек знал об ограблении в офисе железной дороги и о том, что в главаре преступников опознали Фрэнка Мосби, чей покойный брат, Вилл (о чем ходили упорные слухи) зачал первого сына Сары Коул. Таким образом, собравшиеся в церкви оказались вовлечены в драматический момент признания и теперь бесцеремонно разглядывали лицо и тело Сары Коул, представляя себе множество развратных сцен, готовясь передать свои фантазии друзьям и соседям как достоверную информацию.

Когда мистер Перкинс позволил Саре вернуться на свое место на церковной скамье, к ней протянулось множество рук, и многочисленные голоса принялись бормотать слова радости и поздравления. Она очутилась в сиянии мечты, которая преследовала ее в течение многих лет и наконец сбылась. Она получила доказательство того, что Бог милостив, что христианское прощение делает возможной новую надежду и что ее приняли в мир, где правят любовь и милосердие. Это был самый счастливый момент в ее жизни.

На следующее утро состоялось открытие Академии, наступил первый день школьных занятий. Шаман наслаждался компанией восемнадцати детей разного возраста, резким запахом новенького здания и мебели, своей грифельной доской и мелками, своим экземпляром «Четвертой книги для чтения Мак-Гаффи», потертым и растрепанным, потому что школа в Рок-Айленде купила для своих учеников «Пятую книгу для чтения Мак-Гаффи» — более новый вариант учебника, а Академия Холден-Кроссинга выкупила у нее старые книги. Но почти немедленно на него навалились неприятности.

Мистер Байерс рассадил своих учеников в алфавитном порядке, в четырех группах соответственно возрасту; таким образом, Шаман оказался на одном конце длинного общего стола, а Алекс — на другом, слишком далеко, чтобы оказать ему хоть какую-то помощь. Учитель говорил нервно и быстро, и Шаману было тяжело читать у него по губам. Ученикам было велено нарисовать свои дома на грифельных досках, а затем написать свое имя, свой возраст, имя и род занятий отца.

С энтузиазмом начинающих ученики повернулись к столу и немедленно погрузились в работу.

Первый сигнал о том, что не все гладко, Шаман получил, когда деревянная указка стукнула его по плечу.

Мистер Байерс велел классу прекратить работу и снова встал перед учениками. Все повиновались, кроме глухого мальчика, который его не услышал. Когда Шаман испуганно обернулся, то увидел, что остальные смеются над ним.

— Теперь вы будете читать вслух слова на наших досках, когда вас вызовут, и показывать картинки классу. Начнем с тебя. — И указка снова опустилась на его плечо.

Шаман выполнил задание, запнувшись на некоторых словах. Когда он показал свою картинку и закончил ответ, мистер Байерс повернулся к Рэйчел Гайгер, сидевшей в другом конце комнаты. Хотя Шаман наклонился вперед как можно дальше, он не смог ни увидеть ее лицо, ни прочитать у нее по губам. Он поднял руку.

— Что?

— Простите, — сказал он, обращаясь к учителю, как его наставляла мать. — Отсюда я не вижу их лиц. Можно мне встать перед ними?

На последнем месте работы у Маршалла Байерса были серьезные проблемы с дисциплиной, иногда настолько серьезные, что он боялся заходить в класс. Эта школа была для него новым шансом, и он решительно настроился держать юных дикарей в ежовых рукавицах. Он решил, что один из способов достичь этого — заставить их сидеть на одних и тех же местах. В алфавитном порядке. В четырех небольших группах, согласно возрасту. Чтобы у каждого было свое место.

И он прекрасно понимал, что ни в коем случае нельзя позволить мальчишке стоять перед соучениками, когда они будут отвечать урок, и тарашиться им в рот, возможно, корчить рожи у него за спиной, побуждая их смеяться и громко шутить.

— Нет, нельзя.

Большую часть утра Шаман просто сидел, не в силах понять, что происходит вокруг него. На большой перемене дети вышли во двор и стали играть в салки. Он с удовольствием играл с ними, пока самый крупный мальчик в школе, Люк Стеббинс, не ударил Алекса, чтобы осалить его, да так, что тот растянулся на земле. Когда Алекс вскочил, сжав кулаки, Стеббинс подошел к нему.

— Хочешь драться, да? Тебе нельзя играть с нами. Ты ублюдок. Так говорит мой папа.

— Кто такой ублюдок? — спросил его Дэйви Гайгер.

— Разве ты не знаешь? — удивился Люк Стеббинс. — Это означает, что кто-то другой, а не его папа, какой-то грязный преступник, жулик по имени Вилл Мосби, сунул свою палку в дырку, откуда миссис Коул писает.

Когда Алекс бросился на более крупного мальчика, то получил болезненный удар в нос, отчего у него закапала кровь, а сам он шлепнулся на землю. Шаман наскочил на обидчика брата и получил такой удар по ушам, что кое-кто из других детей, совершенно запуганных Люком, отвернулся.

— Прекрати! Ему же больно! — закричала Рэйчел Гайгер, испепеляя его взглядом.

Обычно Люк слушал ее, изумленный тем, что в двенадцать лет у нее уже была грудь, но на этот раз он только усмехнулся.

— Он и так глухой. Никакого вреда его ушам не будет. Тупицы так смешно разговаривают, — весело добавил он, отвесив Шаману напоследок звонкую оплеуху. Если бы Шаман ей позволил, Рэйчел обняла бы и успокоила его. Братья, как они потом с ужасом вспоминали, сидели на земле и хором рыдали, а их одноклассники молча смотрели.

После обеда был урок музыки. На нем ученики разучивали мелодии и слова гимнов и псалмов — этот урок дети любили, потому что получали возможность отдохнуть от учебников. На это время мистер Байерс поручил глухому мальчику освободить от вчерашнего пепла ведро, стоявшее рядом с дровяной печью, и заполнить ящик для дров тяжелыми поленьями. Шаман решил, что ненавидит школу.

Именно Альма Шрёдер поделилась с Робом Джем своим восхищением по поводу исповеди Сары, считая, что ему все прекрасно известно. Как только он выяснил подробности, они с Сарой поссорились. Да, он знал, как она мучается, и теперь чувствовал ее облегчение, но его ошеломило и обеспокоило то, что она рассказала чужим людям такие интимные подробности своей жизни, и не важно, болезненные или наоборот.

— Они вовсе не чужие, — возразила она. — Братья и сестры во Христе, которые разделили мою исповедь, — сказала она и добавила: мистер Перкинс сообщил им, что любой желающий покреститься ближайшей весной должен получить отпущение грехов. Она растерялась, выяснив, что Роб Джей не понимает таких простых вещей; лично ей все было предельно ясно.

Когда мальчики начали приходить домой из школы со следами побоев, Роб Джей заподозрил, что по крайней мере некоторые из ее братьев и сестер во Христе не преминули поделиться с посторонними исповедями, свидетелями которых они стали в церкви. Его сыновья держали рот на замке, ничем не объясняя происхождение синяков. Обсуждать с детьми мать было недопустимо. Роб при каждом удобном случае признавался ей в своей любви и восхищении. Но о драках он с сыновьями поговорил.

— Просто не стоит бить кого-то, кто выведет вас из себя. Ситуация может быстро

выйти из-под контроля и даже привести к смерти. Ничто не оправдывает убийство.

Мальчики были озадачены: ведь речь шла о драках на кулаках в школьном дворе, не об убийствах.

— Но, папа, что тогда делать, если кто-то ударит тебя? — спросил Шаман.

Роб Джей сочувственно кивнул.

— Я знаю, что это трудно. Но нужно использовать мозги, а не кулаки.

Олден Кимбел случайно услышал этот разговор и, когда Роб ушел, подошел к братьям и с возмущением плюнул на землю.

— Черт подери! Черт подери! Ваш папа, возможно, один из самых умных людей, которые когда-либо появлялись на свет, но, думаю, даже он может ошибаться. Вот что я скажу: если кто-то ударит тебя, нужно просто прибить этого сукиного сына, иначе он не остановится!

— Но, Олден, Люк ужасно большой, — возразил Шаман. Его старший брат придерживался того же мнения.

— Люк? Это случайно не тот боров — сынок Стеббинса? Его Люк Стеббинс звать? — спросил Олден и снова сплюнул, когда они грустно закивали головами. — Когда я был молодым лесорубом, я был неплохим бойцом. Знаете, что это значит?

— Это когда драться неплохо умеешь? — предположил Алекс.

— Неплохо?! Я дрался лучше, чем «неплохо». Участвовал в кулачных боях на ярмарках, разных праздниках... Боролся со всеми, кто соглашался попробовать выстоять четыре раунда по три минуты каждый. Если бы они одолели меня, то получили бы три доллара. И могу вам сказать, что очень многие довольно-таки сильные парни пытались получить эти три доллара, ага.

— Ты заработал много денег, Олден? — спросил Алекс.

Лицо Олдена потемнело.

— Нет. У меня был менеджер, вот он-то и заработал много денег. Я два года этим занимался, летом и осенью. А потом я проиграл. Менеджер заплатил тому парню три доллара и нанял его — вместо меня. — Он посмотрел им в глаза. — Ну, к чему это я: если хотите хорошо драться, могу научить.

На него уставились две пары юных глаз. Две головы закивали в такт.

— Стоп, хватит! Просто скажите «да», ладно? — раздраженно буркнул Олден. — А то вы похожи на двух чертовых овец.

— Немного страха — штука хорошая, — заметил он. — Когда боишься, кровь течет быстрее. Но если позволишь себе напугаться слишком сильно, то уже ничего не сможешь сделать и проиграешь. Да, и слишком сильно злиться тоже нельзя. Когда злишься, начинаешь дико размахивать руками, и в результате раскрываешься и подставляешь себя под удар.

Шаман и Алекс застенчиво улыбались, но Олден был очень серьезен, когда показывал им, как держать руки: левую — на уровне глаз, чтобы защитить голову, правую — пониже, чтобы защитить туловище. Особое внимание уделил тому, чтобы они правильно собирали пальцы в кулак: требовал крепко прижимать друг к другу согнутые пальцы, так чтобы почувствовать кости — тогда удар будет такой, что противник решит, что у тебя в каждой руке по камню.

— Есть только четыре основных удара, — вещал Олден, — джеб левой, хук левой,

боковой правой, прямой правой. Джеб похож на укусы змеи. Немного жжет, но толку от него немного: он просто выводит противника из равновесия, открывает для кое-чего более серьезного. Хук левой хорош только на близком расстоянии, но эта штука уже помощнее: поворачиваешься влево, перемещаешь вес на правую ногу, с силой бьешь его по голове. Так, теперь боковой правой: перемещаешь вес на другую ногу, набираешь мощь от быстрого разворота корпуса, вот так... Мой любимый, прямой правой в корпус, я называю его «дубинка». Наклоняясь, поворачиваешься влево, перемещаешь вес на левую ногу и с силой выбрасываешь правый кулак прямо ему в живот, как будто у тебя не рука, а копьё.

Он повторял удары по очереди, чтобы мальчишки ничего не перепутали. В первый день он заставил их колотить воздух в течение двух часов, чтобы движение кулаком перестало быть непривычным, а сокращение мышц — непонятным. На следующий день они снова пошли на небольшую полянку позади хижины Олдена, где им никто не мешает, и так каждый день. Они по многу раз отработывали каждый удар, прежде чем он позволял им боксировать друг с другом. Алекс был старше брата на три с половиной года, но благодаря крупной фигуре Шамана создавалось впечатление, что разница между ними — не больше года. Они старались не сильно ушибить друг друга. Наконец, Олден начал выставлять мальчиков по очереди против себя и убеждал их бить с такой силой, какую им придется прилагать в настоящей драке. К их изумлению, он крутился на месте и уклонялся, или же блокировал каждый удар предплечьем, или парировал кулаком. «Видите, в том, чему я вас учу, нет никаких секретов. Ваш противник будет стараться нанести удар первым, а вы должны научиться защищаться». Он настаивал, чтобы в бою они держали подбородок как можно ниже, чтобы он упирался в грудную кость. Он показал им, как связывать противнику руки, входя в клинч, но предупредил Алекса, чтобы во время драки с Люком тот старался избегать клинча любой ценой. «Тот парень намного крупнее тебя, не прижимайся к нему, не дай ему опрокинуть тебя на землю и навалиться сверху».

Маловероятно, что Алекс сумеет одолеть такого крупного мальчишку, думал про себя Олден, но, возможно, Алекс достаточно сильно накажет Люка, чтобы тот оставил их в покое. Он не пытался сделать классных бойцов из мальчиков Коула. Он просто хотел, чтобы они могли защитить себя, и преподавал им только основы, поскольку его знаний хватало лишь на то, чтобы научить детей кулачному бою. Он даже не пытался объяснить им, что можно делать ногами. Несколько лет спустя он скажет Шаману, что, если бы сам знал хоть немного, как работать ногами, то, вероятно, никогда не стал бы ярмарочным бойцом за три доллара.

Раз пять Алекс думал, что готов бросить вызов Люку, но Олден удерживал его, обещая сказать им, когда Алекс будет по настоящему готов. А пока это время еще не настало. И потому каждый день Шаман и Алекс шли в школу, зная, что перемена будет для них очень тягостной. Люк привык воспринимать братьев Коул как дичь. Он молотил их кулаками, оскорблял, когда вздумается, называя их исключительно Болваном и Ублюдком. Во время игры в салки он злобно бил их, а в драке тыкал лицом в землю.

Но школьные беды Шамана не ограничивались стычками с Люком. Он видел только маленькую часть того, что говорилось на уроках в течение школьного дня, и с самого начала безнадежно отстал. Маршалл Байерс вовсе не переживал по этому поводу: он пытался объяснить отцу мальчика, что для глухих детей обычная школа совершенно не подходит. Но учитель вел себя очень осторожно, понимая, что, когда этот вопрос встанет снова, ему лучше

подготовить как можно больше доказательств своей правоты. И потому он тщательно вел записи плачевных результатов учебы Роберта Джея Коула и регулярно оставлял мальчика после уроков для дополнительных занятий, которые, однако, совершенно не поднимали его оценки.

Иногда мистер Байерс оставлял после уроков и Рэйчел Гайгер, к удивлению Шамана, так как Рэйчел считалась самой умной ученицей в школе. Когда это случалось, они возвращались домой вместе. И однажды, пасмурным днем, когда только что начал падать первый снег в году, она напугала его, разрыдавшись прямо посреди дороги.

Он перепугано уставился на нее, не зная, что делать.

Она остановилась и повернулась к нему, чтобы он мог читать у нее по губам.

— Этот мистер Байерс! Всякий раз, когда это возможно, он становится... слишком близко. И трогает меня.

— Трогает?

— Здесь, — ответила она, положив руку на верхнюю часть синего пальто. Шаман растерялся, не зная, как реагировать на подобное признание: он был еще слишком мал, чтобы понимать, что означают подобные жесты.

— Что мы можем сделать? — спросил он, больше себя, чем ее.

— Я не знаю. Я не знаю. — К его ужасу, Рэйчел снова разрыдалась.

— Значит, мне придется убить его, — тихо, но решительно заявил он.

Его слова так поразили ее, что она даже прекратила плакать.

— Это глупо.

— Нет. Я действительно это сделаю.

Снегопад усилился. Снежинки собирались у нее на шляпке и волосах. В ее карих глазах, на густых черных ресницах которых все еще блестели слезы, светилось удивление. Большая белая снежинка таяла на гладкой щеке, более темной, чем у него, где-то посередине между белизной кожи его матери и смуглостью Маквы.

— Ты правда сделал бы это ради меня?

Он попытался трезво рассмотреть такую возможность. Было бы здорово избавиться от мистера Байерса из-за собственных неприятностей, но именно ее проблемы с учителем склонили чашу весов, и он убежденно кивнул. От ее улыбки, удивленно отметил Шаман, ему стало хорошо-хорошо, как никогда раньше.

Она с важным видом коснулась его груди в том самом месте, которое объявила запретным для мистера Байерса.

— Ты мой преданный друг, а я — твой, — сказала она, и он понял, что так и есть. Они продолжили путь, и он неожиданно почувствовал, как девичья рука в рукавице скользнула в его ладонь. И ее синие рукавицы, и его красные связала ее мама, которая всегда дарила рукавицы членам семьи Коулов на день рождения. Несмотря на толстый слой шерсти, от ее руки исходили лучи тепла, согревшие ему руку до самого локтя. Но внезапно она снова остановилась и повернулась к нему лицом.

— А как ты... ну, ты знаешь... как ты это сделаешь?

Он помолчал, прежде чем извлечь из холодного воздуха выражение, которое часто и в разных ситуациях слышал от отца.

— Это нужно хорошенько обдумать, — ответил он.

Школьные годы

Роб Джей получал удовольствие от встреч в Медицинском обществе. Иногда они проводились с образовательной целью, но чаще просто давали возможность посидеть вечером в компании людей, которые могли поделиться опытом и с которыми он говорил на одном языке. На ноябрьской встрече Джулиус Бартон, молодой практик из северного округа, делал доклад об укусах ядовитых змей, а затем привел в пример несколько странных случаев укусов животных, с которыми ему довелось иметь дело, включая забавный случай, когда женщину укусили за пухлые ягодицы — настолько сильно, что пошла кровь.

— Ее муж сказал, что ее покусала собака, и этот факт делает данный случай особенно редким, поскольку, судя по следам, у их собаки зубы человеческие!

Чтобы не ударить в грязь лицом, Том Беккерман рассказал о любителе кошек, обратившемся к нему с жалобой на царапины в паху — это могли быть следы кошачьих когтей, а могло быть и иначе. Тобиас Барр заметил, что такие случаи к необычным не отнесешь. Буквально несколько месяцев назад он лечил мужчину от повреждений на лице.

— Он тоже сказал, что его поцарапала кошка, но, если так, у той кошки было только три когтя, и они были широкими, как у человека, — произнес доктор Барр, вызвав новый взрыв хохота.

Он сразу перешел к другой байке и был недоволен, когда Роб Коул перебил его и спросил, не мог бы он вспомнить, когда именно лечил пациента с царапинами на лице.

— Нет, — коротко буркнул он и вернулся к своей истории.

После встречи Роб Джей припер доктора Барра к стенке.

— Тобиас, тот пациент с поцарапанным лицом... Возможно ли, что вы осматривали его в воскресенье, третьего сентября?

— Точно сказать не могу. Я не вел записей. — Доктор Барр немедленно принялся отстаивать свое право не вести учет, зная, что доктор Коул предпочитает более научный подход к лечению. — Ради Бога, нет никакой необходимости делать запись по поводу каждой мелочи, верно же? Особенно в случае с таким пациентом: путешественником из другого округа, который был здесь проездом. Вероятно, я никогда больше его не увижу, и еще более вероятно, что мне не доведется лечить его.

— Проповедник? Помните его имя?

Доктор Барр наморщил лоб, глубоко задумался, но покачал головой.

— Может быть, Паттерсон? — не отставал от него Роб Джей. — Элвуд Р. Паттерсон?

Доктор Барр недоуменно уставился на него.

Насколько доктор Барр помнил, пациент не оставил точного адреса.

— Кажется, он сказал, что приехал из Спрингфилда.

— А мне — что из Чикаго.

— Он обращался к вам по поводу сифилиса?

— Третичная стадия.

— Да, третичный сифилис, — кивнул доктор Барр. — Он спрашивал меня об этом, когда я наложил повязку ему на лицо. Такой тип людей — хочет за свой доллар получить как можно больше. Если бы у него был мозоль на пятке, он непременно попросил бы меня

удалить его — раз уж он все равно зашел ко мне. Я продал ему бальзам от сифилиса.

— Я тоже, — сказал Роб Джей, и они понимающе улыбнулись.

Доктор Барр неожиданно нахмурился.

— Он удрал, не расплатившись с вами, да? Поэтому вы его ищете?

— Нет. Я вскрывал тело женщины, которую убили в тот день, когда вы обследовали его. Ее изнасиловали несколько человек. Под тремя ногтями я обнаружил кожу — вероятно, с того места, которое она поцарапала одному из них.

Доктор Барр хрюкнул.

— Я помню, что у дверей моей приемной его ждали двое других мужчин. Спешились и расселись у меня на ступеньках. Один был крупным, тяжелым, как медведь перед спячкой, с толстым слоем жира. Другой, напротив, был худощав и помоложе. У него на щеке, под глазом, я разглядел капиллярную гемангиому. Кажется, под правым глазом. Я не слышал, как их зовут, и больше ничего о них не помню.

Президент Медицинского общества имел склонность ревновать коллег к их профессиональным успехам и при случае бывал напыщенным, но Робу Джею он всегда нравился. Он поблагодарил Тобиаса Барра и откланялся.

Со времени их последней встречи с Коулом Морт Лондон успокоился: Ник Холден уехал в Вашингтон, а он сам будет крепко держать язык за зубами. Шериф выслушал Роба Джея, сделал пометки относительно особых примет Элвуда Паттерсона и двух других мужчин и с кислым видом пообещал навести справки. Роб сильно подозревал, что записи попадут в корзину для бумаг сразу же после того, как он выйдет из офиса Лондона. Если бы Роб мог выбирать между сердитым Муртом или елейно-дипломатичным, он предпочел бы сердитого.

Роб Коул стал проводить собственное расследование. Кэррол Вилкенсон, агент по операциям с недвижимостью и страхованию, был председателем пасторского комитета церкви, и он всегда организовывал приезд проповедников — до того момента, как церковь вызвала мистера Перкинса. Как хороший бизнесмен, Вилкенсон вел записи по всем аспектам своей деятельности.

— Вот, — сказал он, доставая свернутую афишу. — Взял это во время встречи страховщиков в Гейлсберге. — На афише христианским церквям предлагалось заказать посещение проповедника, который прочтет проповедь о Божественных планах на долину реки Миссисипи. Заказ ничего не будет стоить приглашающей церкви, поскольку все расходы проповедника понесет организация «Старс энд страйпс релиджиус инститьют», 282 Палмер-авеню, Чикаго. — Я написал им письмо и предложил три открытые воскресные даты. Они ответили, что Элвуд Паттерсон прочтет проповедь третьего сентября. Они позаботились обо всем. — Он признал, что проповедь Паттерсона не пользовалась особым успехом. — Главным образом в ней нас предостерегали от доверия католикам. — Он улыбнулся. — Никто особо не возражал против этого, если хотите знать. Но затем он добрался до людей, которые приехали в долину Миссисипи из других стран. Заявил, что они воруют рабочие места у коренного населения. Люди, которые не родились здесь, просто кипели от возмущения. — Нет, адреса для пересылки почты Паттерсону у него нет. — Никто и не думает еще раз приглашать его. Последнее, что нужно такой новой церкви, как наша, это получить проповедника, который станет срашивать членов конгрегации между собой.

Айк Нельсон, владелец салуна, хорошо запомнил Элвуда Паттерсона.

— Да, они были здесь в субботу, поздно вечером. Он тот еще пьяница, этот Паттерсон, и двое его приятелей, которых он привел с собой, тоже. Денег не жалели, но проблем от них было больше, чем выручки. Здоровяк, Хэнк, все время орал мне, чтобы я пошел к черту и вернулся с проститутками, но, стоило ему напиться, о женщинах уже не вспоминал.

— А фамилию этого Хэнка не подскажите?

— Забавная такая. «Чихать», кажется... А, точно: Кофф! ^[7]Хэнк Кофф. Второго парня — того, что покороче, помоложе и потоньше, — они называли Лен. Иногда Ленни. А вот фамилию не помню, чтобы слышал. У него еще было фиолетовое пятно на лице. Хромал при ходьбе, словно у него одна нога короче другой.

Тоби Барр не упоминал хромоту; возможно, он просто не видел, как тот человек ходит, подумал Роб.

— На какую ногу он хромал? — спросил он, но бармен лишь недоуменно посмотрел на него.

— Он ходил вот так? — спросил Роб и прошелся перед стойкой, припадая на правую ногу. — Или вот так? — И стал припадать на левую.

— Он не так сильно хромал, это вообще было почти незаметно. Я не знаю, на какую ногу. Знаю только, что желудки у них бездонные. Паттерсон выложил на стойку хорошую такую пачку банкнот и сказал, чтобы я наливал почаще, ну и себя не забывал. В конце вечера мне пришлось послать за Мормом Лондоном и Фритци Грэмом, дать им несколько долларов из пачки, чтобы они отволокли тех троих назад в пансион Анны Вайли и положили в кровать. Но мне говорили, что на следующий день, в церкви, Паттерсон был трезв как стеклышко и ни разу не запнулся во время проповеди. — Айк расплылся в улыбке. — Вот это проповедник, я понимаю!

За восемь дней до Рождества Алекс Коул пришел в школу, получив от Олдена разрешение подраться.

В перерыве Шаман смотрел, как его брат идет через школьный двор. К своему ужасу, он заметил, что коленки у Старшего дрожат.

Алекс шел прямо туда, где стоял Люк Стеббинс с группой мальчиков, которые прыгали в пушистый снег на неубранной части двора. Ему улыбнулась удача: Люк уже дважды пробежался, неуклюже прыгнул и, чтобы получить хоть какое-то преимущество, снял тяжелую куртку из воловьей кожи. Если бы он не снял куртку, то бить по нему кулаком было бы все равно что по деревяшке.

Люк решил, что Алекс тоже хочет поучаствовать в соревнованиях по прыжкам, и приготовился немного поиздеваться над ним. Но Алекс подошел к нему и залепил правой прямо в растянутые в усмешке губы.

Он совершил ошибку и начал поединок не очень удачно. Олден дал ему подробные инструкции. Первый неожиданный удар следовало нанести в живот, чтобы, если повезет, заставить противника хватать ртом воздух, но от страха Алекс забыл все наставления Олдена. Удар разбил Люку нижнюю губу, и он яростно набросился на Алекса. Вид нападающего Люка был таким страшным, что еще два месяца назад Алекс замер бы на месте, но он уже привык к тому, что на него то и дело нападали Олден, и теперь просто отошел в сторону. Когда Люк по инерции пробежал мимо, Алекс нанес жалящий джеб левой по уже пострадавшей губе. Затем, когда более крупный мальчик начал замедлять ход и прежде, чем он успел остановиться, Алекс нанес еще два удара по тому же самому

болезненному месту.

Из всех углов двора к дерущимся сбегались ученики. При первом же ударе Шаман начал поддерживать брата криками. Вторая серьезная ошибка Алекса состояла в том, что он обернулся на голос Шамана. Большой кулак Люка угодил ему под правый глаз, так что Алекс потерял равновесие. Но Олден хорошо выполнил свою задачу: Алекс понял, что падает, тут же начал выпрямляться и уже снова стоял на обеих ногах, приготовившись отражать нападение Люка, который, ослепнув от бешенства, мчался на него.

Лицо у Алекса онемело, а правый глаз немедленно заплаыл и начал закрываться, но, как ни странно, мальчик твердо стоял на ногах. Он собрался с силами и стал делать то, что отработывал каждый день вместе с наставником. Левый глаз остался цел, и он не сводил его с того места, о котором ему твердил Олден: с груди Люка, благодаря чему он видел, куда поворачивается его корпус и какой рукой он собирается бить. Он попытался заблокировать только один жуткий удар, от которого у него занемела вся рука, до плеча; Люк был слишком сильным. Алекс уже начинал уставать, но он раскачивался и уклонялся, стараясь не думать о том, какие повреждения может нанести ему Люк, если хоть один из его ударов достигнет цели. Его собственная левая рука вырвалась вперед, припечатав рот и лицо Люка. Сильный первый удар, который начал драку, расшатал Люку передний зуб, а несмолкаемая дробь последующих джебов закончила дело. К восхищению и ужасу Шамана, Люк разъяренно потрянул головой и сплюнул зуб в снег.

Алекс отметил эту небольшую победу, снова нанес джеб левой, а затем — неуклюжий боковой правой, который угодил Люку прямо в нос, так что оттуда хлынула кровь. Люк растерянно поднял руки к лицу.

— «Дубинкой» его, Старший! — закричал Шаман. — «Дубинкой»! — Алекс услышал брата и изо всех оставшихся сил впечатал правую руку Люку в живот, так что противник согнулся пополам и стал ловить ртом воздух. Драка закончилась, потому что наблюдавшие за ней дети бросились врассыпную от учителя. Стальные пальцы скрутили ухо Алекса, и он увидел свирепый взгляд мистера Байерса, объявляющего о том, что перемена закончилась.

В школе и Люка, и Алекса поставили перед другими учениками, под большим знаком, где было написано «МИР НА ЗЕМЛЕ», в качестве примера отвратительного поведения.

— В моей школе дракам не место, — холодно заявил мистер Байерс. Он взял прут, который использовал как указку, и наказал обоих драчунов пятью энергичными ударами по открытым ладоням. Люк громко ревел. Нижняя губа Алекса дрожала, когда он получал свою долю наказания. Его распухший глаз уже приобрел цвет старого баклажана, а правая рука болела с обеих сторон: костяшки он ободрал в драке, а ладонь покраснела и распухла от порки мистера Байерса. Но когда он посмотрел на Шамана, братьев переполнило чувство удовлетворения от выполненного дела.

Уроки закончились. Дети вышли из здания и отправились по домам. Вокруг Алекса собралась группа учеников: они смеялись и забрасывали его восхищенными вопросами. Люк Стеббинс шел один, угрюмый и по-прежнему растерянный. Шаман Коул подбежал к нему. Люк в отчаянии было подумал, что и младший брат собирается взять его в оборот. Он поднял руки: левую сжал в кулак, а правую повернул открытой ладонью вперед, почти умоляюще.

Шаман вежливо, но твердо сказал ему:

— Теперь ты будешь называть моего брата Александром. А меня — Робертом.

Роб Джей написал в «*Старз энд страйпс релиджиус институт*» письмо, где заявил, что хотел бы связаться с преподобным Элвудом Паттерсоном по духовному вопросу, и попросил институт сообщить ему адрес мистера Паттерсона.

На то, чтобы получить от них ответ (если они все-таки решат ответить), понадобились бы недели. Тем временем он никому не говорил о том, что обнаружил, и о своих подозрениях — вплоть до одного вечера, когда они с Гайгерами закончили играть «Маленькую ночную серенаду» Моцарта. Сара и Лилиан болтали в кухне, готовя чай и нарезаая фунтовый пирог, а Роб Джей облегчал душу перед Джейем.

— Что мне делать, если я все-таки найду этого проповедника с поцарапанным лицом? Я знаю, что Морт Лондон не будет лезть из кожи вон, чтобы отдать его под суд.

— Тогда ты должен устроить такой скандал, который услышат в самом Спрингфилде, — посоветовал ему Джей. — И если и власти штата тебе не помогут, нужно обращаться в Вашингтон.

— Никто из представителей власти не пожелал и пальцем пошевелить из-за одной мертвой индианки.

— В таком случае, — предложил Джей, — если у нас будут доказательства вины, нам придется собрать группу борцов за справедливость, которые знают, как пользоваться оружием.

— Ты бы так и сделал?

Джей удивленно посмотрел на него.

— Конечно. А ты разве нет?

И Роб рассказал Джейю о своей клятве не применять насилие.

— Ну, я таких клятв не давал, друг мой. Если плохие люди угрожают мне, я могу и ответить.

— Ваша Библия говорит: «Не убий».

— Ха! Она также говорит: «Око за око, зуб за зуб». И еще: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти».

— А как же «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»?

— Это уже не из моей Библии, — возразил Гайгер.

— Да, Джей, в этом-то и беда: Библий слишком много, и каждая из них утверждает, что именно она — единственно верная.

Гайгер сочувственно улыбнулся.

— Роб Джей, я никогда не стал бы пытаться убедить тебя отказаться от вольнодумства. Но хочу привести тебе еще одну цитату: «Начало мудрости — страх Господень». — Женщины внесли чай, и беседа перешла на другие темы.

После этого разговора Роб Джей часто думал о друге, иногда с обидой. Джейю легко говорить! Несколько раз в день он надевал бахромчатый платок для молитвы, и его окутывала безопасность и утешение по поводу вчера и завтра. Все предписано: это разрешено, то — запрещено, направление движения четко оговорено. Джей верил в законы Иеговы и человека, и ему только и нужно было, что придерживаться древних указов и решений Генеральной ассамблеи Иллинойса. Откровением же Роба Джея была наука — вера куда менее удобная и гораздо менее утешительная. Ее божеством была истина, благодатью — доказательства, литургией — сомнение. Она содержала столько же тайн, сколько и другие религии, и изобиловала темными тропами, которые вели к серьезным опасностям, ужасающим утесам и самым глубоким ямам. Никакая высшая сила не проливали

на нее свой свет, чтобы осветить темный и мрачный путь, и ему приходилось полагаться лишь на собственный, несовершенный суд, в выборе пути к безопасности.

В холодный, по сезону, четвертый день нового 1852 года в здание школы снова пришло насилие. В то морозное утро Рэйчел опаздывала. Когда она пришла, то тихонько проскользнула на свое место на скамье, даже не улыбнувшись Шаману и не поздоровавшись с ним, вопреки обыкновению. Он с удивлением заметил, что за ней в здание школы вошел ее отец. Джейсон Гайгер приблизился к столу и посмотрел на мистера Байерса.

— Да ведь это мистер Гайгер! Мое почтение, сэр. Чем обязан?

Указка мистера Байерса лежала на столе; Джей Гайгер поднял ее и ударил учителя по лицу.

Мистер Байерс вскочил на ноги, опрокинув стул. Он был на голову выше Джея, но обычного телосложения. Впоследствии инцидент станут вспоминать как комичный: толстоватый коротышка гоняется за более высоким и молодым человеком с его собственной указкой; рука коротышки поднимается и опускается; на лице мистера Байерса застыло недоумение. Но в то утро над Джейем Гайгером никто не смеялся. Ученики сидели, замерев и едва дыша. Они верили своим глазам не больше, чем мистер Байерс — своим; это было даже более невероятно, чем драка Алекса и Люка. Шаман в основном смотрел на Рэйчел: он заметил, что на ее лицо легла тень замешательства, но в то же время оно было необычно бледным. У него возникло ощущение, что она пытается стать такой же глухой, как и он, и еще слепой ко всему, что происходило вокруг.

— Что, черт возьми, вы делаете? — Мистер Байерс поднял руки, чтобы прикрыть лицо, и завизжал от боли, когда указка проехала по его ребрам. Он угрожающе шагнул к Джею. — Ты, чертов идиот! Чокнутый жиденок!

Джей продолжал наносить удары учителю и теснить его к двери, пока мистер Байерс не выбежал за дверь и не хлопнул ею напоследок. Джей взял пальто мистера Байерса и бросил его на снег, а затем вернулся в класс, тяжело дыша, и сел на учительский стул.

— Школа отменяется до конца дня, — сказал он наконец, забрал Рэйчел и отвез ее домой на лошади, а его сыновья пошли домой вместе с мальчиками Коулами.

На улице стоял трескучий мороз. Шаман укутался в два шарфа сразу: один обмотал вокруг головы и провел концы под подбородком, а другим закрыл рот и нос, но ноздри у него все равно на мгновение слипались от холода — каждый раз, когда он делал вдох.

Когда они добрались домой, Алекс вбежал внутрь, чтобы рассказать матери, что произошло в школе, а Шаман прошел мимо дверей и направился к реке, где, как он видел, лед раскололся от холода и, наверное, издал при этом замечательный звук. Холод расколол и большой тополь, недалеко от заснеженного *гедоносо-те* Маквы; выглядело это так, словно в дерево попала молния.

Он обрадовался, что Рэйчел все рассказала Джею. Он чувствовал облегчение оттого, что теперь не обязан убивать мистера Байерса, а значит, скорее всего, его никогда не повесят.

Но один вопрос не давал ему покоя и зудел, словно комариный укус: если Олден считал, что в определенных ситуациях драться — хорошо, и если Джей считал, что драться, чтобы защитить дочь, — это хорошо, то что не так с его отцом?

В течение нескольких часов после того, как Маршалл Байерс сбежал из Холден-Кроссинга, был назначен специальный комитет для поиска нового учителя. В комитет включили и Пола Вильямса, дабы продемонстрировать, что никто не обвиняет кузнеца в том, что его кузен оказался паршивой овцой. Джейсона Гайгера включили для того, чтобы показать: люди верят, что он поступил правильно, выгнав мистера Байерса. Кэррола Вилкенсона включили в состав комитета (кстати, к счастью), потому что страховой агент только что выплатил небольшой полис страхования жизни, который был оформлен на Джона Мередита его отцом. Мередит, владелец магазина в Рок-Айленде, как-то признался Кэрролу, как он благодарен своей племяннице, Дороти Барнем, за то, что та оставила свою работу школьной учительницы и ухаживала за его отцом до самой его смерти. Комитет по найму провел собеседование с Дороти Барнем. Вилкенсону понравилось ее простое лицо и то, что она была старой девой лет тридцати, а значит, ей вряд ли придется бросать работу в школе в связи с замужеством. Пол Вильямс потому поддержал ее кандидатуру, что чем скорее они наймут нового учителя, тем быстрее люди забудут о его проклятом кузене, Маршалле. Джею она приглянулась тем, что говорила о преподавании так спокойно, уверенно и с такой теплотой, что становилось ясно: это ее призвание. Они наняли ее за семнадцать долларов пятьдесят центов за семестр, на полтора доллара меньше, чем мистера Байерса, потому что она была женщиной. Спустя восемь дней после того, как мистер Байерс выбежал из здания школы, мисс Барнем приступила к своим обязанностям. Она решила не менять принцип рассаживания детей в классе, который ввел мистер Байерс, потому что дети привыкли к этому. До этой школы она преподавала в двух других: одна находилась в деревне Блум и была меньше нынешней, а вторая находилась в Чикаго и была больше. Единственным физическим недостатком, с которым она уже сталкивалась у ребенка, была хромота, и она очень заинтересовалась, узнав, что среди ее подопечных есть глухой мальчик.

Во время первого разговора с юным Робертом Коулом ее поразило то, что он умеет читать по губам. Она разозлилась на саму себя за то, что лишь после обеда поняла: сидя на своем обычном месте, этот мальчик не видит, что говорят остальные дети. В здании школы был один свободный стул — им пользовались взрослые, заходившие в школу, и мисс Барнем отдала его Шаману, поставив его перед скамьей и немного сбоку, чтобы он видел ее губы и губы своих одноклассников.

Еще одна большая перемена для Шамана произошла, когда настало время для урока музыки. По привычке он начал доставать золу из печи и носить дрова, но на сей раз мисс Барнем остановила его и попросила занять свое место на стуле.

Дороти Барнем давала ученикам ноту, дую в маленькую круглую дудочку, и затем учила их произносить фразы по восходящей гамме: «На-ша-шко-ла-рай-зем-ной!», а затем — по нисходящей: «Не-рас-ста-нем-ся-с то-бой!» К середине первой песни стало ясно, что она оказала медвежью услугу глухому мальчику, включив его в занятие: юный Коул просто сидел и смотрел, и скоро в его глазах появилось унылое терпение, которое она нашла невыносимым. И она решила дать ему какой-нибудь инструмент, через колебания которого он мог бы «услышать» ритм музыки. Может, барабан? Но шум барабана будет заглушать пение других детей.

Она немного подумала над возникшей проблемой, а затем отправилась в

«Универсальный магазин Гаскинса» и попросила коробку из-под сигар, куда положила шесть красных шариков — таких, которыми играют мальчишки. Если трясти коробку, шарики производили слишком много шума, но когда она оклеила внутренности коробки мягкой синей тканью от негодной женской сорочки, результат ее удовлетворил.

На следующее утро во время урока музыки Шаман держал коробку, а мисс Барнем, держа его за запястье, встряхивала его руку, демонстрируя каждую ноту, пока ученики пели патриотическую песню. Он разобрался, что к чему, читая по губам учительницы и соотнося прочитанное с сотрясением коробки. Петь он не мог, но зато познакомился с ритмом и расчетом времени, произнося одними губами текст каждой песни, которую пели его одноклассники, быстро привыкшие к тихому шороху «коробки Роберта». Шаману коробка из-под сигар очень понравилась. На ее крышке была изображена темноволосая королева с могучей, прикрытой шифоном грудью, были написаны такие слова: «*Panatellas de la Jardines de la Reina*» и стоял штамп нью-йоркской фирмы «Готтлиб табакко импортинг компани». Когда он поднес коробку к носу, то уловил запах ароматического кедра и слабое благоухание кубинского листа.

Мисс Барнем скоро распорядилась, чтобы все мальчишки по очереди приходили в школу раньше остальных, выгребали золу и приносили дрова. Хотя сам Шаман никогда не рассматривал свою судьбу под этим углом, но, как ни крути, его жизнь резко изменилась благодаря тому, что Маршалл Байерс оказался не в состоянии воздержаться от поглаживания юных грудей.

В начале марта, когда морозы еще не отступили и прерия по-прежнему лежала скованная твердым, словно кремь, льдом, в приемной Роба Джея каждое утро толпились пациенты, а когда время приема больных заканчивалось, он старался как можно чаще выезжать с визитами, потому что через несколько недель грязь сделает поездки если не невозможными, то весьма затруднительными. Когда Шаман был не в школе, отец позволял сыну составлять ему компанию во время таких визитов: мальчик брал на себя заботу о лошади, что позволяло доктору сразу же по приезду заходить в дом, к пациенту.

Одним свинцово-серым днем, ближе к вечеру, посетив Фредди Волла, подхватившего плеврит, они ехали по дороге вдоль реки. Роб Джей раздумывал, что делать дальше: посетить ли Энн Фрейзер, проболевшую всю зиму, или отложить визит до завтра. Неожиданно из-за деревьев показались три всадника. Они были тепло одеты и укутаны в шарфы, как и двое Коулов, но от внимания Роба Джея не укрылся тот факт, что у каждого из незнакомцев было с собой оружие: револьвер за кушаком, перетягивавшим толстую шубу, и ружье в чехле, у передней части седла.

— Ты ведь доктор?

Роб Джей кивнул.

— А вы кто?

— Нашему другу нужен доктор. Очень нужен. Несчастный случай.

— Что произошло? Вы думаете, он себе что-то сломал?

— Нет. Ну, наверняка не скажешь. Может, и сломал. Получил пулю. Вот сюда, — сказал незнакомец, похлопав ладонью по левой руке в районе плеча.

— Сильное кровотечение, да?

— Нет.

— Хорошо, я приеду, но сначала отвезу домой мальчика.

— Нет, — повторил мужчина, и Роб Джей удивленно посмотрел на него. — Мы знаем, где вы живете, это на другой стороне города. До друга ехать далеко и в другом направлении.

— Как далеко ехать?

— Больше часа.

Роб Джей со вздохом согласился:

— Показывайте дорогу.

Дорогу показывал тот самый мужчина, который вел весь разговор. От Роба Джея не укрылось, что другие двое подождали, пока он последует за первым, и двинулись следом, тем самым окружив лошадь врача.

Сначала они ехали на северо-запад, в этом Роб Джей был уверен. Он понимал, что они несколько раз вернулись назад и время от времени сильно петляли — говорят, именно так ведет себя преследуемая охотником лиса. Хитрость сработала: уже скоро он был совершенно сбит с толку и не понимал, куда они едут. Приблизительно через полчаса они добрались до полосы покрытых лесом холмов, высившихся между рекой и прерией. Между холмами были топи; сейчас их сковал мороз, но когда придет оттепель, они превратятся в неприступные рвы, заполненные грязью.

Вожак остановился.

— Придется завязать вам глаза.

Роб Джей предпочел не спорить.

— Подождите секунду, — попросил он и повернулся лицом к Шаману. — Они завяжут тебе глаза, но ты ничего не бойся, — сказал он и почувствовал облегчение, когда Шаман кивнул. Платок, ослепивший Роба Джея, никак нельзя было назвать чистым, и он надеялся, что Шаману повезло больше: его выводила из себя одна мысль о том, что кожа его сына соприкасается с потом и засохшими соплями незнакомца.

Они пустили лошадь Роба Джея вперед. Ему показалось, что они очень долго едут между холмами, но, возможно, теперь, когда он ничего не видел, время для него тянулось медленнее. Через какое-то время он почувствовал, что лошадь начала подниматься по склону холма, а потом они натянули поводья и остановились. Когда у него сняли повязку с глаз, он увидел, что они стоят перед домом, скорее похожим на лачугу. Над ним возвышались могучие деревья. Дневной свет уже потускнел, и их глаза быстро приспособились к нему. Роб заметил, как часто моргает его сын.

— Все нормально, Шаман?

— Да, пап, все хорошо.

Но Роб слишком хорошо знал это его выражение лица. Всмотревшись в него, доктор понял, что Шаману хватило ума испугаться. Но когда они затопали ногами, чтобы восстановить кровообращение, а затем вошли в лачугу, Роб Джей несколько удивился, заметив, что в глазах Шамана светится не только страх, но и интерес, и рассердился на себя за то, что не нашел возможности отказаться брать сына с собой, убереечь его от опасности.

Внутри было тепло: в очаге тлели угли, — но дух стоял тяжелый. Мебель отсутствовала. На полу, подложив под голову седло, лежал толстяк, и в свете углей Шаман заметил, что тот лыс как полено, но зато на лице у него столько жестких темных волос, сколько у большинства мужчин красуется на макушке. Разбросанные по полу одеяла указывали на места, где спали остальные.

— Долго же вас не было, — буркнул толстяк. Он сделал глоток из черного кувшина, который держал в руках, и закашлялся.

— Да вроде как нигде не задерживались, — угрюмо ответил мужчина, ехавший на передней лошади. Когда он снял шарф, закрывавший его лицо, Шаман увидел, что у него есть небольшая белая борода и что выглядит он старше остальных. Старик положил руку на плечо Шамана и подтолкнул его. — Сидеть, — приказал он, словно разговаривая с собакой. Шаман присел на корточки рядом с огнем. Там он и собирался остаться, потому что с того места ему было хорошо видны губы как раненого, так и отца.

Старик достал пистолет из кобуры и направил его на Шамана.

— Советую действительно вылечить нашего доброго друга, доктор.

Вот теперь Шаман сильно испугался. Отверстие в конце дула походило на немигающий круглый глаз, уставившийся прямо на него.

— Я не стану ничего предпринимать, пока вы не опустите оружие, — заявил его отец человеку на полу.

Толстяк, похоже, задумался.

— Всем выйти, — приказал он своим людям.

— Подождите, — окликнул их отец Шамана. — Сначала принесите дров и разожгите огонь. Поставьте на огонь воду: мне нужен кипяток. У вас есть еще одна лампа?

— Есть фонарь, — ответил старик.

— Принесите. — Отец Шамана положил руку на лоб толстяка, затем расстегнул ему рубашку и открыл торс. — Когда это произошло?

— Вчера утром. — Мужчина покосился на Шамана из-под прикрытых век. — Это ваш мальчик?

— Мой младший сын.

— Глухой?

— Похоже, вам кое-что известно о моей семье...

Мужчина кивнул.

— Люди говорят, что ваш старший — сын моего брата Вилла. Чертовски похож на моего Вилли, такой же проказник. Вы знаете, кто я?

— Догадываюсь. — Неожиданно Шаман увидел, что его отец наклонился на пару дюймов вперед, не сводя с толстяка пристального взгляда. — Оба они — мои мальчики. Если вы говорите о моем старшем сыне — то он мой старший сын. И вы будете держаться от него подальше в будущем, так же, как держались в прошлом.

Мужчина на полу улыбнулся.

— А почему бы мне не забрать его?

— Прежде всего потому, что он — хороший, добрый мальчик, впереди у которого — достойная жизнь. А если он когда-то и был сыном вашего брата, думаю, вам вряд ли захочется увидеть его там, где вы находитесь сейчас — в грязи, в зловонном свинарнике, служащем укрытием, словно загнанный раненый зверь.

Долгое мгновение они не сводили друг с друга глаз. Затем толстяк пошевелился и поморщился, и отец Шамана приступил к осмотру. Он забрал кувшин и снял с раненого рубашку.

— Выходного отверстия нет.

— Да, эта тварь точно там, зуб даю. Наверняка будет чертовски больно, когда вы станете там ковыряться. Можно мне еще пару глотков сделать?

— Нет, я дам вам одно средство, которое поможет вам уснуть.

Толстяк сверкнул глазами.

— Черта с два я на это соглашусь! Чтобы вы тут делали, что вам в голову взбредет, пока я буду валяться в отключке? Ни за что!

— Дело ваше, — пожал плечами отец Шамана. Он вернул старику кувшин и дал напиться, ожидая, когда нагреется вода в котелке. Затем, достав из сумки коричневое мыло и чистую тряпку, он вымыл область вокруг раны, которую Шаману не было видно. Потом доктор Коул взял тонкий стальной зонд и вставил его в отверстие от пули, а толстяк замер, открыл рот и как можно дальше высунул большой красный язык.

— Она там, почти у самой кости, но перелома нет. Пуля, наверное, была уже на излете, когда попала в вас.

— Повезло, — вздохнул мужчина. — Сукин сын далековато от меня стоял. — Борода его слиплась от пота, кожа приобрела серый оттенок.

Отец Шамана достал из сумки пинцет для удаления инородных тел.

— Я воспользуюсь вот этим, чтобы удалить ее. Но этот предмет гораздо толще зонда. И болеть будет намного сильнее. Так что лучше доверьтесь мне, — просто сказал он.

Пациент отвернулся, и Шаман не видел, что он произнес, но, должно быть, тот попросил что-нибудь по сильнее виски. Отец достал из сумки приспособление для использования эфира и сделал сыну знак: несколько раз Шаман видел, как дают эфир, но еще ни разу не помогал при этом. Мальчик осторожно поднес трубку ко рту и носу толстяка, а его отец стал капать эфир. Отверстие от пули оказалось больше, чем ожидал Шаман, и с фиолетовым ободком. Когда эфир подействовал, отец очень осторожно, понемногу, стал вводить пинцет в рану. На краю раны показалась яркая красная капелька, затем перелилась через край и потекла по руке раненого. Когда пинцет вынырнул наружу, в нем был зажат кусочек свинца. Отец тщательно вытер пулю и положил на одеяло, чтобы толстяк увидел ее, когда придет в себя.

Он позвал внутрь стоявших за дверьми мужчин, они принесли с собой горшок замороженных белых бобов, который держали на крыше. Когда бобы оттаяли на огне, Шаману и его отцу тоже немного перепало. В бобах были кусочки чего-то еще, возможно, кролика, и Шаман подумал, что с паточкой рагу было бы вкуснее, но съел все с жадностью.

После ужина отец снова нагрел воды и стал тщательно мыть все тело пациента; остальные мужчины смотрели на него сначала с подозрением, а затем — со скукой. Они легли на пол и один за другим уснули, но Шаман не спал. Скоро он увидел, как больного сильно вырвало.

— Виски и эфир плохо сочетаются, — заметил его отец. — Ложись спать. Я обо всем позабочусь.

Шаман послушался и вскоре крепко спал. Пробудился оттого, что отец сильно тряс его. Он велел Шаману надевать верхнюю одежду. Через щели уже пробивался серый свет. Толстяк лежал на полу и смотрел на них.

— Рана будет болеть недели две или три, — сообщил ему отец Шамана. — Я оставлю вам немного морфия: его мало, но это все, что у меня есть с собой. Самое главное — рана должна быть чистой. Если начнется гангрена, вызовите меня, я тут же приеду.

Мужчина фыркнул.

— Ха, к тому времени, как ты вернешься сюда, нас уже здесь не будет.

— Ну, если что-то пойдет не так, пошлите за мной. Я приеду туда, куда надо.

Толстяк кивнул.

— Хорошенько заплати ему, — велел он мужчине с белой бородой, и тот достал из мешка пачку банкнот и протянул их врачу. Отец Шамана взял два долларовых банкнота, а остальные положил на одеяло.

— Полтора доллара за ночной вызов, пятьдесят центов за эфир. — Он пошел к двери, но остановился. — Вы, ребята, часом, не знаете что-нибудь о человеке по имени Элвуд Паттерсон? Иногда путешествует с человеком по имени Хэнк Кофф и женщиной помоложе, по имени Ленни.

Они безучастно смотрели на него. Человек на полу покачал головой. Отец Шамана кивнул, и они вышли наружу, где пахло только деревьями.

На сей раз с ними поехал только мужчина, показывавший дорогу. Он подождал, пока они сядут в седло, после чего снова завязал им глаза платком. Роб Джей слышал, как часто задышал его сын, и пожалел, что не поговорил с мальчиком, пока тот видел его губы.

Его собственный слух напрягся изо всех сил. Их лошадь вели в поводу: он слышал, как впереди стучат копыта. Позади копыт не было. Впрочем, они легко могли бы оставить человека у дороги. Все, что ему нужно было бы сделать, это дать им проехать, наклониться вперед, поднять револьвер в нескольких дюймах от головы пленников и нажать на собачку.

Поездка оказалась долгой. Когда они наконец остановились, он понял: если в них должны выстрелить, это произойдет именно теперь. Но с них только лишь сняли повязки.

— Просто езжайте дальше вперед, ясно? И скоро окажетесь в знакомых местах.

Часто моргая, Роб Джей кивнул, не став признаваться, что уже понял, где они находятся. Они поехали в одном направлении, бандит — в противоположном.

Добравшись до рощицы, Роб Джей остановил лошадь, чтобы справить нужду и размять ноги.

— Шаман, — сказал он. — Ты вчера видел, как я говорил с тем парнем, раненым?

Мальчик удивленно посмотрел на него и кивнул.

— Сын, ты понял, о чем мы говорили?

Еще один кивок.

Роб Джей поверил ему.

— А теперь скажи мне, каким образом тебе удалось понять такой разговор? Может, кто-то тебе что-то рассказывал о... — Он не смог произнести «о твоей матери». — О твоём брате?

— Некоторые мальчики в школе...

Роб Джей вздохнул. Глаза старика — на таком юном лице, подумал он.

— Ладно, Шаман, вот что я тебе скажу. Я думаю, то, что случилось — что мы были с теми людьми, лечили того раненого, и особенно — о чем мы с ним разговаривали... Думаю, все это должно стать нашей с тобою тайной. Твоей и моей. Потому что, если мы расскажем твоему брату или маме, им может быть больно. Они будут волноваться.

— Ладно, папа.

Они снова забрались в седло. Подул теплый ветерок. Наконец-то пришла оттепель, подумал он. Через день-два уже везде побегут ручьи. Неожиданно Шаман заговорил, и Роб Джей испугался того, как напряженно звучит голос сына.

— Я хочу быть таким же, как ты, папа. Хочу быть хорошим врачом.

Робу Джейу на глаза навернулись слезы. Мальчик не видел его лица, замерз,

Релиджиус институт

Иллинойс

18 мая 1852

Роберту Дджею Коулу, д-ру медицины

Холден-Кроссинг

Уважаемый доктор Коул!

Мы получили ваш запрос относительно местонахождения и адреса преподобного Элвуда Паттерсона. С сожалением вынуждены сообщить, что мы не можем быть вам полезными в данном деле.

Как вам, должно быть, известно, наш институт служит и церквям, и американским рабочим Иллинойса, принося Божественную христианскую весть честным коренным мастерам и ремесленникам данного штата. В прошлом году мистер Паттерсон связался с нами и вызвался помочь нам в нашем служении, что и привело к его посещению вашей общины и ее прекрасной церкви. Но с тех пор он переехал из Чикаго, и мы не обладаем никакой информацией относительно его местонахождения.

Будьте уверены: в случае если мы получим такую информацию, то непременно сообщим вам. Если у вас возникли вопросы, с которыми вам может помочь любой из других прекрасных проповедников, являющихся нашими партнерами, — или если ваш вопрос касается проблем теологии, по поводу которых я могу предоставить вам исчерывающий ответ, обращайтесь непосредственно ко мне.

Остаюсь вашим братом во Христе,

(подпись)

Оливер Г. Прескотт, д-р богословия,

директор «Старз энд страйпс релиджиус институт»

Ответ был примерно таким, какого и ожидал Роб Джей. Он сразу же принялся составлять письма, в которых изложил перечень всех известных ему фактов касательно убийства Маква-иквы. Он написал и о присутствии трех незнакомцев в Холден-Кроссинге, и о том, что обнаружил частички человеческой кожи под тремя ногтями Маквы во время вскрытия трупа, а также о том, что при осмотре в день убийства доктор Барр видел на лице преподобного Элвуда Р. Паттерсона три глубокие царапины.

Он послал такие же письма губернатору Иллинойса в Спрингфилде и обоим его сенаторам в Вашингтоне. Затем заставил себя послать третью копию своему конгрессмену,

обращаясь к Нику Холдену официально. Он попросил власти, используя свои возможности, определить местонахождение Паттерсона и двух его товарищей и установить связь между ними и смертью Женщины-Медведя.

В июньской встрече Медицинского общества участвовал гость, врач по имени Нейсмит, приехавший из Ганнибала, штат Миссури. В дружеской обстановке, перед началом деловой встречи, он рассказал о судебном процессе, начатом в Миссури рабом, подавшим иск с требованием признать его свободным человеком.

— Перед войной с Черным Ястребом на должность хирурга здесь, в Иллинойсе, а точнее — в Форт-Армстронге, назначили доктора Джона Эмерсона. У него был негр по имени Дред Скотт. Когда правительство открыло для заселения бывшие земли индейцев, он подал заявку на участок в месте, которое тогда называлось Стивенсон, а сейчас известно как Рок-Айленд. Раб построил на земле лачугу и прожил там несколько лет, достаточный срок, чтобы заявить о себе как о поселенце. Когда хирурга перевели в Висконсин, Дред Скотт переехал вместе с ним, а затем вернулся в Миссури, где доктор и умер. Негр попытался купить свободу себе, своей жене и двум дочерям у вдовы врача. Но, исходя из каких-то серьезных личных причин, миссис Эмерсон отказалась выполнить его просьбу. С тех самых пор этот вконец обнаглевший негр заваливает прошениями суды, утверждая, что в течение многих лет, проживая в Иллинойсе и Висконсине, он был свободным человеком.

Том Беккерман загоготал.

— Черномазый, который подает иски!

— Что ж, — заметил Джулиус Бартон, — сдастся мне, у его заявления есть основания. И в Иллинойсе, и в Висконсине рабство не признается законом.

Доктор Нейсмит снова улыбнулся.

— Но, разумеется, его продали и купили в Миссури, рабовладельческом штате, куда он и вернулся.

Тобиас Барр задумался.

— А каково ваше мнение насчет рабства, доктор Коул?

— Я думаю, — медленно произнес Роб Джей, — что для человека нормально владеть животным, если он заботится о нем и предоставляет ему достаточно воды и пищи. Но я считаю, что владеть другим человеком для человека ненормально.

Доктор Нейсмит едва сдержался, чтобы не вспылить.

— В таком случае, господа, я рад, что вы мои коллеги по медицине, а не адвокаты или судьи, — сказал он.

Доктор Барр кивнул и, видя очевидное нежелание гостя участвовать в неприятном споре, сменил тему.

— А у вас в Миссури в этом году было много случаев заболевания холерой, доктор Нейсмит?

— Холеры было немного, но зато участились случаи того, что некоторые называют «холодной чумой», — сообщил доктор Нейсмит. Он принялся описывать этиологию болезни, и остальная часть встречи была посвящена обсуждению фармакологии.

Несколько дней спустя Роб Джей ехал мимо женского монастыря Сестер Святого Франциска Ассизского и совершенно неожиданно для самого себя повернул лошадь на дорогу, ведущую к воротам.

Заметив его приближение, молодая монахиня суетливо выбежала из сада и вбежала внутрь. Настоятельница Мириам Фероция, сдержанно улыбнувшись, предложила ему стул епископа.

— У нас есть кофе, — сообщила она таким тоном, что Роб понял: кофе у них бывает не всегда. — Не желаете ли чашечку?

У него не было никакого желания уменьшать их запасы, но что-то в ее лице заставило его поблагодарить и принять предложение. Кофе подали черный и горячий. Он был очень крепким и показался Робу таким же древним, как их религия.

— Без молока, — весело добавила матушка Мириам Фероция. — Господь еще не послал нам корову.

Когда он спросил, как обстоят дела в женском монастыре, она несколько натянуто ответила, что они существуют очень неплохо.

— Я знаю способ, как привлечь деньги в ваш монастырь.

— Мудрый человек всегда выслушает, когда кто-то говорит о деньгах, — спокойно заметила она.

— Ваш орден имеет опыт ухода за больными и детьми, но ухаживать за ними вам негде. Я лечу пациентов, которым необходим уход. Некоторые из них могут заплатить.

Ее реакция на его предложение ничем не отличалась от той, которую он получил, когда впервые поднял этот вопрос. Матушка-настоятельница скривила губы.

— Мы — сестры милосердия.

— Некоторые из пациентов не смогут заплатить ни цента. Ухаживайте за ними, вот вам и милосердие. Другие могут заплатить. Ухаживайте и за ними и поддерживайте свой монастырь.

— Когда Бог даст нам помещение для больницы, мы будем ухаживать за больными.

Он расстроился.

— Вы можете сказать мне, почему вы не хотите разрешить своим монахиням ходить к пациентам на дом?

— Нет. Вы не поймете.

— Не будьте так уверены.

Но Суровая Мириам просто нахмурилась.

Роб Джей вздохнул и отпил горький напиток.

— У меня к вам еще одно дело. — И он привел ей те немногие факты, которые ему удалось узнать на данный момент, и поведал о своих стараниях выяснить местонахождение Паттерсона. — Интересно, известно ли вам что-нибудь об этом человеке?

— О мистере Паттерсоне я ничего не знаю. Но мне кое-что известно о «*Старз энд страйпсрелиджиус институт*». Это антикатолическая организация, которая оказывает помощь Американской партии. Ее называют Верховным орденом звездно-полосатого флага.

— Как вам удалось узнать об этом... верховном... как там его?

— Верховном орденом звездно-полосатого флага — ВОЗПФ. — Она пристально посмотрела на него. — Наша Матерь-Церковь — крупная и сложная организация. У нее есть свои пути получения информации. Мы подставляем другую щеку, но было бы глупо отказываться узнать, откуда конкретно нам нанесут следующий удар.

— Возможно, Церковь сумеет помочь мне найти этого Паттерсона.

— Я вижу, это очень важно для вас.

— Думаю, это он убил моего друга. Нельзя позволить ему продолжать убивать.

— И вы не можете оставить его Богу? — тихо спросила она.

— Нет.

Она вздохнула.

— Маловероятно, что вы найдете его через меня. Иногда запрос доходит только до одного или двух соседних звеньев в бесконечной цепи церковной организации. Часто человек задает вопрос, а ответа так никогда и не получает. Но я наведу справки.

Он покинул женский монастырь и отправился на ферму Дэниела Рейнера, чтобы попробовать вылечить мышцу спины, которую неудачно потянула Лидия-Белл Рейнер, после чего двинулся на козью ферму Лестера Шедда. Шедд чуть не умер от воспалительного процесса в груди и был превосходным примером того, почему уход монахинь за больными трудно переоценить. Роб Джей старался навещать Лестера как можно чаще — всю оставшуюся часть зимы и всю весну. Благодаря этим визитам и уходу миссис Шедд он встал на ноги.

Роб Джей объявил, что навещать выздоравливающего больше нет никакой необходимости. Лестер Шедд испытал облегчение и спросил, чем он может отблагодарить Коула.

— У вас случайно нет хорошей молочной козы? — спросил Роб Джей, не веря, что задает этот вопрос.

— Ну, сейчас молока ни у кого нет. Но есть у меня одна красотка, которой еще рано идти на случку, а вот через пару месяцев я предоставлю ей для полного счастья какого-нибудь козлика. Пройдет пять месяцев, и опля — вот и молоко!

Роб Джей привязал упирающуюся козу к седлу и тащил ее на веревке до самого монастыря.

Матушка Мириам достаточно вежливо поблагодарила его, однако добавила не без ехидства, что, если он посетит их монастырь через семь месяцев, то будет пить кофе со сливками — словно обвиняя его в том, что подарок монастырю он сделал исключительно из собственных эгоистических побуждений.

Однако он заметил, как сияют ее глаза. Когда она улыбнулась, то ее суровое лицо приобрело теплое и мягкое выражение, и домой он возвращался в уверенности, что день удался.

Дороти Барнем всегда видела в юном Роберте Коуле исключительно старательного и способного ученика. Сначала она была озадачена колонками низких оценок, стоявшими напротив его имени в журнале мистера Байерса, а затем и возмущена, потому что мальчик обладал исключительным умом и было очевидно, что с ним ужасно обращались.

У нее не было абсолютно никакого опыта работы с глухими детьми, но учительница хваталась за любую идею.

Когда настал черед Коулов предоставлять ей жилье в течение двух недель, она нашла подходящий момент, чтобы поговорить с доктором Коулом наедине.

— Я хотела побеседовать о речи Роберта, — сказала она и, увидев, как он кивнул, поняла, что завладела его вниманием. — Нам повезло, что он говорит четко. Но, как вы понимаете, есть и другие проблемы.

Роб Джей снова кивнул.

— Речь у него деревянная и невыразительная. Я предложил ему изменять тон, но... — Он покачал головой.

— Думаю, он разговаривает монотонно, потому что позабыл, как звучит человеческий голос, как он повышается и понижается. Я думаю, мы сумеем напомнить ему об этом, — закончила она.

Два дня спустя, с разрешения Лилиан Гайгер, учительница привела Шамана после школы в дом Гайгеров. Она поставила его рядом с фортепиано и положила его руку на деревянный корпус, ладонью вниз. Изо всех сил нажав на первую басовую клавишу и придерживая ее пальцем, чтобы звук прошел через резонатор и корпус и добрался до руки мальчика, она посмотрела на него и сказала: «Наша!» При этом она положила свою правую руку, ладонью вверх, на крышку фортепиано.

Нажала на следующую клавишу. «Шко...» — и приподняла правую ладонь, оторвав ее от крышки.

Следующая клавиша: «...ла!» — и ее рука еще немного поднялась.

И так, нота за нотой, она сыграла всю восходящую гамму, с каждой нотой произнося часть литании, к которой Шаман привык в классе: «На-ша-шко-ла-рай-зем-ной! — И затем прошлась по всей нисходящей гамме: — Не-рас-ста-нем-ся-с то-бой!»

Она играла гаммы снова и снова, давая ему привыкнуть к различиям в колебаниях, которые доходили до его руки, и следя за тем, чтобы он видел, как ее рука с каждой нотой поднимается и опускается.

Затем она велела ему пропеть слова, которые она написала для гаммы: не произнося их одними губами, как в школе, а вслух. Звуки никак нельзя было назвать мелодичными, но мисс Барнем не гналась за мелодичностью. Она хотела, чтобы Шаман начал хоть немного контролировать высоту своего голоса, и после многочисленных попыток, повинувшись яростным взмахам руки, он все же сумел повысить тон голоса. Повысился он, однако, не больше чем на одну ноту. Шаман ошалело смотрел, как учительница свела у него перед глазами большой и указательный пальцы, оставив между ними крошечное расстояние.

Она подталкивала его и давила на него. Шаману это не нравилось. Левая рука мисс Барнем прыгала, ударяя по клавишам, упорно поднимаясь и опускаясь по гаммам. Ее правая рука поднималась на одну ноту за один раз, а затем опускалась по тому же принципу. Шаман, хрипло каркая, снова и снова пел о своей любви к школе. Иногда его лицо было угрюмым, и дважды его глаза наполнялись слезами, но мисс Барнем, казалось, не замечала этого.

Наконец учительница перестала играть. Она распахнула объятия и прижала к себе юного Роберта Коула, держала его так довольно долго и, прежде чем отпустить, дважды погладила по густым волосам на затылке.

— Иди домой, — сказала она, но задержала его, как только он отвернулся. — Завтра, после школы, мы опять этим займемся.

У него вытянулось лицо.

— Хорошо, мисс Барнем, — ответил он. Фраза прозвучала неестественно ровно, но учительница не стала падать духом. Когда он ушел, она снова села за фортепиано и еще раз сыграла гаммы.

— Вот так, — резюмировала она.

В тот год весна была короткой — очень небольшой период приятного тепла, а затем на равнины опустилось одеяло удушливой жары. Знойным утром в пятницу, в середине июня, Роба Джея, ехавшего по Мэйн-стрит в Рок-Айленде, остановил Джордж Клайберн, квакер

бывший фермер, ставший брокером по покупке и продаже зерна.

— У вас есть минутка, доктор? — вежливо спросил Клайберн, и они, словно сговорившись, перешли с залитой солнечным светом улицы в почти материальную прохладу тени гикори. — Мне сообщили, что вы сочувствуете людям, попавшим в рабство.

Подобное умозаключение смутило Роба Джея. Он был лишь шапочно знаком с брокером. У Джорджа Клайберна была репутация хорошего бизнесмена, его считали проницательным, но справедливым.

— Мои личные убеждения не должны никого беспокоить. Кто мог вам такое сказать?

— Доктор Барр.

Он тут же вспомнил их беседу с доктором Нейсмитом на встрече Медицинского общества и заметил, как Клайберн быстро оглянулся, чтобы проверить, не слышит ли их кто-нибудь посторонний.

— Хотя наш штат и запретил рабство, служащие судебного ведомства Иллинойса признают право жителей других штатов на владение рабами. Поэтому рабов, которые убежали из Южных штатов, здесь арестовывают и возвращают владельцам. С ними жестоко обращаются. Я своими собственными глазами видел большой дом в Спрингфилде, полный крошечных камер, и в каждой в стену были вделаны тяжелые наручники и ножные кандалы.

Некоторые из нас... Единомышленники, согласные с тем, что рабство — зло, стараются помочь тем, кто убежал в поисках свободы. Мы приглашаем вас присоединиться к нашему богоугодному делу.

Роб Джей молчал, ожидая продолжения, пока наконец не понял, что Клайберн сделал ему некое предложение.

— Помочь им... Но как?

— Мы не знаем, откуда они приходят к нам. Мы не знаем, куда они попадают потом. Их к нам приводят и от нас забирают только безлунными ночами. Вы должны подготовить безопасное потайное место, достаточно большое для одного человека — погреб, щель, яму... Пищу, которой хватит на три-четыре дня пребывания там...

Роб Джей не стал даже думать. Он отрицательно покачал головой.

— Мне очень жаль.

Выражение лица Клайберна нельзя было назвать ни удивленным, ни негодующим, но в нем было что-то знакомое.

— Вы ведь сохраните нашу беседу в тайне?

— Да. Да, конечно.

Клайберн вздохнул и кивнул.

— Господь да не оставит вас, — сказал он, и они собрались с духом и вышли из тени на жаркий солнечный свет.

Два дня спустя Гайгеры пришли в дом Коулов на воскресный обед. Мальчики Коулов любили такие выходные, потому что тогда обед готовился роскошный. Сначала Сара сердилась, потому что Гайгеры, отстаивая свой *кашрут*, всегда отказывались от жаркого. Но со временем она поняла их и постаралась найти замену этому блюду. Теперь, приглашая соседей на обед, она ставила на стол постный суп, дополнительные порции пудинга и овощей, несколько видов десерта.

Джей принес с собой копию Рок-Айлендского журнала «Викли гардиан», где излагалась история судебного дела Дреда Скотта, и заявил, что у иска, заявленного рабом,

мало или вовсе никаких шансов на успех.

— Малькольм Говард говорит, что в Луизиане, откуда он родом, у всех есть рабы, — сказал Алекс, и Сара улыбнулась.

— Нет, не у всех, — возразила она. — Я сомневаюсь, что папочке Малькольма Говарда когда-либо принадлежали рабы — или вообще что-то ценное.

— А у твоего отца в Виргинии рабы были? — спросил ее Шаман.

— Моему отцу принадлежала маленькая лесопилка, — ответила Сара. — Там работали три раба, но затем настали тяжелые времена, ему пришлось продать и лесопилку, и рабов и пойти работать на своего отца, у которого была большая ферма и больше сорока рабов.

— А у семьи моего папы в Виргинии? — вмешался Алекс.

— Семья моего первого мужа владела магазином, — улыбнулась Сара. — Рабов они не держали.

— А почему люди вообще хотят быть рабами? — удивился Шаман.

— Да никто не хочет, — ответил сыну Роб Джей. — Они просто несчастные люди, оказавшиеся в тяжелой ситуации.

Джей сделал глоток колодезной воды и поджал губы.

— Понимаешь, Шаман, просто так сложилась ситуация, и на Юге она сложилась уже лет двести тому назад. Есть радикалы, которые пишут, что черных нужно освободить. Но если бы такой штат, как Южная Каролина, отпустил бы всех, как бы они жили? Сейчас они работают на белых, и белые о них заботятся. Несколько лет назад у кузена Лилиан, Иуды Бенджамина, было сто сорок рабов на сахарной плантации в Луизиане. И он заботился о них, по-настоящему заботился. У моего отца в Чарльстоне есть два домашних негра. Они принадлежат ему столько, сколько я себя помню. И он так по-доброму к ним относится, что я уверен: они не оставили бы его, даже если бы их гнали прочь.

— Вот именно, — поддержала его Сара. Роб Джей открыл было рот, но снова закрыл его и передал Рэйчел горох и морковь. Сара вышла на кухню и вернулась с гигантским картофельным пудингом, испеченным по рецепту Лилиан Гайгер. Джей простонал, что у него уже не лезет, но не сдержался и передал свою тарелку.

Гайгеры повели детей домой. Джей звал присоединиться к ним, чтобы вместе сыграть трио, но Роб сказал, что устал.

На самом деле ему просто не хотелось ни с кем общаться. На него неожиданно накатило раздражение, и, чтобы поднять себе настроение, он пошел к реке, подышать свежим воздухом. У могилы Маквы он заметил сорняки и яростно повыдергивал их из земли, все до последнего.

Он понял, почему выражение на лице Джорджа Клайберна показалось ему знакомым. Точно такое выражение он видел на лице Эндрю Герульда, когда тот в первый раз попросил Роба написать призыв к выступлению против английских властей и получил отказ. На лицах обоих мужчин проявилась целая гамма чувств: фатализм, упрямство и тревожное понимание того, что они поставили себя в зависимость от его нрава и способности хранить молчание.

Утром над рекой висел густой, словно пар, предрассветный туман, зацепившийся за полоску леса. Шаман вышел из дома и, обойдя надворную постройку, пошел помочиться в быстрый поток. Сквозь верхние границы тумана пробивался свет оранжевого диска, заставляя нижние слои ослепительно сиять. Мир был юн, и прохладен, и хорошо пах, и та часть реки и леса, которые он видел, соответствовала постоянной тишине у него в ушах. Если сегодня кто-то собирается ловить рыбу, подумал Шаман, то лучше это сделать пораньше.

Мальчик отвернулся от реки. По пути к дому была могила. Когда сквозь клочья тумана он разглядел там какую-то фигуру, то не почувствовал страха: в нем боролись недоверие и ошеломляющее, захлестывающее, сладчайшее счастье и признательность. «Дух, я вызываю тебя сегодня. Дух, я говорю с тобой сейчас».

— Маква! — радостно закричал он и бросился к ней.

— Шаман?

Когда он подбежал, то первым сокрушительным разочарованием стал тот факт, что это не Маква.

— Луна? — произнес он с вопросительной интонацией: она так плохо выглядела, что была сама на себя не похожа. На Луне было старое и грязное синее платье, порванное на правом плече, и туфли, как у белых.

Только теперь он увидел позади Луны двух мужчин. Первый, Каменный Пес, некогда работавший на Джея Гайгера, был раздет до пояса и носил штаны из оленьей кожи. Второго индейца он не знал. Незнакомец был одет в домотканые штаны и рваную рубаху. Оба мужчины были обуты в мокасины. В руках они держали знакомые Шаману предметы — головку сыра, копченый окорок, сырую баранью ногу, — и он понял, что они залезли в кладовку.

— Виски есть? — спросил Каменный Пес, двигаясь к дому, и Луна что-то резко произнесла на языке сауков и тяжело осела на землю.

— Луна, что с тобой? — спросил Шаман.

— Шаман. Такой большой. — Она удивленно смотрела на него. Он опустился рядом с ней на колени.

— Где ты была? Другие тоже пришли?

— Нет... другие в Канзасе. В резервации. Оставила там детей, но... — Она закрыла глаза.

— Я позову отца, — сказал он, и глаза открылись.

— Они причинили нам столько зла, Шаман, — прошептала она. Ее пальцы вцепились в его ладонь и не отпускали.

Шаман почувствовал, как что-то отделилось от ее тела и проникло в его ум. Словно к нему вернулся слух, и грянул гром, и он понял — непонятно как, но понял, — что с ней произойдет. В руках возникло покалывание. Он открыл рот, но не смог закричать, не смог предупредить ее. Он окаменел от страха, которого раньше никогда не испытывал, более сильного, чем ужас перед возвращением глухоты, намного хуже, чем все, что он испытал в своей жизни.

Наконец он смог разжать ее пальцы.

Он помчался к дому так, как будто это был его единственный шанс.

— Папа! — завопил он.

К тому, что его будят из-за срочного случая, Роб Джей уже привык, но из-за истерики сына ушло несколько минут на то, чтобы понять, в чем дело. Шаман не переставая лепетал, что Луна вернулась и что она умирает. Когда родители сумели убедить сына смотреть на их губы, чтобы задать ему вопросы, то наконец поняли, что Луна действительно вернулась и что она очень больна и лежит на земле у реки. Они выскочили из дома.

Туман быстро поднимался. Видимость улучшилась, и у них не возникло никаких сомнений: больше у реки никого не было. Родители потребовали, чтобы Шаман снова им все рассказал, в подробностях; и это повторилось несколько раз. Он настаивал, что действительно встретил Луну, и Каменного Пса, и еще одного саука. Он описал, что на них было надето, что они говорили, как выглядели.

Услышав о том, что было в руках у индейцев, Сара поспешно ушла, а когда возвратилась, ее лицо было искажено гневом: кладовку взломали и некоторые продукты, которые достались им с таким трудом, отсутствовали.

— Роберт Коул, — сердито спросила мать, — может, ты сам взял всю эту еду, из баловства, и выдумал историю о возвращении сауков?

Роб Джей прошел сначала вверх по течению, затем вниз, выкрикивая имя Луны, но ответа не получил. Шаман горько рыдал.

— Она умирает, папа.

— Да откуда тебе знать?

— Она взяла меня за руки... — Мальчик задрожал.

Роб Джей посмотрел на сына и вздохнул. Затем кивнул, подошел к Шаману, обнял его и крепко прижал к себе.

— Не пугайся. Ты не виноват в том, что произошло с Луной. Я поговорю с тобой об этом и попытаюсь объяснить. Но прежде всего, думаю, я должен постараться найти ее, — заключил он.

Он оседлал лошадь и пустился на поиски. Все утро бродил по краю густого леса на берегу реки, потому что, если бы он сам сбежал и хотел бы спрятаться, то пошел бы именно в лес. Сначала он двинулся на север, к Висконсину, а затем вернулся и направился на юг. Время от времени он звал Луну по имени, но ответа так ни разу и не получил.

Возможно, во время поисков он проехал рядом с ними, просто не заметив беглецов. Три саука вполне могли спрятаться в соседнем подлеске, наблюдая, как мимо проезжает Роб Джей — вероятно, даже несколько раз. Вскоре после полудня он признался себе, что не знает, как мыслят беглые сауки, потому что он-то не беглый саук. Возможно, они сразу же ушли подальше от реки. Был конец августа, и прерию покрывали высокие травы, которые скроют продвижение трех человек, а кукурузные поля, где маис уже поднялся выше человеческого роста, обеспечивали прекрасное укрытие.

Наконец он сдался и отправился домой. Навстречу ему выбежал Шаман. Мальчик не смог скрыть разочарования, узнав, что поиски отца ни к чему не привели.

Роб уединился с сыном под деревом на берегу реки и рассказал ему о даре — о том, как он иногда появлялся у некоторых членов семьи Коулов, еще в глубине веков.

— Но дар приходит не ко всем. Иногда он пропускает поколение. У моего отца был дар, а у брата и дяди — нет. К некоторым Коулам он приходит в очень юном возрасте.

— А у тебя он есть, папа?

— Да.

— А сколько тебе было лет, когда...

— Впервые я ощутил его, когда был почти на пять лет старше тебя.

— Но что это? — тихо спросил мальчик.

— Понимаешь, Шаман... Я и сам не знаю. Я только знаю, что волшебство тут совершенно ни при чем. Думаю, это своего рода чувство, как зрение, или слух, или обоняние. Некоторые из нас могут взять человека за руки и сказать, умирает ли он. Я считаю, что это просто сильно развитая чувствительность — ну, как некоторые могут почувствовать пульс, касаясь различных частей тела. Иногда... — Он пожал плечами. — Иногда это просто сноровка, которая очень помогает, если ты врач.

Шаман, не переставая дрожать, кивнул.

— Думаю, он пригодится мне, когда я сам стану врачом.

Робу Джею пришлось смириться с тем, что, если его сын уже достаточно вырос, чтобы узнать о даре, то будет готов и узнать кое-что еще.

— Ты никогда не станешь врачом, Шаман, — мягко сказал он. — Врач обязательно должен слышать. Я пользуюсь слухом каждый день, когда лечу пациентов. Я слушаю их легкие, я слушаю их дыхание, я прислушиваюсь к звуку их голоса. Врач должен быть в состоянии услышать просьбу о помощи. Врачу нужны все пять чувств.

Взгляд сына больно резанул его.

— Тогда кем я стану, когда вырасту?

— У нас хорошая ферма. Вы со Старшим можете заниматься ею, — предложил Роб Джей, но мальчик покачал головой. — Ну, тогда ты можешь заняться коммерцией или, может быть, работать в магазине. Мисс Барнем говорит, что ты самый умный ученик, которого она когда-либо учила. Ты и сам мог бы стать учителем.

— Нет, я не хочу никого учить.

— Шаман, ты еще маленький. И у тебя есть еще несколько лет до того, как тебе придется принимать решение. А пока держи глаза открытыми. Присматривайся к людям, к их работе.

Существует масса способов заработать себе на хлеб. Ты можешь выбрать любой из них.

— Кроме одного, — заметил Шаман.

Роб Джей никогда не позволил бы себе подвергать своего сына ненужной душевной боли, позволяя ему и дальше мечтать о том, что, как он искренне верил, никогда не осуществится.

— Да. Кроме одного, — твердо сказал он.

Это был печальный день, вызвавший гнев Роба Джея на несправедливость жизни. Он очень не хотел убивать яркую и добрую мечту своего ребенка. Это все равно, что объяснить человеку, который отчаянно любит жизнь, что не стоит строить далеко идущих планов.

Он пошел побродить по ферме. Около реки москиты были особенно злые и, гудя, состязались с ним за место в тени.

Он знал, что никогда больше не увидит Луну. Он очень сожалел, что не смог с ней попрощаться. Он спросил бы ее, где похоронили Идет Поет. Он хотел бы похоронить их обоих должным образом, но к настоящему моменту Луну, возможно, тоже положили в ничем не отмеченную могилу, словно собачьи экскременты.

Он сходил с ума от злости, когда думал об этом, и от чувства вины, потому что он сам и его ферма были частью их проблем. Когда-то у сауков были богатые фермы и Деревни

Мертвых, могилы в которых были помечены.

«Они причинили нам столько зла», — сказала она Шаману.

В Америке была хорошая Конституция, он это знал наверняка, потому что сам ее внимательно прочитал. Она давала свободу, но он понимал, что это касается только людей, чей цвет кожи варьировался от розовой до загорелой. Люди же с более темным оттенком кожи могли быть с тем же успехом покрыты мехом или перьями.

Все то время, пока он бродил по ферме, он искал. Он сначала не понял этого, а когда осознал, что делает, то почувствовал себя чуть-чуть лучше, хоть и не намного. Место, которое ему нужно, не должно быть расположено в поле или лесу, где на него могли наткнуться Олден, или кто-то из мальчиков, или даже браконьер. Сам дом не годился, потому что ему придется хранить это в тайне от других членов семьи — этот факт его ужасно беспокоил. В медпункте у него иногда не было ни души, но при наплыве пациентов там яблоку негде было упасть. В амбар тоже часто заходили. Но...

Позади амбара, отделенный от доильного зала сплошной стеной, стоял длинный узкий сарай. Сарай Роба Джея. Там он хранил таблетки, настойки и другие лекарственные средства. Помимо висящих под потолком связок трав и полок, заставленных пузырьками и ретортами, там был еще и деревянный стол, и дополнительный набор медицинских лотков, потому что, когда ему поручали провести вскрытие, он делал это в сарае, у которого были крепкая деревянная дверь и надежный замок.

Узкая северная стена сарая, как вся северная стена собственно амбара, была встроена в скалу. В сарае одна часть стены была каменной, а вторая — глиняной.

Следующий день был занят работой в переполненном медпункте и многочисленными визитами на дом, но утром второго дня Роб Джей смог урвать немного времени, свободного от практики. Планам Роба никто не мог помешать: Шаман и Олден чинили забор и строили односкатную откормочную площадку в дальней части фермы; Сара выполняла какие-то церковные поручения. В доме оставалась только Кейт Страйкер, временная помощница, которую Сара наняла после ухода Луны, но Кейт ему не помеха.

Как только остальные ушли со двора, Роб принес в сарай кирку и лопату и занялся делом. Он давно не делал тяжелую физическую работу, поэтому с трудом вошел в ритм. Почва была каменистая и такая же вязкая, как и большая часть земли на ферме, но он был сильным, да и кирка значительно облегчала работу. Выкопанную землю он сгребал в тачку и время от времени отвозил подальше от сарая, в небольшой овражек. Он думал, что копать ему, возможно, придется несколько дней, но вскоре после полудня натолкнулся на выступ скалы. Скала делала резкий поворот на север, и потому выкопанная яма на одном конце была только три фута глубиной, а на другом — больше пяти футов, ширина ее составляла меньше пяти футов. Образовавшегося пространства едва хватало, чтобы лежать, вытянувшись во весь рост, особенно если положить туда еду и другие предметы первой необходимости, но Роб Джей понимал, что и это уже хорошо. Он закрыл выемку досками в дюйм толщиной, которые накапливались снаружи почти целый год и потому казались такими же старыми, как и остальная часть амбара. Шилом он увеличил некоторые отверстия из-под гвоздей и смазал гвозди, прежде чем вставить их обратно в отверстия, так, чтобы несколько досок можно было убирать и ставить на место, не производя лишнего шума.

Роб был очень осторожен. Свежевыкопанную землю, которую свез на дно овражка в лесу, он замаскировал перегнившими листьями.

Затем, уже на следующее утро, он отправился в Рок-Айленд и провел короткую, но

Той осенью мир Шамана начал меняться: не резко и пугающе, как в тот раз, когда он потерял слух, но путем сложного перемещения полюсов. Масштаб перемен ничуть не умалял тот факт, что все происходило постепенно. Алекс и Мэл Говард стали самыми близкими друзьями, участие в их проказах отнимало у Шамана большую часть свободного времени. Роб Джей и Сара осуждали эти отношения: они знали, что Молли Говард — неряха и любительница пожаловаться на судьбу, а ее муж, Джулиан, настоящий бездельник, и потому им очень не нравилось, что их сын проводит столько времени в грязной хижине Говарда, куда набивалась добрая половина населения городка, чтобы купить домашнее варено-Джулиана, изготовленное путем двойной дистилляции из кукурузного затора ^[8] в припрятанном перегонном кубе с ржавой крышкой.

Их беспокойство достигло своего пика в Хэллоуин, когда Алекс и Мэл попробовали виски, который Мэл припрятал, когда разливал продукцию отца по кувшинам. Вдохновленные выпитым, они стали прокладывать дорожку из опрокинутых надворных построек, протянувшуюся в результате через половину городка, пока из опрокинутой уборной не выползла, пронзительно крича, Альма Шрёдер, а Гус Шрёдер закончил их истерическое веселье, выскочив на улицу с ружьем для охоты на бизонов.

Этот инцидент вызвал ряд серьезных бесед между Алексом и его родителями, и Шаман прилагал максимум усилий, чтобы не обращать на них внимания: проследив по их губам начало первого разговора, он больше не мог заставить себя следить за обменом репликами. Встреча мальчиков, их отцов и шерифа Лондона оказалась еще более неприятной.

Джулиан Говард сердито сплюнул и заявил: «Подняли тут шум на пустом месте — ну, подумаешь, пошумели мальчики немного на Хэллоуин!»

Роб Джей пытался забыть о своей антипатии по отношению к Говарду, который — он готов был биться об заклад — являлся членом Верховного ордена звездно-полосатого флага, если таковой вообще существовал в Холден-Кроссинге, и вполне мог сам вызвать массу проблем. Он согласился с Говардом, что мальчики не убийцы и не головорезы, но, поскольку работа вынуждала его достаточно серьезно относиться к вопросу пищеварения, он склонен не разделять общепринятую точку зрения на то, что все, хоть как-то связанное с экскрементами, забавно, включая разрушение дворовых уборных. Он знал, что шериф Лондон прибыл вооруженный десятком жалоб на мальчиков и обязательно применит к ним санкции, потому что ему не нравятся их отцы. Роб Джей предложил назначить Алекса и Мэла ответственными за восстановление уборных. Три уборные разлетелись на части или вовсе в щепки. Еще две нельзя было устанавливать на том же месте, потому что выгребная яма уже была переполнена. Чтобы покрыть причиненный ущерб, мальчикам предлагалось вырыть новые ямы и починить постройки. Если для этого нужно закупить доски, то Роб Джей заплатит за них из своего кармана, а Алекс и Мэл отработают долг на его ферме. А вот если они не выполняют условий договора, то шериф Лондон может принимать меры.

Морт Лондон неохотно признал, что не может найти ни единого недостатка в предложенном плане. Джулиан Говард был против, пока не узнал, что и его сын, и сын Коула по-прежнему будут выполнять свои повседневные обязанности, и тогда согласился. Ни Алексу, ни Мэлу не дали возможности отказаться, и за следующий месяц они получили неоценимый опыт в возведении уборных: сначала они вырыли ямы, пока сильные морозы не превратили землю в камень, а затем негнушимися от холода пальцами выполняли плотницкие работы. Результат превзошел все ожидания; все «их» уборные простоят много лет, кроме одной, за домом Хамфри: ее снесет ураганом летом 1863 года — но тот же ураган снесет и сам дом, и амбар, и к тому же убьет Ирвинга и Летти Хамфри.

Алекс все не мог угомониться. Однажды ночью он вошел в спальню, где обитали они с Шаманом, держа в руках керосиновую лампу, и с очень довольным видом объявил, что сделал это.

— Что ты сделал? — спросил Шаман, отчаянно моргая, чтобы прогнать сон и видеть губы брата.

— Ну, ты понимаешь. Я сделал это. С Петти Драккер.

Шаман моментально проснулся.

— Быть не может. Ну ты и врун, Старший.

— Нет, я правда это сделал, с Петти Драккер. Прямо в доме ее отца, когда ее семья уехала погостить к дяде.

Шаман не сводил с него восторженного и одновременно обиженного взгляда, не в силах поверить, но отчаянно желая этого.

— Если ты не врешь, то как все прошло? Что ты чувствовал?

Алекс самодовольно улыбнулся и подробно ответил на вопрос.

— Когда пропихиваешь свою штуку сквозь волосы и все остальное, тебе тепло и уютно. Очень тепло и уютно. Но потом ты почему-то начинаешь волноваться и двигаешься туда-сюда, потому что тебе так хорошо! Туда-сюда, точно так же, как баран и овца.

— Девочка тоже двигается туда-сюда?

— Нет, — ответил Алекс. — Девочка лежит и получает удовольствие, а двигаешься только ты.

— А что потом?

— Ну, у тебя закатываются глаза. Из члена вылетает сперма — быстро, как пуля.

— Ничего себе, как пуля! Девочке больно?

— Нет, дурачок, я имел в виду — быстро, как пуля, а не твердая, как пуля. Она мягче пудинга, точно такая же, как когда ты сам с собой играешь. В общем, в этот момент все и заканчивается.

Такое изобилие подробностей, о которых Шаман никогда прежде не слышал, убедило его, что брат не лжет.

— Значит, Петти Драккер теперь твоя девушка?

— Нет! — удивился Алекс.

— Ты уверен? — взволнованно уточнил Шаман. Петти Драккер размерами уже почти догнала свою одутловатую мать, а ее смех походил на ослиный рев.

— Ты еще слишком маленький, чтобы понять это, — раздраженно пробормотал Алекс и задул фитиль, заканчивая разговор.

Шаман, одновременно взволнованный и встревоженный, лежал в темноте и думал о

том, что ему рассказал Алекс. Ему не понравилась та часть, в которой шла речь о закатившихся глазах. Люк Стеббинс говорил ему, что, если играть с самим собой, то можно ослепнуть. Ему более чем хватало глухоты, он не хотел терять и другие чувства. Он решил, что, возможно, уже начал слепнуть, и на следующее утро ходил по ферме, сменяемый беспокойством, и проверял зрение на далеких и близких предметах.

Чем меньше внимания ему уделял Старший, тем больше времени Шаман проводил с книгами. Он быстро прочитывал книги и бесстыдно выпрашивал их. У Гайгеров была хорошая библиотека, и они позволили ему пользоваться ею. Именно книги ему дарили на день рождения и Рождество, именно книги оказались топливом для огня, которым он прогонял холод одиночества. Мисс Барнем сказала, что никогда не видела такого страстного книгочея.

Она беспощадно тренировала его, улучшая произношение. Во время школьных каникул она получала бесплатное жилье и стол от Коулов, и Роб Джей следил за тем, чтобы ее работа с его сыном была как следует вознаграждена, но она занималась с Шаманом не ради личной выгоды. Его четкая речь стала ее целью. Тренировки с фортепиано проходили регулярно и занимали много времени. Она с восторгом заметила, что с самого начала он оказался восприимчив к различию между колебаниями звука, и вскоре уже мог различать ноты, как только она ударяла по клавишам.

Словарный запас Шамана дополнялся благодаря чтению, но у него были трудности с произношением, поскольку он не мог слышать, как выговаривают слова другие люди. Например, он произносил «солнцестояние» как «солнце и стояние», и мисс Барнем поняла, что частично его трудности вызваны непониманием того, куда ставить ударение. Она использовала резиновый мяч, чтобы наглядно продемонстрировать ему эту проблему: она бросала мяч легонько, обозначая обычное ударение, и посильнее — обозначая эмфазу. На это ушло много времени, поскольку даже такое обычное действие, как хватание брошенного мячика, представляло для него серьезную трудность. Мисс Барнем поняла, что она так легко ловит мяч благодаря своеобразной подготовке — она слышит звук, который он производит, ударяясь о пол. Шаман же такой возможности не имел, и ему пришлось учиться ловить мяч, запоминая точное количество времени, которое требовалось, чтобы мяч долетел до пола и вернулся ему в руку.

Как только он стал соотносить прыгающий мяч с ударением и эмфазой, она разработала серию упражнений с грифельной доской и мелом, выписывая слова печатными буквами, а затем рисуя маленькие кружочки над слогами, которые получали обычное ударение, и большие круги — над слогами, получавшими основное ударение, эмфазу: «Со-бор. Доб-ро-е-ут-ро. Кар-ти-на. Сто-ро-на. Го-ра».

Роб Джей тоже принимал участие в занятиях, обучая Шамана жонглировать, и к ним часто присоединялись Алекс и Мэл Говард. Роб иногда жонглировал, чтобы развлечь их, и однажды они тоже захотели попробовать, но получалось у них плохо. Однако Роб стимулировал упорные тренировки. «В Килмарноке всех детей Коулов учат жонглировать. Это старый семейный обычай. Если они могут научиться этому, то и вы можете», — сказал он, и они решили, что он прав. К его разочарованию, мальчик Говарда оказался лучшим жонглером из всех троих и вскоре начал управляться с четырьмя мячами. Но Шаман наступал ему на пятки, и Алекс упорно тренировался, пока не научился удерживать в воздухе три мячика, что и не замедлил продемонстрировать им с величайшей гордостью. Цель,

однако, состояла не в том, чтобы превратить мальчиков в фокусников, но в том, чтобы дать Шаману понимание смены ритма, и она была достигнута.

Однажды днем, когда мисс Барнем сидела за фортепиано Лилиан Гайгер и учила Шамана говорить, она оторвала его руку от инструмента и положила себе на горло.

— Когда я говорю, — сказала она, — связки у меня в гортани вибрируют, как струны фортепиано. Ты чувствуешь эти колебания, чувствуешь, как они изменяются от слова к слову?

Он радостно кивнул, и они улыбнулись друг другу.

— О, Шаман! — воскликнула Дороти Барнем, убирая его ладонь со своего горла и сжимая ее. — Ты делаешь такие успехи! Но тебе необходимы постоянные тренировки, а во время учебного года я не смогу уделять тебе достаточно времени. Есть ли кто-то, кто мог бы помочь тебе?

Шаман знал, что отец очень много времени уделяет врачебной практике. Мать была занята работой в церкви, и он чувствовал, что она не хочет лечить его глухоту: его это озадачивало, но не беспокоило. Алекс же убегал гулять с Мэлом, как только выполнял свою работу на ферме.

Дороти вздохнула.

— Где же нам найти того, кто сможет регулярно заниматься с тобой?

— Я с удовольствием помогу, — неожиданно прозвучал чей-то голос. Звук донесся из большого кресла с подголовником, набитым конским волосом, которое стояло спинкой к фортепиано. К удивлению Дороти, с кресла встала Рэйчел Гайгер и быстро подошла к ним.

Как часто, спросила она себя, девочка сидела там, никем не замеченная, и слушала их упражнения?

— Я знаю, что могу сделать это, мисс Барнем, — произнесла Рэйчел.

Шаман, похоже, обрадовался.

Дороти улыбнулась Рэйчел и пожала ей руку.

— Я уверена, что ты справишься просто блестяще, дорогая, — сказала она.

Роб Джей не получил ни единого слова в ответ на все свои письма, которые он разослал в связи с гибелью Маквы. Однажды вечером он сел и перенес свое разочарование на бумагу, написав еще одно письмо, более резкое по тону, пытаясь взбаламутить липкую грязь.

«...Такие преступления, как изнасилование и убийство, были полностью проигнорированы представителями правительства и закона — факт, который поднимает вопрос о том, является ли штат Иллинойс — или, точнее, Соединенные Штаты Америки — царством истинной цивилизации или местом, где людям разрешено вести себя хуже животных и оставаться абсолютно безнаказанными».

Он отправил несколько таких писем по тем же адресам, что и раньше, надеясь, что новый, резкий стиль принесет хоть какие-то результаты.

Никто не обращался к нему ни по какому вопросу, сердито думал он. Он вырыл тайник в сарае в безумной спешке, но теперь, когда тот был готов, он не получал никаких вестей от Джорджа Клайберна. Сначала, пока дни превращались в недели, он много думал о том, как именно получит сигнал; но со временем стал задаваться вопросом, почему его игнорируют. Он выбросил тайник из головы и стал наблюдать за тем, как дни становятся все короче, как длинные гусиные клинья тянутся на юг, разрезая синее небо, и как журчит вода в реке, становясь кристально чистой по мере того, как на смену теплу приходит холод. Однажды

утром он въехал в деревню, и Кэррол Вилкенсон встал с кресла на крыльце универсального магазина и направился туда, где Роб Джей слезал с маленькой пегой лошади с выгнутой дугой шеи.

— Новая лошадь, доктор?

— Нет, у меня пробная поездка. Наша Вики уже почти ослепла. Идеальный вариант для того, чтобы катать детей на лугу, но... Эта девочка принадлежит Тому Беккерману. — Он покачал головой. Доктор Беккерман заверил его, что лошади всего пять лет, но нижние резцы у нее были так сильно стертые, что он понял: она по крайней мере вдвое старше, и к тому же шарахается от каждого насекомого и от собственной тени.

— Предпочитаете кобыл?

— Не обязательно. Хотя они надежнее жеребцов, как по мне.

— Думаю, вы правы. Чертовски правы... Вчера я встретил Джорджа Клайберна. Просил передать вам, что в его библиотеке появились кое-какие новые книги и вам будет интересно посмотреть на них.

Это был сигнал, и он захватил Роба врасплох.

— Спасибо, Кэррол. У Джорджа замечательная библиотека, — произнес он, надеясь, что голос у него не дрожит.

— Да, это точно. — Вилкенсон поднял руку, прощаясь. — Ладно, я дам всем знать, что вы хотите купить лошадь.

— Буду весьма признателен, — сказал Роб Джей.

После ужина он внимательно изучал небо, пока не решил, что луны сегодня не будет. Плотные тяжелые тучи ходили по небу весь день. Воздух был влажным, как в прачечной после непрерывной двухдневной стирки, похоже, что к утру пойдет дождь.

Он рано лег спать и даже умудрился подремать несколько часов, но, как и любой врач, умел спать урывками, и в час ночи уже лежал с открытыми глазами, готовый действовать. Он решил дать себе запас времени и откатился от теплого тела Сары задолго до того, как часы пробили два. Он лег спать в нижнем белье и сейчас тихо собрал одежду, не включая в спальне света, и отнес ее вниз. Сара привыкла к тому, что в любое время дня и ночи его могут вызвать к пациенту, и продолжала безмятежно спать.

Обувь он оставил на полу в прихожей, прямо под пальто. Зайдя в амбар, он оседлал Королеву Викторию, потому что доехать ему нужно было только до того места, где подъездная дорога к дому Коулов пересекалась с трактом, и Вики знала этот путь так хорошо, что ей совершенно не нужно было хорошо видеть. Он нервничал, что выехал слишком рано, и целых десять минут после того, как добрался до тракта, сидел и гладил шею лошади. Начал накрапывать дождь. Роб напрягал слух каждый раз, как ему слышался шум, и наконец до него долетели настоящие, а не воображаемые звуки: скрип и позвякивание сбруи, стук копыт неторопливой рабочей лошади. Скоро перед ним вырисовались контуры тяжело груженного фургона с сеном.

— Это вы? — спокойно спросил Джордж Клайберн.

Роб Джей поборол секундное желание ответить отрицательно и сидел неподвижно, пока Клайберн не порылся в сене и оттуда не показалась фигура другого человека. Клайберн, очевидно, хорошо проинструктировал бывшего раба, потому что тот, не произнося ни слова, ухватился за луку седла Вики и с заметным усилием взгромоздился позади Роба Джея.

— Идите с Богом, — бодро попрощался Клайберн, щелкнул поводьями, и фургон

тронулся. В какой-то момент — а возможно, и несколько раз, — еще во время путешествия в фургоне негр потерял контроль над мочевым пузырем. Опытный нос Роба сообщил ему, что моча высохла, вероятно, еще несколько дней назад, но он все равно отодвинулся подальше от аммиачного запаха у себя за спиной. Когда они проехали мимо его дома, нигде не горел свет. Роб собирался как можно скорее спрятать беглеца в тайнике, позаботиться о лошади и снова нырнуть в теплую кровать. Но когда он добрался до сарая, то понял, что все не так просто.

Когда он зажег лампу, то увидел чернокожего мужчину лет тридцати-сорока. У него были испуганные, настороженные глаза загнанного в угол животного, большой крючковатый нос, растрепанные волосы, вьющиеся и густые, как шерсть черного барана. Одет он был в крепкие ботинки, хорошую рубаху и такие потертые штаны, что дырок в них было явно больше, чем ткани.

Роб Джей хотел спросить, как его зовут, откуда он бежал, но вспомнил, о чем его предупредил Клайберн: никаких вопросов, таковы правила. Он поднял доски, показал, где и что лежит: кастрюля с крышкой для отправления естественных надобностей, газета для гигиенических нужд, кувшин с питьевой водой, пакет сухого печенья. Негр ничего не сказал; он просто вошел внутрь, и Роб вернул доски на место.

На холодной печи стояла кастрюля с водой. Роб Джей положил хворост и зажег огонь. На гвозде в амбаре он нашел старые рабочие брюки, которые были для него слишком длинными и слишком большими, и пару некогда красных подтяжек, посеревших от пыли — тех, которые Олден называл «помочи». Подумав, что закатанные брюки могут оказаться опасными, если их владельцу придется бежать, Роб хирургическими ножницами отрезал от штанин по восемь дюймов ткани. К тому времени, как он поухаживал за лошадьё, вода на печке нагрелась. Он снова убрал доски и опустил в яму воду, тряпки, мыло и брюки, после чего вернул доски на место, затушил огонь в печи, задул лампу.

На секунду задержался, прежде чем уйти.

— Доброй ночи, — сказал он, обращаясь к закрытой досками яме. Оттуда доносился шорох, словно медведь копошился в логове: беглец мылся.

— Спасибо, господин, — прозвучал наконец хриплый шепот, словно говоривший находился в церкви.

* * *

Роб Джей думал о нем как о первом постояльце в гостинице. Негр просидел в яме семьдесят три часа. Джордж Клайберн, весело и непринужденно поздоровавшись, ведя себя так вежливо, что манеры его походили на светские, забрал беглеца среди ночи и куда-то увез. Хотя было так темно, что Роб Джей не видел деталей, он был уверен, что квакер аккуратно прикрыл лысину на макушке прядью волос, а его розовый подбородок были выбрит так же тщательно, словно на дворе светило полуденное солнце.

Приблизительно неделю спустя Роб Джей испугался, что его, Клайберна, доктора Барра и Кэррола Вилкенсона арестуют за соучастие в краже личной собственности: до него дошли слухи, что Морт Лондон арестовал сбежавшего раба. Но оказалось, что тот человек был не «его» негром, а рабом, который сбежал из Луизианы и скрывался на речной барже, о чем никто не знал и уж тем более не помогал ему.

Неделя для Морта Лондона выдалась удачной. Через несколько дней после того, как он получил приличную премию за возвращение раба, Ник Холден вознаградил его за преданность, выбив для него место помощника маршала в Рок-Айленде. Лондон тут же ушел в отставку с поста шерифа. По его рекомендации мэр Андерсон назначил на его место его единственного помощника, Фритци Грэма, до следующих выборов. Роб Джей не любил Грэма, но при первой же встрече новый действующий шериф не стал тратить зря время и сразу же указал на то, что не собирается продолжать противостояние, как Морт Лондон.

— Очень надеюсь, что вы снова станете активно помогать нам как коронер, доктор. Действительно активно.

— Буду рад, — ответил Роб Джей. Это была правда, потому что ему очень не хватало возможности поддерживать навыки хирурга, проводя вскрытия.

Воодушевленный таким разговором, он не мог не поддаться искушению и попросил Грэма вновь открыть дело об убийстве Маквы, но увидел на лице нового шерифа выражение такой настороженности и недоверия, что понял: ничего не выйдет, — хотя Фритци и пообещал: «Сделаю все, что в моих силах, можете не сомневаться, сэр».

Толстые молочно-белые катаракты заполнили глаза Королевы Виктории, и благородная старая кобыла полностью ослепла. Будь она помоложе, он попробовал бы удалить катаракты, но как рабочая лошадь она уже никуда не годилась и он не видел необходимости причинять ей лишнюю боль. Однако и забивать ее он не спешил, потому что она, похоже, вполне довольствовалась прогулкой по лугу, где ее навещали все обитатели фермы, чтобы угостить яблоком или морковкой.

Но семье нужна была лошадь, которую можно было бы использовать, когда Роб уезжал. Вторая кобыла, Бесс, была еще старше Вики, скоро и ее придется менять, и Роб продолжал искать подходящую кобылу. Он был человеком привычки и очень не хотел приспособливаться к новому животному, но наконец в ноябре купил у Шрёдера универсальную лошадь, маленькую гнедую кобылу, ни молодую, ни старую, за достаточно разумную цену; так что он бы не сильно расстроился, если бы она не совсем отвечала их требованиям. Шрёдер звал ее Труды, и они с Сарой решили не менять кличку. Он ненадолго выезжал на ней, ожидая подвоха, хотя в глубине души знал, что Альма и Гус не продали бы ему плохую лошадь.

Одним морозным днем он поехал на Труды навещать больных; по обычному маршруту — весь городок и окрестности. Лошадка была поменьше и Вики, и Бесс, казалась более костлявой под седлом, но хорошо слушалась и была в целом очень спокойным животным. К тому времени, как спустились сумерки и они вернулись домой, он понял, что она прекрасно подходит им, и не спеша вытер ее, напоил и накормил. Шрёдеры обращались к ней только по-немецки. Весь день Роб Джей разговаривал с ней по-английски, но теперь погладил ее по боку и, улыбаясь, сказал: «*Gute Nacht, meine gnädige Liebchen*» ^[9], — опрометчиво израсходовав сразу весь свой запас немецких слов.

Он взял фонарь и пошел к выходу из амбара, но, когда показался в дверях, прозвучал какой-то громкий хлопок. Он постоял, пытаясь понять, что это, стараясь поверить в то, что это вовсе не ружейный выстрел, а другой, похожий на него звук. Его сомнения развеял второй выстрел, последовавший вслед за первым: раздался глухой стук и щелчок, и с перемычки двери слетела щепка, сбитая пулей — меньше чем в восьми дюймах от его головы.

Придя в себя, он быстро шагнул назад и задул фонарь.

Он услышал, как открылась и хлопнула дверь черного хода, услышал топот ног.

— Папа! Ты живой? — крикнул Алекс.

— Да. Иди в дом.

— Что...

— Немедленно!

Шаги пошли в обратном направлении, дверь открылась и захлопнулась. Всматриваясь в темноту, он заметил, что дрожит. Три лошади беспокойно переступали с ноги на ногу в стойлах, а Вики тихонько заржала. Время остановилось.

— Доктор Коул! — услышал он приближающийся голос Олдена. — Это вы стреляли?

— Нет, кто-то выстрелил и угодил в амбар. Чуть не попал в меня.

— Оставайтесь внутри! — решительно крикнул Олден.

Роб Джей понял ход мыслей работника. До гусяного ружья, которое лежит у него в хижине, слишком далеко, и потому он принесет охотничье ружье из дома Коулов. Роб услышал его шаги, как он произнес «Это всего лишь я», как открылась и закрылась дверь в дом.

...И снова открылась. Затем шум удаляющихся шагов Олдена — и тишина. Прошло, наверное, минут семь — но они показались Робу столетием, — и шаги подошли к амбару.

— Никого там нет, насколько я видел, доктор Коул, а я хорошо искал. Куда он тут угодил? — Когда Роб Джей указал на поврежденную перемычку, Олдену пришлось встать на цыпочки, чтобы коснуться ее. Они не стали зажигать фонарь, чтобы хорошенько все рассмотреть.

— Да какого черта? — дрожащим голосом спросил Олден, и его лицо так побелело, что его даже стало видно, несмотря на окружающий мрак.

— Не может такого быть, чтоб это кто-то охотился на вашей земле. Стрелять так близко к дому, и притом что ни зги не видно! Если мне когда-нибудь попадется в руки этот подонок, больше он стрелять не сможет!

— Но ведь никто не пострадал. Я рад, что ты был рядом, — сказал Роб Джей, касаясь его плеча. Они вошли в дом вместе, чтобы успокоить семью и оставить в прошлом едва не произошедшую трагедию. Роб Джей налил Олдену бренди и присоединился к нему — такое случалось редко.

Сара приготовила его любимый ужин: зеленые перчики и молодой кабачок, нафаршированные пряным рубленным мясом и протушенные с картофелем и морковью. Он с аппетитом поел и похвалил кулинарные способности жены.

После еды Роб уединился в кресле на крыльце. Он понимал, что никакой это был не охотник: никто не охотится так близко к жилью, да еще в такое время, когда почти ничего не видно.

Связаны ли выстрелы и тайник? Скорее всего, нет. Ведь если бы кто-то и хотел отомстить ему за укрывательство беглых рабов, он скорее бы дождался, пока он спрячет в тайнике очередного негра. Тогда глупого доктора Коула арестовали бы, а выдавший его получил бы щедрую награду за раба.

И тем не менее Роб не мог отмахнуться от крепнущего подозрения, что выстрел был предупреждением и кто-то хотел, чтобы он задумался об этом.

В небе висела полная луна — это не та ночь, чтобы бегать по полю и охотиться на людей. Сидя в кресле, глядя на луну, изучая неровные, резкие лунные тени от

раскачивающихся на ветру деревьев, он согласился с тем, что настойчиво шептала ему интуиция: что сегодня он наконец получил ответ на свои письма.

Первый еврей

Рэйчел боялась Судного дня, но любила еврейскую Пасху: восемь дней праздника Пейсах более чем компенсировали тот факт, что у других есть Рождество. На Пейсах Гайгеры оставались дома, который казался ей приютом, заполненным теплым светом. Это был праздник музыки, пения и игр, страшных библейских легенд со счастливым концом и особой пищи на седер: они ели мацу, которую доставляли из самого Чикаго, а мать пекла множество бисквитных пирожных, таких высоких и легких, что в детстве она верила отцу, когда он советовал ей внимательно наблюдать за ними, потому что тогда она увидит, как они поднимаются в воздух.

На Рош Хашана и Йом Киппур, каждую осень, семья собирала вещи после нескольких недель подготовки и отправлялась в поездку, занимавшую большую часть дня: фургоном — до Гейлсберга, затем поездом — до причала на Иллинойс-ривер, а потом — вниз по реке, паромом, до Пеории, где жила еврейская община и стояла синагога. Хотя они приезжали в Пеорию только на две святые недели в году, они, как и все остальные члены конгрегации, платили взносы и у них в синагоге были личные, подписанные места. Во время святых дней Гайгеры всегда останавливались в доме Морриса Гольдвассера, торговца тканями, видного члена *шули* [10]. В мистере Гольдвассере все было крупным, включая его тело, его семью и его дом. Он отказался брать с Джейсона деньги, объяснив, что это *мицва* [11], ведь он дает возможность другому еврею поклоняться Богу; и настаивал, что, если Гайгеры заплатят за его гостеприимство, то лишат его благословения. Таким образом, каждый год Лилиан и Джейсон долгие недели переживали по поводу подходящего подарка, который бы продемонстрировал их благодарность за приют.

Рэйчел ненавидела все, что касалось этого праздника и портило каждую осень: приготовления, беспокойство о выборе подарка, утомительную поездку, тяжесть жизни в чужом доме в течение двух недель, боль в желудке и головокружение из-за двадцатичетырехчасового поста во время Йом Киппур.

Для ее родителей каждое посещение Пеории было возможностью вспомнить о том, кто они. С ними стремились пообщаться, потому что кузен Лилиан, Иуда Бенджамин, был избран сенатором Соединенных Штатов от Луизианы — первым еврейским членом Сената, — и все хотели поговорить о нем с Гайгерами. Они ходили в синагогу при каждом удобном случае. Лилиан обменивалась рецептами, узнавала свежие сплетни. Джей говорил с мужчинами о политике, выпивал за беседой одну-две порции шнапса, менялся сигарами. Он расписывал им Холден-Кроссинг, не жалея ярких красок, и признавался, что пытался привлечь туда других евреев, чтобы там собрался *миньян* [12] из десяти мужчин, давая ему возможность участвовать в коллективном богослужении. Другие мужчины относились к нему с теплотой и пониманием. Из них всех только Джей и Ральф Зейксас, родившиеся в Ньюпорте, Род-Айленд, были коренными американцами. Остальные приехали из-за границы

и знали, что значит быть пионером. Тяжело, соглашались они, быть первым евреем, поселившимся в конкретной местности.

У Гольдвассеров было две пухлых дочери: Роза, на год старше Рэйчел, и Клара, на три года старше ее. Когда Рэйчел была маленькой девочкой, она любила играть в игры (в «дом», «школу» и «взрослых») с девочками Гольдвассер, но в тот год, когда Рэйчел исполнилось двенадцать, Клара вышла замуж за Гарольда Грина, шляпника. Супруги жили с родителями Клары, и когда Гайгеры приехали на святые дни, Рэйчел обнаружила, что многое изменилось. Клара больше не хотела играть во «взрослых», потому что она действительно стала взрослой, Замужней Дамой. Со своей сестрой и с Рэйчел она разговаривала мягко и снисходительно, с милым постоянством ждала своего мужа, и ей разрешали благословлять свечи на *Шаббат* — честь, оказываемая хозяйке дома. Но однажды ночью, когда три девушки остались в большом доме одни, они выпили виноградного вина в комнате Розы, и пятнадцатилетняя Клара Гольдвассер-Грин забыла, что она солидная дама. Она рассказала Рэйчел и своей сестре о том, каково это — быть замужем. Она раскрыла им самые священные тайны взрослого женского общества, подробно останавливаясь на восхитительных особенностях физиологии и привычек еврейских мужчин.

И Роза, и Рэйчел уже видели член, но всегда в миниатюре: у младших братьев или кузенов, у младенцев в ванне — мягкий розовый придаток, заканчивающийся обрезанной кнопкой гладкой плоти с одной-единственной дырочкой посередине, через которую мальчики писают.

Но Клара, осушая бокал за бокалом и прикрыв глаза, с озорством описывала различия между еврейскими младенцами и еврейскими мужчинами. И, подбирая язычком последние капли на ободке бокала, она описывала превращение нежной и невинной плоти, когда еврейский мужчина ложится рядом со своей женой, и то, что впоследствии между ними происходит.

Никто не завизжал от ужаса, но Роза схватила подушку и обеими руками прижала ее к лицу.

— Это часто происходит? — спросила она приглушенным из-за подушки голосом.

Очень часто, подтвердила Клара, и обязательно — на *Шаббати* в религиозные праздники: Бог сообщил еврейским мужчинам, что это благословение.

— Конечно, за исключением менструации.

Рэйчел знала о менструации. Это была единственная тайна, которую мать доверила ей; с девушкой такого еще не происходило, но она не стала признаваться в этом сестрам. Однако беспокоило ее другое — соотношение размеров восставшей плоти мужчины и здравого смысла. Она нарисовала в своем воображении ужасную картину и, повинувшись инстинкту, сцепила руки на коленях.

— Разумеется, — тихо заявила она, — сделать такое просто невозможно.

Иногда, надменно сообщила им Клара, ее Гарольд использовал чистое кошерное масло.

Роза Гольдвассер убрала подушку от лица и уставилась на сестру; в глазах у нее светилось недоверие к только что сделанному открытию.

— Так вот почему у нас так быстро заканчивается масло! — воскликнула она.

Следующие дни оказались особенно тяжелыми для Рэйчел. Они с Розой, столкнувшись с необходимостью расценить откровения Клары как ужасные или забавные, движимые стремлением к самозащите, предпочли считать их забавными. Во время завтрака и обеда, на которых обычно подавались молочные продукты, им достаточно было встретиться

взглядами, чтобы взорваться смехом, таким глупым, что несколько раз их с позором отсылали прочь. За обедом, когда к женщинам двух семей присоединились мужчины, ей было еще тяжелее: она не могла сидеть почти напротив Гарольда Грина, смотреть на него и вести беседу — и не представлять себе *это*, намазанное маслом.

На следующий год, когда Гайгеры поехали в Пеорию, Рэйчел с разочарованием узнала, что ни Клара, ни Роза больше не живут в доме родителей. У Клары и Гарольда родился сын, и они переехали в собственный небольшой домик на крутом берегу реки. Когда они приходили к Гольдвассерам, Клара занималась ребенком и почти не обращала внимания на Рэйчел. Роза вышла замуж в июле прошлого года, за человека по имени Сэмюэль Бильфильд, который увез ее в Сент-Луис.

В тот Йом Киппур, когда Рэйчел с родителями стояли возле синагоги, к ним подошел пожилой мужчина по имени Бенджамин Шёнберг. Мистер Шёнберг носил высокий бобровый цилиндр, гофрированную белую рубашку из хлопка и черный галстук-ленточку. Он поболтал с Джемом о состоянии дел в торговле лекарственными препаратами, а затем начал вежливо расспрашивать Рэйчел о делах в школе и о том, много ли она помогает матери по дому.

Лириан Гайгер улыбнулась старику и загадочно покачала головой. «Еще слишком рано», — сказала она, и мистер Шёнберг улыбнулся в ответ, кивнул, и скоро, сказав еще пару любезностей, удалился.

В тот вечер Рэйчел подслушала обрывки разговора между матерью и миссис Гольдвассер, которая сообщила, что Бенджамин Шёнберг — шадхен, сваха. Дело в том, что мистер Шёнберг устроил браки и Клары, и Розы. Ее охватил страх, но она немного успокоилась, вспомнив, что ее мать заявила свахе. Она слишком молода для брака, и ее родители это прекрасно понимают, сказала она себе, игнорируя тот факт, что Роза Гольдвассер-Бильфильд была старше ее лишь на восемь месяцев.

Всю осень, включая эти две недели, которые она провела в Пеории, тело Рэйчел изменялось. У нее появилась грудь. С самого начала она была настолько пышной, что иногда было тяжело удержать равновесие, и потому скоро девочке пришлось узнать о поддерживающих предметах одежды, о мышечной усталости и болях в пояснице. Именно в тот год к ней стал прикасаться мистер Байерс, сделав ее жизнь невыносимой, пока отец все не исправил. Когда Рэйчел рассматривала себя в зеркале матери, она успокаивала себя тем, что ни один мужчина не захочет взять в жены девушку с прямыми темными волосами, узкими плечами, слишком длинной шеей, слишком тяжелой грудью, бледной не по моде кожей и ничем не примечательными карими глазами, большими, как у коровы.

Затем ей пришло в голову, что мужчина, который согласится взять такую девушку, должен быть непременно уродлив, глуп и очень беден, и она понимала, что каждый день приближает ее к этому будущему, думать о котором она совершенно не желает. Она злилась на своих братьев и говорила им гадости, потому что они даже не догадывались, какие привилегии давала им принадлежность к мужскому полу: право жить сколько угодно в тепле и безопасности родительского дома, право ходить в школу и учиться без ограничений.

Менструации у нее начались поздно. Мать время от времени задавала ей наводящие вопросы, высказывая свое беспокойство тем, что этого до сих пор не произошло. Однажды днем Рэйчел помогала матери варить земляничное варенье. Внезапно живот у нее свело от

столь сильной боли, что она согнулась пополам. Мама посоветовала ей проверить белье и оказалась права: у Рэйчел пошла кровь. Ее сердце колотилось как бешеное, но в общем она этого ожидала. К тому же все произошло, когда рядом с ней была мать, и она успокоила ее и показала, что надо сделать. Все было хорошо, пока мать не поцеловала ее в щеку и не сказала ей, что она стала женщиной.

Рэйчел зарыдала. Она плакала и не могла остановиться. В течение многих часов она была безутешна. Джей Гайгер вошел в комнату дочери и лег рядом с ней на кровать, чего не делал с тех пор, как она выросла. Он погладил ее по голове и спросил, что случилось. У нее так тряслись плечи, что это разбивало ему сердце, и он спрашивал ее снова и снова. Наконец она прошептала: «Папа, я не хочу выходить замуж. Я не хочу покидать ни вас, ни мой дом».

Джей поцеловал ее в щеку и ушел, чтобы поговорить с женой. Лилиан очень расстроилась. Многие девочки выходили замуж в тринадцать. Она считала, что для ее дочери было бы лучше, если бы они устроили ее жизнь через хороший еврейский брак, чем если бы стали потворствовать ее глупому страху. Но муж напомнил ей, что, когда их поженили, Лилиан уже отметила свой шестнадцатый день рождения, а значит, вовсе не была юной девочкой. То, что было хорошо для матери, будет хорошо и для дочери, которой нужно дать шанс подрасти и свыкнуться с мыслью о браке.

Таким образом, Рэйчел получила приличную отсрочку, и ее жизнь сразу улучшилась. Мисс Барнем сообщила ее отцу, что ей очень легко дается учеба и что ей следует продолжить образование. Ее родители решили позволить ей весь день проводить в Академии, а не крутиться по хозяйству и на ферме. И они были вознаграждены радостью дочери и тем, что в ее глаза вернулась жизнь.

Она отличалась природной, врожденной добротой, но ее собственное несчастье сделало ее особенно чувствительной к людям, попавшим в ловушку обстоятельств. Она всегда была в таких близких отношениях с Коулами, словно они были кровными родственниками. Когда Шаман еще пешком под стол ходил, однажды его положили к ней в постель, он не сдержался и намочил простынь. Именно Рэйчел успокоила его и помогла побороть смущение, защитила от поддразнивания других детей. Болезнь, которая забрала у него слух, выбила ее из колеи, потому что это был первый случай в ее жизни, указавший на существование неизвестных и непредвиденных опасностей. Она наблюдала за тем, как Шаман борется с болезнью, испытывая отчаяние человека, который очень хочет все исправить, но совершенно бессилён в этом отношении, и она отмечала каждое его достижение с такой гордостью и радостью, словно он был ее братом. Рэйчел росла и видела, как меняется Шаман, как из маленького мальчика превращается в рослого юношу, легко обгоняя своего брата, Алекса. Из-за того что его тело созрело рано, в первые годы он был неуклюжим и неповоротливым, как щенок, и она смотрела на него с особой нежностью.

Она несколько раз сидела, никем не замеченная, в кресле с подголовником и поражалась храбрости и стойкости Шамана, восхищалась педагогическим талантом Дороти Барнем. Когда мисс Барнем задалась вопросом, кто мог бы помочь ему, Рэйчел отреагировала инстинктивно, она схватилась за представившуюся возможность. Доктор Коул и его жена были благодарны за ее готовность заниматься с Шаманом, а ее собственная семья обрадовалась тому, что они считали проявлением душевной щедрости. Но она понимала, что, по крайней мере отчасти, хотела помочь ему, потому что он был ее самым верным другом; и потому что однажды, абсолютно серьезно, этот маленький мальчик предложил убить мужчину, который ее обижал.

Основой коррекционной работы с Шаманом были долгие часы, умноженные на долгие часы, во время которых следовало игнорировать усталость, и очень скоро он начал подвергать сомнению авторитет Рэйчел, чего никогда не позволял себе с мисс Барнем.

— На сегодня достаточно. Я слишком устал, — заявил он, когда они остались наедине во второй раз — до того мисс Барнем помогала Рэйчел учить Шамана на протяжении пяти или шести занятий.

— Нет, Шаман, — твердо ответила Рэйчел. — Мы еще не закончили.

Но он убежал.

Когда это случилось во второй раз, она поддалась вспышке гнева, которая лишь вызвала у него улыбку, и она вернулась в дни детских забав и стала придумывать ему обидные прозвища. Но когда на следующий день все повторилось опять, на глаза у нее навернулись слезы, и он сдался.

— Ладно, давай попробуем еще раз, — неохотно предложил он.

Рэйчел была ему благодарна, но никогда не поддавалась искушению управлять им с помощью слез, чувствуя, что ему на пользу пойдет скорее жесткий подход. Через некоторое время долгие часы занятий превратились для них в обыденность. Когда прошло несколько месяцев и способности Шамана значительно расширились, она адаптировала тренировки мисс Барнем, и они пошли дальше.

Они проводили долгое время, тренируясь менять значение фразы с помощью перехода логического ударения в неизменном наборе слов:

У нас заболел ребенок.

У нас *заболел* ребенок.

У нас заболел *ребенок*.

Иногда Рэйчел брала его руку и сжимала ее, чтобы показать ему, какое слово нужно выделить, и ему это очень нравилось. Его стали раздражать упражнения с фортепиано, когда он должен был назвать ноту по колебаниям, которые чувствовал ладонью, потому что его мать ухватилась за это как за некий светский талант и иногда просила его выступить. Но Рэйчел продолжала работать с ним за фортепиано и приходила в восторг, когда играла гамму в другой тональности, а он мог обнаружить даже такое тонкое отличие.

Постепенно он перешел от распознавания нот фортепиано к распознаванию других колебаний в окружающем мире.

Скоро он мог уже сказать, что кто-то стучит в дверь, хотя самого стука и не слышал. Он мог почувствовать шаги человека, поднимающегося по лестнице, хотя их не замечали слышащие люди, находящиеся поблизости.

Однажды, подражая Дороти Барнем, Рэйчел взяла его крупную ладонь и приложила к своему горлу. Сначала она говорила с ним громко. Затем снизила звонкость голоса и перешла на шепот.

— Чувствуешь разницу?

Ее тело было теплым и очень гладким; тонким, но сильным. Шаман чувствовал и мышцы, и связки. Он подумал о лебеде, а затем — о крошечной пташке, когда ее пульс затрепетал у него под рукой так, как никогда не бывало, когда он держал ладонь на более

толстом и коротком горле мисс Барнем.

Он улыбнулся и ответил:

— Чувствую.

Вода поднимается

Никто больше не стрелял в Роба Джея. Если случай в амбаре был предупреждением с том, что он должен прекратить настаивать на расследовании смерти Маквы, то, кто бы ни нажал на гашетку, он имел все основания считать, что предупреждение достигло цели. Он больше ничего не предпринимал, потому что не знал, что еще можно предпринять. От конгрессмена Ника Холдена и губернатора Иллинойса пришли официальные письма. Они были единственными чиновниками, ответившими на его запрос. По сути их ответы были вежливым отказом. Он задумался, но обратился к более насущным проблемам.

Сначала к нему довольно редко обращались с просьбой спрятать в тайнике беглеца, но после нескольких лет помощи рабам тонкая струйка превратилась в мощный поток, и случались периоды, когда новые гости поселялись в тайнике достаточно часто.

Негры вызывали всеобщий и противоречивый интерес. Дред Скотт выиграл иск касательно своей свободы в суде низшей инстанции штата Миссури, но Апелляционный суд штата объявил его рабом, и его адвокаты-аболиционисты обратились в Верховный Суд Соединенных Штатов. Тем временем писатели и проповедники подняли шум, а журналисты и политические деятели с обеих сторон бурно обсуждали проблемы рабства. Первое, что сделал Фритц Грэм после избрания на должность шерифа на постоянный пятилетний срок — нанял свору «ищеек черномазых», потому что премии стали хорошим дополнительным заработком. Награды за возвращение беглецов увеличились в размере, а штрафы за помощь беглым рабам стали более суровыми. Робу Джею становилось страшно, когда он думал о том, что с ним может случиться, если его поймают, но чаще всего он просто запрещал себе об этом думать.

Джордж Клайберн здоровался с ним вежливо, но равнодушно, когда они случайно сталкивались в городе, словно они не встречались при совершенно иных обстоятельствах в темноте ночи. Побочным результатом сотрудничества стала возможность пользоваться обширной библиотекой Клайберна. Роб Джей часто брал оттуда книги и приносил их домой — в основном для Шамана, но иногда и для себя. В коллекции брокера была солидная подборка книг по философии и религии, но весьма незначительная — по науке. Роб Джей именно так и воспринимал ее владельца.

Прошел уже год с того момента, как он стал заниматься спасением негров. Клайберн пригласил его на встречу квакеров. Получив отказ, он смутился: «Я думал, вы могли бы счесть это полезным. Поскольку вы занимаетесь богоугодным делом».

Роб хотел было заметить, что он делал работу, нужную прежде всего людям, а не Богу. Эта фраза показалась ему весьма напыщенной, поэтому он промолчал, просто улыбнулся и покачал головой.

Он отдавал себе отчет в том, что его тайник — всего лишь одно звено, без сомнения,

очень длинной цепи, но не имел ни малейшего представления о том, как выглядит остальная часть системы. Они с доктором Барром никогда не говорили о том, что его рекомендация по сути сделала Роба преступником с точки зрения официального правосудия. Единственными тайными связными были Клайберн и Каррол Вилькенсон, который всякий раз сообщал ему, когда у квакера появлялась «новая интересная книга». Роб Джей предполагал, что, когда беглецы покидали его убежище, их везли на север, в Висконсин, а затем — в Канаду. Возможно, их переправляли на лодке через озеро Верхнее. По крайней мере, именно такой маршрут проложил бы он, если бы отвечал за планирование.

Большинство беглых были мужчинами, но изредка Клайберн приводил женщину. Внешний вид поражал разнообразием, но одеты они все были в рваные тряпки. У некоторых кожа была такого оттенка, что казалась ему квинтэссенцией черноты, у других — густо-фиолетовой, цвета спелых слив, или гагатовой, как жженая кость, или насыщенно-черной, как вороново крыло. Случалось, что цвет лиц был не таким насыщенным, варьируя от оттенков кофе с молоком до поджаренного хлеба, по той причине, что его разбавляла бледность, приобретенная через гены угнетателей. Так, большинство тех, кого укрывал Роб в своем тайнике, — это крупные мужчины с крепкими, мускулистыми телами, но один был стройным молодым человеком, почти белым, и носил очки в металлической оправе. Он сказал, что он — сын домашней негритянки и владельца плантации в месте под названием Шривс-Лендинг, штат Луизиана. Он умел читать и был очень благодарен Робу, когда тот дал ему свечи, спички и старые номера Рок-Айлендских газет.

Как врач Роб Джей приходил в отчаяние, потому что люди находились у него в сарае слишком недолгое время и он не успевал их вылечить. Он сразу понял, что линзы очков светлокожего негра были слишком сильными для его глаз. Через несколько недель после того, как юношу увезли, Роб Джей нашел пару очков, которые, как он считал, подошли бы лучше. Когда он в следующий раз приехал в Рок-Айленд, то пошел к Клайберну и спросил его, не может ли он организовать передачу очков, но Клайберн недоуменно посмотрел на очки и покачал головой. «Вам следует быть более разумным, доктор Коул», — заметил он и ушел, не попрощавшись.

В другой раз в тайнике целых три дня жил крупный мужчина с очень черной кожей, и этого времени более чем хватило Робу, чтобы заметить, что несчастный возбужден и страдает от неприятных ощущений в животе. Иногда его лицо серело и выглядело больным, и у него был чрезмерный аппетит. Роб не сомневался, что у беглеца солитер. Он дал негру бутылочку с лекарством, но предупредил, что принять его следует не раньше, чем он доберется до цели своего путешествия. «Иначе ты будешь слишком слаб для путешествия, и кроме того, будешь оставлять за собой четкий след жидкого стула, по которому сможет пройти любой шериф в штате!»

Он будет помнить их всех, пока жив. Он искренне сочувствовал их страхам и переживаниям. И тому были веские основания: когда-то он и сам был беглецом; на его глазах разыгралась трагедия сауков, кроме того, он понял, что важной составляющей его тревог были члены его семьи и их положение.

Он давно уже нарушил требование Клайберна ни в коем случае не расспрашивать беглецов. Кому-то из них хотелось поговорить, а кому-то — помолчать. Как минимум, он пытался выяснить, как их зовут. Хотя юношу в очках звали Нерон, большинство имен были иудейско-христианского происхождения: Моисей, Авраам, Исаак, Аарон, Питер (от Петр), Пол (от Павел), Джозеф (от Иосиф). Он снова и снова слышал одни и те же имена

напоминавшие ему об историях, которые рассказывала ему Маква о библейских именах в христианской школе для индейских девочек.

Он проводил столько времени с разговорчивыми беглецами, сколько позволяла безопасность. Один мужчина из Кентукки уже убежал, но его поймали. Он показал Робу Джею свои шрамы, протянувшиеся через всю спину. Другой, из Теннесси, признался, что хозяин относился к нему не так уж и плохо. Роб Джей спросил его, почему же он тогда сбежал, и мужчина поджал губы и покосился в сторону, словно подыскивая ответ.

«Не мог дождаться юбилея», — сказал он наконец.

Роб расспросил о «юбилее» у Джея. В Древней Палестине каждый седьмой год пахотную землю оставляли под пар, давая ей восстановиться, в соответствии с предписаниями Библии. После семи шаббатных лет пятидесятый год объявлялся юбилейным, то есть святым годом, и рабам-евреям дарили свободу.

Роб Джей подметил, что следовать традиции юбилеев, конечно, лучше, чем держать людей в рабстве бесконечно, но едва ли ее можно считать настоящим проявлением доброты, поскольку в большинстве случаев пятьдесят лет рабства длились дольше, чем целая жизнь.

Они с Джем очень осторожно говорили на эту тему, поскольку давно убедились в глубине различий своих убеждений.

— Ты знаешь, сколько рабов живет в Южных штатах? Четыре миллиона. То есть по одному черному на двух белых. Освободите их, и фермы и плантации, которые кормят аболиционистов на Севере, придется закрыть. А что делать с этими четырьмя миллионами? Как они будут жить? Во что превратятся?

— Со временем они станут жить точно так же, как живут все остальные. Если бы они получили хоть какое-то образование, то могли бы кем-нибудь стать. Фармацевтами, например, — сказал он, не в силах сдержаться.

Джей покачал головой.

— Ты просто не понимаешь. Само существование Юга зависит от рабства. Именно поэтому даже нерабовладельческие штаты считают помощь беглым рабам преступлением.

Джей наступил на любимую мозоль Роба.

— Вот только не надо рассказывать мне о преступлении! Африканская работоторговля оказалась вне закона еще в 1808 году, но чернокожих по-прежнему берут под прицел, запихивают в суда, как сельдей в бочку, везут в Южные штаты и продают на невольничьих рынках.

— Ну, сейчас ты говоришь о государственном праве. Каждое государство и каждый штат создает свои собственные законы. И вот эти-то законы и имеют значение.

Роб Джей фыркнул, и на том разговор и закончился. Во всех остальных вопросах они с Джем оставались близкими людьми и всегда поддерживали друг друга, но проблема рабства воздвигла между ними стену, о чем они оба сожалели.

Роб был человеком, который ценит разговор по душам, и он всякий раз поворачивал Трудю на дороге, ведущую к женскому монастырю святого Франциска, когда оказывался в тех местах. Он вряд ли смог бы четко назвать день, когда стал другом магушки Мириам Фероции. Сара вызывала у него физическую страсть, которая не стихала с годами и оставалась такой же важной для него, как еда и питье. Однако теперь она больше времени беседовала с пастором, чем с мужем. Еще во время дружбы с Маквой Роб понял, что для него возможно быть близким с женщиной без сексуальной близости. Теперь он снова доказал это

с сестрой ордена Святого Франциска, женщиной лет на пятнадцать старше его, на чьем суровом, обрамленном капюшоном лице горели строгие глаза.

До той весны он виделся с ней крайне редко. Зима была умеренной и странной: шли проливные дожди. Уровень грунтовых вод незаметно повышался. Неожиданно выяснилось, что реки и ручьи уже почти невозможно пересечь, а к марту городок заплатил за то, что находится на участке между двумя реками — ситуация стала неуправляемой и привела к настоящему наводнению. Река вышла из берегов и хлынула на землю Коулов. Вода бурным потоком ринулась вперед, смыв баню и дом женщин. *Гедоносо-те* Маквы она пощадила, потому что он был построен на небольшом возвышении. Дом Коулов тоже был выше разлившейся реки. Но вскоре после того, как вода отступила, Роба вызвали лечить первый случай опасной лихорадки. Потом заболел еще один человек. Еще и еще.

Саре пришлось взять на себя работу медсестры. Она, и Роб, и Том Беккерман валились с ног от усталости. И вот однажды утром Роб приехал на ферму Гаскела и обнаружил, что заболевшего лихорадкой Бена Гаскела уже вытерли мокрой губкой и успокоили две сестры святого Франциска. Все «коричневые тараканы» вышли из монастыря и стали ухаживать за больными. Он сразу с большой благодарностью отметил, что они превосходные медсестры. Каждый раз, когда он встречал их, их было двое. Даже настоятельница ходила за больными с напарницей. Когда Роб раскритиковал ее за это, считая хождение парами глупой причудой, Мириам Фероция холодно, но убежденно объяснила, что возражения здесь бесполезны.

Он догадался, что они работали в парах, чтобы помочь друг другу избежать слабости веры и плоти. Несколько дней спустя, заканчивая рабочий день чашкой кофе в женском монастыре, он укорил ее, что она боится позволить сестрам оставаться в одиночестве в доме протестанта. Он признался, что для него такая позиция непонятна.

— Неужели это значит, что ваша вера настолько слаба?

— Наша вера сильна! Но мы любим тепло и комфорт не меньше, чем их любят другие. Жизнь, которую мы выбрали, уныла. И достаточно сурова и без дополнительной муки соблазнов.

Он понял. Он был счастлив принять сестер милосердия в соответствии с условиями, выдвигаемыми Мириам Фероцией, ведь их уход играл немаловажную роль в излечении больных.

Вопрос, который регулярно задавала ему настоятельница, сочился презрением:

— Неужели у вас нет никакой другой медицинской сумки, доктор Коул, помимо этой потертой кожаной шгуки, украшенной толстыми иглами?

— Это моя *Мее-шоме*, сумка сауков. Ремни сделаны из «покрывала Иззе». Когда я ношу ее, я становлюсь неуязвимым для пуль, а мое присутствие помогает вырастить урожай и излечить больных.

Она изумленно посмотрела на него.

— Вы не веруете в нашего Спасителя, но принимаете защиту от языческого обряда индейцев-сауков?

— Ну, обряд ведь работает. — И он поведал ей о выстреле, который прозвучал, когда он выходил из амбара.

— Вы должны быть предельно осторожны, — предупредила она, наливая ему кофе. Пожертвованная им коза уже дважды рожала козлят, и оба раза — самцов. Мириам Фероция продала одного из козлов и каким-то образом приобрела еще трех коз, поскольку мечтала о сыроварне; но всякий раз, когда Роб Джей приезжал в монастырь, молока к кофе ему не

предлагали: все козы постоянно либо были беременны, либо кормили малышом. Он обходился без молока, как и монахини, и со временем даже полюбил черный кофе.

Их разговор свернул на деловые вопросы. Он разочарованно узнал, что ее запрос не пролил света на личность Элвуда Паттерсона, и признался, что обдумывает один план.

— А что, если бы нам удалось внедрить своего человека в Верховный орден звездно-полосатого флага? Возможно, мы бы смогли узнавать об их действиях заранее и предупреждать их.

— И как вы себе это представляете?

Он много над этим думал. Для осуществления его плана требовался коренной американец, который бы, во-первых, не вызвал в ордене никаких подозрений, а во-вторых, был бы близок Робу Джею. Джей Гайгер не подходит, потому что ВОЗПФ, скорее всего, не примет в свои ряды еврея.

— Мой работник, Олден Кимбел. Родился в Вермонте. Очень хороший человек.

Она грустно покачала головой.

— То, что он хороший человек, только все ухудшит, потому что очень возможно, что вам придется пожертвовать им, да и собой тоже, если решитесь воплотить свой план в жизнь. Они чрезвычайно опасные люди.

Он вынужден был признать мудрость ее слов. И факт, что Олден стареет. Он еще может работать, но годы — не шутка.

И он слишком много пьет.

— Вы должны набраться терпения, — мягко сказала она. — Я и дальше буду наводить справки. А пока вы должны подождать.

Она взяла его чашку, и он понял, что пришло время вставать со стула епископа и уходить, чтобы она могла подготовиться к повечерию. Он собрал свою украшенную иглами дикобраза защиту от пуль и улыбнулся, увидев, каким ревнивым и гневным взглядом настоятельница наградила *Мее-шоме*.

— Спасибо, матушка, — сказал он.

Под получением образования в Холден-Кроссинге обычно подразумевалось следующее: на один-два семестра семья отправляла детей в Академию, чтобы они научились хоть как-то читать, решать простые примеры и плохонько, но писать. На этом просвещение заканчивалось, и дети вступали во взрослую жизнь сельскохозяйственных рабочих. Когда Алексу исполнилось шестнадцать, он заявил, что сыт школой по горло. Несмотря на то, что Роб Джей предложил оплатить его дальнейшее образование, он стал работать полный день на овечьей ферме, вместе с Олденом, а Шаман и Рэйчел стали самыми старшими учениками в Академии.

Шаман хотел продолжать учебу. Рэйчел была благодарна судьбе за то, что у нее есть возможность спокойно плыть по течению. Как за спасательный круг, она цеплялась за неизменный ход дней. Девочка была на три года старше и ходила в Академию дольше

Шамана, но тем не менее они стали одноклассниками.

Что касается Дороти Барнем, то, если ей удалось хотя бы одному ученику открыть удивительный мир познания — это было для учительницы истинным счастьем. Она относилась к этим двоим как к бесценному сокровищу, щедро делясь с ними всем, что знала сама, и старалась узнать еще больше, чтобы поддерживать их интерес.

Шаман и Рэйчел теперь много времени проводили вместе за учебой. После уроков в Академии они немедленно переходили к занятиям по развитию речи. Два раза в месяц Шаман выполнял все упражнения перед учительницей. Иногда мисс Барнем предлагала внести какое-то изменение или новое упражнение. Она была в восторге от его успехов и радовалась тому, насколько полезен их союз с Рэйчел Гайгер.

По мере того как их дружба крепла, Рэйчел и Шаман стали доверять друг другу свои задушевные тайны. Рэйчел рассказала ему, как она боялась ехать в Пеорию каждый год на еврейские Святые дни. Он же вызвал у нее нежность, очень сжато и без подробностей поведав, как мучился из-за того, что мать с ним холодна: «Моей матерью, скорее, можно назвать Макву, и она это знает. Ее это огорчает, но все так и есть». Рэйчел давно заметила, что миссис Коул никогда не называет сына Шаманом, как это делают все остальные; Сара звала его Робертом — почти официально, точно так же, как и мисс Барнем. Рэйчел задумалась: не потому ли миссис Коул так поступает, что ей не нравятся индейские слова? Она как-то раз услышала разговор между Сарой и своей матерью: Сара тогда призналась, что рада тому, что сауки ушли навсегда.

Шаман и Рэйчел выполняли вокальные упражнения буквально повсюду: катаясь на плоскодонке Олдена, сидя на берегу реки за ловлей рыбы, собирая водяной кресс, гуляя пешком в прерии, очищая фрукты или овощи для Лилиан на веранде Гайгеров, выполненной в стиле Юга. Несколько раз в неделю они подходили к фортепиано Лилиан. Он мог почувствовать тональность ее голоса, прикасаясь к ее голове или спине, но ему особенно нравилось класть ладонь на гладкую, теплую кожу ее горла, когда она говорила с ним. Он понимал, что она наверняка чувствует дрожь его пальцев.

— Как жаль, что я не помню звука твоего голоса.

— А музыку ты помнишь?

— Вообще-то нет... Я услышал музыку на следующий день после Рождества, в прошлом году. — Она озадаченно посмотрела на него. — Она мне приснилась.

— И во сне ты действительно слышал музыку?

Он кивнул.

— Я ничего не видел, кроме чьих-то ног. Думаю, скорее всего, это были ноги моего отца. Ты помнишь, как иногда наши родители клали нас спать на полу, а сами играли? Я не видел твоих родителей, но я слышал скрипку и фортепиано. Я не помню, что именно они играли. Я только помню... музыку!

Она едва не потеряла дар речи.

— Им нравится Моцарт; возможно, именно его они и играли, — предположила она и сыграла что-то на фортепиано.

Но он вскоре покачал головой.

— Сейчас для меня это всего лишь вибрация. Та музыка была настоящей. С тех пор я все время пытаюсь снова услышать ее во сне, но у меня ничего не получается.

Он увидел, как блестят ее глаза, и, к его изумлению, она наклонилась к нему и поцеловала прямо в губы. Он поцеловал ее в ответ — это были новые ощущения, словно

другой вид музыки, решил он. Каким-то образом его ладонь оказалась у нее на груди и, когда они отстранились друг от друга, осталась лежать там. Возможно, все бы обошлось, если бы он сразу убрал руку. Но, как вибрации музыкальной ноты, он ощутил, как твердеет и тихонько шевелится ее напрягшийся сосок. Шаман надавил на него пальцем, и тогда Рэйчел размахнулась и ударила его по губам.

Она была сильной, так как выросла, работая на ферме. Второй удар чуть не угодил ему в правый глаз. Он сидел молча и даже не пытался защититься. Рэйчел била, сжав пальцы в кулак, и могла бы убить, если бы захотела. Верхняя губа Шамана была разбита, из носа сочилась кровь. Она шарахнулась от него и, отчаянно рыдая, убежала наверх. Им повезло, что никого не было дома. Он пошел за ней.

«Рэйчел... Рэйчел! Рэйчел!» — позвал он. Услышать ответ он не мог, а пойти за девушкой не посмел. Шаман вышел из дома Гайгеров и побрел на овечью ферму, шмыгая носом, чтобы не запачкать кровью платок. Возле дома он встретил Олдена — тот выходил из амбара.

— Святой Боже! Кто тебя так?

— Подрался.

— Ну, это я и сам вижу. Какое облегчение. Я-то уже начал думать, что Алекс — единственный мальчик Коулов, у которого есть хоть капля мужества. А второму тоже досталось?

— Да, и сильно. Намного хуже, чем мне.

— Вот как. Тогда ладно, — весело заявил Олден и ушел.

За ужином Шаману пришлось выслушать несколько длинных нотаций по поводу недопустимости драк.

Утром младшие дети с уважением поглядывали на его боевые раны, в то время как мисс Барнем подчеркнуто их игнорировала. Практически весь день они с Рэйчел не разговаривали, но, к удивлению Шамана, когда уроки закончились, она, как всегда, ждала его во дворе, и они, погрузившись в мрачную тишину, вместе пошли к ее дому.

— Ты рассказала отцу, что я прикоснулся к тебе?

— Нет! — резко ответила она.

— Хорошо. Не хотел бы я, чтобы он отхлестал меня, — совершенно серьезно заявил Шаман. Ему приходилось смотреть на Рэйчел, чтобы говорить с ней, и потому он заметил, что ее лицо заливают краской, и смутился, увидев, что она смеется.

— О, Шаман! Бедное твое лицо. Прости меня! — сказала она и сжала его ладонь.

— И ты меня, — произнес он, хотя и не совсем понимал, за что именно приносит извинения.

Они пришли к ней домой. Ее мать накормила их имбирным пирогом. Они поели, сели за стол друг напротив друга и стали делать уроки. Вернувшись в гостиную, Рэйчел села за фортепиано, а Шаман — рядом с ней на скамейку, постаравшись отодвинуться как можно дальше. Он боялся, что случившееся накануне все изменит, но, к его удивлению, ничего плохого не произошло. Тот эпизод просто остался между ними, даря им тепло, словно что-то очень личное, известное им одним, как чашка, из которой они пили вдвоем.

В официальном документе к Робу Джею содержалось требование явиться в суд в Рок-Айленде «на двадцать первый день месяца июня, в лето Господне одна тысяча восемьсот пятьдесят седьмого, в целях получения гражданства».

День был ясным и теплым, но окна в зале суда были закрыты, потому что заседание проводил достопочтенный Дэниел П. Аллан, а он терпеть не мог мух. Дел слушалось не много, и Роб Джей был уверен, что он очень скоро выйдет отсюда. Судья Аллан стал зачитывать ему слова присяги.

— Клянетесь ли вы отныне отречься от всех иностранных титулов и верности любой другой стране?

— Клянусь, — подтвердил Роб Джей.

— Клянетесь ли вы соблюдать и защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки, а также служить в армии?

— Э, нет! Ваша честь, нет, — твердо заявил Роб Джей. Судья Аллан мгновенно оживился и изумленно посмотрел на него. — Я не верю в пользу убийства, сэр, а значит, я никогда не стану принимать участия в военных действиях.

Похоже, эти слова вывели судью Аллана из состояния душевного равновесия. Роджер Мюррей, сидевший за столом секретаря рядом со скамьей, откашлялся.

— Судья, закон говорит, что в подобных случаях кандидат должен доказать, что он решительно не согласен с институтом обязательной военной службы и что служить в армии он не может в связи со своими верованиями. Это означает, что он должен принадлежать некоторой группе, такой как квакеры. Всем известно, что они против насилия.

— Я знаю и сам закон, и его толкование, — едко заметил судья, разъяренный тем, что Мюррей во всеуслышание напомнил ему о законе. Он посмотрел поверх очков. — Вы квакер, доктор Коул?

— Нет, Ваша честь.

— Но тогда кто вы, черт возьми?

— Я не исповедую никакую религию, — ответил Роб Джей и заметил, что судья посмотрел на него так, словно получил личное оскорбление.

— Ваша честь, вы позволите мне подойти к скамье? — произнес чей-то голос из задней части помещения. Роб Джей увидел, что это Стивен Хьюм, служивший юристом на железной дороге с тех самых пор, как Ника Холдена избрали в Конгресс. Судья Аллан дал ему знак приблизиться.

— Конгрессмен, — кивнул судья.

— Судья, — улыбнувшись, поприветствовал его Хьюм. — Хочу лично поручиться за доктора Коула. Он один из самых выдающихся джентльменов в Иллинойсе, и как врач служит людям днем и ночью. Все знают, что его слово крепко. Если он говорит, что не может сражаться из-за своих убеждений, то благоразумному человеку никаких иных доказательств не требуется.

Судья Аллан нахмурился, размышляя, не назвал ли его только что неблагоразумным этот юрист с политическими связями, и решил, что безопаснее всего будет наградить свирепым взглядом несчастного Роджера Мюррея.

— Продолжим процесс натурализации, — объявил он, и Роб Джей без дальнейших проволочек стал гражданином.

Возвращаясь в Холден-Кроссинг, он предался странным, печальным воспоминаниям о родине скоттов, от которой он только что отрекся, но его радовал тот факт, что он стал американцем. Вот только у страны было огромное количество проблем. Американский Верховный Суд решил, что Дред Скотт — раб, раз и навсегда, поскольку Конгресс не имел юридических полномочий на то, чтобы отменять рабство на территории отдельных штатов.

Сначала южане возликовали. Но скоро их охватил гнев, потому что лидеры Республиканской партии заявили, что не считают решение суда имеющим обязательную юридическую силу.

Роб Джей был убежден, что вердикт Верховного Суда несправедлив. Жена и старший сын стали яростными сторонниками Юга. Через свой тайник Роб переправил множество беглых рабов в Канаду, и за это время несколько раз попадал в опасные ситуации. Однажды Алекс сказал ему, что накануне ночью увидел на дороге Джорджа Клайберна, приблизительно в миле от овечьей фермы.

— Представляешь, он просто сидел на вершине груженной сеном телеги. В три часа ночи! Ну, что ты об этом скажешь?

— Думаю, что тебе нужно очень постараться, чтобы суметь встать раньше трудолюбивого квакера. Но что ты делал в три часа ночи на дороге? — спросил отец, и сыну пришлось выкручиваться, чтобы обойти стороной тему ночного пьянства и развлечений с женщинами на пару с Мэлом Говардом. Понятно, что вопрос о странных принципах работы Джорджа Клайберна больше не поднимался.

Другой ночью, в тот момент, когда Роб Джей запирал сарай, неожиданно появился Олден.

— Не могу уснуть. У меня закончилась бражка, и тут я вспомнил, что спрятал немного в сарае. — Работник поднял кувшин и предложил присоединиться к нему.

Зная, что алкоголь ослабляет дар, Роб Джей пил редко. Однако, не желая вызывать у Олдена лишних расспросов, он откупорил кувшин, сделал глоток и закашлялся. Олден расхохотался.

Робу очень хотелось, чтобы работник убрался подальше от сарая как можно скорее. В тайнике, по другую сторону двери, прятался пожилой негр с астматическими хрипами. Временами они усиливались, и Роб Джей опасался, что хрипы могут быть услышаны в том месте, где стояли они с Олденом. Но тот никак не хотел уходить. Сидя на корточках, он демонстрировал, как пьют виски чемпионы: засунув палец в ручку, водрузив раскачивающийся кувшин себе на локоть и приподняв последний так, чтобы можно было отправить нужное количество неразбавленного виски прямо в рот.

— В последнее время на ферме тихо? — спросил Роб Джей, вспомнив ночное происшествие со стрельбой.

Олден пожал плечами.

— Чаще всего я вечером моментально засыпаю: устаю от работы. Когда я не сплю, заснуть мне помогает пара глотков.

После смерти Идет Поет вид у Олдена стал куда более усталым.

— Нужно найти еще одного работника, чтобы он помогал тебе работать на ферме, — заметил Роб Джей — наверное, уже в двадцатый раз.

— Трудно отыскать хорошего белого, который согласится работать на дядю. С ниггером я работать не стану, — тут же добавил Олден. На этот раз Роб Джей задумался, насколько хорошо их разговор слышен в сарае.

— Кроме того, теперь со мной работает Алекс, и у него неплохо выходит.

— Правда?

Олден выпрямился. Его шатало. Должно быть, прежде чем прийти за добавкой, он успел влить в себя изрядное количество алкоголя.

— Черт! — возмущенно воскликнул он. — Доктор, вы никогда не отдаете должное этим паршивцам! — Крепко сжимая в руках кувшин, Олден поковылял обратно к своей хижине.

Однажды, когда лето уже катилось к концу, в Холден-Кроссинг забрел пожилой китаец, чье имя так и осталось неизвестным. Когда его отказались обслужить в салуне Нельсона, он нанял проститутку по имени Пенни Дэвис, велел ей купить бутылку виски и отвести его к своей лачуге, где на следующее утро и умер, прямо в ее кровати. Шериф Грэм заявил, что не потерпит в своем городе шлюху, которая делила постель с узкоглазым, а затем предлагала то же самое белым, и он лично принял меры, чтобы Пенни Дэвис покинула Холден-Кроссинг. Затем он распорядился погрузить тело китайца в фургон и доставить его коронеру.

В тот день, когда Роб Джей подошел к своему сараю, его уже ждал Шаман.

— Никогда не видел человека с Востока.

— Этот вот, к сожалению, мертв. Ты ведь знаешь об этом, правда, Шаман?

— Да, папа.

Роб Джей кивнул и открыл замок.

Тело было накрыто простыней, и он убрал ее, свернул и положил в старое деревянное кресло. Его сын был бледен, но спокоен и пристально изучал лежащий на столе труп. Китаец был маленького роста, худым, но мускулистым, глаза у него были закрыты. Цвет его кожи находился где-то посередине между бледностью белого и краснотой индейца. Ногти на ногах у него пожелтели и загрубели, их давно не обрезали; посмотрев на них глазами сына, Роб растрогался.

— А сейчас мне нужно делать свою работу, Шаман.

— Можно мне посмотреть?

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Да, папа.

Роб взял скальпель и вскрыл грудную клетку. Оливер Уэнделл Холмс умел театрально представить смерть: Роб же все описал простыми, доступными словами. Он предупредил, что внутренности человека воняют хуже, чем любая дичь, которую мальчику приходилось свежевать, и посоветовал Шаману дышать через рот. Потом он добавил, что остывшая ткань — это уже не человек.

— Что бы ни делало этого человека живым — кое-кто называет это душой, — оно уже оставило его тело.

Лицо Шамана было бледным, но в глазах светился интерес.

— И эта его часть отправляется на небеса?

— Я не знаю, куда она отправляется, — мягко сказал Роб. Взвешивая органы, он позволил Шаману вести записи. — Вильям Фергюсон, мой наставник, часто говорил, что дух оставляет тело, словно опустевший дом, и потому мы должны относиться к телу с почтением и осторожностью, из уважения к человеку, который раньше там обитал.

— Это — сердце, а вот — то, что убило его. — Он удалил орган и положил его Шаману в руки, чтобы он мог рассмотреть потемневший кусок мертвой ткани, торчавшей между мышцей и стенкой предсердия и формой походившей на пузырь.

— Но почему с ним это случилось, папа?

— Я не знаю, Шаман.

Он вернул органы на место и закрыл разрез, и к тому времени, когда они вместе вымыли руки, лицо Шамана снова порозовело.

Выдержка сына порадовала Роба Джея.

— Я тут подумал, — сказал он. — Хочешь иногда проводить исследования здесь, со

мною?

— Очень хочу, папа! — просияв, воскликнул Шаман.

— Мне пришло в голову, что, возможно, ты захочешь получить научную степень по естественным наукам. Ты мог бы зарабатывать себе на жизнь, работая учителем, а возможно, и преподавателем колледжа. Как ты считаешь, тебе это могло бы понравиться, а, сынок?

Шаман серьезно посмотрел на него, и его лицо снова помрачнело, когда он стал обдумывать ответ. Наконец он пожал плечами и заявил:

— Возможно.

Учителя

В январе того же года Роб Джей положил в тайник дополнительные одеяла, потому что беглецы с глубокого Юга сильно страдали от холода. Снега выпало меньше, чем обычно, но достаточно, чтобы покрыть обработанные поля и придать им сходство с прерией. Иногда, возвращаясь с ночного вызова домой, он мечтал, что вот поднимет голову и увидит длинную цепь краснокожих, скачущих вслед за шаманом и вождем на выносливых конях по белым, сверкающим, непаханым равнинам. Или из темноты вдруг выйдут массивные горбатые существа и медленно направятся к нему. Он представлял себе, как иней покрывает их косматый коричневый мех, а свет луны мерцает на изогнутых рогах, окрашивая их кончики в зловещий серебристый цвет. Но наяву он ничего не видел, потому что в духов верил даже меньше, чем в Бога.

Наступила весна. Снег растаял, но в этот год обошлось без паводка — реки и ручьи остались в своих берегах. Этой весной он лечил меньше случаев лихорадки, чем обычно. Возможно, эти два факта были как-то связаны между собой. Однако умерло большее количество заболевших. Одним из пациентов, которых он потерял, была Матильда Коуэн, чей муж, Симеон, засадил половину участка на севере городка кукурузой: земля там была очень хорошая, хоть и немного сухая. У них было три маленьких дочери. Молодая женщина умерла, дети остались без матери, предполагалось, что ее муж быстро вступит в повторный брак. Когда Коуэн сделал предложение Дороти Барнем, школьной учительнице, многие удивились. Она сразу же ответила согласием.

Однажды утром, за завтраком, Роб Джей весело фыркнул, рассказывая Саре, что правление школы очень расстроилось.

— Мы-то рассчитывали на то, что Дороти так и останется старой девой. А этот Коуэн — умный парень. Она станет ему хорошей женой.

— Ей очень повезло, — сухо заметила Сара. — Она ведь намного старше его.

— Ну, Симеон Коуэн всего-то на три или четыре года моложе Дороти, — возразил Роб Джей, намазывая булочку маслом. — Разница не такая уж и большая. — И он удивленно улыбнулся, увидев, что его сын, Шаман, согласно кивнул, приняв посильное участие в обсуждении сплетен о своей учительнице.

В последний день работы мисс Барнем в Академии Шаман задержался и подождал.

пока остальные не разойдутся по домам, и подошел к ней попрощаться.

— Думаю, мы будем видаться в городе. Я рад, что вы не решили уехать в другое место, чтобы там выйти замуж.

— Я тоже рада, что буду жить в Холден-Кроссинге, Роберт.

— Хочу поблагодарить вас, — смущенно сказал он. Он прекрасно понимал, как много эта теплая и домашняя женщина значила в его жизни.

— Пожалуйста, дорогой мой. — Она сообщила его родителям, что больше не сможет учить его разговаривать: она будет слишком занята на ферме, и с мужем, и с тремя детьми. — Я уверена, что вы с Рэйчел чудесно справитесь и без меня. Кроме того, ты достиг такого уровня, когда в постоянных тренировках уже нет необходимости.

— Вы считаете, что когда я разговариваю, то делаю это точно так же, как и все остальные?

— Ну... — Она ненадолго задумалась. — Не совсем. Когда ты устаешь, у тебя все еще прорываются гортанные звуки. Но теперь ты прекрасно понимаешь, как именно должны звучать слова, и ты говоришь намного более членораздельно, чем некоторые отлично слышащие. Таким образом, отличия есть, но они невелики. — Она заметила, как он встревожился, и успокаивающе сжала его ладонь. — И эти... особенности твоей речи производят просто очаровательное впечатление, — добавила она и обрадовалась, увидев, как просветлело его лицо.

На собственные деньги он купил ей в Рок-Айленде маленький подарок: носовые платки, украшенные бледно-голубым кружевом.

— У меня тоже есть для тебя кое-что, — сказала она и вручила ему томик сонетов Шекспира. — Когда будешь их читать, обязательно вспоминай меня, — велела она ему. — За исключением романтических, конечно! — дерзко добавила она.

И они вместе посмеялись над этим, прекрасно понимая, что миссис Коуэн может произносить такое, о чем строгая школьная учительница мисс Барнем не смела и мечтать.

С началом активного весеннего судоходства на реке стали происходить случаи утопления. Молодой матрос упал с баржи и пропал из виду где-то вверх по течению. Его тело подхватило придонным потоком и вынесло на поверхность в окрестности Холден-Кроссинга. Никто из команды баржи не мог сказать, откуда он, о нем вообще ничего не знали, кроме того, что звали его Билли. Шериф Грэм отправил труп Робу Джею.

Шаман присутствовал при втором в своей жизни вскрытии и записывал в отцовский блокнот вес каждого органа, одновременно выясняя, что происходит с легкими утопленника. В этот раз наблюдение далось ему тяжелее. Китаец был для него чужим и по возрасту, и по национальности, но сейчас перед ним лежал юноша, лишь на несколько лет старше его брата, и его гибель напомнила Шаману, что и он может умереть. Однако ему удалось выбросить из головы все эти мысли, чтобы наблюдать и учиться.

Закончив процедуру вскрытия, Роб Джей начал вскрывать правую руку трупа пониже запястья.

— Большинство хирургов живет в ужасе перед рукой, — доверительно сообщил он Шаману. — Потому что они плохо знают, как устроена рука. Если ты станешь преподавателем анатомии или физиологии, ты должен досконально изучить ее.

Шаман понял, почему хирурги боятся резать руку: она, казалось, вся состоит из мышц, и сухожилий, и шарнирных суставов. Когда они закончили вскрывать правую руку, отец велел

ему самостоятельно проделать то же самое с левой. Мальчик был поражен и испуган.

Отец улыбнулся, прекрасно понимая, что сейчас чувствует его сын.

— Не волнуйся. Что бы ты ни сделал, боли он все равно не почувствует.

Так Шаман провел большую часть того дня: резал, прощупывал, наблюдал, запоминал названия крошечных косточек, выяснял, благодаря чему суставы живых людей могли двигаться.

Несколько недель спустя шериф прислал Робу Джею тело старухи, которая умерла на государственной ферме округа. Шаману очень хотелось возобновить обучение, но отец запретил ему входить в сарай.

— Шаман, ты когда-либо видел женщину без одежды?

— Видел однажды Макву. Она взяла меня с собой в баню и пела песни, пытаюсь вернуть мне слух.

Отец изумленно уставился на него, а затем понял, что должен объяснить свое решение.

— Я считаю, что, когда ты в первый раз увидишь тело женщины, она не должна быть уродливой мертвой старухой.

Он кивнул, почувствовав, как лицо заливают краской.

— Это уже не первый раз, папа. Маква же не была старой или уродливой.

— Не была, — согласился отец. Он похлопал Шамана по плечу, и они оба вошли в сарай и заперли за собой дверь.

В июле школьный комитет предложил место учительницы Рэйчел Гайгер. Не было ничего необычного в том, чтобы дать возможность кому-то из старших учеников преподавать в школе, когда открылась соответствующая вакансия. В своем письменном заявлении об отставке Дороти Барнем горячо рекомендовала девушку. Кроме того, как отметил Кэррол Вилкенсон, они могли платить ей зарплату новичка, и она жила у себя дома, а значит, ей не нужно предоставлять жилье.

Это предложение вызвало мучительную нерешительность в семействе Гайгеров, а также — серьезные, недоступные ушам Рэйчел беседы между Лилиан и Джейем.

— Мы и так уже слишком долго все откладываем, — заметил Джей.

— Но год работы в школе даст ей прекрасный опыт, поможет сделать прекрасную партию. Учительница — это так по-американски! — аргументировала Лилиан.

Джейсон вздохнул. Он нежно любил своих сыновей. Дэйв, Герм и Пончик были хорошими, любящими мальчиками. Как и их мать, все трое, кто лучше, кто хуже, играли на фортепиано. Дэйв и Герм хотели учиться играть на духовых инструментах, если родителям удастся найти учителя. Рэйчел была первенцем, единственной дочерью, в которой отец души не чаял, баловал, учил играть на скрипке... Она была папиной дочкой. Джей знал, что придет день — она выйдет замуж и навсегда уйдет из дома. А ему и Лилиан останется только ожидать от нее редких писем. Видеться они будут очень недолго, во время нечастых визитов в дом родителей или в дом ее мужа, возможно, далеко отсюда.

Он решил быть эгоистом и задержать ее в лоне семьи еще какое-то время.

— Хорошо, пусть будет учительницей, — заявил он Лилиан.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как наводнением смыло баню Маквы. Все, что осталось, это две каменные стены шести футов длиной, три фута высотой, стоящие на расстоянии двух с половиной футов друг от друга. В августе Шаман взялся возводить над

стенами каркас в виде полусферы из молодых побегов деревьев, переплетая их зелеными ивовыми прутьями. Он работал медленно и неумело. Вскоре и отец подключился к этой работе. Они проводили на стройке все свое свободное время. По истечении почти двух недель им удалось приблизительно воссоздать тот облик парной, какой она была в самом начале, когда Маква, Луна и Идет Поет построили ее за несколько часов.

Взяв молодые деревья и ивовые прутья, они сплели ясли размером в рост взрослого человека, и поставили их в баню, так что они касались вершин каменных стен.

У Роба Дджея была изодранная бизонья накидка и кусок оленьей кожи. Когда они натянули куски кожи на каркас, значительная его часть осталась открытой.

— Может, одеяло? — предложил Шаман.

— Лучше взять два, положить двойным слоем, иначе она не будет держать пар.

Они испытали парную в сентябре, в первый морозный день. Камни Маквы лежали в точности на том же месте, где она их оставила. Они развели огонь и поставили в него камни, чтобы те хорошенько раскалились. Шаман подошел к парной, закутавшись в одно лишь одеяло, которое сбросил у входа; дрожа, он лег в плетеные ясли. Роб Джей принес горячие камни, используя раздвоенные на конце палки, и положил их под яслями, затем вылил на них несколько ведер холодной воды и плотно закрыл дверь. Шаман лежал в клубах пара, чувствуя, как нарастает влажность. Он вспоминал, как он испугался в первый раз, как прижимался к Макве, спасаясь от высокой температуры и темноты. Он вспомнил странные знаки на ее груди, а когда прижался к ним щекой, они показались ему похожими на шрамы. Рэйчел была не такой плотной и коренастой, как Маква, и грудь у нее была более тяжелой. Мысли о Рэйчел возбудили его, и он занервничал, как бы его отец не вошел и не увидел его состояние. Он заставил себя снова подумать о Макве, вспомнить спокойствие и любовь, которые она излучала, — такие же умиротворяющие, как первые клубы теплого пара. Странно было лежать в парной, куда она заходила столько раз. С каждым годом воспоминания о ней блекли, и он спрашивал себя, зачем кому-то понадобилось убивать ее, откуда берутся плохие люди. Почти не осознавая этого, он начал петь одну из песен, которым она его научила: «Ви-а-я-ни, ни-на не-ни-се-ке-ви-то-се-ме-не ни-на... — Куда бы ты ни пошел, я иду рядом с тобой, сын мой».

Скоро отец принес еще несколько горячих камней и обдал их холодной водой. Пар заполнил баню. Шаман терпел, сколько мог, и хорошо пропотел. Когда дышать стало невозможно, он спрыгнул с яслей, выскочил на морозный воздух и окунулся в ледяную реку. В первое мгновение ему показалось, что это последняя баня в его жизни. Но кровь вновь побежала в его жилах, он забил руками по воде и поплыл к берегу. Издав боевой клич сауков, вылетел из воды и побежал в сарай, энергично вытерся насухо и нырнул в теплую одежду.

Видя, какое громадное удовольствие испытал его сын, отец тоже захотел попариться. Теперь пришел черед Шамана нагревать, носить и обливать водой камни.

Наконец, разгоряченные и довольные, они вернулись домой. Из-за бани они пропустили время ужина. Мать Шамана, обидевшись, оставила их тарелки на столе, и еда совершенно остыла. Им пришлось обойтись без супа и соскрести с баранины застывший жир. Труды отца с сыном по восстановлению парной стоили тех блаженных минут, которые они испытали, Маква знала толк в банных процедурах.

Начались занятия в школе. Рэйчел обнаружила, что работа учительницы дается ей легко. Ежедневное расписание было ей хорошо знакомо: уроки, классная работа, пение, домашние

задания...

Шаман лучше ее разбирался в математике, и она попросила его вести занятия по арифметике. Хотя ему не платили, Рэйчел хвалила его перед родителями и правлением школы, и ему нравилось вместе с ней планировать уроки.

Хотя мисс Барнем и сказала о том, что, возможно, ему уже нет необходимости выполнять упражнения для голоса, друзья продолжали заниматься. Теперь, когда Рэйчел стала учительницей, они проводили тренировки в Академии, после того, как дети уходили по домам, за исключением тех упражнений, для которых нужно было воспользоваться фортепиано. Шаман любил сидеть рядом с ней на скамье у инструмента, но куда большее удовольствие он получал, когда они оставались в школе наедине.

Ученики всегда шутили над тем, что мисс Барнем, похоже, никогда не отлучается в туалет, а теперь и Рэйчел демонстрировала аналогичное терпение. Едва дождавшись, когда все уйдут, она сразу же бежала в уборную. В отсутствие Рэйчел Шаман много думал над тем, что она носила под юбками. Старший рассказал Шаману, что, когда он сделал «это» с Петти Драккер, ему пришлось помочь ей выбраться из старого дырявого нижнего белья, которое принадлежало ее отцу. Шаман знал, что большинство женщин носит либо кринолины из китового уса, либо сорочки из конского волоса: от них все тело чесалось, но они давали больше тепла. Рэйчел холод не любила. Когда она возвращалась, то вешала свой плащ на крючок и спешила к печке, где грела сначала грудь, а потом и спину.

Она только месяц проработала учительницей, когда пришло время ехать в Пеорию вместе с семьей на Святые дни. Шаман половину октября заменял ее, и за это ему заплатили. Ученики уже привыкли к его манере обучения, поскольку он вел у них занятия по арифметике. Они знали, что ему нужно видеть их губы, чтобы понимать их. В первое утро Ренди Вильямс, самый младший сын кузнеца, отпустил какую-то шутку, повернувшись спиной к учителю. Дети засмеялись. Шаман спокойно кивнул и спросил Ренди, не хочет ли тот повисеть вниз головой. Он был крупнее большинства мужчин, которых они знали, и улыбки тут же исчезли с их лиц, а Ренди немного дрожащим голосом ответил, что нет, этого он совершенно не хочет. И оставшуюся часть этих двух недель работать с ними было легко.

В Холден-Кроссинг Рэйчел приехала в подавленном состоянии. Когда дети ушли, она вернулась из уборной, дрожа и плача.

Шаман подошел к ней и обнял. Она не стала сопротивляться, а просто стояла между ним и печкой, закрыв глаза.

— Я ненавижу Пеорию, — спокойно объявила она. — Ненавижу встречаться с таким количеством людей. Мои мать и отец... они всем обо мне рассказывали.

Ему показалось вполне логичным, что они гордятся ею. Кроме того, в ближайший год ей не нужно будет ездить в Пеорию. Он ничего не сказал. Даже не мечтая поцеловать ее, он был счастлив от возможности просто стоять рядом с ней, касаясь ее нежного тела, будучи уверенным в том, что между мужчиной и женщиной не может быть ничего прекраснее. Но неожиданно она резко отстранилась и устремила на него взгляд серьезных, заплаканных глаз.

— Ты мой самый верный друг.

— Да, — только и сказал он.

Два случая стали откровением для Роба Джея. Морозным ноябрьским утром Шаман остановил его по дороге к амбару.

— Я вчера ходил в гости к мисс Барнем — то есть к миссис Коуэн. Она просила передать тебе и маме ее наилучшие пожелания.

Роб Джей улыбнулся.

— Вот как? Весьма тронут. Думаю, она постепенно привыкает к жизни на ферме Коуэна?

— Да. Малышкам она, кажется, понравилась. Конечно, там очень много работы, а их всего двое. — Он посмотрел на отца. — Папа! Скажи, а таких браков, как у них, много? Ну, таких, когда женщина старше своего мужа?

— Да ты ведь знаешь, Шаман, что обычно бывает наоборот, но не всегда. Думаю, таких браков достаточно. — Он ждал, что беседа свернет куда-нибудь, но сын просто кивнул и пошел к Академии, а Роб вошел в сарай и оседлал лошадь.

Несколько дней спустя они с сыном работали в доме. Сара увидела в нескольких домах в Рок-Айленде новые напольные покрытия и упрашивала Роба Джея до тех пор, пока он не пообещал ей сделать три таких покрытия. Их делали, просмолив полотно и покрыв его пятью слоями краски. Материал в результате получался грязеустойчивым, водонепроницаемым и просто красивым. Она велела Алексу и Олдену нанести смолу и первые четыре слоя краски, но для последнего слоя ей понадобился муж.

Роб Джей смешивал краску для всех пяти слоев, используя пахту, приобретенное в магазине растительное масло и мелко помеленную коричневую яичную скорлупу, чтобы получить хороший цвет молодой пшеницы. Они с Шаманом наносили последний слой вместе, и теперь, солнечным воскресным утром, аккуратно проводили тонкую черную кайму по внешним краям каждой полосы, пытаясь закончить работу до того, как Сара вернется из церкви.

Шаман был удивительно терпелив. Роб Джей знал, что на кухне его ждет Рэйчел, но он видел, что юноша не пытается ускорить работу — в тот момент они чертили декоративную кайму на последней полосе покрытия.

— Папа! — внезапно произнес Шаман. — А чтобы жениться, нужно много денег?

— Хм. Прилично. — Он вытер кисточку о тряпку. — Ну, раз на раз не приходится, конечно. Некоторые пары живут с ее или его родителями, пока не обзаведутся своим жильем. — Он сделал трафарет из тонкой планки, чтобы облегчить себе работу, и теперь Шаман двигал его по новому полу и наводил черную кайму, заканчивая работу.

Они вымыли кисточки и убрали инструменты обратно в сарай. Не успели они повернуть назад к дому, как Шаман кивнул:

— Я понял, что раз на раз не приходится.

— Что куда не приходится? — рассеянно переспросил Роб Джей; он уже полностью сосредоточился на том, как откачать жидкость из распухшего колена Гарольда Гейса.

— Сумма, которая нужна, чтобы жениться. Она зависит от того, сколько мужчина зарабатывает, когда появится ребенок, ну и все в таком роде.

— Вот именно, — согласился Роб Джей. Он был заинтригован и озадачен, поняв, что пропустил какую-то очень важную часть разговора.

Но несколько минут спустя Шаман и Рэйчел Гайгер прошли мимо сарая по направлению к дороге, ведущей к дому. Шаман не сводил глаз с Рэйчел, чтобы видеть, что она говорит, но, посмотрев на лицо сына, Роб Джей сразу же понял, что происходит.

Несколько кусочков мозаики легли на свое место, и Роб скривился.

Прежде чем позаботиться о колене Гарольда Гейса, он направился к ферме Гайгеров.

Его друг точил косы в сарае с инструментами. Он улыбнулся вместо приветствия и продолжил широкими движениями водить точильным камнем по лезвию.

— Роб Джей!

— Джейсон!

На полу лежал еще один точильный камень; Роб Джей поднял его и начал точить вторую косу.

— Я пришел поговорить об одной проблеме, — начал он.

Взросление

Последний жизнестойкий слой снега все еще покрывал поля тонкой глазурью, когда Роб Джей начал весенние работы на овечьей ферме. Шамана, к его испугу и радости, впервые включили в эту деятельность. Раньше он выполнял кое-какие обязанности только от случая к случаю, а в основном ему давали возможность учиться и тренировать речь.

— В этом году нам не обойтись без твоей помощи, — сказал ему отец. — Олден и Алекс ни за что не признаются, но трем мужчинам, вместе или поодиночке, не справиться с работой, которую выполнял один Идет Поет. Кроме того, каждый год отара растет, и мы решили увеличить размеры пастбища. Я говорил и с Дороти Коуэн, и с Рэйчел. Они считают, что в Академии ты изучил все, что можно было. Они сказали мне, что тебе больше не нужно тренировать речь, и, — тут он широко улыбнулся, — должен заметить, что я с ними согласен. Как по мне, ты прекрасно разговариваешь!

Роб Джей постарался донести до Шамана, что работа в поле не будет для него постоянной: «Я знаю, что ты не хочешь заниматься сельским хозяйством. Но выручи нас сейчас, и мы подумаем о том, чем ты хочешь заниматься дальше».

Олден и Алекс забивали ягнят. Шаману поручили высадить живую изгородь из кустов, как только земля станет достаточно мягкой. Ограда из параллельных земле жердей не годится, когда имеешь дело с овцами, потому что животные легко убегают, протискиваясь между жердями; и тем же путем на ферму заходят хищники. Чтобы очертить границы нового пастбища, Шаман вспахал узкую полосу по периметру, а затем посадил маклюру, на достаточно близком расстоянии друг от друга, чтобы создать надежное препятствие. Семена он клал в землю с большой осторожностью, потому что они стоили пять долларов за фунт. Деревья вырастали сильными и ветвистыми, с длинными острыми шипами.

Живая изгородь надежно удерживала овец внутри, защищала от проникновения волков и койотов снаружи. Забор, который полностью отвечал этим требованиям, вырос за три года. Но Роб Джей начал высаживать колючую ограду с момента создания фермы, и, когда Шаман высадил новые кусты, он целыми днями стоял на лестнице, обрезая уже выросшие. Закончив это дело, принялся убирать с земли валуны, собирать хворост, ставить сваи, выкорчевывать пни на границе с лесом.

Его руки были поцарапаны шипами, на ладонях образовались мозоли. Поначалу мышцы сильно болели, но постепенно адаптировались к нагрузкам и окрепли. По ночам ему снились эротические сны. Иногда он не мог вспомнить, что ему снилось, или забывал

приснившихся ему женщин, но несколько раз, проснувшись, он четко помнил, что ему снилась Рэйчел. По крайней мере однажды героиней его сна была Маква, и это смутило и напугало его. Он отчаянно, но напрасно старался уничтожить улики прежде, чем простыню бросят в корзину с грязным бельем, ожидающим кипячения.

В течение многих лет он видел Рэйчел каждый день, а теперь они встречались крайне редко. Одним воскресным днем он пришел к ней домой, но на стук вышла ее мать.

— Рэйчел занята и не может с тобой разговаривать. Я передам ей привет от тебя, Роб Джей, — любезно сказала Лилиан.

Иногда субботним вечером, когда их семьи собирались, чтобы поиграть на музыкальных инструментах и пообщаться, ему удавалось сесть рядом с Рэйчел и поговорить о школе. Он скучал по своим урокам арифметики и расспрашивал ее об учениках, помогал составлять планы дальнейших уроков. Но она почему-то чувствовала себя очень неловко. Излучаемые ею тепло и свет погасли, как огонь, в который подбросили слишком много дров. Когда он предложил ей пойти погулять, ему показалось, что присутствовавшие в комнате взрослые напряженно ожидают ее ответа. Она сказала: «Нет, я не хочу идти прямо сейчас, но спасибо, Шаман». Родители явно вздохнули с облегчением и расслабились, услышав ее отказ.

Мать и отец объяснили Рэйчел ситуацию, с пониманием говоря о безумном увлечении юноши и четко заявляя, что именно на ней лежит ответственность за то, чтобы никоим образом не подпитывать его иллюзии. Однако сделать это оказалось очень тяжело. Шаман был ее другом, и она скучала по нему. Она волновалась о его будущем, но стояла на краю собственной пропасти, и попытки заглянуть в ее темные глубины вызывали у нее ужасное беспокойство и страх.

Рэйчел должна была догадаться, что безумное увлечение Шамана станет катализатором перемен, но с таким упрямством закрывала глаза на свое будущее, что когда Иоганн К. Регенсберг приехал на выходные в гости к ее родителям, она сначала восприняла его как друга отца. Это был среднего роста толстоватый приветливый мужчина лет сорока, который с уважением именовал хозяина дома «мистер Гайгер», себя же попросил называть просто — Джо. У него было приятное лицо, обрамленное короткой бородкой, но внимание собеседника всегда привлекали его живые, немного косящие синие глаза, глубокомысленно глядящие на мир из-за очков в металлической оправе. Редущие каштановые волосы росли в основном на самой макушке, что позволило Лилиан позже описать его друзьям как обладателя «высокого лба».

Джо Регенсберг появился на ферме в пятницу, задолго до начала традиционного субботнего обеда. Вечер и весь следующий день он провел, разделяя досуг с семейством Гайгеров. В субботу утром они с Джейсоном почитали Тору, уделив особое внимание Книге Левит. Пообедав холодными закусками, он осмотрел амбар и аптеку, а затем, несмотря на пасмурный день, пошел взглянуть на поля, которые засеют весной.

Гайгеры закончили день отдыха ужином, во время которого подали *чолнт* — блюдо, содержащее бобы, мясо, перловую крупу и чернослив, оно медленно готовится на горячих углях с предыдущего дня, потому что евреям запрещено разжигать огонь во время *Шаббата*. Позже пришло время музыки: Джейсон сыграл часть скрипичной сонаты Бетховена, уступив оставшуюся часть Рэйчел, которая любила играть последние такты, — а гость наблюдал за происходящим с очевидным удовольствием. В конце вечера Джо Регенсберг открыл свой огромный гобеленовый чемодан и достал оттуда подарки: для Лилиан — набор противней

для выпечки, изготовленный на его собственной фабрике в Чикаго; для Джея — бутылку прекрасного старого бренди; а для Рэйчел — книгу «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Она заметила, что для ее братьев он никаких подарков не привез. Тут же стала понятна цель его визита, и ее охватили ужас и растерянность. Омертвевшими губами она поблагодарила его, заметив, что ей нравится творчество мистера Диккенса, но к настоящему времени она прочитала только «Николаса Никлби».

— «Посмертные записки Пиквикского клуба» — мое самое любимое произведение, — сообщил он. — Мы непременно должны обсудить его, когда вы его прочитаете.

Ни один честный человек не назвал бы его красавцем, но лицо у него было умное. И она признала, что книга, пожалуй, наиболее уместный подарок, который деликатный мужчина вручил бы женщине в данных обстоятельствах.

— Я подумал, что это подходящий подарок для учительницы, — добавил он, словно мог прочесть ее мысли. Одежда на нем сидела лучше, чем на знакомых ей мужчинах; наверное, ее просто лучше сшили. Когда он улыбался, в уголках глаз разбегались лучики морщин.

Незадолго до описываемых событий Джейсон написал письмо Бенджамину Шёнбергу *шадхенув* Пеории, и для страховки отправил аналогичное письмо свахе по имени Соломон Розен в Чикаго, где число евреев неуклонно росло. Ответ Шёнберга был весьма цветист: он заявлял, что у него есть много молодых людей, из которых получатся замечательные женихи, и Гайгеры могут познакомиться с ними, когда приедут в Пеорию на Святые дни. Соломон Розен не стал сидеть сложа руки. Иоганн Регенсберг был одним из его лучших потенциальных женихов. Когда Регенсберг упомянул, что собирается поехать в западную часть Иллинойса, чтобы посетить магазины, торгующие его товарами, включая несколько магазинов в Рок-Айленде и Давенпорте, Соломон Розен немедленно устроил знакомство.

Спустя несколько недель после посещения от мистера Розена пришло еще одно письмо. Рэйчел произвела на Иоганна Регенсберга весьма благоприятное впечатление. Мистер Розен сообщал им, что у семьи Регенсберга *ичез* — прекрасная родословная, его предки в течение многих поколений служили нуждам общины. В письме указывалось, что среди предков мистера Регенсберга были учителя и библеисты, и род его восходит к четырнадцатому столетию.

Родители Иоганна, Леон и Голда Регенсберг, умерли. В этом деле его интересы представляла сестра покойного Леона Регенсберга, миссис Гарриет Фербер...

Когда Джей прочитал дальше, его лицо потемнело от негодования, — миссис Фербер, ссылаясь на семейные традиции, просила предоставить ей доказательства девственности невесты.

«Здесь не Европа. И они не корову покупают», — возмущенно воскликнул Джейсон.

На его холодный отказ ответили сразу. В своем примирительном письме мистер Розен просил прощения за бестактный вопрос и интересовался, нельзя ли тете Иоганна навестить Гайгеров. И вот, несколько недель спустя, в Холден-Кроссинг прибыла миссис Фербер — маленькая женщина с очень прямой спиной и ослепительно-белыми волосами, туго стянутыми в узел на затылке. Она привезла с собой корзинку с цукатами, пирогами, пропитанными бренди, и дюжиной бутылок кошерного вина. Появилась она как раз перед *Шаббатом*. Она по достоинству оценила кулинарные таланты Лилиан и музыкальные

способности членов семьи, но не сводила глаз с Рэйчел, постоянно беседовала с ней об образовании и детях. Было видно, что она сразу полюбила девушку всей душой.

Она оказалась вовсе не такой противной, как они боялись. Поздно вечером, пока Рэйчел наводила порядок в кухне, миссис Фербер уединилась с Джейем и Лилиан, и они поведали друг другу историю своих семей.

Предки Лилиан были испанскими евреями, сбежавшими от инквизиции: сначала в Голландию, а затем в Англию. В Америке у них было политическое наследство. Со стороны отца она состояла в родстве с Френсисом Сальвадором, который был избран своими соседями-христианами в Провинциальный конгресс Южной Каролины. Во время службы в рядах милиции, спустя несколько недель после принятия Декларации независимости, он стал первым евреем, погибшим за Соединенные Штаты: попал в засаду и был скальпирован тори и индейцами. Со стороны матери она состояла в родстве с Мендесом, кузеном Иуды Беньямина, сенатором Соединенных Штатов от Луизианы.

Джейсон Гайгер был из рода потомственных аптекарей с корнями в Германии. В 1819 году семья прибыла в Чарльстон, спасаясь от погромов, во время которых по улицам бежали толпы людей, разыскивая евреев и крича: «Хеп! Хеп! Хеп!» — клич этот восходил к крестоносцам и был составлен из первых букв фразы «*Hierosolyma est perdita*» — «Иерусалим разрушен».

Регенсберги уехали из Германии за десять лет до погромов Хеп-Хеп, сообщила миссис Фербер. У них были виноградники в Рейнской области. Большим богатством семейство не обладало, но жило вполне обеспеченно. Торговля жестяными изделиями Джо Регенсберга процветала. Он был из колена *коэнов*, и в его жилах текла кровь первосвященников Храма Соломонова. Если брак будет заключен, тонко намекнула она Лилиан и Джейю, то их внуки будут вести свой род от двух главных раввинов Иерусалима. Они сидели, обменивались довольными взглядами и пили прекрасный английский чай, извлеченный из все той же корзинки миссис Фербер. «Сестру моей матери тоже звали Гарриет, — сказала Лилиан. — Мы звали ее Хетти». Миссис Фербер тут же уточнила, что уж ее-то все называют исключительно полным именем — Гарриет, но произнесла она это с такой теплотой и так добродушно, что они с легкостью приняли приглашение навестить ее в Чикаго.

Несколько недель спустя, в среду, все шесть членов семьи Гайгер сели в вагон поезда в Рок-Айленде, собираясь предпринять пятичасовую поездку до самого Чикаго, без пересадок. Город оказался крупным, растянувшимся на десятки миль, полным людей, грязным и шумным, но, с точки зрения Рэйчел, просто захватывающим. Ее семья поселилась в номерах на четвертом этаже гостиницы «Палмерс Иллинойс хаус хоутел». В четверг и в пятницу, во время двух вечеров в доме Гарриет на Саут-Вабаш-авеню, они познакомились с другими родственниками, а в субботу утром посетили богослужение в семейной синагоге Регенсбергов, Конгрегации «Кехилат Анше Маариб», где Джейсону оказали высокую честь, попросив его благословить собравшихся. Вечером они отправились в мюзик-холл, где гастролирующая оперная труппа представляла «Волшебного стрелка» Карла Марии фон Вебера. Рэйчел еще никогда не была в опере, и протяжные, романтические арии привели ее в бурный восторг. В первом антракте между действиями Джо Регенсберг вывел Рэйчел на улицу и сделал ей предложение. Она согласилась стать его женой. Все прошло очень гладко, потому что настоящие договоренности были достигнуты между родителями и теткой. Из кармана он вынул кольцо, принадлежавшее его матери. Бриллиант, первый в жизни Рэйчел, был скромным, но красиво оправленным. Кольцо оказалось ей великовато, и она сжала руку

в кулак, чтобы оно не соскользнуло с пальца и не потерялось. Они вернулись на свои места. Началось следующее действие. Сидя в темноте рядом с Лилиан, Рэйчел взяла ее руку, положила ладонью на кольцо и улыбнулась, когда та восторженно ахнула. Позволив великолепной музыке отнести ее назад в немецкий лес, она подумала, что событие, которого она так боялась, возможно, является дверью к свободе и очень приятной власти.

В то жаркое майское утро, когда она пришла на овечью ферму, Шаман несколько часов подряд, до седьмого пота, косил траву, а затем собирал ее граблями в кучи, и был покрыт пылью и сеном. На Рэйчел было знакомое ему серое платье, местами потемневшее от влаги из-за жары, широкая серая шляпа, которую он еще не видел, и белые хлопковые перчатки. Когда она спросила, не может ли он проводить ее домой, он с радостью бросил грабли на землю.

Они немного поболтали о делах в Академии, но почти сразу она начала рассказывать ему о себе и о том, что произошло в ее жизни.

Улыбнувшись, Рэйчел сняла перчатку с левой руки и продемонстрировала ему кольцо — и он понял, что она выходит замуж.

— Так значит, ты переедешь?

Она взяла его за руку. Несколько лет спустя, снова и снова прокручивая в памяти эту сцену, Шаман чувствовал стыд за то, что не поговорил с ней. Не пожелал ей счастливого замужества, не открыл, что она значила для него, не поблагодарил ее.

Не попрощался.

Но он просто не мог поднять на нее глаза и потому не знал, что она говорит. Он стоял, словно окаменев, и ее слова скатывались с него, словно капли дождя.

Когда они дошли до ведущей к ее дому дороги, а он развернулся и пошел назад, то понял, что у него болит рука, потому что она слишком сильно сжимала ее.

На следующий день после того, как Гайгеры снова поехали в Чикаго, где Рэйчел должны были обручить под специальным навесом в синагоге, Роб Джей пришел домой и увидел Алекса, который сказал, что сам позаботится о лошади. «Ты лучше иди, посмотри, что происходит с Шаманом».

Войдя в дом, Роб Джей подошел к двери комнаты Шамана и постоял, прислушиваясь к хриплым, сдавленным рыданиям. Когда ему было столько же лет, сколько сейчас его сыну, он так же горько рыдал — потому что его собака стала агрессивной и кусачей, и мать отдала ее арендатору, который жил один на холмах. Но он понимал, что сын горюет о человеке, а не о животном.

Он вошел и сел на кровать.

— Есть кое-что, о чем тебе следует знать. Евреев очень мало, и они в основном окружены нами, а нас очень много. Потому что они считают, что, если не будут заключать браки между собой, то не смогут выжить. Но к тебе это не относится. У тебя никогда не было ни единого шанса. — Он протянул руку и отбросил влажные волосы сына со лба, а затем положил ладонь ему на макушку. — Потому что она — женщина, а ты — мальчик.

Летом школьный комитет, роя носом землю в поисках хорошего учителя, который согласился бы работать за маленькую зарплату по причине своей молодости, предложил работу в Академии Шаману, но он сказал «нет».

— Чем ты тогда хочешь заниматься? — спросил его отец.

— Не знаю.

— В Гейлсберге есть высшая школа, называется Нокс-колледж, — сказал Роб Джей. — Говорят, очень хорошее заведение. Может, ты хочешь продолжить образование? И сменить обстановку?

Сын кивнул.

— Думаю, да, — ответил он.

И так, через два месяца после своего пятнадцатого дня рождения, Шаман покинул родительский дом.

Победители и проигравшие

В сентябре 1858 года преподобного Джозефа Хиллса Перкинса назначили священником самой большой баптистской церкви в Спрингфилде. В числе его новой преуспевающей паствы были губернатор и многие члены законодательного собрания штата. Назначение вызвало у мистера Перкинса большое изумление. Прихожане его церкви в Холден-Кроссинге рассматривали его успех как неопровержимое доказательство собственной прозорливости: ведь когда-то они выбрали именно его! Какое-то время Сара была занята организацией прощальных обедов и вечеринок; а когда Перкинсы уехали, жителям городка снова пришлось искать нового священника, кормить и размещать целую армию странствующих проповедников и снова вести горячие споры о желательности отдельных кандидатов.

Какое-то время они отдавали предпочтение мужчине из северной части Иллинойса, который отличился пламенными речами, изобличающими грехи; но, к облегчению тех немногих, кому его стиль совершенно не импонировал (в их число входила и Сара), его пришлось исключить из списка по той простой причине, что у него было уже шестеро детей и седьмой на подходе, а приход был невелик. Наконец они остановились на мистере Люциане Блэкмере: краснощеким, толстым, как бочка, джентльмене, недавно переехавшем на Запад. «С морских просторов на просторы веры», отрекомендовал его Кэррол Вилкенсон, знакомя Роба Джея с новым священником. Мистер Блэкмер производил впечатление человека приятного, но настроение Роба Джея резко упало, когда он познакомился с его женой. Джулия Блэкмер была женщиной худой и нервной, а ее бледность и кашель выдавали запущенное заболевание легких. Приветствуя ее в Холден-Кроссинге, Роб Джей чувствовал на себе пристальный взгляд ее мужа, словно Блэкмер ждал заверений, что доктор Коул даст ему новую надежду и безошибочный курс лечения.

Холден-Кроссинг, Иллинойс

12 октября 1858 г.

Дорогой Шаман!

Я был рад узнать из твоего письма, что ты уже обосновался в Гейлсберге, здоров и с удовольствием учишься. У нас все хорошо. Олден и Алекс закончили резать свиней, и мы устраиваем настоящий пир, подавая на стол свежий бекон, ребрышки, лопатки, окорок (вареный, копченый и соленый), маринованное мясо, зельц и сало.

Ходят слухи, что новый священник начинает говорить с кафедры очень интересные вещи. Надо отдать ему должное, он мужественный человек, потому что свою первую проповедь посвятил определенным вопросам морали, вызываемых рабством; и хотя ему, похоже, удалось получить одобрение большинства присутствующих, после окончания проповеди достаточно упрямое и шумное меньшинство (включая и твою мать) высказали резкое несогласие с ним.

Я очень обрадовался, узнав, что Авраам Линкольн из Спрингфилда и сенатор Дуглас планировали устроить дебаты в Нокс-колледже 7 октября, и я надеюсь, что ты нашел возможность сходить туда. Их предвыборные кампании за место в сенате заканчиваются, и на своих первых в жизни выборах в качестве американского гражданина я должен буду отдать голос кому-то из них, а я никак не могу понять, кто же из них хуже. Дуглас мечет гром и молнии против невежественного фанатизма «ничего не знающих», но поддерживает права рабовладельцев. Линкольн набрасывается на рабство, но принимает — а точнее, добивается — поддержки «ничего не знающих». Оба они очень меня раздражают. Одним словом, политики!

Предметы в твоем списке, как я считаю, очень интересные. Но имей в виду, что помимо тайн ботаники, астрономии и физиологии кое-какие секреты можно почерпнуть и из поэзии.

Надеюсь, приложение к письму облегчит тебе задачу покупки рождественских подарков. С нетерпением жду встречи с тобой во время каникул!

Твой любящий

Отец

Он скучал по Шаману. Его отношения с Алексом были скорее настороженными, чем теплыми, а Сара всегда была слишком занята церковными делами. Он наслаждался редкими музыкальными вечерами с Гайгерами, но, когда игра заканчивалась, они начинали ссориться из-за расхождений в политических взглядах. И потому все чаще, ближе к вечеру, посетив всех своих больных, он направлял лошадь к женскому монастырю Святого Франциска Ассизского. С каждым уходящим годом он все четче понимал, что матушка Мириам скорее мужественная, чем суровая, и скорее притягательная, чем отталкивающая.

«У меня для вас кое-что есть», — заявила она однажды днем и вручила ему стопку коричневых листков бумаги, исписанных водянистыми черными чернилами мелким, убористым почерком. Он прочитал листки, сидя на обтянутом кожей стуле и попивая кофе, и понял, что это описание внутренних операций Ордена звездно-полосатого флага и что текст, возможно, написал человек, входивший в эту организацию.

В самом начале находилась схема общегосударственной структуры политического тайного общества. Его основа состояла из районных советов, каждый из которых сам выбирал своих служащих, издавал собственные указы и сам принимал членов. Выше находились окружные советы, куда входило по одному делегату от каждого из районных советов. Окружные советы контролировали политические действия районных советов и решали, кто из местных политических деятелей достоин поддержки ордена.

Все отделения ордена в штате контролировал большой совет, состоящий из трех делегатов от каждого районного совета, а управлял им почетный председатель и другие избираемые чиновники. На самом верху замысловатой структуры организации находился национальный совет, принимавший решения по всем вопросам национальной политики,

включая выбор кандидатов от ордена в президенты и вице-президенты Соединенных Штатов. Национальный совет назначал наказания своим членам за неисполнение служебного долга и разрабатывал сложные ритуалы ордена.

В ордене существовало два уровня членства. Чтобы достичь первого, кандидат должен был быть взрослым мужчиной, родившимся в Соединенных Штатах от родителей-протестантов и не состоящим в браке с католичкой.

Каждому желающему стать членом ордена задавали прямой вопрос: «Готовы ли вы использовать свое влияние и голосовать только за коренных американских граждан при выборах на почетную, доверительную или оплачиваемую должность, дарованную народом, за исключением всех иностранцев и католиков, в частности, и невзирая на партийные предпочтения?»

Человек, который давал такую клятву, был обязан отказаться от верности любой другой партии, поддерживать политическую волю ордена и делать все возможное для внесения изменений в законы о натурализации. После этого его посвящали в тайны, подробно описанные в отчете: знак узнавания, манера рукопожатия, вызовы и предупреждения.

Чтобы достичь второго уровня членства, кандидат должен был быть долговременным членом ордена, заслужившим доверие. Только члены, достигшие второго уровня, имели право занимать в ордене посты, участвовать в его секретной деятельности и получать от него поддержку в политической борьбе на местном и национальном уровне. Когда их избирали или назначали на должность, то им давали приказ избавиться от всех иностранцев, чужаков или католиков, работающих под их началом, и ни в коем случае «не назначать оных ни на какие должности».

Роб Джей в ужасе уставился на Мириам Ферицию.

— Сколько их?

Она пожала плечами.

— Мы не думаем, что в этом секретном ордене так уж много людей. Возможно, тысяча. Но они составляют костяк Американской партии. Я передаю вам эти страницы, потому что вы выступаете против этой группы, которая стремится навредить моей Матери-Церкви, и еще потому, что вы должны понять природу тех, кто причиняет нам зло и за чьи души мы молимся Богу. — Она серьезно посмотрела на него. — Но вы должны пообещать не использовать эту информацию для того, чтобы приблизиться к подозреваемому члену ордена в Иллинойсе: ибо, если вы меня не слушаете, то можете подвергнуть ужасной опасности составившего данный отчет.

Роб Джей кивнул. Он свернул листки и протянул их настоятельнице, но она покачала головой.

— Это для вас, — сказала она. — Вместе с моими молитвами.

— Вы не должны молиться за меня! — Ему было неловко говорить с ней о вопросах веры.

— Вы не сможете помешать мне. Вы заслуживаете молитв, и я часто говорю о вас с Богом.

— Так же, как молитесь за своих врагов, — ворчливо заметил он, но она не обратила на его фразу никакого внимания.

Позже, вернувшись домой, он еще раз перечитал отчет, тщательно исследуя небрежный почерк. Его написал человек (возможно, священник?), живший придуманной жизнью, притворявшийся тем, кем не являлся, рискуя своей безопасностью, а возможно, и жизнью.

Робу Джею очень хотелось сесть рядом с этим человеком и поговорить.

Ник Холден с легкостью побеждал на перевыборах, проработав, таким образом, целых три срока — и все благодаря своей репутации ветерана индейской войны. Но теперь он баллотировался на четвертый срок и его противником был Джон Карленд, прокурор Рок-Айленда. Карленда высоко ценили и демократы, и представители других политических сил, и, похоже, партия Холдена «Ничего не знаю» теряла поддержку. Пошли слухи, что конгрессмен может потерять должность, и Роб Джей ждал, когда же Ник сделает очередной эффектный жест, чтобы получить голоса. Так что он не сильно удивился, когда, вернувшись вечером домой, узнал, что конгрессмен Холден и шериф Грэм собирают новый добровольческий отряд.

— Шериф говорит, что Фрэнк Мосби, этот бандит, скрывается в северной части штата, — сообщил ему Олден. — Ник так взбудоражил народ, что люди больше хотят линчевать, чем арестовать Мосби, если хотите знать мое мнение. Грэм назначает себе заместителей направо и налево. Алекс ушел, и он сильно нервничал. Он взял с собой гусиное ружье, оседлал Вики и поехал в город. — Он сконфуженно нахмурился. — Пытался отговорить его, но... — Он пожал плечами.

Труди еще не успела остыть, но Роб Джей снова положил на нее седло и отправился в город, вслед за сыном.

На улице там и сям стояли небольшие группки мужчин. На крыльце магазина, где выступали Ник и шериф, звучал громкий голос, но Роб не обратил на это внимания. Алекс стоял вместе с Мэлом Говардом и двумя другими молодыми людьми, все они держали в руках оружие, а глаза у них светились от осознания собственной важности. Лицо Алекса вытянулось, когда он увидел отца.

— Хочу поговорить с тобой, Алекс, — сказал Роб, уводя его в сторону. — Я хочу, чтобы ты поехал домой, — заявил он, как только они оказались за пределами слышимости.

— Нет, папа.

Алексу было восемнадцать лет, и у него быстро менялось настроение. Если он решит, что на него давят, он просто пошлет отца к черту и, чего доброго, вообще навсегда уйдет из дома.

— Я не хочу, чтобы ты шел туда. У меня есть на это серьезное основание.

— Я всю свою жизнь только и делаю, что слушаю об этом серьезном основании, — горько произнес Алекс. — И однажды прямо спросил маму: Фрэнк Мосби — мой дядя? И она сказала, что нет.

— Ты дурак, если заставил свою мать пройти через это. Неужели ты не понимаешь: даже если ты поедешь туда один и застрелишь Мосби, то ничего не изменится. Люди все равно будут трепать языками. Но что бы они ни говорили, это не имеет никакого значения. Я мог бы велеть тебе немедленно возвращаться домой, потому что, черт побери, это мое ружье и это моя несчастная слепая лошадь. Но настоящая причина, по которой тебе не нужно туда идти, состоит в том, что ты — мой мальчик, и я не позволю тебе совершить то, что будет грызть тебя всю оставшуюся жизнь.

Алекс бросил отчаянный взгляд туда, где стояли Мэл и остальные и с любопытством поглядывали на него.

— Скажи им, что я напомнил о работе, которая ждет тебя на ферме. А затем ты пойдешь к Вики, где ты ее бросил, отвяжешь ее и приедешь домой.

Он вернулся к Трудю, вскочил в седло и поехал по Мэйн-стрит. Прямо перед церковью завязалась драка, и кроме того, он заметил, что кое-кто уже успел напиться.

Он не оборачивался, пока не проехал с полмили, но когда все же обернулся, то увидел лошадь, идущую неуверенной, осторожной рысью, которую она развила после того, как ослепла, и фигуру человека, наклонившегося к ее шее, словно он ехал против сильного ветра: в руке он держал маленькое ружье для охоты на птиц, держал дулом вверх, как Роб всегда учил сыновей.

Следующие несколько недель Алекс старался не попадаться отцу на глаза: не из-за того, что сердился на него, а скорее, просто чтобы уйти из-под его власти. Отряд добровольцев отсутствовал два дня. Они обнаружили добычу в полуразрушенном доме из дерна и приняли сложные меры предосторожности, прежде чем напасть на него, но он спал и все равно не заметил бы их. И это был вовсе не Фрэнк Мосби. Его звали Бюрен Гаррисон, он ограбил владельца магазина в Генесео, забрав четырнадцать долларов, — и Ник Холден со своими юристами помпезно, хоть и с трудом держась на ногах, передали его в руки правосудия. Впоследствии выяснилось, что Фрэнк Мосби утонул в Айове за два года до этого, пытаясь верхом пересечь реку Седар во время половодья.

В ноябре Роб Джей проголосовал за то, чтобы отправить Джона Карленда в Конгресс и вернуть Стивена А. Дугласа в сенат. На следующий вечер он присоединился к толпе мужчин, которые ждали результатов выборов в магазине Гаскинса, и в витрине увидел пару изумительных карманных ножей. В каждом было одно большое лезвие, два лезвия поменьше и небольшие ножницы — все из закаленной стали, с отполированной рукояткой из панциря черепахи и защитными колпачками из чистого серебра с обеих сторон. Такие ножи предназначаются для мужчин, не боящихся получать от жизни удовольствие, и он купил их, чтобы подарить сыновьям на Рождество.

Сразу после наступления темноты в городок приехал Гарольд Эймс и привез результаты выборов из Рок-Айленда. Это был удачный день для госслужащих: Ник Холден, ветеран индейских войн и защитник закона, с небольшим отрывом победил Джона Карленда, и сенатор Дуглас тоже вернется в Вашингтон.

— Теперь-то уж Авраам Линкольн поймет, что не надо запрещать людям иметь рабов, — хохотнул Джулиан Говард, триумфально потрясая кулаком. — Больше мы никогда не услышим об этом сукином сыне!

Ввиду того, что к Холден-Кроссингу железную дорогу не провели, отец Шамана отвез его в Гейлсберг, находившийся на расстоянии тридцати двух миль, поместив сундук с вещами в задней части бакборда. И сам город, и колледж были спланированы еще четверть века назад, в штате Нью-Йорк, пресвитерианцами и конгрегационалистами, приехавшими сюда и построившими дома на улицах, расположенных в шахматном порядке вокруг большой площади. Декан колледжа, Чарльз Гаммонд, заявил, что, поскольку Шаман моложе

большинства принятых в колледж, ему нельзя жить в общежитии. Декан и его жена брали студентов на постой в свой белый каркасный дом на Черри-стрит, и именно там, в комнате в конце второго этажа и поселили Шамана.

Возле его комнаты начиналась лестница, которая вела к двери, выходящей на задний двор, к насосу и уборной. В комнате справа проживала пара бледных конгрегационалистов — студентов богословия, которые предпочитали разговаривать только друг с другом. В двух комнатах с другой стороны коридора жили низенький, величавый библиотекарь колледжа и студент последнего курса по имени Ральф Брук, у которого было веселое веснушчатое лицо, а в глазах застыло немного удивленное выражение. Брук учился на факультете классической филологии. В первое же утро, за завтраком, Шаман увидел у него в руках томик Цицерона. Отец хорошо научил его латыни, и он сказал:

— *Iucundi acti labores.* Приятно сознание оконченного труда.

Лицо Брука засияло, словно лампа.

— *Ita vivam, ut scio.* Клянусь жизнью, я знаю.

Брук стал единственным человеком в доме, с которым Шаман регулярно общался, за исключением декана и его тощей жены с белыми волосами, которая старалась пробормотать несколько предписанных хорошими манерами слов.

— *Ave!* — Каждый день приветствовал его Брук. — *Quomodo te habes hodie, juvenis?* Как ты сегодня утром, юноша?

— *Tam bene quam fieri possit talibus in rebus, Caesar.* Так, как следует ожидать при данных обстоятельствах, Цезарь, — всегда отвечал Шаман. Каждое утро. Так они шутили.

Во время завтрака Брук воровал булочки и непрерывно зевал. И только Шаман знал почему. У Брука была женщина в городе, и он оставался у нее допоздна, и очень часто. Спустя два дня после того, как Шаман приехал в колледж, латинист уговорил его прокрасться вниз по лестнице и отпереть черный ход, когда все уже лягут спать, чтобы Брук мог войти незамеченным. Брук в дальнейшем часто будет просить его об этом одолжении.

Занятия проходили каждый день и начинались в восемь часов утра. Шаман выбрал физиологию, английскую литературу и сочинение и астрономию. К восторгу и ужасу Брука, он сдал экзамен по латыни. Вынужденный изучать еще один язык, он предпочел иврит греческому, хотя причины такого выбора анализировать не стал. В первое воскресенье в Гейлсберге декан и миссис Гаммонд взяли его в пресвитерианскую церковь, но позже он заявил супругам, что придерживается конгрегационализма, а студентам богословия — что он пресвитерианец, и таким образом каждое воскресное утро проводил, гуляя по городу.

Железная дорога добралась до Гейлсберга за шесть лет до того, как туда приехал Шаман, и принесла процветание и свойственное ему разнообразие национальностей. Кроме того, неподалеку от города, в Мишн-хилле, развалилась кооперативная колония шведов, и многие ее обитатели переехали на постоянное место жительства в Гейлсберг. Шаману нравилось смотреть на шведских женщин и девочек, любоваться их пшеничными волосами и прекрасной кожей. Когда он принимал меры, чтобы не запачкать ночью простыни миссис Гаммонд, в эротических фантазиях его навещали именно шведки. Однажды, гуляя по Саут-стрит, он остановился как вкопанный, заметив копну более темных волос: он был уверен, что знает ее, и на мгновение перестал дышать. Но оказалось, что женщина была ему не знакома. Она коротко улыбнулась ему, заметив на себе его взгляд, но он опустил голову и поспешно ушел. На вид ей было по меньшей мере лет двадцать, а ему не хотелось знакомиться с женщинами старше себя.

Он тосковал по дому и томился от любви, но оба заболевания скоро приняли более легкую форму и стали причинять вполне терпимую боль, такую же, как зубная: неприятная, но не мучительная. Он не завел друзей — возможно, из-за юности и глухоты, — что привело к хорошим познаниям, потому что главным образом он учился. Его любимыми предметами были астрономия и физиология, хотя физиология его разочаровала: на ней студенты просто перечисляли части тела и тканей. Ближе всего мистер Роуэллс, преподаватель, подошел к обсуждению происходящих в организме процессов, когда прочел лекцию о пищеварении и важности регулярного питания. Но зато в классе для занятий по физиологии стоял собранный из отдельных костей скелет, подвешенный за винт в верхней части черепа, и Шаман проводил долгие часы рядом с ним, запоминая название, форму и функцию каждой старой, обесцвеченной кости.

Гейлсберг был достаточно красивым городом: вдоль улиц тянулись ряды вязов, кленов и грецких орехов, которые были высажены первыми поселенцами. У его жителей было три предмета гордости. Во-первых, Харви Генри Мей изобрел здесь стальной самоочищающийся плуг. Во-вторых, житель Гейлсберга по имени Олмстед Феррис изобрел попкорн; он отправился в Англию и взрывал зерна маиса перед королевой Викторией. В-третьих, 7 октября 1859 года в колледже прошли дебаты между сенатором Дугласом и его противником Линкольном.

Шаман пошел на эти дебаты, но когда добрался до Главного зала, там уже собралась толпа, и он понял, что, даже если ему удастся получить лучшее место из оставшихся, он все равно не сможет читать по губам кандидатов. Он ушел из зала и стал подниматься по лестнице, пока не оказался перед дверью на крышу, где профессор Гарднер, его учитель астрономии, держал маленькую обсерваторию, в которой каждый студент его класса был обязан изучать небеса по несколько часов в месяц. Сегодня вечером Шаман сидел там в одиночестве и всматривался в окуляр предмета необычайной гордости профессора Гарднера — пятидюймового преломляющего телескопа Элвина Кларка. Он пошевелил кнопку, сокращая расстояние между окуляром и выпуклой передней линзой, и звезды прыгнули ему в лицо, в двести раз более крупные, чем секунду назад. Холодная ночь была достаточно безоблачной, и можно было рассмотреть два из многочисленных колец Сатурна. Шаман полюбовался туманностями Ориона и Андромеды, затем стал двигать телескопом на треноге, рассматривая небеса. Профессор Гарднер называл это «мести по небу», и как-то раз заметил, что женщина по имени Мария Митчелл вот так же мела по небу и открыла комету, чем заслужила непреходящую славу.

Шаман никакой кометы не открыл. Он смотрел в небо, пока ему не стало казаться, что звезды вращаются над ним, огромные и сверкающие. Что создало их там, наверху? А звезды за ними? И еще дальше?

Он чувствовал, что каждая звезда и планета являются частью сложной системы, как кость в скелете или капля крови в теле. Большая часть природы казалась организованной, продуманной — такой упорядоченной, но вместе с тем — такой сложной. Откуда она взялась? Мистер Гарднер сказал Шаману, что для того, чтобы стать астрономом, нужно просто обладать хорошим зрением и математическими способностями. В течение нескольких дней он размышлял, не стоит ли сделать астрономию делом всей своей жизни, но затем передумал. Звезды были волшебными, но все, что с ними можно было делать, — только наблюдать. Если бы небесное тело сбилось с пути, то не стоило бы и надеяться вернуть его на место.

Когда он поехал домой на Рождество, почему-то ему показалось, что Холден-Кроссинг уже не такой, как прежде. Здесь он чувствовал себя более одиноким, чем в своей комнате в доме декана; и когда каникулы закончились, он почти с радостью вернулся в колледж. Подаренный отцом нож вызвал у него восторг, и он купил маленький точильный камень и крошечный пузырек масла и точил каждое лезвие до тех пор, пока оно не смогло перерезать волос.

Во втором семестре он вместо астрономии выбрал химию. Писать сочинения оказалось делом нелегким. «Вы уже писали, — небрежно нацарапал его преподаватель английского, — что Бетховен сочинил большую часть своих произведений после того, как потерял слух». Профессор Гарднер разрешал ему пользоваться телескопом в любое время, но одной февральской ночью перед экзаменом по химии он сидел на крыше и «мел по небу», вместо того чтобы учить таблицу атомарных масс Берцелиуса, и получил плохую оценку. После этого он меньше времени уделял наблюдению за звездами, но очень хорошо успевал по химии. Когда он в следующий раз приехал в Холден-Кроссинг, уже на Пасху, Гайгеры пригласили Коулов на обед, и интерес Джейсона к химии значительно облегчил Шаману это испытание, поскольку тот засыпал его вопросами о курсе.

Его ответы, похоже, оказались удовлетворительными.

— Чему ты хочешь посвятить свою жизнь, старина? — спросил его Джей.

— Я еще не знаю. Я думал... Возможно, смогу работать в области какой-нибудь естественной науки.

— Если ты заинтересуешься фармацевтикой, для меня было бы честью взять тебя в ученики.

По лицам родителей он понял, что предложение им понравилось, смущенно поблагодарил Джея и сказал, что непременно над этим подумает; но он знал, что не хочет становиться фармацевтом. Несколько минут он сидел, уставившись в тарелку, и пропустил часть разговора, но когда снова поднял глаза, то увидел, что на лицо Лириан легла тень горя. Она сказала матери Шамана, что ребенок Рэйчел должен был родиться через пять месяцев, и какое-то время после этого они говорили о выкидышах.

Тем летом Шаман работал с овцами и читал книги по философии, которые взял из библиотеки Джорджа Клайберна. Когда он вернулся в колледж, декан Гаммонд позволил ему отказаться от иврита, и он выбрал пьесы Шекспира, высшую математику, ботанику и зоологию. Только один из студентов богословского отделения вернулся в Нокс на второй курс, но Брук тоже приехал, и Шаман продолжал разговаривать с ним как римлянин, чтобы не забыть латынь. Его любимый преподаватель, профессор Гарднер, вел курс зоологии, но астрономом был лучшим, чем биологом. Они только и делали, что препарировали лягушек, мышей и кое-каких рыб и чертили диаграммы. Шаману не передался художественный талант отца, но детство, проведенное с Маквой, обеспечило ему неплохой старт в ботанике; первый проект он написал по анатомии цветка.

В тот год в колледже разгорелись жаркие дебаты о рабстве. Вместе с другими студентами и преподавателями он вступил в Общество за отмену рабства, но и в колледже, и в Гейлсберге хватало людей, поддерживавших позицию Южных штатов, и время от времени дебаты становились безобразными.

В основном его никто не трогал. Горожане и студенты привыкли к нему, но для невежд

и суеверных он стал загадкой, местной легендой. Ничего не зная ни о глухоте, ни о том, как глухие развивают другие органы чувств, люди пришли к поспешным выводам, что он не различает оттенков звуков. Кое-кто считал, что он обладает некими оккультными силами, потому что, когда он занимался в одиночестве и кто-то тихонько входил в комнату у него за спиной, он всегда оборачивался. Говорили, что у него «глаза на затылке». Многие просто были не в состоянии понять, что он улавливает малейшие вибрации пола от приближающихся шагов, чувствует легкий сквозняк из открытой двери или замечает неожиданное движение воздуха по листу бумаги, который держит в руке. И он был счастлив, что никто из них не станет свидетелем того, как он определяет ноты мелодии, сыгранной на фортепиано.

Он знал, что они иногда говорят о нем как о «странном глухом мальчике».

* * *

Теплым днем в начале мая он шел по городу, любуясь тем, как во дворах распускаются цветы, когда на пересечении Саут-стрит и Седар-стрит железнодорожная платформа, которую тянули четыре лошади, слишком быстро завернула за угол. Хотя он не слышал ни грохота копыт, ни тьяканья, он увидел, что маленькое пушистое создание еле успело выскочить из-под передних колес, но угодило под правое заднее колесо, которое протащило собаку почти на полный оборот, прежде чем отбросило ее в сторону. Платформа погромыхла дальше, оставив собаку лежать в пыли улицы. Шаман торопливо подошел к несчастному животному.

Оно оказалось сукой желтой масти с короткими ногами и хвостом с белым кончиком. Шаман предположил, что в ее родословной не обошлось без терьеров. Она корчилась, лежа на спине, а из угла пасти у нее сбегала тонкая красная струйка.

Проходившая мимо пара приблизилась к собаке и в ужасе уставилась на нее.

— Какой позор! — воскликнул мужчина. — Эти погонщики просто с ума посходили. Ведь на ее месте мог бы оказаться кто-то из нас. — Он предостерегающе вытянул руку, увидев, что Шаман собирается опуститься возле нее на колени. — Я бы вам не советовал. Она наверняка укусит вас: ей очень больно.

— Вы знаете, кто ее владелец? — спросил Шаман.

— Нет, — ответила женщина.

— Это просто бездомная псина, и только, — решительно заявил мужчина, и они с женщиной ушли.

Шаман опустился на колени и осторожно приласкал собаку, и животное лизнуло ему руку. Он ощупал все четыре ее конечности и установил, что они, к счастью, целы. После минутных колебаний он снял пиджак и обернул в него собаку. Держа ее на руках, как младенца или связку белья из прачечной, он отнес ее домой. Никто не смотрел в окно и не видел, как он проник со своей ношей на задний двор. На черной лестнице ему тоже никто не встретился. Зайдя в свою комнату, он положил собаку на пол, после чего вынул из нижнего ящика бюро белье и чулки. Из буфета в зале он осмелился похитить кое-какие тряпки, которые миссис Гаммонд держала там для проведения уборки. Из них Шаман сделал в ящике что-то вроде гнезда и положил туда собаку. Когда он осмотрел пиджак, то увидел, что следов крови на нем почти не видно, да и те, что есть, находились на внутренней стороне.

Собака лежала в ящике, тяжело дышала и смотрела на него.

Когда пришло время ужина, Шаман вышел из комнаты. В коридоре он под удивленным взглядом Брука запер дверь на замок: этого никто не делал, если только не выходил из дома.

— *Quid vis?* — спросил Брук.

— *Condo parvam catulam in teo cubiculo.*

Брови Брука поползли вверх.

— Ты... — Он больше не доверял своим познаниям в латыни. — Спрятал маленькую суку у себя в комнате?

— *Sic est.*

— Гм! — недоверчиво буркнул Брук и похлопал Шамана по спине. В столовой, как и всегда по понедельникам, их ждали остатки воскресного жаркого. Под любопытным взглядом Брука Шаман смахнул несколько маленьких кусочков с тарелки себе в карман. Когда миссис Гаммонд вышла в кладовую, чтобы заняться десертом, он взял чашку с недопитым молоком и вышел из-за стола, пока декан был поглощен беседой с библиотекарем о выделении средств на книги.

Мясо собаку совершенно не заинтересовало, да и молоко она лакать не стала. Шаман смочил в молоке пальцы и провел ими по ее языку, словно кормил оставшегося без матери ягненка; таким образом ему удалось немного покормить животное.

Следующие несколько часов он занимался. Ближе к ночи он погладил и приласкал апатичную собаку. Нос у нее был горячий и сухой. «Спи, девочка», — сказал он и выключил лампу. Было странно чувствовать присутствие в комнате другого живого существа, но ему понравилось.

Утром он первым делом подошел к собаке и обнаружил, что нос у нее холодный. Правда, холодным было все ее тело — холодным и негнущимся.

— Проклятие, — с горечью произнес Шаман.

Теперь нужно было придумать, как избавиться от трупа. Но пока что он умылся, оделся и вышел из комнаты, собираясь спуститься к завтраку. Когда он запирает комнату, его снова увидел Брук.

— Я думал, ты пошутил, — сердито сказал он. — Но я полночи слушал ее стоны и крики.

— Прости, — извинился Шаман. — Больше она тебя не побеспокоит.

После завтрака он поднялся к себе и какое-то время сидел на кровати, разглядывая собаку. На краю ящика он заметил блоху, попытался раздавить ее, но никак не мог попасть. Теперь придется подождать, пока все не разойдутся, и тогда вынести собаку. В подвале наверняка есть лопата. Но это означало, что он пропустит первый урок.

Однако постепенно до него дошло, что у него есть прекрасная возможность сделать исследование трупа, правда, придется решить ряд проблем. Прежде всего, как быть с кровью? Помогая отцу во время вскрытия трупа, он видел, что кровь после смерти сгущается, но кровотечения все равно не избежать...

Шаман подождал, пока дом почти полностью опустел, и пошел в прихожую. Там, возле черного хода, на вбитом в стену гвозде висела большая металлическая ванна. Он отнес ее к себе в комнату и поставил под окном, где было достаточно светло. Он положил собаку в ванну на спину. Окоченевшие лапы торчали так, словно собака ждала, когда ей почешут животик. Когти были длинными, как у махнувшего на себя рукой человека, и все сломаны.

На задних лапках у нее было по четыре когтя, а на передних, вверху, размещался еще один, дополнительный, поменьше, словно большой палец, который каким-то образом залез наверх. Шаман хотел посмотреть, сильно ли отличаются ее суставы от человеческих. Достав из кармана подаренный отцом складной нож, Шаман раскрыл маленькое лезвие. У собаки была редкая длинная шерсть и густой, короткий подшерсток, но мех на животе совсем не мешал, и плоть легко разошлась в стороны, когда он погрузил в нее нож.

Он не пошел на занятия. Весь день, без перерыва на обед, он проводил вскрытие, и делал записи, и схематически зарисовывал органы. Ближе к вечеру он закончил работу с внутренними органами и с некоторыми суставами. Еще ему хотелось изучить и зарисовать позвоночник, но он положил собаку обратно в бюро и закрыл ящик. Затем налил воды в умывальник и долго и старательно мылся, щедро расходуя коричневое мыло, а потом вылил содержимое умывальника в ванну. Прежде чем спуститься к ужину, он надел все чистое, от белья и до пиджака.

И тем не менее не успели они приступить к супу, как декан Гаммонд наморщил свой мясистый нос.

— Что случилось? — спросила его жена.

— Запах, — ответил декан. — Может, Коул?

— Нет, — возразила она.

Шаман едва дождался окончания трапезы и сразу же поднялся к себе. Он сидел в своей комнате весь в поту, боясь, что кто-то решит принять ванну.

Но ничего не случилось. Слишком возбужденный, чтобы уснуть, он выждал столько времени, что уже наверняка все легли спать. Тогда он вынес ванну из комнаты, спустился по лестнице и вышел на теплый воздух заднего двора, где вылил кровавые помои на лужайку. Когда он стал качать воду насосом, ему казалось, что он производит слишком много шума, к тому же существовала опасность того, что кто-то выйдет, чтобы посетить уборную. Но все обошлось. Он несколько раз вымыл ванну с мылом и тщательно ополоснул ее водой, затем отнес внутрь и повесил на стену.

Утром он понял, что не сможет препарировать позвоночник, потому что в комнате потеплело и ее наполнил тяжелый запах. Он не только не стал открывать ящик, но и обложил его подушкой и постельным бельем, надеясь, что запах не сможет через них просочиться. Но когда он спустился к завтраку, лица у всех сидящих за столом были мрачными.

— Наверное, где-то в стене лежит мертвая мышь, — предположил библиотекарь. — Или, возможно, крыса.

— Нет, — тут же возразила миссис Гаммонд. — Мы нашли источник зловония сегодня утром. Похоже, оно идет из земли вокруг насоса.

Декан вздохнул.

— Я надеюсь, нам не придется рыть новый колодец.

У Брука был такой вид, словно он не спал всю ночь. И он постоянно отводил взгляд.

Ошеломленный Шаман поспешно отправился на урок химии, чтобы дать им возможность уйти из дома. Едва дождавшись окончания урока, он вместо того, чтобы идти на занятия по Шекспиру, быстро направился домой: ему не терпелось все уладить. Поднявшись по черной лестнице, он увидел, что перед его дверью стоят Брук, миссис Гаммонд и один из двух имевшихся в городе полицейских. В руках женщины он заметил

ключ.

Они все устали на Шамана.

— Там что-то сдохло? — спросил полицейский.

Шаман понял, что не может произнести ни слова.

— Он сказал мне, что прячет там женщину, — вмешался Брук.

Шаман обрел дар речи.

— Нет! — начал он, но полицейский забрал ключ у миссис Гаммонд и отпер дверь.

Войдя в помещение, Брук тут же заглянул под кровать, но полицейский увидел подушку и постельное белье, подошел к бюро и открыл ящик.

— Собака, — резюмировал он. — Похоже, вся порезана.

— Не женщина? — удивился Брук и посмотрел на Шамана. — Но ты же сам говорил с суке.

— Это ты о ней говорил. Я сказал *catulam*, — возразил ему Шаман. — Собака, женского пола.

— Надеюсь, сэр, — уточнил полицейский, — что здесь больше нет никого умершего, спрятанного и так далее? Это официальный вопрос.

— Нет, — ответил Шаман. Миссис Гаммонд посмотрела на него, но ничего не сказала. Она выскочила из комнаты, сбежала вниз по лестнице, и они услышали, как открылась и хлопнула входная дверь.

Полицейский вздохнул.

— Она отправилась прямо в офис мужа. Думаю, нам тоже стоит туда заглянуть.

Шаман кивнул и последовал за ним на улицу, мимо Брука, не сводившего с него печального взгляда поверх платка, которым он закрыл рот и нос.

— *Vale*, — попрощался с ним Шаман.

Его выселили. До конца семестра оставалось меньше трех недель, и профессор Гарднер позволил ему спать на раскладушке в сарае. В знак благодарности Шаман вскопал ему сад и посадил тридцать два фута картофеля. Заметив змею, свернувшуюся под горшком с рассадой, он испугался, но, когда понял, что это маленький уж, они поладили.

Он получил отличные оценки, но ему вручили запечатанное письмо, адресованное его отцу. Приехав домой, Шаман сидел в кабинете и ждал, когда отец прочтет его. Он и так знал, что там написано. Декан Гаммонд сообщал отцу, что Шаман полностью закрыл все задолженности за два года, но его отстраняют на год от занятий, давая ему возможность достаточно созреть, чтобы вписаться в академическое сообщество. Когда он вернется, ему придется подыскать себе другое жилье.

Отец закончил читать письмо и посмотрел на Шамана.

— Ты извлек какой-то урок из этого небольшого происшествия?

— Да, папа, — сказал он. — Внутри собака удивительно похожа на человека. Сердце у нее, конечно, вдвое меньше, но оно очень походит на человеческие сердца, которые ты при мне удалял и взвешивал. Точно такого же цвета — красного дерева.

— Я бы так не сказал...

— Ладно... красноватого.

— Да, красноватого.

— Легкие и кишечный тракт тоже похожи. А вот селезенка другая: не круглая и компактная, а скорее походит на большой язык — один фут в длину, два дюйма в ширину,

один дюйм в толщину. Аорта у собаки была разорвана — это и убило ее. Я так думаю, она потеряла почти всю кровь. По крайней мере, в груди собралась целая лужа.

Его отец снова внимательно посмотрел на него.

— Я вел записи. Если тебе интересно их почитать...

— Мне очень интересно, — задумчиво ответил отец.

Претендент

Ночью Шаман лежал в кровати, где так и не подтянули веревки матраса, и смотрел в стену — такую знакомую, что по изменению солнечных бликов на ней он мог сказать, какое сейчас время суток. Отец предложил ему провести время вынужденных каникул дома. «Теперь, когда ты прослушал курс физиологии, ты сможешь принести мне больше пользы во время аутопсии. И еще ты — дополнительная пара надежных рук, которых мне не хватает во время вызовов на дом. А пока, — добавил Роб Джей, — можешь помочь мне на ферме».

Скоро ему уже казалось, что он вообще никуда не уезжал. Но впервые в жизни окружавшая его тишина была пронизана одиночеством.

В тот год, используя вместо учебников тела самоубийц, и бездомных, и нищих без роду и племени, он научился искусству препарирования. В домах больных и раненых он готовил инструменты и перевязочный материал и смотрел, как отец находит верные решения в каждой новой ситуации. Он знал, что отец тоже наблюдает за ним, и упорно трудился, учил наизусть названия и предназначение всех предметов из арсенала врача, чтобы можно было протянуть их отцу еще до того, как тот попросит об этом.

Однажды утром, когда они остановили коляску у края леса над рекой, чтобы освободить мочевой пузырь, Шаман признался отцу, что собирается изучать медицину вместо того, чтобы возвращаться в Нокс-колледж, когда истечет срок его отстранения от занятий.

— Черта с два, — заявил Роб Джей, и Шаман почувствовал кислый привкус разочарования, потому что по выражению лица отца он прочитал, что его позиция осталась неизменной. — Неужели ты не понимаешь, мальчик? Я пытаюсь уберечь тебя от боли. У тебя настоящий талант к естественным наукам, это очевидно. Закончи колледж, и я заплачу за лучшее высшее образование, которое ты только сможешь найти: где угодно, выбирай любую точку мира. Ты сможешь преподавать, проводить исследования. Я считаю, что тебе по силам совершить великие открытия.

Шаман покачал головой.

— Я готов испытать боль. Когда-то ты связал мне руки и отказывал в пище, пока я не заговорил. Ты пытался выжать из меня максимум того, на что я способен, а не уберечь меня от боли.

Роб Джей вздохнул и кивнул:

— Очень хорошо. Если ты так настроен попробовать себя в медицине, можешь стать моим учеником.

Но Шаман снова покачал головой:

— Ты просто хочешь оказать милость своему глухому сыну. Пытаешься создать нечто

ценное из третьесортного сырья, идя наперекор здравому смыслу.

— Шаман... — грозно начал отец.

— Я хочу учиться так, как учился ты — на медицинском факультете.

— А вот это вообще выбрось из головы. Я не думаю, что тебя примут в хороший университет. Сейчас повсюду открывают никуда не годные медицинские школы, и вот туда-то тебя примут с распростертыми объятиями. Потому что они принимают любого, у кого есть деньги. Но изучать медицину в одном из таких заведений было бы печальной ошибкой.

— А я туда и не собираюсь. — И Шаман попросил отца дать ему список лучших медицинских школ, расположенных на разумном расстоянии от долины Миссисипи.

Как только они вернулись домой, Роб Джей пошел в кабинет и составил список, который и вручил сыну перед ужином, словно желая удалить эту проблему из памяти. Шаман залил в лампу свежее масло и просидел за маленьким столом в своей комнате далеко за полночь, составляя письма. Желая избежать неприятных неожиданностей, он прямо сообщал членам приемной комиссии, что претендент — глухой.

Лошадь по имени Бесс, бывшая Моника Гренвилл, перевезла Роба Джея через половину континента, но теперь она набрала вес и хорошо выглядела в наступившей беззаботной старости. Однако к бедной слепой Вики, лошади, купленной на замену Бесс, судьба оказалась не столь милостива. Однажды поздней осенью Роб Джей приехал домой и увидел, что Вики стоит на лугу и дрожит. Голова у нее повисла, тощие ноги подкашивались, и она не обращала никакого внимания на окружающую действительность, как и любой человек, для которого, уставшего и ослабевшего, наступила больная старость.

На следующее утро он направился к Гайгерам и спросил Джея, нет ли у него морфия.

— А сколько тебе нужно?

— Столько, чтобы хватило убить лошадь, — ответил Роб Джей.

Он вывел Вики на середину пастбища и скормил ей две моркови и яблоко. Затем ввел ей препарат в правую яремную вену, нежно разговаривая и поглаживая лошадь по шее, пока она громко пережевывала последнее лакомство. Почти сразу она опустилась на колени и упала на землю. Роб Джей оставался рядом с ней, пока она не отошла, затем вздохнул, велел сыновьям позаботиться о ней и уехал по вызову на дом.

Шаман и Алекс начали рыть яму прямо возле ее спины. У них на это ушло много времени, потому что яму следовало сделать глубокой и широкой. Когда все было готово, они постояли и посмотрели на лошадь.

— У нее резцы под странным углом торчат, — заметил Шаман.

— Для ее лет это нормально, у лошадей так возраст определяют — по зубам, — пояснил Алекс.

— Я помню время, когда зубы у нее были такими же прямыми, как у меня или тебя... Она была хорошей старой девочкой.

— Она много пукала, — сказал Алекс, и они оба улыбнулись. Однако, столкнув тело в яму, они принялись быстро забрасывать его землей, не в силах посмотреть на лошадь. Они вспотели, несмотря на прохладный день. Алекс отвел Шамана в амбар и показал ему мешковину, под которой Олден прятал виски, и сделал большой глоток из кувшина; Шаман же отпил немного.

— Пора мне убраться отсюда, — неожиданно заявил Алекс.

— А я думал, тебе нравится работать на ферме.

— Не могу ужиться с папой.

Шаман помолчал.

— Он заботится о нас, Алекс.

— Я не сомневаюсь. Он добр ко мне. Но... У меня есть вопросы о том отце, чья кровь течет в моих жилах. Никто не отвечает на них, и я выхожу из дома и снова вляпываюсь в неприятности, потому что начинаю себя чувствовать самым настоящим ублюдком.

Его слова причинили Шаману боль.

— У тебя есть мама и папа. И брат, — резко заявил он. — Этого должно быть достаточно для любого, кроме полного идиота.

— Старина Шаман, ты всегда такой правильный! — Он раздвинул губы в улыбке. — А знаешь что? Давай-ка мы с тобой просто... уйдем. В Калифорнию. Осталось же там хоть немного золота. Мы сможем хорошенько повеселиться, разбогатеть, вернуться сюда и выкупить у Ника Холдена этот чертов городишко.

Перспектива отправиться путешествовать вместе с Алексом была заманчивой, и предложение было сделано почти серьезно.

— У меня немного другие планы, Старший. И, кроме того, ты ведь бежишь, чтобы все поняли, что кроме тебя здесь некому сгрести овечий навоз, разве нет?

Алекс ударил его наотмашь и сбил с ног. Гикая и кряхтя, они стали бороться, стараясь одержать верх над противником. Позабытый кувшин Олдена отлетел в сторону, и содержимое, булькая, вылилось на землю, пока они катались туда-сюда по покрытому сеном полу амбара. Алекс был сильным и к тому же укрепил мышцы постоянной тяжелой работой, но Шаман был крупнее и сильнее, и скоро он зажал голову брата в замок. Через какое-то время ему показалось, что Алекс пытается что-то сказать, и он левой рукой сжал Алексу шею, а правой потянул на себя голову брата, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Сдавайся, и я отпущу тебя, — прохрипел Алекс, и Шаман свалился в сено спиной вперед, не в силах сдержать смех.

Алекс подполз к упавшему кувшину и мрачно посмотрел на него.

— Олден с ума сойдет.

— Скажи ему, что это я выпил.

— Не-а. Кто в это поверит? — хмыкнул Алекс, поднес кувшин к губам и спас последние капли виски.

В ту осень часто шли дожди, которые не прекратились, даже когда пришла пора падать снегу. Потоки воды висели плотным серебряным покрывалом, хотя время от времени между ливнями случались и несколько дней просветления. Реки превратились в великанов, в них ревел быстрый поток, но из берегов не выходили. На пастбище высокий холм над могилой Вики превратился в грязь, которая стала потихоньку сползать, и вскоре определить местонахождение могилы оказалось уже невозможно.

Роб Джей купил Саре костлявого серого мерина. Они назвали его Боссом, хотя, когда Сара садилась в седло, командовала именно она.

Роб Джей сказал, что будет присматривать подходящую лошадь для Алекса. Алекс был ему весьма благодарен, прежде всего потому, что экономия явно не относилась к его сильным качествам, и кроме того, все деньги, которые ему удавалось отложить, были предназначены для покупки охотничьего ружья, заряжающегося с казенной части.

«У меня такое впечатление, что я всю жизнь ищу лошадь», — заметил Роб Джей, но

почему-то не заговаривал о лошади для Шамана.

Почта прибывала в Холден-Кроссинг из Рок-Айленда каждый вторник и пятницу. Ближе к Рождеству Шаман начал с нетерпением поджидать каждую доставку почты, но первые письма пришли только на третьей неделе февраля. В тот вторник он получил два коротких, почти отрывистых отказа: один от Медицинского колледжа в Висконсине, а второй — от медицинского факультета Университета Луизианы. В пятницу еще в одном письме ему сообщили, что его подготовка и происхождение, судя по всему, превосходны, но «Медицинский колледж имени Б. Раша, Чикаго, не предоставляет особых условий для людей, не обладающих слухом».

Условия? Они что, думали, что его нужно держать в клетке?

Его отец знал, что письма пришли, и по сдержанной манере поведения Шамана он понял, что ему везде отказали. Шаман непременно возмутился бы, если бы Роб Джей стал вести себя с ним предусмотрительно или сочувственно, но этого не произошло. Отказы причинили ему сильную боль; в течение следующих семи недель не пришло ни единого письма, и так ему и надо.

Роб Джей прочитал записи, сделанные Шаманом во время вскрытия собаки, и счел их многообещающими, хоть и бесхитростными. Он решил, что его собственные записи могли бы научить Шамана составлять подобные отчеты, и Шаман изучал их всякий раз, когда у него появлялось свободное время. И он совершенно случайно натолкнулся на отчет о вскрытии тела Маква-иквы. Когда он читал документ, у него возникло странное ощущение: он понял, что, когда происходили все ужасы, описанные в отчете, он, маленький мальчик, мирно спал в лесу неподалеку.

— Ее изнасиловали! Я знал, что ее убили, но...

— Изнасиловали и содомировали. Такое ребенку не расскажешь, — коротко бросил его отец.

Он снова и снова перечитывал отчет, словно загипнотизированный.

Одиннадцать ранений, нанесенных холодным оружием, спускающихся неровной линией от яремной выемки через грудину и заканчивающихся примерно в двух сантиметрах от мечевидного отростка.

Треугольные раны, шириной в 0,947 и 0,952 сантиметра. Три из них проникли в сердце: 0,887 сантиметра, 0,799 сантиметра и 0,803 сантиметра.

— Почему у ран разная ширина?

— Это означает, что оружие имело заостренный конец и расширилось ближе к рукояти. Чем с большей силой нанесен удар, тем шире рана.

— Как ты считаешь, того, кто это сделал, когда-нибудь найдут?

— Нет, не думаю, — признался отец. — Их было трое, скорее всего. Долгое время по моей просьбе этого Элвуда Р. Паттерсона разыскивали по всей стране. Но он исчез, и исчез бесследно. Возможно, это было вымышленное имя. С ним был человек по фамилии Кофф. Я никогда не встречал и даже не слышал о человеке с такой фамилией. И был еще молодой человек с капиллярной гемангиомой на лице; он хромал. Раньше я весь сжимался, замечая человека с пятном на лице или страдающего хромотой. Но всегда у них были либо пятно, либо хромота. И никогда — и то и другое. Власти даже не пытались найти их, а теперь... — Он пожал плечами. — Слишком много времени прошло, слишком много лет. — Шаман

почувствовал печаль в голосе отца, но понял, что большая часть гнева и страсти давно сгорели.

Однажды в апреле Шаман с отцом ехали мимо женского католического монастыря. Роб Джей повернул Труды на подъездную дорогу, и Шаман последовал за ним на Боссе.

Когда они въехали на территорию монастыря, Шаман отметил, что несколько монахинь поздоровались с его отцом, назвав его по имени, и, похоже, совершенно не удивились, увидев его здесь. Роб Джей представил сына настоятельнице Мириам Фероции. Она предложила им садиться: Робу Джей — на кожаный трон, а Шаману — на деревянный стул с прямой спинкой, под висящим на стене распятием, изображавшим деревянного Иисуса с грустными глазами. Какая-то монашка принесла им хороший кофе и горячие булочки.

— Придется мне в следующий раз опять взять с собой мальчишку, — сказал его отец, обращаясь к настоятельнице. — Обычно мне никто не приносит булочек к кофе. — Шаман понял, что Роб Джей — человек удивительных способностей и, скорее всего, он никогда не сможет до конца понять отца.

Шаман видел, как монахини время от времени ухаживают за пациентами его отца, всегда в паре. Роб Джей и монахиня кратко обсудили несколько случаев, но вскоре перешли к политическим вопросам и стало очевидно, что визит был неофициальным. Роб Джей покосился на распятие.

— В «Чикаго трибьюн» процитировали слова Ральфа Уолдо Эмерсона о том, что Джон Браун сделал свою виселицу такой же прославленной, как и крест, — сказал он.

Мириам Фероция заметила, что Браун, аболиционист-фанатик, повешенный за то, что присвоил склад оружия Соединенных Штатов на западе Виргинии, быстро превращался в мученика в глазах тех, кто выступал против рабства.

— Все же рабство — не настоящая причина ссор между регионами. Главное — экономика. Юг продает свой хлопок и сахар в Англию и Европу и покупает у них товары промышленного назначения, вместо того чтобы торговать с индустриальным Севером. Юг решил, что он совершенно не нуждается в остальной части Соединенных Штатов Америки. И что бы там мистер Линкольн ни говорил насчет рабства в своих речах, болезнь вызвана именно этой гноящейся раной.

— Я не разбираюсь в экономике, — задумчиво произнес Шаман. — Я должен был изучить ее в этом году, если бы вернулся в колледж.

Монахиня спросила его, почему же он туда не вернется, его отец ответил, что Шамана временно отстранили за то, что он провел вскрытие собаки.

— О Боже! Но она в тот момент была мертва? — уточнила настоятельница.

Когда ее заверили, что так все и было, она кивнула.

— *Ja*, тогда все в порядке. Я тоже никогда не изучала экономику. Но это у меня в крови. Мой отец начинал с того, что чинил телеги для сена. Теперь ему принадлежат вагоностроительный завод во Франкфурте и фабрика по производству карет в Мюнхене. — Она улыбнулась. — Фамилия моего отца — Броткнехт. Она означает «булочник», потому что в Средние века мои предки были пекарями. А вот в Бадене, где я была послушницей, был пекарь по фамилии Вагенкнехт!

— А как вас звали, прежде чем вы ушли в монастырь? — спросил Шаман. Он заметил, что она задумалась, а отец бросил на него хмурый взгляд, и понял, что сказал бестактность, но Мириам Фероция ответила на вопрос.

— Когда я жила в миру, меня звали Андреа. — Она встала со стула, подошла к полке и

сняла с нее книгу. — Возможно, вы захотите взять ее, — сказала она. — Ее написал Дэвид Рикардо, английский экономист.

Шаман в ту ночь не ложился спать допоздна: он зачитался. Кое-что в книге было тяжело понять, но он увидел, что Рикардо приводит доводы в пользу свободной международной торговли, на чем настаивал и Юг.

Когда он наконец заснул, то увидел Христа на кресте. Ему приснилось, что длинный орлиный нос мученика постепенно становится короче и шире. Кожа потемнела и покраснела, волосы стали черными. У него выросла женская грудь с большими темными сосками, украшенная руническими символами. Появились стигматы. Во сне, даже не считая, Шаман понял, что ран ровно одиннадцать, и, пока он смотрел, кровь хлынула из ран, стекла по телу и закапала с ног Маквы.

Письма и записки

Весной 1860 года на овечьей ферме Коулов родилось сорок девять ягнят, и все члены семьи принимали роды и кастрировали новорожденных. «Отара растет с каждой весной, — с волнением и гордостью сказал Олден Робу Джею. — Вам придется объяснить мне, что вы собираетесь делать с такой оравой».

Выбор у Роба Джея был невелик. Забить они могли лишь нескольких. Предлагать соседям купить мясо — бессмысленно, потому что те и сами выращивали животных на убой. Везти мясо в город, на продажу — оно, конечно же, успеет протухнуть. Живых животных можно и перевозить, и продавать, но это было сложно и требовало времени, сил и денег.

— Овечья шерсть очень ценится, если сравнивать ее с мясом, — наконец заявил Роб Джей. — Думаю, лучше всего будет и дальше увеличивать поголовье и зарабатывать на продаже шерсти, как всегда поступала моя семья, еще там, в Шотландии.

— Ага. Ну, тогда возни с ними будет больше, чем раньше. Придется нанимать еще одного работника, — настороженно ответил Олден, и Шаман подумал: а говорил ли Алекс о своем желании убежать Олдену? — Дуг Пенфилд не прочь поработать на вас, но не весь день. Он мне сам сказал.

— Думаешь, он хороший человек?

— Конечно, хороший; он родом из Нью-Хэмпшира. Не совсем то же самое, что из Вермонта, но почти.

Роб Джей согласился с ним и нанял Дуга Пенфилда.

Той весной Шаман подружился с Люсиль Вильямс, дочерью Пола Вильямса, кузнеца. В течение нескольких лет Люсиль посещала Академию, где Шаман учил ее математике. Теперь Люсиль превратилась в молодую женщину. И хотя ее светлые волосы, которые она носила, связав в узел на затылке, были скорее пепельными, в отличие от пшеничного цвета грив шведок из его снов, у нее было милое лицо, часто расплывавшееся в улыбке. Всякий раз, встречая ее в деревне, он останавливался, чтобы поболтать о пустяках на правах старого друга и спросить о работе, делившейся на две части: в конюшнях отца и в «Магазине

женского платья Роберты» ее матери, находившемся на Мэйн-стрит. Такой подход к работе гарантировал более или менее гибкий график и относительную свободу: родители всегда воспринимали ее отсутствие как должное, ведь каждый из них считал, что она в данный момент работает у другого. Поэтому, когда Люсиль спросила Шамана, может ли он принести сливочного масла к ней домой, в два часа следующего дня, его охватило приятное волнение.

Она подробно объяснила ему, что он должен привязать лошадь на Мэйн-стрит, перед магазинами, затем обойти квартал и выйти на Иллинойс-авеню, пройти напрямик по собственности Реймера за рядом высоких кустов сирени и, когда его не будет видно в окна дома, перелезть через штакетник на задний двор Вильямсов и постучать в дверь черного хода.

— Это чтобы соседи не подумали... ну, чего-то эдакого, — сказала она, опуская глаза. Он не удивился, потому что в прошлом году Алекс регулярно поставлял ей масло и так же регулярно хвастался брату, но Шаман побаивался: он ведь не был Алексом.

На следующий день сирень Реймеров порадовала его своим цветением. Перелезть через забор оказалось легко, а черный ход открылся после первого же стука в дверь. Люсиль выразила бурный восторг по поводу того, как мило смотрится кусок масла, завернутый в полотенце — его она аккуратно сложила на кухонном столе рядом с блюдом, а масло отнесла на ледник. Вернувшись, она взяла юношу за руку и отвела его в комнату рядом с кухней — судя по всему, комната служила Роберте Вильямс примерочной. В углу, привалившись к стене, стоял рулон полосатой ткани, а на длинной полке, аккуратно свернутые, лежали остатки шелка, и атласа, и тика, и хлопковой ткани. Рядом с большим диваном, набитым конским волосом, стоял портновский манекен из проволоки и ткани, и Шаман восхищенно заметил, что ягодицы у манекена сделаны из слоновой кости.

Она подставила лицо для долгого поцелуя, а затем каждый из них стал раздеваться с приличествующей случаю скоростью и аккуратностью, сбрасывая одежду в две небольшие, но очень похожие кучки, оставляя чулки в обуви. Окинув ее взглядом врача, Шаман заметил, что тело у нее непропорциональное: плечи узкие и покатые, грудь похожа на пышные блинчики, украшенные по центру лужицей сиропа и коричневатой ягодкой, а нижняя половина тяжелая — широкие бедра, толстые ноги. Когда она обернулась, чтобы набросить на диван сероватую простыню (чтобы конский волос не царапал кожу), он понял, что на этом манекене юбку для нее не сошьешь: для нее понадобится куда больший кусок материи.

Она не стала распускать волосы. «Потом столько времени уходит на то, чтобы снова уложить их», — сказала она извиняющимся тоном, и он почти официально заверил ее, что это не важно.

Когда дошло до дела, все оказалось легко. Во-первых, она очень старалась, а во-вторых, он так долго слушал хвастливые рассказы Алекса и других, что, хоть сам никогда по этой дороге не ходил, прекрасно ориентировался на местности. Еще накануне он и мечтать не смел о том, чтобы прикоснуться к ягодицам из слоновой кости у манекена, а сейчас у него в руках была теплая, живая плоть, и он слизывал сироп и пробовал на вкус ягоды. Очень быстро и с большим облегчением он сбросил бремя целомудрия и задрожал, достигнув пика наслаждения. Будучи не в состоянии слышать, что она шепчет ему на ухо, он максимально использовал все остальные чувства, и она сделала ему одолжение, принимая любое требуемое положение, давая ему возможность все хорошенько рассмотреть, пока он не смог повторить предыдущий опыт, на этот раз продержавшись несколько дольше. Он был готов

продолжать и продолжать, но вскоре Люсиль посмотрела на часы и прыгнула с дивана, заявив, что к приходу родителей ей еще нужно приготовить ужин. Одеваясь, они строили планы на будущее. Она (и этот пустой дом!) были доступны для него весь день. Увы, но днем Шаман работал. Они договорились, что она попытается приходить домой каждый вторник в два пополудни, на тот случай, если ему удастся выбраться в город. Тогда он сможет заодно забрать почту, объяснил он.

Она проявила такую же практичность: целуясь на прощание, она сообщила, что любит леденцовую карамель, точнее, ее розовую и сладкую разновидность, а не зеленую, со вкусом мяты. Он заверил ее, что понял разницу. Перебравшись через забор, испытывая незнакомое чувство легкости, он пошел вдоль длинного ряда цветущих кустов сирени, окунувшись в тяжелый, густой аромат, который Шаман всю свою оставшуюся жизнь будет считать очень эротичным запахом.

Люсиль понравилась его гладкая кожа на руках: она не знала, что причина такой мягкости состояла в том, что большую часть времени они соприкасались с роскошной овечьей шерстью. Шерсть на ферме стали срезать ближе к концу мая, и в основном этим занимались Шаман, Алекс и Олден, а Дуг Пенфилд, хоть и отчаянно старался научиться, только неловко шел ножницами. Тогда они поручили Дугу собирать и чистить овечью шерсть. Возвращаясь из города, он приносил им новости о внешнем мире, включая секретную информацию о том, что в качестве кандидата на президентских выборах республиканцы выдвинули Авраама Линкольна. К тому времени, когда вся овечья шерсть была скатана, перевязана и упакована в тюки, они также слышали, что демократы собрались в Балтиморе и после жарких дебатов выбрали Дугласа. Через несколько недель демократы Юга созвали Второй съезд демократической партии в том же самом городе и выдвинули вице-президента Джона К. Брекинриджа кандидатом на пост президента, призывая к защите своего права иметь рабов.

В местном масштабе демократы оказались более сплоченными и еще раз выбрали Джона Карленда, прокурора Рок-Айленда, чтобы бросить вызов Нику Холдену в борьбе за место в Конгрессе. Ник участвовал в выборах как кандидат и от Американской партии, и от республиканцев, и он наступал Линкольну на пятки, надеясь прокатиться в президентском лимузине. Линкольн охотно принял поддержку от «ничего не знающих», и только по этой причине Роб Джей объявил, что не станет за него голосовать.

Шаману сейчас было не до политики. В июле он получил ответ от Медицинского колледжа Кливленда — ему снова отказали, а к концу лета — еще один отказ, от Медицинского колледжа Огайо и университета Луисвилла. Он повторял себе, что ему нужен один-единственный положительный ответ. В первый вторник сентября Люсиль напрасно прождала его, Роб Джей привез домой почту и вручил сыну длинный коричневый конверт, обратный адрес на котором сообщал, что письмо прислали из Медицинской школы Кентукки. Прежде чем открывать конверт, Шаман отнес его к амбару. Он обрадовался, что рядом никого нет, потому что ему снова отказали, и он растянулся на сене и попытался не поддаваться панике.

У него все еще оставалось время, чтобы отправиться в Гейлсберг и зарегистрироваться в Нокс-колледже как студент третьего курса. Он почувствовал бы себя в безопасности, вернувшись в привычный круговорот событий, в котором однажды не просто выжил, но и добился успехов. Как только он получит степень бакалавра, жизнь, возможно, даже станет

увлекательной, потому что он сможет отправиться на восток, чтобы постигать науки. Или даже поехать в Европу.

Если бы он не вернулся в Нокс и не сумел бы поступить на медицинский факультет, какой была бы его жизнь?

Но он даже не пошевелился, чтобы подойти к отцу и попросить разрешения вернуться в колледж. Он еще долго лежал на сене, а когда встал, то взял лопату и тачку и принялся чистить сарай — и это действие можно было рассматривать как своего рода ответ.

Скрыться от политики было невозможно. В ноябре отец Шамана честно признался, что на выборах проголосовал за Дугласа, но в тот год повезло Линкольну: демократы Севера и Юга раскололи партию, выдвинув по одному кандидату с каждой стороны, и Линкольн с легкостью победил их. Роб Джей не особо утешился тем, что Ника Холдена наконец сместили с должности. «По крайней мере, из Карленда получится хороший конгрессмен», — сказал он. В магазине люди обсуждали, вернется ли теперь Ник в Холден-Кроссинг, и если да, то возобновит ли свою юридическую практику.

Но этот вопрос исчерпал свою актуальность уже через несколько недель, когда Авраам Линкольн начал объявлять о предстоящих назначениях в новом правительстве. Достопочтенного конгрессмена Николаса Холдена, героя войны с индейцами и горячего сторонника мистера Линкольна, назначили Специальным уполномоченным Соединенных Штатов по делам индейцев. Ему поручили добиться подписания окончательных соглашений с западными племенами и обеспечить их подходящими резервациями в обмен на мирное поведение и отказ от всех оставшихся индейских земель и территорий. Роб Джей несколько недель был раздражительным и подавленным.

Лично для Шамана наступило напряженное и невеселое время. Точно таким же тяжелым и безрадостным оно оказалось и для всей нации. Но через много лет Шаман будет оглядываться на ту зиму с ностальгией, вспоминая прекрасный деревенский вид, словно вырезанный опытными и терпеливыми руками, а затем вставленный в шар из хрусталя: дом и сарай. Замерзшая река и заснеженные поля. Овцы, лошади, дойные коровы. Каждый отдельный человек. Все в безопасности, и все на своих местах.

Но хрустальный шар столкнули со стола, и он падал.

Всего лишь через несколько дней после выборов президента, который всю кампанию строил на отказе от рабства, Южные штаты начали двигаться к расколу. Сначала взбунтовалась Южная Каролина, а затем вооруженные силы Соединенных Штатов, занимавшие два форта в Чарльстонской гавани, перешли в больший из двух — форт Самтер. Их сразу же взяли в осаду. Один за другим отряды милиции в Джорджии, Алабаме, Флориде, Луизиане и Миссисипи стали забирать форты у малочисленных по причине мирного времени федеральных сил, иногда — путем кровопролития.

Дорогие мама и папа!

Мы с Мэлом Говардом уходим сражаться за Юг. Мы не знаем точно, в каком штате завербуемся. Мэл вроде бы хочет поехать в Теннесси, чтобы служить вместе с родственниками. Мне, в общем-то, все равно, если только я не доберусь до Виргинии, чтобы передать привет нашим родственникам.

Мистер Говард говорит, что для Юга важно собрать огромную армию,

чтобы показать Линкольну, что с ними шутки плохи. Он говорит, что не будет никакой войны, что это просто семейная ссора. Так что, думаю, я вернусь задолго до начала весеннего окота.

Кстати, папа: возможно, мне дадут коня и личное оружие!

Ваш любящий сын, Александр Бледшо Коул

У себя в комнате Шаман нашел еще одну записку, небрежно накарябанную на обрывке упаковочной бумаги и придавленную к его подушке братом-близнецом ножа, который ему подарил отец:

Братишка!

Позаботься о нем для меня. Я не хотел бы потерять его. До скорой встречи.

Старший

Роб Джей немедленно отправился к Джулиану Говарду, который, отчаянно хорохорясь, признался, что накануне вечером, покончив с делами, отвез мальчиков на своем бакборде в Рок-Айленд. «Богом клянусь, у вас нет абсолютно никаких поводов для возмущений! Они взрослые парни, а это просто небольшое приключение».

Роб Джей спросил его, у какой пристани он их высадил. Говард заметил, что крупная фигура Роба Джея Коула возвышается прямо перед ним, почувствовал холодок и презрение в голосе нахального докторишки и буркнул в ответ, что оставил их возле грузового пирса «Три звезды».

Роб Джей сразу же отправился туда, несмотря на то что шансы вернуть беглецов были очень незначительными. Если бы температура опустилась до такого же уровня, как иногда бывало в особо студеные зимы, возможно, шанс появился бы, но река не была скована льдом и пароходы ходили регулярно. Менеджер грузовой компании изумленно уставился на Роба, когда тот спросил, не видел ли он двух молодых людей, ищущих работу на плоскодонной лодке или плоту, идущим вниз по течению.

«Мистер, вчера мы погрузили и разгрузили семьдесят два судна, только на одном пирсе, притом что сейчас не сезон, а на Миссисипи фрахтовых компаний тьма-тьмуца. И большинство кораблей нанимает молодых людей, которые сбежали из дома, так что я и внимания на них не обращаю», — любезно пояснил он.

Шаман подумал, что Южные штаты откалываются от остальных с таким же треском, как кукурузные зерна, подпрыгивающие на горячей сковороде. Его мать с покрасневшими от слез глазами все время молилась, а отец навещал больных без обычной ободряющей улыбки. В Рок-Айленде один из торгующих кормами магазинов перенес почти все свои запасы в заднюю комнату и сдал половину помещения в аренду армейскому вербовщику. Шаман как-то раз и сам заглянул туда: ему вдруг пришло в голову, что, раз уж все равно у него жизнь не задалась, возможно, ему стоит завербоваться в санитары, ведь силы ему не занимать. Но капрал, записывавший добровольцев, иронично поднял брови, как только узнал, что Шаман глухой, и велел ему возвращаться домой.

Он чувствовал, что сейчас, когда почти весь мир летит к чертям, у него нет никакого права переживать о неразберихе в собственной жизни. В начале января, во вторник, его отец

принес домой письмо, а в ту же пятницу — еще одно.

— Это — последние, верно? — сказал он Шаману после ужина в тот же вечер. Это удивило его: оказалось, Роб Джей помнит, что рекомендовал девять колледжей, и более того — отследил все девять ответных писем.

— Да. Из Медицинского колледжа в Миссури. Отказ, — сообщил ему Шаман, и отец кивнул. Отказ его не удивил. — Но вот письмо, которое пришло во вторник, — заявил Шаман, достал письмо из кармана и развернул его. Ему писал декан Лестер Нэш Бервин доктор медицины, из Многопрофильной медицинской школы Цинциннати. Он сообщал, что Шамана зачислят в данное учебное заведение при условии, что он успешно закончит начальный период обучения, который будет рассматриваться как испытательный срок. Школа, работающая в тесном сотрудничестве с Центральной больницей Цинциннати и Юго-Западной части Огайо, предлагала двухлетнюю программу обучения, заканчивающуюся присуждением степени доктора медицины и включавшую четыре семестра в году. Следующий семестр начинался 24 января.

Шаман должен был бы испытать радость победы, но он понимал, что отец непременно обратит внимание на слова «при условии» и «испытательный срок», и он подготовился отстаивать свою позицию. Теперь, когда Алекс уехал, он был необходим на ферме, но его переполняла решимость ухватиться за предоставленную возможность. По многим причинам, в том числе и весьма эгоистичным, он сердился на отца за то, что тот позволил Алексу улизнуть. Размышляя об этом, он рассердился на отца еще и за то, что он был так чертовски уверен в том, что Бога нет, и за то, что отец не понимал: большинство людей просто слишком слабы, чтобы быть пацифистами.

Но, когда Роб Джей оторвал взгляд от письма, Шамана поразили его глаза и губы. Понимание того, что доктор Роб Джей Коул вовсе не так уж неуязвим, пронзило его подобно стреле.

— С Алексом ничего не случится. С ним все будет хорошо! — выкрикнул Шаман, но тут же понял: это не была объективная оценка ответственного человека, мужчины. Он знал: несмотря на события, происшедшие в комнате, где стоит манекен с задом из слоновой кости, и на получение письма из Цинциннати, это было ничего не стоящее обещание доведенного до отчаяния мальчика.

Часть пятая

Семейная ссора

24 января 1861 г

45

В колледже

Цинциннати оказался куда больше, чем ожидал Шаман, улицы кишели транспортом, а по реке Огайо, свободной ото льда, сновали суда. Из высоких фабричных труб поднимались густые столбы дыма. Люди были повсюду; он мог представить себе, какой шум они поднимали.

Конка подобрала его у железнодорожной станции на берегу реки и доставила прямо к земле обетованной на Девятой улице. Центральная больница Юго-Западной части Огайс состояла из двух зданий красного кирпича, каждое высотой в три этажа, и двухэтажного каркасного здания, где размещался чумной барак. Через улицу, в другом кирпичном доме, увенчанном стеклянным куполом, располагалась Многопрофильная медицинская школа Цинциннати. Внутри школы Шаман увидел классные комнаты и лекционные залы, давно не знавшие ремонта. Он спросил у какого-то студента, где находится приемная декана, и, следуя указаниям, поднялся по дубовой лестнице на второй этаж. Доктор Бервин оказался приятным мужчиной средних лет с седыми усами и лысой головой, мерцавшей в мягком свете, проникавшем в высокие и грязные окна.

— Ага, так значит, вы и есть Коул.

Он жестом предложил Шаману сесть. Затем последовал короткий разговор относительно истории школы, обязанностей хорошего врача и необходимости регулярных занятий. Шаман интуитивно понял, что приветственная речь была частью декорации,

которую демонстрировали каждому новому студенту, но в этот раз окончание было предназначено именно ему.

— Вы не должны позволить своему статусу «принят условно» запугать вас, — осторожно произнес доктор Бервин. — В каком-то смысле все наши студенты зачисляются с испытательным сроком и должны проявить себя как достойные кандидаты.

В каком-то смысле. Шаман готов был поспорить, что отнюдь не каждому студенту сообщали о его условном статусе в письме. Однако он вежливо поблагодарил декана. Доктор Бервин направил его в общежитие, которое оказалось трехэтажным каркасным зданием, скрывающимся позади школы. Список жильцов, висящий на стене в холле, сообщил ему, что Коул, Роберт Джей, проживает в комнате 2-В, вместе с Куком, Полом П.; Торрингтоном, Руэлом; и Хенридом, Вильямом.

Комната 2-В была маленькой: все пространство в ней занимали две двухъярусные кровати, два бюро и стол с четырьмя стульями, на одном из которых восседал толстый юноша. Заметив вошедшего Шамана, он перестал писать в тетради и воскликнул:

— Ага-а! Я — П. П. Кук, из Зинии. Билл Хенрид отправился получать книги Следовательно, вы либо Торрингтон из Кентукки, либо глухой сосед.

Шаман рассмеялся; неожиданно ему стало очень легко.

— Я — глухой сосед, — признался он. — Можно, я буду называть вас Пол?

Тем вечером они наблюдали друг за другом и делали выводы. Кук был сыном торговца кормами, и преуспевающего, судя по его одежде и вещам. Шаман заметил, что он привык паясничать — возможно, из-за полноты; но в его карих глазах светились ум и проницательность, от которой почти невозможно было скрыться. Билли Хенрид был худощавым и тихим. Он сообщил, что вырос на ферме вблизи Колумбуса и два года проучился в семинарии, прежде чем решил, что не создан для рясы священника. Руэл Торрингтон, появившийся только после ужина, оказался для них настоящим сюрпризом. Он был вдвое старше своих соседей по комнате и давно занимался медицинской практикой. Он с юных лет ходил в учениках одного врача, а сейчас решил прослушать университетский курс, чтобы узаконить звание доктора.

Трое его соседей по 2-В пришли в восторг от его опыта, решив, что им повезло учиться вместе с опытным практиком, но Торрингтон прибыл в дурном расположении духа, которое так ни разу и не изменилось за все то время, что они прожили вместе. Единственное спальное место, к моменту его приезда оставшееся свободным, было на втором ярусе кровати у стены и совершенно ему не понравилось. Он достаточно открыто дал понять, что презирает Кука из-за его избыточного веса, Шамана — из-за глухоты, а Хенрида — из-за принадлежности того к католицизму. Его враждебность с самого начала вынудила остальную троицу заключить союз, и они не уделяли ему много внимания.

Кук провел в школе уже несколько дней и собрал кое-какие сведения, которыми щедро поделился с остальными. В целом весь преподавательский состав школы был выше всяких похвал, но две его звезды сияли ярче остальных. Одной из них был профессор хирургии, доктор Бервин, также занимавший должность декана. Вторым был доктор Барнетт А. Мак-Гован, патологоанатом: он вел предмет, наводивший ужас на студентов и известный как «АиФ» — анатомия и физиология. «За глаза его называют Спорщик, — доверительно сообщил Кук. — Говорят, что он завалил на экзаменах больше студентов-медиков, чем все остальные преподаватели, вместе взятые».

На следующее утро Шаман пошел в сберегательную кассу и внес туда большую часть денег, которые привез с собой. Они с отцом тщательно расписали все финансовые нужды. Обучение стоило шестьдесят долларов в год, пятьдесят долларов — если платить авансом. Они добавили расходы на оплату жилья и питания, приобретение книг, проезд и другие нужды. Роб Джей с радостью заплатил бы сколько нужно, независимо от суммы, но Шаман упорно придерживался убеждения, что, поскольку это он захотел получать медицинское образование, то и оплачивать его должен сам. В конце концов они договорились, что он напишет расписку отцу, обещая возместить все, до последнего доллара, после окончания колледжа.

После посещения кассы он собирался отправиться к казначею школы и заплатить за обучение. Настроение у него немного ухудшилось, когда чиновник объяснил ему, что, если его отчислят в связи с болезнью или неспособностью справиться с учебной работой, деньги, внесенные в счет оплаты за обучение, возвратят лишь частично.

Первое занятие, которое он посетил уже как студент-медик, было часовой лекцией по женским болезням. Шаман еще в колледже понял, что очень важно приходить на занятия как можно раньше, чтобы занять место перед преподавателем и читать у него по губам с высокой степенью точности. Он пришел достаточно рано, занял место в первом ряду, и правильно сделал: профессор Гарольд Мейгс читал лекции быстро. Шаман еще в колледже научился писать конспект, глядя на губы лектора, а не в тетрадь. Он писал аккуратно, понимая, что Роб Джей захочет прочитать его конспект, чтобы узнать, что происходит в медицинской науке.

На следующем занятии — это была химия — он выяснил, что у него достаточно опыта работы в лаборатории; это подбодрило его и вызвало аппетит как к духовной, так и к обычной пище. Шаман отправился в столовую больницы и торопливо пообедал сухарями и мясным супом, который мог бы быть и вкуснее. Затем он поспешил в книжный магазин Крукшанка, сотрудничавший с медицинской школой, где арендовал микроскоп и купил книги из перечня: «Общие вопросы клинической медицины и фармакологии» Данглисона, «Физиологию человека» Мак-Гована, «Анатомические гравюры» Квана, «Оперативную хирургию» Бервина, «Химию» Фоуна и две книги Мейгса — «Женщина, ее болезни и их лечение» и «Детские заболевания».

Пока пожилой служащий выводил общую сумму по счету, Шаман отвернулся и увидел доктора Бервина, беседующего с сердитым низеньким мужчиной, в чьей аккуратной бороде и шевелюре блестела седина. Он был настолько же волосатым, насколько Бервин — лысым. Они, очевидно, были увлечены спором, хотя и разговаривали тихо — судя по тому, что никто из присутствующих не обращал на них внимания. Доктор Бервин стоял вполборота к Шаману, в то время как его собеседник — анфас, и Шаман прочитал его слова по губам — скорее рефлексивно, чем желая подслушать.

— ...знаете, что эта страна движется к войне. Я прекрасно понимаю, сэр, что в новой группе у нас сорок два студента вместо обычных шестидесяти, и я также прекрасно понимаю, что кое-кто из них сбежит на войну, когда учеба на медицинском факультете покажется им слишком сложной. И в такое время мы должны особенно тщательно придерживаться высоких стандартов. Гарольд Мейгс сказал, что вы взяли нескольких студентов, которых еще в прошлом году вы ни за что бы не приняли, говорят, что среди них есть даже глухонемой...

В этот момент клерк коснулся руки Шамана, милосердно отвлекая его внимание, и показал ему сумму к оплате.

— Что это за джентльмен, который разговаривает с доктором Бервином? — спросил Шаман: немой заговорил!

— Это доктор Мак-Гован, сэр, — ответил служащий. Шаман кивнул, забрал книги и удалился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Несколько часов спустя профессор Барнетт Алан Мак-Гован сидел за своим столом в анатомическом театре медицинской школы и, сверяясь с записями, писал отчет. Во всех отчетах говорилось о смерти, поскольку доктор Мак-Гован редко имел какое-либо отношение к живым пациентам. Большинство людей считали мертвецов не очень приятным окружением, он привык к тому, что рабочее место ему выделяли как можно дальше от глаз общественности. В больнице, где доктор Мак-Гован был ведущим патологоанатомом, прозекторская находилась в подвале главного корпуса. И хотя это было удобно в связи с тем, что помещение имело выход в выложенный кирпичом туннель, проходящий под улицей между больницей и медицинской школой, место было мрачноватым из-за труб, пересекавших его низкие потолки.

Анатомический театр медицинской школы располагался в задней части здания, на втором этаже. Туда можно было попасть как из коридора, так и по отдельной лестнице. В единственное высокое окно без штор проникал свинцовый зимний свет, плохо освещая длинную узкую комнату. В одном конце покрытого трещинами пола, перед столом профессора, находился маленький амфитеатр, сиденья в котором стояли слишком близко друг к другу, что создавало определенные физические неудобства, но не мешало концентрации. В другом конце стоял тройной ряд прозекторских столов студентов, а в центре — большой рассольный бак, наполненный частями человеческого тела, и стол, где был выложен ряд специальных инструментов. На козлах, поставленных так, чтобы не мешать передвижениям по комнате, лежало тело молодой женщины, полностью покрытое чистой белой простыней. В отчет профессор вписывал результаты вскрытия именно этого тела.

Без двадцати минут час в лабораторию вошел одинокий студент. Профессор Мак-Гован не поздоровался и даже не взглянул на рослого молодого человека; он опустил стальное перо в чернила и продолжил писать, а студент прошел прямо к центральному месту в переднем ряду и занял его, положив на него тетрадь. Он не стал садиться, а начал прогуливаться по аудитории, знакомясь с обстановкой.

Остановившись перед рассольным баком, к изумлению доктора Мак-Гована, он поднял деревянный шест с железным крюком на конце и попытался выловить какую-нибудь часть тела, словно маленький мальчик, играющий в пруду. За девятнадцать лет, прошедшие с того момента, как доктор Мак-Гован прочитал свою первую лекцию по анатомии, он еще ни разу не видел, чтобы студент так себя вел. Когда новые студенты заходили в класс анатомии в первый раз, они двигались с большим достоинством. Чаще всего они шли медленно, возможно, поддавшись страху.

— Эй, вы! А ну-ка, прекратите. Положите крюк на место! — потребовал Мак-Гован.

Молодой человек и виду не подал, что слышит его, даже когда профессор резко хлопнул в ладоши, и тогда Мак-Гован внезапно понял, с кем имеет дело. Он было привстал со стула, но затем опять сел: ему хотелось узнать, чем все закончится.

Юноша не стал подцеплять крюком первую попавшуюся конечность: большинство из них лежали в растворе уже давно, и на многих оставались следы работы предыдущих студенческих групп. Именно состояние частей тела: степень изрезанности и разложения — было основной причиной шока новичков на первом занятии по анатомии. Мак-Гован увидел, как юноша поднял на поверхность запястье и кисть руки, а также — изодранную ногу. Затем он поднял предплечье с кистью, явно находившееся в лучшем состоянии, чем большинство частей тела. Мак-Гован смотрел, как молодой человек подводит крюком нужный ему экземпляр в верхний правый угол резервуара и прикрывает его несколькими никуда не годными конечностями. Прячет его!

После этого юноша вернул крюк на то самое место, откуда взял, и подошел к столу, где стал осматривать скальпели и выбирать самый острый. Когда он нашел такой, которым остался доволен, то положил его немного выше других и вернулся к своему месту в амфитеатре.

Доктор Мак-Гован предпочел проигнорировать его, и в течение следующих десяти минут продолжал работать с отчетами. Постепенно в аудиторию стали заходить студенты и занимать места. Многие уже были бледны, поскольку в помещении витали такие запахи, от которых у них немедленно разыгралось воображение и всплыли все давние страхи.

Точно по расписанию доктор Мак-Гован отложил ручку и вышел из-за стола.

— Господа! — начал он.

Когда они затихли, он представился.

— В рамках данного курса мы будем изучать мертвых, чтобы как можно больше узнать о живых и помочь им. Первые исследования такого рода проводились еще древними египтянами — они вскрывали тела несчастных, которых приносили в жертву своим богам. Древние греки — истинные отцы физиологических изысканий. В Александрии находилась крупная медицинская школа, где Герофил из Халкидона изучал человеческие органы и внутреннее строение тела. Он дал название синусному стоку головного мозга (жом Герофила) и двенадцатиперстной кишке.

Доктор Мак-Гован заметил, что молодой человек в центре первого ряда не сводил глаз с его губ. Они буквально цеплялись за каждое его слово.

Он весьма изящно описал прекращение исследований в области анатомии в период полного суеверий средневековья и их возобновление после 1300 года н. э.

В заключительной части лекции он осветил тот факт, что, как только живой дух покидает свое обиталище, исследователи должны относиться к телу без страха, но с уважением.

— Когда я учился в университете в Шотландии, мой профессор сравнивал тело после смерти с домом, владелец которого переехал. Он говорил, что к телу следует относиться с осторожным достоинством, из уважения к душе, которая там жила, — заявил доктор Мак-Гован и рассердился, увидев, что юноша в переднем ряду улыбнулся.

Он велел каждому выбрать себе какой-нибудь предмет из рассольного бака и скальпель, затем рассечь выбранный объект исследования и зарисовать увиденное. Рисунки они должны будут сдать профессору, прежде чем покинуть аудиторию. Как всегда на первом занятии, студенты замешкались, не решаясь начать. Пока все робели, юноша, который пришел раньше всех, снова оказался в первых рядах: он сразу встал и прошел к резервуару, чтобы забрать спрятанную конечность, после чего взял самый острый скальпель. Пока остальные бесцельно топтались у бака, он уже настраивал операционную лампу над

прозекторским столом.

Доктор Мак-Гован прекрасно понимал все ужасы первого занятия по анатомии. Сам он давно привык к сладковатому неприятному запаху, который поднимался из рассольного бака, но знал о его воздействии на непосвященных. Для некоторых студентов задание оказалось невыполнимым, потому что многие конечности были в таком плохом состоянии, что их было невозможно правильно разрезать и точно зарисовать, и он принимал это во внимание. Вскрытие выступало в качестве первого боевого задания для новобранцев. С одной стороны, это был вызов их способности справляться с отвращением и другими сложностями, а с другой стороны, — неприятной, но необходимой демонстрацией того факта, что медицинская практика включала в себя не только получение гонорара и почета в обществе.

Уже через пару минут несколько человек вышли из комнаты, в том числе один молодой человек удалился в большой спешке. Доктор Мак-Гован с удовлетворением отметил, что вскоре все они вернулись. Почти целый час он прогуливался между столами, наблюдая за работой студентов. В группе было несколько взрослых мужчин, работавших в медицине после ученичества. Они, в отличие от многих студентов, не выказывали никаких признаков тошноты. Доктор Мак-Гован знал из опыта, что некоторые из них станут превосходными врачами; но его внимание привлек один, по имени Руэл Торрингтон, нещадно кромсавший доставшуюся ему конечность. Профессор вздохнул, подумав о том, к каким ужасным последствиям наверняка приводили выполненные им операции.

Чуть дольше он задержался у последнего стола, где толстый парень с мокрым от пота лицом изо всех сил пытался работать с головой, представлявшей собой почти голый череп.

Напротив толстого молодого человека работал глухой юноша. Он был опытен и умело орудовал скальпелем, открывая руку слоями. Тот факт, что он знал, как это следует сделать, подтверждал, что ранее он уже занимался подобным, и это обрадовало и удивило Мак-Гована: он отметил, что суставы, мышцы, нервы и кровеносные сосуды были аккуратно изображены и даже подписаны. Пока он стоял и смотрел, юноша написал печатными буквами свою фамилию на листке со схемой и вручил ему. Коул, Роберт Джей.

— Так. Гм, Коул, на будущее, имейте в виду: печатные буквы следует писать крупнее.

— Да, сэр, — удивительно, отчетливо произнес Коул. — У вас есть еще какие-нибудь замечания?

— Нет. Можете вернуть объект своего исследования в резервуар и прибраться. Потом вы можете идти.

Подстегнутые таким быстрым освобождением товарища, пять или шесть студентов поторопились принести свои схемы доктору Мак-Говану, но все рисунки были возвращены авторам с предложениями нарисовать заново или исправить разрезы.

Комментируя работы студентов, профессор наблюдал, как Коул помещает образец обратно в резервуар, моет и вытирает скальпель, прежде чем положить его обратно на стол. Он заметил, что юноша принес воду к прозекторскому столу и тщательно вымыл ту сторону, на которой делал вскрытие, а затем взял коричневое мыло и чистую воду и тщательно вымыл руки до самого локтя, прежде чем опустить рукава.

Выходя из аудитории, Коул задержался возле толстяка и внимательно рассмотрел его схему. Доктор Мак-Гован заметил, как юноша наклонился к товарищу и что-то ему прошептал. Отчаяние частично покинуло лицо толстяка, и он кивнул, а Коул похлопал его по плечу. Тогда толстяк снова склонился над работой, а глухой наконец вышел.

Тоны сердца

Медицинская школа словно превратилась в далекое иностранное государство, в котором до Шамана иногда доходили внушающие страх слухи о войне, нависшей над Соединенными Штатами. Он узнал о Мирной конференции в Вашингтоне, округ Колумбия, на которой присутствовал сто тридцать один делегат от двадцати одного штата. Но утром того дня, когда Мирная конференция начала свою работу в столице, в Монтгомери, штат Алабама, был созван Временный конгресс конфедеративных штатов Америки. Несколько дней спустя Конфедерация проголосовала за отделение от Соединенных Штатов, и на всех опустилось гнетущее понимание того, что никакого мира не будет.

Однако Шаману все еще удавалось уделять проблемам общенационального характера минимальное внимание. Он вел свою собственную войну за выживание. К счастью, он был хорошим студентом. Он засиживался за книгами до глубокой ночи, пока строчки не начинали расплываться у него перед глазами, и чаще всего умудрялся находить несколько свободных часов для чтения перед завтраком. Занятия проводились с понедельника по субботу, с десяти до часу и с двух до пяти. Часто лекцию читали перед или во время одного из шести разнообразных практических занятий, которые и дали медицинской школе ее название: по вторникам после обеда — болезни груди; вечером в четверг — женские болезни; по утрам в субботу — проведение хирургических операций; днем в субботу — лечебное дело. По воскресеньям, после обеда, студенты постигали особенности работы штатных врачей в палатах.

В шестую субботу пребывания Шамана в школе доктор Мейгс читал лекцию о стетоскопе. Мейгс учился во Франции, у докторов, учившихся, в свою очередь, у изобретателя данного инструмента. Он рассказал студентам, что однажды в 1816 году врач по имени Рене Лаэннек, не желая прикладывать ухо к груди смущенной пациентки с пышным бюстом, скатал лист бумаги и привязал к получившейся трубке веревку. Когда Лаэннек приставил к груди пациентки один конец трубки, а второй — к собственному уху, то с удивлением отметил, что данный метод не только не ухудшил слышимость, а наоборот, усилил звуки.

Мейгс добавил, что до недавнего времени стетоскопы представляли собой простые деревянные трубки, к которым нужно было прикладывать одно ухо. Сам же он пользовался более современной модификацией инструмента: в нем трубка была изготовлена из тканого шелка, присоединенного к наушникам из слоновой кости, которые следовало вставлять в оба уха. Во время практики, начавшейся сразу после лекции, доктор Мейгс использовал эбеновый стетоскоп со вторым выходом и еще одной трубкой: таким образом, и профессор, и студент могли одновременно слушать звуки в груди пациента. Каждому студенту дали возможность послушать, но, когда наступила очередь Шамана, он заявил профессору, что это совершенно бесполезно.

— Я все равно не в состоянии ничего услышать.

Доктор Мейгс поджал губы.

— Вы должны, по крайней мере, попробовать. — Он в подробностях показал Шаману, как следует прикладывать инструмент к уху. Но Шаман только головой покачал.

— Очень жаль, — вздохнул профессор Мейгс.

По клинической практике нужно было сдавать экзамен. Каждый студент должен был выслушать пациента, используя стетоскоп, и сделать сообщение. Шаману сразу стало ясно, что экзамен он не сдаст.

Холодным утром он поплотнее запахнул пальто, надел перчатки, замотал шею шарфом и пошел прочь от школы. На углу мальчишка продавал газеты, где сообщалось об инаугурации Линкольна. Шаман спустился к набережной и побрел вдоль причалов, погрузившись в мысли.

Когда он вернулся, то зашел в больницу и прогулялся по палатам, изучая санитаров и медсестер. Большинство были мужчинами, и многие из них сильно пили; на работу же им удалось устроиться только потому, что к младшему персоналу не предъявляли особых требований. Он внимательно наблюдал за теми, кто показался ему трезвым и умным, и наконец решил, что мужчина по имени Джим Галлек подойдет для его цели. Он дождался, пока санитар принес охапку дров и свалил ее на полу возле пузатой печи, а затем подошел к нему. «Я хочу сделать вам одно предложение, мистер Галлек».

В день экзамена в клинику пришли оба профессора: и доктор Мак-Гован, и доктор Бервин, из-за чего нервозность Шамана усилилась. Доктор Мейгс провел перекличку. Имя Шамана стояло третьим в списке, после Алларда и Бронсона. Израилю Алларду сказочно повезло: ему досталась молодая пациентка, потянувшая спину, тоны ее сердца были сильными, нормальными и ничем не осложненными. Кларку Бронсону поручили осмотреть астматика преклонных лет. Кларк, запинаясь, описал характер хрипов в груди пациента. Мейгсу пришлось задать ему несколько наводящих вопросов, чтобы получить нужную информацию, но, очевидно, он был вполне удовлетворен ответом.

— Мистер Коул!

Очевидно, он ожидал, что Шаман откажется сдавать экзамен. Но Шаман выступил вперед и взял монофонический деревянный стетоскоп. Он посмотрел на Джима Галлека. Санитар встал и подошел к нему. Пациент был юношей лет шестнадцати, дюжего телосложения, и жаловался на порез руки, который он получил во время работы в плотницкой мастерской. Галлек приставил один конец стетоскопа к груди мальчика, а к другому концу приложился ухом. Шаман прижал пальцы к запястью пациента и почувствовал удары пульса.

— Сердце у пациента бьется нормально и ровно. С частотой семьдесят восемь ударов в минуту, — сказал он наконец. Затем вопросительно посмотрел на санитаря — тот еле заметно покачал головой. — Хрипов нет, — добавил Шаман.

— К чему весь этот... театр? — удивился доктор Мейгс. — Что здесь делает Джим Галлек?

— Мистер Галлек заменяет мне уши, сэр, — ответил Шаман; к сожалению, он увидел глупые ухмылки на лицах некоторых студентов.

Но доктор Мейгс не улыбался.

— Я понял. Уши, значит. Вы собираетесь жениться на мистере Галлеке, мистер Коул? И будете таскать его с собой, куда бы вам ни пришлось поехать, чтобы лечить больных? Всю оставшуюся жизнь?

— Нет, сэр.

— Значит, попросите кого-нибудь другого заменить вам уши?

— Возможно, время от времени.

— А если вы как врач случайно увидите, что человек нуждается в вашей помощи, но рядом не будет никого — только вы и пациент?

— Я могу узнать сердечный ритм из пульса. — Шаман приложил два пальца к сонной артерии на горле пациента. — И сделать вывод: нормальный он, учащенный или слабый. — Он раскрыл ладонь и положил ее на грудь мальчику. — Я могу проверить частоту дыхания. И осмотреть кожу, и прикоснуться к ней, чтобы выяснить, какая она: горячая или холодная, влажная или сухая. Я могу осмотреть глаза. Если пациент не спит, я могу поговорить с ним, и даже если он находится без сознания, я могу проверить консистенцию его слюны, и посмотреть цвет его мочи и уловить ее запах, и даже попробовать ее на вкус, если нужно. — Увидев лицо профессора, он ответил на вопрос прежде, чем доктор Мейгс успел задать его: — Но я никогда не смогу услышать хрипы в груди.

— Не сможете.

— Хрипы для меня не станут симптомами заболевания. Если я замечу раннюю стадию крупозного дыхания, я буду знать, что, если бы я мог их услышать, хрипы в его груди, несомненно, имели бы трескучий характер. Если у моего пациента наступит вторая стадия крупозного дыхания, то я буду знать, что хрипы у него в груди — пузырьчатые. Если он болен астмой или у него инфекция бронхиол, то я буду знать, что хрипы у него свистящие. Но я не буду в состоянии получить подтверждение этого знания. — Он сделал паузу и посмотрел в глаза доктору Мейгсу. — Я ничего не могу сделать со своей глухотой. Природа отняла у меня ценный диагностический инструмент, но у меня есть другие инструменты. И в чрезвычайной ситуации я бы заботился о своем пациенте, используя свои глаза, и нос, и рот, и пальцы, и мозг.

Шаман не дал уважительного ответа, который понравился бы доктору Мейгсу в устах студента-первокурсника, и на его лице отразилось раздражение. Неожиданно к нему подошел доктор Мак-Гован и, наклонившись, что-то сказал на ухо.

Доктор Мейгс оглянулся на Шамана.

— Мы решили поймать вас на слове и дать вам пациента, которому вы должны поставить диагноз, не используя стетоскоп. Я готов пойти на это, если вы согласны.

Шаман кивнул, но у него засосало под ложечкой.

Профессор привел их в соседнюю палату и остановился перед кроватью, в ногах которой была табличка с именем пациента. Звали его Артур Герреншо.

— Можете осмотреть этого пациента, мистер Коул.

По глазам Артура Герреншо Шаман сразу же понял, что тот серьезно болен.

Он убрал простыню и одеяло и поднял рубашку больного. Тело пациента казалось чрезвычайно жирным, но, когда Шаман положил руку на толстую плоть мистера Герреншо, он словно прикоснулся к поднявшемуся тесту. От шеи, на которой вздулись и пульсировали вены, и до самых потерявших форму лодыжек вздутые ткани были покрыты какой-то жидкостью. Пытаясь сделать вдох, он приподнимался в постели.

— Как ваше самочувствие, мистер Герреншо?

Ему пришлось переспросить, на этот раз громче, прежде чем пациент ответил, слегка покачав головой.

— Сколько вам лет, сэр?

— Мне... пять... два. — После каждого слога он отчаянно хватал ртом воздух, как

человек, пробежавший длинную дистанцию.

— У вас что-то болит, мистер Герреншо? Сэр! У вас что-то болит?

— О... — выдавил он и положил руку на грудь. Шаману показалось, что пациент пытается приподняться.

— Вы хотите сесть? — Он помог ему сесть и подпер его спину подушками. Мистер Герреншо обильно потел, но его почему-то бил озноб. Единственным источником тепла в палате был толстый черный дымоход, шедший от дровяной печи и деливший потолок пополам, и Шаман укрыл плечи мистера Герреншо одеялом. Затем достал из кармана часы. Когда он проверял пульс мистера Герреншо, ему показалось, что секундная стрелка замедлила свой ход. Пульс был слабым, нитевидным и невероятно учащенным, стучал, словно лапки зверька, отчаянно улепетывающего от хищника. Шаман не успевал считать удары сердца. Зверек замедлил бег, замер, сделал несколько медленных скачков. Снова понесся вперед.

Именно в этот момент доктор Мейгс воспользовался бы стетоскопом. Профессор сообщил бы о шумах в легких человека, тонущего в собственных соках.

Шаман обхватил руки мистера Герреншо ладонями. Услышав то, что они ему сообщили, похолодел и опечалился. Он отвернулся и, сам того не осознавая, коснулся покатога плеча пациента.

Все вернулись в ординаторскую, чтобы Шаман мог сделать доклад.

— Я не знаю, что заставило жидкость собраться в его тканях. Чтобы понять это, у меня не хватает практического опыта. Но пульс пациента слабый и нитевидный, скачущий. У него отказывает сердце: оно бьется с частотой сто девяносто два удара в минуту, когда начинается тахикардия. — Он смотрел на Мейгса. — За последние несколько лет я помог своему отцу провести вскрытие двух мужчин и женщины, умерших от сердечной недостаточности. В каждом случае небольшой участок сердечной стенки был мертвым. Ткань выглядела горелой, словно к ней прикоснулись тлеющим углем.

— Что бы вы предприняли?

— Я бы держал его в тепле. Дал бы ему снотворное. Он умрет через несколько часов, так что нужно просто уменьшить его боль. — Он сразу понял, что сказал слишком много, но сказанного не воротишь.

Мейгс набросился на него:

— Откуда вы знаете, что он умрет?

— Я это почувствовал, — тихо ответил Шаман.

— Что? Говорите же, мистер Коул, мы вас слушаем.

— Я это почувствовал, сэр.

— У вас не хватает опыта, чтобы разобраться в жидкостях организма, но вы в состоянии почувствовать нависшую смерть! — едко заметил профессор и обвел взглядом класс. — Я хочу, чтобы вы извлекли урок из этого случая, господа. До тех пор, пока в пациенте остается жизнь, мы никогда — никогда! — не приговариваем его к смерти. Мы изо всех сил пытаемся даровать ему возможность жить дальше, пока он действительно не умрет. Вы понимаете это, мистер Коул?

— Да, сэр, — с несчастным видом ответил Шаман.

— Тогда можете садиться.

Он угостил Джима Галлека ужином в салуне на берегу реки, где они съели вареную

говядину с капустой и выпили каждый по три кружки горького темного пива. Это не был триумфальный обед. Оба были недовольны тем, что произошло, и сошлись во мнении, что Мейгс — сущее наказание. Им больше не о чем было разговаривать. Когда они поели, Шаман поблагодарил Галлека и заплатил ему за помощь. Санитар вернулся домой к жене и четырем детям на несколько долларов менее бедным, чем утром, когда уходил на работу.

Шаман остался в салуне и выпил еще пива. Он не позволял себе беспокоиться о том, как выпитый алкоголь повлияет на дар. Он не думал, что сможет еще долго оставаться в положении, когда дар будет играть большую роль в его жизни.

Возвращаясь в общежитие, он шел осторожно, сконцентрировав внимание на том, чтобы удержаться на ногах. Как только он добрался до своей комнаты, то залез в койку, не раздеваясь. Утром он узнал о еще одной серьезной причине для того, чтобы не употреблять горячительных напитков: у него болела голова, словно наказывая за вчерашнее. У него ушло много времени на то, чтобы умыться и переодеться, и он медленно двигался на завтрак, когда в больничную столовую быстро вошел другой первокурсник, по имени Роджерс.

— Доктор Мак-Гован просил передать, что вы должны немедленно явиться к нему в лабораторию.

Когда он пришел в прозекторскую — комнату с низким потолком, расположенную в подвале, — там находились доктор Бервин и доктор Мак-Гован. На столе лежало тело Артура Герреншо.

— Вы заставили себя ждать, — раздраженно заявил доктор Мак-Гован, словно Шаман опоздал на запланированную встречу.

— Да, сэр, — выдавил он из себя, не зная, что еще сказать.

— Не желаете начать? — спросил его доктор Мак-Гован.

Шаман еще никогда не вскрывал труп человека, но он достаточно часто видел, как это делал его отец, и потому кивнул. Доктор Мак-Гован вручил ему скальпель. Сделав первый разрез, Шаман почувствовал на себе пристальные взгляды двух докторов. Доктор Мак-Гован воспользовался щипцами и, раскрыв грудину, склонился над сердцем, затем сунул в открывшуюся полость руку и немного приподнял сердце, чтобы и доктор Бервин, и Шаман увидели кругловатое повреждение, словно от ожога, на стенке сердечной мышцы мистера Герреншо.

— Вам следует кое-что знать, — сказал доктор Бервин Шаману. — Иногда недостаточность происходит внутри сердца, и на сердечной стенке его не видно.

Шаман кивнул, показывая, что он понял.

Мак-Гован повернулся к доктору Бервину и что-то сказал ему, а доктор Бервин рассмеялся. Доктор Мак-Гован посмотрел на Шамана. Лицо у него походило на кусок дубленой кожи, покрытой глубокими бороздами, и Шаман впервые увидел, как оно осветилось улыбкой.

— Я сказал ему: «Пойдите найдите мне еще таких глухих студентов», — объяснил доктор Мак-Гован.

Каждый день той серой и слякотной весны, сопровождающейся национальными мучениями, обеспокоенная толпа собиралась у цинциннатского отделения «Коммершиал», чтобы прочесть новую сводку новостей с фронта, которую писали мелом на доске у входа. Президент Линкольн приказал перекрыть все порты Конфедерации, бросив на них все силы военно-морского флота США, а также обратился ко всем мужчинам Северных штатов с просьбой откликнуться на призыв в армию. Повсюду только и говорили о войне, высказывая массу предположений. Генерал Уинфилд Скотт, стоявший во главе вооруженных сил, хоть и был южанином по рождению, но поддерживал США; однако он был уже в годах и устал от службы. Один пациент в терапевтическом отделении рассказал Шаману, что ходят слухи, будто Линкольн предложил полковнику Роберту Ли взять на себя командование юнионистской армией. Но несколько дней спустя все газеты запестрели сообщениями о том, что Ли оставил службу Союзу, предпочтя сражаться на стороне южан.

Еще до конца семестра более дюжины студентов медицинского колледжа — преимущественно из числа тех, кто не слишком хорошо успевал в учебе — присоединились к одной или другой армии. Среди них оказался и Руэл Торрингтон, который оставил после себя пару пустых ящиков комода, источающих вонь давно не стираной одежды. Остальные студенты намеревались успешно закончить семестр и лишь после этого поступить на службу. В мае доктор Бервин созвал студенчество на срочное собрание и пояснил, что сначала профессорско-преподавательский состав принял решение закрыть колледж ввиду военного положения, но после длительных прений постановил продолжить обучение. Доктор Бервин просил всех студентов остаться в колледже: «Совсем скоро врачи будут нужны, как никогда раньше, и в армии, и гражданским людям».

Доктор Бервин принес также и плохие вести. Поскольку преподавателям платили за счет взносов студентов за обучение, а набор новых учащихся резко сократился, они вынуждены были значительно повысить оплату. Это означало, что Шамана ожидали непредвиденные траты. Но если даже такое серьезное препятствие, как глухота, не остановило его на пути к получению образования, то такая мелочь, как деньги, уж точно не могла помешать ему стать врачом.

Он подружился с Полом Куком. Шаман знал каждый закоулок в колледже и всегда мог дать дельный совет по учебе, но во всех остальных вопросах Кук разбирался явно лучше. Пол познакомил друга с такими заведениями, как рестораны и театры. Они побывали в оперном театре и посмотрели представление с Эдвином Томасом Бутом в роли Ричарда III. Оперный театр состоял из трех ярусов балконов, в нем было более трех тысяч кресел, а стоя в этом огромном зале могла поместиться еще тысяча зрителей.

Еще в колледже он прочел всего Шекспира, а накануне вечером перечитал пьесу, которую они собирались посмотреть. Места в восьмом ряду, билеты на которые Кук приобрел в кассе, не могли позволить Шаману в полной мере насладиться игрой актеров, но, зная сюжет и реплики, которые теперь обретали для него новый смысл, он получил от спектакля истинное наслаждение.

Вечером следующей субботы Кук повел его в бордель, в котором Шаман проследовал за молчаливой женщиной в ее комнату, где его быстро обслужили. С лица женщины не сходила застывшая улыбка, за все время она произнесла лишь пару слов. Шаман утратил всякое желание возвращаться в этот дом, но, поскольку он был молодым здоровым мужчиной, временами его сексуальные потребности усложняли ему жизнь.

Настала его очередь ехать по вызовам. Шаман отправился на свечной завод Трента, где работали исключительно женщины и дети. Помощь требовалась тринадцатилетнему мальчику, который обжег ноги, облившись кипящим воском. Врачи забрали мальчика в отделение. Вместе с ним поехала его кузина — черноволосая девушка с нежной персиковой кожей, которая пожертвовала дневным заработком, чтобы сопровождать двоюродного брата. Шаман снова увидел ее в четверг вечером в часы для посещений в больнице. Остальные родственники ждали, пока им позволят войти к больному, но она заглянула лишь на минутку, а Шаману представилась возможность заговорить с ней. Ее звали Хэйзел Мелвилл. Он пригласил ее поужинать с ним в следующее воскресенье, хотя и не мог себе этого позволить. Она попыталась сделать вид, будто удивлена, но в конце концов довольно улыбнулась и кивнула.

Она жила совсем недалеко от больницы — на третьем этаже жилого дома, очень похожего на общежитие при колледже. Мать Хэйзел умерла. Краснолицый отец девушки, который служил в муниципальном суде Цинциннати, встретил его с прохладцей, — по-видимому, все дело в необычной гортанной речи Шамана, — хотя в целом он так и не понял, что именно его смутило в новом ухажере дочери.

Будь в тот день потеплее, он мог бы покатасть девушку на лодке. Со стороны реки дул сильный ветер, но они тепло оделись, потому совсем не чувствовали холода. Они разглядывали витрины магазинов в полумраке улиц. Она чудо как хороша, решил он. Исключение составляли разве что ее тонкие поджатые губы, из-за которых ее черты казались резкими, а лицо — вечно недовольным. Девушка была поражена до глубины души, узнав о его глухоте. Пока он объяснял ей, что научился читать по губам, с ее лица не сходила неуверенная, несколько натянутая улыбка.

И все же довольно приятно беседовать с особой женского пола, которая не была его пациенткой. Хэйзел сказала, что выливает свечи уже около года. Девушка ненавидела свою работу, но у женщин, в отличие от мужчин, выбор был не слишком велик. К примеру, два ее старших кузена зарабатывают хорошие деньги в «Уэллс энд Кампани».

— «Уэллс энд Кампани» получила огромный заказ от милиционной армии Индианы на отлив десяти тысяч пуль Минье. Хотела бы я, чтобы они и женщин нанимали на работу! — возмущенно сказала она.

Они пообедали в маленьком ресторанчике, выбрать который ему помог Кук. Это место привлекало его низкими ценами и хорошим освещением, благодаря которому он с легкостью мог понять, что она говорит. Казалось, девушке все нравилось, хотя она довольно резко попросила официанта унести булочки, показавшиеся ей недостаточно горячими. Когда Шаман проводил ее, отца не оказалось дома. Хэйзел с удовольствием позволила мужчине поцеловать себя, сделав это с такой готовностью, что он не сумел удержаться от вполне естественного продолжения и стал ласкать девушку через одежду, а потом они занялись любовью, несмотря на неудобство бахромчатого дивана. Опасаясь, что отец может вернуться, она не выключила лампу и не стала снимать одежду, задрав юбки и рубашку до талии. Аромат женского тела перебивал запах гвоздичного перца, входившего в состав парафина, в который она окунала пальцы шесть дней в неделю. Шаман взял ее быстро, не испытывая при этом даже тени наслаждения и думая лишь о том, что в комнату может ворваться разъяренный пристав; в этот раз он почувствовал не больше, чем с той женщиной в борделе.

Он и думать забыл о Хэйзел на целых семь недель.

Но однажды утром его посетило знакомое желание, и он отправился на свечной завод, чтобы снова встретиться с ней. Внутри завода воздух казался раскаленным, тяжелым, сальным из-за концентрированного аромата восковницы. Хэйзел Мелвилл рассердилась, увидев его.

— Тебе сюда нельзя, хочешь, чтобы меня уволили?

Но прежде, чем он ушел, она успела сказать, что не сможет больше встречаться с ним. За время его отсутствия ее пообещали другому мужчине, которого она знала всю свою жизнь. Он был человеком образованным, работал бухгалтером в какой-то компании. Девушка рассказывала об этом Шаману, даже не пытаясь скрыть свою радость.

По правде говоря, тяга к женщинам не слишком докучала Шаману. Желание и страсть, надежду и жажду удовольствий, энергию и фантазии он направлял на изучение медицины. Кук с откровенной завистью заявил, что медицина — настоящее предназначение Роберта Джея Коула. Шаман и сам чувствовал то же, ведь он всю жизнь ждал того, что ему посчастливилось обрести в Цинциннати.

В середине семестра он проводил в анатомической лаборатории все свободное время. Иногда он занимался один, но чаще всего помогал Куку или Билли Хенриду оттачивать свои навыки работы с инструментами и отрабатывать на практике знания, почерпнутые в учебниках или на лекциях. Еще во время курса подготовки фельдшеров доктор Мак-Гован обратился к нему с просьбой взять шефство над студентами, которые испытывают определенные трудности в обучении. У Шамана были отличные оценки по всем курсам, и даже доктор Мейгс стал приветливо кивать ему при встрече. Люди уже привыкли к его глухоте. Иногда, сосредоточившись во время лекции или занятий в лаборатории, он, сам того не желая, по старой дурной привычке начинал мурлыкать что-то себе под нос.

Однажды доктор Бервин прервался во время лекции и одернул его: «Прекратите мычать, мистер Коул».

Поначалу студенты хихикали над ним, но потом и сами стали дергать его за рукав или взглядом показывать, что ему следует замолчать. Его это не раздражало. Он был полностью уверен в себе.

Ему нравилось входить в больничные палаты. Но однажды пациентка пожаловалась, что он прошел мимо ее кровати, не уделив ей никакого внимания, хотя она несколько раз позвала его по имени. После этого случая он взял за правило останавливаться у каждой кровати. Шаман брал пациентов за руку и обращался тихонько к каждому по отдельности, чтобы его глухота не доставляла неудобств больным.

В один прекрасный день доктор Мак-Гован предложил ему поработать в больнице в июле и августе во время каникул. Мак-Гован честно признался ему, что и он, и доктор Бервин хотели бы заполучить Шамана в помощники и решили, что он будет работать с ними обоими.

— Все будущее лето вы будете по утрам делать грязную работу у Бервина в операционной, а по вечерам — помогать мне выявлять его ошибки во время вскрытий.

Шаман понимал, насколько великолепная ему представилась возможность; а небольшая зарплата, которую ему будут выплачивать, поможет справиться с повышением платы за обучение.

— Я буду рад принять ваше предложение, — ответил он доктору Мак-Говану. — Но отец ждет моего возвращения домой, чтобы я помог ему управляться с фермой. Я напишу

ему письмо и спрошу, можно ли мне остаться здесь.

Барни Мак-Гован улыбнулся.

— А, ферма... — снисходительно сказал он. — Сдается мне, фермерством вам больше не придется заниматься, молодой человек. Ваш отец ведь сельский врач в Иллинойсе? Я не из праздного любопытства интересуюсь. В университетской учебной больнице Эдинбурга когда-то работал один мужчина, на пару лет старше меня. Ваш полный тезка.

— Да. Это наверняка был мой отец. Он рассказывает те же забавные истории, которые вы упоминаете на занятиях по анатомии, и о том, что сэр Вильям Фергюсон сравнивал тело умершего человека с домом, хозяин которого съехал.

— Я помню, как вы улыбнулись, когда я рассказывал о Фергюсоне. Теперь понятно почему. — Мак-Гован, прищурившись, задумчиво посмотрел на своего ученика. — А вы знаете, почему... э-э-э... ваш отец уехал из Шотландии?

Шаман заметил, что Мак-Гован спрашивает крайне осторожно, чтобы не показаться нетактичным.

— Да, он рассказал мне. У него возникли проблемы из-за политики. Его чуть не выслали в Австралию.

— Я это помню, — покачал головой Мак-Гован. — Нам все приводили его в пример того, как поступать нельзя. Каждый студент в больнице слышал о нем. Он ведь был протеже сэра Вильяма Фергюсона. Перед ним открывались безграничные перспективы. А теперь всего лишь сельский врач. Какая досада!

— Не стоит жалеть его. — Шаман усилием воли переборол гнев и вымученно улыбнулся. — Мой отец — великий человек, — продолжил он, с удивлением осознав, что сказал чистую правду.

Он начал рассказывать Барни Мак-Говану о Робе Джее, о том, как тот работал с Оливером Вэнделом Холмсом в Бостоне, о его скитаниях по стране, бесконечных переездах из одного поселка на лесозаготовках в другой, о работе на железной дороге. Шаман описал наставнику тот день, когда его отцу пришлось переплыть на лошади две реки и ручей, чтобы добраться до дома из дерна и помочь разродиться женщине, у которой вот-вот должны были появиться на свет близнецы. Рассказал и о лагерях посреди прерий, в которых доводилось оперировать его отцу; и о временах, когда Роб Джей Коул провел операцию прямо на столе, вынесенном на улицу из грязного дома и освещаемом лишь солнечным светом. Шаман был с отцом, когда их похитили разбойники и под дулом револьвера приказали достать пулю из их раненого товарища. А однажды доктор Коул ехал домой через прерии при температуре минус тридцать, ему пришлось спешиться и бежать позади Босса, держась за его хвост, чтобы разогнать кровь по жилам и тем самым спасти свою жизнь.

Барни Мак-Гован улыбнулся.

— Вы правы, молодой человек, — согласился он. — Ваш отец и правда великий человек. И к тому же счастливый отец.

— Благодарю, сэр. — Шаман собрался было уже уходить, но остановился на полпути. — Доктор Мак-Гован! Однажды мой отец проводил вскрытие тела женщины, которой нанесли одиннадцать ран в грудь, каждая приблизительно 9,5 миллиметров в ширину. Их явно сделали острым инструментом с треугольным сечением, все три грани остро заточены. Вы не знаете, чем именно могли быть нанесены такие раны?

Патологоанатом задумался, явно заинтересовавшись этим вопросом.

— Возможно, медицинский инструмент. Допустим, игла Бира — скальпель,

используемый во время удаления катаракты и устранения дефектов роговицы. Но раны, которые вы описали, слишком велики для иглы Бира. Возможно, какой-нибудь бистури. Края раны были равной ширины?

— Нет. Инструмент, чем бы он ни был, явно сужался книзу.

— Я такого скальпеля не знаю. Думаю, медицинские инструменты можно исключить.

Шаман задумался.

— А может быть такое, что раны нанесли предметом домашнего обихода самой женщины?

— Вязальной спицей, например? Конечно, всякое может быть, но я затрудняюсь сказать, что же за предмет домашней утвари мог оставить такие следы, — улыбнулся Мак-Гован. — Я возьму ваш вопрос на заметку, мы вернемся к этому разговору. Когда будете писать отцу, — продолжил он, — передавайте ему сердечный привет от того, кто учился у Вильяма Фергюсона на пару лет позднее его.

Шаман заверил, что обязательно передаст.

Ответ от отца дошел в Цинциннати лишь за восемь дней до окончания семестра; впрочем, это случилось как раз вовремя — он успел дать свой ответ касательно летней работы в больнице.

Отец совсем не помнил доктора Мак-Гована, но обрадовался тому, что Шаман учится патологии у шотландца, который учился искусству вскрытия у самого Вильяма Фергюсона. В письме он просил сына передать профессору поклон и разрешал работать в больнице.

Письмо было теплым, но коротким, и по этой немногословности Шаман понял, что отец тоскует. О том, где находится Алекс или хотя бы жив ли он, по-прежнему ничего не было известно. С каждым новым витком войны переживания их матери усиливались.

Путешествие на лодке

От внимания Роба Джея не ускользнуло то, что и Джефферсон Дэвис, и Авраам Линкольн пришли к власти после того, как помогли истребить народ сауков в войне Черного Ястреба. Будучи всего лишь молодым лейтенантом, Дэвис лично доставил Черного Ястреба и шамана Белое Облако вниз по Миссисипи из форта Кроуфорд в Казармы Джефферсона, где их заковали в кандалы. Линкольн боролся с сауками в рядах милиционных войск: вначале в качестве рядового, а затем — и капитана. Теперь оба эти мужчины отзываются на обращение «господин президент» и ведут войска расколотов американской нации друг против друга.

Роб Джей хотел остаться в стороне от этого безумного мира, но понимал, что ему вряд ли это удастся. Война длилась уже шесть недель, когда в Холден-Кроссинг примчался Стивен Хьюм, чтобы увидеться с ним. Бывший конгрессмен честно признался, что использовал свое политическое влияние для того, чтобы его взяли в юнионистскую армию полковником. Сейчас он служил на железной дороге Рок-Айленда стряпчим и организовывал сто второй иллинойский полк добровольцев; собственно, он прибыл в

Холден-Кроссинг для того, чтобы предложить доктору Коулу стать полковым хирургом.

— Это не для меня, Стивен.

— Док, чисто теоретически ваше неприятие войны вполне естественно. Но если ближе к делу, то сегодня у нас с вами появились довольно веские причины для участия в этой войне.

— Не думаю, что убийство множества людей изменит чье-то мнение о рабстве или свободной торговле. Кроме того, вам нужен кто-то помоложе и посильнее. А я — сорокачетырехлетний мужчина с брюшком, — возразил Роб Джей.

Он действительно набрал вес. В те времена, когда беглые рабы прятались в его тайнике, Роб Джей привык захватывать с собой немного еды, проходя мимо кухни: несколько печеных сладких картофелин, кусочек жареной курицы, пару сладких булочек, — чтобы накормить беглецов. Он по-прежнему брал с собой еду из кухни, но теперь съедал ее сам, в тишине и покое.

— Что вы, все в порядке, вы нужны мне хоть худым, хоть толстым, хоть сильным, хоть слабым, — усмехнулся Хьюм. — Более того, у нас сейчас всего девяносто офицеров медицинской службы на всю эту чертову армию. Это ведь великолепная перспектива! Начнете с капитана, а там глазом моргнуть не успеете — и уже майор. Такие врачи, как вы, легко повышаются по службе.

Роб Джей покачал головой. Но Стивен Хьюм ему нравился, а потому он просто протянул ему на прощание руку.

— Желаю счастливого пути, полковник.

Хьюм криво ухмыльнулся и пожал руку Роба Джея. Через пару дней доктор услышал в главной лавке, что хирургом в сто второй полк взяли Тома Беккермана.

Три месяца обе стороны не предпринимали серьезных действий, но в июле стало очевидно, что назревает большая битва. Многие все еще считали, что совсем скоро все закончится, однако первый бой стал прозрением для всей нации. Как противники, так и сторонники войны жадно перечитывали все сводки с фронта.

В Манассасе, штат Виргиния — городке в двадцати пяти милях к югу от Вашингтона — более тридцати тысяч солдат Союза под началом генерала Ирвина Макдауэлла вступили в бой с двадцатью тысячами конфедератов, которыми командовал генерал Пьер Борегар. Еще около одиннадцати тысяч конфедератов с генералом Джозефом Джонстоном во главе расположились в долине Шенандоа, где грудью встретили юнионистские войска — четырнадцать тысяч солдат под командованием генерала Роберта Паттерсона.

Двадцать первого июля 1861 года, рассчитывая на то, что Паттерсон сумеет задержать Джонстона в долине, Макдауэлл повел свою армию на южан. Противостоящие силы столкнулись у Садли-Форда, что на реке Бул-Ран.

Однако эта атака едва ли стала неожиданной для неприятеля. Не успел Макдауэлл дать первый залп, как Джонстон увел свои войска из-под огня Паттерсона и объединил свои силы с армией Борегара. План действий северян был известен всем и каждому. На холмах в Манассасе заранее расположились «зрители» — это конгрессмены и гражданские служащие привезли из Вашингтона в экипажах и двуколках своих жен и детей. Семьи расположились на пикник, ожидая начала «представления», словно бой был обычным развлечением. Десятки кучеров из гражданских ушли служить в ту или иную армию, где в их обязанности входило сопровождать отряды на поле боя, чтобы доставлять раненых в полевой госпиталь,

если возникнет такая потребность. Важной обязанностью кучеров было подвозить виски на пикники.

Пока зрители предвкушали грядущее зрелище, солдаты Макдауэлла начали наступать на объединенные силы Конфедерации. Большинство бойцов с обеих сторон были зелеными новобранцами и брали скорее яростью, нежели умением. Конфедераты вначале продвинулись на несколько миль вперед, а затем укрепили свои позиции и позволили северянам совершить несколько яростных атак. После этого войска Борегара перешли в контратаку. Измотанные боем отряды Союза замедлили нападение и отошли. Вскоре их отступление превратилось в разгромное бегство.

Битва не оправдала ожиданий зрителей из Вашингтона. Грохот оружейных выстрелов, пушечных залпов и криков раненых был невыносимым для их слуха, а зрелище, разворачивающееся перед ними, было ужасным. Вместо атлетических экзерсисов они видели, как на поле боя живые люди лишаются голов, конечностей, как их разрывает на части. В том бою пало несметное количество людей. Кое-кто из гражданских лишился чувств, остальные рыдали, как дети. Все они хотели было сбежать, но один снаряд угодил в повозку и убил лошадь, перекрыв тем самым главную дорогу для отступления. Большинство из охваченных ужасом гражданских кучеров — и пьяные, и трезвые — стремительно покидали поле боя налегке, забыв о раненых. Те немногие, кто пытался помочь пострадавшим в битве, терялись среди посторонних колясок и обезумевших лошадей. Бойцы, получившие смертельные ранения, оставались на поле боя и, крича от боли, умирали. Раненые, способные самостоятельно ходить, через пару дней добрались до Вашингтона пешком.

В Холден-Кроссинге по причине победы конфедератов у приверженцев южан открылось второе дыхание. Роб Джей больше переживал из-за преступного пренебрежения по отношению к жертвам, чем из-за поражения как такового. В начале осени стало известно, что в битве при Бул-Ране погибли, получили ранения или же пропали без вести около пяти тысяч солдат. Сражение унесло множество жизней лишь потому, что о пострадавших некому было позаботиться.

Однажды вечером они с Джем Гайгером сидели на кухне в доме Коулов; мужчины пытались избегать разговоров о войне. Они обсуждали новость о том, что кузен Лилиан Гайгер, Иуда Бенджамин, стал военным министром у конфедератов. Чувствовали они себя при этом как-то неловко. Они полностью согласились друг с другом в том, что обе армии проявили преступную недальновидность, забыв о спасении собственных раненых.

— Как бы трудно нам ни пришлось, — предложил Джей, — мы не должны позволить этой войне разрушить нашу дружбу.

— Нет, что ты, конечно, не позволим!

Разрушить дружбу она, конечно, не могла, подумал Роб Джей, но их отношения и так уже стали не такими близкими и добрыми. Он вздрогнул от неожиданности, когда Гайгер сердечно обнял его на прощание.

— Я присмотрю за твоими близкими, как за родными, — пообещал Джей. — Ничего не пожалею для того, чтобы они были счастливы.

На следующий день Роб Джей понял, почему Джей вел себя так странно, когда увидел на своей кухне Лилиан: с глазами, в которых едва высохли слезы, она рассказывала Саре о том, что ее муж на рассвете отправился на юг, чтобы поступить добровольцем на службу Конфедерации.

Робу Джею показалось, что весь мир стал серым и мрачным, как форма конфедератов. Он сделал все, что мог, но Джулия Блэкмер, жена священника, умерла от кашля еще до того, как зимний ветер стал холодным и пронизывающим. В церковном дворике священник со слезами на глазах читал погребальную молитву перед теми, кто пришел проститься с усопшей. Когда первая лопата земли и камней упала на сосновый гроб Джулии, Сара так сильно сжала руку Роба Джея, что ему стало больно. Прихожане Блэкмера часто собирались в последующие дни, чтобы поддержать своего пастора. Сара попросила всех знакомых женщин помогать мистеру Блэкмеру, чтобы тот никогда не оставался без сочувствующей компании и вкусной еды. Робу Джею казалось, что священнику, должно быть, нужно хоть немного уединения в его горе, однако мистер Блэкмер не уставал выражать свою признательность за помощь.

Перед Рождеством матушка Мириам Фероция призналась Робу Джею, что получила письмо из франкфуртской адвокатской конторы, в котором говорилось о том, что Эрнст Броткнехт, ее отец, почил. В его завещании было сказано, что он уже договорился о продаже своего вагоностроительного завода и фабрики в Мюнхене; адвокаты сообщали, что его дочери, в мирской жизни известной как Андреа Броткнехт, приготовлена кругленькая сумма.

Роб Джей выразил свои соболезнования по поводу кончины ее отца, которого она не видела уже долгие годы, а потом не сдержался:

— Господи, матушка Мириам, да вы богаты!

— Нет, — спокойно возразила она.

Оказалось, что она отказалась от всех мирских благ в пользу церкви Пресвятой Богородицы, когда принимала постриг. Она уже подписала все необходимые бумаги для того, чтобы передать наследство под юрисдикцию своего архиепископа.

Роб Джей рассердился. Вот уже долгие годы он частенько делал скромные подарки этой общине, поскольку не мог смотреть на мучения монахинь. Он видел строгость их дисциплины, скудость питания и нехватку всего, что трудно было счесть роскошью.

— Немного денег могли бы многое изменить в жизни сестер вашей общины. Даже если вы не хотите принять их для себя, подумали бы о монахинях!

Но она не позволила себе выразить недовольство.

— Бедность — это часть нашей жизни, — пояснила она и кивнула ему на прощание с непередаваемой христианской терпимостью, когда он резко попрощался и уехал.

С отъездом Джейсона из жизни Роба ушло нечто очень важное. Он бы мог, конечно, продолжать заниматься музыкой вместе с Лилиан, но фортепиано и виола да гамба звучали совсем одиноко без мелодичных переходов скрипки Джея, и они оба то и дело находили предлоги, чтобы не играть без Гайгера.

В первую неделю 1862 года, когда Роб Джей полностью утратил радость жизни, внезапно пришло письмо от Гарри Лумиса из Бостона; к письму прилагался перевод статьи, опубликованной в Вене несколько лет назад венгерским доктором по имени Игнац Земмельвайс. Его работа называлась «Этиология, сущность и профилактика лихорадки у новорожденных» и в значительной мере опиралась на статью Оливера Уэнделла Холмса из США. Работая в центральной больнице Вены, Земмельвайс пришел к выводу, что послеродовой сепсис, от которого умирает двенадцать матерей из ста, — заразное

заболевание. Так же, как и Холмс несколько десятилетий назад, он обнаружил, что сами доктора переносят болезнь, если не моют руки.

Гарри Лумис писал, что и сам проявляет все больший интерес к предупреждению возникновения инфекций в ранах и хирургических надрезах. Он хотел знать, не слышал ли Роб Джей об исследованиях доктора Мильтона Акерсона, который изучал эту проблему в больнице долины Миссисипи в Каире, штат Иллинойс — по мнению Гарри, не так далеко от Холден-Кроссинга.

Робу Джейю не доводилось слышать о докторе Акерсоне. Однако он решил, что обязательно съездит в Каир, чтобы познакомиться с ним. Несколько месяцев ему не удавалось выкроить время для этой поездки. Невзирая на зимнюю стужу, он ездил по домам пациентов. Вьюга стихла лишь тогда, когда прошли первые весенние дожди. Матушка Мириам пообещала ему, что они с монахинями присмотрят за его пациентами, и, в конце концов, Роб Джей объявил, что берет небольшой отпуск и отправляется в Каир.

Девятого апреля, в среду, он поехал на Боссе по богатому гумбо, которое простиралось до самого Рок-Айленда, где и оставил лошадь в конюшне. На закате он пустился в путь по Миссисипи на сплавном плоту. Дождь не прекращался всю ночь. Руки и ноги у него одеревенели. Спрятавшись от непогоды под крышей установленной на плоту хибарки, он уснул на бревнах рядом с плитой.

Утром Роб Джей сошел с плота в Каире. Город представлял собой ужасное зрелище: поля и многие улицы затопило. Он привел себя в порядок на постоялом дворе, где скромно позавтракал, а затем отправился искать больницу. Доктор Акерсон оказался смуглым, невысокого роста мужчиной в очках; огромные усы полностью закрывали его щеки, сливаясь с бакенбардами, в полном соответствии с последней, весьма неудачной модой, родоначальником которой был Эмброуз Бернсайд, чья бригада провела первую успешную атаку против конфедератов в битве при Бул-Ране.

Доктор Акерсон вежливо поздоровался с Робом и заметно обрадовался, услышав, что его работа привлекла внимание коллег в самом Бостоне. В больничных палатах витал резкий запах хлористоводородной кислоты, по убеждению доктора, способной побороть любую инфекцию из тех, от которых так часто гибли раненые. Роб Джей заметил, что запах того, что Акерсон называет «дезинфицирующим средством», перебивает другие дурные запахи в палатах, но раздражает обоняние и режет глаза.

Вскоре он понял, что каирскому хирургу не удалось изобрести никакого чудодейственного лекарства.

— Иногда лечение ран хлористоводородной кислотой оказывает положительное воздействие. Но иногда... — доктор Акерсон пожал плечами, — ничего не помогает.

Он рассказал, что в качестве эксперимента разбрызгивал в воздухе хлористоводородную кислоту в операционной и палатах, но вскоре оставил эту практику, поскольку из-за испарений становилось тяжело дышать, а глаза начинали слезиться. Теперь он довольствовался лишь тем, что вымачивал в этой кислоте перевязочный материал и прикладывал его прямо к ранам. По его мнению, гангрена и прочие инфекции разгорались из-за частиц гноя, которые витали в воздухе, подобно пыли, а смоченные в кислоте повязки не позволяли этим переносчикам заразы попадать на раны.

Санитар принес поднос, полный перевязочного материала, и одна повязка упала на пол. Доктор Акерсон поднял ее, стряхнул с ткани пыль и показал ее Робу. Это была самая обычная повязка из хлопчатобумажной ткани, обильно смоченной хлористоводородной

кислотой. Когда Роб вернул ее доктору Акерсону, хирург вздохнул и положил ее обратно на поднос.

— Очень жаль, что мы не можем выяснить причину, по которой иногда кислота помогает, а иногда — нет, — сказал Акерсон.

Их общение прервал молодой врач, сообщивший Акерсону, что мистер Роберт Френсис, представитель санитарной комиссии США, просит о встрече с ним по поводу «весьма срочного дела».

Акерсон проводил Роба Джея до дверей. На пороге они столкнулись с взволнованным мистером Френсисом, ожидавшим хирурга в коридоре. Роб Джей знал о существовании санитарной комиссии — гражданской организации, которая снабжала больницы денежными средствами и нанимала врачей, чтобы те ухаживали за ранеными — и горячо одобрял то, чем она занималась. Мистер Френсис стал быстро рассказывать им о том, что при Питтсбург-Лендинге, что в штате Теннесси, в тридцати милях к северу от Коринфа, штат Миссисипи, произошла страшная битва, длившаяся два дня.

— Мы понесли ужасные потери. Все во много раз хуже, чем после битвы при Бул-Ране. Мы набираем добровольцев-санитаров, но, откровенно говоря, еще хуже дела обстоят с врачами.

Доктор Акерсон выглядел огорченным.

— Война и так забрала наших лучших докторов. Так здесь совсем никого не останется.

Роб Джей сам не заметил, как слова сорвались у него с языка:

— Я — врач, мистер Френсис. Я могу помочь.

Около полудня Роб Джей взошел на борт речного пакетбота «Луизиана» вместе с тремя другими врачами, приехавшими из близлежащих городков, и пятнадцатью гражданскими, никогда прежде не ухаживавшими за больными. В густом тумане, парящем над рекой Огайо, пароход продвигался медленно, пока они не достигли Падьюки, штат Кентукки, где Огайо впадала в другую реку — Теннесси: по ней предстояло проплыть долгих двести тридцать миль. В ночной тьме они незаметно миновали форт Генри, который Улисс Грант захватил всего месяц назад. Весь следующий день они проплывали мимо городков, загруженных товарами причалов, затопленных полей. Уже начало темнеть, когда, около пяти часов вечера, они высадились в Питтсбург-Лендинге.

Роб Джей насчитал у пристани двадцать четыре парохода, в том числе — две канонерских лодки. Когда отряд медиков сошел на берег, они обнаружили, что с момента воскресного отступления янки весь берег и прибрежные утесы размокли, поэтому они проваливались в грязь по колено. Роб Джей получил указания отправиться на «Боевой ястреб» — корабль, который должен был принять на борт четыреста шесть раненых солдат. Когда он прибыл на корабль, погрузка почти закончилась и судно сразу отправилось в путь. Угрюмый старпом тихонько шепнул Робу Джею, что невероятное количество раненых заняли все больничные койки в прибрежных городках у реки Теннесси. «Боевому ястребу» предстояло доставить своих пассажиров на расстояние шестисот пятидесяти восьми миль по реке Теннесси до реки Огайо, а затем — в Цинциннати.

Раненые сидели у каждой стенки, к которой можно прислониться: внизу, в служебных и пассажирских каютах, даже на открытых палубах, под непрекращающимся дождем. Роб Джей и офицер медицинской службы из Пенсильвании по имени Джим Спраг оказались

единственными врачами на судне. Все припасы хранились в отдельной изолированной каюте, но не прошло и часа, как Роб Джей обнаружил, что бренди, предназначенный для использования в медицинских целях, уже успели стащить. Военный начальник корабля, молодой первый лейтенант Криттендон, все еще пребывал в состоянии шока после битвы. Роб убедил его, что у входа в каюту с припасами необходимо поставить часовых; соответствующий приказ был отдан немедленно.

У Роба Джея не было с собой санитарной сумки, она осталась в Холден-Кроссинге. В запасах на корабле обнаружили хирургические инструменты, которые он попросил заточить поострее, хотя и не собирался использовать их на корабле.

— Путешествие — это и так потрясение для раненых, — пояснил он Спрагу. — Думаю, по возможности нам необходимо откладывать все хирургические операции до тех пор, пока мы не доставим этих людей в больницы.

Спраг согласился.

— Я и сам считаю, что не нужно их резать, — сказал он.

Он отошел в сторонку, предоставив Робу Джею самому во всем разбираться. Роб понял, что Спраг обладает слишком малым опытом работы, поэтому доверил ему лишь менять повязки и следить за тем, чтобы пациентам давали вдоволь супа и хлеба.

Роб почти сразу заметил, что некоторым пострадавшим были нанесены слишком тяжкие увечья и что такие раненые нуждались в немедленной ампутации.

Добровольцы действовали с энтузиазмом, но у них совсем не было опыта. Недавние библиотекари, учителя, конюшенные столкнулись с кровью, болью и прочими трагическими последствиями, которые раньше они не могли даже себе представить. Роб брал кого-то из них с собой, чтобы те помогали ему с ампутациями, а всю остальную работу оставил доктору Спрагу: он должен был перевязывать раненых, менять им повязки, приносить воду, покрывалами и мундирами укрывать от ледяного дождя тех, кто лежал прямо на палубе.

Роб Джей хотел бы осмотреть всех раненых по очереди, но такой возможности у него, к сожалению, не было. Вместо этого он лишь поспевал добежать до тех пациентов, о которых волонтеры говорили, что «больной совсем плох». Теоретически на судне не должны были оказаться те, кому было «плохо» настолько, что они вряд ли сумеют пережить это путешествие, но несколько человек умерли почти сразу.

Роб Джей приказал всем убраться из каюты второго помощника капитана и начал оперировать при свете четырех фонарей. Той ночью он ампутировал четырнадцать конечностей. Многие перенесли ампутацию еще до того, как их погрузили на корабль, поэтому пришлось осмотреть и их; доктора поразило ужасное качество операций. Девятнадцатилетнему парню по имени Питерс ампутировали правую ногу до коленного сустава, а левую — до таза, и полностью отрезали правую руку. Должно быть, ночью у него открылось кровотечение из раны на левой ноге, или же он начал истекать кровью тогда, когда его грузили на судно. Он стал первым умершим во время их путешествия.

— Пап, я старался, — повторял сквозь слезы солдат с длинными светлыми волосами и раной в спине, через которую был виден позвоночник — белый, как кости форели. — Правда, старался.

— Ну, конечно, ты сделал все возможное. Ты хороший сын, — сказал ему Роб Джей, погладив его по голове.

Одни кричали от боли, другие прятались в тишину, как в панцирь, третьи рыдали и бормотали что-то в бреду. Шаг за шагом Роб Джей восстанавливал картину всей битвы по

тем боям, о которых рассказывали ему раненые. У Гранта в Питтсбург-Лендинге было сорок две тысячи солдат, которые поджидали армию генерала Дона Карлоса Бьюэлла, чтобы объединить свои силы. Борегар и Альберт Джонстон решили, что смогут повергнуть Гранта прежде, чем Бьюэлл успеет добраться до его лагеря, а потому сорок тысяч конфедератов обрушились на расположившиеся биваком отряды Союза. Развернутый строй Гранта был разбит слева и справа, но центральная его часть, состоящая преимущественно из выходцев из Айовы и Иллинойса, грудью встретила жесточайший бой.

В то воскресенье повстанцы взяли много пленных. Большую часть юнионистских войск оттеснили к реке, к самой воде, а за спиной их поджидали отвесные скалы, блокируя пути к отступлению. Но на утро понедельника, когда конфедераты уже почти одержали верх, из утреннего тумана показались судна, доставившие подкрепление. Двадцать тысяч солдат Бьюэлла изменили ход битвы. В конце этого тяжелейшего дня южане отступили в Коринф. К ночи все поле вокруг церкви Шейло оказалось усеяно мертвыми телами. Некоторых раненых сумели вовремя унести с поля боя и погрузить на лодки.

Утром «Боевой ястреб» проплыл мимо лесов, покрытых молодой листвой и пестрящих кустарниками омелы; то тут, то там им встречались цветущие персиковые сады, но Робу Джею некогда было наслаждаться красотами.

Капитан корабля распланировал их путь так, чтобы они заходили в речные порты по утрам и вечерам и запасались там топливом. В то же время добровольцы должны были сходить на берег и добывать продовольствие, воду и все необходимое для своих пациентов. Но Роб Джей и доктор Спраг уговорили капитана делать остановки и среди дня, поскольку у них быстро заканчивались запасы воды. Раненые изнывали от жажды.

К вящему разочарованию Роба Джея, у добровольцев плохо получалось поддерживать гигиену. Многие солдаты уже страдали дизентерией еще до того, как получили ранения. Люди справляли нужду прямо под себя, а искупать их не представлялось возможным. У них совсем не было сменной одежды, их испражнения, кровь и гной оставались на коже и обильно поливались лишь холодным дождем. Санитары большую часть времени кормили раненых горячим супом. На второй день, когда дождь прекратился, а из-за туч вышло ослепляющее солнце, Роб Джей испытал облегчение, обрадовавшись неожиданному теплу. Но вместе с паром, поднимающимся от дощатой палубы, все вдруг почувствовали непереносимую вонь, исходящую от «Боевого ястреба». Зловоние было почти осязаемым. Люди щурились, их глаза слезились. Иногда, когда судно останавливалось для пополнения запасов воды, пищи, покрывал, добровольцы покидали судно так быстро, как только могли. Роб Джей и сам не отказался бы от чудодейственной хлористоводородной кислоты доктора Акерсона.

Люди гибли один за другим. Тела умерших заворачивали в негодные простыни. Ему пришлось ампутировать еще шесть конечностей в совсем безвыходных случаях, и в итоге среди тридцати восьми умерших по достижении пункта назначения оказалось восемь из двадцати его пациентов. Они прибыли в Цинциннати рано утром, во вторник. Вот уже три с половиной дня он не спал и практически не ел. Избавившись от груза ответственности за этих людей, он застыл на причале, наблюдая за тем, как разделяют пациентов на группы и рассылают их по больницам. Когда группа раненых, которую собирались направить в Юго-Западную больницу Огайо, была сформирована, Роб Джей забрался вместе с ними в телегу и устроился на полу рядом с двумя носилками.

По приезду они разгрузили телегу, и Роб Джей отправился бродить по больнице. Он шел медленно, еле передвигая ноги, потому что воздух в Цинциннати казался ему густым, как пудинг. Сотрудники искоса поглядывали на высокого небритого мужчину средних лет, от которого исходил запах немытого тела. Один из санитаров напрямую спросил, что ему нужно в больнице. Роб Джей ответил, что ищет своего сына.

В конце концов его привели на крошечную галерею над операционной. Врачи уже начали оперировать пострадавших с «Боевого ястреба». У стола стояли четверо мужчин, и в одном из них он узнал своего сына. Некоторое время он понаблюдал за тем, как они работают, но совсем скоро теплая волна сна нахлынула на него и накрыла с головой; он с невероятным облегчением погрузился в дрему.

Он уже не помнил, как его вывели из больницы и как он оказался в комнате Шамана; не помнил, как его раздели. Остаток дня и всю ночь он проспал в постели своего сына, сам того не ведая. Он проснулся в среду утром в лучах сияющего солнца. Пока он брился и принимал ванну, друг Шамана, услужливый юноша, представившийся Куком, забрал одежду Роба Джея из больничной прачечной, где ее тщательно выварили и выгладили, и пошел за Шаманом.

Шаман явно похудел, но выглядел вполне здоровым.

— От Алекса что-то слышно? — первым делом спросил он.

— Ничего.

Шаман кивнул. Он повел отца в ресторан, подальше от больницы, чтобы поговорить с ним наедине. Они плотно позавтракали яичницей с помидорами и беконом, запив все это разбавленным кофе, сильно отдающим цикорием. Шаман дал отцу сделать первый глоток и лишь потом пустился в расспросы. Историю о путешествии на «Боевом ястребе» он выслушал с особым вниманием.

Роб Джей справился об успехах Шамана в медицинском колледже и сказал, что от всей души гордится своим сыном.

— Помнишь, — спросил он, — тот мой старый скальпель голубой стали?

— Старинный, который ты называл «скальпелем Роба Джея»? Который должен веками передаваться от поколения к поколению?

— Да-да, именно тот. Он ведь и на самом деле передается от поколения к поколению. Он переходит к первому сыну, которому удастся стать врачом. Теперь он твой.

Шаман улыбнулся:

— А может, подождем лучше до декабря, когда я закончу обучение?

— Не знаю, смогу ли остаться здесь до конца года. Я собираюсь стать военным врачом.

Глаза Шамана широко раскрылись от удивления.

— Но ты ведь пацифист! Ты же ненавидишь войну!

— Все так и есть, — согласился он, и в голосе его было больше горечи, чем в том ужасном кофе, который они пили. — Но ты ведь сам видишь, что эти люди творят на войне.

Они долго сидели в ресторане, выпивая одну чашку того отвратительного кофе за другой — двое крупных мужчин, которые пристально смотрели друг другу в глаза и не спеша беседовали вполголоса, будто бы располагали огромным запасом свободного времени.

К одиннадцати часам они вернулись в операционную. Непрерывный поток раненых с «Боевого ястреба» полностью занял все внимание местных врачей и потребовал всех ресурсов больницы. Некоторые хирурги проработали всю ночь и утро напролет, и теперь на

смену заступил Роберт Джефферсон Коул — он оперировал молодого парня из Огайо, чьи череп, плечи, спина, ягодицы и ноги попали под дождь мелкой шрапнели конфедератов. Процедура оказалась долгой и болезненной, поскольку каждый кусочек металла нужно было вынуть из плоти так, чтобы нанести минимальный ущерб тканям, а швы должны были быть очень аккуратными, чтобы мышцы могли срастись. На галерее теснились студенты и некоторые преподаватели колледжа, изучавшие невероятные случаи, с которыми врачам приходится сталкиваться во время войны. Сидевший в первом ряду доктор Гарольд Мейгс подбородком указал доктору Барни Мак-Говану на мужчину у стены операционной — он стоял в стороне, чтобы не мешать врачам, но при этом мог наблюдать за ходом процедуры. Крупный седеющий мужчина с брюшком стоял скрестив руки на груди и не сводил глаз с операционного стола; все остальное будто перестало существовать для него. Убеждаясь в явной компетентности и уверенности хирурга, он неосознанно кивал время от времени в знак одобрения. Два профессора с улыбкой переглянулись.

Роб Джей отправился домой поездом. На железнодорожной станции Рок-Айленда он оказался спустя девять дней после своего отъезда из Холден-Кроссинга. На улице перед станцией он встретил Пола и Роберту Вильямсов, которые приехали в Рок-Айленд за покупками.

— Эй, док! Вы только что с поезда? — поинтересовался Вильямс. — Слышал, вы брали небольшой отпуск?

— Да, брал, — ответил Роб Джей.

— И как, хорошо отдохнули?

Роб Джей открыл было рот, чтобы ответить, но не сразу нашел нужные слова.

— Отлично отдохнул, спасибо, Пол, — тихо проговорил он.

Затем он пошел в конюшни, чтобы забрать Босса и отправиться домой.

Вольнонаемный врач

Большую часть лета Роб Джей строил планы. Первой его мыслью было сделать финансово выгодное предложение какому-нибудь другому врачу, чтобы тот занял его место в Холден-Кроссинге, но спустя некоторое время он осознал, что это невозможно, поскольку из-за войны возник серьезный дефицит врачей. Лучшее, что он мог сделать в этой ситуации, — договориться с Тобиасом Барром, чтобы тот приезжал на прием каждую среду в амбулаторию Коула и на срочные вызовы. С менее серьезными проблемами жители Холден-Кроссинга могли бы сами ездить к доктору Барру в Рок-Айленд или же обращаться за помощью к монахиням.

Сара пришла в ярость — как из-за того, что он собирался присоединиться к «вражеской стороне», так и из-за того, что он уезжал. Она все молилась и советовалась с Блэкмером. Объясняла ему, что останется совсем без защиты.

— Прежде чем уезжать, напиши хотя бы письмо в армию Союза, — просила она, — и спроси, числится ли в их записях Алекс среди пленных или погибших.

Роб Джей уже отправлял такое письмо несколько месяцев назад, потому согласился, что можно написать им еще раз; этим он и занялся.

Сара и Лилиан сдружились в то время, как никогда. Джей наладил отличную связь с Лилиан, присылая ей новости с фронта Конфедерации — должно быть, он передавал письма речными контрабандистами. Еще до того, как об этом написали иллинойские газеты, Лилиан сообщила им, что Иуду Бенджамина, занимавшего должность военного министра Конфедерации, повысили до государственного секретаря. Однажды Саре и Робу Джейу довелось попасть на званый обед к Гайгерам, когда кузен Лилиан как раз гостил у них; он приезжал в Рок-Айленд, чтобы проконсультироваться с Хьюмом по вопросу одного судебного процесса, касающегося железной дороги. Бенджамин показался им умным и честным — не похожим на человека, который жаждет возглавить новую нацию.

Лилиан рассказала, что ее муж жив и здоров. Он дослужился до уорент-офицера и занимал теперь должность распорядителя в военном госпитале где-то в Виргинии. Услышав, что Роб Джей собирается вступить в ряды северян, она осторожно кивнула.

— Я буду молиться за то, чтобы вы с Джейм никогда не встретились в бою.

— Не думаю, что это вероятно, — ответил он и потрепал ее по руке.

Он постарался не делать шума из своего отъезда, насколько это было вообще возможно. Матушка Фероция выслушала его с каменным выражением лица. Он подумал, что, должно быть, прощаться с теми, кто стал им дорог, — это неотъемлемая часть жизни монахинь. Они шли туда, куда велел им Господь; в этом смысле они ничем не отличались от солдат.

Утром двенадцатого августа 1862 года он надел *Мее-шомеи* взял с собой маленький чемоданчик. Сара проводила его до причала в Рок-Айленде. Она расплакалась, целовала его в губы снова и снова, не обращая никакого внимания на косые взгляды окружающих.

— Милая моя девочка, — нежно прошептал он.

Ему тяжело далось это расставание, поэтому он испытал облегчение, поднявшись на борт и помахав ей рукой на прощание; последовали два коротких гудка, затем еще один — долгий, после чего судно выплыло на середину реки и отправилось в путь.

* * *

Большую часть пути он провел снаружи, на палубе. Ему нравилась Миссисипи, он с удовольствием смотрел на ее полноводное течение. До сих пор южане демонстрировали большее рвение и отвагу, и у них были лучшие полководцы, нежели у северян. Но когда весной юнионисты взяли Новый Орлеан, они получили преимущество, заняв верхнюю и нижнюю части Миссисипи. Вместе с Теннесси и другими меньшими реками эта река давала возможность добраться по воде до самого сердца Конфедерации.

Одним из военных лагерей на берегах этого водного пути был Каир, откуда Роб Джей отправлялся в путешествие на «Боевом ястребе» — именно здесь он теперь и сошел на берег. В конце августа Каир не страдал от наводнений, но от этого в городе не стало лучше. Теперь на окраинах ютились тысячи солдат, повсюду разносилось зловоние. Смерд исходил от огромного скопления людей, мусора, мертвых псов и прочих гниющих останков, которые валялись на грязных улицах прямо перед симпатичными домиками.

Он заметил нескончаемый поток солдат, которые направлялись в лагерь, и хотел было последовать за ними, но дорогу ему преградил караульный. Роб Джей представился и

попросил, чтобы его проводили к командиру части. Его привели к полковнику Сибли — командиру шестьдесят седьмого пенсильванского полка. Полковник сообщил, что в его полку уже есть два врача в соответствии с организационно-штатным расписанием. Но в Каире встали лагерем еще три полка — сорок второй канзасский, сто шестой канзасский и двадцать третий огайский. Полковник припомнил, что в сто шестом канзасском как раз разыскивают младшего хирурга. Роб Джей решил отправиться именно туда.

Командир сто шестого полка оказался полковником по имени Фредерик Хилтон. Роб Джей нашел его в отдельной палатке, где тот жевал табак и что-то писал на маленьком столике. Хилтон несказанно обрадовался и, конечно же, согласился внести имя доктора в списки полка. Он тут же пообещал ему звание лейтенанта («а потом и капитана, как можно скорее») в обмен на годовой срок службы в должности младшего хирурга. Однако Роб Джей еще дома тщательно изучил вопрос и все обдумал. Если он решится поступить на штатную службу, то быстро доберется до чина майора и сопутствующего ему щедрого жалованья, после чего его назначат штабным офицером или отправят хирургом в головной госпиталь. Но он точно знал, чего хочет.

— Мне не нужна ни штатная служба, ни чины. Вы ведь нанимаете временных врачей из гражданских? Я пойду к вам на три месяца.

Хилтон пожал плечами:

— Тогда я оформлю вас нештатным хирургом-ассистентом. Возвращайтесь после ужина, подпишете документы. Восемь долларов в месяц, от вас нужна только лошадь. Могу отправить вас к портному в городе, пускай сошьет вам форму.

— Я не стану носить униформу.

Полковник окинул его оценивающим взглядом.

— А я бы не советовал вам от нее отказываться. Вы будете работать с военными. Они не станут исполнять приказы гражданского.

— И тем не менее.

Полковник Хилтон вежливо кивнул и сплюнул под ноги табак. Он позвал с улицы сержанта и приказал ему проводить доктора Коула к палатке офицеров медицинской службы.

Не успели они спуститься вниз по улице, как высокие звуки горна оповестили всех о том, что подошло время спуска флага — церемонии, которую всегда проводили на закате. Все звуки в лагере стихли, и движение прекратилось; все мужчины в лагере повернулись в сторону флажштока и отдали честь.

Это был первый на его памяти спуск флага, и Робу Джейю эта церемония показалась неожиданно волнительной, потому что она была сродни религиозной мессе, в которой участвовали все бойцы, салютовавшие до тех пор, пока не умолкли последние дрожащие звуки игравшего где-то вдалеке горна. После этого лагерь вновь ожил.

Большей частью лагерь состоял из походных палаток, но вскоре они с сержантом миновали их, и то тут, то там стали появляться своего рода вигвамы, которые живо напомнили Робу Джейю *типи*. Они остановились у одной такой палатки.

— Ваш дом, сэр.

— Благодарю.

Внутри хватало места максимум для двоих, спать обитатели вигвама должны были на земле, покрытой тонким полотном. Там уже забылся пьяным сном один мужчина — очевидно, полковой хирург — от которого исходило зловоние немытого тела и тяжелый

аромат рома.

Роб Джей поставил чемодан на землю и сел рядом с ним. Он не раз совершал ошибки, но не больше и не меньше других. И теперь ему оставалось только гадать, не сделал ли он только что один из самых глупых шагов в своей жизни.

Хирурга звали майор Воффенден. Он сразу рассказал Робу Джейу, что никогда не учился на врача, но был помощником у «старого доктора Коуэна», после чего решил, что и сам может лечить людей. Полковник Хилтон завербовал его в Топеке. Также Роб узнал, что жалование майора — лучший заработок в его жизни. А еще этот парень предупредил, что собирается напиться от души и возложить на плечи своего помощника всю повседневную работу.

На осмотр пациентов у Роба Джейа ушел почти весь день. Очередь раненых и больных казалась ему бесконечной. Полк состоял из двух батальонов. Первый был полностью укомплектован пятью ротами. Во втором батальоне было только три роты. Полк сформировался лишь четыре месяца назад, когда все относительно приспособленные к бою солдаты уже находились на службе. Поэтому сто шестому достались те, кто не сумел присоединиться к более старым полкам, и во второй батальон вошли отбросы канзасских частей. Одни из тех, кто стоял в очереди к Робу Джейу, были уже слишком стары для армейской службы, а другие — напротив, слишком молоды; среди них было даже шестеро мальчишек не старше пятнадцати. Чаще всего жаловались на понос и дизентерию, но попадались и другие заболевания: разнообразные лихорадки, сильные простуды, поразившие бронхи и легкие, сифилис и гонорея, белая горячка вместе с прочими признаками алкоголизма, грыжа, цинга.

В одной из палаток устроили амбулаторию, в которой хранилась походная аптечка армии США — огромная корзина, укрытая брезентом, доверху набитая различными материалами медицинского назначения. Инвентарный список гласил, что помимо всего прочего в ней должны были обнаружиться черный чай, белый сахар, экстракт кофе, мясной экстракт, сгущенное молоко и алкогольные напитки. Вышеперечисленные «материалы» в корзине отсутствовали. Когда же Роб Джей спросил Воффендена обо всех этих вещах, хирург обиделся.

— Должно быть, украл кто-то, — выпалил он не без раздражения.

Перекусив на скорую руку, Роб Джей тут же обнаружил причину такого огромного количества проблем с желудком у солдат. Он разыскал интенданта, вертлявого второго лейтенанта Зирина, и тот рассказал ему, что армия выделяет полку восемнадцать центов в день на еду для каждого солдата. Благодаря этому на одного человека приходилось двенадцать унций жирной соленой свинины, две с половиной унции фасоли или бобов, а также восемнадцать унций муки или двенадцать унций галет. Мясо сверху уже почернело, а внутри совсем сгнило; солдаты называли галеты «домиками для червей», потому что большие и толстые сухари, покрытые плесенью, часто становились жилищем для личинок и долгоносиков.

Солдатам паек выдавали сырым, поэтому они сами готовили еду на огне маленьких бивачных костров — обычно мясо просто поджаривали вместе с раскрошенными сухарями или даже мукой на свином жиру, а бобы варили. Вместе со слабостью от ранений такая диета сгубила тысячи желудков, к тому же в лагере не было ни одной уборной. Мужчины справляли нужду там, где им было удобно, чаще всего — позади своих палаток, хотя многие

из тех, кто страдал поносом, делали это прямо между своей палаткой и соседской. По всему лагерю витали зловонные испарения, напомнившие Робу Джею о «Боевом ястребе», и он решил, что, должно быть, от всей армии за версту несет фекалиями.

Он понимал, что не может ничего поделать с нездоровой диетой, по меньшей мере изменить что-то получится далеко не сразу, потому решил хотя бы улучшить условия проживания солдат. На следующее утро после осмотра он отправился к сержанту роты «С» первого батальона, который учил шестерых солдат пользоваться штыком.

— Сержант, не подскажите, где здесь у вас лопаты?

— Лопаты? Отчего ж нет, подскажу, — без энтузиазма отозвался тот.

— Я бы хотел, чтобы вы нашли лопату для каждого из этих шестерых и они вырыли яму, — попросил Роб Джей.

— Яму, сэр? — Сержант удивленно оглядел фигуру этого незнакомца, одетого в мешковатый черный костюм, мятую рубашку, узкий галстук и широкополую черную шляпу.

— Да, яму, — повторил Роб Джей. — Прямо вон там. Десять футов в длину, три — в ширину. Глубина — шесть футов.

Этот доктор в гражданской одежде был отнюдь не хрупкого телосложения. Очень решительный. Сержант знал, что его должность соответствует чину первого лейтенанта.

Спустя пару минут шестеро солдат уже начали добросовестно рыть яму, в то время как Роб Джей вместе с сержантом наблюдали за их работой. К ним подошли полковник Хилтон и капитан Ирвин из роты «С» первого батальона.

— Какого черта вы здесь делаете? — осведомился полковник Хилтон у сержанта, который открыл рот и растерянно взглянул на Роба Джея.

— Они роют выгребную яму, полковник, — ответил Роб Джей.

— Яму?

— Да, сэр, уборную.

— Я знаю, что такое выгребная яма. Лучше бы они учились, как правильно нужно обращаться со штыком. Совсем скоро эти люди окажутся на поле боя. Мы должны научить их убивать повстанцев. Солдаты этого полка будут стрелять в конфедератов, колоть их штыками, а если понадобится, то мы загадим их до смерти. Но рыть огромные уборные мы не будем.

Один из солдат с лопатой громко загоготал. Сержант осклабился, глядя в лицо Робу Джею:

— Вам все ясно, нештатный хирург-ассистент?

Роб Джей ответил с каменным выражением лица:

— Да, полковник.

Так прошел его четвертый день в составе сто шестого полка. После них было еще семьдесят шесть. День сменялся днем невероятно медленно. Роб Джей ни разу не сбился со счета.

Цинциннати, штат Огайо

12 января 1863 года

Дорогой папа!

Что ж, теперь я честно заслужил скальпель Роба Джея!

Полковник Питер Брэндон, главный адъютант начальника медицинской службы Вильяма Хэммонда, выступил перед нами на церемонии вручения дипломов. Некоторым это торжество пришлось по нраву, но я был разочарован. Доктор Брэндон рассказал нам о том, что история помнит врачей, которые положили жизнь на службе в армиях своих стран. Он привел массу примеров из библейского Послания к евреям, греческой и римской истории и так далее. Затем он рассказал о невероятных возможностях, которые сегодня открываются для врачей благодаря службе в армии Союза — о почестях, оказываемых каждому, кто посвящает себя служению государству. Он утомил нас постоянными напоминаниями о бесконечной славе, которую непременно принесет нам новая профессия, как это случилось с Платоном и Галеном, Гиппократом и Андреасом Везалием. А затем начал в открытую вербовать нас в армию. Это уж точно было лишним — семнадцать моих одноклассников из тридцати шести уже и так договорились о вступлении в ряды медико-санитарной службы армии США.

*Знаю, ты полностью поддержишь мое решение, и хотя я всем сердцем хотел бы увидеться с мамой, все же мне стало гораздо легче, когда я уговорил ее не приезжать ко мне в Цинциннати. Поезда, гостиницы и все прочее... В них всегда полно людей и грязи, так что женщине, путешествующей без сопровождения, вряд ли будет это удобно. Еще и что похуже может случиться. Мне очень не хватает тебя, папа, и из-за этого я еще больше ненавижу войну. Отец Пола Кука, который торгует зерном и семенами в Ксени, приезжал на церемонию вручения, а после устроил для нас двоих настоящий пир с хмельными тостами и добрыми словами. Пол — один из тех, кто из колледжа собирался отправиться прямо в армию. Его внешность обманчива из-за вечной улыбки на лице. Но на самом деле он — лучший в нашей группе и окончил колледж с дипломом *summa cum laude* [\[13\]](#). Я помогал ему с работой в лаборатории, а он, в свою очередь, помог мне заслужить диплом *magna cum laude* [\[14\]](#). Каждый раз, когда мы дочитывали новую главу в учебнике, он проверял мои знания, задавая вопросы, намного более серьезные, чем я слышал когда-либо от наших профессоров.*

После ужина они с отцом отправились в оперный театр, чтобы послушать концерт Аделины Патти, а я пошел обратно в клинику. Я совершенно точно знал, чем мне хотелось заняться. Под Девятой улицей проходит кирпичный туннель, соединяющий медицинский колледж и главное здание больницы. Им дозволено пользоваться только врачам. Для того чтобы по нему ходили лишь в случае особой срочности, всем студентам вход в него был строго запрещен, так что мы всегда переходили дорогу поверху, невзирая на погодные условия. Я спустился в подвал медицинского колледжа, по-прежнему чувствуя себя студентом, и вошел в освещенный лампами туннель. Каким-то непостижимым образом сразу после того, как я, пройдя по туннелю, оказался в больнице, я впервые почувствовал себя настоящим доктором!

Папа, я согласился поработать интерном в Юго-Западной больнице Огайо в

течение ближайших двух лет. Платить мне будут всего три сотни в год, но доктор Бервин пообещал, что после такой практики я смогу зарабатывать гораздо больше, когда стану хирургом. «Никогда не преуменьшай важность заработка, — сказал мне он. — Ты должен всегда помнить, что человек, который вечно жалуется на зарплату врача, — не настоящий врач».

К моему смущению, благодаря невероятно удачному стечению обстоятельств Бервин и Мак-Гован не смогли решить, кто из них возьмет меня под свое крыло. На следующий день Барни Мак-Гован поделился со мной планами касательно моего будущего: я поработаю у него несколько лет младшим ассистентом, а потом он выхлопочет мне должность адъюнкт-профессора анатомии. А когда он уйдет на заслуженный отдых, я смогу занять и должность профессора патологии.

Это было уже слишком, у меня голова пошла кругом от таких перспектив, потому что моей мечтой всегда было просто стать врачом. В конце концов они придумали программу, благодаря которой я получу дополнительные преимущества. Так же, как это происходило во время моей летней подработки, я буду по утрам оперировать с Бервином, а вечером — работать с Мак-Гованом в патологии; но теперь я не буду делать черную работу, как в бытность свою студентом — теперь я буду выполнять обязанности доктора. Несмотря на их доброту, не знаю, хочу ли я остаться в Цинциннати. Мне не хватает маленькой деревеньки, где я знаю всех и каждого.

Южанам по духу больше подходит Цинциннати, чем Холден-Кроссинг. Билли Хенрид признался паре самых близких своих друзей, что после выпуска пойдет хирургом в армию конфедератов. Два дня назад я ходил на прощальный ужин к Хенриду и Куку. Всем было неловко и грустно, потому что они оба понимали, что присоединятся к разным сторонам в этой войне.

Новости о том, что президент Линкольн подписал декларацию, сулящую свободу всем рабам, вызвали массу недовольств. Знаю, ты не интересуешься делами президента из-за его участия в истреблении сауков, но я восхищаюсь им — ведь он хочет подарить свободу всем рабам, идя против своих личных политических интересов. Северяне повсюду готовы принести себя в жертву, если это поможет спасти Союз, но они не хотят, чтобы результатом войны стала отмена рабства. Кажется, они просто не согласятся уплатить эту ужасную, кровавую цену, если конечной целью этих бесконечных битв станет освобождение негров. В битвах обе стороны терпят ужасные потери — будь то второй Бул-Ран или Антитам. Доходят слухи о бойне при Фредериксбурге, в которой пострадали, пытаясь одержать верх над южанами, почти тринадцать тысяч солдат. Многие из тех, с кем я общаюсь, после таких событий впали в отчаяние.

Я непрерывно беспокоюсь о тебе и Алексе. Тебе, возможно, это не понравится, но я начал молиться сам не знаю кому или чему, но прошу всегда об одном — чтобы вы оба вернулись домой целыми и невредимыми.

Пожалуйста, старайся не забывать о своем собственном здоровье, позаботься о себе так же, как обо всех остальных, и помни о том, что тебя ждут те, кто полностью полагается на твою силу и доброту.

Твой любящий сын,

Шаман (доктор (!))

Роберт Джефферсон Коул)

51

Трубач

Роба Джея не пугали палаточная жизнь или сон на твердой земле. Гораздо сложнее было жить с мыслями, которые ни на миг не оставляли его: он все гадал, почему на самом деле пришел сюда и чем закончится эта ужасная гражданская война. Положение южан явно с каждым днем ухудшалось.

— Мы не победим, постоянно проигрывая, — заявил майор Воффенден в один из своих немногочисленных моментов просветления.

Большинство солдат, с которыми жил в одном лагере Роб Джей, всегда напивались в стельку, будучи не при исполнении, особенно после выдачи жалования. Они пили, чтобы забыть, чтобы вспомнить, чтобы отпраздновать и чтобы поддержать друг друга. Грязные парни едва держались на ногах и напоминали бешеных псов на привязи, всегда готовые грудью встретить смерть и настичь своих заклятых врагов — других американцев — таких же грязных и пьяных, как они сами.

Почему они всей душой жаждут убивать конфедератов? Мало кто из них умом понимал это. Роб Джей видел, что война забрала у них разум и смысл жизни, и теперь они мыслят иными категориями, забыв о причинах и следствиях. Они рвались в бой, потому что шла война и потому что убийство официально провозгласили достойным делом каждого патриота. И этого оказалось достаточно.

Ему хотелось взвыть от беспомощности, наорать на них, закрыть всех генералов и политиков в темной комнате, как распалившихся глупых детей, схватить их всех одновременно за горло, встряхнуть хорошенько и спросить: «*Да что же вы? О чем вы думали?*»

Но вместо этого он принимал больных каждый день и давал им рвотный корень, хинин и болеутоляющие средства, а потом всякий раз внимательно глядел под ноги, идя в сторону своей палатки, будто бы находился на огромной псарне.

В свой последний день в сто шестом канзасском полку Роб Джей нашел казначея, забрал восемьдесят долларов жалованья, вернулся в палатку, повесил *Мее-шомена* плечо и упаковал чемодан. Майор Воффенден, укутавшийся в пончо из парусины, даже не открыл глаз, чтобы сказать хоть слово на прощание.

Ходили слухи, что за пять дней до этого измученные солдаты шестьдесят седьмого пенсильванского полка уныло промаршировали к пароходам и отбыли на юг, в Миссисипи, где разворачивалась битва. Теперь другие суда доставили сюда сто тридцать первый индианский, бойцы которого ставили палатки на месте лагеря, разбитого прежде пенсильванцами. Роб Джей отправился искать командира части; тот оказался совсем молодым полковником — на вид ему было чуть за двадцать. Звали командира Алонсо

Симондс. Полковник Симондс рассказал, что как раз подыскивает себе полкового врача. Его хирург отслужил свои три месяца и вернулся домой, в Индиану, но даже у того никогда не было младшего хирурга. Он с пристрастием расспросил доктора Коула, и, казалось, послушной список врача впечатлил его, но, когда Роб Джей заявил, что у него есть определенные условия, при которых он готов поступить на службу, полковник Симондс засомневался.

Роб Джей тщательно вел учет своих больных в сто шестом полку.

— Почти каждый день тридцать шесть процентов солдат лежали в палатках без сил или стояли в очереди на осмотр. Иногда бывало даже хуже. Как у вас в полку обстоят дела со здоровьем?

— Многие наши болеют, — развел руками Симондс.

— Я с удовольствием помогу вам улучшить эту ситуацию, полковник, если вы поможете мне.

Симондс получил звание полковника всего четыре месяца назад. Его семья владела фабрикой по производству керосиновых ламп и лампового стекла в Форт-Уэйне, так что он отлично знал, какой убыток терпит производство, когда рабочие болеют. Сто тридцать первый индианский полк также сформировался четыре месяца назад из одних лишь новобранцев, и уже через пару дней его отправили в дозор в Теннесси. Он считал большой удачей тот факт, что им лишь дважды довелось поучаствовать в серьезных перестрелках, подобравшись слишком близко к врагу. За это время было убито два человека, всего один получил ранения, но в его рядах было так много больных лихорадкой, что, знай об этом конфедераты, они легко смогли бы пройти прямо через лагерь полка, не встретив никакого сопротивления.

— Что от меня требуется?

— Ваши отряды расположились прямо на кучах дерьма, что оставил после себя шестьдесят седьмой пенсильванский. Здесь плохая вода, они пьют из реки, куда сами же справляют нужду. Меньше чем в миле отсюда, на другой стороне лагеря, есть чистое местечко с нетронутыми ручьями, в которых можно брать воду даже зимой из проруби.

— Господь всемогущий! Миля — не близкий свет, придется посоветоваться с другими полками. И связным офицерам будет сложно найти меня.

Они, не отводя взгляда, смотрели друг на друга, и полковник Симондс принял решение. Он нашел старшину:

— Прикажи свернуть палатки, Дугласс. Полк станет лагерем в другом месте.

Затем он вернулся и продолжил разговор с этим необычным доктором.

И снова Роб Джей отказался от чинов. Снова попросился стать нештатным хирургом-ассистентом этого полка на три месяца.

— Тогда вы можете оставить службу, если вас что-то не устроит, — понимающе кивнул молодой полковник.

Доктор не стал ничего отрицать, и полковник Симондс принял это во внимание.

— Что еще вам нужно?

— Уборные, — ответил Роб Джей.

Земля затвердела, хоть еще и не замерзла. Всего за одно утро солдаты вырыли выгребные ямы и закрепили их бревнами, соорудив небольшие подпорки высотой в фут на краю каждой канавы. Когда всем ротам зачитали соответствующий приказ о том, что нельзя

справлять нужду где-либо, кроме специально отведенных для этого мест, под страхом сурового наказания, в рядах полка раздались выкрики недовольства. Людям нужно было ненавидеть и высмеивать кого-то, и в тот день Роб Джей понял, что именно ему суждено стать их мишенью. Когда он проходил мимо них, они подталкивали друг друга локтями, бросая на него косые взгляды, и злобно усмехались, давая понять, каким жалким он был в их глазах в своем заношенном гражданском костюме.

Полковник Симондс не давал им возможности думать слишком часто о своих обидах. Он четыре дня потратил на возведение ряда дополнительных хибар из бревен и дерна, наполовину уходящих под землю. В них было сыро и душно, но все же они представляли собой более надежное укрытие, чем палатки; зимой в них даже можно было развести маленький огонь, чтобы хоть немного согреться.

Симондс оказался хорошим командиром и собрал вокруг себя достойных офицеров. Интендантом полка был капитан Мэйсон, и Роб Джей с легкостью убедил его изменить рацион солдат, рассказав о цинге, потому что уже успел заметить соответствующие симптомы у солдат. Они вдвоем отправились двуколкой в Каир и привезли оттуда капусты и моркови, вводя их в ежедневный рацион полка. Цинга была широко распространена и в остальных частях, стоявших лагерем неподалеку, но когда Роб Джей попытался связаться с врачами других полков по этому поводу, никто не стал его слушать. Казалось, их больше заботил собственный карьерный рост в армии, чем пациенты. Все состояли на военной службе и носили униформу и две сабли, как строевые офицеры, а хирург из огайского полка и вовсе напялил на себя эполеты с бахромой, подобные которым Роб Джей видел лишь однажды на картинке, изображавшей какого-то напыщенного французского генерала.

Он, напротив, ходил в гражданской одежде. Когда сержант по снабжению в знак благодарности за то, что доктор Коул вылечил его рези в желудке, подарил ему синюю шерстяную шинель, тот поблагодарил пациента за щедрость, съездил в город и выкрасил ее в черный цвет, попутно заменив армейские пуговицы на простые. Ему нравилось делать вид, будто он по-прежнему самый обычный сельский врач, который временно работает в другом городе.

Во многих отношениях лагерь и вправду был похож на крошечный городок, хоть и жили в нем исключительно мужчины. У полка была собственная почта, которой заведовал почтмейстер и почтальон в одном лице по имени Амесса Декер. По средам оркестр давал концерты на тренировочном полигоне, а иногда, когда они исполняли популярную музыку вроде «Песни о пересмешнике», «Где моя любовь видит сны» или «Ту, что осталась ждать меня» [\[15\]](#), солдаты продолжали петь эти любимые всем народом песни, даже когда музыка уже умолкала. Маркитанты снабжали лагерь самыми разнообразными товарами. На жалование в размере тринадцати долларов в месяц рядовому сложно было позволить себе много сыра по цене пятьдесят центов за фунт или сгущенного молока по семьдесят пять центов за баночку, но на контрабандное спиртное денег у них хватало всегда. Роб Джей позволял себе пару раз в неделю полакомиться печеньем с патокой — покупал шесть штук за четвертак. Заезжий фотограф поставил в лагере палатку с вертикальными стенками, в которой Роб Джей однажды сфотографировался за один доллар; на ферротипическом снимке он вышел неестественным и угрюмым, но Роб Джей все равно отправил его Саре в качестве доказательства того, что ее муж все еще жив и здоров и всем сердцем любит ее.

Однажды попав с новобранцами на поле боя, полковник Симондс принял решение, что

никогда не позволит им снова участвовать в битве неподготовленными. Всю зиму он жестко тренировал своих солдат. В качестве тренировки они маршировали по тридцать миль в день, в результате чего у Роба Джея никогда не заканчивался поток пациентов — некоторые солдаты мучились от растяжения мышц, возникающего из-за того, что они передвигались в полном боевом снаряжении, с тяжелыми ружьями. У других образовывались грыжи из-за ремней с тяжелыми патронными ящиками. Взводы неустанно тренировались в обращении со штыком, а еще Симондс заставлял их учиться перезаряжать ружья, снова и снова: «Резко рваните за конец бумажной гильзы, будто от этого зависит ваша жизнь. Засыпьте порох в ствол, вложите пулю Минье, достаньте шомпол и протолкните все это до упора. Возьмите из подсумка на поясе капсуль и наденьте на шпенек. Цельтесь в убудка — и огонь!»

Они повторяли эту процедуру снова и снова, казалось, это никогда не закончится. Симондс сказал Робу Джею, что хочет, чтобы они готовы были зарядить ружье и открыть огонь, даже если их разбудить посреди ночи, даже когда они оцепенеют от паники, даже когда их руки будут трястись от волнения и страха.

Точно так же, как солдат учили выполнять приказы без всяких колебаний, пререканий и споров с офицерами, полковник заставлял их непрерывно маршировать учебным сомкнутым строем. За несколько дней землю покрыл толстый слой снега, и Симондс привез из Каира несколько огромных деревянных бочек и запряг лошадей, которые таскали за собой эти бочки до тех пор, пока поверхность не стала ровной и твердой, чтобы взводы могли еще немного потренироваться под аккомпанемент полкового оркестра, исполнявшего марши и квикстепы.

В один прекрасный солнечный зимний день, пока взводы маршировали вокруг учебного плаца, Роб Джей взглянул на игравший сидя оркестр и заметил, что у одного из трубачей на лице был огромный винный невус ^[16]. Тяжелый духовой инструмент лежал у мужчины на левом плече, длинный мундштук сверкал золотом в лучах зимнего солнца, когда музыкант дул в него — они как раз играли «Салют Колумбии» ^[17] — его щеки раздувались и затем вновь расслаблялись, снова и снова. Каждый раз, когда щеки мужчины раздувались, багровое пятно под его правым глазом темнело, будто давая доктору знак.

За долгие одиннадцать лет Роб Джей всякий раз напрягался, когда встречал человека с подобным пятном на лице, но сейчас он просто продолжил обходить больных, машинально двигаясь в такт непрекращающейся музыке по пути в палатку-амбулаторию.

На следующее утро, когда он увидел, как оркестр марширует в сторону плаца, чтобы сопроводить музыкой смотр первого батальона, то поискал глазами того трубача с невусом, но не нашел мужчину среди музыкантов.

Роб Джей пошел к ряду хибар, где жили оркестранты, и почти сразу столкнулся с ним — трубач как раз пытался снять одежду с заледеневшей веревки для белья.

— Замерзла, тверже, чем член мертвеца, — с отвращением пожаловался мужчина. — Нет смысла устраивать проверки зимой.

Роб Джей сделал вид, будто согласен с ним, хотя на самом деле считал, что благодаря проверкам, которые он сам и предложил проводить, солдаты стали стирать хотя бы часть своей одежды.

— Взял выходной, да?

Мужчина хмуро посмотрел на него.

— Я не марширую. У меня костный шпат.

Когда он оставил свои попытки снять белье с веревки и ушел, Роб Джей и сам понял,

что трубач сильно хромает. В марше он нарушал бы стройную симметрию военного оркестра. Его правая нога была явно короче левой, потому он заметно прихрамывал.

Роб Джей вернулся в свою хибару, устроился в темноте на пончо, расстеленном на холодной земле, и накинул покрывало на плечи.

Одиннадцать лет. Он совершенно точно помнил тот день. Он выехал по вызову на дом к пациенту, а в это время Маква-икву жестоко изнасиловали и убили.

Он помнил тех трех мужчин, которые приехали в Холден-Кроссинг как раз накануне убийства, а затем будто испарились. За эти одиннадцать лет ему не удалось узнать о них практически ничего, за исключением того, что они были «сильно пьяны».

Мужчина, переодевшийся священником, преподобный Элвуд Паттерсон, которого он лечил от сифилиса.

Крупный, физически сильный толстяк по имени Хэнк Кофф.

Костлявый парень, которого они называли Лен. Иногда — Ленни. С винным невутом под правым глазом. И хромой.

Теперь уже не такой костлявый, если, конечно, это был именно тот мужчина. И не такой молодой.

Наверняка это не тот, кого он ищет, убеждал он себя. Вполне вероятно, что во всей Америке найдется еще не один хромой мужчина с пятном на лице.

Вдруг он понял, что не хочет, чтобы этот человек оказался одним из тех убийц. Он осознал, что в глубине души не хочет больше искать их вообще. Что он сделает, если парня-трубача зовут Ленни? Перережет ему горло?

Его охватила беспомощность.

Смерть Маквы он умудрился запереть в укромном уголке своей памяти. Теперь, когда это воспоминание вновь овладело его разумом, будто вырвавшись из ящика Пандоры, он почувствовал, как где-то внутри него вновь поднимается казавшийся забытым холодок, от которого никак не удавалось избавиться в холодной крошечной хижине.

Он вышел на улицу и направился в палатку, служившую полковым штабом. Старшину звали Стивен Дугласс — в его фамилии действительно было на одну «с» больше, чем в имени сенатора. Он уже привык к тому, что доктор часто обращается к нему за личными делами своих пациентов. Старшина сказал, что никогда еще не видел армейского хирурга, который настолько скрупулезно вел бы медицинские дела.

— Снова бумажная работа, док?

— Есть такое дело.

— Пожалуйста, вот все дела. Санитар ушел за кувшином горячего кофе. Можете тоже угоститься, когда он вернется.

Просто не перепутайте мои чертовы бумажки, об одном прошу.

Роб Джей пообещал, что ничего не перепутает.

Оркестр относился к штабной роте. Сержант Дугласс аккуратно разложил документы каждой роты по отдельным серым коробкам. Роб Джей нашел коробку штабной роты и вынул из нее папку с записями, перевязанную шнурком и помеченную ярлыком «полковой оркестр индианского сто тридцать первого».

Он пролистал карты одну за другой. Никого в оркестре не звали Леонардом, но когда Роб Джей дошел до последней карточки, то сразу понял, что нашел то, что искал — он знал это так же точно, как обычно чувствовал, выживет его больной или нет.

Ордуэй, Леннинг, рядовой. Место проживания — Винсенс, штат Индиана. Поступил на службу на годовой срок двадцать восьмого июля 1862 года в Форт-Уэйне. Родился в Винсенсе, штат Индиана, одиннадцатого ноября 1836 года. Рост — пять футов восемь дюймов. Телосложение стройное. Глаза серые. Волосы русые. Исполняет ограниченные обязанности музыканта (корнет ми-бемоль) и разнорабочего в силу физической нетрудоспособности.

Передвижения войск

За несколько недель до того, как должен был истечь срок службы Роба Джея, к нему пришел полковник Симондс, чтобы обсудить продление этого срока. К тому времени в других полках уже начали свирепствовать весенние лихорадки, но сто тридцать первого индианского эта эпидемия совсем не коснулась. Конечно, не обошлось без простуд, которые солдаты зарабатывали, ночуя на холодной сырой земле, и расстройства желудка из-за специфического рациона, но таких коротких очередей больных Роб Джей не видел за все время своей службы в армии. Полковник Симондс знал, что три полка полностью слегли с лихорадкой и малярией, в то время как его однополчане были относительно здоровы. Некоторых пожилых бойцов отправили домой из-за тяжелых условий. У большинства были вши, грязные шеи и ноги, зуд в поясице, и они пили слишком много виски. Но они закалились и стали более выносливыми после изматывающих маршей, стойкими в результате неустанных учений и уверенными в себе, потому что каким-то непостижимым образом нештатный хирург-ассистент Коул помог им пережить эту зиму, как и обещал. Из шести сотен бойцов полка за всю зиму умерло лишь семь, установив общий уровень смертности двенадцать на тысячу. В других трех полках этот показатель составил пятьдесят восемь смертей на тысячу солдат, а с распространением лихорадки процент смертности лишь увеличился.

Поэтому полковник пришел к доктору, чтобы убедить его остаться, после чего Роб Джей подписал документы еще на три месяца службы без всяких колебаний. И действительно, у него совсем не было нареканий на условия работы.

Теперь, сказал он Симондсу, необходимо подготовить полевой госпиталь для того, чтобы лечить раненых в бою.

Санитарная комиссия лоббировала реформы, предлагаемые военным министром, до тех пор, пока службы перевозки больных и санитары-носильщики не стали неотъемлемой частью Потомакской армии. Но на этом реформирование остановилось, будто бы все забыли о необходимости ухаживать за ранеными в западном секторе.

— Мы сами должны о себе позаботиться, — настаивал Роб Джей.

Они с Симондсом удобно устроились за палаткой-амбулаторией, покуривая сигары; теплый весенний ветерок разносил запах дыма, в то время как Роб рассказывал полковнику о своем путешествии в Цинциннати на «Боевом ястребе».

— Мне довелось поговорить с двумя парнями, которые два дня пролежали на поле боя

после ранения. И благо, что пошел дождь, потому что им даже нечего было пить. Один мужчина рассказал мне, что в ту ночь кабаны подобрались совсем близко к тому месту, где он лежал, и начали пожирать тела. В том числе тела тех, кто еще не умер.

Симондс кивнул. Он и сам знал все эти ужасающие подробности.

— Что вам для этого нужно?

— По четыре человека от каждой роты.

— Вы хотите целый взвод превратить в санитаров-носильщиков, — с изумлением предположил Симондс. — Наш полк и так не полностью укомплектован. Многие уже слишком стары и немощны, им вообще не нужно бы на службу поступать. Возьми их.

— Нет. Мне нужны те, у кого хватит сил вытащить своего товарища из-под огня и доставить его в безопасное место. С этой работой старые и больные не справятся.

Роб Джей взволнованно смотрел в лицо этому молодому парню, которым он восхищался и которого — в данный момент — ему было искренне жаль. Симондс любил своих подчиненных и хотел защитить их, но, как полковнику, ему приходилось брать на себя незавидную обязанность распорядиться человеческими жизнями так, будто солдаты были не людьми, а боеприпасами, провиантом или деревянными колодами.

— Я бы мог взять музыкантов из оркестра, — предложил Роб Джей. — Большую часть времени они бы играли, а после битвы могли бы носить раненых.

Полковник Симондс с облегчением кивнул.

— Отлично. Давайте посмотрим, кого капельмейстер мог бы вам отдать.

Капельмейстер Уоррен Фиттс шестнадцать лет проработал обувщиком, после чего поступил на военную службу в Форт-Уэйне. Он без устали занимался музыкой и еще в молодости несколько лет пытался открыть свою музыкальную школу в Саут-Бенде. Когда он уехал из этого города, заработав достаточную сумму денег, то вернулся к изготовлению обуви — делу, которое оставил ему отец. Тот хорошо обучил сына, поэтому Фиттс стал отличным обувщиком. Его заработок был скромным, но на жизнь хватало; вместе с этим он давал частные уроки музыки, обучая игре на фортепиано и духовых. Война возродила его старые мечты, которые, как он считал, погибли окончательно и бесповоротно. Он собрал все музыкальные таланты Форт-Уэйна, чтобы основать свой оркестр, потому теперь его оскорбило предложение хирурга, который хотел забрать его музыкантов и сделать из них санитаров.

— Никогда!

— Мне они нужны ненадолго, — объяснял Роб Джей. — Все остальное время они будут продолжать свои занятия с вами.

Фиттс с трудом скрывал гнев.

— От каждого музыканта требуется полная отдача, ничто не должно отвлекать их внимание. Когда они не выступают, то все время должны отдавать репетициям и занятиям.

По собственному опыту с виолой да гамба Роб Джей знал, что капельмейстер прав.

— А есть ли у вас в оркестре такие инструменты, на которых играет сразу несколько человек? — терпеливо спросил он.

Вопрос задел Фиттса за живое. Раз уж он не стал дирижером, то должность капельмейстера стала для него пределом мечтаний, а потому он тщательно следил за тем, чтобы его собственная внешность, равно как и внешний вид музыкантов его оркестра, полностью соответствовали представлениям солдат об исполнителях. Волосы Фиттса полностью поседел. Его лицо было гладко выбрито, за исключением аккуратно

подстриженных усов, вкончики которых он втирал воск и щегольски подкручивал их. Его униформа содержалась в идеальном состоянии, и музыканты знали, что также должны натирать до блеска свои инструменты, стирать форму, чистить и подкрашивать обувь. И что должны выступать гордо, потому что когда их капельмейстер показывает все свое умение, взмахивая дирижерской палочкой, он хочет, чтобы и весь оркестр соответствовал его стандартам. Но несколько человек явно выбивались из строя...

— Абнер Уилкокс, — сказал он. — Горнист.

Уилкокс сильно косил. Фиттсу нравилось, когда музыканты обладали не только талантом, но и физической красотой. Он на дух не переносил всевозможных увечий, которые портили идеальную картину его оркестра, а потому решил определить Уилкокса на должность полкового горниста.

— Оскар Лоренс. Барабанщик.

Неуклюжий шестнадцатилетний парень, который из-за своей неловкости не только оказался плохим барабанщиком, но также часто сбивался с шага во время марша оркестра, и движения его головы часто выбивались из общего ритма.

— Леннинг Ордуэй, — сказал Фиттс, и хирург понимающе кивнул. — Корнет ми-бемоль.

Посредственный музыкант и кучер одной из оркестровых повозок, который иногда присоединялся к разнорабочим. Был хорош в игре на трубе, когда они по средам выступали перед однополчанами, или во время репетиций, сидя на табуретах на плацу, но его хромота становилась просто невыносимой, и он не мог маршировать так, чтобы не разрушать ровный строй оркестра.

— Аддисон Перри. Малая флейта и пикколо.

Плохой музыкант и неряха. Фиттс только рад был избавиться от этого мертвого груза.

— Льюис Робинсон. Корнет-сопранино ми-бемоль.

Способный музыкант, Фиттс не мог этого отрицать. Но Робинсон постоянно раздражал его свыше всякой меры — самоуверенный осел, слишком много о себе возомнивший. Несколько раз Робинсон показывал ему различные мелодии, которые, по его словам, сочинил сам, и спрашивал, можно ли поделиться ими с оркестром, чтобы сыграть их как-нибудь на концерте. Он утверждал, что работал дирижером в филармонии одной общины в Колумбусе, штат Огайо. Фиттс не хотел, чтобы кто-то заглядывал ему через плечо и дышал в спину.

— И?.. Кого еще?

— На этом все, — удовлетворенно ответил капельмейстер.

Всю зиму Роб Джей тайком наблюдал за Ордуэем издалека. Он нервничал, потому что, хотя трубач и записался на службу на годовой срок, ничто не мешает ему просто сбежать и исчезнуть. Но та необъяснимая причина, которая держала всех в армии, распространялась и на Ордуэя; и именно он оказался среди тех пяти рядовых, которые поступили в подчинение к Робу Джею. Его наружность была довольно приятной, ничто не выдавало в этом милом парне убийцу, за исключением водянистых встревоженных глаз.

Никто из этих пятерых не обрадовался своему новому назначению. Льюис Робинсон даже запаниковал.

— Я должен играть! Я ведь музыкант, а не врач!

Роб Джей поправил его:

— Санитар-носильщик. Пройдет совсем немного времени, и ты станешь санитаром-носильщиком, — пояснил он ему, но все поняли, что он обращался ко всем присутствующим.

Он попытался извлечь выгоду из этой странной сделки, попросив капельмейстера не задействовать их в своей работе вообще, и выиграл эту уступку с подозрительной легкостью. В занятиях с ними он начал с азов, научив их обращаться правильно с перевязочным материалом и делать повязки, а затем рассказал о видах ран и о том, как нужно их перевязывать. Он научил их, как добраться до раненых на поле боя и донести их в безопасное место, а также снабдил каждого маленьким рюкзаком с перевязочным материалом, повязками, флягой со свежей водой, опиумом и морфином в порошке и пилюлях.

В армейской аптечке нашлась пара шин, но Робу Джею они не понравились, потому он реквизировал несколько бревен, из которых санитары сделали новые шины своими руками под его руководством. Абнер Уилкокс оказался весьма способным и изобретательным плотником. Он соорудил множество отличных легких носилок, натянув между жердями брезент. Офицер тыла нашел для них двуколку, которую можно было использовать для перевозки раненых, но Роб Джей годами ездил по вызовам по ухабистым дорогам и знал, что для перевозки раненых по пересеченной местности ему нужно нечто более надежное и на четырех колесах. Он нашел неплохо сохранившуюся бричку, а Уилкокс прибил к ней бортики и крышу. Они выкрасили ее в черный цвет, и Ордуэй талантливо изобразил серебряной краской на каждом бортике кадуцей, символ медицины, срисовав его с аптечки. У ремонтёра Роб Джей раздобыл пару уродливых, но сильных рабочих лошадок — животные были тоже своего рода «отбросами», как и весь этот спасательный отряд.

Пятеро мужчин невольно загордились, почувствовав себя коллективом, но Робинсон явно был обеспокоен опасностью их нового назначения.

— Да, мы будем подвергаться опасности, — согласился Роб Джей. — Но солдаты в строю также рискуют, равно как и кавалерия, иначе бы не было потребности в санитарях.

Он всегда знал, что война портит людей, но лишь теперь заметил, что она повлияла на него так же, как и на всех остальных. Он распоряжается жизнями этих пяти человек, им придется бежать за ранеными снова и снова, как будто им не страшен град пуль и снаряды артиллерии. И он пытался увести их от страха и беспокойства, постоянно напоминая им о том, что все они принадлежат к поколению смерти. Его лицемерные слова и отношение должны были уменьшить груз его ответственности; он и сам отчаянно пытался верить в них. Он хотел убедить их, что теперь их жизнь ничем не хуже, чем в те времена, когда им приходилось терпеть сложный характер Фиттса, а главной целью было произвести впечатление во время исполнения вальсов, полек и маршей.

Он поделил носильщиков на две команды — Перри поставил с Лоренсом, а Уилкокса — с Робинсоном.

— А как же я? — спросил Ордуэй.

— А ты будешь со мной, — ответил Роб Джей.

Капрал Амесса Декер, почтальон, хорошо знал Роба Джея, поскольку тот регулярно отправлял весточки Саре, которая в ответ присылала длинные и страстные письма. Жена была настолько физически притягательна для него, что иногда, лежа в своей хибаре и перечитывая ее письма одно за другим, он пылал ее страстью и буквально чувствовал ее

запах. Хотя Каир и кишел женщинами, которых можно было бы купить как за деньги, так и за патриотизм, он даже не пытался найти замену жене. Верность была его уделом.

Большую часть своего свободного времени он писал письма — в ответ на теплые письма Сары слал ей нежность и душевную поддержку. Иногда он писал и Шаману, но еще чаще делал записи в своем дневнике. Часто он лежал, закутавшись в пончо, и придумывал, как бы ему вызнаться у Ордуэя, что произошло в тот день, когда была убита Маква-иква. Он знал, что когда-нибудь сумеет добиться доверия Ордуэя.

Он все думал о сообщении Мириам, о «ничего не знающих» и Ордене звездно-полосатого флага. Кто бы ни был автором того доноса (он сам пришел к выводу, что его составил какой-нибудь засланный священник), он совершенно точно заявлял о своей принадлежности к протестантам, ненавидящим католиков. Сработает ли это снова? Письмо с сообщением осталось вместе со всеми его бумагами в Холден-Кроссинге. Но он читал его настолько часто и внимательно, что, казалось, помнил все знаки и сигналы, пароли и явки — целая система тайного общения, которую наверняка придумал когда-то впечатлительный парень с богатым воображением.

Во время тренировки с носильщиками, один из которых играл роль раненого, Роб Джей заметил, что когда два человека грузят пострадавшего на носилки и поднимают его на бричку, то они слишком быстро устают и могут сильно ослабеть, особенно если им пришлось нести носилки довольно долго.

— Нужен носильщик на каждом углу носилок, — предложил Перри, и Роб Джей не мог с ним не согласиться. Но тогда они могли обеспечить работу лишь одной группы, чего будет недостаточно на случай, если полк попадет в переделку.

Он рассказал о своей проблеме полковнику.

— И что же ты собираешься делать? — спросил Симондс.

— Мне нужен весь оркестр. Повысь пятерых моих носильщиков до капралов. Каждый из них сможет возглавить отдельную группу с носилками, если у нас будет слишком много раненых. В каждую группу войдет еще по три музыканта, они будут приписаны к уже обученным капралам. Если бы солдаты могли выбирать между музыкантами, которые великолепно играют в бою, и музыкантами, которые спасают им жизни, уверен, они бы выбрали последних.

— Но у них нет права выбирать, — сухо ответил Симондс. — Здесь я все решаю.

Однако он принял верное решение. Пятеро носильщиков получили нарукавные знаки капрала, а Фиттс перестал здороваться с Робом Джейем, когда бы ни проходил мимо.

В середине мая настала жаркая пора. Лагерь был расположен между реками Огайо и Миссисипи, воды которых стали черными от грязи, спускаемой в них из лагеря. Но Роб Джей выдал каждому солдату по полкуса коричневого мыла, и все роты дружно двинулись вверх по реке Огайо к чистым водам, где всем было приказано раздеться и тщательно вымыться. Сначала они входили в воду с проклятиями и стонами, но большинство из них выросли на фермах и не смогли не вспомнить старые привычки, а потому купание вскоре обернулось фонтаном брызг и баловством. Когда солдаты выходили из воды, их осматривали сержанты, особое внимание уделяя головам и ногам, после чего, под восторженные возгласы товарищей, некоторых отправляли обратно в воду домываться.

У некоторых униформа была изорвана в клочья или же пестрела заплатами, вырезанными из самых разных предметов одежды. Но полковник Симондс заказал новую

форму, и, когда ее раздали солдатам, те справедливо решили, что вскоре их отправят в бой. Оба канзасских полка уже спустились вниз по Миссисипи на пароходах. Все, естественно, решили, что их отослали в подкрепление армии Гранта, который собирался брать Виксберг, и что им придется последовать за канзасцами.

Но двадцать седьмого мая днем, когда оркестр Уоррена Фиттса то и дело допускал кошмарные ошибки в своей страстной игре, полк отправили к железной дороге вместо причала. Людей и животных погрузили в вагоны, и прошло два часа прежде, чем пассажирские вагоны прицепили к грузовым, после чего сто тридцать первый полк попрощался с Каиром.

Доктор и носильщики ехали в больничном вагоне. Когда они выезжали из Каира, вагон пустовал, но уже через час у одного молодого рядового случился обморок, и когда его принесли в больничный вагон, Роб Джей обнаружил, что тот горит в лихорадке и бредит. Он делал парню спиртовые примочки, но потом решил во время одной из остановок передать его в гражданскую больницу при первой же возможности.

Робу Джею нравился больничный вагон, который окажется незаменимым, когда они будут возвращаться после битвы. С одной стороны по всей длине вагона разместили три ряда подстилок. Каждую подстилку прочно укрепили с помощью резиновых петель, благодаря которым все четыре угла были подвешены на крюки, вбитые в стены и подпорки; резиновые ремни значительно сглаживали дорожную тряску. В отсутствие пациентов пять новоиспеченных капралов заняли по подстилке и дружно согласились, что вряд ли даже генералы путешествуют с большим комфортом. Аддисон Перри, который всегда легко засыпал где угодно и когда угодно, будь то день или ночь, уже мирно похрапывал рядом с самым молодым санитаром, Лоренсом. Льюис Робинсон занял место отдельно от всех остальных, устроившись под фонарем, и делал какие-то пометки на листе бумаги, должно быть, сочиняя музыку.

Они не имели никакого представления о том, куда их везут. Когда Роб Джей прошел в конец вагона и открыл дверь, то услышал раскатистый грохот. Он устремил взгляд в небо, выше движущихся вагонов, и увидел там яркие огоньки звезд; в глаза ему тут же бросилось созвездие Большой Медведицы. Он нашел альфу и бету, а после них — и Полярную звезду.

— На восток едем, — сообщил он, вернувшись в вагон.

— Дерьмово, — отозвался Абнер Уилкоккс. — Мы едем к Потомакской армии.

Лью Робинсон оторвался от своих записей.

— А это плохо?

— Не знаю, плохо ли, но в Потомакской армии точно нет ничего хорошего. Все, что она делает, — это выжидает. Когда эти войска раз в сто лет вступают в бой, то их громят наголову. Я хотел, чтобы нас отправили к Гранту. Вот он — настоящий генерал.

— Зато, пока выжидаешь, тебя вряд ли убьют, — вставил Робинсон.

— Я тоже не хочу на восток, — вступил в разговор Ордуэй. — Чертов восток, там полно ирландов, этих выроdkов-католиков. Вот они по правде засранцы.

— Никто так не отличился в этой войне, как Ирландская бригада при Фредериксберге, — неуверенно отозвался Робинсон.

Роб Джей принял моментальное решение, даже не успев как следует все обдумать. Он едва коснулся пальцем нижнего века у правого глаза и медленно провел им вниз, к крылу носа; это был сигнал, который один член ордена мог подать другому, в случае если этот

второй слишком много болтает.

Сработало или это было простое совпадение? Леннинг Ордуэй удивленно уставился на него, но затем перестал участвовать в разговоре и ушел спать.

В три часа ночи они надолго остановились в Луисвилле, где к армейскому поезду прицепили артиллерийскую батарею. Ночной воздух, казалось, был тяжелее и мягче, чем в Иллинойсе. Те, кто проснулся из-за скрипа колес, вышли наружу размять ноги, а Роб Джей договорился о том, чтобы больного капрала поместили в местную больницу. Когда он закончил с делами и вернулся обратно, то у колес столкнулся с двумя мужчинами, справляющими нужду.

— Нет времени на выгребные ямы, сэр, — сказал один из них, и они оба засмеялись. Над гражданским доктором все еще частенько подшучивали.

Он прошел в конец поезда, где к грузовым вагонам тяжеленными цепями крепились десятифунтовые орудия Паррота и двенадцатифунтовые гаубицы. Пушки как раз грузили внутрь вагонов в желтом свете огромных кальциевых ламп, которые искрили и мигали, отбрасывая тени, живущие, казалось, своей собственной жизнью.

— Доктор, — позвал его кто-то тихонько.

Рядом с ним из темноты появился мужчина и взял его за руку — то был своего рода сигнал узнавания, приветствие члена ордена. Каким бы абсурдом ему самому это ни казалось, Роб Джей ответил соответствующим знаком, пытаясь сделать это настолько уверенно, будто повторял прежде этот жест уже сотню раз.

Ордуэй пристально взглянул на него.

— Такие дела, — проронил он.

Бесконечная серость

Вскоре они возненавидели армейский поезд. Он так медленно полз через штат Кентукки и с таким трудом осиливал подъемы в гору, что превратился для солдат в самую настоящую тюрьму, навевающую сплошную тоску. Когда поезд въехал в Виргинию, новость об этом в один миг пронеслась по всем вагонам. Солдаты не отходили от окон, надеясь увидеть снаружи врагов, но все, что ждало их в этом штате, — это горы и леса. Когда они делали остановки в маленьких городках, чтобы дозаправиться и пополнить запасы воды, люди встречали их так же приветливо, как если бы они все еще были в Кентукки, поскольку восточные регионы Виргинии уже захватили юнионистские войска. Однако они сразу почувствовали разницу, въехав в ту часть штата, которая принадлежала неприятелю. На станциях больше не встречались женщины, торговавшие во всех дружественных штатах прохладной водой из горных ручьев или лимонадом, а выражения лиц у местных были безразличными и холодными; люди просто наблюдали, не выражая при этом никаких эмоций.

Сто тридцать первый индианский полк высадился в местечке под названием Винчестер — этот город был оккупирован, повсюду встречались южане в голубой униформе.

Пока выгружали лошадей и боевую технику, полковник Симондс скрылся в штабе, который располагался возле железнодорожной станции, а когда вновь появился перед однополчанами, то обнаружил, что все вагоны уже выстроены в походном порядке. И они выступили на юг.

Когда Роб Джей соглашался продлить срок службы, то ему сказали, что он должен обзавестись собственной лошастью, но в Каире лошадь была ему ни к чему, поскольку он все равно не носил форму и не принимал участия в смотрах. Кроме того, кони были нынче в цене везде, где квартировали войска, потому что кавалерия неустанно пополняла убыль лошадей независимо от того, участвовали ли встречающиеся им животные в скачках или же таскали плуг. И теперь, оставшись без лошади, он ехал в повозке санитаров, сидя рядом с капралом Ордуэем, который возглавлял отряд. Роб Джей все еще чувствовал себя неуютно в присутствии Деннинга Ордуэя. Последний лишь однажды подпустил шпильку в его адрес, высказав недоумение по поводу того, «с чего бы это члену ОЗФ говорить на чужестранном языке», намекая тем самым на легкое шотландское грассирование, изредка проскальзывающее в речи Роба. На это Роб ответил, что родился в Бостоне, но в юности отправился в Эдинбург, чтобы получить там образование; такой ответ Ордуэя вполне удовлетворил. Теперь он взбодрился и стал вести себя дружелюбно, видимо, радуясь тому, что работает на человека, у которого есть политические резоны для того, чтобы хорошенько позаботиться о нем.

Они миновали очередной указатель, установленный на пыльной дороге, что свидетельствовало о приближении к Фредериксбергу.

— Боже всемогущий, — вздохнул Ордуэй, — надеюсь, никому не пришло в голову выслать еще один отряд янки по души тех артиллеристов из числа повстанцев, которые расположились на холмах вблизи Фредериксберга.

Робу Джей оставалось лишь согласиться с ним.

За несколько часов до заката сто тридцать первый полк добрался до берегов реки Раппаханнок, где Симондс распорядился сделать привал и разбить лагерь. Он созвал всех офицеров к своей палатке; Роб Джей тоже стоял там, теребя край одежды, и слушал.

— Господа, вот уже полдня, как мы состоим на службе Федеральной Потомакской армии под командованием генерала Джозефа Хукера, — начал Симондс.

Он сообщил присутствующим, что Хукер собрал под свое начало около ста двадцати тысяч человек, расположив их вдоль границы. Роберт Ли руководил почти девяносто тысячами конфедератов и в настоящий момент захватил Фредериксберг. Кавалерия Хукера уже долго вела разведку в рядах войск Ли и была абсолютно уверена в том, что Ли вот-вот атакует Север с целью отбросить армию Союза назад и снять осаду с Викасбурга, но никому не было известно, где именно и когда его войска перейдут в наступление.

— Жители Вашингтона не без оснований обеспокоены тем, что армия Конфедерации находится лишь в паре часов от дверей Белого дома. Сто тридцать первый полк отправится в путь, чтобы присоединиться к остальным войскам возле Фредериксберга.

Офицеры стойко восприняли новости с фронта. Они выставили несколько пикетов по периметру лагеря и за его пределами и устроились на ночлег. Когда Роб Джей доел свою порцию свинины с бобами, он откинулся на спину и стал смотреть на ярко сияющие, как это всегда бывает летом, звезды на вечернем небе. Он и представить себе не мог войска, которые были настолько велики — для него это оказалось уже слишком. Около девяноста тысяч бойцов за Конфедерацию! И почти сто двадцать тысяч — за Союз! И все они готовы сделать

всё возможное, чтобы убить друг друга.

Ночь стояла ясная. Шестьсот солдат сто тридцать первого индианского полка лежали на голой теплой земле, даже не утруждаясь поставить палатки. Большинство из них все еще мучила простуда, которую они принесли с севера, и их кашель был достаточно громким для того, чтобы выдать расположение лагеря блуждающей неподалеку вражеской разведке. Робу Джею тут же представился кошмар из тех, что посещают лишь врачей — ему стало любопытно, насколько громким будет кашель ста двадцати двух тысяч бойцов их армии, если все они заболели одновременно. Нештатный хирург-ассистент обхватил себя руками, съезжившись от холода. Он знал, что, если двум таким гигантским армиям суждено встретиться в битве, их группы санитаров будет недостаточно для того, чтобы унести всех пострадавших с поля боя.

На то, чтобы добраться до Фредериксберга, у них ушло два с половиной дня. По пути они едва не пали жертвами секретного оружия Виргинии — клещей. Крошечные насекомые красного цвета нападали на солдат, когда те проходили под низко свисающими ветвями деревьев, и впивались им в кожу, когда они ступали по траве. Если клещи попадали им на одежду, они ползли по ней, пока не добирались до обнаженной кожи, где погружались всем телом в человеческую плоть и пожирали ее. Вскоре участки кожи солдат между пальцев на руках и ногах, между ягодиц и на гениталиях покрылись сыпью. Тельца клещей состояли из двух частей; если один из солдат замечал, как насекомое вгрызается в его плоть, и пытался вытащить его, клещ разрывался пополам, и оставшаяся его часть все равно продолжала причинять не меньший вред, чем если бы клещ оставался целым. На третий день большинство солдат чесались и ругались, а у некоторых раны уже начинали гнить из-за влажности и жары. Робу Джею оставалось только лишь капать дезинфицирующими средствами на насекомых, впившихся в кожу; лишь немногие из бойцов армии умели обращаться с клещами — такие солдаты делились опытом с остальными, поясняя, что единственный способ справиться с клещом — это поднести обугленный конец палки или зажженную сигару к коже и держать ее так до тех пор, пока клещ не начнет поддаваться и отпускать плоть. Только тогда можно аккуратно подцепить его пальцами и медленно и осторожно вытягивать так, чтобы тот вышел целиком. По всему лагерю люди помогали друг другу избавиться от вредителей, напоминая Робу Джею обезьян, выскивающих друг у друга блох. За этими животными он частенько наблюдал в Эдинбургском зоопарке.

Эта напасть тем не менее не смогла пересилить страх, который испытывали солдаты. Их опасения лишь росли по мере того, как они подходили к Фредериксбергу, где разворачивался театр проведенных накануне боевых действий янки. Однако по прибытии в город они увидели лишь развевающиеся синие знамена Союза, поскольку Роберт Ли быстро и незаметно вывел все свои войска под покровом темноты несколькими днями раньше и повел их на север. Союзная кавалерия отслеживала передвижения армии Ли, но Поттомаская армия не отправилась в погоню по причинам, известным лишь генералу Хукеру.

Они квартировали во Фредериксберге шесть дней, отдыхая, залечивая мозоли на ступнях, избавляясь от клещей, начищая и смазывая оружие. Будучи не при исполнении, небольшими группами они взбирались на горные хребты, где лишь полгода назад были убиты и ранены тринадцать тысяч солдат армии Союза. Они смотрели вниз на своих товарищей, которые становились легкими мишенями, взбираясь на скалы вслед за ними, и радовались тому, что Ли оставил город прежде, чем они добрались до него.

Когда Симондс получил новые распоряжения, им пришлось снова отправиться на север. На очередной пыльной дороге их настигли вести о том, что Винчестер, где их высадила армейский поезд, подвергся тяжелой атаке конфедератов под командованием генерала Ричарда Юэлла. Повстанцы снова победили — девяносто пять бойцов Союза были убиты, триста сорок восемь — ранены, а более четырех тысяч пропали без вести или угодили в плен.

Сидя в неудобной санитарной повозке, которая ехала по мирной сельской местности, Роб Джей отказывался верить тому, чему сам был свидетелем. Так, будучи еще маленьким мальчиком, он запрещал себе верить в существование смерти. Зачем людям умирать? В этом нет смысла, ведь жить намного приятнее. И зачем люди убивают друг друга на войне? Ведь гораздо приятнее ехать вот так, по ухабистой дороге, когда солнышко припекает, чем участвовать в кровопролитных боях. Когда-то смерть отца положила конец его детскому неверию в человеческую смертность. Теперь тысячи смертей были перед его глазами. Оказавшись у здания суда Фейрфакс, Роб Джей понял, что именно имелось в виду, когда в Библии огромную армию называли «тьмой-тьмущей». Они расположились на ферме и прилегающих к ней шести полях, среди артиллерии, кавалерии и прочей пехоты. Роб Джей видел солдат Союза повсюду. Армия пребывала в постоянном движении, отряды приходили и уходили. На следующий день после того, как сто тридцать первый прибыл в точку сбора, стало известно, что армия Северной Виргинии под началом Ли уже пересекла реку Потомак и вторглась в Мэриленд, северный штат. Только лишь Ли успел перейти к активным действиям, Хукер запоздало последовал его примеру и начал отправлять первые отряды своих войск на север, пытаясь преградить Ли путь к Вашингтону. Через сорок часов и сто тридцать первый полк встал в строй и направился на север.

Обе армии были слишком велики и рассредоточены, чтобы передвигаться полностью и без промедления. Часть сил Ли все еще оставалась в Виргинии и направлялась в сторону переправы, чтобы присоединиться к своему командиру. Армии походили на бесформенных, пульсирующих чудовищ, которые то расплывались, то подтягивались, неустанно двигаясь, иногда — даже бок о бок. Когда случалось так, что конечности этих двух монстров встречались, разгорались перестрелки, похожие на искрящиеся вспышки, как это было в Аппревиле, Хэймаркете, Элди и десятке других местечек. Солдатам сто тридцать первого полка так и не довелось увидеть боевых действий своими глазами, за исключением одного раза, когда посреди ночи на дальних пикетах произошла слабая и недолгая перестрелка с кавалеристами, которые тут же ускакали прочь.

Бойцы сто тридцать первого переправились через Потомак в маленьких лодках в ночь на двадцать седьмое июня. На следующее утро они продолжили двигаться на север, и полковой оркестр затянул песню «Мэриленд, мой Мэриленд!» [\[18\]](#). Когда изредка им случалось встретить кого-то из местных, те махали им в знак приветствия, но в целом жители Мэриленда не выказывали особого энтузиазма, поскольку войска шли мимо уже не первый день. Робу Джею и его однополчанам быстро опротивел гимн штата Мэриленд, который оркестр продолжал исполнять до самого утра, когда, пройдя по хорошо возделанным полям, они наконец вышли к небольшому центральному поселению.

— Где это мы? — спросил Ордуэй Роба Джея.

— Не знаю.

В этот момент им встретился пожилой мужчина; он сидел на лавочке и наблюдал за проходящими войсками.

— Мистер, — окликнул его Роб Джей, — как называется этот милый городок?

Этот неожиданный комплимент, казалось, сбил старика с толку.

— Наш городок? Добро пожаловать в Геттисберг, штат Пенсильвания.

Хотя бойцы сто тридцать первого индианского полка еще не знали об этом, но в тот день, когда они пересекли границу штата Пенсильвания, командование армией принял новый генерал. Генерал Джордж Мид был назначен командующим вместо генерала Джо Хукера, которого таким образом постигла расплата за запоздалую реакцию на передвижение армии конфедератов.

Пройдя через этот небольшой городок, они вышли на Тэнитаунскую дорогу. Юнионистские войска собирались чуть южнее Геттисберга, где Симондс объявил привал и приказал разбить лагерь на холмистых лугах.

Воздух был тяжелым и раскаленным. В умах и сердцах солдат нарастало напряжение. Люди сто тридцать первого полка только и говорили, что о крике протеста [\[19\]](#) южан. В Теннесси им не доводилось слышать его, но они много слышали о нем, да и прочие бойцы Армии часто передразнивали этот клич. Солдаты сто тридцать первого все гадали, услышат ли они этот крик наяву в течение следующих нескольких дней.

Полковник Симондс знал, что лучше всего нервы успокоит работа, поэтому он разбил солдат на небольшие рабочие отряды и приказал им вырыть неглубокие окопы сразу за грудями валунов, которые могли послужить огневыми позициями. Всю ночь они пытались уснуть под птичьи трели и стрекот кузнечиков, а утром их разбудила усилившаяся жара и звук коротких перестрелок в нескольких милях к северо-западу, со стороны шоссе Чамберсберг-Пайк.

Около одиннадцати утра полковник Симондс получил новый приказ, и сто тридцать первый полк продвинулся еще на полмили, где перешел деревянный мост, после чего оказался на просторах возвышенности, через которую проходила Эммитсбергская дорога. В доказательство того, что вражеские войска были расположены где-то неподалеку, солдаты обнаружили шестерых мертвых бойцов в синей униформе, которые, казалось, просто неосторожно уснули прямо на сенокосе. Все убитые оказались босыми — бедные южане, которым вечно не доставало обуви, забрали их сапоги. Симондс распорядился насыпать новые брустверы и выставить новых дозорных. По просьбе Роба Джея на окраине леса возвели длинный узкий деревянный остов, который накрыли ветками с листьями так, что стало похоже, будто его обвила виноградная лоза; он предназначался для того, чтобы укрыть раненых — поэтому рядом с этим сооружением Роб Джей разместил свой операционный стол.

Они узнали от агентов, что первый артиллерийский огонь прогремел в стычке между отрядами кавалерии. Весь день с севера до солдат доносились звуки битвы, становившиеся все громче — неугасающий приглушенный гул мушкетов, похожий на рычание тысяч бешеных псов, отрывистый грохот канонады. В лица солдатам били резкие порывы ветра.

Около полудня сто тридцать первый полк в третий раз за день выдвинулся в путь — теперь они направлялись в сторону города; доносящийся оттуда шум становился все громче, а вспышки от пушечной стрельбы и облако серого дыма — все ближе. Роб Джей уже успел довольно хорошо узнать солдат, а потому ему было известно, что большинство из них жаждали получить хоть незначительное ранение — какую-нибудь несерьезную царапину, которая оставит боевой шрам, но которую легко залечить, так что, когда парни вернуться

домой, все увидят, как сильно они страдали за торжество победы. Но теперь они шли туда, где люди гибли за победу. Они прошли через город и стали подниматься на холмы, окруженные звуками битвы, которые раньше слышали лишь издали. Несколько раз артиллерийские выстрелы просвистели совсем близко — и вот они добрались до пехотинцев, лежащих в окопах, и четырех батарей легкой артиллерии под обстрелом. На вершине холма, где им было приказано остановиться, они оказались прямо в центре кладбища, в честь которого холм и получил свое название — его называли Кладбищенским холмом.

Роб Джей начал обустривать медпункт позади одного мавзолея внушительных размеров, который одновременно и защищал его, и отбрасывал короткую тень, как вдруг в поисках врача примчался обливающийся потом полковник. Он представился полковником Мартином Николсом из медико-санитарной службы и сообщил, что является ответственным за санитарную часть.

— У вас есть опыт проведения операций? — спросил он.

Для ложной скромности момент был неподходящий.

— Да, есть. И немалый, — ответил Роб Джей.

— Тогда вы нужны мне в полевом госпитале, куда прибывают пострадавшие с серьезными ранениями.

— Если не возражаете, полковник, я бы хотел остаться со своим полком.

— Возражаю, доктор, категорически возражаю. У меня есть хорошие хирурги, но также в госпитале работают и несколько молодых и неопытных врачей, которые совершают роковые ошибки во время проведения операций и устраивают чертов беспорядок. Они ампутуют конечности, оставляя при этом кожные лоскуты, а некоторые даже культы делают так, что из ноги торчат несколько дюймов кости. Они проводят странные экспериментальные операции, за которые опытные врачи и братья бы не стали — иссечение головки плечевой кости, дезартикуляцию тазобедренного или плечевого суставов. Калечат людей тогда, когда этого можно было бы и избежать. Их пациенты будут каждое утро просыпаться с криками от ужасной боли до конца своих дней.

Я с радостью заменю одного из этих «хирургов» и отправлю его сюда, на ваше место; делать раненым перевязки он все-таки способен.

Роб Джей кивнул в знак согласия. Вместо себя следить за медпунктом он оставил Ордуэя, пока не появится тот, другой доктор, а сам проследовал за полковником Николсом вниз, к подножию холма.

Больницу устроили в черте города, в здании католической церкви, которая, как гласила вывеска, носила имя святого Франциска. Роб дал себе слово непременно рассказать об этом матушке Мириам Фероции. Сразу у входа, за распахнутыми настежь двойными дверями, стоял операционный стол — это было необходимо для того, чтобы предоставить хирургу как можно больше света. Церковные скамьи накрыли досками, застелили соломой и простынями, чтобы раненые могли лежать на них, как на койках. В темной сырой комнате в подвале, освещаемой желтоватым светом ламп, было еще два стола, и Роб Джей занял один из них. Он быстро снял мундир и засучил рукава как можно выше, пока капрал первой кавалерийской дивизии усыплял хлороформом солдата, которому выстрелом пушечного ядра оторвало кисть руки. Как только парень отключился, Роб Джей отрезал пострадавшему руку чуть повыше запястья, оставив достаточно кожи для того, чтобы образовалась культя.

— Следующий! — выкрикнул он. Тут же внесли следующего пациента, и Роб Джей с головой ушел в работу.

Подвал был не таким уж маленьким, примерно двадцать на сорок футов. В другом конце помещения стоял еще один стол, где работал другой хирург, но они с Робом лишь изредка поглядывали друг на друга и обменялись от силы парой слов. Только ближе к вечеру Роб Джей ободрил другого доктора, сказал, что тот отлично поработал, на что получил ответную похвалу, а затем оба они вновь сосредоточились каждый на своем столе. Роб Джей вытаскивал пули и осколки металла, возвращал на свое место выпавшие внутренности, зашивал раны, ампутировал конечности. Ампутировал снова и снова. Пули Минье обладали низкой скоростью на излете, и поэтому наносили особенно большой урон, буквально кроша кости. Если пуля проникала в живую плоть или дробила кости на крупные осколки, единственным выходом для хирургов оставалась ампутация. На грязном полу между Робом Джейем и вторым хирургом росла куча рук и ног. Время от времени приходили подручные и куда-то уносили отрезанные конечности.

Спустя четыре или пять часов в подвал ворвался полковник, одетый в серую форму, и объявил докторам, что они взяты в плен войсками Конфедерации.

— Мы — солдаты получше, чем вы, парни! Мы захватили весь город. Ваши войска отброшены к северу. Мы взяли в плен тысячи четыре ваших.

На это докторам было нечего ответить. Второй хирург взглянул на Робу Джейа и пожал плечами. Роб Джей в этот момент оперировал и попросил полковника не загораживать ему свет.

Когда случалось короткое временное затишье, он пытался вздремнуть хоть пару минут. Но такая возможность выпадала ему нечасто. Бойцам, участвовавшим в битвах, удавалось выспаться ночью, а вот доктора вынуждены были трудиться без перерыва, пытаясь спасти людей, вышедших из строя. В подвале не было окон, поэтому лампы не выключались ни на минуту. Вскоре Роб Джей окончательно утратил чувство времени.

— Следующий! — продолжал выкрикивать он.

Следующий! Следующий! Следующий!

Его работа была равносильна чистке Авгиевых конюшен, потому что не успевал он закончить с одним пациентом, как тут же вносили другого. Некоторые из них были одеты в залитую кровью, изорванную в клочья серую форму, на некоторых была такая же, только голубая. Очень скоро он понял, что поток раненых не закончится никогда.

Однако их запасы отнюдь не были неисчерпаемыми: больница израсходовала почти весь перевязочный материал, кончались и запасы пищи. Тот же полковник, который чуть раньше хвалился тем, что южане — лучшие солдаты, теперь сообщил ему, что у южан больше нет ни хлороформа, ни эфира.

— Вы не в состоянии ни одеть их, ни утолить их боль. Поэтому в конце концов вы потерпите поражение, — сухо ответил Роб Джей без всякой радости в голосе и попросил полковника принести остатки запасов спиртного. Полковник ушел. По его приказу принесли немного виски для пациентов и горячего супа из голубятины для хирургов, который Роб Джей проглотил так быстро, что даже не успел почувствовать вкуса.

В отсутствие анестезии ему пришлось задействовать в операциях нескольких сильных мужчин, чтобы те держали пациента. Он был вынужден снова оперировать в таких же условиях, в каких его учил Вильям Фергюсон, когда он был моложе и должен был резать, зашивать, пилить очень быстро и уверенно. Пострадавшие кричали и бились от боли в его

руках. Доктор работал молча, его глаза оставались открытыми, хоть он и часто моргал от усталости. Он чувствовал, как его ступни и колени отекают и наливаются болью, но лишь иногда, когда подручные выносили одного пациента и вносили другого, позволял себе немного размять пальцы, потирая руки. Ранения попадались всегда разные, оказалось, что люди изобрели такое великое множество способов истреблять себе подобных, что все пациенты стали похожи друг на друга, практически превратились в близнецов — даже те, кому полностью оторвало осколком снаряда челюсть или гениталии, либо те, кто остался незрячим после взрыва.

Так прошло много времени, один час сменялся другим.

Роб поймал себя на мысли, что большую часть своей жизни провел в маленькой сырой комнатухе, отрезая людям конечности, и что обречен быть здесь до конца своих дней. Но постепенно звуки, доносящиеся снаружи, сменились другими. Люди в церкви уже привыкли к воплям и крикам, к свисту пуль и снарядов, к взрывам мин и даже к тому, как сотрясаются от близких взрывов стены. Но теперь звуки перестрелки и артиллерийская канонада достигли нового крещендо, слившись в бесконечный неистовый рев. Так продолжалось несколько часов. И вдруг воцарилась тишина, благодаря которой те, кто переживал в церкви, вновь обрели способность слышать друг друга. Потом раздался вой — нарастающий звериный рев, вырывающийся из многих тысяч глоток! Он становился все громче и громче, напоминая шум океана. Роб Джей отправил одного из конфедератов узнать, что же происходит снаружи, тот вернулся и отрывисто бросил, что «это чертовы проклятушие янки празднуют победу», вот что там происходит.

Несколько часов спустя пришел Леннинг Ордуэй и обнаружил его на том же самом месте, у операционного стола в темной комнатухе.

— Док. Господи, док, идемте скорей со мной, — позвал он.

Ордуэй рассказал Робу, что тот провел в подвале почти два дня, и показал ему, где расположился биваком сто тридцать первый полк. Роб Джей позволил «доброму другу» и «злейшему врагу» увести себя в безопасный пустующий чулан, где для него уже соорудили мягкую постель из чистой соломы, и наконец лег на пол и заснул.

Был уже разгар дня, когда он проснулся от стонов и криков раненых, которых положили рядом с ним прямо на пол в чулане. Все хирурги работали на операционных столах, неплохо справляясь и без него. Было бессмысленно пытаться воспользоваться отхожим местом при церкви, поскольку оно давно уже было переполнено. Он вышел на улицу, попав под тяжелые капли проливного дождя, и под этой целительной влагой, павшей с небес, справил нужду за сиреневым кустом, который вновь принадлежал Союзу.

Союз отбил всю территорию Геттисберга до последнего дюйма. Роб Джей гулял под дождем, рассматривая местные достопримечательности. Он уже забыл, где, по словам Ордуэя, разбил лагерь сто тридцать первый полк, и потому спрашивал об этом каждого встречного. В конце концов, он нашел палатки полка к югу от города.

Теплота, с которой Уилкоккс и Ордуэй приветствовали его, тронула Роба Джея до глубины души. Они где-то раздобыли яиц! Пока Леннинг Ордуэй ломал сухари и разжаривал их вместе с яйцами в свином жиру, чтобы доктор мог позавтракать, они быстро ввели Роба в курс дела, начав с плохих новостей. Погиб лучший трубач оркестра, Тед Бушман.

— Всего лишь крошечная дырка от пули в груди, док, представляешь, — вздохнул

Уилкокс. — Будто просто капля пота проступила.

Из санитаров первым схлопотал пулю Лью Робинсон.

— Его ранили в ногу сразу после того, как тебя забрали, — рассказывал Ордуэй. — Оскара Лоренса вчера снарядом разорвало надвое.

Ордуэй закончил жарить яичницу и поставил сковородку перед Робом Джейем, который искренне горевал о неуклюжем молодом барабанщике. Но, к своему стыду, от еды он не смог отказаться, буквально не жуя глотая свой завтрак.

— Оскар был такой молодой. Ему бы остаться дома, с мамой, — горько сокрушался Уилкокс.

Роб Джей обжегся глотком черного кофе, который был невероятно крепким, но все равно вкусным.

— Нам бы всем остаться дома с мамой, — сказал он и отрыгнул.

Он не спеша доедал остатки яичницы и выпил еще чашку кофе, пока товарищи рассказывали ему об остальных событиях, происшедших, пока он работал в церковном погребе.

— В первый день они оттеснили нас к возвышенности, что к северу от города, — рассказывал Ордуэй. — Нам еще крупно повезло.

— На следующий день мы очутились на Кладбищенском хребте и попали в переделку меж четырех холмов — Кладбищенским и Калповым на севере, поближе к городу, и высотой Литл-Раунд-Топ и Раунд-Топ парой миль южнее. Страшные были бои, страшнее и не придумаешь. Много кто погиб. Мы только и делали, что раненых таскали.

— Да уж, хорошенько мы поработали, — похвастался Уилкокс. — Делали все как ты учил.

— Не сомневаюсь.

— Еще через день сто тридцать первый полк вновь отправился на хребет, как подкрепление для корпуса генерала Говарда. Пополудни нам чертовски крепко досталось от пушек конфедератов, — продолжал Ордуэй. — Наши передовые сторожевые отряды уцелели и наблюдали за обстрелом со стороны, так вот они рассказывали, что целая куча отрядов врага подобралась к нам совсем близко, скрываясь в лесах по другую сторону Эммитсбергской дороги. То тут, то там среди деревьев мы видели отблески металла. Обстрел длился час, а то и больше, многие их удары достигли цели, но все это время мы были настороже, потому что знали, что они собираются напасть.

— Во второй половине дня их обстрел прекратился — наши тоже остановились. А потом кто-то как завопит: «Идут!», и мы тут же увидели, как пятнадцать тысяч ублюдков в серой форме выступают из лесов. Эти парни Ли шли на нас плечом к плечу, шеренга за шеренгой. Их штыки были как одна огромная стальная ограда, прикрывающая их головы от солнца и защищающая их жизни. Они не кричали, лишь молча шли на нас быстрым и уверенным шагом.

— Говорю тебе, док, — утверждал Ордуэй, — Роберт Ли не раз дал нам под зад, я знаю, он жестокий и толковый сукин сын, но здесь, в Геттисберге, он дал маху. Мы поверить не могли, что эти повстанцы идут на нас вот так, по открытой местности, притом что мы сами расположились на укрепленной возвышенности. Мы знали, что их ждет верная смерть, и, сдается мне, им это тоже было отлично известно. На наших глазах они прошли где-то с милю. Полковник Симондс и остальные офицеры всё кричали: «Ждите! Пускай подойдут поближе. Ждите!» Уверен, неприятель тоже слышал эти их команды.

Когда они подошли близко настолько, что мы уже могли различить их лица, наши орудия с Литл-Раунд-Топ и Кладбищенского хребта открыли огонь, и больше половины атакующих просто исчезло с лица земли. Выжившие продолжали идти на нас сквозь дымовую завесу, и тут Симондс наконец скомандовал: «Огонь!», и выстрелы грянули, как один. Некоторые кричали: «За Фредериксберг! За Фредериксберг!», потом стреляли и перезаряжали оружие, потом опять стреляли и перезаряжали, и снова стреляли...

Лишь единицы дошли до каменной стены у подножия нашего хребта. Те, кому это удалось, бились, как проклятые, но и их взяли в плен или прикончили, — закончил Ордуэй, и Роб Джей понимающе закивал. Именно это произошло в тот момент, когда он услышал торжествующие возгласы за стенами церкви.

Уилкокс и Ордуэй всю ночь провели, помогая раненым, и сейчас как раз собирались обратно. Роб Джей отправился с ними, несмотря на ливень. Когда они добрались до поля боя, он понял, что этот дождь стал настоящим благословением с небес, потому что он заглушал запах смерти, который и без того был просто ужасен. Повсюду лежали гниющие трупы. Среди следов кровавой бойни спасатели выискивали хоть какие-то признаки жизни.

Остаток утра Роб Джей работал, перевязывая раненых под дождем и помогая переносить их на носилках. Когда он доставил пострадавших в больницу, то увидел, где его парни раздобыли яиц. Повсюду разгружали фургоны. Привезли лекарства и обезболивающие средства, перевязочные материалы, провиант. Все три хирурга были по уши в работе. Соединенные Штаты в знак своей признательности за долгожданную победу, добытую ужасной ценой, ничего не пожалели для тех, кто выжил.

Возле железнодорожного депо к Робу подошел мужчина из гражданских, примерно одних с ним лет, учтиво спросил, не знает ли тот, где можно забальзамировать одного из солдат; вопрос прозвучал так небрежно, будто он поинтересовался, который час или как пройти в центр города. Мужчина представился Уинфилдом Уокером-младшим, фермером из Хаврде-Граса, что на северо-востоке штата Мэриленд. Когда он услышал о последней битве, его необъяснимо потянуло приехать сюда и увидеться с сыном, Питером; и мужчина узнал, что его сына больше нет в живых.

— Я бы хотел забальзамировать тело, чтобы увезти его домой, не знаете, где это можно сделать?

Роб Джей знал.

— Слышал, бальзамируют в отеле «Вашингтон Хаус», сэр.

— Так точно. Но там мне сказали, что у них уже и так огромная очередь желающих. Я бы хотел сделать это где-то в другом месте.

Оказалось, тело его сына осталось на ферме Харолда, в больнице, размещенной в обычном жилом доме у Эммитсбергской дороги.

— Я — врач и могу помочь вам, — предложил Роб Джей.

Все необходимые для этой процедуры инструменты он оставил в санитарной сумке в лагере сто тридцать первого полка, поэтому он сходил за ними и встретился с мистером Уокером уже на ферме. Роб Джей постарался как можно деликатнее отправить мужчину за цинковым армейским гробом, необходимым для того, чтобы предотвратить разложение тела. Пока отец погибшего отправился выполнять это скорбное поручение, доктор нашел его сына в спальне среди еще шести умерших. Питер Уокер был красивым парнем лет двадцати, от отца ему достались точеные черты лица и густые темные волосы. Тело его было

неповрежденным, за исключением левой ноги, оторванной снарядом до самого бедра. Он истек кровью, и его тело своей белизной напоминало мраморную статую.

Роб Джей смешал унцию солей карболовой кислоты с двумя квартами спирта и воды. Он перекрыл артерию в поврежденной ноге так, чтобы все жидкости удерживались в теле, затем сделал надрез в бедренной артерии уцелевшей конечности и с помощью шприца ввел в нее бальзамирующее вещество.

Мистер Уокер без труда раздобыл у военных гроб. Он попытался предложить деньги за бальзамирование, но Роб Джей покачал головой.

— Отец отцу всегда поможет, — сказал он.

А дождь все шел и шел. Это был настоящий потоп. В первые же несколько часов этот дикий ливень подтопил их насыпи, сделанные во время боев, и похоронил под водой нескольких тяжелораненых. Теперь он, казалось, немного утих, и доктор вернулся на поле боя, где искал раненых до самого заката. Он остановился лишь тогда, когда подоспели несколько парней помоложе и посильнее, которые принесли лампы и факелы, чтобы продолжить поиск; да и сам он к тому времени смертельно устал.

Санитарная комиссия разместила кухню в помещении склада почти в самом центре Геттисберга, и Роб Джей устремился туда, чтобы поужинать говяжьим супом — говядину он видел впервые за многие месяцы. Он опустошил три миски и съел шесть кусков белого хлеба.

После того как доктор поел, он сходил в пресвитерианскую церковь, где прошелся между импровизированных кроватей, пытаясь хоть чем-то помочь каждому из раненых — подать воды, утереть пот со лба. Каждый раз, когда он проходил мимо бойца из армии конфедератов, он задавал всем им один и тот же вопрос:

— Сынок, ты не встречал, часом, среди ваших двадцатитрехлетнего парня со светлыми волосами по имени Александр Коул, родом из Холден-Кроссинга, штат Иллинойс?

Но в ответ все только качали головой.

Перестрелка

Как только снова разразился ливень, генерал Роберт Ли собрал своих окровавленных бойцов и начал медленно отступать в Мэриленд. Первоочередная задача генерала Мида — не дать ему уйти. Но Потомакская армия тоже была сильно потрепана, в бою пострадало более двадцати трех тысяч солдат, включая около восьми тысяч погибших или пропавших без вести. Северяне были окрылены победой и могли передвигаться значительно быстрее, чем люди Ли, которых сильно обременял караван фургонов, перевозивший раненых и хвостом растянувшийся позади них миль на семнадцать. Но так же, как Хукер промедлил в Виргинии, теперь Мид упустил свою возможность в Пенсильвании, и снова без всяких на то причин.

— Где только мистер Линкольн находит таких генералов? — с отвращением ворчал Симондс. Но в то время, как эта задержка разочаровывала полковников, рядовые солдаты наконец получили возможность отдохнуть и поправить здоровье, а также написать письмоцо

родным и послать им тем самым долгожданную весточку о том, что они все еще живы.

Ордуэй отыскал Льюиса Робинсона в одном из полевых госпиталей при фермах. Ему ампутировали правую ступню, разрез пришелся четырьмя дюймами ниже колена. Он выглядел изможденным и бледным, но в остальном был вполне здоров. Роб Джей осмотрел культю и сообщил Робинсону, что рана хорошо заживает и что человек, который проводил эту операцию, хорошо знал свое дело. По правде говоря, Робинсон был рад тому, что теперь не мог принимать участия в боевых действиях — в его глазах читалось чувство облегчения, которое было настолько явственным, что казалось почти осязаемым. Роб Джей решил, что Робинсону было суждено получить ранение, потому что он этого очень сильно боялся. Он принес ему корнет, пару карандашей и бумагу и теперь пребывал в полной уверенности, что с парнем все будет в порядке, потому что сочинительством музыки или игрой на трубе он может заниматься и без одной ноги.

И Ордуэя, и Уилкокса повысили до звания сержанта. Очень многих тогда повысили, Симондс вписывал в полковое организационно-штатное расписание имена выживших, присуждая им звания тех, кто пал в бою. Сто тридцать первый индианский понес потери в размере восемнадцати процентов от общего количества солдат, что, по сравнению со многими другими полками, было не так много. Например, миннесотский полк потерял восемьдесят шесть процентов своих бойцов. По сути, этот полк и некоторые другие были попросту стерты с лица земли. Симондс и его штабные офицеры за несколько дней с легкостью набрали солдат из числа выживших из таких полков, после чего численность сто тридцать первого индианского составила семьсот семьдесят один человек. Немного смущаясь, полковник сообщил Робу Джею, что взял и полкового хирурга. Доктор Гарднер Копперсмит был капитаном одного из ранее распущенных пенсильванских отрядов, и теперь Симондс выхлопотал ему повышение. Выпускник Филадельфийской медицинской школы, имеет два года боевой практики.

— Я бы и тебя, не задумываясь, повысил до полкового, не будь ты из гражданских, — объяснял Симондс. — Но на это место может претендовать только военный. Ты ведь понимаешь, что майор Копперсмит будет твоим начальником, что теперь он будет заправлять всеми делами?

Роб Джей заверил полковника, что все отлично понимает.

Для Роба Джея эта война была сложной, ведь ее затеяла очень сложная нация. В газете он прочитал, что в Нью-Йорке имели место расовые беспорядки, возникшие в результате возмущений по поводу первого призыва на военную службу. Толпа в пятьдесят тысяч человек, преимущественно состоящая из ирландских католиков — представителей рабочего класса, подожгла призывной штаб, нью-йоркское издательство газеты «Трибюн» и приют для чернокожих сирот, в котором, к счастью, в тот день не было детей. Очевидно, они винили в развязывании войны негров, а потому толпились на улицах, избивая и обирая всех чернокожих, до которых сумели добраться. Убийства и линчевания негров происходили в течение нескольких дней, пока бунт наконец не подавили войска северян, которые только-только вернулись после сражения с южанами под Геттисбергом.

История подорвала боевой дух Роба Джея. Местные протестанты унижали и притесняли католиков и иммигрантов, католики и иммигранты презирали и убивали негров, как будто все слои населения упивались своей ненавистью, будто им жизненно необходима была эта подпитка в виде костного мозга кого-то, кто слабее их.

Когда Роб Джей собирался подавать на гражданство, он тщательно изучил Конституцию Соединенных Штатов Америки, и некоторые из изложенных в ней положений привели его в замешательство. Теперь-то он понимал, что те, кто составлял ее, предусмотрели слабость рода человеческого и неизбежное присутствие зла в этом мире, а потому решили придать свободе личности законный статус, к которому страна станет возвращаться снова и снова.

Он каждый раз недоумевал по поводу того, что же заставляет людей ненавидеть друг друга, и поэтому изучал Леннинга Ордуэя так, будто хромым сержант был жуком под его микроскопом. Если бы Ордуэй не источал ненависть ко всем и вся, не кипел от злости, как чайник, и если бы Роб Джей не знал, какое ужасное преступление, по сей день оставшееся безнаказанным, он совершил десяток лет тому назад в родных иллинойских лесах, то он, безусловно, счел бы Ордуэя одним из самых приятных молодых людей во всем полку. Теперь же он наблюдал, как этот санитар цветет и пахнет, очевидно, благодаря тому, что за время своей службы в армии Ордуэй достиг намного большего, чем за всю свою прежнюю жизнь.

Во всем лагере витал дух победы. Оркестр сто тридцать первого индианского полка воспевал решительность и отвагу, посещая одну больницу за другой и выступая перед ранеными. Новый трубист, конечно, был не настолько хорош, как Тед Бушман, но музыканты играли с гордостью, потому что доказали свою ценность в бою.

— Все самое худшее мы прошли вместе, — торжественно заявил Уилкоккс как-то ночью (когда слегка перепил), пытаясь сфокусировать свирепый, пьяный взгляд на Робе ДЖее. — Мы едва сбежали от лап смерти, ускользнули из Долины теней. Мы заглянули прямо в проклятые глаза этой ужасной твари. Мы слышали крики повстанцев и кричали в ответ.

Солдаты относились друг к другу с большой любовью. Сержанта Ордуэя, сержанта Уилкоккса и даже неряшливого капрала Перри уважали за то, что они отправили своих друзей-музыкантов на помощь раненым солдатам, чтобы те вынесли пострадавших с линии огня. Историю о двухдневном марафоне Роба ДЖея со скальпелем пересказывали в каждой палатке; все знали, что именно он заведует службой санитарной транспортировки в их полку. Все тепло улыбались при виде доктора, и никто не считал, что он занимает свое место не по праву.

Эта новая популярность среди однополчан несказанно радовала его. Один солдат из роты «Б» второй бригады, которого звали Лион, даже привел ему коня.

— Просто случайно нашел его, он бродил вдоль дороги без всадника, я тут же вспомнил о вас, док, — пояснил Лион, передавая ему поводья.

Это проявление привязанности одновременно смутило Роба ДЖея и воодушевило его. Настоящий мерин непонятного цвета, хоть и тощий настолько, что все кости торчат. Должно быть, принадлежал кому-то из убитых или раненых повстанцев, потому что и само животное, и седло на нем были помечены аббревиатурой КША ^[20]. Конь выглядел изможденным, глаза у него были пустыми, а его хвост и грива кишели блохами. Было похоже, что у него глисты. Но...

— Ничего себе боец, да он красавец! — воскликнул Роб Джей. — Не знаю, как тебя и благодарить.

— Думаю, сорока двух долларов будет достаточно, — предложил Лион.

Роб Джей рассмеялся — собственные наивные предположения о выражении признательности позабавили его даже больше, чем сама ситуация. По завершении торга лошадь досталась Робу ДЖею за четыре доллара и восемьдесят пять центов плюс обещание не выдавать мародера Лиона руководству.

Доктор хорошенько покормил животное, терпеливо выбрал блох из его хвоста и гривы, смыл с седла кровь, втер мазь в те места, где у коня была содрана кожа, и почистил ему шерсть. Даже после всех этих процедур конь по-прежнему выглядел жалко, поэтому Роб Джей окрестил его Красавчиком, лелея крошечные мечты о том, что такое имя принесет бедному животному хоть чуточку радости и чувства собственного достоинства.

Семнадцатого августа сто тридцать первый индианский полк вышел в сторону пенсильванской границы. Красавчик двигался, все так же понутив голову, но при этом его поступь была свободной и уверенной, что свидетельствовало о его привычке к долгим путешествиям. Даже если кто-то из однополчан доктора и не знал, куда именно они направляются теперь, все сомнения исчезли, когда дирижер оркестра Уоррен Фиттс подул в свисток, поднял голову и дирижерскую палочку и оркестр заиграл «Мэриленд, мой Мэриленд!».

Сто тридцать первый вновь переправился через реку Потомак на шесть недель позже, чем войска Ли, и почти на месяц позже передовых отрядов своей же армии. Они двигались на юг. Был уже конец лета, и мягкая, чарующая осень никак не могла догнать их, пока они не оказались в сердце Виргинии. Все они были битыми войной ветеранами, особо умелыми в борьбе с клещами, но большинство боевых действий разворачивались в это время на западном театре, поэтому для сто тридцать первого индианского настала временная передышка. Армия Ли вторглась в долину Шенандоа, где юнионисты проводили разведку; по их сообщениям, долина не слишком пострадала во время сражений, но количество поставок, естественно, сократится, при этом возникнет большой дефицит приличной обуви для солдат.

Небо Виргинии потемнело от осенних дождей, когда они добрались до реки Раппаханнок и нашли следы лагеря, в не столь отдаленном прошлом разбитого здесь конфедератами. Несмотря на возражения Роба Джей, они поставили палатки прямо на месте бывшего вражеского лагеря. Майор Копперсмит оказался образованным и знающим доктором, но ему было абсолютно наплевать на всех и вся, и он никогда не утруждался дежурить по уборке отхожего места. Также он не давал себе труда сообщать Робу Джей, что его смена дежурного хирурга подошла к концу, и не приглашал его ассистировать на сложные операции. Майору нравилось следовать своему собственному нездоровому призванию, одному проводить операции, за исключением тех дней, когда недомогал, что случалось весьма редко. И вообще он считал, что до тех пор, пока не случится такая же битва, как была при Геттисберге, он вполне управится с перевязками в медпункте и сам, с помощью кого-нибудь из военных.

Роб улыбнулся ему:

— Что же тогда останется мне?

Майор Копперсмит нахмурился и указательным пальцем пригладил себе усы.

— Что ж, вам бы я доверил санитаров-носильщиков, доктор Коул, — сказал он.

Так Роб Джей очутился в лапах монстра, которого сам же и сотворил, угодил в собственные сети. У него не было никакого желания присоединиться к санитарам, но раз уж они стали его основной работой, было бы глупо с его стороны думать, что достаточно будет отправлять группы носильщиков на поле боя и наблюдать за ними со стороны. Он сколотил собственный отряд, состоящий из двух музыкантов (нового трубача по имени Алан Джонсон и флейтиста, Люциуса Вагнера), а четвертым взял к себе капрала Амессу Декера, полкового почтальона. Команды носильщиков тут же приступили к работе. Он сказал новичкам то же,

что говорил когда-то первым пяти носильщикам (один из которых был убит, а другой — остался без ноги): помощь раненым представляет не большую опасность, чем какое-либо другое занятие на войне. Он убедил себя, что все будет хорошо, и поставил свой отряд носильщиков в общее расписание дежурств.

Сто тридцать первый полк вместе со многими другими войсками Потوماкской армии шел по следам конфедератов вдоль реки Раппаханнок в сторону ее крупнейшего притока, Рапидана, день за днем продвигаясь вперед по берегу реки у самой воды, на глади которой отражалось серое небо. Их войска превосходили армию Ли численно, неприятель не мог получать никаких поставок — они буквально наступали ему на пятки. В Виргинии не происходило ничего особенного до тех пор, пока Союз не потерпел поражения в боевых действиях на западном фронте. Силы Конфедерации под командованием генерала Бракстена Брэгга наголову разбили войска генерала Вильяма Розенкранса у ручья Чикамуга, неподалеку от города Чаттануга — более шестнадцати тысяч юнионистов пали в бою. Линкольн и его правительство созвали срочное заседание, где было принято решение отправить поездом два корпуса Хукера из Виргинии в Алабаму, чтобы те оказали поддержку войскам Розенкранса.

Как только армия Мида лишилась двух корпусов, Ли прекратил отступать. Он разделил свои войска надвое и попытался расколоть и армию Союза, направив своих людей на запад и на север — в сторону Манассаса и Вашингтона. Перестрелки начались снова.

Главной целью Мида было преградить Ли путь к Вашингтону, поэтому юнионистские войска отступили на пару миль в тот самый момент, как от сил Ли их отделяли всего сорок миль; и тут южане перешли в атаку, то тут, то там начали вспыхивать ожесточенные бои.

Роб Джей подметил, что каждый санитар-носильщик по-разному подходит к выполнению поставленной им задачи. Уилкокс мчался к пострадавшему с целеустремленностью собаки-ищейки, в то время как Ордуэй действовал с безрассудной отвагой, короткими перебежками, невзирая на свою хромоту, добирался, будто огромный, но быстрый краб, до раненого и бережно нес его, крепко держа носилки высоко над землей, силой мускулистых рук компенсируя свое увечье. У Роба Джея было несколько недель на то, чтобы продумать тактику действий своего отряда, прежде чем представилась возможность воплотить ее в жизнь. Он пытался продумать все возможные способы помощи пострадавшим при любых обстоятельствах. По ночам, при свете лампы в своей палатке он вычерчивал в дневнике схемы, с помощью которых просчитывал пути отступления для команды Уилкокса, разрабатывал план, в соответствии с которым трое уходили из-под града свинца, а четвертый прикрывался носилками, пробираясь на поле боя — все варианты выходили довольно слабыми. Он представлял, как Ордуэй возвращается, держа правый задний край носилок, и в то время, как лица остальных трех носильщиков выглядят напряженными и напуганными, тонкие губы Ордуэя складываются не то в улыбку, не то в гримасу, которую можно увидеть лишь на лицах тех, кто всю жизнь искал себя и наконец нашел свое призвание. Что будет делать Ордуэй, гадал Роб Джей, когда война закончится и он больше не сможет ухаживать за ранеными?

Роб Джей не продумывал тактику для своей собственной команды. Им еще не доводилось показывать себя в бою.

Впервые они приняли участие в битве седьмого ноября. Сто тридцать первый

индианский полк направили на другой берег Раппаханнока, в сторону местечка под названием Келлис-Форд. Полк перешел реку вброд утром и вскоре столкнулся с вражеским натиском; уже через десять минут санитары получили весть с поля боя о том, что появились первые раненые. Роб Джей и трое его помощников отправились на покос у реки, где полдюжины бойцов скрывались за увитой плющом каменной стеной, ведя перестрелку с неприятелем, прячущимся в лесу. По дороге к стене Роб Джей каждую секунду ожидал, что в его плоть вот-вот вонзится вражеская пуля. Даже воздух казался таким плотным, что его было практически невозможно вдохнуть. Казалось, будто Робу Джей приходится пробиваться через эту воздушную стену с помощью грубой физической силы, еле-еле передвигая ноги.

Одного из солдат ранило в плечо. Пуля застряла в теле, ее было необходимо извлечь, но только не здесь, не под обстрелом. Роб Джей достал из сумки перевязочный материал и наложил повязку на рану, убедившись, что кровотечение остановлено. Затем они погрузили солдата на носилки и быстрым шагом понесли его в безопасное место. Роб Джей отлично понимал, какой хорошей мишенью была его широкая спина — ведь он закрывал собой носилки. Он слышал каждый выстрел и звуки летящих мимо пуль, разрывающих высокую траву и тяжело падающих наземь прямо рядом с ними.

Амесса Декер, также несший задний край носилок, что-то прорычал.

— Ранили? — выкрикнул Роб Джей.

— Не.

С глухим топотом они уже почти бежали вместе со своей ношей, пока спустя целую вечность не оказались в естественном укрытии, где майор Копперсмит разместил медпункт.

Как только они передали своего пациента хирургу, то сразу упали на мягкую траву, будто рыба, которую вытащили из воды.

— Эти Минье жужжат, как пчелы, — сказал Люциус Вагнер.

— Я уж было думал, нам крышка, — отозвался Амесса Декер. — А вы, док?

— Я тоже испугался, но вдруг вспомнил, что у меня есть особая защита, — Роб Джей показал им свою индейскую сумку и рассказал, что ее особая зачарованная ткань защитит его от пуль, если верить обещанию знахарки племени сауков. Декер и Вагнер слушали его с серьезным видом, хоть Вагнер при этом едва заметно улыбался.

В тот день перестрелок больше почти не было. Обе стороны оказались в безвыходном положении; так продолжалось до самого заката, когда целых две юнионистских бригады переправились через реку и укрепили позиции сто тридцать первого всего за одну штыковую атаку, подобных которой Роб Джей не видел за всю войну. Пехота сто тридцать первого полка тоже взялась за штыки и присоединилась к сражению, и именно их неожиданное нападение и ярость позволили Союзу разгромить врага, в результате чего несколько тысяч конфедератов пали в бою или были взяты в плен. Потери в рядах юнионистских войск были незначительны, но Роб Джей и его отряд носильщиков ходили за ранеными еще шесть раз после наступления темноты. Трое солдат убедились, что доктор Коул и его индейская сумка сослужили им добрую службу, и когда они в седьмой раз вернулись в медпункт целыми и невредимыми, Роб Джей и сам уверовал в силу подарка индейцев так же сильно, как и они.

В ту ночь, уже после того, как они позаботились обо всех пострадавших, в палатке Гарднер Копперсмит наградил его сияющим взглядом.

— Великолепная штыковая атака, не так ли, Коул?

Он серьезно воспринял этот вопрос.

— Очередная бойня, — ответил он, валясь с ног от усталости.

Полковой хирург теперь посмотрел на него с отвращением:

— С таким отношением какого черта вы здесь делаете?

— Я здесь лишь потому, что нужен нашим пациентам, — ответил Роб Джей.

Тем не менее к концу года он решил, что пора ему уходить из сто тридцать первого индианского. Больше в его услугах здесь не нуждались; он пошел в армию, чтобы лечить солдат, а майор Копперсмит не позволял ему этого. Он понимал, что для такого опытного врача работа носильщика — это лишь пустой расход времени, нет смысла атеисту тратить жизнь на поиски мученичества или святости. Он собирался вернуться домой сразу, как истечет срок его контракта — в первую неделю 1864 года.

Канун Рождества был довольно странным праздником — одновременно грустным и трогательным. Прямо перед палатками отслужили службу. На одном берегу реки музыканты сто тридцать первого полка исполняли «*Adeste Fidelis*». Когда они доиграли, на дальнем берегу песней «*God rest ye merry, gentlemen*» отозвался оркестр конфедератов; музыка разливалась над темными водами, и мелодия плавно переросла в новую, «Тихую ночь» [\[21\]](#). Дирижер Фиттс взмахнул палочкой, и юнионистский оркестр заиграл вместе с конфедератами, солдаты обеих сторон запели в один голос. Им даже было видно огни, горящие во вражеских лагерях.

А ночь и вправду оказалась тихой — не было ни одного обстрела. Отужинать праздничной индейкой, конечно, не удалось, но и суп с чем-то похожим на ветчину, приготовленный армейским поваром, оказался очень даже вкусным; еще каждый солдат в полку получил по чарке виски в честь праздника. Возможно, это было ошибкой, потому как этот глоток спиртного только пробудил желание выпить еще. После концерта Роб Джей встретился с Уилкоксом и Ордуэем, которые на заплетающихся ногах шли с другой стороны реки, где прикончили бутылку дрянного пойла, купленного у маркитанта. Уилкоккс почти нес на себе Ордуэя, но и сам стоял на ногах не слишком твердо.

— Шел бы ты лучше спать, Абнер, — посоветовал ему Роб Джей. — А этого я до палатки доведу.

Уилкоккс кивнул и нетвердой походкой ушел прочь, но Роб Джей не сдержал своего обещания. Вместо этого он увел Ордуэя от палаток и усадил его на валун.

— Ленни, — обратился он к Ордуэю, — эй, парень. Нам нужно поговорить, наедине.

Ордуэй с трудом разглядел доктора, его глаза уже закрывались, так сильно он напился.

— ...с Рождеством, док.

— И тебя с Рождеством, Ленни. Давай-ка поговорим об Ордене звездно-полосатого флага, — предложил Роб Джей.

Итак, он решил, что виски станет ключом ко всему, что знал Леннинг Ордуэй.

Третьего января, когда полковник Симондс пришел к нему, чтобы заключить новый контракт, он увидел, как Ордуэй складывает в свой рюкзак свежие повязки и таблетки морфия. Роб Джей замешкался лишь на миг, он не сводил глаз с Ордуэя. Затем нацарапал свою роспись, продлив тем самым контракт еще на три месяца.

Роб Джей решил, что вел себя крайне осторожно и разумно, когда расспрашивал напившегося Ордуэя тогда, в канун Рождества. То, что он узнал, лишь подтвердило его представления об этом человеке и об Ордене звездно-полосатого флага.

Расположившись у палатки почтальона с дневником на коленях, он написал в нем следующее:

Леннинг Ордуэй начал посещать собрания Американской партии в Винсенсе, штат Индиана, «за пять лет до того, как получил право голоса».

(Он спросил, в каком городе я присоединился к партии, я ответил, что в Бостоне.)

На собрания его водил отец, «потому что он хотел, чтобы я вырос достойным гражданином». Его отца звали Натаниэлем Ордуэем, он мастерил и продавал метлы, его товар пользовался немалым спросом. Эти собрания проводились над таверной, на втором этаже. Они миновали таверну и подходили к черному ходу. Его отец произносил пароль. Он помнит, как его отец страшно гордился, когда «страж Врат» (!) рассматривал их через маленькое окошко, а затем впускал внутрь, «потому что мы — хорошие люди».

Где-то около года, когда его отец напивался или ему просто нездоровилось, Леннинг ходил на эти собрания один. Когда Натаниэль Ордуэй умер («от пойки и плеврита»), Леннинг отправился в Чикаго и нашел там работу в салуне, что стоял неподалеку от сортировочной станции на Галена-стрит, где кухня его отца торговала виски. Он прибирал блевотину за пьяницами, каждое утро посыпал пол свежими опилками, вымывал высокие зеркала, натирал бронзовые перила — делал все, что от него требовали.

Естественно, что в Чикаго он начал жизнь с чистого листа — отношений с семьей он не поддерживал, преданные сторонники Американской партии были ему гораздо ближе, чем кухня отца. Партия выдвигала кандидатами только государственных чиновников, которые предпочитали нанимать уроженцев Америки, а не всяких иммигрантов. Несмотря на его хромоту (из разговора с ним и собственных наблюдений, мне кажется, он родился с недостаточно глубокой вертлужной впадиной), однопартийцы знали, что могут обратиться к нему всегда, когда им нужен кто-то достаточно молодой для того, чтобы ответственно подходить к выполнению важных поручений, и достаточно взрослый для того, чтобы держать рот на замке.

Он был невероятно горд собой в те годы — ведь уже через пару лет, когда ему исполнилось семнадцать, его приняли в тайный Орден звездно-полосатого флага. Он признался, что орден давал ему надежду, потому что он знал, что бедному хромоту юноше, родившемуся в Америке, нужны все связи этой могущественной организации, если он хотел добиться чего-то, учитывая, что «приезжие римские католики готовы взяться за любую работу в Америке почти бесплатно».

Орден «делал то, чего партия сделать не могла». Когда я спросил Ордуэя, что делал для ордена он сам, тот ответил: «То да се. Много путешествовал, бывал то тут, то там».

Я спросил, встречал ли он когда-нибудь человека по имени Хэнк Кофф, и тот удивился: «Конечно, я его знаю. И ты тоже, док? Ну надо же. Конечно. Хэнк!»

Я спросил, где он сейчас, и Ордуэй посмотрел на меня непонимающим взглядом: «В армии, где ж еще!»

Но когда я спросил, как они связаны с Хэнком, он сначала коснулся указательным

пальцем века, а затем — кончика носа. И свалился наземь — на этом наше интервью и закончилось.

На следующее утро Ордуэй вел себя так, будто не помнит ночных расспросов. Роб Джей на всякий случай держался от него подальше пару дней. Прошло несколько недель, прежде чем ему представилась другая возможность расспросить Леннинга, потому что в праздничные дни у маркитантов закончились запасы виски, и эти выходцы с севера, путешествовавшие вместе с юнионистскими войсками, теперь боялись закупать выпивку в Виргинии, опасаясь, что она может быть отравлена.

Но у нештатного хирурга-ассистента были некоторые запасы виски, поставляемые правительством для медицинского использования. Роб Джей отдал одну бутылку Уилкоксу, зная, что тот непременно поделится с Деннингом. Той ночью он ждал, наблюдая за ними, и когда те, в конце концов, вернулись (Уилкокс навеселе, а Ордуэй — какой-то мрачный), он пожелал первому спокойной ночи и снова взялся за Ордуэя. Они уселись на те же валуны, подальше от палаток.

— Ну, Ленни, — сказал Роб Джей, — нам нужно еще поговорить.

— О чем, док?

— Когда ты виделся с Элвудом Паттерсоном?

Взгляд мужчины стал холодным как лед.

— Кто ты такой? — спросил Ордуэй абсолютно трезвым голосом.

Роб Джей был готов рассказать ему чистую правду. Он слишком долго этого ждал.

— А как ты сам думаешь?

— Думаю, что ты, чертов католик, шпионишь за мной, задаешь все эти вопросы.

— У меня осталось еще много вопросов. Например, об индианке, которую ты убил.

— Какой еще индианке? — спросил Ордуэй с непритворным ужасом.

— Скольких индианок ты убил? Ты знаешь, откуда я, Ленни?

— Ты же говорил, что из Бостона, — упавшим голосом ответил Ордуэй.

— Это было очень давно. На самом деле долгие годы я жил в Иллинойсе. В маленьком городке Холден-Кроссинг.

Ордуэй молча посмотрел на него.

— Так вот, о той индианке, которую ты убил, Ленни. Она была моим другом, работала на меня. Ее звали Маква-иква, если вдруг ты не знал. Ее изнасиловали и убили в моих лесах, на моей собственной ферме.

— Индианка? Господи. Убирайся отсюда, ты — сумасшедший, я и понятия не имею, о чем ты говоришь. Если ты не дурак — если жить вообще хочешь, ты, хренов шпионский ублюдок — забудь все, что, как ты думаешь, тебе известно об Элвуде Паттерсоне, — прошипел Ордуэй. Обойдя Роба Джея, он, пошатываясь, скрылся в темноте так быстро, будто шел под обстрелом.

Роб Джей незаметно приглядывал за ним весь следующий день. Он видел, как Ордуэй натаскивает свой отряд носильщиков, проверяет содержимое их рюкзаков, слышал, как он учит их экономно расходовать таблетки морфия до получения новых поставок, потому что полковые запасы были уже почти на исходе. Он не мог не признать, что Леннинг Ордуэй стал хорошим и полезным сержантом медицинского корпуса.

Днем он увидел, что Ордуэй в своей палатке трудится над какой-то бумагой с

карандашом в руке. Это заняло у него не один час.

После отбоя Ордуэй понес к палатке почтальона конверт.

Роб Джей выждал немного, а затем тоже пошел к почтальону.

— Я утром нашел маркитанта, у которого есть немного настоящего сыра, — сказал он Амессе Декеру. — Я и тебе добрый кусок этого сыра оставил, он в твоей палатке.

— Спасибо, док, вы очень добры, — радостно поблагодарил Декер.

— Я ведь должен заботиться о своих санитарах, правда? Давай-ка лучше съешь его поскорее, пока кто-то другой его не нашел. А я поиграю в почтальона, пока ты не вернешься.

Вот так легко удалось добиться своего. Сразу после ухода Декера Роб Джей нашел ящик с письмами к отправке. Всего за пару минут он выудил нужный ему конверт и сунул его в свою сумку.

Укрывшись в своей палатке, он вынул письмо из сумки и распечатал его. Оно было адресовано Дэвиду Гуднау, *Брайтон-стрит, 237, Чикаго, штат Иллинойс.*

Увожаемый мистер Гуднау, пишет вам Леннинг Ордуэй. Помните, из 131 индеанского. Тут мущина, задает многа вапросов. Дохтор, завут Робирт Кол. Спрашивает про Генри. Гаварит странно, я слижу за ним. Спрашивает про Ельвуда Патсона. Сказал, мы снасильничали и убили ту индейскую девку, тада, в Илноисе. Магу пазаботица о нем, есть многа способов. Но я думаю галавой, решил сказать вам про него, шоб вы узнали, откуда он узнал. Я ужсо сержант. Када война законница, вернуса в орден. Леннинг Ордуэй.

Переправа через Раппаханнок

Роба Джея все мучила мысль о том, что в разгаре войны, где у каждого при себе полно оружия и где убийство — обычное дело, для опытного убийцы действительно найдется множество способов и представится уйма возможностей «пазаботица» о нем.

Четыре дня он оглядывался на каждый шорох за спиной, и пять ночей он позволял себе лишь забыться в дреме на пару минут или не спал вообще.

Он лежал в своей палатке без сна и гадал, как именно Ордуэй совершит покушение. Учитывая должность и темперамент Ордуэя, он наверняка решил выждать момент, когда оба они окажутся в какой-нибудь ожесточенной перестрелке, где пули будут свистеть без умолку. С другой стороны, доктор и понятия не имел, насколько хорош Ордуэй в бою на ножах. Если Роба Джея найдут заколотым или с перерезанным горлом утром, после длинной темной ночи, когда каждый дозорный видит в любой безобидной тени лазутчика-конфедерата, вряд ли кто-то удивится или станет проводить расследование.

Ситуация разрешилась девятнадцатого января, когда роту «Б» второй бригады отправили на другой берег Раппаханнок, чтобы те быстро разведали обстановку, а затем так же быстро отступили. Но все вышло совсем не так.

Рота, состоящая из легкой пехоты, столкнулась с конфедератами в полной боевой готовности там, где их не должно было быть. Под шквальным огнем врага они оказались

абсолютно беззащитны. Полностью повторилась ситуация, в которой оказался целый полк несколькими неделями раньше, отправленный на другую сторону реки в качестве подкрепления. Но теперь вместо семисот солдат со штыками наготове в засаду попала легковооруженная рота. Вся Потомакская армия не сумела оказать ей поддержку.

Сто семь бойцов приняли бой. После того как стемнело, они смогли отступить к реке и добраться до лагеря, неся за собой четырех убитых и семерых раненых. И первым, кого внесли в полевой госпиталь, был Леннинг Ордуэй.

Санитар из отряда Ордуэя сообщил, что его ранили незадолго до наступления темноты. Он как раз лез в карман мундира за завернутым в бумагу черствым печеньем и кусочком поджаренной свинины, которые припас для себя во время завтрака, как вдруг две пули Минье вонзились в его плоть.

Одна из пуль разорвала ему стенку брюшной полости, и теперь оттуда вываливались сероватые кишки. Роб Джей начал заталкивать их обратно, надеясь на то, что сможет закрыть рану, но мимоходом заметил еще несколько повреждений и понял, что не сумеет спасти жизнь Ордуэя.

Вторая рана была проникающей, пуля нанесла слишком много внутренних повреждений — пострадал кишечник или желудок, возможно — и то и другое. Он знал, что если вскроет пациенту живот, то обнаружит обширное кровотечение в брюшной полости. Изможденное лицо Ордуэя было белым, как стена.

— Я могу что-то сделать для тебя, Ленни? — мягко спросил он.

Губы Ордуэя зашевелились. Бойцы посмотрели друг другу в глаза, и Роб Джей увидел на лице своего пациента спокойствие, уже виденное им у пациентов, которые знали, что им не выжить.

— Воды, — попросил он.

Вода была худшим, что можно было дать человеку с пулевыми ранениями, но Роб Джей понимал, что это уже не важно. Он достал две таблетки опиума из сумки и дал их Ордуэю вместе с большим количеством воды. Ордуэя почти сразу вырвало кровью.

— Мне позвать священника? — спросил Роб Джей; он хотел сделать все правильно. Но Ордуэй не ответил, просто продолжал смотреть на него.

— А может, ты хочешь рассказать мне, что именно случилось тогда с Маквой-иквой в тот день в лесу? Или расскажешь еще что-то... хотя бы что-то.

— Ты... в ад, — выдавил из себя Ордуэй.

Роб Джей не считал, что когда-нибудь отправится в ад. Он не верил и в то, что туда попадет Ордуэй или кто бы то ни было, но для споров время было неподходящее.

— Мне показалось, что тебе станет легче, если ты выговоришься сейчас. Если, конечно, тебе есть что рассказать.

Ордуэй закрыл глаза, и Роб Джей понял, что должен оставить его в покое.

Он всегда ненавидел себя, когда не мог спасти кого-то, но особенно тяжело он переносил сейчас смерть человека, который собирался убить его, потому что только этому человеку было известно то, что он пытался узнать в течение долгих лет; а когда мозг человека гаснет, как выключенная лампа, вся информация, известная ему, стирается.

Несмотря ни на что, смерть этого странного, сложного молодого человека, угодившего в беспощадные жернова войны, задела его за живое. Роб всей душой хотел увидеть сейчас другого Ордуэя, который бы вернулся к матери целым и невредимым, получил хоть какое-то

образование, познал не голод, а заботу. Он понимал, что все эти мечты тщетны, но, глядя на неподвижное тело, лежащее перед ним, все равно видел в нем именно того, другого Ордуэя.

Роб отвлекся ненадолго, чтобы дать эфирный наркоз одному парню, пока Гарднер Копперсмит ловко вытаскивал из его мясистой ягодицы пулю. Затем он вновь вернулся к Ордуэю, забинтовал ему челюсть, положил на веки пару монет и уложил его на пол рядом с остальными четырьмя погибшими, которых принесли с поля боя солдаты роты «Б».

Круг замкнулся

Двенадцатого февраля 1864 года Роб Джей сделал в своем дневнике следующую запись:
В моей жизни оставили след две реки — величественная Миссисипи и скромная Рок. Это было там — дома. И вот теперь здесь, в Виргинии, я также близко познакомился с парой таких же разных рек, как Раппаханнок и Рапидан.

На их берегах неустанно проливалась кровь. Весь февраль и март небольшие отряды пехоты и кавалерии от Потомакской армии и от армии северной Виргинии ходили в разведку на вражеский берег Рапидана, где неизбежно сталкивались друг с другом. Так же привычно, как в былые времена я переправлялся через Рок, чтобы проведать захворавшего соседа или принять роды, теперь я повсюду сопровождаю переправляющиеся через Рапидан отряды бойцов, сидя на спине Красавчика, топя в сапогах по мелкому броду, переплывая глубокие воды в лодке или на плоту.

Этой зимой не было ни одной серьезной битвы, в которой солдаты гибли бы тысячами, но я уже перестал видеть разницу между дюжиной погибших и одним. В одном погибшем солдате есть что-то бесконечно трагичное, чего не чувствуется при виде целого поля, укрытого трупами. Я каким-то непостижимым образом научился не замечать погибших и здоровых на поле боя, теперь я вижу лишь раненых — чертовых неосторожных, статных молодых дураков, которые попали под огонь других таких же точно чертовых молодых дураков, оказавшихся более удачливыми...

Солдаты обеих армий наловчились прикалывать булавками к своей одежде клочки бумаги, на которых значились их имена и адреса, в надежде на то, что их близким сообщат, если они падут в бою. Но ни Роб Джей, ни остальная троица носильщиков не стали вешать на себя таких ярлыков. Они не задумываясь, бесстрашно выходили на поле боя, потому что Амесса Декер, Алан Джонсон и Люциус Вагнер были убеждены, что целительная сила Маква-иквы защитит их, а сам Роб Джей также заразился их непоколебимой уверенностью.

Казалось, будто его индейская сумка и правда заставляет пули обходить их стороной, делая тела неуязвимыми.

Иногда казалось, будто война всегда была и будет продолжаться вечно. Но все же Роб Джей замечал кое-какие перемены. Однажды он прочел в зачитанной до дыр газете «Балтимор Американ», что все белые мужчины Юга в возрасте от семнадцати до пятидесяти призываются на службу в армии Конфедерации. Это означало, что, если солдат-конфедерат выходил из строя, ему более не могли найти замены, а значит, армия будет неизбежно

уменьшаться. Роб Джей своими глазами видел, что на убитых или пленных солдатах Конфедерации была только изорванная униформа и жалкое подобие обуви. Его не покидали мысли о том, жив ли Алекс, накормлен ли, одет ли, обут ли. Полковник Симондс объявил, что скоро сто тридцать первый индианский получит партию скорострельных карабинов Шарпса с полными магазинами. И это лишний раз доказывало, чем закончится эта война. Война, в которой северяне получают корабли, улучшенное оружие, амуницию, а войска Юга держатся лишь благодаря несломленной силе духа, несмотря на дефицит ресурсов.

Вся проблема заключалась в том, что конфедераты, казалось, не понимают своего ужасно невыгодного положения в плане материального обеспечения и продолжают бороться настолько яростно, что война закончится явно нескоро.

Однажды в конце февраля четверых санитаров вызвали к капитану Тэнни, командиру роты «А» первой бригады, который стоически курил сигару, лежа на поле боя с пулей в голени. Роб Джей тут же понял, что накладывать шину смысла нет, потому что были перебиты большая и малая берцовая кости, а следовательно, оставалось лишь ампутировать ногу где-то посередине голени. Когда он потянулся было к сумке за перевязочным материалом, то внезапно обнаружил, что ее нет на месте.

Его слегка замутило, когда он совершенно точно вспомнил, где оставил ее — она лежала на траве возле полевого госпиталя.

И остальным членам его отряда это также было отлично известно.

Он снял со штанов Алана Джонсона кожаный ремень и закрепил его на ноге раненого как жгут; затем они погрузили капитана на носилки и понесли его прочь, не чуя под собой ног.

— Господи милостивый, — приговаривал Люциус Вагнер. Он всегда говорил эти слова умоляющим тоном, когда был сильно напуган. Сейчас он шептал и шептал их так долго, что остальных это начало раздражать, но никто не стал жаловаться или просить его замолчать — все были в ожидании того, что в их спинах, столь внезапно и бесповоротно оставшихся без привычной магической защиты, болью отзовутся пули.

Этот поход показался им еще более долгим и мучительным, чем самый первый в их жизни. Они слышали залпы выстрелов, но с ними ничего не происходило. В конце концов они вбежали в госпиталь, передали пациента Копперсмиту. Затем Амесса Декер поднял с травы сумку и вручил ее доктору.

— Наденьте ее сейчас же, — сказал он, и Роб Джей тут же выполнил его просьбу.

Испытав невероятное облегчение, трое носильщиков угрюмо посоветовались и договорились каждое утро первым делом проверять, надел ли нештатный хирург-ассистент свою санитарную сумку.

Двумя днями позже Роб Джей уже по-настоящему радовался, что при нем его волшебная сумка. Произошло это примерно в полумиле от того места, где Рапидан впадал в главную реку. Авангард сто тридцать первого индианского вышел из-за поворота и буквально лоб в лоб столкнулся с бригадой солдат в серой униформе.

Бойцы обеих сторон тут же открыли огонь с ближней дистанции. Воздух наполнился проклятиями, криками, залпами мушкетов, воплями раненых. Времени на перезарядку больше не оставалось, поэтому первые ряды солдат схлестнулись врукопашную: офицеры схватились за сабли, рядовые использовали ружья в качестве дубинок, в ход пошли кулаки,

ногти, зубы.

По одну сторону дороги рос дубовый лес, а по другую простиралось вспаханное унавоженное поле, которое казалось мягким, как бархат. От обеих армий отделилось по несколько человек и укрылось в придорожном лесу. Основные силы, поспешно разворачиваясь на покрытом навозом поле, пошли на сближение.

Обычно отряд санитаров пережидал перестрелку в тылу. Но в суматохе рукопашной схватки Роб Джей растерялся и оказался в гуще кровавой бойни, пытаясь сладить со своим обезумевшим от ужаса конем. Мерин встал на дыбы и вдруг начал заваливаться на своего хозяина. Роб Джей успел вовремя отскочить. Лошадь же лежала на земле, подергиваясь в конвульсиях и брыкаясь. В горле Красавчика зияло пулевое отверстие. Кровотечения не было, но две красные струйки вытекали из ноздрей коня, когда он пытался дышать, продолжая биться в агонии.

У Роба Джея в сумке был шприц для подкожных впрыскиваний с бронзовой иглой и морфин, но обезболивающие все еще были в дефиците и их нельзя было переводить на лошадей. В тридцати футах лежал мертвый лейтенант из конфедератов. Доктор подбежал к нему и выхватил из его кобуры тяжелый черный револьвер. Затем он вернулся к своему неказистому коню, вложил дуло в ухо Красавчика и нажал на курок.

Не успел он сделать и дюжины шагов, как его левую руку у самого плеча пронзила невыносимая боль, будто гигантская пчела ужалила. Роб сделал еще три шага, после чего темно-коричневая покрытая перегноем земля резко приблизилась к нему, чтобы принять в свои объятия. Он все еще был способен ясно мыслить. Он понимал, что упал в обморок и к нему совсем скоро вернуться силы, поэтому просто лежал и с восторгом художника рассматривал золотистое солнце на фоне алого зарева. Все звуки вокруг него стали неясными, будто кто-то накрыл одеялом весь остальной мир. Роб не знал, сколько пролежал вот так на земле. Он понял, что теряет много крови, и сумел наощупь достать несколько повязок из санитарной сумки, чтобы плотно закрыть ими рану и остановить кровотечение. Посмотрев вниз, он увидел кровь на своей индейской сумке и не смог не оценить эту иронию судьбы, так что вскоре он уже смеялся во весь голос, словно атеист, который попытался сотворить себе бога из старой сумки с перьями и пары ремней обработанной кожи.

В конце концов, прибыл отряд Уилкокса, который и вынес его с поля боя. Сержант — страшный, как Красавчик, с глазами, исполненными любви и сострадания — нашептывал все те успокаивающие бессмысленные слова, которые сам Роб Джей тысячу раз говорил своим пациентам, пытаясь поддержать их. Южане, увидев, что противник в несколько раз превосходит их числом, отступили. Поле было усеяно погибшими, лошадьми, разбитыми фургонами и оружием. Уилкокс мрачно заметил, что у фермера уйдет чертова уйма времени на то, чтобы снова вернуть этому полю изначальный ухоженный вид.

Роб знал: ему повезло, что эта рана не смертельная. Но все же она не была безобидной царапиной. Пуля не раздробила кость, но пострадали ткань и мышцы. Копперсмит частично зашил рану и бережно ее перевязал, будто получая немалое удовольствие от того, что оказывает Робу услугу.

Роба Джея вместе с тридцатью шестью остальными ранеными забрали в местную больницу во Фредериксбурге, где он провел десять дней. Больница располагалась в бывшем помещении склада, что было заметно, хоть там было так чисто, насколько это вообще

возможно. Дежурный офицер медицинского корпуса, майор по фамилии Спэрроу, который работал до войны в Хартфорде, штат Коннектикут, оказался довольно милым парнем. Роб Джей вспомнил об экспериментах доктора Мильтона Акерсона с соляной кислотой, которые тот проводил в Иллинойсе. Доктор Спэрроу разрешил ему изредка промывать собственную рану слабым раствором соляной кислоты. Рану сильно жгло, но она прекрасно заживала. Кислота останавливала распространение инфекции, и они решили, что было бы неплохо попробовать новое лечение и на других пациентах. Роб Джей уже мог шевелить пальцами и сгибать руку в локте, но движение причиняло ему боль. Он согласился с доктором Спэрроу, что слишком рано еще говорить о том, что силы вернулись к нему и что раненая рука уже полностью восстановилась.

Полковник Симондс пришел проведать его через неделю после того, как его привезли в больницу.

— Отправляйтесь домой, доктор Коул. Когда вы выздоровеете, то можете вернуться к нам, если, конечно, сами того захотите, — сказал ему он, хотя оба они понимали, что доктор уже не вернется. Симондс от души поблагодарил Роба Джей за все.

— Если я останусь в живых и в один прекрасный день судьба заведет вас в Форт-Уэйн, что в штате Индиана, заходите в гости на фабрику Симондса по производству ламп и светильников. Мы с вами вкусно отобедаем, хорошенько выпьем и вспомним былые времена, — предложил он. Сослуживцы крепко пожали друг другу руки, после чего молодой полковник ушел.

На дорогу домой у Роба Джей ушло три с половиной дня. Роб начал свой путь с железной дороги «Балтимор-Огайо», впоследствии сделав пять пересадок. Все поезда давно выбились из графика. Вагоны были грязными и переполненными пассажирами. Иногда несколько остановок приходилось проезжать стоя. Его руку все еще поддерживала перевязь, но, по сути, он был обычным гражданским средних лет. В Кантоне, штат Огайо, Роб полдня прождал своего поезда. В вагоне ему досталось место рядом с барабанщиком по фамилии Харрисон, который работал на крупную фирму маркитантов, поставляющую армии сухие чернила. Попугчик убеждал его, что ему доводилось несколько раз слышать отзвуки перестрелки. Он без устали травил невероятные военные байки, искусно уснащая их именами ключевых военных и политических особ, но Роб Джей не стал вступать с ним в спор, потому что под эти истории время летело быстрее.

В раскаленных, переполненных людьми вагонах не было воды. Как и все остальные, Роб Джей уже выпил то, что было в его фляге, и теперь изнывал от жажды. Наконец поезд сделал остановку недалеко от армейского лагеря, расположенного вблизи Мариона, штат Огайо, чтобы дозаправиться и набрать воды из небольшого ручейка. Пассажиры вышли из вагонов, чтобы тоже запастись водой.

Роб Джей вышел на свежий воздух. Как только он присел у ручья, чтобы наполнить флягу, что-то на другом берегу реки привлекло его внимание, и он испытал отвращение, увидев, что именно это было. Он подошел поближе и убедился в своей правоте — оказалось, что кто-то замочил в ручье окровавленные использованные повязки и прочие лечебные мелочи. Пройдя вниз по ручью, Роб нашел еще несколько таких «сюрпризов», поэтому ему пришлось закрыть свою флягу и посоветовать другим пассажирам сделать то же самое.

Кондуктор сказал, что воды можно будет набрать на следующей остановке, в Лиме. Роб вернулся на свое место. К тому времени, как поезд тронулся, он уже успел задремать, а когда

проснулся, оказалось, что поезд только что проехал Лиму.

— А я хотел воды там набрать, — сердито сказал он.

— Не о чем беспокоиться, я водой хорошенько запасся, — отозвался Харрисон и протянул ему свою флягу, из которой Роб Джей с удовольствием напился.

— Много людей вышли за водой в Лиме? — спросил он, возвращая флягу.

— Я сам в Лиме и не выходил — набрал воды еще в Марионе, где мы останавливались для дозаправки, — пожал плечами торговец.

Мужчина побледнел, когда Роб Джей рассказал ему, что видел в ручье в Марионе.

— Это что же, мы теперь заболеем?

— Сложно сказать.

После битвы при Геттисберге Робу Джей довелось увидеть, как целая рота без особых последствий четыре дня пила из колодца, в котором, как позже выяснилось, разлагались трупы двух конфедератов. Он пожал плечами:

— Не удивлюсь, если на нас обоих в ближайшие дни нападёт понос.

— А мы можем что-то с этим сделать?

— Думаю, виски мог бы помочь, если бы он у нас был.

— Предоставь это мне, — сказал Харрисон и отправился на поиски кондуктора. Когда он вернулся (можно было не сомневаться, что кошелек его после этого похода существенно опустел), в руках у него была большая бутылка, наполненная виски больше, чем наполовину.

— Напиток довольно крепкий, так что вполне годится для дезинфекции, — прокомментировал Роб Джей, сделав первый глоток. К тому времени, как они нетвердой походкой вышли в Саут-Бенде, штат Индиана, где их пути расходились, они стали чуть ли не лучшими друзьями и тепло пожали друг другу руки на прощание. Роб уже успел доехать до Гэри, как вдруг осознал, что так и не спросил Харрисона, как его зовут.

В Рок-Айленде его встретили свежесть раннего утра и ветерок, дующий со стороны реки. Он с облегчением вышел из поезда и направился в город, неся чемодан в здоровой руке. Он собирался нанять лошадь с двуколкой, но тут нос к носу столкнулся с Джорджем Клайберном. Поставщик продовольствия пожал ему руку, похлопал по спине и настоял на том, чтобы Роб отправился в Холден-Кроссинг в его коляске.

Когда Роб Джей переступил порог своей фермы, Сара как раз сидела за столом и завтракала яичницей и вчерашней выпечкой; она молча смотрела на него и вдруг расплакалась. Они обнялись.

— Тебя сильно ранили?

Он уверил ее, что ранение было несерьезным.

— Ты совсем отошел.

Она сказала, что сейчас приготовит ему что-нибудь на завтрак, но он отказался, пообещав, что поест потом. Он начал целовать ее, торопился, как юнец, хотел взять ее прямо на столе или на полу, но она сказала, что до кровати идти совсем недолго, и он, не выпуская ее из объятий, последовал за ней вверх. В спальне ему пришлось подождать, пока она избавится от всей одежды.

— Мне бы нужно хорошенько искупаться, — сказал он нервно, на что она ответила, что искупаться он может тоже потом. Все эти годы, вся его нечеловеческая усталость, боль от ранения — все осталось в стороне, вместе с одеждой. Они целовали и глядели друг на друга

даже более жадно, чем в свою первую ночь, которую они провели в конюшне на ферме в Грейт-Эвейкенинг сразу после того, как поженились — ведь теперь они знали, чего им так не хватало. Пальцы его здоровой руки не могли оторваться от ее тела. В конце концов, ноги перестали держать ее, а он содрогнулся от боли, подхватив жену на руки. Она решительно посмотрела на его рану, поправила перевязь ему на руке, уложила его на кровать и сделала все сама. Пока они занимались любовью, Роб Джей несколько раз громко застонал, но лишь однажды — от боли.

Он был рад не только возвращению к жене, но также и тому, что может снова покормить лошадей в конюшне сушеными яблоками, удивляясь, что они не успели его забыть; навестить Олдена и увидеть искреннюю радость на лице старика; прогуляться по Короткой тропе через лес к речке, чтобы выкорчевать сорняки на могиле Маквы. Роб наслаждался тем, что может просто сидеть, прислонившись спиной к дереву там, где когда-то был *гедоносо-те*, и смотреть на мерное течение воды, при этом зная, что никто не выскочит из лесу на том берегу реки, крича, как животное, и не станет стрелять в него.

Ближе к вечеру они с Сарой отправились по Длинной тропе к Гайгерам. Лилиан тоже расплакалась, увидев Роба, и поцеловала его в губы. Она рассказала, что Джейсон был жив и здоров, судя по последней весточке от него, и что он служит в большой больнице недалеко от реки Джеймс.

— Я ведь был совсем близко от этого места, — сказал Роб Джей. — Всего в паре часов пути.

Лилиан кивнула.

— На все воля Божья, надеюсь, скоро и он вернется домой, — сказала она сухо, не сводя глаз с руки Роба Джея.

Сара отказалась оставаться у нее на ужин, она хотела провести время с мужем наедине.

Она смогла побыть с ним наедине всего два дня. По городу пронеслась весть, что он вернулся, и, начиная с раннего утра третьего дня, к ним начали приходить люди: кто просто поздравить его с возвращением домой, а кто — по делу, спросить, что делать с фурункулом на ноге или болью в желудке, которая никак не проходит. Сара была вынуждена сдаться. Олден оседлал для него Босса, и Роб Джей отправился в шесть домов, чтобы навестить своих прежних пациентов.

Тобиас Барр открывал двери своей лечебницы для жителей Холден-Кроссинга почти каждую среду, но люди все равно приходили туда лишь в случае крайней нужды, потому Роб Джей выявил те же самые проблемы, которые встретились ему, когда он только переехал в Холден-Кроссинг: запущенные грыжи, гнилые зубы, хронический кашель. Заехав к Шрёдерам, он выразил радость по тому поводу, что Густав больше не лишается пальцев во время работы на ферме, и это на самом деле было так, хоть он и представил это в виде шутки. Альма угостила его цикориевым кофе и мандельбротом [\[22\]](#), а также посвятила во все местные новости, и некоторые из них его несказанно расстроили. Ганс Грюбер был найден мертвым на пшеничном поле в августе прошлого года.

— Думаю, это из-за сердца, — предположил Гус.

А Сьюзи Гилберт, которая всегда приглашала Роба Джея задержаться ненадолго и отведать жирных картофельных оладий, умерла во время родов месяц назад.

В городе появились и новые жители — несколько семей, приехавших из Новой Англии и штата Нью-Йорк. Еще три семьи были католиками, только прибывшими из Ирландии.

— Ваше по-нашему не грят, — сообщил Гус, и Роб Джей не сумел скрыть улыбку.

Во второй половине дня он добрался до монастыря Святого Франциска Ассизского, у которого паслось внушительное стадо коз.

Мириам Фероция приветствовала его сияющей улыбкой. Он присел в кресло епископа и поведал ей обо всем, что с ним произошло за это время. Она с интересом слушала его рассказ о Леннинге Ордуэе и его письме преподобному Дэвиду Гуднау из Чикаго.

Она попросила разрешения переписать с конверта имя и адрес Гуднау.

— Кое-кому будет очень интересно узнать об этом, — объяснила она.

В свою очередь, она рассказала ему о том, что происходило в ее мире. Монастырь процветал. К ним присоединились три новых монахини и несколько послушниц. Люди стали приходить в монастырь на воскресные службы. Если поселенцы будут и дальше прибывать такими темпами, скоро при монастыре построят католическую церковь.

Он догадывался, что она ждала его прихода, потому что почти сразу сестра Мария Селестина принесла ему свежее испеченных хлебцев и ломоть хорошего козьего сыра. А еще — настоящий кофе с жирным козьим молоком, который он впервые попробовал больше года назад.

— Откормленный телец [\[23\]](#), преподобная матушка, правильно?

— Я очень рада твоему возвращению, — ответила она.

С каждым днем он чувствовал себя все лучше. Он не особо перетруждался, спал допоздна, с удовольствием вкусно кушал, гулял по своим угольям. Ближе к вечеру он обычно принимал по несколько пациентов.

Он уже начинал привыкать к хорошей жизни. На седьмой день после возвращения у него разболелись руки и ноги и прихватило спину. Он рассмеялся и сказал Саре, что уже отвык спать в кровати.

Было раннее утро, он еще не вставал, когда у него заурчало в животе; он попытался не обращать внимания на это, потому что ему хотелось еще полежать. В конце концов он понял, что вставать придется, и уже начал было спускаться вниз по лестнице, как вдруг его согнуло в три погибели, и ему пришлось бежать. Сара тоже проснулась.

Роб не успел добежать до туалета, потому с урчанием и кряхтением присел на корточки в бурьяне, как пьяный солдат, и его прорвало.

Она тоже спустилась по лестнице и пошла за ним на улицу, и он почти ненавидел себя за то, что позволил ей пойти за собой в такой момент.

— Что случилось? — спросила она.

— Воды... выпил в поезде, — простонал Роб Джей.

Ночью у него случилось еще три таких приступа. Утром он начал пить касторку, чтобы вывести из организма инфекцию, и, пока лекарство не успело подействовать, принял еще и английской соли. На следующий день у него началась лихорадка и ужасные головные боли, и он поставил себе диагноз еще до того, как Сара раздела его, чтобы искупать, и обнаружила красные пятна у него на животе.

Она восприняла весть стоически, когда он рассказал ей, как все случилось.

— Мы и раньше ухаживали за людьми, больными тифом, и все остались живы. Расскажи мне, чем тебя можно кормить.

Его тошнило от одной только мысли о еде, но он все же ответил на ее вопрос:

— Мне можно мясную похлебку с овощами, если сумеешь их достать. Фруктовый сок. Но в это время года...

В бочонке в подвале нашлась пара яблок, она решила, что Олден вполне сможет сделать из них немного сока.

Она завалила себя делами, трудом заглушая беспокойство, но на следующий день поняла, что не справляется, потому что она почти не спала из-за того, что нужно было постоянно менять утки, переодевать и купать его, чтобы он лучше переносил жар, и вываривать свежее белье. Она послала Олдена в католический монастырь, чтобы он попросил кого-то из монахинь помочь. Отозвались две женщины — она слышала, они всегда работают в паре — сестра Мария Бенедикта, молоденькая монахиня, совсем еще девочка, и женщина в годах, высокая, с крупными чертами лица, которая представилась матушкой Мириам Фероцией. Роб Джей открыл глаза и улыбнулся, увидев их, а Сара ушла в комнату мальчиков и проспала шесть часов.

В комнате Роба все содержалось в порядке и приятно пахло. Монахини умели ухаживать за больными. На третий день после их появления у Роба Джея спала температура. Сначала женщины обрадовались, но потом старшая из монахинь обнаружила кровь в стуле больного и послала Олдена в Рок-Айленд за доктором Барром.

Когда доктор Барр наконец прибыл, стул почти полностью состоял из одной лишь крови, Роб Джей выглядел очень бледным. Прошло восемь дней с тех пор, как он впервые ощутил боль в животе.

— Болезнь развивается очень быстро, — сказал ему доктор Барр таким тоном, будто они принимали участие в консилиуме медицинского общества.

— Такое случается, — ответил Роб Джей.

— Может, попробуем хинин или хлористую ртуть? — предложил доктор. — Говорят, они даже от малярии помогают.

Роб Джей знал, что и хинин, и ртуть — бесполезны.

— Тифозная лихорадка — это не малярия, — с трудом проговорил он.

Хотя у Тобиаса Барра и не было такой обширной хирургической практики, как у Роба Джея, они оба отлично знали, что такое сильное кровотечение означает то, что весь кишечник был изрешечен брюшным тифом, и состояние язв будет только ухудшаться, лучше не станет. Кровотечение вскоре усилится.

— Я оставлю тебе немного доверова порошка, — пообещал доктор Барр. Доверое порошок представлял собой смесь рвотного корня и опиума. Роб Джей покачал головой, и доктор Барр понял, что тот хочет оставаться в сознании до последнего — в своей комнате, в родном доме.

Тобиасу Барру было гораздо спокойнее, когда пациент ничего не знал, и он просто оставлял больному пузырек с лекарствами, указания по применению и надежду. Он потрепал Роба Джея по плечу, и его рука задержалась на миг.

— Я вернусь завтра, — пообещал он, успокаивая своего пациента; он множество раз проходил через такое. Но глаза его были полны сожаления.

— Мы можем еще как-то ему помочь? — спросила Сара Мириам Фероция. Сара ответила, что она баптистка, но все же женщины преклонили колени в коридоре и помолились вместе. Тем вечером Сара поблагодарила монахинь и отослала их в монастырь.

Роб Джей отдышал, пока около полуночи у него не началось кровотечение. Он запретил жене звать священника, но она еще раз спросила его, не хочет ли он исповедаться преподобному Блэкмеру.

— Нет, я уйду так же, как Ордуэй, — четко ответил он.

— Кто такой Ордуэй? — спросила она, но Роб Джей был слишком слаб, чтобы ответить.

Она сидела у его кровати. Вскоре он взял ее за руку, и так они оба ненадолго уснули.

Около двух часов ночи она проснулась и сразу ощутила пугающий холод его руки.

Некоторое время она оставалась на месте, но потом заставила себя встать. Она включила свет, обмыла его тело в последний раз, смывая следы недавнего кровотечения, унесшего его жизнь. Она побрила ему лицо, сделала все необходимые в таком случае процедуры, которым он сам научил ее, и одела его в лучший костюм. Сейчас он был ему велик, но это было не важно.

Как и пристало знающей жене врача, она собрала все окровавленное белье и завязала его в простыню, чтобы сжечь. Затем она нагрела воды и приготовила ванну, где долго терла себя коричневым мылом и плакала. К рассвету она уже надела лучшее платье и села на стул у кухонной двери. Услышав, как Олден стучится в дом, она вышла к нему и сообщила, что ее мужа больше нет, а также попросила его отправить телеграмму их сыну, чтобы тот возвращался домой.

Часть шестая

Деревенский врач

2 мая 1864 г

58

Советчики

Проснувшись, Шаман с удивлением отметил, что его не оставляют чрезвычайно противоречивые чувства: острое и горькое чувство того, что его отца больше нет, и знакомое ему ощущение безопасности, которое он всегда испытывал под крышей своего дома — будто каждая частица его тела и разума была исполнена спокойствия. Это спокойствие, казалось, восполнило утрату. Услышав легкое поскрипывание крыши от внезапного порыва ветра с равнины, он потерся щекой о подушку и грубую ткань простыней и принюхался к ароматам завтрака, которые доносились снизу; чувствовался даже запах росы, оставшейся на траве, что росла на заднем дворе, под горячим желтым солнцем. Выйдя из уборной, он хотел было спуститься по дорожке к реке, но вспомнил: только через несколько недель вода прогреется настолько, что можно будет искупаться.

Когда он вернулся к дому, Олден как раз выходил из амбара и жестом подозвал его к себе.

— Надолго ты к нам, Шаман?

— Еще не знаю, Олден.

— Я вот о чем спросить хотел. Тут у нас пашня не засажена. Даг Пенфилд уже вспахал землю, но мы завозились что-то с народившимися ягнятами и еще кучей всяких дел, потом все это стряслось... Ты бы мог помочь мне высадить там маклюру. Четыре дня бы потратил, а?

Шаман покачал головой:

— Нет, Олден, не могу.

Увидев раздражение на лице старика, он почувствовал себя виноватым и попытался объяснить, но тот не захотел ничего слушать. Олден все еще относился к нему как к младшему сыну хозяина, которому можно давать всякие поручения. Старик был туг на ухо, работать на ферме ему было тяжело, сын доктора действительно мог бы ему помочь. И этот отказ будто бы ставил его на место, потому Шаман попытался смягчить свои резкие слова:

— Я бы помог, но задержаться смогу только на пару дней. И если я не успею, вам с Дагом придется управляться самим, — сказал он, но Олден с кислым видом отвернулся.

Шаман с матерью понимающе улыбнулись, наблюдая, как он садится на свой стул.

Они стали непринужденно болтать о всякой ерунде. Шаман нахваливал вкуснейшие колбаски и яйца, которые мать приготовила на завтрак. Ничего подобного он не ел с тех пор, как уехал из дому.

Она рассказала, что видела вчера по пути в город трех голубых цапель.

— Кажется, в этом году их гораздо больше, чем раньше. Может, они прилетели сюда из тех мест, где идет война, — предположила Сара.

Он не спал допоздна, зачитавшись дневником отца. У него возникло несколько вопросов, которые он хотел бы задать ей, но знал, что ей тяжело говорить об этом, поэтому промолчал.

После завтрака он засел за врачебные записи отца. Никто не вел записи лучше, чем Роберт Джадсон Коул. Даже если уставал до смерти, он все равно всегда тщательно записывал все и лишь потом шел спать; поэтому теперь у Шамана был полный список всех пациентов, которых его отец лечил в последние дни, после своего возвращения.

Он спросил мать, можно ли ему взять Босса и двуколку на день.

— Я хотел бы навестить последних пациентов отца. Тифозная лихорадка — очень заразная болезнь.

Она кивнула.

— Конечно, без лошади и двуколки тебе не обойтись. Но чем же ты пообедаешь? — забеспокоилась она.

— Я заверну в бумагу пару твоих хлебцев и возьму их с собой.

— Отец часто так делал, — тихо сказала она.

— Знаю.

— Я заверну тебе поесть.

— Если не трудно, мам, я буду очень рад.

Он подошел к ней и поцеловал ее в лоб, Сара сидела, не шелохнувшись, но затем взяла его за руку и крепко сжала ее. Когда в конце концов она отпустила ее, Шаман в очередной раз поразился, насколько красива его мать.

Первой его остановкой стала ферма Вильяма Бемиса, который повредил спину, принимая телят. Бемис с трудом повернул голову, ноющую от боли, но сказал, что чувствует себя лучше.

— У меня почти закончилась та вонючая мазь, которую мне оставил твой отец.

— Вас не лихорадило, мистер Бемис?

— Еще чего. У меня просто спина болит, откуда быть жару? — Он хмуро посмотрел на Шамана. — Вы возьмете с меня плату за этот осмотр? Я ведь вас не звал.

— Нет, сэр, никакой платы. Рад, что вам лучше, — ответил Шаман и передал мужчине новую порцию «вонючей мази», еще больше обрадовав пациента.

Он также попытался заехать ко всем старым знакомым отца, чтобы просто поздороваться с ними. К полудню он добрался и до Шрёдеров.

— Как раз к обеду, — радостно поприветствовала его Альма и недовольно скривилась, когда он ответил, что у него есть еда с собой.

— Тогда ты бы мог съесть ее за нашим столом, — предложила она, и он согласился, обрадовавшись компании. Сара положила ему и несколько кусочков холодного мяса, и запеченную сладкую картошку, и три хлебца, разрезанных пополам и намазанных медом. Альма принесла блюдо с жареным перепелом и персиковый пирог.

— Ты не сможешь устоять перед моим пирогом с вареньем, — сказала она, и он угостился двумя кусочками и взял немного мяса перепела.

— Твой папа знал, что незачем брать с собой еду, если он собирается приехать к нам в дом в обеденное время, — шутливо сказала Альма. Она заглянула ему в глаза: — Ты ведь останешься в Холден-Кроссинге, чтобы лечить нас?

Он удивленно моргнул. Это был вполне закономерный вопрос, который он и сам себе должен был давно задать, но которого до этих пор старательно избегал.

— Альма! Я еще вроде как не думал об этом, — сбивчиво ответил он.

Гус Шрёдер подался вперед и прошептал, будто делись с ним какой-то тайной:

— А почему бы и не остаться?

Во второй половине дня Роб Джей приехал к семье Сноу. Эдвин Сноу выращивал пшеницу на ферме у северной границы города — это был самый дальний уголок Холден-Кроссинга. Он был одним из тех, кто прислал за доктором Коулом-старшим сразу, как только прослышал о его возвращении, потому что у него загноился палец на ноге. Шаман увидел, что теперь этот человек спокойно прогуливается по двору, и нога у него на месте.

— О, с ногой все в порядке, — радостно поделился он. — Твой отец тогда приказал Тильде держать ее крепко-накрепко, пока он твердой рукой вскрывал мне кожу своим маленьким ножичком. Я отмачивал ее в солях, как он и сказал, чтобы вывести эту заразу. Это удивительное совпадение, что ты приехал именно сегодня. Тильде нездоровится.

Они нашли миссис Сноу в курятнике. Она кормила цыплят и выглядела настолько нехорошо, что казалось, у нее нет сил даже бросать зерно. Она была крупной, полной женщиной с румяным лицом, и призналась, что чувствует легкий жар. Шаман с ходу определил, что у нее поднялась температура, и заметил, что она испытала облегчение, когда он отправил ее в постель, хотя и утверждала всю дорогу до дома, что это вовсе необязательно.

Она сказала ему, что ощущает тупую боль в спине весь день, а то и дольше; также у нее пропал аппетит.

Все же Шаман волновался, а потому постарался успокоить ее и попросил немного отдохнуть, в то время как мистер Сноу поухаживает за цыплятами и всей остальной птицей. Он оставил им бутылочку тонизирующего средства и сказал, что навестит их и завтра. Сноу попытался его убедить, когда Шаман отказался от платы, но тот твердо стоял на своем.

— Не нужно никаких денег. Я ведь не ваш постоянный лечащий врач. Просто проезжал мимо, — сказал он, не представляя, как можно брать деньги за лечение болезни, которой, возможно, бедная женщина заразилась от его отца.

Последней его остановкой стал монастырь Святого Франциска Ассизского.

Матушка Мириам, казалось, была искренне рада его видеть. Когда она предложила ему присесть, он устроился на деревянном стуле с прямой спинкой, на котором ему доводилось прежде сидеть, когда он приезжал сюда с отцом.

— Так ты приехал присмотреть за отчим домом? — спросила она.

— Сегодня у меня было очень много дел. Я пытаюсь узнать, не мог ли отец заразить кого-то еще в Холден-Кроссинге тифозной лихорадкой. Вы с сестрой Марией Бенедиктой не обнаружили у себя тревожных симптомов?

Матушка Мириам покачала головой.

— Нет. Да я и не думаю, что мы могли заразиться. Мы ведь привыкли ухаживать за любимыми больными, как и твой отец. Так, наверное, и с тобой дело обстоит, ja? [\[24\]](#)

— Да, думаю, именно так.

— Надеюсь, Господь защитит нас.

Шаман улыбнулся:

— Надеюсь, так и будет.

— Тебе часто доводилось лечить брюшной тиф в той больнице, где ты сейчас работаешь?

— Не раз и не два. Мы содержим людей с заразными заболеваниями в отдельном здании, подальше от остальных.

— Ja, это весьма разумно, — ответила она. — Расскажи мне подробнее о вашем заведении.

И он начал рассказывать ей о Юго-Западной больнице в Огайо, начав с работы медсестер, что интересовало ее более всего, а затем перешел к штату терапевтов и хирургов, закончив отделением специальной патологии. Она задавала вопросы, потому их беседа сильно затянулась. Он поделился с ней опытом работы хирургом с доктором Бервином; рассказал и о главном враче отделения патологии — Барни Мак-Говане.

— Да, ты прошел неплохую подготовку и получил ценный опыт. И что же теперь? Ты останешься в Цинциннати?

Шаман неожиданно для самого себя начал рассказывать монахине, что этот же вопрос ему задала и Альма Шрёдер, и о том, как он растерялся, пытаясь на него ответить.

Матушка Мириам с любопытством взглянула на него:

— И почему же тебе так сложно ответить на этот вопрос?

— Когда я жил здесь, мне всегда чего-то не хватало, я чувствовал себя глухим среди тех, кто может слышать. Я любил, просто обожал своего отца и хотел быть похожим на него. Я жаждал выучиться на доктора, работал, боролся, хотя все — даже мой собственный отец — в один голос твердили, что я не смогу, — начал он. — Я всегда мечтал стать врачом. Я уже давно воплотил свою мечту в жизнь и теперь достиг даже большего, чем ожидал. Теперь у меня есть все, о чем я мечтал, и я снова вернулся в родной дом, который люблю. Но я считаю, что это место на самом деле будет всегда принадлежать лишь одному доктору — моему отцу.

Матушка Мириам кивнула.

— Но его больше нет, Шаман.

Шаман промолчал в ответ. Он почувствовал, как его сердце забилося быстрее, будто он впервые услышал весть о кончине отца.

— Я бы хотела, чтобы ты сделал для меня кое-что, — сказала она и указала ему на

кожаное кресло. — Пересядь-ка туда, он всегда сидел на этом месте.

Неохотно, даже неловко он поднялся с деревянного стула и пересел на обитое кожей кресло. Она выждала немного и спросила:

— В этом кресле не так уж и неудобно, да?

— Оно довольно уютное, — ровным тоном ответил он.

— И ты отлично в нем смотришься, — мягко улыбнулась она и затем дала ему совет, который почти слово в слово совпал с тем, что сказал ему Гус Шрёдер. — А почему бы и не подумать о том, чтобы остаться?

По пути домой он заехал к Говардам и купил бутылку виски.

— Сожалею о твоей утрате, — смущенно пробормотал Джулиан Говард; Шаман лишь кивнул в ответ, потому что сказать здесь было нечего. Молли Говард сказала, что их сын, Мэл, должно быть, вместе с Алексом присоединился к армии конфедератов, потому что от них обоих не было ни одной весточки с тех пор, как они сбежали из дому.

— Я тут подумала, будь они среди наших, хоть кто-то из них черкнул бы нам пару строк, — предположила она, и Шаман согласился с ее словами.

После ужина он занес бутылку виски в хибару Олдена, пытаясь наладить с ним отношения. Он даже сам сделал пару глотков из хрупкого стакана, зная, что Олден не любит пить один, когда у него есть компания. Он подождал, пока старик выпил пару стаканов, и лишь тогда осмелился вновь завести разговор о ферме.

— А почему вы с Дагом Пенфилдом взялись за всю эту тяжелую работу именно в этом году?

Ответ последовал незамедлительно:

— К этому все шло уже много лет! У нас почти не бывает урожая, удается продать лишь пару овец, а ведь могли бы взять больше животных, стричь их и продавать больше шерсти. Я пытался уговорить на это твоего отца как раз перед тем, как он ушел в армию, но мне так и не удалось.

— Хорошо, давай обсудим. Сколько мы получим за каждый фунт шерсти? — спросил он, вынимая из кармана блокнот и карандаш.

Почти целый час они посвятили деловым вопросам: качество получаемой шерсти и возможная прибыль, а также спрос на рынке, который возникнет после войны; они поговорили о расширении угодий для разведения овец, разделении обязанностей по уходу за ними и оплате труда. Когда они закончили, весь блокнот Шамана оказался исписан расчетами.

Олден заметно успокоился, но все же заметил:

— А теперь ты, наверное, скажешь мне, что скоро вернется Алекс, и картина полностью изменится, потому что этот парень — настоящий трудяга. Но вся правда в том, что он сейчас может лежать где-то на юге мертвым, и ты это знаешь не хуже меня, Шаман.

— Это так. Но я буду считать его живым до тех пор, пока не услышу об обратном.

— Господи, конечно. Но лучше не рассчитывать на него, когда планируешь расширять что-то на будущее.

Шаман вздохнул и поднялся, собравшись уходить.

— Вот что я тебе скажу, Олден. Завтра днем мне нужно возвращаться в Огайо, но утром я непременно займусь маклюрой, — пообещал он.

На следующее утро он проснулся пораньше и в рабочей одежде пошел на поле. День стоял погожий — сухой и ветреный, по голубому небу плыли легкие облачка. Он давно уже не занимался физическим трудом, потому его мышцы заныли сразу, когда он закончил копать первую ямку.

Он высадил только три ростка, когда к нему верхом на Боссе прискакала мать; сразу за ней ехал фермер, выращивающий свеклу, Пэр Свансон, которого он едва знал.

— Моя дочь, — закричал мужчина издалека, — кажется, сломала шею.

Шаман тут же оседлал коня, на котором приехала мать, и поскакал за фермером. Около двенадцати минут ушло у них на дорогу до его дома. Судя по рассказу отца девочки, там Шамана ждало нечто ужасное, но выяснилось, что она жива, хотя и испытывает ужасную боль.

Сельма Свансон была светловолосой крохой трех лет от роду. Она любила кататься на плуге вместе с отцом. Тем утром он спугнул огромного ястреба, который охотился за полевыми мышами. Птица резко взмыла в воздух, напугав лошадей. Они встали на дыбы, Сельма потеряла равновесие и упала. Пэр успел заметить, что дочка ударилась об угол плуга.

— Она смотрела на меня, и удар пришелся прямо на шейку, — сокрушался он.

Девочка прижимала левую руку к груди другой, здоровой. Левое плечо было вывихнуто.

— Нет, — сообщил Шаман после тщательного осмотра, — проблема в ключице.

— Сломана? — встревоженно спросила мать.

— Нет, немного сместилась, есть незначительные трещины. Волноваться не о чем. Было бы намного хуже, случись подобное с вами или с вашим мужем. Но в ее возрасте кости еще растут, а потому такие трещины зарастают очень быстро.

Ключица была повреждена недалеко от места соединения с лопаткой и грудиной. Из тряпок, которые принесла миссис Свансон, он соорудил для малышки маленькую перевязь, чтобы закрепить руку в правильном положении.

Ребенок уже совсем успокоился к тому времени, как Шаман допил чашку кофе, который миссис Свансон сварила на плите. Ему было нужно заехать еще в несколько мест, а потому бессмысленно было каждый раз возвращаться домой и потом снова выезжать по вызовам; он решил сразу ехать туда, где был нужен.

Женщина по имени Ройс, жена одного из недавно прибывших иммигрантов, дала ему с собой кусок мясного пирога на обед. Лишь к вечеру он добрался до дому. Проезжая мимо поля, где он начинал работать утром, увидел, что Олден вместе с Дагом Пенфилдом продолжили его дело, и теперь длинный, стройный ряд зеленых ростков маклюры тянулся вдоль всего поля.

— Упаси Господи! — прошептала Лилиан.

По ее словам, ни у кого из Гайгеров не обнаружилось никаких признаков тифозной лихорадки. Шаману показалось, что вид у Лилиан довольно усталый, потому что она одна управляет фермой, всем остальным хозяйством и семьей, пока мужа нет рядом. А поскольку

теперь в округе не хватало лекарственных препаратов, она даже занялась торговлей, которую раньше вел Джейсон, и стала доставлять лекарства Тобиасу Барру и Джулиусу Бартону.

— Проблема в том, что Джей большую часть поставок привозил с фармацевтической фабрики в Чарльстоне, принадлежавшей его семье. И, конечно же, теперь, когда Южная Каролина оказалась отрезана от нас линией фронта, с лекарствами станет совсем туго, — рассказывала она Шаману, наливая чай.

— Давно получали письма от Джейсона?

— Нет, последнее пришло совсем недавно.

Казалось, ей становилось не по себе, когда он спрашивал о Джейсоне, но он понимал, что та просто побаивается говорить слишком много, чтобы не выдать военной информации и не подвергнуть опасности Джейсона и свою семью. Женщине было трудно выжить в штате, принадлежащем Союзу, в то время как ее муж служил в Виргинии в армии Конфедерации.

Лилиан явно почувствовала облегчение, когда Шаман начал рассказывать о своей работе в больнице. Она слышала о его успехах на этом поприще и о тех перспективах, что ему там обещали. Очевидно, мать рассказывала ей обо всех новостях, которые он сообщал ей в письмах.

— Цинциннати очень быстро развивается, — заметила Лилиан. — Будет чудесно, если у тебя получится построить там карьеру — мог бы стать преподавателем в медицинской школе, открыть свою больницу. Мы с Джеем всегда так гордились тобой! — Она нарезала пирог толстыми кусками и выкладывала их на тарелку. — Когда думаешь возвращаться туда?

— Я еще не решил.

— Шаман, — она накрыла его руку своей и наклонилась к нему, — ты вернулся, когда твоего отца не стало, ты все сделал правильно. Теперь тебе нужно подумать о себе и о своей карьере. Ты знаешь, чего хотел для тебя твой отец?

— Чего же, тетушка Лилиан?

— Твой отец хотел, чтоб ты остался в Цинциннати и занялся работой. Ты должен вернуться туда как можно скорее! — уверенно сказала она.

Он знал, что она права. Если он собирался последовать ее совету, то чем раньше он сделает это, тем будет лучше. Все в округе узнали, что в Холден-Кроссинге снова появился врач. Каждый день его звали на помощь. Каждый раз, когда он лечил кого-то, создавалось впечатление, будто он все прочнее застревает в какой-то паутине. Конечно же, подобные связи было легко разорвать; когда он уедет, доктор Барр легко возьмет на себя лечение всех, кому оно еще будет необходимо. Но из-за пациентов у Шамана непременно возникнет чувство, будто здесь остались незаконченные дела.

Его отец оставил список имен и адресов, которому Шаман следовал неуклонно. Он написал о смерти отца Оливеру Уэнделлу Холмсу в Бостон, а также дяде Герберту в Шотландию, которому больше незачем было беспокоиться о том, что его старший брат может вернуться и заявить о своем праве на землю.

Каждую свободную минуту Шаман читал дневники, увлеченный впечатлениями отца, которые были захватывающими, незнакомыми ему. Роб Джей Коул писал о глухоте сына взволнованно и нежно, и Шаман чувствовал тепло отцовской любви между строк. Боль, с которой он описывал смерть Маква-иквы, а затем — и смерти Идет Поет и Луны, пробудила в нем давно забытые чувства. Шаман вновь и вновь перечитывал отчет отца о вскрытии

Маква-иквы, спрашивая себя, не упустил ли он еще чего-то, а затем пытаюсь представить, как он сам бы делал эту процедуру.

Когда он дошел до тетради, в которой описывались события 1853 года, он изумился. В ящике отцовского стола он нашел ключ от запертого сарая позади амбара. Шаман взял ключ, пошел к сараю, открыл огромный замок и вошел внутрь. Самый обычный сарай, в котором он бывал прежде уже сотню раз. На полках хранились лекарства, пузырьки с тонизирующими средствами и прочие медикаменты; на балках висели пучки засушенных трав, наследство Маквы. Недалеко от стола для вскрытий стояла старая деревянная сушилка, с которой он так часто помогал в детстве отцу. Сушильные противни и кадки висели на гвоздях, вбитых в стены. Еще на одном гвозде, торчащем из ствола дерева, висел старый отцовский коричневый свитер.

В сарае не вытирали пыль и не подметали уже несколько лет. Все углы затянуло паутиной, но Шаман не обратил на это внимания. Он устремился к тому месту в стене, где выпирала одна из досок, но, когда он нажал на нее, она не сдвинулась с места. Доска оказалась довольно любопытной, потому что когда он попытался так же сдвинуть остальные, они легко поддались.

Он будто заглянул во внезапно открывшуюся перед ним пещеру. В сарае было слишком темно, его освещала лишь луна, заглядывая в крошечное, покрытое пылью окошко. Он распахнул двери сарая настежь, но света все еще было недостаточно. Тогда он взял фонарь, в котором плескались остатки масла, и зажег его.

Дрожащий свет фонаря проник в тайную комнату.

Шаман пробрался внутрь. Отец содержал тайник в чистоте. Там даже были тарелка, чашка и старое, аккуратно свернутое одеяло, которому, как помнил Шаман, было уже много лет. Места в комнатухе было совсем мало, а Шаман был ростом не ниже своего отца.

Да и беглые рабы не были низкорослыми.

Он потушил фонарь, и в тайнике стало совсем темно. Он попытался представить, в какой стороне находится выход, и понял, что весь мир, оставшийся снаружи — это заливающийся лаем пес, который охотится за ним. И что ему, по сути, необходимо выбрать, хочет он жить жизнью домашнего животного или дикого.

Шаман выполз из тайника. Он взял старый коричневый свитер, сохранивший запах отца, и надел его, хотя снаружи было тепло.

Все это время, думал он, все эти годы, когда они с Алексом жили в этом доме, ссорились и дрались, следовали лишь собственным желаниям и капризам, их отец хранил невероятную тайну, ни с кем не деля тяжесть этой ноши. Теперь Шаман чувствовал острую потребность поговорить с Робом Джеем, научиться у него чему-то еще, задать ему множество вопросов, показать ему свою любовь и выразить восхищение. В своей комнате в больнице он не сдержал слез, когда получил телеграмму, извещающую о смерти отца. Но тут же взял себя в руки и поспешил сесть на поезд, а после — стойчески перенес панихиду по отцу, только лишь ради своей матери. Теперь он прижался спиной к стене, усевшись на грязном полу, как ребенок, и дал волю чувствам, зная, что уже никто не ответит на его зов.

Им повезло. Больше никто не заболел тифозной лихорадкой в Холден-Кроссинге. Прошло уже две недели, но и у Тильды Сноу не появилось никакой сыпи. Ее жар довольно быстро спал, не было ни кровотечений, ни кровянистых выделений из кишечника. Совсем скоро Шаман, проезжая мимо фермы Сноу, увидел, что она уже встала и вышла во двор, чтобы покормить свиней.

— Должно быть, это просто тяжелый грипп, но она уже переболела, — сказал он ее мужу. Если бы Сноу надумал заплатить ему за лечение жены, Шаман принял бы деньги, но вместо этого фермер отдал ему пару жирных гусей, которых забил, ощипал и выпотрошил специально для того, чтобы подарить их доктору.

— Что-то опять меня старая грыжа беспокоит, — пожаловался Сноу.

— Позвольте мне осмотреть вас.

— Не хотелось бы слечь, мне ведь надо первый урожай пшеницы собирать.

— Когда вы закончите с урожаем? Недель через шесть?

— Где-то так.

— Тогда и приезжайте ко мне на осмотр.

— Ты что же, надумал остаться?

— Да, — с усмешкой ответил он; вот так, легко и непринужденно он принял решение, сам того не заметив.

Он отдал гусей матери и предложил пригласить на обед Лилиан Гайгер с сыновьями. Но Сара возразила, что для Лилиан сейчас не самое подходящее время ходить по гостям, а потому предложила съесть птиц самим, разделив трапезу лишь со своими работниками.

Тем же вечером Шаман написал письма Барни Мак-Говану и Лестеру Бервину, в которых поблагодарил их за все, чему они научили его в медицинской школе, и сообщил, что вынужден отказаться от своей должности в их больнице, поскольку намерен продолжить дело своего отца в Холден-Кроссинге. Он также написал в Рок-Айленд Тобиасу Барру, чтобы поблагодарить его за то, что тот по средам лечил жителей Холден-Кроссинга. Шаман известил его, что с этого дня сам займет место отца и попросил представить его медицинскому обществу округа Рок-Айленд.

Покончив с письмами, Шаман сразу же сообщил о своем решении матери. Испытав радость и облегчение оттого, что не останется одна, мама подошла к сыну и поцеловала в щеку.

— Расскажу женщинам в церкви, — пообещала она. Шаман улыбнулся, поняв, что больше ни в каких объявлениях о том, что он станет местным врачом, не нуждается.

Они сели за стол и обсудили планы на будущее. Он займет амбулаторию и сарай, в которых раньше работал отец. В утренние часы он будет вести прием пациентов в амбулатории, а во второй половине дня станет выезжать по вызовам к больным домой. Цену за свои услуги он оставит прежней, какая была при его отце — она не была обременительной для пациентов, да и их в обиде не оставляла.

Он уже продумал пути решения проблем на ферме и поделился ими с Сарой. Выслушав сына, она одобрительно кивнула.

Следующим утром он отправился в лачугу Олдена, где за чашкой отвратительного кофе сообщил ему о том, что они с матерью решили сократить поголовье стада.

Олден внимательно выслушал Шамана, не сводя с него пристального взгляда, пока тот попил кофе и курил трубку.

— Ты сам-то понимаешь, чего творишь? Да ты знаешь, сколько шерсть будет стоить, пока война идет? Ежели от земли откажешься, доход будет даже меньше, чем сейчас!

Шаман кивнул.

— Мы с мамой рассудили так: если мы не сделаем этого, то единственным выходом станет расширение нашего дела, а для этого нужно больше работников и сил; мы с этим просто не справимся. Я умею лечить, но не умею разводить овец. И все же представить себе не могу ферму Коулов без овец. Поэтому мы бы хотели, чтобы ты выбрал из стада тех овец, которые дают больше всего шерсти, и мы будем ухаживать за ними. Мы будем отбраковывать стадо каждый год, продавать только лучшую шерсть, и за счет этого сможем поднять цены на нее. Будем держать лишь то количество овец, с которым вы с Дагом сможете управиться.

Глаза Олдена заблестели.

— Вот это чудесное решение! — воскликнул он и подлил Шаману еще немного своего ужасного кофе.

Иногда Шаману было нелегко читать дневник отца — мысли и чувства Роба Джея переполняли боль. Случалось так, что он забрасывал чтение на целую неделю, но всегда возвращался к нему, потому что эти страницы были его единственной связью с отцом. Когда он дочитает дневник до самого конца, у него не останется ничего, кроме воспоминаний.

Это было довольно необычное лето. Июнь выдался дождливым. Посевы взошли рано. Пошли в рост фруктовые деревья, набрали силу леса. Резко увеличилось количество кроликов и зайцев. Теперь эти вездесущие животные щипали травку почти у самого дома, а также поедали салат-латук и цветы, которые высаживала в огороде Сара Коул. Поля полнились травой, которая уже начинала гнить, однако из-за влаги нельзя было приниматься за сенокос. Над лугом вился целый рой насекомых, которые кусали и пили кровь из людей и домашних животных.

Молодой доктор Коул увлеченно трудился в Холден-Кроссинге. Конечно, ему нравилось лечить пациентов и в больнице Цинциннати. Там, если ему нужен был совет кого-то из старших, то по первому его зову целое отделение готово было прийти на помощь. Здесь же он работал совершенно один, не зная, с чем ему придется столкнуться завтра. В этом была суть практики сельского врача. Шамана это только радовало.

Тобиас Барр сообщил ему, что медицинское общество округа приостановило свою работу, потому что большинство его членов были сейчас на войне. Он предложил, чтобы на время отсутствия регулярных заседаний общества они втроем — он сам, Шаман и Джулиус — встречались раз в месяц за обедом и обговаривали профессиональные вопросы.

В Рок-Айленде, пока обойдя стороной Холден-Кроссинг, вспыхнула эпидемия кори. Это заболевание стало главной темой для обсуждения при их первой встрече. Врачи сошлись во мнении, что особое внимание следует уделить разъяснению, как детям, так и взрослым, правил гигиены; запретить чесать и раздирать пустулы, как бы сильно они ни зудели. Лечить эту болезнь необходимо целебными мазями, прохладным питьем и порошком Зейдлица. Коллеги с интересом выслушали рассказ Шамана о том, что в больнице Цинциннати воспаление дыхательных путей, которым сопровождается заболевание корью, лечат еще и полосканием квасцами.

Во время десерта разговор переключился на политику. Доктор Барр принадлежал к большинству республиканцев, которые считали, что президент США занимает слишком

мягкую позицию по отношению к Югу. Он восхищался биллем Уэйда-Дэвиса, который был принят Палатой представителей, несмотря на возражения Линкольна. Законопроект предусматривал жесткие карательные меры применительно к южанам по окончании войны. Инакомыслящие республиканцы под предводительством Хораса Грили собрались в Кливленде и приняли решение выдвинуть собственного кандидата в президенты — генерала Джона Чарльза Фримонта.

— Как думаете, генерал победит Линкольна? — спросил Шаман своих коллег.

Доктор Барр хмуро покачал головой.

— Нет, пока продолжается война, президента переизбирать не станут.

В июле наконец прекратились дожди. Невыносимо припекало солнце, трава мгновенно пожухла под его палящими лучами, степь буквально поджаривалась. Эпидемия кори, хоть и не в таких масштабах, как в Рок-Айленде, добралась и до Холден-Кроссинга. Шамана все чаще будили ночью, вызывая к тем, кого поразила эта болезнь. Мать рассказала ему, что в прошлом году в Холден-Кроссинге уже было подобное. Тогда эпидемия унесла жизни шести человек, в том числе — нескольких детей. Шаман пришел к выводу, что именно эта вспышка болезни способствовала общему снижению сопротивляемости организма в последние годы. Он написал доктору Гарольду Мейгсу, который преподавал ему медицину в Цинциннати, и спросил, возможно ли такое.

Одним тихим, душным вечером вдруг разразилась гроза. Шаман лежал в постели, чувствуя сильную вибрацию от ужасающих раскатов грома и открывая глаза каждый раз, когда комнату освещали вспышки молнии. В конце концов усталость пересилила ненастье, и он уснул так крепко, что, когда мать потрясла его за плечо, несколько мгновений он не мог понять, что происходит.

Сара поднесла лампу к лицу так близко, что он смог прочитать по губам:

— Вставай.

— Кто-то еще с корью? — спросил он, быстро одеваясь.

— Нет. Тебя ожидает Лайонелл Гайгер.

Он быстро оделся и вышел на улицу.

— Что случилось, Лайонелл?

— Малыш моей сестры... задыхается. Пытается вдохнуть, сипит, как насос, который не может выпустить воду.

Шаман понимал, что на дорогу уйдет много времени — Длинная тропа пролежала через лес, не было ни минуты на то, чтобы оседлать собственную лошадь или запрячь двуколку.

— Я возьму твою лошадь, — сказал он Лайонеллу и, вскочив в седло, галопом поскакал через поле, затем — по дороге, к самому дому Гайгеров, придерживая рукой санитарную сумку, чтобы в спешке не выронить ее.

Лилиан Гайгер ждала у передней двери:

— Сюда!

Шаман вбежал в комнату и увидел.... Рэйчел. Она сидела на кровати в своей прежней комнате с ребенком на коленях. Малыш уже весь посинел, но все еще пытался дышать.

— Сделай что-нибудь, он умирает!

Шаман и сам видел, что малыш близок к смерти. Он открыл рот ребенка и, пальцами удерживая ему язык, осмотрел маленькое горлышко. Его задняя стенка и верхняя часть гортани были покрыты толстой серой пленкой из слизи, которая препятствовала дыханию. Шаман быстро удалил слизь из горла.

В тот же миг ребенок судорожно и жадно задышал, сотрясаясь всем телом.

Рэйчел обняла его и зарыдала.

— Господи, Джошуа, ты живой?

Она задыхалась, ее волосы совсем растрепались.

Да, трудно поверить, но это и правда была Рэйчел. Она повзрослела, стала более женственной.

И не сводила глаз со своего малыша, который выглядел уже лучше. По мере того как кровь, насыщаясь кислородом, разносила его по всему телу, лицо ребенка постепенно приобретало естественный цвет. Шаман приложил руку к его груди, чтобы проверить сердцебиение; затем взял малыша за запястье, чтобы измерить пульс. Ребенок снова закашлялся.

В комнате была и Лилиан — и Шаман решил обратиться к ней.

— Как именно он кашлял?

— Кашель был глухой, напоминал... собачий лай.

— С присвистом?

— Да, он сипел каждый раз, когда откашливался.

Шаман кивнул.

— У него ложный круп. Вскипятите воды и всю ночь делайте ему теплые ванны, чтобы расслабить его дыхательные мышцы. И пускай дышит паром.

Он достал из сумки одно из лекарств Маквы — чай из подлесника и лепестков ноготков.

— Заварите этот чай, немного подсластите и давайте ему горячим. Это нужно для того, чтобы предотвратить отек гортани и облегчить кашель.

— Спасибо тебе, Шаман, — сказала Лилиан, сжимая ему руку. Рэйчел, казалось, совсем не обращала на него внимания. Ее налитые кровью глаза казались безумными. Ночная рубашка была запятнана выделениями из горла и носа ребенка.

Выйдя из дома, он увидел, что по Длинной тропе спускаются Лайонелл и его мать; в руке Лайонелл держал яркий фонарь, свет которого привлекал целый рой комаров и ночных мотыльков. Когда они подъехали, губы Лайонелла зашевелились, и Шаман легко догадался, что тот хотел спросить, но никак не решался.

— Думаю, он будет в порядке, — сказал он. — Потуши фонарь и убедись, что с тобой в дом не попадут все эти насекомые.

Сам он отправился в путь по Длинной тропе, которую знал настолько хорошо, что даже крошечная тьма не была ему помехой. Вот последние огни остались позади, и темные деревья окружили его со всех сторон.

Вернувшись в свою комнату и двигаясь, будто во сне, он разделся. Но, оказавшись в постели, понял, что не может сомкнуть глаз. Неподвижный и растерянный, он смотрел то в потолок, то на темные стены, но на чем бы ни останавливался его взгляд, он видел перед собой лишь одно лицо.

Когда он вернулся к Гайгерам на следующее утро, она вышла навстречу ему в новом голубом платье. Ее волосы были аккуратно причесаны.

— Здравствуй, Рэйчел.

— Спасибо тебе, Шаман, — поблагодарила она, взяв его за руку, и он почувствовал исходящий от нее тонкий аромат.

Он заметил, что она выглядит уставшей. А вот глаза совсем не изменились — их взгляд был все таким же глубоким и манящим.

— Как мой пациент?

— Кажется, ему лучше. Кашель уже не такой ужасный, как вчера.

Рэйчел проводила его наверх. Лилиан сидела у кровати внука с карандашом и парой листов коричневой бумаги и развлекала его, рисуя угловатые фигурки и рассказывая всякие истории. Сегодня пациент, в котором Шаман увидел вчера лишь несчастное умирающее создание, превратился в обычного маленького черноглазого мальчика с русыми волосами и россыпью веснушек на лице, которые особенно выделялись на фоне бледной кожи. На вид ему было не больше двух лет. В изножье кровати сидела девочка, которая была немного старше мальчика, но очень похожа на него.

— Это мои дети, — сказала Рэйчел, — Джошуа и Хетти Регенсберг. А это — доктор Коул.

— Здравствуйте, — поздоровался Шаман.

— Привет, — несмело поприветствовал его мальчик.

— Здравствуйте, — сказала Хетти Регенсберг. — Мама сказала, вы не можете слышать нас, и поэтому, обращаясь к вам, нужно смотреть вам в глаза и «отчетливо» выговаривать слова.

— Да, так и есть.

— А почему вы не слышите?

— Я оглох, потому что сильно заболел, когда был совсем маленьким, — спокойно ответил Шаман.

— А Джошуа тоже оглохнет?

— Нет, с Джошуа этого уж точно не произойдет.

Спустя пару минут Шаман смог с абсолютной уверенностью сообщить семье, что дела у мальчика обстоят гораздо лучше. Ванны и пар помогли умерить жар, пульс был четким и умеренным. Шаман приложил к его груди мембрану стетоскопа и объяснил Рэйчел, каким должно быть сердцебиение; хрипов она не услышала. Затем доктор вставил изогнутые трубочки стетоскопа в уши самому Джошуа, чтобы тот прослушал собственное сердцебиение, а мембрану вручил Хетти, которая объявила, что слышит одно только «бульканье».

— Это потому, что он голоден, — пояснил Шаман и посоветовал Рэйчел подержать малыша на легкой, но питательной диете пару дней.

Он рассказал Джошуа и Хетти, что их мама знает несколько отличных мест, где можно порыбачить, а еще пригласил их в гости, на ферму Коулов, чтобы они могли поиграть с овечками. Затем он попрощался с детьми и их бабушкой. Рэйчел проводила его до дверей.

— У тебя чудесные дети.

— Я и сама на них не нарадуюсь.

— Сожалею о твоём муже, Рэйчел.

— Спасибо.

— А еще я желаю тебе, чтобы твой новый брак принес тебе счастье.

Рэйчел удивилась.

— Какой новый брак? — спросила она как раз в тот момент, когда ее мать появилась на лестнице.

Лилиан тихонько прошла мимо них в холл, но румянец на щеках выдал ее.

— Тебя ввели в заблуждение, я не собираюсь замуж, — сказала Рэйчел громко, чтобы мать услышала ее. Прощаясь с Шаманом, она отчего-то побледнела.

Вечером того же дня, когда Шаман возвращался домой верхом на Боссе, он увидел вдалеке одинокую фигуру и, подъехав ближе, узнал Рэйчел. На ней было то самое голубое платье, грубые башмаки и старая шляпа, которая защищала ее лицо от солнечных лучей. Он окликнул ее, обернувшись, она тихо поприветствовала его.

— Мы можем прогуляться вместе? — предложил он.

— С удовольствием.

Он спешил и повел лошадь под уздцы.

— Я не знаю, какая муха укусила мою мать, когда она сказала тебе, что я собираюсь замуж. Кузен Джо, конечно, проявлял определенный интерес, но я не выйду за него. Думаю, мама хочет, чтобы я приняла его предложение, потому что она очень обеспокоена тем, что дети растут без отца.

— Наши матери будто вступили в тайный сговор. Моя, например, не соизволила сказать мне, что ты вернулась — и теперь я уверен, что она сделала это нарочно.

— Очень грубо с их стороны, — сказала она, и он увидел слезы в ее глазах. — Отчего же они считают нас круглыми дураками? Я отлично знаю, что моим сыну и дочери нужен отец. Да и тебя вряд ли заинтересует не так давно овдовевшая еврейка с двумя детьми.

Он улыбнулся:

— Твои дети такие же милые, как и их мать. Но ты права, я больше не обезумевший от любви подросток.

— Я часто вспоминала о тебе после того, как вышла замуж. Я очень сожалею о том, что причинила тебе боль.

— Я довольно быстро справился с этим.

— Мы были детьми, нам довелось пережить вместе нелегкие времена. Я боялась замужества, а ты оказался таким хорошим другом... — улыбнулась она ему. — Когда ты был ребенком, ты сказал как-то, что готов пойти на убийство ради меня. И вот мы выросли, и ты спас моего сына. — Она взяла его за руку. — Надеюсь, мы сможем остаться верными друзьями. До конца наших дней, Шаман.

Он откашлялся.

— Да, уверен, у нас получится, — смущенно согласился он. Они молча прошли еще немного, а потом он спросил, не хотела бы она поехать верхом.

— Нет, я, пожалуй, пройдусь.

— Что ж, тогда я поеду, мне нужно сделать еще кучу дел перед ужином. Хорошего тебе дня, Рэйчел.

— И тебе хорошего дня, Шаман, — ответила она.

А он оседлал коня и ускакал прочь, оставив ее позади.

Ночью он не мог заснуть. Думая о Рэйчел, он сказал себе, что она — сильная и

практичная женщина, которая смело принимала вещи такими, какие они есть. Что ж, ему есть чему поучиться у нее.

На следующий день доктор Коул посетил Роберту Вильямс, которая мучилась «женскими проблемами». К моменту его приезда она уже перебрала спиртного, чтобы как-то заглушить боль. Шаман старательно отводил взгляд от округлых форм манекена портнихи и, чтобы отвлечься, спросил женщину, как поживает ее дочь. Та ответила, что три года назад Люсиль вышла замуж за почтальона и теперь живет в Давенпорте.

— Каждый год по ребенку рождает. Приезжает ко мне только тогда, когда ей деньги нужны, такая вот у меня дочь, — пожаловалась Роберта.

Шаман оставил женщине бутылочку тонизирующего средства.

На Мэйн-стрит он столкнулся с Тобиасом Барром, который ехал в двуколке в компании двух женщин. Одна из них, миниатюрная блондинка, оказалась его женой Фрэнсис, а вторая — ее племянницей, которая приехала к ним в гости из Сент-Луиса. Леди Эвелин Флагг недавно исполнилось восемнадцать, она была выше, чем Фрэнсис, но внешне очень на нее похожа. Шаман никогда не видел никого красивее ее.

— Мы показываем Эви город, думаю, ей будет интересно увидеть и Холден-Кроссинг, — сказал доктор Барр. — Ты читал «Ромео и Джульетту», Шаман?

— Конечно же, — ответил тот.

— Помнится, ты как-то говорил, что, зная текст пьесы, спектакль смотреть гораздо интереснее. На этой неделе мы собираемся посетить театр в Рок-Айленде. Не хочешь присоединиться к нам?

— С удовольствием, — ответил Шаман и улыбнулся Эвелин. Девушка ответила ему ослепительной улыбкой.

— Тогда мы ждем вас к пяти часам у нас дома — устроим легкий ужин перед походом в театр, — предложила Фрэнсис Барр.

Он купил новую белую рубашку и черный узкий галстук, заново перечитал пьесу. Барры также пригласили Джулиуса Бартона с женой Розой. Эвелин была в голубом платье, которое идеально подходило к ее красивым светлым волосам. На минуту Шаман задумался, где он видел недавно другое голубое платье, и вспомнил, что это Рэйчел была в платье такого же цвета.

Легкий ужин, который обещала Фрэнсис Барр, оказался роскошной трапезой из шести блюд. Шаману было довольно сложно поддерживать разговор с Эвелин. Когда он спрашивал у нее что-то, она отвечала ему лишь нервной улыбкой, коротким кивком или покачиванием головы. Сама она заговаривала лишь дважды — сначала похвалила тетушкино жаркое, а после призналась Шаману во время десерта, что обожает и персики, и груши, а потому очень рада, что они поспевают в разное время года, так что ей обычно не приходится выбирать между ними.

Театр был полон. Жара летнего вечера давала о себе знать. Они приехали как раз к началу представления, потому что на поглощение всех шести блюд потребовалось немало времени. Тобиас Барр купил билеты, в том числе и для Шамана. Их места были в самой середине третьего ряда.

Вскоре действие, происходящее на сцене, полностью завладело их вниманием. Шаман смотрел пьесу через театральный бинокль — благодаря этому он легко мог читать по губам актеров. Спектакль ему очень нравился. В первом антракте он вышел на улицу вместе с

доктором Барром и доктором Бартоном, чтобы посетить уборную. Ожидая в очереди, все трое признали, что представление крайне удачное, а также обменялись ценными наблюдениями: доктор Бартон высказал предположение, что актриса, исполняющая роль Джульетты, беременна, а доктор Барр заметил бандаж под трико у Ромео.

В первом акте Шаман был сосредоточен на движении губ актеров, но во время второго стал внимательно рассматривать Джульетту и не заметил никакого подтверждения предположению доктора Бартона. Однако правоту доктора Барра он был вынужден признать.

По окончании второго акта зажгли лампы и открыли двери. С улицы повеяло приятным прохладным ветерком. Шаман и Эвелин задержались на своих местах и попытались обсудить спектакль. Она сказала, что часто ходит в театр в Сент-Луисе.

— Эти спектакли так вдохновляют, как вы считаете?

— Согласен. Но мне редко удается выкроить время для театра, — рассеянно ответил он. Странно, но во время представления Шаман чувствовал, будто за ним кто-то наблюдает. Он стал разглядывать в бинокль людей, сидящих на балконе. На втором балконе справа он заметил Лилиан Гайгер с Рэйчел. Лилиан была одета в коричневое льняное платье с расклешенными кружевными рукавами. Рэйчел сидела под самой люстрой, поэтому ей то и дело приходилось отмахиваться от мотыльков, которые слетались на свет. Благодаря близости люстры Шаман смог рассмотреть ее лучше. Волосы Рэйчел были гладко зачесаны назад и уложены в аккуратный узел. Черное шелковое платье заставило Шамана задуматься, как долго она станет носить траур по мужу. На платье не было воротничка, который был бы явно лишним в такую жару, рукава были короткими, в форме фонарика. Он смотрел на изгибы ее рук, пышную грудь и лицо. Он не успел отвести взгляд, когда она вдруг отвернулась от матери и посмотрела вниз, туда, где сидел он. Она на миг задержала взгляд на нем, в то время как он рассматривал ее через бинокль, и затем отвернулась; билетеры как раз начали гасить свет.

Третий акт показался ему бесконечным. В тот момент, когда Ромео сказал Меркуцио: «*Друг, ободрись. Ведь рана не опасна*» [\[25\]](#), он почувствовал, как Эвелин Флагг пытается сказать ему что-то. Он ощутил ее легкое теплое дыхание у своего уха — она шептала ему что-то на ухо, в то время как Меркуцио отвечал другу: «*Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные ворота. Но и этого хватит: она свое дело сделает*».

Он убрал от лица бинокль и повернулся к девушке, сидящей с ним рядом в темноте, недоумевая, почему она не в состоянии запомнить то, что он читает по губам; ведь даже маленькие дети, к примеру Джошуа и Хетти Регенсберг, смогли запомнить это простое правило.

— Я не слышу вас.

Он не привык разговаривать шепотом. Несомненно, его голос прозвучал слишком громко, потому как мужчина, сидящий перед ним во втором ряду, тут же повернулся и уставился на него.

— Прошу прощения, — прошептал Шаман. Он искренне понадеялся, что его слова прозвучали тише, чем в прошлый раз, и, выждав немного, вновь поднес к глазам бинокль.

Чтение отцовского дневника породило вопросы, на которые пытливый ум Шамана пытался найти ответ: каким образом некоторые, например его отец или Джордж Клайберн, остаются сами собой, когда повсюду царит жестокость? Трудно было поверить словам о том, что Клайберн — хладнокровный и отважный человек. Он приводил к отцу сбежавших рабов, и затем они вместе прятали их до тех пор, пока не появлялась возможность отправить их в безопасное место. Одутловатый лысеющий торговец продовольственными товарами мало походил на героя или хотя бы на человека, который готов рискнуть всем ради своих убеждений. Шаман преисполнился восхищения непреклонным духом, который обитал в рыхлом теле лавочника. Через несколько дней после похода в театр он снова отправился в Рок-Айленд — на этот раз чтобы поговорить с Клайберном о пацифизме.

Услышав просьбу Шамана, Клайберн кивнул.

— Что ж, можешь спросить о пацифизме все, что хочешь, но я бы хотел, чтобы ты сначала почитал кое-что о нем, — ответил он и попросил клерка присмотреть за лавкой. Шаман последовал за торговцем к его дому, и довольно скоро Клайберн вынес ему из библиотеки несколько собственноручно выбранных книг и какую-то брошюру.

— Общество Друзей часто устраивает званые вечера, можешь иногда присоединяться к нам.

Шаман сильно сомневался, что у него получится выкраивать время на такие вещи, но все же сердечно поблагодарил Клайберна и поехал домой. Книги несколько разочаровали его, поскольку были посвящены квакерству. Оказалось, что Общество Друзей основал в Англии в начале семнадцатого века человек по имени Джордж Фокс, который верил в то, что «Внутренний свет Господа» живет в сердцах даже самых простых людей. Если верить книгам Клайберна, квакеры поддерживали друг друга, хоть и вели обычный образ жизни, посвящая себя поиску друзей и возлюбленных. У них не было определенного вероисповедания, им претили догмы, они считали жизнь таинством и не служили месс. У них не было и духовенства, но они верили в то, что на членов общества может снизойти Святой Дух. Основой их религии являлось то, что они отрицали войну и служили становлению мира.

В Англии Друзей начали преследовать; там им дали оскорбительное прозвище «квакеры», которое появилось после того, как, представ перед судом, Фокс призвал судью «трепетать перед именем Бога», за что тот назвал его «трепетуном» ^[26]. Вильям Пенн основал в Пенсильвании колонию, которая и стала приютом для Друзей, изгнанных из Англии. И вот уже три четверти столетия в Пенсильвании не было милиционной армии — лишь пара полицейских.

Шаман все ломал голову над тем, как им удалось победить пьянство. Отложив в сторону книги, которые дал ему Клайберн, он понял, что не узнал ничего нового о пацифизме; да и Внутренний Свет на него не снизошел.

Сентябрь был теплым, ясным и свежим. Шаману всегда нравилось наблюдать за рекой. Проезжая мимо, он любовался отблесками солнца на бегущей воде, красотой цапель, которых стало меньше, потому что многие птицы уже улетели на юг.

В один прекрасный день он медленно ехал в сторону дома и вдруг увидел под деревом

на берегу реки три знакомых силуэта. Рэйчел как раз снимала с крючка добычу, в то время как ее сын держал удочку; когда женщина бросила трепещущую рыбу обратно в воду, Шаман увидел и Хетти, которая явно была чем-то раздосадована. Он свернул с дороги и подъехал к ним.

— Привет!

— Здравствуйте! — поприветствовала его Хетти.

— Она не дает нам взять ни одной рыбы, — пожаловался Джошуа.

— Готов поспорить, там водятся одни сомы, — с усмешкой заметил Шаман.

Рэйчел никогда не позволяли приносить с рыбалки сомов, потому что в их семье они считались некошерной пищей из-за отсутствия чешуи. А он отлично помнил, что самой приятной частью рыбалки для ребенка был семейный ужин, приготовленный из его улова.

— Я только что от Джека Деймона — каждый день к нему езжу, ему нездоровится. А вы знаете то место недалеко от его дома, где река резко сворачивает в другую сторону?

Рэйчел улыбнулась:

— Это там, где на берегу полно камней?

— Да, так вот там отличное место для рыбалки. Я на днях видел, как несколько мальчишек выловили там отличного маленького окуня.

— Спасибо за совет. Завтра мы сходим туда.

Он заметил, как сильно девочка похожа на мать, когда улыбается.

— Что ж, рад был увидеться с вами.

— Мы тоже! — ответила Хетти.

Он слегка поклонился, приподнял шляпу и развернул коня.

— Шаман, — подойдя ближе, Рэйчел заглянула ему в глаза, — если будешь у Джека Деймона завтра где-то около полудня, присоединяйся к нам у того рыбного места — мы собираемся устроить небольшой пикник.

— Постараюсь, надеюсь, получится заехать, — ответил он.

На следующий день, съездив в очередной раз послушать хрипы в груди Джека Деймона, Шаман направился к реке и увидел там двуколку Гайгеров и серую кобылу, пасущуюся неподалеку.

Рэйчел вместе с детьми рыбачила на камнях. Джошуа подбежал к Шаману, схватил его за руку и подвел к мелкой заводи, где, шевеля жабрами, плескались шесть окуньков, как раз подходящего размера для того, чтобы чуть позже превратиться в обед.

Как только Шаман появился у реки, Рэйчел взяла кусочек мыла и теперь отмывала руки, пытаясь отбить запах рыбы.

— Кажется, на обед будет рыбка, — похвасталась она.

— От такого обеда я бы не отказался, — сказал он. Рэйчел привезла с собой яиц, разрезанных пополам и намазанных соусом, соленых огурцов и лимонада с печеньем из патоки на десерт. После обеда Хетти с серьезным видом объявила тихий час, после чего дети устроились на расстеленном неподалеку одеяле и задремали.

Рэйчел собирала остатки обеда и складывала их прямо в полотняную сумку.

— Ты бы мог тоже взять удочку и порыбачить, если есть такое желание.

— Нет, — отказался он, решив, что приятнее будет пообщаться с ней, чем ловить рыбу.

Она кивнула и устремила взгляд к реке. Стайка ласточек, которые летели с севера в теплые края, щебеча, скользила прямо над водой, двигаясь настолько синхронно, что

казалось, будто они — одно целое; будто это одна лишь птица целовала воду и затем улетала прочь.

— Разве здесь не чудесно, Шаман? Хорошо ведь оказаться дома.

— Конечно, хорошо, Рэйчел.

Некоторое время они обсуждали, каково это — жить в городе. Он рассказал ей о Цинциннати, попутно отвечая на ее вопросы о медицинской школе и больнице.

— А ты, тебе понравилось в Чикаго? — спросил он.

— Мне нравилось, что там можно было запросто сходить в театр или на концерт. Каждый четверг я играла на скрипке в квартете. Джо не был поклонником музыки, но мне отказать не мог. Он был очень добрым человеком, — ответила она. — Так заботился обо мне, когда я потеряла ребенка в первый год после нашей женитьбы.

Шаман кивнул.

— Потом родилась Хетти, и началась война. Война забирала у нас все силы и время. Чикагская община евреев насчитывала не больше тысячи человек. Восемьдесят четыре наших парня ушли воевать, на свои сбережения мы полностью одели и обули их. Они влились в роту «С» восемьдесят второго иллинойского пехотного полка. Солдаты-евреи получили награды за бои под Геттисбергом и многие другие. И я горда тем, что тоже была причастна к этому.

— Но ты ведь сестра Иуды Бенджамина, а твой отец — ярый приверженец южан!

— Знаю. Но Джо поддерживал Север, и я приняла его сторону. В тот день, когда я получила письмо от матери, в котором она писала, что отец ушел служить к конфедератам, на моей кухне как раз проходило заседание общества помощи солдатам, и в его работе принимали участие все женщины нашей общины, — пожала плечами она.

— А потом родился Джошуа. И умер Джо. Вот и вся моя история.

— И вот ты здесь, — сказал Шаман, и она взглянула ему прямо в глаза. А он уже и забыл ее гладкую кожу и тонкие черты лица, забыл ее пухлые губы и глубину ее сверкающих карих глаз. Он не собирался задавать больше вопросов, но один невольно сам сорвался с его губ:

— Ты была счастлива в браке?

Она все так же внимательно смотрела на воду. Ему даже на миг показалось, что он просто не увидел ее ответа, но тут она снова посмотрела на него.

— Скорее, меня все устраивало в этом браке. По правде говоря, я просто смирилась.

— А я вот так и не смог смириться или подчиниться! — воскликнул он.

— Ты не смог сдаться, ты продолжаешь бороться, поэтому тебя назвали Шаманом. Пообещай мне, что никогда не сдашься.

Хетти проснулась и перебралась поближе к матери, стараясь не разбудить все еще спящего братика.

— Пообещай, — настаивала Рэйчел.

— Обещаю, — улыбнулся Шаман.

— Почему ты так странно разговариваешь? — поинтересовалась Хетти.

— А я как-то странно разговариваю? — спросил он, смотря скорее на Рэйчел, чем на ее дочку.

— Да! — заявила девочка.

— Твой голос стал еще более гортанным, чем был до моего отъезда в Чикаго, — осторожно попыталась объяснить Рэйчел. — И, кажется, тебе стало сложно контролировать

его.

Он кивнул, вспомнив, как сложно ему было говорить шепотом в театре во время представления.

— Ты продолжаешь делать те свои упражнения? — спросила Рэйчел.

Она удивилась, когда он ответил, что совсем забросил заниматься речью с тех пор, как уехал из Холден-Кроссинга, чтобы получить образование в медицинской школе.

— У меня не оставалось времени на эти упражнения. Слишком много занимала учеба, — пояснил он.

— Но теперь-то ты стал посвободнее! Обязательно начни снова заниматься своей речью. Если не станешь уделять этому внимания, то забудешь, как правильно говорить. Если ты не против, я бы помогла тебе, как делала это в детстве.

Ее глаза загорелись, легкий ветерок с реки шевелил ее распущенные волосы, и маленькая девочка с ее глазами и улыбкой прижималась к ее груди. Высоко поднятая голова женщины и ее тонкая, красивая шея напомнили Шаману о львице, которую он видел на картинках.

— *Уверен, я смогу, мисс Барнем.*

Он вспомнил ту юную девушку, которая вызвалась помочь глухому парню научиться говорить, и вместе с этим нахлынули воспоминания о том, как сильно он любил ее.

— Я был бы очень благодарен тебе за помощь, Рэйчел, — уверенно ответил Шаман, тщательно расставляя ударения в словах и следя за интонацией.

Они условились встретиться на Длинной тропе, так чтобы обоим было идти недалеко. Он был уверен: она не стала предупреждать Лилиан, что снова будет заниматься с ним, потому не стал рассказывать об этом и своей матери. В первый раз Рэйчел появилась в назначенный час вместе с детишками, которых отправила собирать лесные орехи вдоль дороги.

Рэйчел села на маленькое покрывало, которое принесла с собой, и прислонилась спиной к большому дубу; он устроился перед ней, с готовностью глядя ей в лицо. В качестве упражнения она говорила Шаману какую-нибудь фразу, а тот должен был прочесть по ее губам и повторить за ней с соответствующей интонацией и правильными ударениями в словах. Чтобы немного помочь ему, она брала его за руку и сжимала его пальцы каждый раз, когда нужно было сделать ударение или выделить слово интонацией. Ее руки были теплыми и сухими, ее пальцы касались его так, будто она держала утюг или белье во время стирки — женщина относилась к этому жесту, как к части работы. Собственные руки казались ему горячими и потными, но он окончательно утратил уверенность в себе лишь тогда, когда они приступили к упражнениям. Его речь стала даже хуже, чем он сам предполагал, и исправить ее было довольно сложно. Он почувствовал облегчение, когда из лесу вышли дети с полным орехов ведерком в руках. Рэйчел сказала, что они расколуют их молотком, когда вернутся домой, и достанут ядрышки, а потом испекут с ними хлеб и угостят им Шамана. Они договорились встретиться на следующий день, чтобы позаниматься подольше.

Наутро, закончив работу в амбулатории, он отправился по вызовам. Состояние Джека Деймона резко ухудшилось, его организм полностью истощился из-за болезни. Шаман остался у постели умирающего, чтобы как-то облегчить его боль. Когда Деймон почил, было уже слишком поздно ехать к Рэйчел, поэтому он с мрачным видом отправился домой.

Настала суббота. В доме Гайгеров царил *Шаббат*, и Рэйчел не могла встретиться с ним.

Закончив дела в амбулатории, Шаман самостоятельно взялся за упражнения. Он чувствовал себя как-то тоскливо, потому никак не мог настроиться на рабочий лад; он будто разочаровался в жизни.

Тогда он вновь сел за книги Клайберна почитать еще о движении квакеров, сторонников пацифизма, после чего на следующий день, в воскресенье, отправился в Рок-Айленд. Лавочник еще завтракал, когда Шаман приехал к нему домой. Джордж забрал обратно свои книги и предложил доктору выпить чашечку кофе, однако вовсе не удивился, когда Шаман спросил разрешения посетить квакерское собрание.

Джордж Клайберн был вдовцом. У него служила экономка, но по воскресеньям у нее был выходной, поэтому Шаману пришлось подождать, пока чистоплотный лавочник вымоет посуду; доктору Клайберн предложил насухо вытереть ее. Они отвели Босса в сарай и отправились в Клайберновой двуколке на собрание. По пути Джордж рассказал ему о кое-каких особенностях этих собраний.

— Мы должны молча войти в здание и сесть на лавку — мужчины с одной стороны, а женщины — с другой. Думаю, это для того, чтобы меньше отвлекаться. Люди сохраняют молчание до тех пор, пока Господь не возложит на кого-то ношу тягот мирских, после чего этот человек встает и начинает говорить.

Клайберн тактично посоветовал Шаману занять место в среднем или заднем ряду. Они сидели не вместе.

— Согласно обычаю, старшие члены общины, которые уже долгие годы занимаются общественной работой, должны сидеть в первых рядах, — пояснил лавочник.

Он подался вперед и сказал, понизив голос:

— Некоторые друзья называют нас Жирными Друзьями, — усмехнулся он.

Дом собраний представлял собой небольшое белое сооружение без колоколен и шпилей и был обставлен просто, без излишеств. Окрашенные темной краской лавки были выставлены в форме буквы «П» так, чтобы каждый мог видеть лица остальных. В зале уже сидели четыре человека. Шаман присел на заднюю скамью, поближе к двери, чувствуя себя человеком, который осторожно пробует воду, макнув в нее лишь пальцы ноги. Напротив него сидели шесть женщин и восьмеро детей. Старейшины действительно были в возрасте; Джордж вместе с пятью своими Жирными Друзьями сидели на скамье, установленной на небольшом помосте высотой около фута в передней части помещения.

Тишина, царившая во время собрания, совпадала с личным ощущением Шаманом окружающего мира.

Время от времени приходили новые люди и, не произнося ни слова, усаживались на лавки. Постепенно поток людей прекратился — Шаман огляделся и насчитал вокруг себя одиннадцать мужчин, четырнадцать женщин и двенадцать детей.

Они сидели в полнейшей тишине.

Собрание действовало на Шамана успокаивающе.

Он думал об отце и надеялся, что тот покоится с миром.

Он думал об Алексее.

«Пожалуйста, — мысленно повторял он в полнейшем молчании, которое разделили с ним окружающие его члены общины. — Убереги моего брата, Господи, чтобы он не присоединился к сотням тысяч погибших. Пожалуйста, верни моего безумного, любящего, сбежавшего брата домой».

Он думал и о Рэйчел, но молиться о ней не осмелился.

Он думал о малышке Хетти, унаследовавшей от матери улыбку и глаза, так любившей поболтать.

Он думал о Джошуа, который мало говорил, но, казалось, не сводил с него глаз.

В паре футов от него мужчина средних лет поднялся со скамьи и заговорил. Он был худым и болезненным на вид.

— Эта ужасная война подходит к концу. Медленно, мало-помалу она отступает, мы знаем, она не продлится вечно. Многие газеты призывают нас голосовать на выборах за нового президента — генерала Фремона. Говорят, президент Линкольн не станет преследовать южан, когда война закончится. Генерал Фремон утверждает, что не время прощать — пришло время отомстить жителям Южных штатов, — проговорил он. — Иисус сказал: «Отец, прости их, ибо не ведают они, что творят». Господь же ответил: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его» [\[27\]](#). Мы должны простить грехи, свершенные обеими сторонами в этой бесчеловечной войне, и помолиться о том, чтобы слова псалма этого стали явью, и чтобы воцарились в мире милосердие и истина, праведность и мир. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими [\[28\]](#).

Он сел на свое место, и вновь воцарилась полная тишина.

* * *

Следующей поднялась женщина, которая сидела прямо напротив Шамана. Она сказала, что ищет прощения для человека, который причинил большое зло ее семье. Она хотела освободиться от ненависти и найти в себе снисхождение и милосердную любовь, но никак не могла пересилить себя и простить. Она просила друзей помолиться, чтобы Господь ниспослал ей силы.

Она вернулась на место. Поднялась другая женщина, на этот раз — из дальнего угла, так что Шаману плохо было видно ее лицо, и он вообще не понимал, что она говорит. Спустя некоторое время она села обратно, и снова повисла тишина; все молчали до тех пор, пока рядом с первой женщиной не встал мужчина с очень серьезным лицом. Ему было слегка за двадцать. Он сказал, что должен принять важнейшее решение, которое повлияет на ход всей его дальнейшей жизни.

— Мне нужна помощь Господа и ваши молитвы, — сказал он.

Больше выступающих не нашлось. Время все шло и шло, и тут Шаман увидел, как Джордж Клайберн поворачивается к мужчине, сидящему с ним рядом, и пожимает ему руку. Все присутствующие сочли это знаком того, что собрание окончилось. Несколько человек, сидевшие рядом с Шаманом, пожали руку и ему, после чего все единым потоком направились к выходу.

Это была самая необычная церковная служба, которую Шаману доводилось видеть. Весь обратный путь к дому Клайберна он пребывал в раздумьях.

— Так что же получается, квакеры должны прощать любое преступление? А как же торжество справедливости над злом?

— О, мы верим и в справедливость, — ответил Клайберн. — Мы не верим лишь в месте и жестокость.

Шаман знал, что несмотря ни на что его отец хотел отомстить за смерть Маквы, и теперь он сам хотел закончить начатое им.

— А вы бы стали бороться, если бы кто-то на ваших глазах собирался застрелить вашу мать? — спросил он и смутился, когда в ответ услышал, как Джордж тихо рассмеялся.

— Рано или поздно этот вопрос задает каждый, кому интересен пацифизм. Моя мать умерла давным-давно, но если бы я попал в такую ситуацию, уверен, Господь дал бы мне знак и подсказал, как правильно поступить. Сам подумай, Шаман. Ты ведь не откажешься от проявлений жестокости только лишь потому, что я тебе так сказал. Такое решение идет не отсюда, — показал он на свои губы, — и не отсюда, — теперь он коснулся пальцем лба доктора. — Такое решение можно принять лишь сердцем, — он похлопал Шамана по груди. — И лишь тогда ты сможешь вложить меч в ножны и откажешься от насилия, — сказал он, будто Шаман был каким-нибудь древним римлянином или вестготом, а не глухим, которому отказали в поступлении на военную службу.

— Это произойдет лишь потому, что у тебя не останется другого выбора, — пояснил Клайберн, снова засмеялся и натянул поводья, чтобы лошадь скакала быстрее.

Конец дневника

— Гайгеры приглашают нас вечером на чай, — сказала Шаману мать. — Рэйчел говорит, мы просто обязаны к ним заглянуть. Возьмем с собой лесных орешков для детворы?

Вечером они отправились по Длинной тропе к Гайгерам. Рэйчел принесла свой новый осенний плащ из мягкой пряжи цвета молодой травы, чтобы показать его Саре.

— Между прочим, пряжа — из шерсти Коулов! — похвасталась она, и все тут же рассыпались в комплиментах в адрес Лилиан, которая связала такую прекрасную вещь.

Рэйчел пообещала, что наденет его в следующий понедельник, когда поедет в Чикаго.

— Надолго уезжаешь? — спросила Сара, на что та ответила, что уезжает всего лишь на пару дней.

— Едет по делам, — сказала Лилиан слегка недовольным тоном.

Когда Сара мимоходом похвалила душистый английский чай, Лилиан вздохнула и сказала, что ей просто повезло достать его.

— Во всех Южных штатах почти не осталось кофе, да и чай приличный тоже сложно найти. Джей говорит, что и кофе, и чай продают в Виргинии по пятьдесят долларов за фунт!

— О, так он недавно написал тебе? — заинтересовалась Сара.

Лилиан кивнула:

— Да, он сообщил, что жив-здоров, слава богу.

Лицо Хетти просияло, когда ее мать внесла в столовую хлеб — еще теплый, только из печи.

— Мы вместе его готовили! — похвасталась малышка. — Мама смешала все, а я с Джошуа засыпали в тесто орешки!

— Мы с Джошуа, — поправила ее бабушка.

— Ба, ты ведь даже в кухню не заходила!

— Орешки просто бесподобны, — сказала девочке Сара.

— Это я с Хетти нашли их, — гордо заявил Джошуа.

— Мы с Хетти, — снова поправила Лилиан.

— Нет, ба, тебя там не было, мы собирали их в лесу на Длинной тропе, пока мама и Шаман сидели на покрывале и держались за руки.

Повисла пауза.

— У Шамана небольшие проблемы с речью, — начала объяснять Рэйчел. — Ему просто нужно побольше практиковаться. Я опять ему помогаю, как в детстве. Мы встречались в лесу, чтобы дети погуляли на свежем воздухе, но теперь он будет приезжать к нам домой, чтобы мы могли играть на фортепиано во время занятий.

Сара кивнула.

— Да, Роберту не помешает поработать над своей речью.

Лилиан тоже кивнула:

— Да, как же ему повезло, что Рэйчел вернулась домой, — сказала она довольно сухим тоном и забрала у Шамана чашку, чтобы подлить ему английского чая.

На следующий день, когда он по Длинной тропе возвращался домой после выездов на дом к пациентам, он встретил Рэйчел, которая шла в обратную сторону, хотя они и не договаривались заранее.

— А где же мои маленькие друзья?

— Они помогали мне с уборкой в доме и пропустили свой «тихий час», поэтому сейчас как раз прилегли вздремнуть.

Он развернул коня, спешил и пошел вместе с ней. В лесу раздался щебет. На ближайшем дереве он увидел кардинала. Громкая трель прозвучала в полной тишине.

— Я поругалась с мамой. Она хотела, что мы все вместе уехали в Пеорию на Дни трепета ^[29], но я отказалась, потому что не хочу провести праздники в обществе кандидатов в мужья, которых матушка выберет из числа холостяков и вдовцов. Так что я остаюсь дома на выходные.

— Хорошо, — тихо сказал он, и она улыбнулась в ответ.

Затем она рассказала ему еще об одной ссоре, которая произошла из-за того, что кузен Джо Розенберг надумал жениться на ком-то другом и предложил выкупить их семейное дело, раз уж ему не удалось получить его, женившись на Рэйчел. Именно для этого ей придется съездить в Чикаго — продать компанию.

— Твоя мать теперь будет спокойна за тебя. Она любит тебя.

— Я знаю. Может, займемся твоей речью?

— Почему бы и нет, — протянул он ей руку в ответ.

На этот раз он ощутил едва заметную дрожь в ее пальцах, когда она взяла его за руку. Возможно, это уборка дома настолько утомила ее, а может быть, виной всему были ссоры с матерью. Но он все же надеялся на нечто большее; ему показалось, что она думает о том же, и он невольно погладил ее по руке.

Сегодня они работали над контролем дыхания, необходимым для правильного выговора звука «п», который произносится на выдохе. Он с мрачным видом повторял одно и то же бессмысленное предложение о перепеле, перепелке и их пятерых перепелятах. Когда он

закончил, она покачала головой.

— Нет. Попробуй почувствовать, как я это произношу, — предложила она и положила его руку себе на горло.

Но все, что он чувствовал сейчас, — это теплое тело Рэйчел, которого он касался.

Не то чтобы он это планировал; приди ему такое в голову, он бы отогнал все подобные мысли прочь. Он провел пальцами по ее шее, погладил по щеке и наклонился к ней. Поцелуй был бесконечно сладок! С тех пор как ему было пятнадцать, он мечтал о нем! Сходил с ума от желания поцеловать девочку, в которую был безнадежно влюблен! Но теперь они были взрослыми мужчиной и женщиной и наконец целовались. Их обоюдное желание было настолько удивительным для него, настолько необычным после столь долгой дружбы, которую она дарила ему, что он боялся поверить в происходящее.

— Рэйчел... — выдохнул он, когда она отпрянула от него.

— Нет! Господи...

Но когда он снова заключил ее в свои объятия, она осыпала его лицо легкими поцелуями, подобными горячим каплям летнего дождя. Он целовал ее глаза, губы, уголки рта и нос. Он почувствовал, как она сильнее прижимается к нему всем телом.

Он прочел по ее губам слова, которые видел раньше сотни раз — именно ими заканчивала каждое занятие Дороти Барнем:

— Думаю, на сегодня хватит, — сказала она, задыхаясь.

Она развернулась и пошла по тропе в сторону дома, а Шаман просто стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом Длинной тропы.

Тем вечером он начал читать последнюю часть отцовского дневника, повествующую о неопишуемой боли и отчаянии, которые пронизывали все естество Роберта Джадсона Коула. В этой части крупным, четким почерком отец писал об ужасах войны, увиденных им на берегу Раппаханнока.

Когда Шаман дошел до разоблачения Робом Джеем Леннинга Ордуэя, он отложил дневник в сторону. Ему было сложно поверить в то, что спустя столько лет его отец сумел найти одного из тех, кто был причастен к смерти Маквы.

На улице уже стемнело, и он зажег лампу, чтобы почитать еще.

Он несколько раз возвращался к письму Ордуэя некому Гуднау.

Уже перед самым рассветом он дочитал дневник до самого конца. Он пролежал на кровати, полностью одетый, еще целый час. Когда он увидел, как мать зажгла на кухне свет, то направился в сарай и позвал в дом Олдена. Он показал ему и матери письмо Ордуэя и рассказал о том, где нашел его.

— В дневнике? Ты читал его дневник? — удивилась мать.

— Да. Хочешь тоже прочесть?

Она покачала головой.

— Мне это не нужно. Я — его жена. Я знаю все, что нужно.

И мать, и сын заметили, что Олден мучается от похмелья, поэтому Сара решила сделать кофе.

— Не знаю, что и делать с этим письмом.

Шаман дал им письмо еще раз, чтобы они перечли его повнимательнее.

— А что вообще можно с ним сделать? — раздраженно спросил Олден. Внезапно Шаман осознал, как сильно тот постарел. Он только и делал, что пил, либо был пьян

настолько, что уже и пить больше не мог. Он дрожащими руками насыпал сахар себе в чашку.

— Твой папа каждый божий день пытался придумать способ, как наказать убийц той женщины по закону. Или ты думаешь, что тебя послушают, раз ты нашел это письмецо?

— Роберт, когда это все закончится? — горько спросила мать. — Кости этой женщины погребены в нашей земле вот уже многие годы, а вы двое — ты и твой отец — не хотите оставить ее в покое, и нас вместе с ней. Почему ты просто не порвешь это письмо и не забудешь о старой боли, не дашь мертвым покоиться с миром?

Но Олден покачал головой:

— Без обид, миссис Коул, но этого мальчишку не унять, как и его отца, когда речь идет о тех индейцах, — сказал он, подул на кофе, держа чашку обеими руками, и обжегся им, сделав глоток. — Нет, он до смерти не успокоится, будет идти по следу, как собака, как это делал прежде его отец. — Он перевел взгляд на Шамана. — Если мое слово что-то для тебя значит, хотя это вряд ли, надо бы тебе съездить в Чикаго как-нибудь и узнать, что это за Гуднау, вдруг он тебе что расскажет. Иначе придется тебе уработаться до смерти, чтобы забыть о нем, да и нам вместе с тобой.

У матушки Мириам было свое мнение на этот счет. Когда в тот же день Шаман приехал в монастырь и показал ей письмо, она кивнула.

— Твой отец рассказал мне о Дэвиде Гуднау, — спокойно сообщила она.

— Если преподобный Гуднау — на самом деле преподобный Паттерсон, то он должен ответить за смерть Маквы!

Матушка Мириам вздохнула.

— Шаман, ты — доктор, а не полицейский. Пускай лучше Господь свершит правосудие над этим мужчиной. Мы же отчаянно нуждаемся в тебе, как во враче. — Она подалась вперед и пристально заглянула ему в глаза. — У меня есть важные новости. Наш епископ прислал весточку, что сможет выделить нам средства на то, чтобы мы открыли здесь больницу.

— Преподобная матушка, это же превосходно!

— Да-да, именно превосходно.

Улыбка осветила ее лицо; она была искренне рада, подумал Шаман. Он вспомнил, как отец писал в дневнике, что совсем недавно она получила наследство, доставшееся ей после смерти отца, и все до последнего пенни передала церкви; поэтому теперь ему оставалось лишь гадать, была ли милость епископа связана с этим фактом. Но ее радость была совершенно искренней, в ее голосе не прозвучало и доли цинизма.

— Наконец-то и в нашем городе будет больница, — похвасталась она с лучезарной улыбкой. — И наши сестры станут лечить людей в больнице святого Франциска Ассизского.

— И я смогу обслуживать в этой больнице своих пациентов.

— На самом деле, мы надеялись на нечто большее. Все сестры меня поддержали в этом вопросе. Мы хотим, чтобы ты стал директором нашей больницы.

На миг он задумался.

— Это большая честь для меня, ваше преподобие, — сказал он в конце концов. — Но на эту должность вам нужен человек постарше, кто-то более опытный. И к тому же я не католик.

— Когда я только мечтала об открытии больницы, то надеялась, что это место займет

твой отец. Господь послал нам твоего отца, он был нам другом и хорошим врачом, но теперь его нет с нами. Сейчас Господь дал нам тебя. Ты лечишь жителей Холден-Кроссинга, и именно ты должен стать директором больницы.

Она улыбнулась.

— А что касается того, что ты слишком молод, то мы все сошлись во мнении, что ты — самый взрослый юноша из всех, кого мы когда-либо встречали. Да и больница будет небольшой, всего лишь на двадцать пять коек, так что все мы будем расти вместе с ней. Я бы хотела дать тебе один совет. Не будь излишне скромным, ты достиг очень многого. Не бойся ставить перед собой высокие цели, Господь щедр к тебе.

Шаман смутился, но улыбнулся при мысли о том, что у него будет больница.

— Ваши бы слова да Богу в уши, преподобная матушка, — сказал он.

64

Чикаго

О своем разговоре с настоятельницей Шаман рассказал только матери. Сара удивилась и от всего сердца порадовалась за него, испытывая невероятную гордость.

— Будет просто чудесно, если у нас будет своя больница и ты будешь ее директором. Твой отец был бы просто счастлив!

Епископ предупредил матушку Мириам, что епархия не выделит средств на постройку больницы до тех пор, пока не будет представлен и одобрен план работы.

— Пока мы ждем, Мириам Фероция попросила меня съездить в несколько других больниц и изучить, как они организуют свою работу, — сказал он.

Шаман уже знал, куда именно он поедет и каким поездом.

В понедельник он отправился в Молин и договорился со знакомыми о том, что оставит у них Босса на пару дней. Поезд в Чикаго прибывал в этот городок днем, в три часа двадцать минут, и стоял совсем недолго — всего лишь время, необходимое для погрузки товаров компании Джона Диры по производству плугов, поэтому уже в два часа сорок пять минут Шаман ожидал на вымощенной досками платформе.

Когда поезд прибыл, он решил начать поиски с последнего вагона. Он знал, что Рэйчел села в этот же поезд несколько минут назад, в Рок-Айленде, и нашел ее в третьем с конца вагоне; она сидела одна. Он мысленно отрепетировал, как удивленно поздоровается с ней, отпустит пару шуточек об их «случайной» встрече, но она вдруг побледнела, увидев его.

— Шаман... Что-то случилось с детьми?

— Нет-нет-нет, я просто еду в Чикаго по своим делам, — поспешно заверил он, ругая себя за то, что забыл сделать вид, будто несказанно удивлен. — Можно присесть?

— Конечно.

Но когда он поставил свой чемоданчик на ее полку и сел рядом с ней, то почувствовал какое-то напряжение.

— Шаман, тот день в лесу...

— Мне он очень понравился, — уверенно сказал он.

— Мы не должны больше так делать.

И снова он впал в отчаяние.

— Но мне казалось, тебе тоже понравилось, — сказал он, и кровь прилила к его щекам.

— Не в этом дело. Мы не должны предаваться таким... удовольствиям, от этого реальность станет лишь еще более жестокой.

— И какова же эта реальность?

— Я — овдовевшая еврейка с двумя детьми.

— И?

— Я поклялась никогда не позволять больше родителям выбирать мне мужа, но это не значит, что я не захочу выбрать его сама, если полюблю кого-нибудь.

Эти слова причинили ему острую боль. Но на этот раз он не хотел молчать, скрывая свои чувства.

— Я любил тебя всю свою жизнь. Мне никогда не встречалась женщина, красивее тебя душой или телом. Ты — средоточие всех добродетелей.

— Шаман, пожалуйста... — Она отвернулась и уставилась в окно, но он не умолкал.

— Ты заставила меня пообещать, что я никогда не сдамся и не покорюсь никому. И я не могу позволить себе потерять тебя снова. Я хочу жениться на тебе и стать отцом для Хетти и Джошуа.

Она все так же сидела и смотрела в окно на поля и фермы, мимо которых мчался поезд.

Он сказал все, что хотел, и достал из кармана медицинский журнал, чтобы почитать об этиологии и способах лечения коклюша. Наконец, Рэйчел отвернулась от окна, достала сумку из-под сиденья и вынула из нее свое вязание. Он заметил, что она вяжет маленький свитер из синей пряжи.

— Это для Хетти?

— Нет, для Джошуа. — Их взгляды встретились и задержались друг на друге, после чего она нежно улыбнулась и продолжила вязать.

Когда они проехали уже пятьдесят миль, стало совсем темно и пришел кондуктор, чтобы зажечь лампы. Около пяти часов они проголодались настолько, что не могли ждать больше ни минуты. Шаман достал сверток с ужином, в котором лежала жареная курица и яблочный пирог, а Рэйчел достала хлеб, сыр, вареные вкрутую яйца и четыре маленьких сахарных груши. Они поделились друг с другом пирогом, яйцами и фруктами. Еще у него была с собой фляга с колодезной водой.

После остановки в Джолиете кондуктор погасил свет, и Рэйчел ненадолго уснула. Когда она проснулась, ее голова покоилась на плече Шамана, а он сам держал ее за руку. Руку она убрала, но на миг задержалась на его плече. Когда поезд выехал из темноты прерий и оказался в море огней, она резко поднялась и начала поправлять волосы, зажав шпильки в крепких белых зубах. Закончив с прической, она сообщила Шаману, что они приехали.

На станции они наняли экипаж и отправились прямо в паломническую гостиницу, где поверенный Рэйчел заранее заказал ей комнату. Шаман проводил ее до комнаты 306 и дал на чай носильщику. Ему дали комнату 508 на пятом этаже.

— Тебе нужно что-нибудь еще? Может быть, кофе?

— Пожалуй, нет, Шаман. Уже поздно, а у меня так много дел завтра.

Также она не захотела присоединиться к нему во время завтрака.

— Почему бы нам не встретиться здесь в три часа? Я могу показать тебе Чикаго после обеда, — предложила Рэйчел.

Он согласился, сказав, что это отличная идея, и поднялся к себе на пятый этаж. Сначала распаковал вещи: часть из них разложил по полкам в комод, а часть повесил в платяной шкаф. Потом снова пошел вниз, чтобы воспользоваться уборной, расположенной позади отеля, которая неожиданно оказалась чистой и убранный.

На обратном пути он на миг задержался на третьем этаже и бросил взгляд в сторону ее комнаты в другом конце коридора, но затем все же отправился на свой пятый этаж.

Рано утром, сразу после завтрака, он отправился искать улицу Бриджтон-стрит, которая, как оказалось, находилась в расположенном неподалеку рабочем районе, застроенном деревянными сооружениями. Когда он постучался в дом № 237, дверь ему открыла усталая молодая женщина, которая держала на руках младенца, за ее юбку уцепился еще один малыш.

Она покачала головой, когда Шаман спросил о преподобном Дэвиде Гуднау.

— Мистер Гуднау не живет здесь уже больше года. До меня доходили слухи, что он сильно болеет.

— Вы не знаете, куда он переехал?

— Да, он сейчас... вроде как в больнице. Мы никогда не видели его. Мы просто отсылаем в больницу плату за аренду дома. Такое указание дал нам его поверенный.

— Не могли бы вы сказать мне, как называется эта больница? Мне очень важно встретиться с ним.

Она кивнула.

— Да, у меня записано ее название, погодите, схожу на кухню, — сказала она и ушла, но тут же вернулась вместе с малышом, который хвостиком следовал за мамой, и протянула ему клочок бумаги.

— Приют Дирборна, — прочла она. — На Сэйбл-стрит.

Домовой знак был скромным, но заметным: у центрального входа была помещена бронзовая табличка, которая гласила:

*Приют Дирборна
для алкоголиков и душевнобольных*

Здание представляло собой трехэтажный особняк из красного кирпича. На его окнах были установлены прочные железные решетки, на стене, окружающей это сооружение — острые металлические штыри.

За дверью из красного дерева обнаружилась темная прихожая, в которой стояло два кресла с набивкой из конского волоса. В маленьком кабинете сразу за прихожей за столом сидел немолодой мужчина и делал записи в огромной бухгалтерской книге. Он кивнул, когда Шаман спросил у него о Дэвиде Гуднау.

— У мистера Гуднау не было посетителей уже бог весть сколько. Не уверен, что его вообще кто-нибудь когда-нибудь навещал. Вам лишь нужно расписаться в книге посетителей, а я пока позову доктора Берджеса.

Доктор Берджес появился пару минут спустя — невысокий мужчина с черными волосами и тонкими вычурными усиками.

— Доктор Коул, вы член семьи или друг мистера Гуднау? Или же пришли по профессиональному вопросу?

— Я знаком с другом мистера Гуднау, — осторожно ответил Шаман. — В Чикаго проездом, вот и решил проведать его.

Доктор Берджес кивнул.

— Вообще-то часы посещения у нас во второй половине дня, но для коллеги мы, пожалуй, сделаем исключение. Пожалуйста, пройдите со мной.

Они поднялись по крутым ступеням на второй этаж, и доктор Берджес постучал в запертую дверь, которую открыл с той стороны рослый санитар. Этот крепкий парень повел их по длинному коридору, где у стен то тут, то там сидели женщины, которые либо говорили сами с собой, либо просто смотрели в пустоту. Они обошли стороной лужу мочи; кое-где на полу Шаман заметил даже дурно пахнущие экскременты. В некоторых комнатах женщины были прикованы к стене. Шаман четыре мрачных недели проработал в государственном приюте Огайо, когда еще учился в медицинской школе, а потому не особо удивлялся подобным натюрмортам и запахам. Сейчас он был рад, что ничего не слышит.

Санитар открыл еще одну дверь и повел их дальше по коридору в мужское крыло, где оказалось ненамного лучше, чем в женском. В конце концов Шамана проводили в небольшую комнату, в которой были лишь стол и пара деревянных стульев, и попросили подождать.

Вскоре доктор с санитаром вернулись, ведя за собой пожилого мужчину, одетого в рабочие брюки с оторванными пуговицами и грязный пиджак, надетый прямо поверх белья. Ему бы не помешало подстричься, его седые усы и борода торчали клочьями во все стороны. Через них была едва видна его нервная улыбка и бегающие глаза.

— Познакомьтесь, это мистер Гуднау, — сказал Берджес.

— Мистер Гуднау, я — доктор Коул.

Улыбка осталась прежней. Он по-прежнему не смотрел на него.

— Он не может говорить, — пояснил доктор Берджес.

Тем не менее Шаман поднялся со стула и подошел к мужчине поближе.

— Мистер Гуднау, это вас звали раньше Элвудом Паттерсоном?

— Он вот уже год молчит, — терпеливо сказал доктор Берджес.

— Мистер Гуднау, это вы изнасиловали и убили индейскую женщину в Холден-Кроссинге? Вы тогда исполняли приказ Ордена звездно-полосатого флага?

Доктор Берджес и санитар удивленно уставились на Шамана.

— Где мне найти Хэнка Коффа?

— Он болен сифилисом. Парез уничтожил часть его мозга, — попытался вмешаться доктор Берджес.

— Откуда вам знать, что он не притворяется?

— Мы наблюдали за ним все это время, нам точно это известно. Зачем кому-то притворяться и жить из-за этого такой ужасной жизнью?

— Много лет назад этот мужчина был соучастником ужасного, бесчеловечного преступления. Ненавижу его за то, что он ушел от наказания, — горько ответил Шаман.

Дэвид Гуднау начал пускать слюни. Доктор Берджес посмотрел на него и покачал головой.

— Не думаю, что он остался безнаказанным, — сказал он.

Шамана повели к выходу, где доктор Берджес вежливо попрощался с ним и упомянул, что их приют принимает также пациентов по направлению врачей из больниц западного Иллинойса. Шаман шел по городу прочь от этого места, шурясь на ярком солнце. После приюта городские запахи оказались на диво приятными. У него слегка закружилась голова, и он просто бесцельно бродил по ближайшим кварталам, погружившись в свои мысли.

Ему казалось, что это конец. Один из тех, кто забрал жизнь Маква-иквы, был мертв. Другой, как он только что сам убедился, оказался в аду при жизни, а местоположение третьего оставалось неизвестным.

Мириам Фероция была права, решил он. Настало время оставить убийц Маква-иквы в покое, чтобы над ними вершил суд Господь, и сосредоточиться на медицине и собственной жизни.

Он взял упряжку до центра Чикаго, а потом еще одну — до городской больницы, которая тут же напомнила ему больницу Цинциннати. Там все было правильно, здание было большим, рассчитанным почти на пятьсот коек. Когда он объяснил цель своего прибытия и попросил о встрече со здешним директором, его приняли с исключительной любезностью.

Главный врач привел его к старшему хирургу, и вдвоем они рассказали ему о том, что может понадобиться маленькой больнице. Закупщик посоветовал ему несколько надежных складов, которые смогут обеспечить непрерывные поставки. Шаман расспросил и их главного распорядителя о количестве белья, необходимом для того, чтобы все койки оставались чистыми. Он все тщательно записывал в записную книжку.

Он вернулся в гостиницу как раз к трем — Рэйчел уже ждала его в холле. По ее лицу он тут же заметил, что для нее день выдался весьма удачным.

— Я закончила все дела, теперь компания — больше не моя собственность, — похвасталась она. Женщина рассказала ему, что поверенный отлично поработал и подготовил все необходимые документы, а полученные от продажи деньги она уже перевела на сберегательный счет для Хетти и Джошуа.

— Нам нужно это отпраздновать, — обрадовался он, плохое настроение от утреннего визита в приют полностью испарилось.

Они взяли первый попавшийся двухколесный экипаж на углу, сразу возле гостиницы. Шаман не хотел смотреть на концертный зал или новые скотные дворы. В Чикаго его интересовало только одно.

— Покажи мне места, где ты любила бывать, когда жила здесь, — попросил он.

— Что ты, это же так скучно!

— Пожалуйста.

Рэйчел подалась вперед, рассказала кучеру, куда ехать, и экипаж тронулся.

Сначала она смущалась, показывая ему магазин музыкальных инструментов, где она покупала струны и новую скрипку и куда часто отдавала в починку колки. Но потом она с радостью узнала магазины, в которых покупала туфли и шляпки, и дом портнихи, у которой она заказывала белую рубашку к праздничному костюму, подарок отцу на день рождения. Они проехали почти двадцать кварталов, пока не добрались до величественного здания, которое, как сказала Рэйчел, было храмом общины «Синай».

— Это здесь я по четвергам играла на скрипке в квартете, и именно сюда по пятницам мы приходили на службы. Хотя мы с Джо венчались в синагоге Кехила Анхе Маарив, где тетушка Джо, Гарриет Фербер, была довольно известной личностью.

Четыре года назад Джо и еще несколько членов общины отделились от синагоги и основали «Синай» — общину, следующую реформистскому иудаизму. Они довольно сильно отступили от классических ритуалов и традиций, в результате чего произошел довольно громкий скандал. Тетя Гарриет вначале пришла в ярость, но это не послужило причиной для серьезных размолвок, мы сохранили с ней довольно теплые отношения. Когда год спустя она умерла, мы назвали в честь нее дочку.

Она попросила кучера направиться в небольшой район по соседству с общиной, застроенный маленькими, но милыми домиками. На Тайлер-стрит Рэйчел показала ему дом из коричневого гонта:

— А здесь мы жили.

Шаман начал вспоминать, как она выглядела, когда уехала в Чикаго, и представил ту молоденькую девушку в этом симпатичном доме.

Еще через пять кварталов они оказались в торговом центре города.

— Мы просто обязаны здесь остановиться! — воскликнула Рэйчел.

Они вышли из экипажа и зашли в бакалейную лавку, где пахло специями и солью. К ним тут же подошел краснощекий белобородый старик, почти такой же высокий, как Шаман. На его лице сияла лучезарная улыбка, он тщательно вытирал руки о свой рабочий фартук.

— Миссис Розенберг, какое счастье видеть вас снова!

— Благодарю, мистер Фройденталь. Я тоже очень рада вас видеть. Я хотела бы купить у вас кое-что домой, для мамы.

Она купила пару копченых рыбин, немного маслин и большой кусок марципана. Бакалейщик бросил любопытный взгляд на Шамана.

— Он не ест йидде ^[30], — заметил он.

— Найн. Ер ист айн гуте фройнд ^[31], — поспешно принялась пояснять она, поскольку старик продолжал вопросительно смотреть на нее.

Шаману не нужно было знать язык, чтобы понять, что именно она говорит. Вначале он ощутил легкую обиду, но почти сразу понял, что вопрос этого старика — это такая же часть жизни Рэйчел, как Хетти и Джошуа. Когда-то они с Рэйчел были детьми и жили в чистом и невинном мире, где редко встречались какие-либо разногласия, но теперь они выросли и им приходилось сталкиваться с противоречиями реальности.

Взяв у бакалейщика свертки с ее покупками, он улыбнулся старику.

— Хорошего вам дня, мистер Фройденталь, — сказал он и вместе с Рэйчел вышел из магазина.

Они привезли свертки в гостиницу. Пора было обедать, и Шаман хотел договориться о том, чтобы они поели в гостиничной столовой, но Рэйчел сказала, что знает отличное место. Она повела его в «Паркман», маленький ресторанчик совсем недалеко от гостиницы. Он был довольно скромным, цены там были умеренные, но еда и обслуживание оказались просто замечательными. После обеда, когда он спросил, чем бы она хотела заняться теперь, женщина ответила, что хотела бы прогуляться у озера.

С воды веял легкий ветерок, но погода все же была по-летнему теплой. На небе сияли яркие звезды, луна была почти полной в преддверии осеннего равноденствия, но было уже слишком темно, чтобы он мог рассмотреть ее губы, поэтому они не разговаривали. Будь он с другой женщиной, ему стало бы неловко, но он знал, что Рэйчел принимает молчание в

темноте как должное.

Они шли по насыпной дороге вдоль озера, пока она не остановилась у фонаря, оказавшись в ярком пятне света.

— Я слышу откуда-то ужасную музыку, сплошной звон тарелок!

Вновь оказавшись на освещенной улице, они увидели нечто довольно любопытное — круглое возвышение под большим навесом, на котором по кругу были закреплены разукрашенные деревянные животные.

— Это у вас что-то вроде большой шарманки? — спросила Рэйчел.

— Нет, это карусель. Выбираете себе животное, садитесь на него и катаетесь, *très drole, très plaisant* ^[32], — ответил хозяин-француз. — За каждую поездку всего двадцать центов, меся.

Роб сел на коричневого медведя. Рэйчел выбрала лошадь ярко-красного цвета. Француз покряхтел, взялся за рукоять, и все это сооружение начало вращаться.

К шести, находящемуся в центре карусели, было подвешено кольцо — табличка над ним гласила, что тому, кто сумеет ухватиться за него, не слезая со своей фигурки, в награду достанется еще одна, бесплатная поездка. Сомнений не было, кольцо располагалось так, чтобы большинство посетителей просто не смогли до него дотянуться, но благодаря своему росту Шаман мог претендовать на этот приз. Завидев, что тот пытается дотянуться до кольца, француз стал вращать рукоять быстрее, и карусель значительно ускорила свой ход, но Шаман не растерялся и попытался еще раз.

Он сумел выиграть несколько бесплатных поездок для Рэйчел, но совсем скоро владелец карусели объявил перерыв, потому как у него устали руки. Шаман слез со своего медведя и сам стал вертеть рукоятку. Карусель вращалась все быстрее и быстрее, красная лошадь перешла с рыси на галоп. Рэйчел пролетала мимо, откинув голову назад и заливаясь смехом, как ребенок, однако она вызывала у него совершенно взрослое влечение. И не только Шаман был очарован ее красотой. Француз, горя желанием поскорее закрыть свою лавочку, также бросал в ее сторону умоляющие взгляды.

— Вы есть последние клиенты для сегодня, — сообщил он Шаману. — Уже *finis* ^[33] сезона. Скоро все замерзнет.

Рэйчел прокатилась на карусели одиннадцать раз. Шаман, понимая, что они задержали ее владельца допоздна, дал ему щедрые чаевые. В ответ благодарный француз подарил Рэйчел прозрачную стеклянную кружку, на которой был изображен букет цветов.

Они вернулись в гостиницу растрепанные и счастливые.

— Я отлично провела время, — сказала Рэйчел на пороге своей комнаты.

— Я тоже... — начал он, и прежде чем он успел сделать или сказать что-то еще, она легонько поцеловала его в щеку и скрылась в комнате.

Поднявшись к себе, он лег на кровать не раздеваясь. В конце концов, он спустился двумя этажами ниже. Она открыла ему не сразу. Он уже было отчаялся и собрался уходить, но тут дверь распахнулась. На пороге появилась Рэйчел, одетая в халат.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— Ты войдешь или мне выйти к тебе? — спросила она. Он заметил, что она нервничает.

Он вошел в комнату и запер за собой дверь.

— Рэйчел, — начал он, но она заставила его умолкнуть, коснувшись пальцами его губ. — Когда я была еще девчонкой, я частенько гуляла по Длинной тропе и однажды нашла там одно прекрасное местечко, где лес спускался прямо к воде, как раз у самой границы

земель моего отца. И я сказала себе, что ты обязательно вырастешь, построишь там дом и спасешь меня от нежеланной свадьбы со стариком с гнилыми зубами. Я представляла себе наших детей — сына, похожего на тебя, и трех дочек, которых ты будешь с любовью растить, водить в школу и которых точно не выдашь замуж насильно, позволив им жить в отчем доме столько, сколько они сами захотят.

— Я люблю тебя всю свою жизнь.

— Знаю, — ответила она, и он снова поцеловал ее, в то время как ее пальцы начали расстегивать пуговицы на его рубашке.

* * *

Они оставили свет зажженным, чтобы разговаривать и видеть друг друга.

Они занялись любовью неистово и нежно. Побывав на вершине блаженства, она уснула быстро, как кошка, а он лежал и смотрел, как ее грудь ровно вздымается во сне. Вскоре она проснулась и взглянула на него.

— Даже после того, как я вышла за Джо... после того, как стала матерью, я все равно мечтала о тебе.

— Удивишься, но я откуда-то знал об этом. И от этого становилось только хуже.

— Я боюсь, Шаман!

— Чего, Рэйчел?

— Долгие годы я пыталась оставить всякую надежду... Знаешь, что делают в религиозной семье, когда кто-то выходит замуж за человека, который не принадлежит к нашей вере? У нас принято завешивать зеркала и скорбеть. И молиться за упокой.

— Не бойся. Мы все объясним, и твоя семья поймет нас.

— А если они никогда нас не поймут?

Он тоже переживал, но этот вопрос нельзя было оставить без ответа.

— Если они не поймут, тебе придется принять решение, — сказал он.

Они посмотрели друг на друга.

— И никто из нас не покорится, так? — спросила Рэйчел. — Верно?

— Верно.

Они поняли, что все уже определено и их решение будет тверже любой клятвы, и обняли друг друга так сильно, будто были друг для друга единственным спасением.

На следующий день, по пути домой, у них произошел серьезный разговор.

— Мне нужно некоторое время, — сказала Рэйчел.

Когда он спросил, о каком времени идет речь, та ответила, что хочет рассказать обо всем отцу лично, а не в доставленном почтальоном письме.

— Не думаю, что это займет много времени. То, что конец войны уже близок, чувствуют все.

— Я и так слишком долго ждал тебя. Думаю, еще немного смогу потерпеть, — ответил он. — Но я не хочу, чтобы мы встречались тайно. Хочу заходить к тебе в гости, звать тебя прогуляться. А еще хочу проводить время с Хетти и Джошуа, чтобы узнать их поближе.

Рэйчел улыбнулась и кивнула.

— Хорошо, — согласилась она и взяла его за руку.

В Рок-Айленде ее должна была встретить Лилиан. Шаман сошел с поезда в Молине, зашел в конюшни и забрал коня. Он проехал вверх по реке тридцать миль и сел на паром, чтобы переправиться через Миссисипи в Клинтон, штат Айова. Заночевал он в гостинице «Рэнделл», сняв там роскошный номер с мраморным камином и с подведенным водопроводом, так что в ванной комнате у него была горячая и холодная вода. Уборная располагалась в необычной пятиэтажной кирпичной пристройке так, чтобы к ней имели доступ постояльцы со всех этажей.

На следующий день он отправился смотреть местную больницу. Его ожидало глубокое разочарование. Городская больница Клинтона оказалась довольно маленькой, какой, в целом, задумывалась и их больница в Холден-Кроссинге. Здесь царили грязь и неорганизованность. Единственное, чему он мог научиться, так это тому, как делать не стоит. Шаман постарался убраться оттуда как можно скорее. Он заплатил капитану плоскодонки за то, чтобы тот доставил его вместе с Боссом вниз по реке — в Рок-Айленд.

Уже на пути к Холден-Кроссингу он попал под холодный дождь, но душу ему согревали мысли о Рэйчел и об их совместном будущем.

Когда наконец он добрался домой и поставил лошадь в стойло, он вошел в кухню и обнаружил там мать, которая как-то слишком ровно сидела на стуле, примостившись на самом его краешке. Очевидно, она дожидалась его, потому что слова сорвались с ее губ в тот же миг, как он переступил порог комнаты:

— Твой брат жив. Его взяли в плен.

65

Телеграмма

Лилиан Гайгер получила письмо с фронта от мужа как раз накануне. Джейсон сообщил, что видел имя капрала Александра Бледшо в списке военнопленных. Юнионисты схватили Алекса одиннадцатого ноября 1862 года в Перривилле, штат Кентукки.

— Вот почему мы не могли добиться от Вашингтона ответа на вопрос о том, содержат ли они заключенного по имени Александр Коул, — сказала Сара. — Он назвался фамилией моего первого мужа.

Шаман ликовал.

— По крайней мере, он жив! Я прямо сейчас напишу туда письмо и уточню, где именно его содержат.

— На это уйдут месяцы. Если Алекс до сих пор жив, это значит, что он пробыл в плену почти три года. Джейсон писал, что условия в лагерях для заключенных просто ужасные, будь то лагерь Конфедерации или Союза. Он настаивает, что его нужно вырывать прямо сейчас.

— Тогда я сам поеду в Вашингтон!

Но мать лишь покачала головой.

— Я прочла в газете, что Ник Холден приезжает в Рок-Айленд и Холден-Кроссинг, чтобы выступить в поддержку Линкольна на грядущих выборах. Ступай к нему и попроси его помочь найти брата.

Шаман растерялся.

— Почему мы должны обратиться к Нику Холдену, а не к нашему конгрессмену или сенатору? Папа ведь презирал Холдена за содействие в истреблении племени сауков.

— Вероятно, Ник Холден — отец Алекса, — тихо ответила она.

Шаман на миг утратил дар речи.

— Я всегда думал... точнее, Алекс считал, что его родным отцом был некий Вилл Мосби.

Мать взглянула на него. Она побледнела, но в глазах ее не было ни слезинки.

— Мне было семнадцать, когда умер мой первый муж. Я осталась одна в лачуге посреди прерий. Теперь на ее месте Шрёдеры построили свою ферму. Я пыталась управляться по дому одна, но моих сил для этого было недостаточно. Работа на земле вытягивала из меня все соки. У меня не было денег. Работы нигде не было, здесь вообще тогда жило мало людей. Сначала мне помогал Вилл Мосби. Он был преступником, надолго уходил куда-то, но когда возвращался, то всегда приносил кучу денег. А потом появился Ник. Они оба были хороши собой, очень привлекательны. Сначала я думала, они не знают друг о друге, но когда выяснилось, что я беременна, то оба начали отпираться и приписывать ребенка друг другу.

Шаману было трудно спрашивать об этом.

— Что же, они вообще отказались тебе помочь?

Она горько улыбнулась.

— Как видишь. Думаю, Вилл Мосби и правда любил меня и рано или поздно женился бы на мне. Однако его беспечная жизнь была полна опасностей, и как раз в то время его настигла смерть. Ник тоже пропал, хотя я всегда считала отцом Алекса именно его. А потом приехали Альма и Гус и заняли эту землю. Я уверена, Ник знал, что они позаботятся обо мне. Когда я родила, со мной была Альма, но бедняжка была так растеряна, что это я помогала ей советами. После рождения Алекса нам пришлось очень тяжело. Сначала у меня сдали нервы, затем желудок, а после появились камни в почках. — Она покачала головой. — Твой отец спас мне жизнь. Пока я не встретила его, то и не верила, что есть еще в мире такие добрые и заботливые люди.

Помолчав, она продолжила:

— Но я согрешила. Когда ты утратил слух, я знала, что это мое наказание и что я в этом виновата, поэтому мне было так тяжело находиться рядом с тобой. Я любила тебя всем сердцем, но совесть не давала мне покоя. — Она подалась вперед и погладила его по щеке. — Прости меня за то, что была такой слабой и совершила столько грехов.

Шаман взял ее за руку.

— Нет, ты не слабая! Ты — сильная женщина, которая все силы бросила на то, чтобы просто выжить. И именно поэтому ты сумела сейчас собраться с духом и рассказать мне историю своей жизни. Моя глухота — не твоя вина, мама. Господь не наказывает тебя. Я никогда еще так не гордился тобой, не любил тебя так сильно!

— Спасибо, сынок, — прошептала она. Когда он поцеловал ее в щеку, то почувствовал, что по ее лицу бегут слезы.

Пять дней назад, накануне выступления Ника Холдена с речью в Рок-Айленде, через председателя окружного республиканского совета Шаман передал ему записку. В ней говорилось о том, что доктор Роберт Джефферсон Коул был бы весьма признателен, если бы комиссар Холден нашел время побеседовать с ним о деле чрезвычайной важности.

В день первых политических дебатов Шаман отправился в большой каркасный дом, в котором Ник остановился на время пребывания в Холден-Кроссинге. Секретарь понимающе кивнул, когда он назвал свое имя.

— Комиссар ожидает вас, — сообщил мужчина и проводил Шамана в кабинет Ника.

С тех пор как Шаман видел его в последний раз, Холден изменился: его седые волосы стали реже, на крыльях носа появилась тонкая сетка расширенных вен, но он все равно был по-прежнему крепким, привлекательным и излучал уверенность, будто носил дорогой костюм от модной портнихи.

— Господи, ты ведь тот мальш, ее младшенький, да? Так ты теперь врач? Конечно же, рад тебя видеть. Но вот что я тебе скажу: здесь так вкусно кормят, прежде чем говорить о делах, давай-ка отправимся в столовую Анны Вайли, где я смогу угостить тебя самым вкусным обедом в Холден-Кроссинге.

Шаман совсем недавно закончил читать отцовский дневник, а потому все еще видел Ника глазами Роба Джея Коула. Последнее, чего он хотел, — так это делить с ним трапезу. Но он понимал, что будет просить его об одолжении, поэтому заставил себя смириться и поехать с Ником в его экипаже в столовую при пансионе на Мэйн-стрит. Конечно же, им пришлось несколько задержаться на общем этаже. Шаман терпеливо подождал, пока Ник, будучи хорошим политиком, пожмет руки всем сидящим на веранде и представит им своего «хорошего друга, нашего доктора».

В зале вокруг них засуетилась Анна Вайли. Шаман отведал ее тушеного мяса, которое оказалось очень вкусным, и яблочного пирога, который не представлял собой ничего особенного. Лишь после этого он рассказал Нику Холдену об Алексее.

Холден слушал его, ни разу не перебив.

— Три года в тюрьме?

— Да, сэр. Если, конечно, он вообще еще жив.

Ник вынул из внутреннего кармана пиджака сигару и предложил ее Шаману. Когда тот отказался, он обрезал головку и закурил, выдыхая маленькие кольца дыма в сторону собеседника.

— Почему ты пришел именно ко мне?

— Мать сказала, что вы также будете заинтересованы в решении этого вопроса.

Холден взглянул на него и кивнул.

— Мы с твоим отцом... Знаешь, мы были близкими друзьями в молодости. Не один пуд соли вместе съели, — улыбнулся он.

— Знаю, — сухо ответил Шаман. Должно быть, что-то в его тоне дало Нику понять, что не стоит касаться этой темы. Тот снова кивнул.

— Что ж, передавай матери горячий привет. И скажи ей, что я лично прослежу за решением этого вопроса.

Роб поблагодарил его. Но все равно, оказавшись дома, написал конгрессмену и сенатору письма с просьбой помочь найти Алекса.

Через пару дней после возвращения из Чикаго Шаман и Рэйчел рассказали своим матерям о принятом ими решении.

Сара поджала губы, услышав эту новость, но не выказала никакого удивления:

— Ты наверняка будешь хорошим отцом ее детям, станешь заботиться о них так, как заботился об Алексее твой отец. Если у вас родятся еще дети, вы будете крестить их в

баптистской вере?

— Не знаю, мам. Мы еще не заглядывали так далеко.

— На вашем месте я бы это обсудила.

Это было все, что она сказала по этому поводу.

Рэйчел повезло гораздо меньше. Они с матерью стали ссориться еще чаще. Лилиан вела себя с Шаманом учтиво, но относилась к нему без искренней теплоты. Он частенько забирал Рэйчел с детьми, чтобы покататься в экипаже, но природа была неблагоприятна к нему — погода резко испортилась. В этом году лето было ранним, и жара пришла на смену холоду, оттеснив весенние оттепели. А теперь и зима укутала прерии снегом раньше срока.

Октябрь выдался холодным. В магазине Гаскинса Шаман купил детям по паре коньков с двойным лезвием и, прихватив старые отцовские коньки для себя, повел Хетти и Джошуа кататься на замерзшую часть реки, но задержаться там подольше не удалось — оказалось слишком холодно. Снег выпал как раз ко дню выборов, на которых Линкольн с легкостью победил. А восемнадцатого числа поднялась вьюга и укрыла землю Холден-Кроссинга снежным покрывалом, которое пролежало до самой весны.

— Ты осмотрел Олдена? У него дрожь, — сказала мать Шаману как-то утром.

На самом деле он наблюдал за Олденом уже долгое время.

— У него болезнь Паркинсона, мама.

— Это еще что за хворь?

— Не знаю, что именно вызывает дрожь, но из-за этой болезни он просто не может контролировать движение своих мышц.

— Это смертельно?

— Иногда от этой болезни умирают, но такое случается не очень часто. Скорее всего, он будет постепенно слабеть и, возможно, станет калекой.

Сара кивнула.

— Бедняга уже очень стар и слишком болен для того, чтобы заниматься фермой. Наверное, придется Дагу Пенфилду занять его место и взять себе еще кого-то в помощь. Мы можем себе это позволить?

Они платили Олдону двадцать два доллара в месяц, а Дагу Пенфилду — десять. Шаман прикинул в уме и кивнул.

— А что же нам делать с Олденом?

— Он будет и дальше жить в своей хижине, а мы, конечно же, будем ухаживать за ним. Но будет довольно сложно убедить его перестать делать всю тяжелую работу.

— Думаю, лучше всего будет просто оставить за ним мелкую работу, которая не требует особых затрат сил, — благоразумно предложила она, и Шаман кивнул в знак согласия.

— Я легко найду ему такую хоть сейчас, — сказал он.

Тем же вечером он отнес в хижину Олдена отцовский скальпель.

— Нужно наточить? — спросил Олден, забирая его у Шамана.

Шаман улыбнулся в ответ.

— Нет, Олден, я и так не давал ему затупиться. Это особый хирургический нож, который служит нашей семье уже сотни лет. Отец сказал, что в доме его матери он висел на стене в рамке под стеклом. И я подумал, что ты наверняка сумеешь сделать для него новую.

— Ну, не знаю, почему бы и нет... — Олден повертел скальпель в руках. — Хороший, стальной.

— Да-да. Делает очень ровные надрезы.

— Я бы мог сделать тебе такой же, если нужно.

Шаман заинтересовался его предложением.

— Это возможно? А можешь сделать лезвие подлиннее и потоньше?

— Думаю, это не составит мне труда, — ответил Олден. Шаман сделал вид, будто не заметил дрожи в его пальцах, когда тот вернул ему скальпель.

Шаману приходилось довольно сложно — он был так близко к Рэйчел и одновременно так далеко. Им даже негде было заняться любовью. Они пробирались через снега в лесу, заключали друг друга в объятия, как белые медведи, и усыпали ледяными поцелуями, ласкали через множество слоев теплой одежды. Шаман терял терпение и грустил, да и у Рэйчел под глазами он замечал темные круги, появившиеся из-за бессонных ночей.

Когда она уходила домой, Шаман подолгу бродил по лесу. Однажды он спустился по Короткой тропе и увидел, что часть деревянного надгробия на укрытой снегом могиле Маква-иквы откололась. Зима почти уничтожила знаки, похожие на руны, которые отец попросил Олдена вырезать на нем.

Он чувствовал гнев Маквы сквозь землю, сквозь снег. Это была игра его воображения или совесть не давала ему покоя?

«Я сделал все, что мог. Ниточка, ведущая к третьему убийце, оборвана. Я должен оставить это дело Господу», — сказал он ей сердито, развернулся и пошел в сторону дома.

В тот день он поехал к Бетти Каммингс, у которой оба плеча болели из-за ревматизма. Он привязал коня и направился к черному входу, как вдруг увидел прямо за сараем странные отметины. Он пробрался через сугробы и присел на корточки, чтобы рассмотреть их повнимательнее. Следы имели форму треугольника. Глубиной около шести дюймов, они лишь незначительно отличались размером. Эти треугольные следы были похожи на раны на снегу, хоть на них и не было крови. Шаман насчитал одиннадцать таких отметин. Он все сидел на земле, изучая их.

— Доктор Коул?

Из дома вышла миссис Каммингс — сейчас она стояла, склонившись над ним, с озадаченным видом. Она сказала, что эти следы на снегу остались от лыжных палок ее сына. Он немного улучшил свои лыжи и сделал сам к ним деревянные палки, придав их концам необычную форму.

Но все же следы были слишком большими.

— Все в порядке, доктор Коул? — Она уже дрожала от холода и все сильнее куталась в шаль, поэтому ему стало стыдно за то, что он заставляет пожилую женщину, страдающую ревматизмом, мерзнуть на улице.

— Конечно, миссис Каммингс, все хорошо, — заверил он, поднялся и последовал за ней в теплую кухню.

* * *

Олден соорудил чудесную рамку для скальпеля Роба Джея. Он вырезал ее из дубовой коры и раздобыл у Сары обрезки голубого бархата, чтобы расположить на нем скальпель.

— А вот стекла старого не смог найти. Пришлось купить у Гаскинса. Надеюсь, онс

подойдет.

— Конечно же, подойдет! — обрадовался Шаман. — Повешу рамку в передней.

Еще больше он обрадовался, увидев скальпель, который Олден изготовил в полном соответствии с его пожеланиями.

— Я сделал его из старого тавра. И еще осталось много добротной стали, так что может хватить еще на три таких ножа, если они тебе понадобятся.

Шаман сел за стол и нарисовал на клочке бумаги еще один скальпель и вилку для ампутации.

— Как думаешь, сможешь сделать такие же?

— Уверен, что смогу.

Шаман задумчиво его поблагодарил.

— Скоро у нас будет своя больница, Олден. А это значит, что нам понадобятся инструменты, кровати, стулья — всевозможные предметы обихода. Как ты смотришь на то, чтобы найти себе кого-то в помощь и взяться за эту работу?

— Я не против, но... Не думаю, что смогу выкроить для этого время.

— Да, это вполне понятно. Но что, если для работы на ферме с Дагом Пенфилдом мы найдем кого-то другого, и они будут просто встречаться с тобой пару раз в неделю, чтобы ты выдавал им указания?

Олден задумался, но в конце концов кивнул.

— Хорошая идея.

Шаман заколебался.

— Олден... как твоя память?

— Отлично, как и всегда.

— Раз так, расскажи мне, кто чем занимался в день, когда погибла Маква-иква.

Олден тяжело вздохнул, глаза его потемнели.

— Опять ты за старое, — проговорил он, но после недолгих уговоров продолжил: — Начнем с тебя. Как мне сказали, ты тогда спал в лесу. Твой отец поехал по вызовам пациентов. Я был у Ганса Грюбера, помогал ему забить корову в обмен на то, что он даст своих волов, чтобы засеять наше пастбище... Так, кого я забыл назвать?

— Алекса. Мою мать. Луну и Идет Поет.

— Алекса не было дома, он рыбачил, гулял, даже не знаю точно. Твоя мать и Луна... Помнится, они прибирались в летнем флигеле, чтобы развесить и вялить там мясо, которое я должен был принести от Грюбера. Тот большой индеец работал на складе, а потом пошел нарубить дров. — Он довольно ухмыльнулся Шаману. — Так что, как моя память?

— Макву нашел Джейсон. Что он делал в тот день?

Олден возмутился.

— Да откуда ж мне знать? Хочешь знать, что делал Гайгер, — спроси его жену!

Шаман кивнул.

— Думаю, так я и сделаю, — ответил он.

Но когда он вернулся домой, все его намерения моментально поменялись, потому что мать сказала, что приезжал Кэррол Вилкенсон с сообщением для него. Это была телеграмма, которая пришла на почту Рок-Айленда. Когда Шаман разрывал конверт, его пальцы дрожали, почти как у Олдена.

Письмо оказалось весьма лаконичным и деловым:

Капрал Александр Бледшо из тридцать восьмого луизианского полка конных стрелков по-прежнему находится в плену в тюрьме города Эльмиры, штат Нью-Йорк. Пожалуйста, свяжитесь со мной, если я смогу еще чем-нибудь вам помочь. Желаю удачи. Николас Холден, комиссар бюро по делам индейцев.

Эльмира

Сидя за столом президента банка, Чарли Андерсон посмотрел на сумму, указанную на бланке снятия средств со счета, и поджал губы.

Хотя эти деньги были собственностью Коулов и он мог взять их без всяких объяснений, Шаман все же совершенно искренне рассказал банкиру о причине, по которой ему необходимы все их сбережения — он знал, что ему можно доверять в личных вопросах.

— Мне нужны все средства, чтобы вытащить брата.

Андерсон кивнул и вышел из кабинета. Вскоре он вернулся с банкнотами, уложенными в небольшую корзинку. Помимо этого он протянул Шаману и поясной кошелек.

— Скромный подарок от банка для ценного клиента. Если не возражаете, примите вместе с нашими сердечными пожеланиями один совет. Всегда храните деньги в этом поясном кошельке и надевайте его прямо на голое тело, под одежду. У вас есть оружие?

— Нет.

— Тогда непременно купите его. Вы отправляетесь в дальний путь. Вам могут встретиться грабители, которые ради этих денег, не задумываясь, лишат вас жизни.

Шаман поблагодарил банкира, переложил деньги и подаренный ему кошелек в домотканую суму, которая была у него с собой. Он уже ехал по Мэйн-стрит, когда вдруг понял, что у него есть оружие — кольт сорок четвертого калибра, который его отец забрал у погибшего конфедерата, чтобы пристрелить лошадь. С войны он привез его домой.

В другом случае ему бы и в голову не пришло путешествовать вооруженным, но он не мог позволить, чтобы что-то помешало освобождению Алекса, поэтому он развернул коня и поехал в лавку Гаскинса, где приобрел коробку патронов сорок четвертого калибра. Револьвер с патронами оказался довольно тяжелым, поэтому для них понадобился отдельный саквояж.

Следующим утром Шаман выехал из Холден-Кроссинга. Саквояж и санитарная сумка составляли весь его багаж. Он сел на пароход и отправился вниз по реке, в Каир, затем поездом на восток. Трижды поезд надолго останавливался, пропуская вперед армейские составы. На это тяжелое путешествие ушло четыре дня и ночи. По мере того как он удалялся от Иллинойса, снега становилось все меньше, но мороз не слабел — ледяной холод пробирал Шамана до костей. Достигнув цели своего путешествия — Эльмиры, — он не помнил себя от усталости, но даже не подумал о том, чтобы принять ванну или переодеться прежде, чем увидит Алекса. Он должен был убедиться в том, что брат все еще жив.

На вокзале он не стал брать экипаж, ограничившись коляской, чтобы сидеть рядом с кучером и видеть, что тот говорит. Коляска везла их по милому городку, застроенному маленькими домиками. Кучер гордо сообщил своему пассажиру, что численность населения

достигла пятнадцать тысяч. Они выехали на улицу Уотер-стрит, вдоль которой, если верить словам кучера, протекала река Чемунг, затем добрались до окраины Эльмиры и остановились перед деревянным ограждением, которым была обнесена тюрьма.

Словоохотливый кучер гордился местными достопримечательностями, а потому не упустил случай блеснуть знанием фактов из истории родного города. Он сказал Шаману, что этот забор двенадцати футов в высоту был сооружен из «местного дерева» и огораживал лагерь площадью двадцать восемь акров, на котором содержится более десяти тысяч пленных конфедератов.

— Иногда количество повстанцев достигало даже двенадцати тысяч, — заметил он, обратив внимание гостя и на то, что на высоте четырех футов по узкому мостику ходили вооруженные патрульные.

Они спустились по Уэстуотер-стрит, где увидели, что любители наживы превратили лагерь в самый настоящий зоопарк, где вместо зверей показывали людей. Они проехали трехэтажную деревянную башню, на которой была установлена платформа, откуда, поднявшись по деревянным ступеням, можно было всего за пятнадцать центов поглазеть на заключенных, ходящих по кругу внутри тесного двора.

— Когда-то здесь было две башни. Здесь даже торговали всякими лакомствами. Продавали посетителям пироги, сухари, орешки, лимонад, пиво... Но чертовы военные прикрыли эту лавочку.

— Жаль, — отозвался Шаман.

— Ага. Хотите, остановимся и вы тоже туда подниметесь?

Шаман покачал головой:

— Просто высади меня перед главными воротами лагеря.

На воротах стоял вооруженный до зубов цветной дозор — большинство караульных были неграми. Один из них проводил Шамана в канцелярию штаб-квартиры, где тот представился сержанту и попросил разрешения встретиться с заключенным по имени Александр Бледшо.

Сержант посоветовался с лейтенантом, сидевшим за столом в этой же крохотной комнатке, а затем пробормотал, что недавно в канцелярию пришло письмо из Вашингтона касательно доктора Коула; это заставило Шамана изменить свое мнение о Николасе Холдене в лучшую сторону.

— Посещение — не дольше девяноста минут.

Ему сказали, что все тот же караульный проводит его к брату в палатку 8-С. Негр повел Шамана по замерзшей земле вглубь лагеря. Повсюду он видел заключенных — вялых, жалких, одетых в лохмотья. Он сразу понял, что их морят голодом. Он увидел двух мужчин, которые стояли у перевернутой бочки и свеживали крысу.

Они прошли мимо ряда низких деревянных казарм. За ними располагался ряд палаток, а еще дальше находился небольшой продолговатый пруд, который, очевидно, использовали как открытую канализацию, потому что чем ближе они подходили к нему, тем сильнее чувствовалось зловоние.

В конце концов негр остановился перед одной из палаток.

— Это и есть палатка 8-С, сэр, — сказал он, и Шаман поблагодарил его в ответ.

Внутри он обнаружил четверых мужчин, чьи лица почти побелели от холода. Он не узнал ни одного из них, поэтому первой его мыслью было то, что заключенный с именем

Алекс Бледшо — просто тезка его брата, следовательно, он проделал весь этот путь зря, из-за банального совпадения.

— Я ищу капрала Александра Бледшо.

Один из заключенных — совсем молодой парень, изможденное лицо которого украшали несоразмерно пышные темные усы — пнул то, что Шаману сначала показалось просто кучей лохмотьев. Шаман подошел поближе так осторожно, будто из этой груды тряпок на него могло выпрыгнуть дикое животное, и сумел рассмотреть пару грубых мешков, обрывок ковра и тряпье, которое, вероятно, некогда было мундиром.

— Мы прикрыли ему и лицо тоже — из-за холода, — пояснил усач, подошел и поднял один из мешков.

Это был его брат, хотя Шаман помнил его совсем другим. А сейчас прошел бы мимо на улице, даже не обратив на него внимания. Алекс изменился до неузнаваемости. Он сильно похудел, годы и испытания, которых он себе и представить не мог, оставили на лице брата глубокий отпечаток. Шаман взял его за руку. С трудом Алекс открыл глаза и недоуменно взглянул на него, очевидно, не узнавая.

— Старший, — начал Шаман, но так и не смог продолжить.

Алекс удивленно заморгал. И тут узнавание закралось в его разум, как волна, нахлынувшая на покрытый галькой берег, и он заплакал.

— Как мама и папа?

Именно это первым делом спросил Алекс, и Шаман тотчас инстинктивно солгал:

— У них все хорошо.

Братья сели прямо на землю и взялись за руки. Им нужно было излить душу друг другу, так много нужно было спросить и сказать, что в первые мгновения они просто замерли, утратив дар речи. Вскоре Шаман сумел взять себя в руки. Несмотря на волнение, Алекс снова начал проваливаться в сон. Шаман лишь теперь понял, насколько тот был слаб.

Он представился остальным четверым, а те назвали в ответ свои имена. Берри Вомак из Спартанберга, Южная Каролина — невысокий коренастый мужчина с длинными и грязными светлыми волосами. Фокс Джей Берд из Шарлоттсвилля, штат Виргиния; его лицо было заспанным, а кожа обвисла так, будто когда-то он был полным. Джеймс Джозеф Уолдрон из Ван-Бьюрена, штат Арканзас, был приземистым смуглым парнем — самым молодым из них; как показалось Шаману, ему было не больше семнадцати. И Бартон Уэстморленд из Ричмонда, Виргиния — тот самый юный усач; он горячо пожал гостю руку и предложил звать его просто Парнишей.

Пока Алекс спал, Шаман быстро осмотрел его.

Ему ампутировали левую ногу ниже колена.

— Его... ранили?

— Нет, сэр, — ответил Парниша. — Мы вместе служили. Нас целой толпой привезли сюда поездом из другого лагеря шестнадцатого июля прошлого года, раньше нас держали в Пойнт-Лукаут, штат Мэриленд. В Пенсильвании произошло ужасное крушение поезда. Да, это случилось в Шололе. Сорок восемь военнопленных и семнадцать конвоиров Союза погибли в тот день. Их похоронили прямо в поле, недалеко от рельсов, будто они пали в бою.

Он на миг умолк, погрузившись в воспоминания, и затем продолжил:

— Восемьдесят пять человек было ранено. Нога Алекса пострадала так сильно, что у врачей не оставалось другого выхода, кроме как ампутировать ее. Мне самому в тот день

несказанно повезло — отделался вывихом плеча.

— Вначале он чувствовал себя не очень плохо, — сказал Берри Вомак. — Джимми-Джо сделал ему костыль, и он довольно проворно с ним управлялся поначалу. Хоть он был и болен, но все же оставался старшим по званию, а потому старался заботиться о нас. Сказал, что немного разбирается во врачевании, насмотревшись на твоего отца.

— Мы звали его Док, — сказал Джимми-Джо Уолдрон.

Когда Шаман приподнял ногу Алекса, то сразу понял, что именно она является источником всех его бед. Ампутацию сделали ужасно: половина культи с рваными краями так и не зажила, а из-под свисающих ошметков кожи сочился гной. В любой момент можно было ожидать развитие гангрены.

— Ты настоящий врач? — спросил Уолдрон, когда увидел, что Шаман достает из сумки стетоскоп. Шаман заверил его, что так и есть. Он попросил Джимми-Джо прослушать грудь Алекса, и с его слов пришел к выводу, что, к счастью, в легких все было чисто. Но Алекса лихорадило, и его пульс был слабым и нитевидным.

— По всему лагерю свирепствует чума, сэр, — сказал Парниша. — Болеют оспой. Всякими лихорадками. Малярией. Чем именно он болен?

— У него на ноге образуется гангрена, — вздохнул Шаман. Наверняка он заболел еще и из-за недоедания и переохлаждения, которыми страдали и остальные обитатели этой палатки. Они рассказали Шаману, что в некоторых палатках есть жестяные печи, а кое у кого — даже пара простыней. Но у большинства из них нет вообще ничего.

— Что же вы едите?

— По утрам каждому выдают по кусочку хлеба и старого, почти протухшего мяса. Вечером — по кусочку хлеба и чашке варева, называемого супом, но на самом деле представляющего собой воду, в которой сварено то же самое утреннее мясо, — ответил Уэстморленд.

— И никаких овощей?

Они покачали головами, но он и без того уже знал ответ на свой вопрос. Он успел заметить у многих заключенных симптомы цинги, сразу как вошел в лагерь.

— Когда нас бросили сюда, нас было десять тысяч, — сообщил Парниша. — Они все везли и везли новых заключенных, но от тех десяти тысяч сегодня осталось только пять. Мертвецкая у них без дела не простаивает, а вокруг лагеря разрастается огромное кладбище. Каждый день умирает по двадцать пять человек.

Шаман сел на холодную землю и снова взял брата за руки, рассматривая его лицо. Алекс не просыпался, его сон был слишком крепок.

Вскоре вернулся караульный и сказал Шаману, что ему пора уходить.

В штабной канцелярии Шаман сообщил апатичному сержанту, что он врач, и описал симптомы своего брата.

— Я бы хотел каким-то образом получить разрешение забрать его домой. Уверен, дальнейшее пребывание в лагере для него означает верную смерть.

Сержант начал искать что-то в своей папке, пока не дошел до нужной ему карточки. Внимательно перечитав ее, он сказал:

— Досрочное освобождение вашему брату не положено. Он — «инженер», так мы называем тех, кто пытался вырыть туннель, чтобы сбежать из тюрьмы.

— Туннель! — удивленно выдохнул Шаман. — Как же он рыл? У него ведь нет одной

ноги.

— Зато у него есть пара рук. Из лагеря, в котором он был ранее, ваш брат сумел сбежать таким способом, правда, потом его снова схватили.

Шаман попытался воззвать к его разуму:

— Это все, что вы можете сказать? Может, кто-то из вашего начальства мне поможет?

Но сержант покачал головой:

— Мы жестко придерживаемся установленных правил.

— А можно мне хотя бы принести ему пару мелочей?

— Главное, никакого металла и ничего острого.

— Здесь есть неподалеку какой-нибудь пансион?

— Есть одно местечко в восьми милях к западу от главных ворот. Они сдают комнаты, — сказал сержант. Шаман поблагодарил его и взял свои сумки.

Как только Шаман оказался в снятом им номере и отделался от хозяина гостиницы, он вынул из кошелька сто пятьдесят долларов и переложил их в карман мундира. Неподалеку от входа вертелся подручный рабочий, который с удовольствием согласился показать новому постояльцу город за умеренную плату. Дойдя до телеграфа, Шаман отправил послание Нику Холдену в Вашингтон:

«Алекс смертельно болен. Помогите освободить его, иначе он умрет. Пожалуйста, помогите».

Местный показал ему большие конюшни, где он взял напрокат лошадь с простой повозкой.

— На день или на неделю? — спросил его конюх. Шаман заплатил вперед за неделю.

Их главная лавка оказалась побольше, чем привычный ему магазин Гаскинса; там он без труда смог купить вещи, необходимые для Алекса и его соседей: дрова для растопки, простыни, неошпанную курицу, добрый кус бекона, шесть буханок хлеба, две корзинки картошки, мешок лука и ящик капусты.

Глаза сержанта расширились от удивления, когда он увидел «пару мелочей», которые Шаман привез брату.

— Ваши девяносто минут на сегодня уже вышли. Разгрузите повозку и сразу убирайтесь.

Алекс все еще спал. Но для остальных этот день стал настоящим Рождеством, как в старые добрые времена. Они позвали соседей. Вокруг собрались мужчины из ближайшей дюжины палаток и взяли себе понемногу дров и овощей. Шаман рассчитывал лишь на жителей 8-С, но они решили поделиться почти всем, что он привез.

— У вас есть котелок? — спросил он Парнишу.

— Да, сэр! — отрапортовал тот и притащил довольно большую консервную банку.

— Сварите суп из курицы, лука, капусты и картошки, хлеб я вам тоже привез. Я бы хотел, чтобы вы накормили моего брата, попытались заставить его съесть хоть немного горячего супа.

— Есть, сэр!

Шаман на миг заколебался. Его начинало беспокоить то, что большую часть еды уже разобрали.

— Я привезу еще припасов завтра. А вы постарайтесь приберечь хоть что-то для себя.

Уэстморленд угрюмо кивнул. Оба понимали, что главным условием, хоть оно и не было высказано вслух, было то, что они должны кормить Алекса.

Хозяин гостиницы принес Шаману кувшин с водой и предложил ему выпить с такой

любезностью в голосе, будто принес вина, причем абсолютно бесплатно. Вода оказалась приятной на вкус, но, как показалось Шаману, не представляла собой ничего особенного.

— Даже в колодцах на территории тюрьмы такая же превосходная вода. Это значит немало. Вашего брата, наверное, тоже перевели из Пойнт-Лукаут, как и большинство наших заключенных?

Шаман кивнул.

— Они подтвердят, что вода в том лагере — настоящая отравка.

Шаман не удержался и заметил, что хоть вода здесь и настолько хороша, но все же в Эльмире умирает огромное количество заключенных.

Хозяин согласился:

— От одной лишь воды здоровья не прибавится. Важнее всего для правительства — продолжать войну, а кормить заключенных для них вовсе не обязательно, — вздохнул он и признался, что всем известно, что тюремный хирург — один из худших представителей врачебной профессии, который к тому же постоянно ворует медикаменты, присылаемые правительством для его пациентов.

— Вам лучше как можно скорее вызволить своего брата.

Приехав в лагерь следующим утром, он увидел, что Алекс еще спит, а Джимми-Джс наблюдает за ним. Он заверил Шамана, что его брат хорошо поел.

Когда он настелил простыни и попытался перетащить на них брата, Алекс вздрогнул от неожиданности и проснулся. Шаман потрепал его по плечу.

— Все хорошо, Старший. Это всего лишь я, твой брат.

Алекс снова закрыл глаза, но потом вдруг спросил:

— А старик Олден еще жив?

— Да, жив.

— Это хорошо... — Алекс открыл глаза и увидел стетоскоп, который торчал из санитарной сумки. — А почему у тебя отцовская сумка?

— Я одолжил ее у него, — охрипшим голосом ответил Шаман. — Я стал врачом.

— Да ты что! — удивился Алекс, совсем как в детстве, когда они рассказывали друг другу всякие небылицы.

— Правда, — сказал он.

И они улыбнулись друг другу, прежде чем Алекс снова провалился в глубокий сон. Шаман хотел было измерить у брата пульс, но потом оставил свою затею — все равно он не мог ничем ему помочь прямо здесь и прямо сейчас. Немытое тело Алекса сильно воняло, но, когда Шаман снял мундир, который прикрывал культю брата, и склонился над ней, у него екнуло сердце. Он долго наблюдал за работой отца, а потом — за Лестером Бервином и Барни Мак-Гованом, поэтому отлично понимал, что ничего хорошего не выйдет из того, что неопытные хирурги называют «доброкачественным гноем». Шаман знал, что гной выделяется из разрезов или ран в тех случаях, когда произошло заражение крови, образовался нарыв или гангрена. Он знал, что нужно делать в таких случаях, но понимал, что в условиях лагеря для заключенных провести подобные процедуры невозможно.

Он укрыл брата двумя новыми простынями и сел рядом с ним, держа его за руку и изучая каждую морщинку на его лице.

Когда караульный вывел его за пределы лагеря спустя полтора часа, Шаман поехал на юго-восток по той самой дороге, вдоль которой протекала река Чемунг. Местность здесь

была холмистой, и лесов даже больше, чем в Иллинойсе. Отъехав миль на пять от черты города, он оказался перед лавкой, которая называлась «У Барнарда». Там он купил немного сухарей и кусок сыра себе на завтрак, а затем взял еще пару кусочков вкусного яблочного пирога и пару чашек кофе. Когда он спросил владельца лавки, нет ли здесь, на окраине, гостиницы или чего-то вроде того, тот порекомендовал ему миссис Полин Клэй в миле отсюда, недалеко от деревни Веллсберг.

Этот дом, который стоял прямо в лесу, оказался маленьким, стены его давно не видели краски. Возле него росли четыре розовых куста, которые хозяйка подвязала и укрыла мешками, чтобы они не перемерзли. На деревянном заборе висела табличка, которая гласила: «Номера».

* * *

Лицо миссис Клэй было открытым и дружелюбным. Она посочувствовала Шаману, когда он рассказал ей о своем брате, и показала ему дом. Она могла принять лишь одного постояльца, потому что в доме было всего две спальни.

— Ваш брат может занять гостевую комнату, а вы ночуйте в моей. Я часто сплю на диване в гостиной, — предложила она.

Она пришла в замешательство, когда он сказал, что хотел бы арендовать целый дом.

— О, боюсь, что... — начала она, но ее глаза расширились от удивления, когда он назвал сумму, которую готов заплатить за аренду. Женщина честно призналась, что она вдова, уже долгие годы борется за выживание и не может отказаться от такого щедрого предложения. Она сказала, что может переехать к сестре, которая живет в деревне неподалеку, на то время, пока братья Коулы поживут в ее доме.

Шаман вернулся к Барнарду, купил продуктов и прочих необходимых вещей, а когда вернулся в арендованный им дом, то обнаружил, что миссис Клэй уже уехала.

На следующее утро сержант встретил Шамана довольно холодно, в его голосе чувствовалось раздражение, потому что, должно быть, штаб получил телеграмму от Ника Холдена или кого-то из его влиятельных друзей.

Сержант дал Шаману напечатанный на машинке документ, который оказался бланком досрочного освобождения; эта бумага в обмен на свободу Алекса обязывала «нижеподписавшегося никогда впредь не восставать против Соединенных Штатов Америки».

— Пускай ваш брат подпишет это, и можете его забирать.

Шаман встревожился:

— Он очень плох, вдруг у него не хватит сил даже на подпись?

— Таковы правила, он должен поставить подпись или остаться здесь. Мне нет дела до того, что он болен. Если он не подпишет бумаги, то не получит досрочного освобождения.

Шаман взял чернила с ручкой и понес их в палатку 8-С, где тихонько обратился к Парнише:

— Алекс подпишет это, если у него хватит сил?

Уэстморленд почесал подбородок.

— Ну... Кто-то из наших на все бы пошел, чтобы подписать такую бумагу и убраться

отсюда. А некоторые считают, что это предательство. Не знаю даже, что бы решил твой брат.

На земле возле палатки стоял ящик с капустой; Шаман перевернул его, поставил на него чернильницу и разгладил лист бумаги. Обмакнув ручку в чернила, он быстро вывел внизу страницы имя брата — *Александр Бледшо*.

Парниша одобрительно кивнул.

— Вы правильно поступаете, доктор Коул. Забирайте его из этого ада.

Шаман сказал соседям Алекса, чтобы они написали на клочке бумаги имена и адреса своих близких, а он отправит им весточки, что их сыновья и мужья живы.

— Ведь идет война, как ты сумеешь доставить эти письма? — спросил Парниша Уэстморленд.

— Думаю, у меня все получится, как только я вернусь домой, — пообещал Шаман.

Он делал все быстро. Оставил документ сержанту и поспешил в гостиницу, где квартировал прежде, чтобы забрать чемодан. Он заплатил рабочему, чтобы тот набросал в повозку соломы, а затем отправился обратно в лагерь. Чернокожий сержант и караульный пристально следили за тем, как заключенные помогают погрузить Алекса в повозку и укрывают его простынями.

Обитатели палатки 8-С сердечно пожали ему руку и попрощались с ним.

— До свидания, Док!

— Прощай, старик Бледшо!

— Покажи им!

— Выздоровливай!

Алекс, который по-прежнему не мог открыть глаз от слабости, ничего не сказал им в ответ.

Сержант помахал Шаману рукой на прощание, а караульный взял лошадь под уздцы и провел ее до самых главных ворот. Шаман не сводил глаз с его серьезного черного лица и улыбнулся, припомнив кое-что из отцовского дневника.

— Бинго, солдат, — сказал он. Тот сильно удивился, но потом улыбнулся, продемонстрировав ряд красивых белых зубов.

— Да, док, бинго, — ответил он и передал Шаману поводья.

Повозка едва двигалась, колеса были старыми, поэтому Алекса трясло на каждом ухабе. Он кричал и стонал от боли, пока Шаман не миновал ворота и не выехал на дорогу.

Они проехали мимо башни, на которой, как всегда, толпились зрители, и мимо стены, по которой прохаживался караул. Один из вооруженных дозорных проводил их пристальным взглядом, пока они не скрылись из виду.

Шаман ехал не слишком быстро. Каждый ухаб причинял Алексу боль, но также он не спешил потому, что не хотел привлекать к себе внимания. Подсознательно он почему-то боялся, что в любой момент их догонят служаки юнионистской армии и заберут брата обратно, а потому смог вздохнуть спокойно лишь после того, как стены тюрьмы остались далеко позади и они выехали за пределы города Эльмиры.

Дом миссис Клэй оказался весьма уютным. Он был таким маленьким, что осмотреться в нем не составило труда. Шаман быстро почувствовал себя в нем как дома, будто жил здесь уже много лет.

Он развел сильный огонь в печи, поэтому совсем скоро заслонка раскалилась и стала ярко-красной; затем нагрел воды в самом большом котле, который нашел на кухне миссис Клэй, и набрал ванну, поставив ее недалеко от источника тепла.

Когда он усадил Алекса в воду, придерживая его, будто ребенка, глаза брата раскрылись от удовольствия.

— Когда ты в последний раз принимал настоящую ванну?

Алекс медленно покачал головой. Шаман понял, что это было настолько давно, что он уже и не помнит. Он не решился позволить Алексу посидеть в ванной подольше, чтобы тот не простудился в остывающей воде, поэтому просто намылил тело брата, стараясь не замечать его выпирающие ребра, которые напоминали стиральную доску, и следить за тем, чтобы не причинить ему боль, касаясь больной левой ноги.

Вытащив брата из ванной, Шаман посадил его на покрывало, которое постелил у самой печи, насухо вытер, а затем надел на него фланелевую ночную рубашку. Несколько лет назад ему было бы довольно сложно помочь брату подняться по лестнице, но теперь Алекс похудел настолько, что это не составило труда.

Как только Шаман уложил брата в кровать в гостевой комнате, он взялся за работу. Он точно знал, что нужно делать. Нельзя было медлить, любая отсрочка могла лишь ухудшить дело.

Он вынес из кухни все, кроме стола и одного стула, составив остальные стулья и деревянный шкафчик с раковиной в гостиной. Затем он выдраил стены, пол, потолок, стол и стул антисептическим мылом, вымыл в горячей воде инструменты, разложил их на стуле так, чтобы можно было легко до них дотянуться. В заключение он коротко постриг ногти и вымыл руки.

Он снес Алекса вниз и положил его на стол. Брат показался ему таким уязвимым, что на миг Шаман засомневался. Он был уверен во всем, кроме того, что ему предстояло сделать в следующую минуту. Он принес хлороформ, но не был уверен в дозировке, потому что травма и недоедание сильно ослабили Алекса.

— Что? — вяло отозвался Алекс, не понимая, что происходит.

— Вдохни поглубже, Старший.

Он влил хлороформ в ингалятор и поднес его к лицу брата, молясь, чтобы он не вдохнул больше, чем нужно. «Помоги ему, Господи», — повторял он.

— Алекс! Ты меня слышишь? — Шаман дотронулся до руки брата, легонько шлепнул его по щеке, но тот уже крепко спал.

Шаману не нужно было ничего продумывать. Он уже давно все решил и тщательно спланировал операцию. Он попытался отбросить все эмоции и приступил к работе.

Он хотел сохранить как можно большую часть левой ноги Алекса, но в то же время ему было необходимо удалить всю зараженную часть кости и тканей.

Он сделал первый надрез в шести дюймах от места прикрепления подколенной мышцы к кости и оставил хороший кожный лоскут, осторожно обходя скальпелем большие и малые

подкожные, задние и передние большеберцовые и малоберцовую вены. Движениями мясника он отпилил большую берцовую кость, затем — малую берцовую кость. Зараженная часть ноги была отделена — чистая, аккуратная работа.

Шаман туго забинтовал культю чистыми повязками, чтобы она правильно зарубцевалась. Закончив процедуру, он поцеловал Алекса, который все еще был без сознания, а затем отнес его обратно в спальню.

Некоторое время он сидел у кровати и наблюдал за братом, но не заметил никаких дурных признаков — ни тошноты и рвоты, ни криков от боли. Алекс спал, как уставший рабочий, который наконец получил заслуженный отдых.

Шаман вынес отделенную плоть из дома, завернув ее в полотенце и прихватив с собой лопату, которую выудил из недр кладовки. Он зашел подалее в лес, который начинался сразу за домом, и хотел было захоронить ампутированную часть кости и тканей, но земля замерзла, лопата безрезультатно билась о заледеневший грунт. В конце концов он собрал хворосту и соорудил костер, чтобы устроить ампутированной ноге похороны в лучших традициях викингов. Он водрузил ее на костер, присыпал сверху еще хворостом и сбрызнул все это маслом из лампы. Он чиркнул спичкой, и пламя тут же разгорелось. Шаман смотрел на огонь, прислонившись спиной к дереву. Его глаза были сухими, но чувствовал он себя ужасно, потому что не хотел верить в мир, в котором человеку пришлось отрезать ногу старшего брата, а потом сжечь ее.

Сержант из тюремной канцелярии был отлично знаком с негласной иерархией в этом регионе, а потому знал, что этот толстый сержант-майор с грудью колесом не квартировал в Эльмире. Обычно, когда появлялся незнакомый ему солдат, достаточно было спросить, к какой части он прикреплен, но манера поведения этого мужчины и особенно его глаза ясно давали понять, что он не собирался рассказывать ничего о себе, ему лишь нужна была информация.

Сержант знал, что сержанты-майоры, конечно, не были богами, но все же занимали руководящие должности. Разумеется, лишь те немногие, кто принадлежал к числу влиятельных унтер-офицеров, могли поспособствовать тому, чтобы кого-то повысили или же наоборот, отправили отбывать наказание в далекий форт. Они могли как уберечь кого-то от проблем по службе, так и навлечь их на чью-то голову; они строили карьеры и разрушали их. Однако в масштабах этого городка сержант-майор являлся более высокой инстанцией, чем какой-нибудь далекий унтер-офицер, а потому сержант поспешил оказать радушный прием.

— Есть, сэр сержант-майор, — быстро отрапортовал он, просмотрев свои записи. — Вы разминулись с ним всего чуть-чуть. Этот парень был очень плох. Видите ли, ему у нас ампутировали ногу. Его брат — врач, доктор Коул. Забрал его повозкой, вчера утром.

— Куда они направились?

Сержант недоуменно взглянул на него и покачал головой.

Толстяк откашлялся и сплюнул на чистый пол. Выйдя из канцелярии, он оседлал свою красивую пегую кобылу и выехал через главные ворота лагеря для заключенных. Один день не сыграет роли, этот доктор с братом-инвалидом не мог далеко уйти. Здесь проходила лишь одна дорога; они могли поехать либо налево, либо направо. Он решил отправиться на северо-запад. Время от времени он останавливался по пути то у лавки, то у фермы, чтобы расспросить каждого встречного. Так он добрался до деревень Хорсхедс и Биг Флэте. Никто в этих краях не видел человека, которого он искал.

Сержант-майор был опытным сыщиком. Он знал, что, когда след не обнаруживается, скорее всего, искомый человек отправился в другую сторону. Поэтому он вернулся к тюрьме и оттуда поехал в Эльмиру. Фермер, которого он встретил в двух милях вниз по дороге, вспомнил, что видел мужчину с повозкой. Еще через пару миль, ближе к городку Уэллсберг, он заехал в лавку.

Владелец лавки улыбнулся, увидев, как толстый солдат жметя поближе к печи.

— Замерзли, да? — спросил он.

Сержант-майор заказал черный кофе и спросил, не проезжал ли мимо недавно мужчина с раненым в повозке. Лавочник утвердительно кивнул:

— Конечно, помню такого. Они остановились у миссис Клэй, я расскажу, как туда добраться. Невероятно милый парень, этот доктор Коул. Он покупал здесь еду и всякое такое. Ваши друзья?

Сержант-майор ухмыльнулся.

— Очень хочу их увидеть, — ответил он.

Всю ночь после операции Шаман просидел в кресле у кровати брата, не гася свет до самого утра. Алекс спал беспокойно, часто просыпаясь от боли.

К рассвету Шаман ненадолго забылся сном. Когда он открыл глаза, то в свете разгорающейся зари увидел, что Алекс смотрит на него.

— Старший.

Алекс облизал сухие губы; Шаман принес воды и поддерживал голову брата, пока тот пил, так, чтобы он мог делать только маленькие глотки.

— Интересно, — произнес Алекс в конце концов.

— Что?

— Как же я... теперь... надеру тебе задницу... если не смогу... твердо... на ногах стоять.

Как же Шаман был рад в тот момент увидеть знакомую кривую ухмылку на его лице!

— Кажется, ты отрезал мне еще часть ноги? — Алекс выглядел оскорбленным, что несколько обидело измотанного Шамана.

— Да, но я спас кое-что другое, как мне кажется.

— И что же?

— Твою жизнь.

Алекс задумался, но потом кивнул. Уже в следующее мгновение он снова погрузился в сон.

В первый день после операции Шаман дважды менял повязки. Каждый раз он нюхал культю и внимательно рассматривал ее, боясь снова почувствовать запах гнили или увидеть гной, потому что он не раз уже видел, как пациенты умирают от заражения крови через пару дней после операции. Но запаха не было, а кожа на культе порозовела и выглядела вполне здоровой.

Алекса почти не лихорадило, но он был очень слаб, и Шаман не был уверен, что брату хватит сил на то, чтобы восстановиться. Он пошел на кухню миссис Клэй и приготовил Алексу жидкую овсяную кашу, а в обед накормил его вареными яйцами.

Сразу после полудня снаружи начался снегопад — с неба все падали и падали огромные белые снежинки. Снег быстро укрыв всю землю. Шаман провел ревизию припасов, которые

у него остались, и решил, что ему нужно еще раз съездить в лавку на случай, если дорогу занесет снегом. Дождавшись, пока Алекс проснется, объяснил ему, куда едет, и брат кивнул.

Поездка оказалась приятной — он ехал по тихой заснеженной земле. Больше всего ему была нужна птица для супа. К его разочарованию, у Барнарда не было кур на продажу, но взамен он предложил немного свежей говядины, которая сделает суп еще более питательным, и Шаман сказал, что это вполне его устроит.

— Ваш друг вас нашел? Все в порядке? — спросил лавочник, убирая с мяса жир.

— Какой друг?

— Тот служивый. Я рассказал ему, как добраться до дома миссис Клэй.

— Да? Когда это было?

— Вчера, за пару часов до закрытия. Упитанный такой мужчина, даже толстый. С черной бородой. Явно в высоком звании, — рассказывал он. — Он до вас так и не доехал? — Он пристально посмотрел на Шамана. — Надеюсь, я не навредил вам, рассказав ему, где вы остановились?

— Конечно, нет, мистер Барнард. Кем бы он ни был, он, должно быть, решил, что не стоит беспокоить нас после всего случившегося, и уехал.

Чего еще от них хочет армия? Мысли об этом военном не выходили у Шамана из головы, пока он ехал обратно.

На полпути к дому у него возникло чувство, что за ним кто-то наблюдает. Он пытался не поддаваться настойчивому желанию притормозить и оглядеться по сторонам, но через несколько минут все же натянул поводья. Делая вид, что поправляет уздечку, он посмотрел назад, пристально вглядываясь в пелену снега.

Сложно было увидеть что-то в этом снегопаде, но когда подул ветер и поднялась вьюга, Шаман сумел разглядеть, что вдали, позади него, кто-то есть.

Добравшись домой, он убедился, что с Алексом все в порядке. Он отцепил повозку и отвел лошадь в сарай. Затем пошел в дом, кинул в котелок мясо, картошку, морковь, лук и репу, залил все это водой и поставил в печь.

Тревожные мысли о загадочном военном, разыскивающим их с братом, не давали ему покоя. Шаман никак не мог решить, говорить Алексу о случившемся или нет, и в конце концов пошел к брату, сел у его постели и все ему рассказал.

— Так что можем ждать гостей в мундирах, — сказал он.

Но Алекс покачал головой:

— Будь это кто-то из военных, они бы уже стучались к нам в дверь... Думаю, кто-то узнал, что ты приехал, чтобы вызволить родственника, а значит, у тебя есть деньги. Скорее всего, он едет за ними. Оружия у тебя наверняка нет?

— Вообще-то есть, — ответил он и вынул кольт из саквояжа.

Алекс настоял, чтобы он почистил его, зарядил и проверил барабан револьвера. Положив оружие на прикроватный столик, Шаман еще больше забеспокоился.

— Почему этот человек выжидает и следит за нами?

— Он просто хочет убедиться... что мы здесь одни. Хочет узнать, когда мы ложимся спать, в каких комнатах... И все такое.

— Думаю, мы делаем из мухи слона, — медленно произнес Шаман. — Мне кажется, тот, кто разыскивает нас, — это кто-то из разведки, он просто хочет убедиться, что мы не планируем помочь сбежать другим заключенным. Надеюсь, мы никогда больше не услышим

об этом человеке.

Алекс пожал плечами и кивнул. Но Шаман и сам с трудом верил в свои слова. И если уж они и так попали в передрагу, то хуже быть не может, чем оказаться запертым в этом крошечном доме вместе с большим братом, который только что перенес ампутацию.

В тот день он напоил Алекса теплым молоком, подслащенным медом. Он хотел бы кормить его чем-то более сытным, например, наваристой кашей, чтобы на его выпирающих ребрахросло хоть немного мяса, но как доктор понимал, что для такой пищи еще не пришло время. Ближе к полудню Алекс снова уснул. Проснувшись через пару часов, он позвал брата поговорить.

Постепенно Шаман узнавал все больше и больше о том, что произошло с его братом после того, как он уехал из дому.

— Мы с Мэлом Говардом отправились на плоскодонке вниз по реке в Новый Орлеан. Потом мы с ним поругались из-за девушки, и он один поехал в Теннесси, чтобы поступить там на военную службу, — тут Алекс на миг прервался и взглянул на брата. — Ты не знаешь, как он там?

— Его семья не получила от него ни одной весточки.

Алекс ничуть этому не удивился.

— Тогда я чуть было не решил вернуться домой. Как бы я хотел сейчас повернуть время вспять... Но по пути мне встретились вербовщики конфедератов, и я поступил на военную службу. Я думал, что смогу стрелять и одновременно ехать верхом, поэтому записался в кавалерию.

— Много ты боев повидал?

Алекс хмуро кивнул.

— Немало, за два-то года. Как же я злился на себя, когда в Кентукки меня взяли в плен, просто с ума сходил! Они держали нас в тюрьме на военной базе, мы были беспомощны, как дети. Я дождался подходящего момента и сбежал. Три дня я пробыл на свободе — воровал еду в садах и всякое такое. Потом я зашел на одну ферму и попросил чего-нибудь поесть. Женщина накормила меня завтраком, я поблагодарил ее, как настоящий джентльмен, вообще не сделал ничего подозрительного, что, видимо, меня и выдало! Через полчаса я услышал лай своры псов, которых выслали за мной в погоню. Я прибежал на огромное кукурузное поле. Высокие зеленые стебли росли близко друг к другу, так что я не мог пройти через их тесные ряды. Я ломал их на бегу, так что казалось, будто по полю прошел медведь. Почти все утро я пробегал там, пытаюсь скрыться от ищеек. Я начал уже было думать, что этому полю не будет конца. Но тут я вдруг выскочил из этих кукурузных зарослей и нос к носу столкнулся с двумя солдатами янки, которые, усмехаясь, наставили на меня ружья.

Он помолчал немного и продолжил:

— На этот раз юнионисты отправили меня в Пойнт-Лукаут. Хуже этой тюрьмы я и представить себе не мог! Кормили плохо или вообще никак. Стоило лишь подойти к забору ближе, чем на четыре шага, и тебе грозил расстрел. Конечно, я обрадовался, когда меня собрались перевести оттуда в другое место. Но тут произошло крушение поезда... — Он сокрушенно покачал головой. — Я помню только оглушающий грохот, а затем — боль в ноге. Я потерял сознание, очнулся в поезде, следующем в Эльмиру, — уже после того, как мне отрезали ногу.

— Как же ты умудрился вырыть туннель, только-только пережив ампутацию?

Алекс усмехнулся.

— Это было довольно легко. Я узнал, что ребята уже начали рыть. А в те дни я чувствовал себя совсем неплохо, потому стал помогать им. Мы вырыли туннель длиной в две сотни футов, как раз до стены. Моя культя еще не зажила, и я еще больше загрязнил рану в туннеле. Должно быть, от этого и начались проблемы с ногой. Конечно, я не смог уйти вместе со своими товарищами, но десятеро из них вырвались на свободу. Я не слышал, чтоб их поймали. Теперь я каждый день засыпаю с чистой совестью, потому что помог десяти людям снова стать свободными.

У Шамана перехватило дыхание.

— Старик, — сказал он, — папа умер.

Алекс помолчал немного и кивнул.

— Я догадался, когда увидел на тебе его сумку. Будь он жив и здоров, он сам пришел бы за мной, не стал бы посылать тебя.

Шаман улыбнулся:

— Да, он бы так и сделал.

Он рассказал брату, что случилось с Робом Джемем за время его службы. Слушая историю отца, Алекс не смог сдержать слез и взял Шамана за руку. Когда младший брат закончил свой рассказ, они долго молчали, по-прежнему держась за руки. Вскоре Алекс уснул, но Шаман остался рядом с ним.

Снег шел до позднего вечера. После того как стемнело, Шаман внимательно осмотрел все окна в доме и двор. Луна освещала чистый, нетронутый снег, на котором не было ни одного следа. К тому времени ему в голову пришло новое объяснение. Он решил, что тот толстяк приехал к нему, потому что ему нужна была медицинская помощь. А затем ситуация изменилась: пациент умер или, наоборот, выздоровел, а может быть, просто нашелся другой врач, поэтому надобность в услугах доктора Коула отпала.

Эта версия звучала вполне правдоподобно, а главное — устраивала его.

На ужин он дал Алексу горячего бульона, размочив в нем пару сухарей. После еды брат уснул. Шаман собирался переночевать в тот день в другой комнате, на удобной кровати, но его сморило в кресле, рядом с кроватью Алекса.

Ночью — он успел увидеть, что часы, которые стояли на столе рядом с револьвером, показывают 2:43 — его разбудил Алекс. Глаза брата горели диким огнем. Он уже наполовину вылез из кровати.

— Кто-то лезет в окно внизу, — произнес Алекс.

Шаман кивнул. Он поднялся и взял оружие левой рукой — к такому инструменту он не привык.

Он ждал, не сводя глаз с Алекса.

Может, брату показалось? Или приснилось? Дверь спальни была закрыта. Возможно, он просто услышал, как с крыши падают сосульки?

Шаман замер на месте. Его тело будто превратилось в пальцы, касающиеся клавиатуры фортепиано, и он буквально почувствовал бесшумные шаги.

— Он внутри, — прошептал он.

Теперь он чувствовал, что звук усилился, как ноты, исполняемые крещендо.

— Он поднимается. Я погашу свет.

Он увидел, как Алекс кивнул в знак согласия. Для них обстановка в спальне была

знакомой, в то время как чужак окажется здесь впервые — темнота станет их преимуществом. Но Шаман сообразил, что в темноте не сможет читать по губам Алекса. Он взял брата за руку и положил ее себе на колено.

— Когда услышишь, как он открывает дверь, сожми мое колено, — сказал он, и Алекс кивнул.

Один ботинок Алекса стоял на полу у кровати. Шаман переложил оружие в правую руку, наклонился и взял ботинок в левую руку, после чего погасил лампу.

Казалось, время замедлило ход. Им оставалось лишь ждать, замерев в темноте.

И вот просвет под дверью спальни исчез — чужак дошел до лампы, которая висела в коридоре на стене, и задул ее, чтобы она не выдавала его.

Оказавшись в таком знакомом ему мире, в котором царила вечная тишина, Шаман почувствовал движение воздуха из окна, когда начала открываться дверь.

И рука Алекса сжала его колено.

Шаман бросил ботинок через всю комнату, к дальней стене.

Он увидел две желтые вспышки, одну за другой, и попытался навести тяжелый кольт в ту сторону, откуда стреляли. Когда он спустил курок, револьвер больно дернулся в его руке, и ему пришлось ухватиться за оружие обеими руками. Он нажимал на курок снова и снова, чувствуя, как кольт содрогается при каждом выстреле, обдавая Шамана запахом пороха.

Когда патроны в револьвере закончились, он почувствовал себя настолько голым и уязвимым, как никогда прежде. Он просто стоял и ждал ответного огня.

— Как ты, Старший? — спросил он, чувствуя себя круглым дураком — ведь он все равно не сможет услышать ответа. Шаман нащупал на столике спички и дрожащей рукой зажег лампу.

— Как ты? — снова спросил он Алекса, но тот лишь показал пальцем в сторону человека, лежащего на полу. Плохой вышел из Шамана стрелок. Если бы не эффект неожиданности, злоумышленник с легкостью застрелил бы их обоих. Шаман подошел к нему очень осторожно, будто бы перед ним лежит подстреленный медведь, который вполне может оказаться еще живым. Свидетельством его исступленной меткой стрельбы служили дыры в стене и обломки двери. Выстрелы незваного гостя хоть и не попали по ботинку, но раздробили верхний ящик кленового комода с зеркалом. Мужчина лежал на боку, как будто спал, — это был тот самый толстый солдат с черной бородой. На его мертвом лице было написано удивление. Одна из пуль угодила ему в левую ногу, в то же самое место, в котором Шаман сделал надрез на ноге Алекса перед тем, как ампутировать ее. Другая пуля попала в грудь, в самое сердце. Когда Шаман нащупал сонную артерию, кожа на его горле была еще теплой, но пульса не было.

Алекс переволновался и упал на постель без сил. Шаман сел рядом с братом на кровать и обнял его, укачивая, как ребенка, пока тот плакал, дрожа всем телом.

Алекс был уверен, что, если об этом убийстве кто-то узнает, его тут же заберут обратно в тюрьму. Он хотел, чтобы Шаман унес тело в лес и сжег его, так же, как он сжег его ногу.

Шаман успокаивал его, поглаживая по спине, но сам мыслил четко и отстраненно.

— Его убил я, а не ты. Если у кого-то и будут проблемы, то точно не у тебя. Но этого мужчину будут разыскивать. Лавочник знал, что он направляется сюда, а возможно, и не только он. В комнате все вверх дном, нужен плотник, который также может об этом кому-нибудь рассказать. Если я спрячу или уничтожу тело, меня повесят. Мы и пальцем к нему не

притронемся.

Алекс успокоился. Они с Шаманом проговорили об этом до самого рассвета, когда стало можно потушить свет. Шаман перенес брата вниз, в гостиную, и уложил его на диван, укрыв теплым покрывалом. Он затопил печь, перезарядил кольт и сел на стул рядом с Алексом.

— Я приведу кого-нибудь из военных. Ради бога, не стреляй, пока не убедишься, что ты в опасности.

Он заглянул брату в глаза:

— Они будут допрашивать нас, вместе и по отдельности. Важно, чтобы ты говорил им чистую правду обо всем. Тогда им не удастся ни в чем нас обвинить. Понимаешь?

Алекс кивнул, Шаман потрепал его по щеке и уехал.

Снаружи снега было по колено, поэтому он не стал брать повозку. В сарае висел недоуздок; он нацепил его на лошадь и поехал без седла. До самой лавки Барнарда конь еле плелся по заснеженной дороге, но в черте города снег был уже сильно притоптан, поэтому Шаман смог поехать быстрее.

Он весь ооченел, но не от холода. Когда он терял пациентов, которых собирался спасти, это всегда оставляло глубокий след в его душе. Но до сих пор он никогда не убивал никого сознательно.

Он оказался у телеграфа слишком рано, поэтому ему пришлось дожидаться семи утра, пока тот откроется. Он отправил сообщение Нику Холдену.

Убил солдата. Самозащита. Пожалуйста, пришлите представителя военных властей в Эльмиру в поддержку. Алекс Бледио Коул со мной. С благодарностью, Роберт Джей Коул.

С телеграфа он отправился напрямик к шерифу округа Стюбен, чтобы сообщить об убийстве.

Очень быстро вокруг домика миссис Клэй столпились люди. Шериф, коренастый седовласый мужчина по имени Джесс Мор, страдающий от утреннего несварения желудка, все время хмурился и издавал отрыжку за отрыжкой. Его сопровождали два помощника. Прибыло подкрепление от военных: первый лейтенант, два сержанта и пара рядовых. Через полчаса к ним присоединился майор Оливер Поул, смуглый офицер в очках, с черными тонкими усиками. Все первыми поприветствовали его — очевидно, он был главным среди них.

Солдаты и штатские сновали туда-сюда по дому, топая по ступеням тяжелыми сапогами и перешептываясь между собой. Они выпустили все тепло из дома и натащили в комнаты на сапогах снега и льда, нанеся тем самым непоправимый урон натертым воском полам миссис Клэй.

Шериф с помощниками были предельно сосредоточены, военные казались очень серьезными, а майор демонстрировал холодную учтивость.

Наверху майор Поул осмотрел пулевые отверстия в двери, стене и комодe, а затем приступил к телу.

— Вы узнаете его, доктор Коул?

— Никогда не видел его раньше.

— Значит, вы предполагаете, что он хотел вас ограбить?

— Понятия не имею. Все, что я знаю, так это то, что, когда я бросил ботинок в темноте, этот человек тут же выстрелил на звук, а я выстрелил в него.

— Вы обыскивали его?

— Нет, сэр.

Майор начал рыться в карманах убитого, выкладывая их содержимое на кровать. Найдено было немного: табакерка, скомканный засморканный платок, семнадцать долларов и тридцать восемь центов. А еще майор нашел там увольнительную, которую Поул вначале прочел сам, а потом передал Шаману.

— Это имя говорит вам о чем-то?

Увольнительная была выдана сержанту-майору Генри Боуману Коффу из штаб-квартиры восточного командования армии США, Элизабет, штат Нью-Джерси.

Шаман прочел ее и покачал головой.

— Никогда не слышал это имя прежде, — честно признался он.

Но через пару минут, спускаясь по лестнице, он понял, что это имя вызывало в нем подсознательное беспокойство, и очень скоро сообразил почему.

Ему не придется продолжать дело отца, о котором он не забывал до самой смерти, пытаясь разыскать человека, сбежавшего из Холден-Кроссинга в то утро, когда Маква-икву изнасиловали и убили. Шаману больше не нужно было разыскивать человека по имени Хэнк Кофф. Хэнк Кофф сам нашел его.

Затем пришел коронер, чтобы констатировать смерть убитого. Он холодно поприветствовал Шамана. Все в доме открыто показывали свою неприязнь, и он наконец понял, почему это происходит. Алекс был для них врагом; он бился против них, наверняка убивал северян, после чего попал к ним в плен. А теперь брат Алекса убил солдата в форме Союза.

Шаман успокоился, когда они погрузили тело на носилки, с трудом спустили его по ступенькам и вынесли из дома.

Начался серьезный допрос. Майор сидел в спальне, в которой произошло убийство. Рядом с ним, на другом стуле, принесенном из кухни, сидел один из сержантов, который записывал сведения, полученные в ходе допроса. Шаман примостился на краешке кровати.

Майор Поул спросил его о политической принадлежности. Шаман ответил, что за всю свою жизнь состоял лишь в двух организациях — Обществе в поддержку отмены рабства, когда учился в колледже, и в Медицинском обществе округа Рок-Айленд.

— Вы — тайный сторонник южан, доктор Коул?

— Нет.

— Не испытываете ни малейшего сочувствия к южанам?

— Я противник рабства. Я хочу, чтобы война закончилась и все эти страдания прекратились. Нет, я не поддерживаю позицию Юга.

— Почему сержант-майор Кофф явился в этот дом?

— Понятия не имею.

Он, почти не колеблясь, решил не упоминать то давнее убийство индианки в Иллинойсе и тот факт, что некие три человека и тайное политическое общество виновны в ее изнасиловании и смерти. Все это было настолько давно, настолько запутано. Он понял, что эта тайна лишь усилит недоверие этого неприятного офицера и навлечет на их головы тысячи новых опасностей.

— То есть вы хотите, чтобы мы поверили, что этот сержант-майор армии США был убит при попытке вооруженного ограбления?

— Нет, я не хочу заставлять вас верить во что бы то ни было. Майор Поул, неужели вы считаете, что я сам пригласил этого мужчину, чтобы он выбил окно в арендованном мною доме, незаконно проник в него в два часа ночи, поднялся по лестнице и ворвался в комнату моего больного брата, размахивая пистолетом?

— Тогда почему он сделал это?

— Не знаю, — ответил Шаман, и майор снова нахмурился.

Пока Поул допрашивал Шамана, в гостиной лейтенант допрашивал Алекса. Одновременно двое рядовых и помощники шерифа проводили обыск сарая и дома, досматривали багаж Шамана, рылись в комоды и шкафах.

Время от времени офицеры прерывали допрос, чтобы посоветоваться между собой.

— Почему вы не сказали мне, что ваша мать родом с юга? — спросил майор Поул Шамана после одного из таких совещаний.

— Моя мать родом из Виргинии, но большую часть своей жизни прожила в Иллинойсе. А не сказал я об этом лишь потому, что вы не спрашивали.

— Это мы нашли в вашей санитарной сумке. Что это, доктор Коул? — Поул выложил на кровать четыре листа бумаги. — На каждом из них значится имя и адрес. Все — из Южных штатов.

— Это адреса товарищей моего брата по лагерю для заключенных Эльмиры. Эти люди заботились о моем брате и помогли ему выжить. Когда война закончится, я хочу отправить письма их семьям, чтобы таким образом отблагодарить их.

Допрос все продолжался и продолжался. Поул часто задавал вопросы повторно, и Шаман добросовестно повторял свои прежние ответы.

К полудню мужчины уехали, чтобы привезти что-нибудь поесть из лавки Барнарда, оставив на страже двух рядовых и одного из сержантов. Шаман пошел на кухню и приготовил жидкую кашу, после чего принес тарелку Алексу, который выглядел невероятно усталым.

Алекс сказал, что не хочет есть.

— Ты должен поесть, только так ты сможешь продолжить бороться! — настойчиво повторял Шаман, и тогда Алекс кивнул и отправил ложку вязкой каши в рот.

После обеда следователи поменялись местами — майор теперь допрашивал Алекса, а лейтенант — Шамана. Ближе к вечеру, вызвав тем самым раздражение офицеров, младший брат объявил перерыв и отправился сменить повязки на культе Алекса, не обращая внимания на вынужденных свидетелей процедуры.

К удивлению Шамана, майор Поул попросил его отвести трех солдат к месту, где он

сжег ампутированную им часть ноги Алекса. Когда он указал им это место, они копались в снегу и оставшихся от костра углях, пока не нашли остатки белесых костей, завернули их в платок и спрятали.

Уехали следователи поздним вечером. В доме воцарилась долгожданная тишина, но чувство опасности по-прежнему не покидало братьев. Выбитое окно они завесили покрывалом. Полы были грязными, а в комнатах до сих пор стоял табачный дым и запах солдат.

Шаман подогрел мясной суп. К его радости, у Алекса вдруг прорезался зверский аппетит, он хорошенько поел овощей с бульоном и даже запил пивом. Шаман и сам сильно проголодался, поэтому после супа они поели хлеба с маслом и джемом, яблочного пюре, а потом он сварил кофе.

Шаман отнес Алекса наверх и уложил его в кровать миссис Клэй. Он поухаживал за братом и допоздна просидел на краю кровати. Когда Старший уснул, он ушел в гостевую комнату и без сил упал на кровать, пытаясь забыть о пятнах крови на полу. В ту ночь им удалось немного поспать.

Следующим утром их не почтили визитом ни шериф, ни его люди — зато приехали военные, как раз в то время, когда Шаман мыл посуду.

Вначале показалось, будто этот день будет таким же, как предыдущий, но какой-то незнакомый мужчина постучался в их дверь и представился Джорджем Гамильтоном Крокеттом, помощником комиссара бюро по делам индейцев города Олбани. Он сел рядом с майором Поулом и долго рассказывал ему что-то, показывая какие-то бумаги, к которым они обращались время от времени в ходе разговора.

Наконец, солдаты собрали свои вещи и надели шинели. Вместе с поникшим майором Поулом они покинули дом.

Мистер Крокетт ненадолго задержался, чтобы поговорить с братьями Коулами. Он сообщил им, что они стали главной темой множества телеграмм, полученных им из Вашингтона.

— Инцидент довольно-таки прискорбный. Армии сложно было смириться с тем фактом, что они потеряли одного из своих и что это произошло в доме, в котором находился солдат Конфедерации. Они привыкли убивать врагов, посягнувших на жизнь кого-то из юнионистов.

— Они ясно дали это понять своими допросами и настойчивостью, — ответил Шаман.

— Теперь вам нечего бояться. Слишком много улик в вашу пользу. Сержант-майор Кофф привязал лошадь в лесу, попытавшись спрятать ее. Следы сержанта-майора на снегу прослеживаются от лошади до самого окна. Стекло разбито, окно было оставлено открытым. Когда они осматривали тело, в его руке все еще был пистолет, из которого недавно дважды стреляли.

Он сделал паузу и продолжил:

— В пылу военных страстей результаты расследования и обнаруженные улики могли и скрыть, но не тогда, когда в исходе дела заинтересована сторона, обладающая достаточной властью для изменения ситуации в вашу пользу.

Крокетт улыбнулся и передал им сердечный привет от почтенного Николаса Холдена.

— Комиссар попросил меня передать вам, что готов приехать в Эльмиру лично, если того будет требовать ваше положение. Я буду рад сообщить ему, что личного вмешательства не потребуется.

На следующее утро майор Поул прислал одного из сержантов, чтобы попросить братьев Коулов не покидать черты города Эльмира до тех пор, пока расследование не будет официально закрыто. Когда Шаман спросил сержанта, на какие сроки они могут рассчитывать, тот довольно учтиво ответил, что это ему неизвестно.

Итак, они были вынуждены остаться в этом доме. Миссис Клэй прослышала о том, что случилось, и тут же примчалась домой, в ужасе осматривая разбитое окно, отверстия от пуль в мебели и остатки комода.

— Он принадлежал еще моей матери...

— Я прослежу, чтобы здесь все отремонтировали, — поспешил заверить Шаман. — Вы не посоветуете хорошего плотника?

Она прислала своего знакомого в тот же день — долговязого мужчину средних лет по имени Берт Клэй, кузена ее последнего мужа. Он попричитал над ущербом, нанесенным этому дому, но сразу взялся за работу. Принес и вставил новое стекло. С разрушениями в спальне дела обстояли сложнее. Обломки досок в полу нужно было заменить, а те доски, которые были залиты кровью, оттереть песком и заново отполировать. Берт сказал, что зашпатлюет дыры в полу и перекрасит комнату.

Взглянув на комод, он лишь покачал головой.

— Даже не знаю. Он сделан из «птичьего глаза». Может, и найду кусок такого, но это будет очень дорого.

— Найдите, я заплачу, — хмуро попросил Шаман.

На ремонт дома ушла неделя. Когда Берт закончил, пришла миссис Клэй и тщательно все проверила. Она одобрительно кивнула и поблагодарила Берта, похвалив его работу. Ее устроил даже комод. Но она довольно холодно говорила с Шаманом, и он понял, что ее дом уже никогда не станет для нее прежним.

По-иному к нему стали относиться все. Мистер Барнард больше не улыбался и не начинал разговор, когда Шаман приезжал в лавку. Он замечал, что люди смотрят на него, когда встречаются на улице, и сразу начинают шептаться между собой. Эта всеобщая неприязнь начинала действовать ему на нервы.

В последний свой визит майор Поул конфисковал кольт, и теперь оба брата чувствовали себя незащищенными. На ночь Шаман клал возле своей кровати кочергу и кухонный нож. Он просыпался каждый раз, когда из-за ветра весь дом начинал ходить ходуном, и пытался уловить шаги чужака.

За три недели Алекс немного прибавил в весе и стал выглядеть лучше. Он уже горел желанием убраться отсюда подальше. Они обрадовались, когда Поул наконец прислал письмо, в котором сообщал, что они могут уехать из города. Шаман купил Алексу гражданскую одежду, помог брату одеться, заколол булавкой его левую штанину так, чтобы она не мешала ему при ходьбе. Алекс попробовал ходить с костылем, но у него не очень хорошо получалось.

— Трудно держать равновесие, когда от одной ноги почти ничего не осталось, — прокомментировал он, и Шаман заверил его, что он обязательно научится.

Шаман купил у Барнарда огромную головку сыра и оставил ее на столе для миссис Клэй, чтобы хоть как-то искупить свою вину. Он договорился вернуть конюху лошадь и повозку на железнодорожной станции, так что Алекс ехал до вокзала лежа на соломе — так же, как он уезжал из тюрьмы. Когда прибыл поезд, Шаман на руках внес его в вагон и

посадил у окна под любопытными взглядами остальных пассажиров. Они немного поговорили, но как только поезд тронулся, Алекс положил руку брату на плечо, и этот жест был красноречивее любых слов.

Домой они ехали другим путем — поезд взял немного севернее, чем в тот раз, когда Шаман ехал в Эльмиру. Шаман взял билеты до Чикаго, а не до Каира, потому что он не слишком-то верил в то, что Миссисипи не замерзнет к тому времени, когда они доберутся до Иллинойса. Путешествие выдалось недолгим. Тряска в поезде все время причиняла Алексу мучительную боль. По пути им пришлось сделать много пересадок, и каждый раз Шаман носил брата из поезда в поезд на руках. Поезда почти никогда не прибывали точно по расписанию. Много раз гражданские составы загоняли на запасную колею для того, чтобы пропустить армейский транспорт. Однажды Шаман умудрился занять обитые тканью мягкие сиденья в вагоне первого класса, и целых пятьдесят миль они проехали с комфортом, но большую часть пути им пришлось проделать, сидя на жестких деревянных лавках.

К тому времени, как они добрались до Эри, штат Пенсильвания, в уголках рта у Алекса появились белые пятна, и Шаман понял, что его брату нужно отдохнуть. Он снял номер в гостинице, чтобы Алекс мог хоть немного выспаться в удобной кровати. В тот вечер, сменив брату повязки, он начал рассказывать Алексу кое-что из того, что прочел в дневнике отца.

Он рассказал ему о судьбах тех троих, кто изнасиловал и убил Маква-икву.

— Думаю, это я виноват в том, что Генри Кофф пришел за нами. Когда я был в Чикаго, я ходил в приют, в котором содержат Дэвида Гуднау; в тот день я слишком много рассказал об убийцах. Я спрашивал его об Ордене звездно-полосатого флага и о Хэнке Коффе... Кто-то из сотрудников приюта вполне мог оказаться членом этого ордена — да скорее всего, все, кто там работает, являются членами Ордена! Не сомневаюсь, они обо всем сообщили Коффу, и он решил найти нас сам.

Алекс некоторое время молчал, но потом обеспокоенно взглянул на брата.

— Но, Шаман... Кофф знал, где нас искать. А это значит, что кто-то из Холден-Кроссинга выдал ему тебя и рассказал, что ты уехал в Эльмиру.

Шаман кивнул.

— Я тоже подумал об этом, — тихо сказал он.

Они добрались до Чикаго через неделю после того, как уехали из Эльмиры. Шаман отправил матери телеграмму о том, что везет Алекса домой. Он предупредил, что Алекс потерял ногу, и попросил ее встретить их на станции.

Когда через час поезд прибыл в Рок-Айленд, Сара уже ждала на платформе вместе с Дагом Пенфилдом. Шаман снес Алекса на руках по ступеням вагона. Мать крепко обняла сына и, не произнося ни слова, зарыдала.

— Дай-ка я поставлю его на землю, он тяжелый, — взмолился Шаман и усадил Алекса на сиденье двуколки. Тот тоже плакал.

— Хорошо выглядишь, мам, — только и сумел проговорить он.

Мать села рядом с Алексом и взяла его за руку. Шаман взялся за поводья, а Даг сел на лошадь, привязанную сзади к двуколке.

— А где Олден? — спросил Шаман.

— Прикован к постели. Он совсем плох, Шаман, дрожь усилилась. Пару недель назад он поскользнулся и упал, когда вырезал прорубь на реке, — рассказала Сара.

Алекс жадно рассматривал окрестности, пока они ехали домой. Шаман последовал его примеру — почему-то он чувствовал себя не так, как раньше. Как дом миссис Клэй никогда не станет для нее прежним, так изменилась и его жизнь. Он убил человека. Казалось, мир перевернулся с ног на голову.

На закате они вернулись домой. Уложили Алекса в его старую кровать — он лежал с закрытыми глазами, его лицо выражало неопишное удовольствие.

Сара приготовила роскошный ужин в честь возвращения своего блудного сына. Она накормила его жареной курицей и картофельным пюре с морковью. Не успел он доест, как на Длинной тропе появилась Лилиан, которая везла с собой супницу с бульоном.

— Твои голодные дни сочтены! — сказала она Алексу, поцеловав его и поздравив с возвращением домой.

Она сказала, что Рэйчел осталась дома, с детьми, но обязательно приедет поздороваться утром.

Шаман оставил их одних, чтобы они могли спокойно поговорить — мать с Лилиан придвинулись к Алексу настолько близко, насколько это было вообще возможно. Когда он вошел в комнату, Олден спал. Шаман сразу почувствовал сильный запах крепкого виски. Он тихо вышел и поехал по Длинной тропе. Снег на дороге был хорошо утоптан, а потому покрылся ледяной коркой, и копыта лошади иногда скользили. Добравшись до дома Гайгеров, он увидел свет в окошке Рэйчел — она сидела и читала у камина. Женщина сразу отложила книгу, услышав, как он легонько постучал в окно.

Они поцеловались так, будто один из них был при смерти и этот поцелуй должен был стать последним. Она взяла его за руку и повела наверх, в свою комнату. Дети спали в гостиной внизу, ее брат Лайонелл чинил упряжь в сарае. Мать могла вернуться домой в любую минуту, но они все равно занялись любовью на кровати Рэйчел прямо в одежде — сладко, решительно, отчаянно.

Пока он ехал по Тропе обратно, все в его мире снова стало простым и понятным.

У Шамана сердце упало, когда он увидел, что Олден вышел работать на ферме. Его плечи и шея были практически парализованы, а лицо превратилось в суровую неподвижную маску — выражение не менялось даже тогда, когда случался очередной приступ дрожи. Он выполнял ту же работу, но медленно и не торопясь, будто двигаясь под водой.

Однако разум его был чист. Он пришел к Шаману в сарай и принес небольшую витрину, которую соорудил для скальпеля Роба Джея, а еще — новый бистури, который Шаман просил его сделать. Он усадил доктора на стул и отчитался о том, как ферма пережила зиму — о количестве животных и оставшегося корма, а также о перспективах весеннего увеличения поголовья животных.

— Я велел Дагу натаскать хворосту в плавильню, так что мы сможем варить сироп сразу, как только тростник созреет.

— Хорошо, — сказал Шаман. Он решил не откладывать на потом неприятный разговор

и обыденным тоном сообщил Олдену, что поручил Дагу найти хорошего работника, чтобы тот помог ему с весенней работой в поле.

Олден медленно кивнул. Он долго откашливался, чтобы прочистить горло, а потом причмокнул губами.

— Такого расторопного, как я, не найдет, — сказал он, будто бы не желая мириться с неожиданной новостью.

— Пусть кто-то другой пашет землю весной. Незачем управляющему фермы делать тяжелую работу, когда можно дать молодым поразмять руки, — подвел итог Шаман. Олден снова кивнул и вышел из сарая. Шаман видел, каких усилий ему стоило просто сдвинуться с места — он тужился так, будто ему никак не удавалось помочиться. Но только лишь он тронулся с места, его ноги задвигались сами собой, и Олден пошел, как по инерции.

* * *

Шаман решил, что будет неплохо вновь заняться своими пациентами. Как бы хорошо за ними ни ухаживали монахини, они все равно не сумели бы заменить настоящего врача. Несколько недель он работал без устали, делая все откладываемые ранее операции и выезжая на дом каждый день, как и раньше.

В монастыре его радушно встретила матушка Мириам Фероция, которая с тихой радостью выслушала его рассказ о возвращении Алекса. У нее тоже были новости.

— Епархия прислала письмо, наш предварительный бюджет уже утвержден, и они просят нас приступить к постройке больницы. Епископ лично изучил и одобрил наши планы, но он против того, чтобы мы строили больницу на монастырских землях. Он считает, что монастырь находится слишком далеко от реки и главных дорог. Так что теперь нам нужно найти подходящее место.

Она поднялась со стула и передала Шаману два тяжелых кирпича кремового цвета.

— Что скажешь?

На вид кирпичи были прочными, а когда он легко ударил их один о другой, раздался ровный звонкий звук.

— Я плохо разбираюсь в кирпичах, но выглядят они отлично.

— Из них стены получатся, как у настоящей крепости, — сказала настоятельница. — В больнице будет прохладно летом и тепло зимой. Это остеклованные кирпичи, они не будут пропускать воду. А делает их мастер, который живет совсем рядом, его зовут Россуэлл. Он построил печь для сушки и обжига прямо у залежей глины. Сейчас у него достаточно материала для того, чтобы начать стройку, и он может сделать еще. Он говорит, если мы захотим цвет темнее, то он может прикоптить кирпичи дымом.

Шаман взвесил на руке кирпичи, и они показались ему такими твердыми и настоящими, что ему показалось, будто в руках у него целая больница.

— Думаю, этот цвет нам идеально подходит.

— Я тоже, — согласилась матушка Мириам, и они радостно улыбнулись друг другу, как дети, которых угостили сладостями.

Поздно ночью Шаман сидел на кухне и пил с матерью кофе.

— Я рассказала Алексу о... его родстве с Ником Холденом, — сказала она.

— И как он отреагировал?

Сара пожала плечами.

— Он просто... смирился, — грустно улыбнулась она. — Он сказал, что нет особой разницы, кто его настоящий отец — будь то Ник Холден или тот мертвый разбойник.

Она на миг умолкла, но тут же снова взглянула на Шамана, и он заметил, что она нервничает.

— Преподобный мистер Блэкмер уезжает из Холден-Кроссинга. Священника баптистской церкви из Давенпорта отозвали в Чикаго, и паства предложила ему занять его место.

— Жаль. Я знал, как высоко ты его ценила. Значит, теперь нам нужно искать нового священника.

— Шаман, — перебила она, — Люциан позвал меня с собой. Позвал замуж.

Он взял ее за руку, которая была холодной как лед.

— А чего хочешь ты сама, мама?

— Мы стали... очень близки после смерти его жены. Когда я овдовела, он стал для меня настоящей каменной стеной. — Она крепко сжала руку Шамана. — Я любила твоего отца. И всегда буду любить.

— Знаю.

— Через несколько недель будет годовщина его смерти. Ты станешь презирать меня, если я снова выйду замуж?

Он поднялся с места и подошел к ней.

— Мне нужно быть чьей-то женой, такова моя натура.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, — сказал он и обнял ее.

Ей пришлось отстраниться, чтобы ему было видно ее губы.

— Я сказала Люциану, что выйду за него замуж лишь тогда, когда Алекс встанет на ноги.

— Мам, он поправится скорее, если ты перестанешь стоять у нас над душой.

— Правда?

— Правда.

Ее лицо просияло. У него сердце замерло, потому что она как будто помолодела на его глазах.

— Спасибо тебе, мой замечательный сын. Я скажу Люциану, — сказала она.

Культия Алекса отлично заживала. Вокруг него постоянно суетились мать и сестры из монастыря. Хотя он и набирал вес и все меньше походил на скелет, но редко улыбался, а в глазах его скрывались тени.

Один человек по имени Уоллес из Рок-Айленда заработал себе репутацию и кучу денег на изготовлении искусственных ног, и после долгих уговоров Алекс согласился, чтобы Шаман отвез его к нему. На стене мастерской Уоллеса, как на витрине, висел ряд вырезанных из дерева кистей, стоп, ног и рук. С полного лица мастера не сходила улыбка, так что казалось, будто он всегда весел, но держался он исключительно серьезно. Больше часа он делал измерения, заставляя Алекса встать, согнуть ногу в колене, сесть, вытянуть ногу, лечь, встать на колени — это походило на финальную разминку перед ответственной игрой. Затем Уоллес сказал, чтобы они приехали за ногой через шесть недель.

Алекс был лишь одним из огромного числа тех, кто вернулся со службы калекой.

Шаман встречал таких на каждом шагу — бывших солдат с ампутированными конечностями, многие из которых потеряли не только ногу или руку, но и дух. Старый друг его отца Стивен Хьюм дослужился до бригадира, получив это повышение в битве при Висксберге, через три дня после которой судьба наградила его пулей, угодившей прямо под правый локоть. Руку он не потерял, но из-за ранения разрушились нервы, так что он не мог даже пошевелить конечностью, поэтому Хьюм всегда носил черную перевязь, как будто у него постоянно была сломана рука. За два месяца до его возвращения домой умер почтенный Дэниел Аллан, судья федерального окружного суда штата Иллинойс, и губернатор предложил отличившемуся в бою генералу занять его место. Теперь судья Хьюм заслушивал дела в суде. Шаман знал, что многие бывшие солдаты сумели вернуться к гражданскому образу жизни, но некоторые так и не смогли уйти от проблем, которые преследовали их и разрушали их жизни.

Он попытался посоветоваться с Алексом касательно будущего фермы. От наемных рабочих толку пока было мало, но Даг Пенфилд нашел нового работника по имени Билли Эдвардс, у которого уже был опыт работы с овцами в Айове. Шаман поговорил с ним и счел его достаточно сильным и усердным, к тому же парня горячо рекомендовал Джордж Клайберн. Шаман спросил Алекса, не хочет ли он сам побеседовать с Эдвардсом.

— Нет, мне это не нужно.

— А мне кажется, тебе бы не помешало общение. Ведь этот мужчина будет работать на тебя, когда ты снова сможешь управлять фермой.

— Сильно сомневаюсь, что смогу вернуться к работе на ферме.

— Что?

— Лучше я буду с тобой работать. Я смогу быть твоими ушами, как тот парень из больницы в Цинциннати, о котором ты мне рассказывал.

Шаман улыбнулся.

— Мне не всегда нужно слушать сердцебиение пациентов. К тому же я могу обратиться за помощью к кому угодно, если мне она понадобится. Seriously, ты уже думал о том, чем собираешься заниматься?

— Я правда не знаю.

— Что ж, у тебя есть еще время подумать, — ответил Шаман и поспешил оставить эту тему.

Билли Эдвардс оказался хорошим работником, но стоило ему сделать перерыв и оторваться от дела, он тут же начинал болтать. Болтал о качестве почвы и корма для овец, о ценах на зерно и пользе железной дороги. Но когда он заговорил о возвращении индейских племен в Айову, Шаман заинтересовался.

— Что ты имеешь в виду? Они вернулись?

— Частично вернулись племена сауки и мескуоки. Они уехали из своей резервации в Канзасе и вернулись в Айову.

Как и племя Маква-иквы, подумал Шаман.

— И как им живется? Люди, живущие по соседству, им не докучают?

— Нет. Им докучать никто не посмеет. Ведь умные индейцы выкупили эту землю, все по закону. Отвалили кругленькую сумму наличными, — ухмыльнулся он. — Конечно, земля, которую им выделили, — худшая во всем штате, сплошной желтозем. Но они настроили там хижин и засеяли несколько полей зерновыми. Там у них настоящий маленький городок.

Назвали его Тама, в честь одного из своих вождей, как мне рассказывали.

— И где находится этот городок?

— Примерно в сотне миль к западу от Давенпорта. К западу и немного на север.

Шаман решил, что обязательно отправится туда.

Хотя через несколько дней ему и представилась возможность расспросить об этих племенах самого комиссара бюро по делам индейцев, он не стал проявлять любопытство. На ферму Коулов пожаловал сам Ник Холден — приехал в новом экипаже с кучером. Когда Сара и Шаман благодарили его за помощь, Холден вел себя вежливо и дружелюбно, но было понятно, что он приехал увидеться с Алексом.

Он все утро провел в комнате Алекса, сидя у его постели. Когда Шаман закончил всю работу в амбулатории и вернулся домой, то с удивлением обнаружил, что Ник вместе со своим кучером усаживают Алекса в экипаж.

Их не было почти весь день и большую часть вечера. Когда они вернулись, Ник и кучер помогли Алексу добраться до постели, вежливо пожелали всем доброго вечера и уехали.

Алекс не слишком распространялся о том, чем они занимались весь день.

— Мы съездили кое-куда. Поговорили, — улыбнулся он. — То есть больше говорил он, а я лишь слушал. Вкусно пообедали в номерах Анны Вайли. — Он пожал плечами.

Однако Алекс весь вечер был очень задумчивым и рано лег спать, должно быть, утомившись после прогулки.

На следующее утро Ник вернулся. В этот раз он возил Алекса в Рок-Айленд, и вечером Алекс снова рассказывал о прекрасном обеде и ужине, которые им подавали в отеле.

На третий день они отправились в Давенпорт. Алекс вернулся домой раньше, чем в предыдущие два дня, и Шаман услышал, как на прощание брат желает Нику приятного путешествия в Вашингтон.

— Я буду на связи, если ты не против, — пообещал Ник.

— Буду только рад, сэр.

В ту ночь, когда Шаман уже собирался ложиться спать, Алекс позвал его к себе.

— Ник хочет признать меня, — поделился он.

— Признать?

Алекс кивнул.

— В первый день, когда он только приехал, он рассказал мне, что президент Линкольн предложил ему уйти в отставку, так что он подыскивает себе замену. Ник говорит, ему самое время вернуться в родные края и обосноваться здесь. Жениться он не хочет, но сыну будет рад. Говорит, он всегда знал, что я — его сын. Мы три дня провели вместе, разъезжая по окрестностям, осматривая его владения. Ему принадлежит прибыльная фабрика по производству карандашей в западной Пенсильвании, и, возможно, это еще не все. Он хочет сделать меня своим наследником и дать мне свою фамилию.

Шаман немного расстроился и даже разозлился.

— А на ферме ты работать отказался.

— Я сказал Нику, что мне не важно, кто мой отец по крови. Мой настоящий отец — Роб Джей Коул — принимал меня со всеми моими юношескими выходками, несмотря ни на что; настоящий отец научил меня дисциплине и искренней любви. Я сказал, что не откажусь от фамилии Коул.

Шаман коснулся плеча брата. Он не мог подобрать нужных слов, поэтому просто

кивнул. Потом он поцеловал Алекса в щеку и ушел спать.

В тот день, когда мастер Уоллес должен был закончить искусственную ногу, они вернулись в город, чтобы забрать свой заказ. Уоллес искусно вырезал ногу, на нее можно было надевать сверху носок и ботинок. Протез Уоллеса полностью соответствовал форме культи и крепился к ней с помощью кожаных ремешков, обвязываемых вокруг колена.

Только лишь попытавшись надеть протез, Алекс возненавидел его. Протез причинял ему сильную боль.

— Это потому, что твоя культя еще не полностью зажила, — объяснил Уоллес. — Чем чаще будешь носить протез, тем скорее образуется костная мозоль. Совсем скоро тебе не будет больно.

Они заплатили за протез и забрали его домой. Но Алекс спрятал его в шкаф и отказался носить. Он ходил лишь при помощи костыля, который ему сделал Джимми-Джо в лагере для заключенных.

Была середина марта, когда однажды утром Билли Эдвардс выезжал с телегой бревен со двора, пытаясь обойти стадо быков, позаимствованное у молодого Мюллера. Олден стоял позади телеги, опершись на трость, и выкрикивал указания окончательно сбитому с толку Эдвардсу:

— Отгоняй их, парень, сдай назад!

И Билли послушался. На его месте было вполне логичным ожидать, что раз Олден приказал ему сдать назад, то сам отступит в сторону. Год назад Олден спокойно сделал бы это и ничего бы не произошло, но теперь, хотя умом старик и понимал, что ему нужно отойти в сторону, болезнь замедлила его реакцию и ноги ослушались его. Бревно съехало с телеги, ударило его в правую сторону груди и отбросило на несколько футов назад. Он неподвижно лежал на грязном снегу.

Билли ворвался в амбулаторию, где Шаман как раз осматривал новую пациентку по имени Молли Торнуэлл, которая, несмотря на беременность, проделала сюда долгий путь из Мэйна.

— Олден! Кажется, я убил его, — кричал Билли.

Они занесли Олдена внутрь и положили на кухонный стол. Шаман разрезал на нем одежду и тщательно осмотрел старика.

Побледневший от страха Алекс вышел из комнаты и самостоятельно спустился по лестнице. Он вопросительно посмотрел на брата.

— У него сломано несколько ребер. Ему нельзя оставаться в хижине. Посели его в гостевой комнате, а я перееду к тебе.

Алекс кивнул. Он отошел в сторону, наблюдая, как Шаман и Билли заносят Олдена наверх, чтобы уложить его в кровать.

* * *

Немного позже Алексу представилась возможность стать ушами Шамана. Он внимательно прослушал грудь Олдена и рассказал, что услышал.

— С ним все будет в порядке?

— Не знаю, — пожал плечами Шаман. — Его легкие не пострадали. Сломанные ребра — не проблема для сильного и здорового человека. Но в его возрасте и учитывая его болезнь...

Алекс кивнул.

— Я посижу с ним, поухаживаю...

— Уверен? Я могу попросить матушку Мириам, чтобы она прислала своих монахинь.

— Пожалуйста, позволь мне этим заняться, — попросил Алекс. — У меня уйма свободного времени.

Таким образом, помимо пациентов, которые вверяли ему заботу о своей жизни, двое членов его семьи тоже нуждались в его профессиональной помощи. Хотя он всегда проявлял сочувствие во время работы, он вдруг понял, что заботиться о своих родных — это совсем не то же, что работать с пациентами. Появилась какая-то новая, особая грань и первостатейная важность в ответственности и повседневной работе. Когда он спешил домой после каждого рабочего дня, ему казалось, будто тени сгущаются над ним.

Однако случались и моменты радости. Как-то раз, к его удовольствию, в гости пришли Джошуа и Хетти. Это было их первое самостоятельное путешествие по Длинной тропе, и они с достойным и очень серьезным видом спросили Шамана, не найдется ли у него времени поиграть с ними. Ему доставило несказанную радость прогуляться с ними по лесу около часа и увидеть первые васильки и четкие следы оленя.

У Олдена начались сильные боли. Шаман давал ему морфин, но лучшим обезболивающим для него был выдержанный виски.

— Хорошо, давай ему виски, — сказал Шаман Алексу, — но в умеренном количестве. Понятно?

Алекс кивнул и четко выполнил его указания. В комнате больного теперь пахло алкоголем — так же, как и в хижине Олдена, хотя ему и выдавали лишь положенные две унции днем и две унции вечером.

Иногда, сменяя Алекса, за стариком ухаживали Сара или Лилиан. Однажды вечером Шаман сидел с Олденом и читал журнал по хирургии, который получил недавно из Цинциннати. Олден метался на кровати, изредка проваливаясь в беспокойный сон. Когда ему удавалось задремать, он бормотал что-то во сне, разговаривая с какими-то незримыми тенями, выдавая указания Дагу Пенфилду, проклиная хищников, которые охотились за их овцами. Шаман смотрел на его морщинистое лицо, усталые глаза, большой красный нос с крупными ноздрями, из которых торчали волосы, и вспоминал того Олдена, которым он был раньше — сильного и сноровистого, бывшего солдата, который учил мальчишек Коул драться.

Олден на некоторое время успокоился и провалился в глубокий сон. Шаман сумел дочитать до конца статью о переломах по типу зеленой ветки и как раз приступил к статье о катаракте глаза, когда вдруг поднял глаза и увидел, что Олден спокойно смотрит на него ясным уверенным взглядом, какой бывает у человека в момент облегчения.

— Я не хотел, чтобы он убил тебя, — сказал Олден. — Просто надеялся, что он тебя припугнет.

Путешествие в Нову

Живя в одной комнате, Шаман и Алекс снова почувствовали себя детьми. Лежа в кровати без сна, однажды утром, на рассвете, Алекс зажег лампу и стал описывать брату звуки природы, расцветающей весной — трели птичек, звон ручейков, бегущих к морю, оглушительный рев реки, грохот трескающегося льда. Но Шаман мало думал тогда о сущности природы. Он больше размышлял над сущностью человеческой и вспоминал события и происшествия, которые вдруг оказались непосредственно связанными между собой. Он не раз просыпался среди ночи и бродил по холодному полу, надеясь вспомнить что-нибудь из дневников отца, что поможет ему все понять.

Он с особой тщательностью ухаживал за Олденом, со странной чуткой нежностью, несмотря на свои крепнущие подозрения. Иногда он смотрел на старика новыми глазами, будто видел его впервые.

Олден все никак не мог уснуть, лишь иногда проваливаясь в беспокойную дрему. Но однажды вечером, когда Алекс прослушивал его сердце с помощью стетоскопа, его глаза вдруг расширились от удивления.

— Какой-то новый звук... такой бывает, когда берешь в руку две пряди волос и перетираешь их пальцами.

Шаман кивнул.

— Такие звуки называются хрипами.

— Что они означают?

— Что-то не так с его легкими, — сказал Шаман.

Девятого апреля Сара Коул и Люциан Блэкмер поженились в Первой баптистской церкви Холден-Кроссинга. Церемонию провел преподобный Грегори Бушман, пост которого должен был занять в Давенпорте Люциан. Сара надела лучшее серое платье, которое Лириан освежила новым воротничком и рукавами из белой шерсти, — Рэйчел закончила их вязать за день до свадьбы.

Мистер Бушман сказал много хороших слов — очевидно, ему доставляло удовольствие женить своего товарища и священника во Христе. Позднее Алекс рассказал Шаману, что Люциан произнес свою клятву ровным тоном священнослужителя, в то время как голос Сары был нежен и кроток. Когда церемония подошла к концу, Шаман видел, как мать улыбается всем из-под своей короткой вуали.

После свадьбы вся паства переместилась на ферму к Коулам. Большинство прихожан принесли угощение с собой, но Сара с Альмой Шрёдер готовили праздничный стол целую неделю. Люди все ели и ели, а Сара не могла скрыть своего счастья.

— Мы израсходовали всю ветчину и сосиски из погреба. Вам нужно будет пополнить запасы в этом году, — сказала она Дагу Пенфилду.

— Конечно, миссис Блэкмер, — галантно ответил Даг, впервые назвав ее новой фамилией.

Когда уехал последний гость, Сара взяла свой заранее собранный чемодан и расцеловала сыновей. Люциан увез ее в двуколке в свой дом, предоставленный ему общиной,

откуда они через несколько дней должны были отправиться в Давенпорт.

Некоторое время спустя Алекс подошел к шкафу и достал оттуда протез. Он сам надел его, даже не попросив брата о помощи. Шаман сидел в кабинете и, перечитывая журналы по медицине, наблюдал, как неуверенными шагами Алекс проходит мимо открытых дверей и, дойдя до стены гостиной, тут же возвращается обратно. Шаман чувствовал стук искусственной ноги об пол, который то приближался, то удалялся от кабинета, и лишь догадывался о боли, испытываемой братом при каждом шаге.

К тому времени, как он вошел в спальню, Алекс уже уснул. Протез, на который были надеты носок и ботинок, стоял на полу рядом с правым ботинком Алекса, так, будто там всегда было его место.

Следующим утром Алекс надел протез, когда они пошли в церковь по просьбе Сары. Братья вообще-то не посещали служб, но мать пригласила их в это воскресенье, поскольку служба была частью ее свадебной церемонии; она глаз не могла отвести от своего первенца, когда тот миновал проход и сел на переднюю скамью, которая предназначалась для членов семьи священника. Алекс опирался на ясеновую трость, которую Роб Джей держал в амбулатории для своих пациентов. Иногда он немного волочил ногу, а иногда — поднимал ее слишком высоко, но он совсем не шатался и не терял равновесия, поэтому уверенно прошел вперед и подошел к Саре.

Она сидела между двумя своими сыновьями и восхищенно смотрела, как ее новый муж ведет службу. Когда настало время проповеди, он в первую очередь выразил благодарность тем, кто стал вчера гостями на церемонии их с Сарой бракосочетания. Он сказал, что Господь привел его когда-то в Холден-Кроссинг, а теперь отправляет его в другое место, и потому он благодарен тем, из-за кого его служба стала его призванием.

Он с теплотой в голосе перечислял тех людей, которые помогали ему трудиться во благо Господа, как вдруг на улице раздался шум и грохот, которые доносились в церковь через открытые окна. Сначала послышались отдельные радостные выкрики, которые становились громче и громче. Раздался женский крик, а потом — ржание лошадей. На Мэйн-стрит прогремел выстрел, за которым последовала целая канонада.

Вдруг двери в церковь распахнулись, и на пороге появился Пол Вильямс. Он быстрым шагом прошел между рядами и что-то прошептал священнику.

— Братья и сестры, — торжественно начал Люциан. Казалось, ему сложно говорить. — В Рок-Айленд пришла телеграмма... Роберт Ли вчера капитулировал и передал войска генералу Гранту.

По залу пробежал шепоток. Некоторые поднялись со своих мест. Шаман увидел, как его брат откинулся на спинку лавки, с облегчением закрыв глаза.

— Что это значит, Шаман? — спросила его мать.

— Это значит, что война закончилась, мам, — выдохнул Шаман.

Куда бы Шаман ни заходил в течение следующих четырех дней, ему казалось, что все только и делают, что выпивают за мир и надежду. Повсюду люди веселились и смеялись. Но кое-кто и горевал, потому что почти каждый потерял кого-то в этой ужасной войне.

Когда в ближайший четверг он вернулся домой после обхода, то встретил радостного и оптимистичного Алекса, который сообщил, что в Олдене что-то изменилось. Глаза старика были открыты, он не спал впервые за долгое время. Но при прослушивании легких выяснилось, что хрипы в его груди усилились.

— Мне кажется, он горячий.

— Ты хочешь есть, Олден? — спросил его Алекс. Тот посмотрел на него, но ничего не сказал. Шаман попросил приподнять старика, и они дали ему немного бульона. Это удалось им с трудом, потому что его дрожь только усилилась. Уже не первый день они кормили его только супом или похлебкой, потому что Шаман боялся, что кусочки пищи могут попасть ему в легкие.

По правде говоря, у Шамана было очень мало средств, которые могли бы помочь Олдену, поэтому он так долго не мог выздороветь. Однажды он накапал терпентина в таз с кипящей водой и накрыл склонившегося над ним Олдена простыней, чтобы сделать ингаляцию. Олден долго вдыхал целительные пары и кашлял при этом так надрывно, что Шаман в конце концов убрал простыню и отказался от этого вида лечения.

Горько-сладкое счастье той недели в пятницу сменилось горем и унынием. Проезжая по Мэйн-стрит, Шаман сразу понял, что произошло что-то страшное. Люди собирались в маленькие группы и с трагическими лицами что-то обсуждали. Он увидел Анну Вайли, которая стояла, прислонившись спиной к колонне своего крыльца, и рыдала. Симеон Коуэн, муж Дороти Барнем, сидел в своей бричке, прикрыв глаза, и рассеянно гладил себя по подбородку.

— Что случилось? — спросил Шаман Симеона. Он уж было решил, что нарушен перемирие.

— Авраама Линкольна убили. Застрелили сегодня ночью в вашингтонском театре. Говорят, какой-то сумасшедший актер.

Шаман отказывался верить в эти новости, поэтому спешил и стал расспрашивать всех, кого встречал на улице. Хотя никто и не знал подробностей, очевидно было одно — история, рассказанная Симеоном, оказалась правдой, поэтому он поехал домой и поделился ужасными новостями с Алексом.

— Вице-президент займет его место, — сказал Алекс.

— Не сомневаюсь, что Эндрю Джонсон уже принял присягу.

Они долго сидели в гостиной, не произнося ни слова.

— Бедная наша страна, — сказал Шаман спустя некоторое время. Сейчас он видел в Америке пациента, который был болен чумой и долго боролся за свою жизнь, не жалея сил, а выздоровев, сбросился с утеса.

Для нации настали скорбные времена. Посещая пациентов на дому, он везде видел печальные лица. Каждый вечер в церкви били в колокола. Шаман помог Алексу взобраться на Труди. Брат сумел удержаться в седле — это был первый раз, когда он снова сидел верхом с тех пор, как его взяли в плен. Когда он вернулся, то рассказал Шаману о тоскливом и одиноком похоронном звоне, который разносился по всей прерии.

Сидя у кровати Олдена уже после полуночи, Шаман вдруг отвлекся от чтения и встретился глазами со стариком, который пристально смотрел на него.

— Тебе что-то нужно, Олден?

Он едва заметно покачал головой.

Шаман наклонился к нему.

— Олден, ты помнишь, как мой отец однажды выходил из сарая и кто-то выстрелил ему прямо в голову? Ты еще тогда обрыскал весь лес и никого не нашел.

Олден ответил ему немигающим взглядом.

— Это ты стрелял в моего отца?

Олден с трудом разлепил губы:

— Стрелял... не хотел попасть... только напугать...

— Принести тебе воды?

Олден промолчал, а потом спросил:

— Как ты... догадался?

— Ты сказал кое-что в бреду, пока я сидел с тобой, у меня на многое открылись глаза.

Например, я понял, зачем ты отправил меня в Чикаго искать Дэвида Гуднау. Ты ведь знал, что он безнадежно болен, что он сошел с ума и утратил дар речи. И что я абсолютно ничего не узнаю.

— Что еще ты узнал?

— Знаю, что ты по уши увяз в этой истории. По самую больную проклятую шею.

Тот ответил снова лишь едва заметным кивком.

— Я не убивал ее. Я... — Олден зашелся в ужасном, сильном приступе кашля, и Шаман подставил ему небольшую ванночку, чтобы тот мог отхаркивать серую слизь с небольшим количеством крови.

— Олден... Почему ты сказал Коффу, куда я отправился?

— Ты бы не оставил это дело. Ты сильно напугал их в Чикаго. Кофф прислал ко мне своего человека на следующий день после твоего отъезда. Ну, я ему и сказал. Думал, он только поговорит с тобой, припугнет. Так же, как и меня.

Он тяжело дышал. У Шамана была целая куча вопросов, но он знал, насколько Олден плох. Он вернулся на место и попытался перебороть в себе злость из-за принесенной им клятвы. В конце концов, он взял себя в руки и проглотил обиду, а Олден просто лежал с закрытыми глазами, откашливая кровь и подергиваясь от дрожи.

* * *

Почти полчаса спустя Олден снова заговорил:

— Я возглавлял здесь Американскую партию... В то утро я помогал Грюберу... мяснику. Ушел пораньше, чтобы встретить этих троих. В лесу. Когда я пришел... на место встречи... они уже изнасиловали ту женщину. Она лежала на земле, слушала, как они говорят со мной. Я начал ругаться. Сказал, что теперь не могу здесь быть... Сказал, что они, мол, уйдут, а мне с этой индианкой разбирайся...

Он помолчал немного, а затем продолжил:

— Кофф всегда все делал молча. И тогда... просто выхватил нож и убил ее.

Шаман больше не стал у него ничего спрашивать. Он чувствовал, что его просто трясет от ярости. Ему хотелось закричать, как ребенку.

— Они сказали, чтобы я молчал, и уехали. Я вернулся домой, собрал вещи. Решил сбежать, но... не знал куда. Однако меня никто не заподозрил, никто даже не стал расспрашивать, когда я вернулся.

— Ты даже помог похоронить ее, мерзавец, — сказал Шаман. Больше сдерживаться он не мог. Наверное, его выдал голос, тон которого испугал Олдена даже больше, чем сами слова. Глаза старика закрылись, и он снова закашлялся. На этот раз приступ никак не хотел прекращаться.

Шаман сходил за хинином и принес еще чашку чая из черного корня, но когда он попытался напоить Олдена, тот задохнулся и забрызгал все вокруг, залил свою ночную рубашку, поэтому Шаману пришлось его переодеть.

Несколько часов Шаман вспоминал того работника их семьи, которого, казалось, знал всю свою жизнь. Человек с золотыми руками, который мастерил удочки и коньки; тот, кто научил их охотиться и рыбачить. Вспыльчивый пьяница.

Лжец. Человек, который был пособником изнасилования и убийства.

Он поднялся, взял лампу и поднес ее к лицу Олдена.

— Олден. Послушай меня. Каким ножом Кофф убил ее? Что это было за оружие, Олден? Но тот так и не открыл глаз. Олден Кимболл сделал вид, что не слышит голоса Шамана.

К утру, когда он коснулся Олдена, то ощутил сильнейший жар. Старик был без сознания. Когда он кашлял, то во все стороны разлетались зловонные мокроты алого цвета. Шаман взял Олдена за запястье, но едва сумел нащупать пульс — сто восемь ударов в минуту.

Он раздел Олдена и начал растирать его тело спиртом; когда он на миг оторвался от этой процедуры, то увидел, что день уже в самом разгаре. В комнату заглянул Алекс.

— Господи! Он выглядит ужасно. Ему больно?

— Не думаю, что он вообще что-то чувствует.

Ему было трудно рассказать Алексу всю правду, а тому оказалось сложно услышать все это, но все же Шаман не стал от него ничего скрывать.

Алекс всегда трудился бок о бок с Олденом, делил с ним тяготы сложной и грязной повседневной работы на ферме; старик часто давал ему уйму поручений по дому. Олден стал для него залогом постоянства в то время, когда Алекс чувствовал себя безотцовщиной и восставал против родительского авторитета Роба Джея. Шаман знал, как сильно его старший брат любит Олдена.

— Станешь сообщать властям? — спокойно спросил Алекс. И лишь его брат мог понять, какая буря бушует в его душе.

— В этом нет смысла. У него пневмония, и она очень быстро развивается.

— Он умирает?

Шаман кивнул.

— Так будет лучше, — сказал Алекс.

Они сидели и обсуждали шансы на то, что кто-то из семьи Олдена выжил. Никто из них не знал, где мормонка-жена и дети старика, которых он бросил прежде, чем поступить на службу к Робу Джею.

Шаман попросил Алекса обыскать хижину Олдена, и тот отправился выполнять просьбу брата. Когда он вернулся, то лишь покачал головой:

— Три бутылки виски, две удочки и ружье. Инструменты. Всякая мелочь, которую он ремонтировал. Грязное белье. И это. — Он протянул брату какие-то бумаги. — Список, в нем только местные. Думаю, это наверняка список членов Американской партии в этом городе.

Шаман не стал смотреть на него.

— Лучше сожги это.

— Ты уверен?

Тот кивнул.

— Я хочу провесить остаток своей жизни здесь, заботясь о них, как о пациентах. Когда я буду приезжать к ним домой в качестве врача, я не хочу знать, кто из них принадлежал к «партии ничего не знающих», — пояснил он. Алекс понимающе кивнул, после чего унес обнаруженный им список.

Шаман послал Билли Эдвардса в монастырь, чтобы тот передал сестрам имена некоторых пациентов, которых нужно было проведать, и попросил матушку Мириам Фероцию сделать обход вместо него. Сам же ушел спать.

В это время Олден умер. Когда Шаман проснулся, Алекс уже опустил ему веки, вымыл и одел в чистую одежду. Когда они сообщили об этом Дагу и Билли, те постояли некоторое время у его кровати, отдав ему дань уважения, после чего ушли в сарай и начали делать гроб.

— Я не хочу хоронить его здесь, на ферме, — сказал Шаман.

Алекс сначала задумался, но потом кивнул.

— Можем отвезти его в Нову. Думаю, среди тамошних мормонов еще остался кто-то из его друзей, — сказал он.

Они отвезли гроб на бричке в Рок-Айленд, а затем погрузили его в плоскодонку. Братья Коулы сели рядом на ящик из-под лемеха. В тот день из Вашингтона отправился в долгое путешествие на запад поезд с телом Авраама Линкольна. И в тот же день на воду спустили лодку с телом одного изменника.

В Нову гроб перенесли на пароходную пристань, и Алекс остался там, чтобы постеречь его, в то время как Шаман съездил в дом престарелых, где объяснил управляющему цель их приезда.

— Олден Кимболл? Не знаю такого. Вам нужно спросить разрешения у миссис Бидамон, чтобы похоронить его здесь. Ожидайте. Я спрошу ее.

Он вскоре вернулся. Вдова проповедника Джозефа Смита сказала ему, что помнит Олдена Кимболла как преданного мормона и иммигранта, а также дала свое разрешение на его похороны на местном кладбище.

Маленькое кладбище располагалось на территории приюта. Реку отсюда не было видно, но кто-то разбил здесь сад, да и за газоном явно следили. Двое крепких мужчин вырыли могилу, и Перли Робинсон, который был старейшиной этой общины, долго читал что-то из Книги мормонов, пока тени от деревьев не стали длиннее.

После церемонии Шаман заплатил общине за услуги. Похороны обошлись ему в семь долларов, включая четыре доллара пятьдесят девять центов за сам участок.

— Еще за двадцать долларов я могу заказать ему хорошее каменное надгробие, — предложил Робинсон.

— Хорошо, — сразу согласился Алекс.

— В каком году он родился?

Алекс покачал головой.

— Мы не знаем. Пускай просто выгравировут: «Олден Кимболл. Умер в 1865 году».

— Вот еще что... Можем под этим выгравировать «святой».

Но Шаман взглянул на старейшину и покачал головой.

— Просто имя и дату смерти, — сказал он.

Перли Робинсон сказал, что им придется подождать судно. Он поднял красный флаг в знак того, что здесь есть пассажиры, и совсем скоро они уже сидели на палубе под палящим солнцем, которое заходило над Айовой в кроваво-красном небе.

— Как думаешь, почему он ушел от «ничего не знающих»? — спросил наконец Шаман. Алекс сказал, что этим он не слишком удивлен.

— В нем всегда жила ненависть. Он о многом сожалел. Он несколько раз рассказывал мне, что его отец родился свободным в Америке, а умер слугой в Вермонте, и что он тоже умрет слугой. Именно это подтолкнуло его искать работу у приезжих фермеров.

— Что же ему помешало? Папа помог бы ему основать и свою ферму.

— Что-то в нем изменилось. Все эти годы мы были о нем лучшего мнения, чем он сам о себе, — сказал Алекс. — Неудивительно, что он запил. Представь только, с чем приходилось жить этому старому ублюдку.

Шаман покачал головой.

— Когда я думаю о нем, я тут же вспоминаю, как он в душе посмеивался над отцом. И над нами, когда выдал нас человеку, хоть и знал, что он убийца.

— И все же ты продолжал ухаживать за ним, хоть и знал всю правду, — сказал Алекс.

— Да, так и есть, — горько ответил Шаман. — Правда в том, что второй раз в жизни я хотел убить человека.

— Но ты этого не сделал. Вместо этого ты пытался его спасти, — продолжал Алекс. — Тогда, в тюрьме, я заботился о своих соседях по палатке. Когда они болели, я вспоминал, что сделал бы в таком случае отец, и пытался помочь им. И я был счастлив.

Шаман кивнул.

— Как думаешь, я еще смогу выучиться на врача?

Этот вопрос немного озадачил Шамана. Он долго молчал прежде, чем ответить. Но потом кивнул:

— Думаю, сможешь.

— Едва ли я буду так же хорош, как ты.

— Ты всегда недооценивал свой ум. Ты не слишком-то много внимания уделял учебе в школе. Но если сейчас ты приложишь хоть какие-то усилия, то у тебя обязательно все получится. Ты бы стал для меня ценным помощником.

— Я бы не против остаться с тобой здесь и учить химию, анатомию и все, что ты сочтешь нужным. Но все же я бы лучше поехал учиться в медицинскую школу, так же, как вы с папой. Хочу на восток. Может, удастся поучиться у того отцовского друга, доктора Холмса.

— Вижу, ты все тщательно спланировал. Должно быть, долго думал об этом.

— Да. И я никогда еще так не боялся перемен, — сказал Алекс, и они оба улыбнулись — впервые за долгое время.

На обратном пути из Нову они заехали в Давенпорт и обнаружили, что их расстроенная мать сидит в окружении нераспакованных коробок и ящиков в маленьком кирпичном

домике рядом с баптистской церковью. Люциан уже занялся делами. Шаман увидел, что глаза у Сары красны от слез.

— Что-то не так, мам?

— Нет, Люциан — добрейший из людей, и мы любим друг друга. Именно здесь я и хочу быть, но... это такие серьезные перемены. Все такое новое и пугающее, я просто растерялась.

Она была счастлива увидеться с сыновьями.

Когда братья рассказали ей об Олдене, она расплакалась так горько, что, казалось, никогда не остановится.

— Я плачу, потому что чувствую себя виноватой в его смерти, — объяснила она, когда сыновьям удалось немного ее успокоить. — Мне никогда не нравилась Маква-иква, и я этого не скрывала. Но...

— Мне кажется, я знаю способ поднять тебе настроение, — предложил Алекс. Он начал распаковывать ее ящики, и Шаман присоединился к нему.

— Да вы же не знаете, куда что раскладывать! — воскликнула она.

Пока они раскладывали вещи, Алекс рассказал ей о своем решении стать врачом, чему Сара была несказанно рада.

— Роб Джей был бы так счастлив услышать это.

Она показала им свой новый маленький дом. Мебель была не в очень хорошем состоянии, к тому же ее было маловато.

— Я хочу попросить Люциана, чтобы он перенес кое-что отсюда в сарай, тогда мы сможем забрать часть моих вещей из Холден-Кроссинга.

Она сварила кофе и нарезала яблочный пирог, которым ее угостила одна из «ее новых» прихожанок. Пока они ели, Шаман небрежным почерком выписывал какие-то цифры на обороте старого счета.

— Что ты делаешь? — спросила Сара.

— Есть у меня одна идея. — Он взглянул на них, не зная, с чего начать, а потом просто задал вопрос: — Как вы смотрите на то, чтобы выделить четверть нашей земли под новую городскую больницу?

Алекс как раз собирался отправить в рот кусок пирога, но вилка зависла в воздухе и он, должно быть, сказал что-то. Шаман отвел его руку с вилкой в сторону так, чтобы видеть губы брата.

— Шестнадцатую часть всей фермы? — уточнил Алекс.

— По моим подсчетам, если мы сделаем это, то больница сможет вместить тридцать коек вместо двадцати пяти.

— Но, Шаман... Двадцать акров?

— Мы все равно собирались урезать поголовье овец. Под уголья останется уйма места, даже если мы когда-нибудь решим вновь увеличить количество скота.

Мать нахмурилась.

— Ты должен проследить, чтобы больницу не построили слишком близко к дому.

Шаман глубоко вздохнул и сказал:

— Я хочу отдать под больницу именно ту часть, в которой и построен наш дом. Тогда мы сможем сделать свой док на реке и немного удалимся от дороги.

Они недоуменно уставились на него.

— Мама, ты будешь теперь жить здесь, — начал объяснять он. — Для Рэйчел и детей я

построю новый дом. А ты, — посмотрел он на Алекса, — уедешь из дома не на один год, чтобы учиться и практиковаться. Я превращу наш дом в клинику, куда смогут приходиться на прием пациенты, которым не нужен постельный режим. Построим дополнительные смотровые кабинеты и комнаты ожидания. Возможно, канцелярию и аптеку. Мы можем назвать ее в честь отца — мемориальная клиника имени Роберта Джадсона Коула.

— О, а вот это мне нравится, — одобрила мать, и когда он заглянул ей в глаза, то понял, что ему удалось ее убедить.

Алекс одобритительно кивнул.

— Ты уверен?

— Да, — ответил Алекс.

Было уже поздно, когда они уехали от матери и сели на паром на Миссисипи. К тому времени, как они забрали лошадь и бричку из конюшни Рок-Айленда, уже стемнело, но они и так отлично знали дорогу, поэтому легко добрались домой и в темноте. Когда они оказались в Холден-Кроссинге, было уже слишком поздно, чтобы попытаться передать новость в монастырь Святого Франциска. Шаман знал, что не будет спать всю ночь и что отправится в путь рано утром. Он никак не мог дождаться того момента, когда все расскажет матушке Мириам Фероции.

Через пять дней явились землемеры с теодолитами и стальными мерными лентами. В Холден-Кроссинге не было ни одного архитектора, поэтому для постройки был приглашен лучший подрядчик Рок-Айленда по имени Оскар Эриксон. Шаман и матушка Мириам Фероция встретились с ним и долго обсуждали проект больницы. Подрядчик построил ратушу и несколько церквей, но чаще всего ему случалось браться за возведение обычных домов и магазинов. Ему впервые представилась возможность спроектировать больницу, поэтому он внимательнейшим образом слушал своих заказчиков. Изучив его черновые наброски, они поняли, что наняли лучшего строителя.

Эриксон начал с разметки местности, учитывая расстояние до подъездных дорог и троп. На пути между клиникой и пароходной пристанью стояла хижина Олдена.

— Вам с Билли нужно снести ее, наколите из оставшихся бревен дров, — сказал Шаман Дагу Пенфилду, и те тут же взялись за работу. К тому времени, как Эриксон прислал первую группу рабочих, чтобы очистить строительный участок, все выглядело так, будто хижины никогда и не существовало.

В тот же день Шаман впряг Босса в двуколку и отправился к пациентам на дом. Навстречу ему выехала лошадь с упряжкой, которая явно была взята напрокат в конюшнях Рок-Айленда. На козлах сидели кучер и его пассажир. Приветливо помахав им рукой, он было проехал мимо, но уже спустя пару мгновений узнал мужчину справа от кучера. Шаман резко развернул Босса и поспешил вернуться.

Догнав их, он дал знак кучеру, чтобы тот остановился, и сам соскочил с двуколки.

— Джей! — позвал он.

Пассажиром был Джейсон Гайгер. Он сильно похудел — неудивительно, что его сложно было узнать с первого взгляда.

— Шаман? — удивился он. — Господи, и правда ты!

У него не было с собой чемодана, только полотняная сумка со шнурком, которую Шаман перенес к себе в двуколку.

Джей пересел в коляску Шамана. Он с удовольствием смотрел по сторонам,

наслаждаясь прекрасными видами.

— Как же я по всему этому скучал... — Тут он взглянул на санитарную сумку Шамана и кивнул. — Лилиан писала мне, что ты стал врачом. Словами не передать, как я горжусь тобой. Твой отец, должно быть, и вовсе... — Тут он смущенно умолк.

Затем продолжил:

— Твой отец был мне ближе, чем мои родные братья.

— Он всегда считал, что ему невероятно повезло быть вашим другом.

Гайгер кивнул.

— Семья знает, что вы возвращаетесь?

— Нет. Я и сам узнал, что все закончилось, лишь пару дней назад. Отряды Союза пришли ко мне в больницу, привели с собой собственных врачей из гражданских и сказали, что мы можем отправляться домой. Я надел гражданское и сел в поезд. Когда я приехал в Вашингтон, то узнал, что тело Линкольна сейчас находится в ротонде Капитолия, и пошел попрощаться. Ты наверняка никогда еще не видел такой толпы людей, которая собралась там в тот день. Я простоял в очереди не один час.

— Так вы видели его тело?

— Несколько секунд. Какой же он достойный человек... Я хотел задержаться на минутку и сказать что-то ему на прощание, но меня тут же оттеснили назад. Мне пришло в голову, что, узнай кто-нибудь из этой толпы, что в моей сумке лежит серая форма, они бы просто разорвали меня в клочья, — вздохнул он. — Линкольн примирил бы нашу страну. Теперь же, боюсь, те, кто придут к власти, используют его убийство для того, чтобы стереть Юг в порошок.

Он умолк, потому что Шаман как раз свернул на дорожку, ведущую к дому Гайгеров. Он пустил Босса прямо к боковой двери, которой обычно пользовались члены этой семьи.

— Зайдешь? — спросил Джей. Шаман улыбнулся и покачал головой. Он подождал, пока Джей забрал сумку из двуколки и тихонько поднялся на крыльцо. Это был его дом, потому он вошел без стука, а Шаман натянул вожжи и уехал.

На следующий день Шаман закончил прием пациентов в амбулатории и поехал по Длинной тропе домой к Гайгерам. Когда он постучал, дверь ему открыл Джейсон, и Шаман по выражению его лица сразу понял, что Рэйчел уже успела поговорить с отцом.

— Входи.

— Спасибо, Джей.

Напряжение не спало даже тогда, когда дети, услышав голос Шамана, выбежали из кухни и Джошуа обнял его за одну ногу, а Хетти — за другую. Лилиан вышла за ними и попыталась увести их в комнату, одновременно кивая Шаману. Хотя они и возражали, ей все же удалось забрать их на кухню.

Джей проводил гостя в гостиную и указал ему на одно из кресел с набивкой из конского волоса; Шаман послушно присел.

— Мои внуки боятся меня.

— Они просто плохо вас знают. Лилиан и Рэйчел все время рассказывали им о вас. Дедушка то, *зейде* — се. Как только они окончательно поймут, что вы и есть тот самый чудесный дед, о котором им рассказывали, все наладится. — Тут он понял, что Джей Гайгер может и не оценить покровительственных советов касательно его собственных внуков, потому решил сменить тему. — А где Рэйчел?

— Ушла на прогулку. Она несколько... расстроена.

Шаман кивнул.

— Она рассказала вам о нас.

Джейсон тоже кивнул.

— Я любил ее всю свою жизнь. Хвала Господу, я больше не тот беспомощный мальчик.

Джей, я знаю, чего вы боитесь.

— Нет, Шаман. Я отношусь к тебе с величайшим уважением, но ты не понимаешь и никогда не поймешь. В этих детях течет кровь первосвященников. Их нужно воспитывать в иудейской вере.

— И они получают надлежащее воспитание. Мы все тщательно обдумали. Рэйчел не откажется от своей веры. Вы можете и сами воспитывать Джошуа и Хетти — вы, человек, который воспитал их мать. Я сам с удовольствием буду учить вместе с ними иврит. Когда-то, в училище, мне читали небольшой курс этого языка.

— Ты примешь нашу веру?

— Нет... На самом деле, я подумываю о том, чтобы присоединиться к квакерам.

Гайгер ничего на это не ответил.

— Когда ваша семья живет со своим народом, оградившись от всего внешнего мира, вы, конечно, можете попытаться сами выбрать пару своим детям. Но эти дети не изолированы от окружающего мира.

— Да, и я за это несу ответственность. Теперь я должен вернуть их в общину.

Шаман покачал головой.

— Они не согласятся. Они просто не могут.

Выражение лица Джея осталось прежним.

— Мы с Рэйчел поженимся. И если вы раните ее чувства своим обычаем завешивать зеркала и молитвами за упокой, я попрошу ее забрать детей и уехать со мной как можно дальше отсюда.

На миг он испугался, что вот-вот проявится легендарный темперамент Гайгеров, но Джей неожиданно кивнул.

— Утром она сказала мне то же самое.

— Вчера вы сказали, что по духу мой отец был вам ближе, чем родные братья. Я знаю, что вы любите нашу семью. И я знаю, что вы любите меня. Так разве мы не можем забыть эти разногласия и просто любить друг друга?

Джейсон побледнел.

— Кажется, у нас может получиться, — вымученно согласился он.

Он поднялся и протянул Шаману руку.

Однако тот не ответил на рукопожатие, а просто заключил его в объятия. Джейсон одобряюще похлопал его по спине.

На третьей неделе апреля в Иллинойс вернулась зима. Резко похолодало, и пошел снег. Шаман забеспокоился о крошечных почках, которые уже пробивались на персиковых деревьях. Из-за снегопада работы на строительной площадке прекратились, но он все равно позвал Эриксона в свой старый дом, чтобы решить, в каких комнатах нужно прибить полки и установить подставки для инструментов. В конце концов они пришли к выводу, что внутри дома им предстоит совсем немного работы для того, чтобы превратить обычное жилое помещение в больничные палаты.

Когда перестал идти снег, Даг Пенфилд извлек пользу из холода и устроил забой скота, как того и хотела Сара. Шаман прошел мимо бойни, которую Даг устроил в сарае, и увидел трех поросят, уже разделанных и подвешенных к потолку за передние ноги. Он понял, что Дагу осталось еще трое. Шаману пришло в голову, что Рэйчел не потерпит в доме ветчины и копченых лопаток, и улыбнулся всем этим непривычным, новым сложностям, которые возникнут в его жизни. Тушки поросят уже были обескровлены, освежеваны, выпотрошены и проварены в кипятке. Они были бледно-розового цвета, и когда он вновь проходил мимо, что-то заставило его остановиться и приглядеться внимательнее к трем небольшим одинаковым отверстиям на крупных венах в их горлышках, с помощью которых Даг выпустил им кровь.

Ранки треугольной формы, похожие на следы на свежем снегу, оставленные лыжными палками. Даже не измеряя их, Шаман точно знал, что размер этих отверстий полностью соответствует ранам на теле Маквы. В смятении он не мог сдвинуться с места.

Когда Даг вернулся с пилой в руках, он спросил:

— Эти отверстия... Как именно ты их сделал?

— О, это особая свиная острога Олдена, — улыбнулся Даг. — Чудная штука. Я так долго упрашивал Олдена сделать мне такую — с тех самых пор, как мне впервые довелось забивать скот у вас. Все упрашивал и упрашивал. А он в ответ только обещал. Знал ведь, что прокалывать свиньям вены намного лучше, чем перерезать им горло. А потом сказал, что так привык к своей остроге, но недавно ее потерял. Так и не сделал мне такую же.

Он помолчал немного и продолжил:

— А когда мы сносили его хижину, то нашли эту острогу — она лежала под полом. Он, должно быть, положил ее туда, когда чинил одну из половиц, и просто заложил досками. Ее даже точить не пришлось.

Шаман схватил острогу. Именно этот инструмент когда-то привел в замешательство Барни Мак-Гована, когда Шаман пытался изобразить его на бумаге в лаборатории больницы Цинциннати, основываясь лишь на описании ран Маква-иквы. Острога была примерно восемнадцати дюймов в длину. С круглой и гладко выточенной рукояткой, за которую было удобно держаться. Как и предполагал его отец во время вскрытия, на последних шести дюймах лезвие расширялось, так что чем глубже оно вонзалось в плоть, тем шире оказывалась рана. Три металлические грани опасно поблескивали, было очевидно, что для остроги была взята лучшая сталь. Олден всегда любил хорошую сталь.

Он представил, как рука с острой вздымается и опускается. Вздымается и опускается.

И так одиннадцать раз.

Она даже не плакала и не кричала. Он убеждал себя, что она была уже без сознания, была где-то в другом мире, где нет боли и страха. Он всей душой желал, чтобы так все и было на самом деле.

Шаман оставил Дага наедине с работой. Он взял с собой инструмент и пошел по короткой тропе, осторожно держа его перед собой так, будто он мог превратиться в змею и ужалить его. Он шел сквозь чащу к могиле Маквы и руинам *гедоносо-те*. На берегу реки он разжал пальцы и бросил острогу в воду.

Та погружалась все глубже и глубже в вешние воды, переливаясь на ярком солнце, как волшебный меч. Но острога отнюдь не была Экскалибуром. И Божья рука не восстала из глубин реки, чтобы подхватить ее и удержать над водой. Вместо этого острога разрезала воды бурного течения и ушла на глубину, оставив на поверхности лишь зыбь. Шаман знал,

Церемония

что река похоронит ее вместе с бременем, которое он нес столько лет — так долго, что уже почти не ощущал его — и которое теперь спало с его плеч, испарившись, как вода.

К концу апреля весь снег уже стаял, даже в тех закоулках, где деревья скрывали своими ветвями неглубокие заводи. Те почки, что пробивались на персиковых деревьях, замерзли, но новая жизнь прорастала сквозь темную кору и расцветала весенней зеленью. Тринадцатого мая, в день официальной церемонии закладки камня на ферме Коулов, погода выдалась хорошей. Сразу после обеда Его высокопреосвященство Джеймс Дагэн, епископ Чикагской епархии, сошел с поезда в Рок-Айленде вместе с тремя своими монсеньорами.

Их встретила матушка Мириам Фероция. Она наняла два экипажа, чтобы доставить гостей до фермы, где уже начинали собираться люди. Среди них были местные врачи, монахини из монастыря и священник, который служил у них исповедником. Пришли также основатели города и политики, в том числе — Ник Холден и конгрессмен Джон Карленд. На церемонию сходились и простые горожане. Голос матушки Мириам звенел, когда она приветствовала их, но ее акцент стал более заметным, чем обычно, что случалось с ней тогда, когда она волновалась. Она представила прелатов и попросила епископа Дагэна начать вступительную молитву.

Затем она дала слово Шаману, который показал гостям землю. Епископ, дородный мужчина с румяными щеками и пышной гривой седых волос, явно остался доволен увиденным. Когда они добрались до здания больницы, конгрессмен Карленд произнес короткую речь, в которой рассказал, как много значит будущая больница для его избирателей. Матушка Мириам передала епископу Дагэну лопату, и он сделал первый гребок лопатой так ловко, как будто ему постоянно приходилось это делать. Затем он передал лопату настоятельнице, а та, в свою очередь, отдала ее Шаману. Вслед за ним в открытии поучаствовали присутствующие на церемонии политики и еще несколько человек, которые мечтали рассказать своим внукам о том, что принимали участие в открытии новой больницы Святого Франциска.

Сразу после завершения церемонии все отправились на прием в монастыре. По пути они успели увидеть сад, стадо овец и коз в поле, сарай и, в конце концов, сам монастырь.

Мириам Фероция не стала показывать гостям весь монастырь, желая принять епископа с надлежащим гостеприимством, но так, чтобы при этом не показаться навязчивой. Она справилась просто изумительно, исхитрившись из небогатых продуктов, что были в монастыре, приготовить маленькие сырны пирожки, которые подали теплыми на подносах с чаем и кофе. Все шло просто отлично, но Шаману казалось, будто Мириам Фероция нервничает с каждой минутой все больше. Он видел, как она напряженно смотрит на Ника Холдена, сидящего на роскошном стуле рядом со столом настоятельницы.

Когда Холден поднялся и откланялся, она, казалось, ждала чего-то, то и дело поглядывая на епископа.

Шаман уже виделся и беседовал с епископом на ферме. Теперь он подсел к нему

поближе и, когда появилась такая возможность, обратился к нему:

— Ваше преосвященство, вы видите это кресло позади меня?

Епископ озадаченно кивнул:

— Да, конечно.

— Ваше преосвященство, это кресло монахини везли с собой через прерию, когда впервые ехали в этот город. Они зовут его креслом епископа. И они всегда мечтали о том, что в один прекрасный день к ним приедет епископ и займет это прекрасное место.

Епископ Дагэн с серьезным видом кивнул, но его глаза загорелись.

— Доктор Коул, я вижу, вы далеко пойдете, — сказал он.

Епископ был предусмотрительным человеком. Вначале он подошел к конгрессмену и обсудил с ним будущее армейских капелланов в мирное время. Спустя пару минут он вернулся к матушке Мириам Фероции.

— Отойдем в сторонку, матушка, — предложил он. — Нам нужно поговорить.

Он придвинул поближе обычный стул, чтобы на него могла сесть матушка, а сам с удовольствием сел в кресло епископа.

Вскоре они с головой ушли в беседу о делах монастыря. Матушка Мириам Фероция ровно сидела на стуле, не касаясь спинки, и радовалась тому, что епископу было удобно на особом месте, которое принадлежало ему по праву; он покойно оперся на спинку кресла и положил руки на мягкие поручни. Сестра Мария Селестина, подававшая пирожки, заметила, как сияет лицо ее настоятельницы. Она взглянула на сестру Марию Бенедикту, которая как раз наливала гостям кофе, и они обе улыбнулись.

Утром следующего дня, после приема в монастыре, на ферму Коулов приехала бричка шерифа, который вместе со своим заместителем привез тело полной женщины средних лет с длинными русыми волосами. Шериф не знал, кто она. Ее нашли мертвой в крытой грузовой повозке, в которой в лавку Гаскинса привезли мешки с сахаром и мукой.

— Мы думаем, что она забралась в повозку в Рок-Айленде, но там ее тоже никто не видел, о ней совершенно ничего не известно, — посетовал шериф.

Они отнесли ее в сарай и положили на стол, после чего кивнули и уехали.

— Урок анатомии, — сказал Шаман Алексу.

Они раздели ее. Она была вся в грязи, поэтому вначале Шаман вычесал у нее из волос гнид и всякий мусор. Затем он взял скальпель, изготовленный для него Олденом, и сделал на ее груди первый надрез. Он вынул грудину и извлек ребра, поясняя брату, как правильно называются кости и внутренние органы и зачем он это делает, но когда Шаман посмотрел на брата, то увидел, что Алекс едва держится.

— Не важно, насколько пострадало человеческое тело; каждый живой организм — это чудо, которым нужно восхищаться и с которым нужно обращаться достойно. Когда человек умирает, душа — древние греки называли ее *anemos* — его покидает. До сих пор еще не утихают споры о том, умирает ли душа или уходит в какой-то другой мир... — Он улыбнулся, вспомнив, как то же самое ему рассказывали отец и Барни, и мысленно порадовался тому, что продолжает заложенную ими традицию. — Когда папа изучал медицину, у него был один преподаватель, который считал, что душа покидает тело так же, как человек уезжает из дома, где раньше жил. Папа всегда говорил, что нужно обращаться с телом достойно, выказывая тем самым уважение человеку, который когда-то жил в этом доме.

Алекс кивнул. Шаман увидел, что теперь брат склонился над столом с искренним интересом и что его бледность начала отступать, когда он с увлечением начал наблюдать за тем, что делает его младший брат.

Джей вызвался учить Алекса химии и фармакологии. В тот день они устроились на крыльце дома Коулов и начали изучать химические элементы. Шаман сидел с ними рядом и, читая медицинский журнал, случайно задремал. Однако вскоре им пришлось отложить учебники, а Шаману — забыть о сне из-за приезда Ника Холдена. Алекс вежливо поздоровался с Ником, но в голосе его не звучала теплота.

Ник приехал попрощаться. Его снова утвердили на должность комиссара по делам индейцев, поэтому он должен был вернуться в Вашингтон.

— Президент Джонсон попросил вас остаться на прежнем посту? — спросил Шаман.

— Это лишь на время. Он обязательно назначит потом своего человека, даю руку на отсечение, — пояснил Ник с недовольной гримасой.

Он рассказал им, что Вашингтон весь полнился слухами о причастности бывшего вице-президента к убийству Линкольна.

— Говорят, нашли какую-то записку от Джона Уилкса Бута, адресованную Джонсону. И что в тот день, когда в Линкольна стреляли, Бут звонил Джонсону в отель и спрашивал о нем у портье, чтобы убедиться, что его нет на месте.

Шаман подумал, что репутацию в Вашингтоне уничтожить так же легко, как убить президента.

— А что говорит по этому поводу сам Джонсон?

— Он решил не обращать внимания на эти слухи. Он просто исполняет свои обязанности и ведет переговоры о финансовой поддержке для устранения дефицита, возникшего после войны.

— Никакие деньги не спасут страну от дефицита, — подал голос Джей. — Жертвами войны уже стали более миллиона раненых и погибших, и будут еще, потому что некоторые отряды конфедератов по-прежнему не сдались.

Они все умолкли, размышляя над ужасами войны.

— Что бы стало с нашей страной, если бы не было этой войны? — вдруг спросил Алекс. — Если бы Линкольн позволил Югу отделиться?

— Конфедерация долго не просуществовала бы, — ответил Джей. — Южане основали бы свое государство, в котором не было бы центрального правительства. Сразу началась бы смута. Конфедерацию разделили бы на небольшие регионы, которые превратились бы позднее в отдельные государства. Думаю, все эти государства, одно за другим, наверняка бы ослабли и пришли в упадок, после чего присоединились бы к Союзу.

— В Союзе также произошли изменения, — сказал Шаман. — Американская партия получила меньше всех голосов на последних выборах. Урожденные американцы видели, как в бою гибли ирландцы, немцы и скандинавы, которые были их дорогими друзьями, поэтому больше не хотят поддерживать нетерпимых политиков. Чикагская газета «Трибюн» пишет, что с «ничего не знающими» покончено!

— Счастливого избавление, — улыбнулся Алекс.

— Это была всего лишь одна из политических партий, — мягко сказал Ник.

— Политическая партия, которая породила другие, более зловещие группировки, — сказал Джей. — Но бояться теперь нечего. Три с половиной миллиона бывших рабов сейчас

блуждают по стране в поисках работы. Появятся новые ужасные общества, которые станут охотиться за ними и в рядах которых наверняка окажутся те же люди из Американской партии.

Ник Холден поднялся, ему было пора уезжать.

— Кстати, Гайгер, ваша милая жена не получала новостей от своего знаменитого брата?

— Если бы мы и знали, где сейчас Иуда Бенджамин, неужели вы думаете, я бы сказал это вам? — тихо проговорил Джей.

Политик одарил его своей фирменной улыбкой.

Ник Холден в самом деле спас Алексу жизнь, и Шаман был ему за это благодарен. Но благодарность никогда не перерастет в любовь к Нику или хотя бы в приязнь. Где-то в глубине души он страстно желал, чтобы настоящим отцом его брага оказался молодой разбойник по имени Вилл Мосби.

И ему даже в голову не пришло пригласить Холдена на свою свадьбу. Шаман и Рэйчел поженились двадцать второго мая 1865 года в гостиной дома Гайгеров. Церемония прошла в узком кругу, пришли только члены двух семей. Конечно же, эта свадьба мало соответствовала представлениям их родителей. Сара настаивала на том, что раз уж ее муж — священник, то ради их семейного единения венчать молодых должен Люциан. Джей считал, что единственно правильную церемонию для еврейки сможет провести только раввин. Ни Рэйчел, ни Шаман не стали спорить, и их пожелал судья Стивен Хьюм. Без кафедры Хьюму было сложно переворачивать страницы книги одной рукой, поэтому Шаман договорился принести для него аналой из монастыря, что не составило ему труда, поскольку нового священника по-прежнему не назначили. Они стояли перед судьей, держа за руки детей. Маленькие вспотевшие пальчики Джошуа крепко держались за указательный палец Шамана. Рэйчел в свадебном платье из голубой парчи с кремового цвета пелериной держала за руку Хетти. Хьюм радостно пожелал им счастливой совместной жизни и приступил к церемонии. Когда он объявил их мужем и женой и пожелал им «выйти с веселием и миром», Шаман воспринял его наставление буквально. Мир будто остановился, и он испытал душевный подъем, какой прежде случался у него лишь однажды, когда он закончил медицинскую школу в Цинциннати и впервые пришел в больницу Огайо, чтобы работать там врачом.

Шаман ожидал, что в свадебное путешествие Рэйчел захочет отправиться в Чикаго или еще куда-нибудь, но она как-то слышала, как он рассказывал о том, что сауки и фоксы обосновались в Айове, и предложила съездить к ним.

Им понадобилось сильное вьючное животное, чтобы увезти все их запасы и постельное белье. У Пола Вильямсона как раз нашелся спокойный серый мерин, и Шаман взял его на одиннадцать дней. Индейский город Тама находился в ста милях отсюда. Он подсчитал, что на дорогу уйдет около четырех дней в одну сторону, а значит, погостить там они смогут всего пару дней.

Уже спустя несколько часов после свадьбы они отправились в путь — Рэйчел ехала на Труди, а Шаман — на Боссе; за ними следовал вьючный мерин, которого, как сказал Вильямс, звали Одиссеем, «при всем уважении к генералу Гранту».

Шаман решил сделать привал в Рок-Айленде, но они готовились к ночевкам под открытым воздухом, а не в гостинице, поэтому Рэйчел предложила заночевать в прерии. Они переправились через реку на пароме и проскакали еще десять миль в сторону Давенпорта.

Они ехали по узкой пыльной тропе между двумя вспаханymi плодородными полями, но за этой возделанной землей простиралась прерия. Когда они наконец выехали в степь и

добрались до небольшого ручья, Рэйчел подъехала ближе и помахала рукой, чтобы привлечь внимание Шамана.

— Мы можем остановиться здесь?

— Давай лучше найдем какую-нибудь ферму.

Им пришлось проехать еще милью. Трава вновь сменилась возделанным полем, явно подготовленным для посадки кукурузы. Вскоре показался и дом фермера. Во дворе фермы к лошадям, захлебываясь лаем, подскочил рыжий пес. Фермер как раз менял винт в сошнике. Услышав просьбу Шамана заночевать у ручья на его земле, он с подозрением нахмурился. Но когда Шаман предложил денег, он махнул рукой.

— Костер разводить будете?

— Вообще-то собирались. Здесь же вокруг все зелено, не страшно.

— Конечно, огонь не пойдет дальше. Воду из ручья можно пить. Пройдите вдоль ручья, там есть несколько сухих деревьев, сможете пустить их на хворост.

Они поблагодарили его и вернулись к ручью. Расседлали своих лошадей и распрягли Одиссея. Затем Шаману пришлось четырежды сходить за хворостом, пока Рэйчел разбивала лагерь. Она достала старый плед из шкуры буйвола, который ей привез отец много лет назад из Стоун-Дог. Кое-где на шкуре через шерсть просвечивала бурая кожа, но они все равно собирались постелить плед на землю. Поверх него она настелила два шерстяных покрывала, потому что лето закончилось уже месяц назад.

Шаман выложил камнями кострище, аккуратно сложил хворост и зажег огонь. Он набрал в котелок воды, добавил в нее кофе и поставил на огонь. Усевшись на седла, они поужинали холодными остатками своего свадебного пира — тонко нарезанным мясом молодого барашка, запеченной картошкой, сахарной морковью. На десерт они отведали свадебного торта с сахарной глазурью, после чего подсели к костру и налили себе кофе. Как только стемнело, засияли звезды и над степью поднялась щербатая луна.

Когда с ужином было покончено, Рэйчел поставила кружку на землю, достала мыло и полотенце и скрылась в сгущающейся темноте.

Хоть тогда они и не впервые занимались любовью, Шаман почему-то чувствовал себя немного неловко. Он разделся и ушел на другую сторону ручья ополоснуться, после чего устроился под простынями на бизоньей шкуре и стал ждать жену. Их тела еще хранили прохладу свежего воздуха, но быстро согрелись. Он знал, что она настелила шкуру так, что костер оказался прямо перед их постелью, и огонь освещал их, но его это мало заботило. Здесь были лишь она и он, их руки, губы и тела. Впервые они любили друг друга как муж и жена.

Рэйчел и Шаман лежали на спине, держась за руки.

— Я люблю тебя, Рэйчел Коул, — сказал он. Перед ними было огромное небо, похожее на чашу, которой накрыли плоскую землю. Сияющие звезды казались такими близкими...

Потом они снова предались любви. После этого Рэйчел поднялась и подбежала к огню. Она достала из костра тлеющую ветку и подула на нее так, чтобы ее охватило пламя. После этого она вернулась с веткой и села на шкуру так близко к нему, что он увидел, как ложбинка между ее грудей покрылась мурашками. Пламя от ветки осветило ее лицо, сияющие глаза и губы.

— Я тоже люблю тебя, Шаман, — сказала она.

Чем дальше они въезжали в Айову, тем реже им стали встречаться фермы. Почти

полмили дорога вилась вдоль огромной свинофермы, и запах был настолько сильным, что буквально казался осязаемым, но после они вновь выехали на пастбища и с удовольствием вдохнули свежий воздух.

Вдруг Рэйчел настороженно выпрямилась в седле и коснулась плеча Шамана.

— Что? — спросил он.

— Вой. А вдруг это волк?

Он подумал, что, должно быть, это просто собака.

— Фермеры наверняка перебили всех волков в округе, иначе как они разводили бы тут скот? Волки могли разве что уйти к бизонам и индейцам.

— Может, нам удастся увидеть хоть одно из чудес прерий, — вздохнула она. — Например, бизона или дикую кошку, а может, даже последнего волка Айовы.

Путешественники миновали множество крошечных городков. В обед они заехали в городскую лавку и пообедали пресными крекерами, твердым сыром и консервированными персиками.

— Вчера до нас дошел слух, что солдаты задержали Дэвиса Джефферсона. Его держат закованным в цепи в форте Монро, это в Виргинии, — сообщил им лавочник. Он сплюнул на усыпанный опилками пол. — Надеюсь, повесят этого сукиного сына. Прошу прощения, мэ.

Рэйчел кивнула. Сложно было выглядеть как леди, допивая остатки персикового сиропа прямо из консервной банки.

— А его секретаря штата тоже схватили? Иуду Бенджамина?

— Того еврея? Нет, его так и не нашли, как я слышал.

— Слава Богу, — отчетливо произнесла Рэйчел.

Они с Шаманом забрали пустые банки с собой, потому что они могли пригодиться им в пути, и вернулись к лошадям. Лавочник вышел на крыльцо и посмотрел им вслед, когда они отправились в путь, оставив за собой клубы пыли на старой дороге.

Чуть позже они осторожно переправились через реку Седар, даже не замочив сапог, хоть их и застал в пути внезапный весенний дождь. Уже почти стемнело, когда они наконец добрались до фермы и попросили приюта в сарае. Шаман ощутил странную радость, вспомнив описание первой брачной ночи в дневнике отца. Из-за дождя они не могли заночевать в поле, поэтому Шаман вынужден был просить разрешения остановиться в сарае у фермера по имени Вильямс, который совершенно не был похож на своего тезку из конюшен в Холден-Кроссинге. Не успел он вернуться в сарай, как щедрая миссис Вильямс принесла гостям угощение — полгоршочка вкусного молочного супа с морковкой, картошкой и ячменем и свежий хлеб. Женщина сразу ушла, будто почувствовав, что не стоит мешать новобрачным.

Следующим утром небо прояснилось и стало теплее, чем прежде. Ближе к полудню они добрались до реки Айова. Билли Эдвардс рассказывал, что им нужно ехать вдоль реки на северо-запад — там они и найдут индейцев. Берег реки был довольно пустынным, и спустя некоторое время они выехали к небольшой бухточке с чистой водой и мелким песчаным дном. Они остановились и привязали лошадей, после чего Шаман быстро сбросил с себя всю одежду и прыгнул в воду.

— Иди ко мне! — позвал он.

Она никак не могла решиться. Но солнце припекало все сильнее, да и эта тихая заводь выглядела так, будто здесь никогда не ступала нога человека. Через несколько минут Рэйчел

скрылась в зарослях и сняла с себя все, кроме хлопковой рубашки. Коснувшись холодной воды, она завизжала, но вскоре они уже резвились в реке, как дети. Ее сорочка быстро промокла насквозь, но когда он подобрался к ней поближе, женщина заволновалась.

— Вдруг кто-то увидит! — сказала она и выбежала из воды.

Рэйчел надела платье, а рубашку повесила сушиться на ветку ближайшего дерева. У Шамана были с собой рыболовные крючки и леска, поэтому, одевшись, он нашел пару червей у воды и выломал длинный сук, чтобы сделать из него удило. Он прошелся вверх по реке, нашел подходящую заводь и совсем скоро вернулся с уловом — парой пятнистых окуней, каждый весом в полфунта.

Они съели пару вареных яиц из неиссякаемых запасов Рэйчел, но коронным блюдом дня, безусловно, должна была стать рыба. Он быстро почистил ее и сказал:

— Нам лучше приготовить ее прямо сейчас, пока не испортилась. Завернем потом готовую рыбу в полотно и возьмем с собой в дорогу, — пояснил он и развел костер.

Пока жарились окуни, он снова обнял ее. На этот раз она забыла об осмотрительности. Она не обращала внимания на то, что его пальцы все еще пахли рыбой, хоть он и вымыл их тщательно речной водой и песком, равно как и на то, что солнце стояло в зените. Он задрал ее платье, одетое на голое тело, и они занялись любовью в одежде прямо на горячей прибрежной траве под аккомпанемент шелеста бегущей воды.

Несколько минут спустя, когда она переворачивала рыбу, чтобы та не пригорела, мимо них по реке проплыла плоскодонка. В ней сидели трое бородатых босых мужчин, на которых из одежды были лишь штаны, изодранные в лохмотья. Один из них поднял руку и лениво помахал им в знак приветствия, и Шаман помахал ему в ответ.

Когда лодка скрылась из виду, она поспешила снять рубашку, висевшую на суку, как огромный белый сигнальный флаг; она отчего-то решила, что по ней мужчины сразу догадались, чем они только что занимались. Когда он пошел за ней, она вдруг обернулась.

— Что с нами происходит? — спросила она. — Что со мной происходит? Я уже не знаю, кто я.

— Ты — моя любимая жена, — ответил он ей, заключая в свои объятия.

Его ответ настолько понравился ей, что, когда он поцеловал ее, она улыбнулась.

73

Тама

Рано утром пятого дня путешественники догнали какого-то всадника. Когда они подъехали поближе, чтобы спросить у него дорогу, Шаман заметил, что тот был одет просто, но вот лошадь его явно стояла немало, да и седло было из числа дорогих. У него были длинные черные волосы, а кожа напоминала своим цветом обожженную глину.

— Не подскажете, как нам проехать в Таму? — спросил Шаман.

— Конечно, подскажу. Более того, я и сам туда как раз еду. Если хотите, можете просто ко мне присоединиться.

— Огромное вам спасибо.

Незнакомец подался вперед и сказал что-то еще, но Шаман лишь покачал головой.

— Мне трудно поддерживать разговор на ходу. Мне нужно видеть ваши губы. Я лишен слуха.

— Простите.

— Но моя жена отлично слышит, — продолжил Шаман.

Он усмехнулся, мужчина улыбнулся ему в ответ, повернулся к Рэйчел и учтиво приподнял шляпу. Они перекинулись парой слов, но большую часть времени ехали молча, наслаждаясь теплым утром.

Добравшись до небольшого пруда, они устроили привал и пустили лошадей на водопой и пощипать травки; сами же устроились прямо на земле, вытянув усталые ноги, и наконец познакомились. Мужчина пожал Шаману руку и сказал, что его зовут Чарльз Кейсер.

— Вы живете в Таме?

— Нет, моя ферма в восьми милях отсюда. Я родился в Потаватоми, но, когда все мои родные умерли от лихорадки, меня ребенком взяли к себе в семью белые. Я даже не знаю индейского наречия, за исключением пары слов на кикапу. Моя жена — наполовину индианка кикапу, а наполовину — француженка.

Он рассказал, что ездит в Таму каждые несколько лет на пару дней.

— Я и сам не знаю зачем, — пожал он плечами и улыбнулся. — Зов краснокожих, наверное.

Шаман кивнул.

— Как думаешь, наши лошади уже передохнули?

— Думаю, можем ехать. У них вполне хватит сил добраться до города, — сказал Кейсер, и они оседлали лошадей и продолжили путь.

Ближе к обеду Кейсер привел их прямо в Таму. Задолго до того, как они подъехали к хижинам, которые были хаотично выстроены за невысоким ограждением, к ним выбежали дети и стая лающих псов.

Вскоре Кейсер подал им знак остановиться, и они спешили.

— Я сообщу вождю, что вы прибыли, — сказал он, скрываясь в ближайшей хижине.

К тому времени, как он вернулся вместе с широкоплечим индейцем средних лет, вокруг них уже собралась большая часть поселения.

Этот коренастый мужчина сказал что-то, но Шаман не смог ничего прочесть по его губам, хоть тот и говорил по-английски. Когда Шаман протянул ему руку, индеец пожал ее в знак приветствия.

— Я — доктор Роберт Джей Коул из Холден-Кроссинга, штат Иллинойс. А это — моя жена, Рэйчел Коул.

— Доктор Коул? — Из толпы выступил вперед молодой парень, с любопытством разглядывая гостя. — Нет, не может быть. Ты слишком молод.

— Возможно, ты знал моего отца?

В глазах парня мелькнула тень узнавания.

— Ты — тот глухой мальчик?.. Это ты, Шаман?

— Да.

— Я — Маленький Волк. Сын Луны и Идет Поет.

Шаман радостно пожал ему руку, вспомнив, как они играли вместе в детстве.

Коренастый мужчина сказал еще что-то.

— Это Меди-ке, Стремительная Черепеха, вождь поселения Тама, — пояснил

Маленький Волк. — Он приглашает вас троих к себе в хижину.

Стремительная Черепаха дал знак Маленькому Волку, что тот тоже может войти, в то время как все остальные жители стали расходиться по домам. Хижина вождя оказалась крошечной, в ней пахло жареным мясом. Смятые простыни лежали на земле, а в углу висел брезентовый гамак. Они расположились прямо на грязном жестком полу, после чего жена Стремительной Черепахи — Вапанси, Маленький Свет — подала им кофе, слишком сладкий из-за кленового сахара и множества других ингредиентов. По вкусу этот кофе напоминал тот, что варила им Маква-иква. Когда Вапанси угостила всех гостей, Стремительная Черепаха сказал ей что-то, и она вышла.

— У тебя была сестра по имени Женщина-Птица, — обратился Шаман к Маленькому Волку. — Она здесь?

— Она умерла много лет назад. У меня осталась еще младшая сестра, Зеленая Ива. Она вместе с мужем живет в нашей резервации в Канзасе.

По его словам, в Таме не осталось больше никого из бывших поселенцев Холден-Кроссинга.

В разговор вступил Стремительная Черепаха, слова которого для гостей переводил Маленький Волк. Оказалось, что вождь принадлежит к племени фоксов. Всего в Таме проживало около двухсот фоксов и сауков. Рассказав об этом, Стремительная Черепаха помолчал немного и произнес целую речь, после чего кивнул Маленькому Волку.

— Он говорит, что резервация — это очень плохое место, похожее на огромную клетку. Мы устали тосковать по былым временам, по нашим старым традициям. Мы отлавливали диких лошадей, приручали их и продавали по той цене, о которой удавалось договориться. Откладывали каждый пенни. В конце концов почти сотня наших собрались здесь. Нам пришлось забыть о том, что Рок-Айленд звался когда-то Саук-и-нуком и был крупнейшим городом нашего племени, как и о том, что Давенпорт когда-то принадлежал мескуокам. Наш мир сильно изменился. Мы заплатили бледнолицым за восемьдесят акров земли, и эту сделку засвидетельствовал сам белый губернатор штата Айова.

Шаман кивнул.

— Рад за вас, — сказал он.

Стремительная Черепаха улыбнулся. Должно быть, он немного понимал по-английски, но все равно продолжил говорить на своем родном языке, его лицо стало решительным и величественным.

— Он говорит, что правительство обманным путем выкупило земли у индейцев. Белый Отец захватил наши земли, предложив за них горсть мелких монет вместо больших бумажных денег. И даже после этого они продолжали обманывать нас, предлагая дешевые товары и украшения, которые на самом деле отравляли мескуоков и сауков. Многие наши люди оставили кучу этих товаров гнить в земле. Мы заставили белых признать перед всеми, что они примут у нас только деньги, прибыли сюда и выкупили землю.

— Надеюсь, у вас нет никаких проблем с вашими белыми соседями? — спросил Шаман.

— Нет, никаких, — ответил Маленький Волк и вновь прислушался к словам Стремительной Черепахи. — Они считают, что мы не представляем для них угрозы. Когда наши люди приезжают в город торговать, белые прикрепляют на кору деревьев монеты, обещая отдать их индейцам, если те попадут в них стрелой. Конечно же, для наших людей это оскорбление, но Стремительная Черепаха не запрещает этого, — тут вождь снова взял слово, и Маленький Волк улыбнулся. — Он говорит, что благодаря этому мы не забудем, как

управляться с луком.

В хижину вошла Вапанси, ведя за собой мужчину в потрепанной хлопковой рубаше, грязных шерстяных брюках и красном платке, завязанном на лбу. Он сказал, что его зовут Непепаква, Сноходец из племени сауков, и что он здешний знахарь. Сноходец не стал медлить и сразу перешел к делу.

— Она сказала, что вы доктор.

— Это так.

— Хорошо. Пожалуйста, идемте со мной.

Шаман кивнул. Они с Рэйчел оставили Чарльза Кейсера пить кофе вместе со Стремительной Черепахой и последовали за мужчиной, по пути захватив санитарную сумку Шамана.

Пока они шли по селению, Шаман все пытался найти в нем что-то знакомое, уже виденное им в детстве. Здесь не было знакомых ему *типи*, но где-то за хижинами ему удалось разглядеть несколько *гедоносо-те*. Жители города в большинстве своем носили обветшавшую одежду своих белых собратьев; у некоторых на ногах он заметил мокасины, хотя большинство здешних все же носили чуни и армейские сапоги.

Сноходец привел их в хижину на другом конце городка. Внутри они обнаружили худощавую девушку, которая лежала на земле и корчилась от боли, обхватив руками свой огромный живот.

Ее глаза остекленели, она смотрела перед собой невидящим взглядом. Она не ответила, когда Шаман попытался ее расспросить. Ее пульс был учащенным и неровным. Он сначала испугался, но, взяв ее руки в свои, ощутил в ней больше жизни, чем ему показалось на первый взгляд.

Сноходец сказал, что ее зовут Ватвааейска, Карабкающаяся Белка. Она жена его брата. Вчера утром у нее начались первые схватки. Она уже давно выбрала себе сухое удобное место в лесу и сразу отправилась туда. Боль становилась все ужасней, и она присела на корточки, как ее учила мать. Когда она почувствовала, как что-то потекло по ее ногам и платью, то поняла, что воды отошли, но дальше ничего так и не произошло. Боль не утихала, но и ребенок не хотел выходить. Когда стемнело, остальные женщины вышли в лес, чтобы найти ее, и привели ее обратно, в поселение.

Сноходец тоже не смог ей помочь.

Шаман снял с женщины пропитанное потом платье и осмотрел ее. Она была еще очень молода. Грудь хоть и набухла от молока, но была очень маленькой, а таз оказался очень узким. Вульва уже раскрылась, но ребенка совсем не было видно. Он аккуратно нажал пальцами на ее живот, вынул стетоскоп и поручил Рэйчел послушать женщину. После того как он приставил мембрану к животу Карабкающейся Белки, оказалось, что звуки, которые слышала Рэйчел, лишь подтвердили его собственные наблюдения.

— Ребенок неправильно лежит в утробе!

Он вышел из хижины и сказал, что ему нужна чистая вода, и Сноходец проводил его в лес, к ручью. Знахарь с любопытством наблюдал, как Шаман намазывает коричневым мылом руки по самый локоть.

— Это — неотъемлемая часть лечения, — сказал Шаман и передал мыло Сноходцу; тот взял его и полностью повторил всю процедуру.

Когда они вернулись в хижину, Шаман достал из сумки баночку с очищенным жиром и

смазал им ладони. Он ввел палец в родовой канал, затем — еще один. Он медленно продвигался вглубь. Вначале он ничего не мог нащупать, но потом девушка выгнулась в судороге, и он почувствовал, будто что-то легонько толкнуло его пальцы. Его руки коснулась ножка ребенка, вокруг которой обмоталась пуповина. Прочная жилистая трубка была сильно натянута, потому он не решился тянуть за стопу прямо во время схваток. Затем он осторожно двумя пальцами размотал пуповину и легонько потянул за ножку.

Чуть выше он нащупал вторую ножку, которая оказалась прижатой к стенке канала; он сумел дотянуться до нее во время следующей схватки и потянул ее вниз так, что вскоре обе крошечные красные ножки показались из утробы молодой матери. Вначале были видны лишь пальчики, но потом появились колени, и, в конце концов, они увидели, что это мальчик. Затем показался животик, за которым тянулась пуповина. Но на этом всякое движение прекратилось — плечи и голова младенца застряли в канале, как пробка в горлышке бутылки.

Шаман не мог просто вытянуть ребенка и не мог достать рукой глубже, чтобы материнская плоть не перекрыла дыхание малышу. Он сидел на коленях рядом с роженицей, его рука была внутри ее утробы, но он никак не мог ничего придумать, хотя и понимал, что ребенок вот-вот задохнется.

Сноходец схватил свою сумку, которая лежала в углу хижины, и вынул из нее лозу длиной около четырех футов. На одном ее конце было нечто, невероятно похожее на толстую, уродливую голову ямкоголовой змеи с черными бусинками глаз и ядовитыми зубами. Сноходец умело управлял этой «змеей» так, что она будто бы подползла к телу Карабкающей Белки, и ее голова оказалась у самого лица роженицы. Знахарь начал напевать что-то на своем языке. Шаман и не пытался прочесть что-то по его губам. Он наблюдал за Карабкающей Белкой.

Он увидел, что глаза девушки сосредоточились на «змее», и ее зрачки расширились. Знахарь развернул «змею» и та «поползла» вниз, к животу роженицы. Когда голова «змеи» оказалась как раз над тем местом, где находился ребенок, Шаман почувствовал в родовом канале какое-то движение.

Он видел, как Рэйчел открыла было рот, чтобы возмутиться, и покачал головой в знак того, что ей лучше помолчать.

Зубы коснулись живота Карабкающей Белки. Вдруг Шаман почувствовал, что родовой канал расширяется. Девушка начала тужиться, и ребенок вышел так легко, как будто это не его пришлось только что вытягивать руками. Губы и щеки малыша немного посинели, но, как только он полностью вышел, они начали розоветь. Дрожащими пальцами Шаман очистил ротик ребенка от слизи. Он почувствовал, как под его пальцами поднялся живот новорожденного, и тот тонко и пронзительно закричал — Шаман точно знал, что именно такой звук и должны были услышать те, кто был сейчас в хижине. Звук был похож по звучанию на ре-бемоль, пальцами он ощущал ту же вибрацию, которая возникала всякий раз, когда Рэйчел нажимала на фортепиано пятую черную клавишу с конца.

Они со знахарем ушли к ручью, чтобы помыть руки. Сноходец выглядел довольным. Шаман же крепко задумался. Прежде чем покинуть хижину, он внимательно осмотрел еще раз ту лозу, убедившись, что это всего лишь обычное растение.

— Девушка думала, что змея сожрет ее ребенка, и поэтому сделала все, чтобы спасти его?

— В моей песне говорилось о том, что эта змея — это злой *маниту*, дух. И добрый

манитупомог ей.

Тогда Шаман усвоил ценный урок — что у медицины, как у науки, есть определенный предел. И помочь ей пойти дальше сможет только вера во что-то большее. Знахарь имел преимущество по сравнению с доктором, поскольку был не только врачом, но и жрецом.

— Ты шаман?

— Нет, — ответил Сноходец. — Ты слышал о Хижинах Мудрости?

— Маква рассказывала мне о семи столпах.

— Да, их действительно семь. Часть моих знаний принадлежит к четвертому столпу. Но большая их часть относится к первому.

— А ты сможешь когда-нибудь стать шаманом?

— Учить меня некому. Вабокишик мертв. Маква-иква тоже. Племена разбросаны по резервациям, *Миде-вивина* больше нет. Когда я был еще молод и хотел стать говорящим с духами, то услышал как-то раз о старом индейце из сауков, который обладал почти всеми знаниями шаманов. Он жил в Миссури. Я поехал туда и проучился у него почти два года. Но он умер от лихорадки, сторел буквально у меня на глазах. Теперь я все время ищу таких, как он, чтобы учиться у них, но их осталось совсем мало. Наших детей учат в резервациях английскому языку, а о столпах никто и не вспоминает.

Он все рассказывал о том, как его не принимали ни в одно медицинское училище, и вдруг Шаман понял. Сауков и мескуоков осталось очень мало — и у них украли религию, знания и их прошлое.

Он вдруг на один лишь миг представил, что это от орды белой расы осталось лишь несколько перепуганных скитальцев и обрывочные воспоминания о давней цивилизации, Гиппократе, Галене, Авиценне, Иегове, Аполлоне и Иисусе.

Казалось, будто в одну секунду весь городок узнал о чудесном спасении ребенка. У этих людей не было привычки бурно выражать свои чувства, но Шаман чувствовал их молчаливое одобрение, когда проходил мимо. Чарльз Кейсер подошел к нему и признался, что его жена умерла в прошлом году из-за того, что при родах с ней случилось то же самое, что и с этой девушкой.

— Врач не успел приехать вовремя. Единственной женщиной, которая помогала жене, была моя мать, но она в этих делах разбиралась не лучше моего.

— Ты не должен винить в этом себя. Иногда человека просто невозможно спасти. Ребенок... выжил?

Кейсер покачал головой.

— У вас есть еще дети?

— Две девочки и один мальчик.

Шаман тут же заподозрил, что одна из причин, по которым Кейсер регулярно навдывается в Таму, — это поиск новой жены. Жители городка явно хорошо знали его и привечали. По пути им встретилась пара местных, которые поздоровались с ним, называя его при этом Чарли-Фермер.

— Почему они вас так называют? Они разве не занимаются земледелием?

Кейсер усмехнулся.

— О, занимаются, но не так, как я. Отец оставил мне сорок акров самой черной земли в Айове, лучшей я в жизни не видел. Я вспахиваю восемнадцать акров и зимой засаживаю их пшеницей. Когда я только приехал сюда, я попытался научить этих людей правильно высаживать зерно. Не сразу понял, что они не хотят учиться фермерству у белых. Должно

быть, те, кто продавал им эту землю, хотели обмануть их, потому что почва у них просто ужасная. Но они запускают ее, она зарастает кустарниками и сорняками, которые мешают садам. Они сажают зерно с помощью заостренной палки, а не плуга. Кормятся они в основном за счет садов. В лесах полно мелкой дичи, да и река щедро делится с ними рыбой.

— Кажется, здесь они возвращаются к тем старым временам, которые им так нравятся, — сказал Шаман.

Кейсер кивнул.

— Сноходец сказал, что попросил вас помочь ему с пациентами. Можно и мне помогать вам, доктор Коул?

У Шамана уже были помощники — Рэйчел и Сноходец. Но ему в голову пришло, что, хотя Кейсер и выглядел в точности так, как все остальные жители Тамы, он все же чувствовал себя здесь не очень уютно, и ему удобнее было общаться в компании гостей. Поэтому он сказал фермеру, что будет рад его помощи.

Они четверо напоминали странный маленький караван, переходящий от хижины к хижине, но вскоре поняли, что отлично дополняют друг друга. Благодаря знахарю им доверяли, к тому же он пользовался своими заклинаниями, что, несомненно, помогало во врачевании. У Рэйчел был с собой мешочек с карамелью, с помощью которого она легко завоевывала доверие детей. Руки Чарли Кейсера оказались невероятно сильными, поэтому он был полезен тогда, когда нужно было придержать пациента, чтобы тот не шевелился.

Шаман вырвал множество гнилых зубов, он больше смотреть не мог на отплевывающихся кровью пациентов, но все же был рад, что прекратил их ужасные мучения.

Он вырезал фурункулы и удалил почерневший от инфекции палец, в то время как Рэйчел со стетоскопом прослушивала легкие страдающих от кашля. Некоторым из них он прописал сироп, но остальные оказались настолько истощены болезнью, что он был вынужден сказать Сноходцу, что больше не может им ничем помочь. Проходя мимо хижин, Шаман заметил шестерых мужчин и даже нескольких женщин, которые лежали на земле в бессознательном состоянии. Сноходец пояснил, что здесь многие злоупотребляют виски, если умудряются его достать.

Шаман знал, что краснокожие страдают от болезней белых больше, чем от их пуль. Оспа принесла настоящую горе как этим лесным жителям, так и их равнинным собратьям, поэтому он привез с собой в Таму маленький деревянный ящичек со струпьями коровьей оспы.

Сноходец живо заинтересовался, когда Шаман сказал, что у него есть лекарство, которое спасет людей от оспы. Но ему оказалось довольно сложно объяснить, как именно оно работает. На руке здорового человека нужно было сделать глубокую царапину и вложить в нее струпья коровьей оспы. После этого на ней образуется маленький волдырь размером с горошинку. Волдырь превратится в серую язву, похожую на пупок, кожа вокруг нее воспалится и немного вздуется. После этой прививки пациент дня три проболит коровьей оспой, которую люди переносят значительно легче, чем ветрянку, но благодаря этому у него выработается невосприимчивость к этому смертельно опасному заболеванию. Привитых некоторое время будут мучить головные боли и лихорадка. После этого короткого недомогания язва еще больше увеличится и потемнеет, но после засохнет и отпадет через двадцать один день, оставив на коже розовый шрам.

Шаман попросил Сноходца объяснить все это местным и выяснить, кто из них хотел бы

получить такую прививку. У знахаря это не заняло много времени. По его словам, все захотели привиться от оспы, и они решили организовать эту процедуру для всего города.

Сноходец должен был следить за людьми, которые выстроились в очередь к белому доктору, и разъяснять каждому из них, что именно произойдет с ними в ближайшее время. Рэйчел сидела на высоком пне и двумя скальпелями резала струпья на маленькие кусочки в маленьком ящике. Когда к Шаману подходил очередной пациент, Чарли Кейсер просил его поднять левую руку, чтобы обнажить подходящее для прививки место у подмышки, которым пациент вряд ли сможет случайно удариться. Шаман брал острый скальпель, делал надрез на руке пациента и вкладывал в него крошечный кусочек струпа.

Процедура была несложной, но выполнять ее было необходимо с величайшей осторожностью, поэтому очередь продвигалась медленно. Когда солнце уже почти село, Шаман попросил сделать перерыв. Четверть жителей Тамы все еще не были привиты, но он сказал, что на сегодня закончил свою работу, и предложил им вернуться к нему утром.

Сноходец обладал природным чутьем преуспевающего баптистского священника, поэтому ночью он собрал всех жителей и предложил как-то отблагодарить гостей. Тут же разожгли праздничный костер, чтобы осветить поляну, на которой устроились прямо на земле жители города.

Шаман сидел справа от Сноходца. Маленький Волк расположился между Шаманом и Рэйчел, чтобы переводить им все, что потребуется. Шаман заметил, что Чарли подсел к стройной улыбающейся женщине, которая, как рассказал им Маленький Волк, осталась вдовой с двумя маленькими сыновьями.

Сноходец попросил доктора Коула рассказать им об их шамане, Маква-икве.

Шаман отлично понимал, что каждый из присутствующих здесь совершенно точно знает о сражении у реки Бэд-Экс больше, чем он. Но он начал свой рассказ среди огней костров с описания тех событий, которые произошли в том месте, где встречаются река Бэд-Экс и великая Миссисипи. Он рассказал о том, что среди павших тогда были мужчина, которого звали Зеленый Бизон, имя это Сноходец перевел окружающим как Аштибугва-гупичи, и женщина по имени Союз Рек, Матапья. Он рассказал, как их десятилетняя дочь, Нишври Кекави, Два Неба, вынесла своего маленького брата из-под огня сил Соединенных Штатов и поплыла вниз по *Масесибови*, держа в зубах мягкую кожу на шее брата, чтобы тот не захлебнулся.

Шаман рассказал, как девочка по имени Нишври Кекави нашла свою сестру, Высокую Женщину, и они вместе прятались в кустарнике, как испуганные лани, пока их не нашли солдаты. Один из них забрал истекающего кровью ребенка, и больше сестры его никогда не видели.

Он рассказал им, что двух девочек из племени сауков отдали в христианскую школу в Висконсине, и что Высокая Женщина понесла от одного миссионера, и что в последний раз ее видели в 1832 году, когда ее взяли служанкой белые хозяева одной фермы недалеко от форта Кроуфорд. А девочка по имени Два Неба сбежала из школы и добралась до Профетстауна, где она встретила шамана по имени Белое Облако, Вабокишик, который взял ее в свой вигвам и дал ей новое имя — Маква-иква, Женщина-Медведь.

Маква-иква стала шаманом своего народа. Ее изнасиловали и убили трое белых мужчин в штате Иллинойс в 1851 году.

Лица людей были печальны, но никто не плакал. Они привыкли уже к ужасным

историям о тех, кого любили.

Они стали передавать шаманский барабан из рук в руки по кругу, пока не подошла очередь Сноходца. Конечно, это был не тот барабан Маква-иквы, который пропал после того, как сауки уехали из Иллинойса, но он был очень на него похож. Вместе с барабаном индейцы передавали одну палочку, и теперь Сноходец поставил перед собой барабан и начал петь и бить в него, повторяя все время четыре быстрых ритмичных удара.

*Не-нье-ма-та-ва,
Не-нье-ма-та-ва,
Не-нье-ма-та-ва,
Ке-та-ко-ко-на-на.*

Я ударяю четыре раза,
Я ударяю четыре раза,
Я ударяю четыре раза,
Я ударяю в наш барабан четыре раза.

Шаман осмотрелся по сторонам и увидел, что люди поют вместе со знахарем; многие взяли в каждую руку по калекбасу и трясли ими в ритм музыки. Шаман вспомнил, как сам вот так тряс в детстве коробкой из-под сигар, наполненной кусочками мрамора.

*Ке-те-ма-га-йо-се лье-я-я-ни,
Ке-те-ма-га-йо-се лье-я-я-ни,
Ме-то-че-не — ни-о лье-я-я-ни,
Ке-те-ма-га-йо-се лье-я-я-ни.*

Приди и благослови нас,
Приди и благослови нас,
Приди и благослови свой народ,
Приди и благослови нас.

Шаман наклонился и приложил ладонь к кожаной стенке шаманского барабана. Когда Сноходец бил в него, доктор чувствовал, как под его пальцами гремит настоящий гром. Он вновь посмотрел на губы Сноходца и с удовольствием узнал песню, которую тот пел — это была песня Маква-иквы.

*...Ви-а-я-ни,
ни-на не-ги-се ке-ви-то-се-ме-не ни-на.*

...куда бы ты ни отправился,
сын мой, я пойду за тобой.

Кто-то принес еще дров и подбросил их в костер, из которого тут же взвился в черное

небо столб ярких искр. Из-за ослепительного света костра и теплой ночи у Шамана закружилась голова, а перед глазами заплясали огоньки. Он поискал взглядом жену, а найдя ее, решил, что ее матушка была бы не слишком довольна тем, как сейчас выглядела ее дочь. Рэйчел сидела с непокрытой головой, ее волосы были растрепаны, лицо блестело от пота, а глаза светились радостью. Она никогда еще не казалась ему более женственной, прекрасной и желанной. Он поймал ее взгляд и улыбнулся, когда она выглянула из-за плеча Маленького Волка, чтобы муж смог лучше разглядеть ее лицо. Ее голос наверняка утонул в бое барабана, но Шаман легко прочел все по ее губам. *Даже бизон был бы меньшим чудом!*

На следующее утро Шаман осторожно выскользнул из хижины, постаравшись не разбудить жену, чтобы искупаться в речке, пока ласточки стремительно летали над водой и ловили насекомых, а крошечные птенчики неуклюже порхали у его ног.

Солнце уже встало. На улице зазвучали детские крики и смех. Шаман шел по городку и видел то тут, то там босоногих женщин и мужчин, которые высаживали что-то в огородах, радуясь утренней прохладе. На краю поселения он столкнулся со Сноходцем и остановился поговорить с ним. Их непринужденная беседа необычайно походила на встречу двух местных сквайров во время утреннего осмотра своих владений.

Сноходец спросил его о похоронах и могиле Маква-иквы. Шаман чувствовал себя неловко, отвечая на такие вопросы.

— Я был еще мальчишкой, когда она умерла. Помню все не очень хорошо, — объяснил он.

Однако благодаря отцовскому дневнику он смог припомнить, что могилу Маквы рыли на рассвете, а похоронили ее где-то в полдень; тело женщины завернули в новую чистую простыню. Ногами тело повернули на запад. Вместе с ней в могилу положили хвост буйвола.

Сноходец одобрительно кивнул.

— А что находится в десяти шагах к северо-западу от ее могилы?

Шаман непонимающе взглянул на него:

— Я не помню. Не знаю.

Знахарь о чем-то крепко задумался, но потом рассказал, что тот старик из Миссури, которого можно было считать шаманом, рассказал ему об их традиции захоронения. Он объяснил, что в десяти шагах к северо-западу от места захоронения шамана должны жить *ватавиномы*, злые духи. Один из них всегда бодрствует, в то время как три остальных спят. По словам Сноходца, они не могут навредить Маква-икве, но если их оттуда не прогнать, они не дадут ей помогать тем живым, кто попросит ее о помощи.

Шаман тяжело вздохнул. Возможно, если бы его воспитывали в языческой вере, он бы смог проявить большую терпимость. Но сегодня всю ночь он беспокоился о тех пациентах, кому не успел помочь. Поэтому теперь он хотел поскорее закончить с прививками, чтобы успеть пораньше отправиться в путь и остановиться на ночь в той бухте, где они разбивали лагерь накануне.

— Чтобы прогнать духов, — продолжил Сноходец, — ты должен найти их обитель и сжечь ее.

— Да, я непременно сделаю это, — пристыженно пообещал Шаман, и Сноходец с облегчением вздохнул.

Пришел Маленький Волк и спросил, можно ли ему занять место Чарли-Фермера во время прививания местных жителей. Он сказал, что Кейсер уехал из Тамы еще ночью, сразу

после того, как потушили костер.

Шаман немного расстроился из-за того, что Чарли уехал не попрощавшись. Но он разрешил Маленькому Волку помочь ему, сказав, что у него наверняка все получится.

Они начали рано. Дело шло немного быстрее, чем в прошлый раз, потому что Шаман уже набил руку. Очередь пациентов почти иссякла, когда в город с шумом въехала пара гнедых коней, которые везли за собой огромную повозку. На козлах сидел Кейсер, а из повозки опасно выглядывали трое детей, которые с огромным интересом рассматривали сауков и мескуоков.

— Пожалуйста, сделай прививку и моим детям, — попросил Чарли, и Шаман ответил, что с радостью выполнит его просьбу.

Когда всем жителям Тамы и детям Чарли сделали прививки, Кейсер помог Шаману и Рэйчел собрать вещи.

— Я бы хотел изредка привозить детей к могиле Маква-иквы, — сказал он.

Шаман ответил, что будет рад гостям.

С Одиссеем они управились довольно быстро. Муж Карабкающейся Белки по имени Шемаго, Копье, подарил им подарок: целых три огромных бутылки из-под виски с кленовым сиропом. Бутылки были связаны между собой с помощью такой же лозы, какую Сноходец использовал в своем колдовстве. Коулы приняли их с искренней благодарностью. Шаман приторочил их к тюку с вещами, водруженными на спину Одиссея.

Оказалось, что попрощаться с ними вышел весь городок. Он пожал руку Сноходцу и пообещал, что они вернутся следующей весной. Затем он обменялся рукопожатиями с Чарли, Стремительной Черепахой и Маленьким Волком.

— Теперь мы будем называть тебя *Коусо вабескиу*, — торжественно объявил Маленький Волк.

Коусо вабескиу, Белый Шаман. Шаман чувствовал себя польщенным — он знал, что получил такое имя не из-за своего детского прозвища.

Многие люди подняли руки на прощание; Рэйчел и Шаман ответили индейцам тем же и выехали из Тамы по дороге, ведущей к реке.

Через четыре дня после их возвращения домой Шаман в полной мере почувствовал, что значило для деревни столь длительное отсутствие врача. В его амбулатории было не продохнуть, поскольку каждое утро он сталкивался с огромным наплывом пациентов. После окончания приема он ездил по домам больных, которые лечились у него, но не могли самостоятельно прийти. Шаман возвращался в дом Гайгеров поздно ночью, совсем без сил.

На пятый день, в субботу, поток пациентов немного уменьшился, так что Шаман смог работать в более спокойных условиях, а в воскресенье утром он проснулся в комнате Рэйчел, наслаждаясь долгожданной свободой. Как и всегда, он не хотел никого будить, поэтому взял свою одежду и унес ее вниз, в гостиную, где тихо оделся и вышел на крыльцо.

Он пошел по Длинной тропе и встретился в лесу с рабочими, которых прислал Оскар

Эриксон, чтобы подготовить местность к постройке нового дома и амбара. Дом собирались строить не в том месте, которое представляла себе в детстве Рэйчел. После осмотра указанного Шаманом участка Эриксон лишь покачал головой. К сожалению, мечтая о доме, маленькие девочки не всегда учитывают особенности ландшафта. Площадка для будущего дома, которая почти идеально соответствовала требованиям строительной науки, нашлась неподалеку. Рэйчел согласилась с тем, что сотня ярдов — это не слишком далеко от ее большой мечты. Шаман уведомил родителей Рэйчел, что все расходы по застройке он берет на себя, но Джей настоял на том, чтобы деньги за участок молодые приняли в качестве свадебного подарка. Они с Джем относились друг к другу с глубоким уважением и теплотой, потому довольно быстро пришли к соглашению.

Дойдя до участка, на котором должны были строить больницу, он увидел, что уже почти закончили земляные работы, предшествующие закладке фундамента будущего здания. Горы земли, лежащие вдоль будущих стен, походили на гигантские муравейники. Очертания фундамента показались ему меньше, чем он себе представлял, но Эриксон заверил, что так всегда бывает. Фундамент сделают из серого камня, который из самого Нову будут везти по Миссисипи в Рок-Айленд, а оттуда повозками, запряженными волами, — на строительный участок. Эта перспектива немного пугала Шамана, но опытный подрядчик сохранял полнейшее спокойствие.

Затем он прошел мимо старого дома Коулов, из которого вот-вот должен был съехать Алекс. Идя по Короткой тропе, он представлял себе, как скоро по ней будут ехать в новую больницу пациенты. Изменится многое. Он взглянул на парильню, которая почему-то смотрелась сейчас как-то не к месту. Он решил разработать подробный план и перенести парильню на другое место, поближе к новому амбару, чтобы Джошуа и Хетти тоже смогли попариться в ее необыкновенном тепле и пробежаться потом до прохладной речной воды.

Приблизившись к могиле Маква-иквы, он увидел, что деревянное надгробие настолько пострадало зимой от льда и снега, что надписи полностью стерлись. Образец этих письмен сохранился в одном из дневников отца, поэтому Шаман решил раздобыть более устойчивую краску и сделать для могилы оградку, чтобы она больше не рушилась от снега.

Повсюду зеленела весенняя травка. Он повыдергивал траву-бородач и партениум, которые пробивались среди зарослей лилейника. Шаман вдруг понял, что должен рассказать Макве о том, что ее народ основал Таму и вполне доволен своей жизнью в ней.

Тот испепеляющий гнев, который жег его душу, вмиг исчез. Теперь он ощущал лишь покой. Хотя... оставалось еще кое-что.

На какое-то мгновение он замер на месте. Потом по положению солнца определил стороны света и уверенно направился на северо-запад, отсчитывая шаги. На расстоянии десяти шагов находились руины *гедоносо-те*. Лонгхаус долгие годы был заброшен и теперь представлял собой груду бревен и палок из мягкого хинного дерева, сквозь которую проросли деревца изящной спартины и баптисии.

Это безумие — оставлять здесь обломки заброшенного дома. Он пошел обратно к сараю, где, как он помнил, хранилась старая керосиновая лампа. Масла в ней оказалось вполне достаточно. Он принес лампу к руинам и вылил керосин на кучу бревен. Дерево было влажным от росы, но от первой же спички вспыхнул керосин, и разгорелось пламя.

В один миг весь *гедоносо-те* охватили голубые и желтые языки пламени. К небу потянулись столбы иссиня-черного дыма. Ветер подхватывал их и уносил к реке.

Клубы черного дыма взорвались над руинами, как огромный фурункул, и первый злой

маниту, стоявший на страже, оторвался от земли и испарился. Шаман представил себе одинокий яростный вопль духа, его шипение и крики.

Так один за другим исчезли все три духа, которых столь дерзко разбудили и выгнали из их обители. Они взвились на крыльях чумной ярости над Шаманом, как голодные хищные птицы, которых отогнали от вожаемой добычи. Шаману показалось, будто он услышал легкий вздох со стороны могилы Маквы.

Он стоял к кострищу очень близко, чувствуя его жар, как тогда, на праздничной церемонии сауков. И вдруг представил картину, которую когда-то увидел молодой Роб Джей Коул, стоя на этом же месте — нетронутые прерии, раскинувшиеся между лесами и рекой. Он вспомнил всех, кто жил на этой земле — Макву, Луну, Идет Поет. И Олдена. По мере того как стихал огонь, он стал мысленно напевать индейский куплет:

Ти-л-я ке-ви-та-мо-не и-но-ки-и-и, ке-те-ма-га-во-се.

Духи, прошу вас, благословите меня.

Вскоре от кострища остался лишь тонкий слой пепла, который едва заметно дымился. Он знал, что вскоре здесь прорастет трава, и от старого *гедоносо-тене* останется и следа. Шаман вернулся к сараю, оставил там лампу и пошел в сторону дома.

На Длинной тропе он вдруг увидел маленькую девочку, разыскивающую его. Она все пыталась убежать от мальчика, который, похоже, упал и разбил себе коленку. По щекам мальчика катились слезы, он, не отходя ни на шаг, следовал за девочкой.

Шаман утер платком нос Джошуа и поцеловал его в коленку рядом со ссадиной, пообещав, что обработает ранку уже дома. Он усадил Хетти к себе на плечи, обнял Джошуа, и они вместе пошли домой. Эти дети были единственными божествами, которые были важны для него в этом мире. Эти два добрых духа навечно поселились в его душе. Хетти тянула его за уши, когда хотела, чтобы он ускорил шаг, и он тут же пускался рысью, совсем как Труды. Когда же она дергала его за уши так сильно, что ему становилось больно, он просил Джошуа придерживать сестру за ноги, чтобы та не упала, и пускался в галоп, как Босс. По пути домой у него в ушах звучала дивная мелодия — прекрасная, восхитительная, которую мог слышать лишь он один.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности и примечания

Сауки и мескуоки по-прежнему живут в городе Тама, штат Айова, на своей собственной земле. Их владения значительно расширились по сравнению с теми восемьюдесятью акрами, которые они изначально выкупили у правительства. Сегодня пятьсот семьдесят пять коренных американцев живут на трех тысячах пятистах акрах земли у реки Айова. Летом 1987 года я сам посетил Таму вместе со своей женой, Лоррен. Дон Вонати, который тогда занимал должность исполнительного директора племенного совета, и Леонард, Молодой Медведь, знаменитый художник этого народа, терпеливо ответили на все мои вопросы. Такую же честь оказали мне немного позднее и Мурэль Рэйсхилл, нынешний исполнительный директор, и Чарли Старый Медведь.

Я попытался представить все события Войны Черного Ястреба как можно ближе к реальным историческим фактам. Вождь Черный Ястреб (буквальный перевод его племенного имени Макатеме-шекиакак — Черно-белый Ястреб) — реальная историческая личность.

Шаман Вабокишик, Белое Облако, также существовал. В этой книге его биография немного видоизменена, в частности вымышлены события после его встречи с девушкой, которую позднее нарекли Маква-иквой, Женщиной-Медведем.

Используя в своей книге упрощенную лексику сауков и мескуоков, я всецело опирался на ряд ранних публикаций Бюро американской этнологии.

В первое время после основания благотворительной организации, известной как Бостонский диспансер, принципы ее деятельности были в точности такими, как я описал в своем романе. Мне дали консультацию и касательно заработной платы врачей, выезжавших по вызову на дом к пациентам. Хотя ставка заработной платы, указанная в моей книге, и совпадала с реальными заработками того времени, платить за подобные выезды стали лишь в 1842 году. В моем же повествовании Роб Джей уже несколько лет ездил по вызовам к бедным пациентам, получая за это определенную плату от больницы. В реальности до 1842 года работа врачом в Бостонском диспансере представляла собой что-то вроде неоплачиваемой интернатуры.

Условия, в которых владели существование беднейшие слои населения, были настолько ужасны, что молодые врачи выступили с протестом. Вначале они потребовали заработную плату, а затем отказались выезжать к пациентам в трущобы. Впоследствии диспансер переехал в казармы и получил статус клиники. Пациенты получили возможность самостоятельно приходить на прием к врачам.

К тому времени, когда мне довелось рассказать о деятельности Бостонского диспансера (в конце 1950-х — начале 1960-х я работал в старом бостонском отделении газеты «Геральд»), это заведение превратилось в серьезнейшую больницу с клиническим отделением. Она тесно сотрудничала с диагностической клиникой Пратта, детской городской больницей Бостона и медицинским колледжем им. Ч. Тафтса. В 1965 году вышеназванные учреждения объединились в единую структуру, которая сегодня известна как Медицинский центр Тафтса. Дэвид Нэйтан, бывший архивариус этого центра, и Кевин Ричардсон из отдела внешней политики щедро снабдили меня информацией и документальным материалом.

В процессе работы над романом «Шаман» я не ожидал, что поистине огромный объем

информации смогу почерпнуть, беседуя со своими друзьями, соседями и знакомыми, за что искренне им благодарен.

Эдвард Гулик рассказал мне о пацифизме и об Эльмире, что в штате Нью-Йорк. Элизабет Гулик поделилась своими мыслями об «Обществе друзей» и позволила ознакомиться с несколькими ее эссе о культуре квакеров. Дон Бакло, который занимается вопросами экономики природных ресурсов в Министерстве сельского хозяйства США, помог мне разрешить некоторые сложности в описании фермерского дела на Среднем Западе. Его жена, Денис Джейн Бакло, бывшая сестра Мириам, из управления гражданской обороны США, поведала мне о католичестве и повседневной работе монахини в монастыре.

Дональд Фитцджеральд одолжил мне свои справочники и подарил мне копию дневника своего дедушки, Джона Фитцджеральда. Во времена гражданской войны он в возрасте шестнадцати лет проделал путь из Роу, штат Массачусетс, в Гринфилд, чтобы поступить на службу в армию Союза. Джон Фитцджеральд служил в двадцать седьмом массачусетском полку волонтеров. После одного из боев он попал в плен к конфедератам и сумел выжить в нескольких лагерях для заключенных, включая Андерсонвилль.

Теодор Бобецки, фермер, чьи земли находятся по соседству с моими, рассказал мне о забое скота. Адвокат Стюарт Айзенберг поведал мне кое-что о системе освобождения под залог, которая практиковалась судами в девятнадцатом веке, а Нина Хейзер поделилась со мной своей коллекцией книг о коренных американцах.

Уолтер Уитни-младший показал мне копию письма, написанного двадцать второго апреля 1862 года Аддисоном Грэйвсом его отцу, Эбенезеру Грэйвсу-младшему из Эшфилда, штат Массачусетс. В этом письме он описывает свой опыт работы врачом на госпитальном судне «Беркут», которое перевозило раненых юнионистов из доков Питтсберга, штат Теннесси, в Цинциннати. Это письмо послужило значительным подспорьем для написания 48-й главы, в которой описывается работа Роба Джея Коула хирургом на «Боевом ястребе».

Беверли Пресли, сотрудница картоохранилища Университета Кларка, высчитывала по моей просьбе маршруты для реальных и вымышленных госпитальных судов, которые фигурировали в моей книге.

Факультет классического отделения колледжа Холи-Кросс помог мне с некоторыми переводами с латинского языка.

Ричард Яковски, доктор ветеринарии, адъюнкт-профессор кафедры патологии в ветеринарном медицинском центре Тафтса, который находится в северном Графтоне, штат Массачусетс, ответил на все мои вопросы, касающиеся анатомии собак.

Я очень признателен Массачусетскому университету в Амхерсте за то, что мне было позволено пользоваться всеми факультетскими библиотеками, а также Эдле Холм из кассы взаимопомощи этого университета. Я хочу поблагодарить Американское антикварное общество Вустера, штат Массачусетс, за то, что они разрешили мне ознакомиться с их коллекциями.

Я частенько прибегал к помощи Ричарда Вольфа, хранителя редких книг и рукописей, и Джозефа Гарланда, сотрудника библиотеки Гарвардской медицинской школы. Я благодарен за помощь сотрудникам Ламар-Саутерской библиотеки медицинской школы Массачусетского университета в Вустере, Бостонской общественной библиотеки и Бостонского атенеума.

Бернард Уокс из американского еврейского исторического общества Университета Брандейса поделился со мной информацией и результатами исследований касательно роты

«С» восемьдесят второго иллинойсского полка, «еврейской роты».

Своими знаниями идиша я обязан теще, Дороти Сэй.

Летом 1989 года мы с женой посетили некоторые места сражений времен Гражданской войны. В Шарлотсвилле профессор Ирвин Джордан-младший, архивариус Олдерманской библиотеки Университета Виргинии, радушно принял меня и помог найти информацию о больницах конфедератов. Условия работы врачей, битвы и события, описанные в «Шамане», полностью основаны на реальных фактах. Названия полков, в которых служил Роб Джей Коул, вымышлены.

Большую часть времени, в течение которого я писал эту книгу, Энн Лилли работала в библиотеке Нортгемптона и региональной библиотеке западного Массачусетса, которая находится в городе Хадли. Она часто собирала для меня информацию и привозила книги из обоих вышеназванных учреждений на дом. Также я хотел бы выразить благодарность Барбаре Заленски из Белдингской мемориальной библиотеки Эшфилда и сотрудникам мемориальной библиотеки в Конуэе, штат Массачусетс, за помощь, которую они оказывали мне в исследованиях исторических событий.

Американская федерация «Планируемая семья» поделилась со мной материалами о производстве и использовании презервативов в 1800-е годы. Роберт Кэннон, доктор медицины из центра по контролю заболеваемости Атланты, штат Джорджия, рассказал мне о лечении сифилиса во времена, описываемые в моей книге, а Американская ассоциация по болезни Паркинсона поделилась со мной литературой, посвященной лечению этого заболевания.

Вильям Макдональд, аспирант факультета металлургии Массачусетского технологического института, рассказал мне о металлах, используемых для изготовления оружия и инструментов во времена Гражданской войны.

Предположение, высказанное Джейсоном Гайгером в главе 72 касательно того, что случилось бы, если бы Линкольн позволил Конфедерации мирно отделиться от Союза, основано на точке зрения специалиста в области психографологии Гамалиэля Брэдфорда, которую он обосновал в биографии Роберта Ли («Американец Ли», Бостон, 1912).

Я хотел бы поблагодарить Денниса Гьердингена, президента школы для глухих Нортгемптона, штат Массачусетс, за предоставление доступа к библиотеке и занятиям этой школы. Ана Грист, бывший библиотекарь этого заведения, позволяла мне подолгу пользоваться необходимыми мне книгами. Особую признательность я хотел бы выразить Марджори Магнер, которая сорок три года своей жизни посвятила обучению детей с дефектами слуха. Она очень помогла мне и поделилась своими рукописями, в которых описывала методики обучения таких детей.

В написании книги мне помогли и несколько массачусетских врачей. Альберт Гикнис, доктор медицины, судебно-медицинский эксперт округа Франклин, штат Массачусетс, подробно обсудил со мной обстоятельства изнасилования и смерти, описанных в этой книге, и снабдил меня специальной литературой. Джоэль Морхед, доктор медицины, директор поликлиники при Сполдингской больнице и преподаватель реабилитационной медицины в медицинском колледже им. Ч. Тафтса, ответил мне на все вопросы касательно всяческих ранений и заболеваний. Вольфганг Джиллиар, доктор остеопатии, координатор реабилитационной медицины в реабилитационном центре «Гринери» и преподаватель в медицинском колледже им. Ч. Тафтса, рассказал мне о физиотерапии. Мой семейный врач Барри Порет, доктор медицины, всегда помогал мне в написании эпизодов, связанных с

лечением пациентов, и делился справочной литературой. Стюарт Джеффи, доктор медицины, старший уролог в больнице святого Винсента в Вустере, штат Массачусетс, и старший преподаватель урологии в медицинской школе Массачусетского университета, помог мне разобраться с анатомическими тонкостями и методикой литолапаксии.

Я благодарен своему агенту, Юджину Винику из «Макинтош энд Отис», за его поддержку и неутомимый энтузиазм и доктору Карлу Блессингу, коммерческому директору издательства «Дремер Кнаур» в Мюнхене.

«Шаман» — это вторая книга из трилогии о врачебной династии Коулов. Благодаря усилиям доктора Блессинга первая книга из этой трилогии, «Лекарь», стала бестселлером в Германии и других странах; именно он оказывал мне ценнейшую поддержку во время написания «Шамана». Не меньшую поддержку мне оказали Питер Мейер, Илэйн Костер и Роберт Дрессен из издательства «Penguin Books». Рэймонд Филипс проделал великолепную редакторскую работу.

Во многих отношениях «Шаман» — это семейный проект. Моя дочь, Лиз Гордон, редактировала книгу еще до того, как я передал ее в издательство. Она скрупулезно вычитывала каждую страничку, не стесняясь быть строгой с собственным отцом, и всегда от души поддерживала меня. Моя жена, Лоррен, помогала мне с подготовкой рукописи и, как всегда, щедро одаривала меня своей любовью и всесторонней поддержкой. Моя дочь, Джейми Бег Гордон, фотограф, помогала мне бороться со страхом перед камерой во время многочисленных шумных фотосессий, а также занималась размещением фотографий на обложках книг и в издательских каталогах. Она неустанно поддерживала меня своими письмами и открытками. Постоянные звонки от моего сына, Майкла Сэя Гордона, неизменно помогали мне тогда, когда мне это было так необходимо.

Эти четверо — самое важное, что есть у меня в жизни, и благодаря им моя радость от завершения этого романа становится в десятки раз сильнее.

Эшфилд, Массачусетс
20 ноября 1991 г.

notes

Бакборд — легкая четырехколесная повозка, платформа которой опирается на оси через длинные упругие доски (вместо рессор); на платформе имеется сиденье для кучера и низкие борта из металлических прутьев, к которым привязывают груз; на бакбордах ездили ранчеры, сельские почтальоны, врачи, торговцы и т. п.

Первая регулярная трансатлантическая линия (между Нью-Йорком и Ливерпулем). Открылась в 1818 г. Основателями были нью-йоркские купцы-квакеры. Действовала до 1878 г. Ее название связано с тем, что на флагах и парусах судов был изображен диск черного цвета.

Фамилия Старр созвучна слову *star* — звезда.

Рокки (*англ.*) — скалистый.

Цитата из трагедии «Антоний и Клеопатра» В. Шекспира приводится в переводе М. Донского.

Перевод Д. В. Щедровицкого.

Cough — кашлять (*англ.*).

Разбавленные водой крахмалистые вещества, подвергшиеся брожению.

Спокойной ночи, моя милая (*нем.*).

Синагога.

Благое дело, за которое полагается награда от Бога.

Кворум из 10 взрослых мужчин, необходимый для совершения публичного богослужения и коллективной молитвы.

С отличием (*лат.*).

С большой похвалой — вторая из трех степеней отличия при выпуске из университета или колледжа (*лат.*).

Популярные песни в США середины XIX века.

Капиллярная дисплазия кожи.

Патриотическая песня, написанная в 1798 году Дж. Хонкинсоном, более полувека считалась неофициальным гимном США.

Гимн штата Мэриленд. Песня написана уроженцем штата Дж. Рэндаллом в апреле 1861 г. в надежде на то, что Мэриленд присоединится к Конфедерации, и была одним из военных маршей южан.

Традиционный клич армии южан.

Конфедеративные Штаты Америки.

«Silent Night», популярный рождественский гимн.

Кошерная выпечка с миндалем.

Быт 18:7, Лк 15:23. Здесь указывается на древний обычай закреплять договор или завет следующим образом: вступающие между собою в завет рассекали тельца надвое и проходили между рассеченными частями, знаменуя тем свою готовность быть разделенными на части и самим, в случае если какая-то из сторон нарушит завет.

Да (нем.).

Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

По-английски «трепетун» звучит как «квaker» («quaker»).

Римлянам 12:19–20.

Матфея 5:4–9.

Ямим нораим, десять дней еврейского календаря между двумя великими праздниками Рош а-Шана и Йом Киппур.

Еврей (*искаж. нем.*).

Нет. Он просто хороший друг (*нем.*).

Очень забавно, очень весело (*фр.*).

Конец (*фр.*).